ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 2 (28)

2016

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (28) (2016): ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ/ ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Брянск: РИО БГУ, 2016. 270 с.

Председатель редакционной коллегии: ***Антюхов Андрей Викторович*** **-** ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», доктор филологических наук, профессор.
Главный редактор журнала: ***Степченко Татьяна Александровна*** **-** доктор педагогических наук, профессор.
Ответственный секретарь: ***Мельников Игорь Владимирович*** **-** кандидат биологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Богуславский Михаил Викторович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией Института теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна – доктор филологических наук, доцент, доцент Отделения Русистики и Славистики Латвийского университета, Латвия;

Ланин Борис Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша;

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и социального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

В данном выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы ученых по основным направлениям исследований. Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России» -40705 годовая

© РИО БГУ, 2016

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 2 (28)
2016

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

Chairman of editorial board: ***Andrey Viktorovich Antyukhov***, Rector of Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Doctor of Philological Sciences, professor
Chief editor: ***Tatyana Alexandrovna Stepchenko***, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Executive secretary: ***Igor Vladimirovich Melnikov*****,** Candidate of Biological Sciences, associate professor

Editorial board:

S.V. Artamoshin - Doctor of Historical Sciences, Dean of the History and International Relations faculty, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
N.A. Astashova – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Pedagogy department, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);
I.A. Bikkulova – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Philology faculty, Professor BSU (research area: science of literature);
M.Ya. Bloch – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department at MPGU (research area: linguistics);
S.F. Blumenau - Doctor of Historical Sciences, Head of the department of General History, International Relations and International Law, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
M.V. Boguslavsky – Doctor of Pedagogical Professor, Head of the laboratory Institute of the theory and history of pedagogics, RJSC (research area: pedagogical science);
A.P. Vasilenko - Doctor of Philological Sciences, Head of the French Language department, Professor BSU (research area: linguistics);
S.Ya. Gekhtlyar - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);
L.V. Gribanova - Candidate of Philological Sciences, associate professor BSU (research area: linguistics);
T.E. Demidova - Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, Professor BSU (research area: pedagogical science)
I. Dzhambov - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);
A.M. Dubrovsky - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);
S.V. Evteev – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the department of German, MGIMO (research area: linguistics);
R.O. Kurpniyetsa – Doctor of Philological Sciences, Associate professor Rusistiki and Slavic philology of the Latvian university, Latvia (research area: linguistics);
B.A. Lanin – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature FGNU (research area: science of literature);
L. Mikrut - Doctor of Philological Sciences, university of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);
S.I. Mikhalchenko - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);
M.V. Retivykh – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);
G.N. Rossikhina - Candidate of Philological Sciences, Dean of the faculty of Foreign Langauges, Professor BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);
S.A. Chugunova - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);
A.V. Sharavin - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);
L.A. Yadvirshis - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science)

© BSU, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аристов С.В.
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ: ПРОБЛЕМА И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ 11
Бенда В.Н.
СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ, АРТИЛЛЕРИИ И ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК, ИХ ЛИЧНОГО СОСТАВА В НАЧАЛЕ XVIII В. 16
Борисов В.И.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ ДЕЛОМ В РОССИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916) 23
Булгар С.С.
УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг. 28
Волкова Е.А.
ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 37
Востриков С.В.
«МОДЕРНИЗАЦИЯ» И ДИНАМИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ 41
Киселёв А.К.
ДИСКУССИИ О ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМАХ В СТРАНАХ ЕС НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ. 46
Колесников П.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 50
Корнацкий Н.Н.
К БИОГРАФИИ ЛИТЕРАТОРА И МЕЦЕНАТА Г.А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО 55
Кривчиков В.М.
МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ЗАПАСЫ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ НУЖД КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг. 63
Лобанов Г.В, Чубур А.А., Гурьянов В.Н., Тришкин Б.В., Ужакина А.П., Зверева А.Ю.
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ДАННЫХ О ПРИРОДЕ, ИСТОРИИ, ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ 68
Матсон О.О.
ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДИАСПОРЫ И ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА ГЕРМАНИИ В 20-21 ВВ. 75
Меер Е.С.
ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО СРЕДНЕГО КЛАССА В ТРУДАХ А. ГУДВИНА И ДЖ.М. ТОМПСОНА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 78
Молонова Е.П.
СТРУКТУРА МЕЩАНСКОЙ СЕМЬИ УЕЗДНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕУДИНСКА) 82
Сайфуллова Р.Р.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ) 85
Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О., Абдусаламов М.-П.Б.
КОМЕНДАНТ КРЕПОСТИ СВЯТОГО КРЕСТА: ПРАВА И ПОЛНОМОЧИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА КАВКАЗЕ (1722-1735 гг.) 88
Черниловский А.А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 20 – 30-Х ГОДАХ М.Н. ТУХАЧЕВСКИМ 92
Чибряков Я.Ю.
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МАЛЬЦОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (КАРТОГРАФО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ) 97

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антюхов А.В., Шаравин А.В.
СЛАВЯНСКАЯ КЛЯТВА: "ДА БУДЕТ МНЕ СТЫДНО!" В ТВОРЧЕСТВЕ А. К. ТОЛСТОГО..... 107
Ай Хуэйжун
КОМПОЗИЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ РОЛИ ХОРА В ПЬЕСЕ А.Н. АРБУЗОВА «ГОРОД НА ЗАРЕ»..... 111
Айрапетян Л.С.
ХРОНОТОП В РОМАНЕ К. ФУЭНТЕСА «КАМПАНИЯ»..... 114
Батюшкина М.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЖАНРА ТЕКСТОВ ЗАКОНОВ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ..... 118
Богданова О.В.
ОБРАЗ ДОКТОРА СТАРЦЕВА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ»..... 124
Пахтусова В.Н.
«ДОБРЫЙ, КРАСИВЫЙ ТУРГЕНЕВ…»: К ВОПРОСУ О ТУРГЕНЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.М.НАГИБИНА..... 127
Руднева И. С.
ИДЕЯ СЛАВЯНСТВА» В ИСТОРИЧЕСКИХ БАЛЛАДАХ А.К. ТОЛСТОГО..... 132
Салова О.И.
СБОРНИК РАССКАЗОВ А.Т. АВЕРЧЕНКО «БОРЬБА ЗА СМЕНУ»: ПРОБЛЕМАТИКА И АКТУАЛЬНОСТЬ..... 135
Щербакова Э.В.
ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ЛОНДОНА КАК ТЕКСТА В РОМАНАХ У. ТЕККЕРЕЯ «ЗАПИСКИ БАРРИ ЛИНДОНА», «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» И «НЬЮКОМЫ»..... 139

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Антонова М.Б.
О РОЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ АНГЛИЙСКИХ АДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН..... 144
Богинская А.П.
ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»)..... 149
Ветрова Э.С.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 156
Гейко Н.Р., Сиривля М.А.
ИМПЛИЦИТНЫЕ ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ..... 164
Демидова Д.Г.
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ..... 167
Иванова Н.И.
ЯЗЫКОВАЯ ДИСТРИБУЦИЯ В РЕПЕРТУАРЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА..... 170
Карапец В.В.
ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Г. ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ»..... 176
Кацитадзе И.М.
ЯДРО МИКРОПОЛЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ..... 181
Козлова Л.Н., Демидова М.М.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОСТИ ЛИЧНОСТНО-БЫТОВОГО ПИСЬМА В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»..... 184
Мележик К.А.
ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАТУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВА ФРАНКА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 187
Михалев Г.И.
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ БРЯНСКИХ ГОВОРОВ..... 191
Петрова Е.Ю.
К ПРОБЛЕМЕ НЕСОВПАДЕНИЙ ПЕРЕВОДОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ..... 193

Ревеко Л.С.
СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ ПО МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ)..... 198
Тимошенко Л.О.
РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ ГЕРОЕВ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»..... 206
Филатова Е.В.
СТРУКТУРА, ОБЪЁМ И АКТИВНОСТЬ СИНТАГМ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ..... 188
Цветкова Е.В.
ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ПО ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕЧЕНИЯ ВОДЫ 210
Черных М.А.
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ ПО ВОИНСКОМУ ЗВАНИЮ И ДОЛЖНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА..... 213
Шкапенко Т.М.
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ МЕЖДОМЕТИЙ 219
Шуверова Т.Д.
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ 222

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондарь М.А.
ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ В ДЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ 226
Гришина Е.В., Беляева И.В., Сорогина Т.И.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ УРОВНЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ 229
Демидова Т.Е., Чижевская И.Н., Чижевский А.Е.
СЕТЕВОЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНЫЙ КУРС КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ..... 233
Дидук И.А.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ..... 236
Емельянова Я. Б.
КОНЦЕПЦИЯ АВТОНОМНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 240
Жавнер Т.В., Воног В.В., Адольф В.А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ..... 245
Перова А.К., Ульянова Л.А.
ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ОСОЗНАНИЕ ЯЗЫКА, ОСОЗНАНИЕ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ОПЫТНОЕ ПОЗНАНИЕ..... 250
Ряховская А.Ю.
ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПРОЦЕССЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ 254
Трофименко Ю.В.
РАЗРАБОТКА И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ 257
Чернышова Н.А.
СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ КАК ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ..... 264

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aristov S.V.
COLLABORATION IN NAZI CONCENTRATION CAMPS: PROBLEM AND ITS INTERPRETATION 11
Benda V.N.
ESTABLISHMENT OF LOGISTICS SYSTEM OF THE RUSSIAN ARMY, ARTILLERY AND ENGINEERING FORCES, THEIR PERSONNEL IN THE EARLY 18TH CENTURY 16
Borisov V.I.
GOVERNMENT REGULATION THE FOOD BUSINESS IN RUSSIA IN THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1916) 23
Bulgar S.S.
PARTICIPATION OF GAGAUZ IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 28
Volkova E.A.
COVERAGE OF KEY ISSUES OF RUSSIAN HISTORY IN A JOURNALISTIC ESSAY F.M. DOSTOEVSKY 37
Vostrikov S.V.
"MODERNIZATION" AND DYNAMICS OF TERRORIST ACTIVITIES IN THE MIDDLE EAST: FEATURES OF PSYCHO POLITICAL PERCEPTION 41
Kiselev A.K.
SEARCH CONSENSUS ON PENSION REFORM SOLUTIONS AS ONE OF THE MAIN DIRECTIONS OF THE SOCIAL POLICY OF THE EU AT THE TURN OF XX-XXI CENTURIES 46
Kolesnikov P.A.
FORMING OF FUNDAMENTALS OF SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF GERMANY IN THE LIGHT OF MODERN SCIENTIFIC LITERATURE 50
Kornatsky N.N.
TO THE BIOGRAPHY OF THE WRITER AND PATRON G. A. KUSHELEVA-BEZBORODKO 55
Krivchikov V.M.
SOME ASPECTS OF THE STATE MOBILIZATION RESERVES OF FUEL AND LUBRICANTS FOR THE NEEDS OF RED ARMY ON THE TERRITORY OF BSSR MID-1930s 63
Lobanov G.V, Chubur A.A., Guryanov V.N., Trishkin B.V., Uzhakina A.P., Zvereva A.Yu.
HISTORICAL-GEOGRAPHICAL ATLAS AS A WAY TO INTEGRATE DATA ABOUT THE NATURE, HISTORY, THE ECONOMY OF THE REGION (ON THE UPPER DNIEPER BASIN EXAMPLE) 68
Matson O.O.
FORMATION OF THE RELATIONS OF MUSLIM DIASPORA AND TITLE ETHNOS OF GERMANY IN 20-21 CENTURIES 75
Meer E.S.
AN IMAGE OF REVOLUTIONARY MIDDLE CLASS IN STUDYINGS OF A. GOODWIN AND J.M. THOMPSON ABOUT THE FRENCH REVOLUTION AT THE END OF THE 18TH CENTURY 78
Molonova E.P.
THE STRUCTURE OF THE PHILISTINE FAMILY IN A PROVINCIAL SIBERIAN CITY IN SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF VERKHNEUDINSK) 82
Saifullova R.R.
PROFESSIONAL CHARACTERISTICS OF TEACHERS IN RUSSIAN EMPIRE IN SECOND HALF XIX CENTURY (ON THE MATERIALS OF VYATKA PROVINCE) 85
Chekulaev N.D., Murtazaev A.O., Abdusalamov M.-P.B.
THE COMMANDANT OF THE HOLY CROSS – THE RIGHTS AND AUTHORITIES AS REPRESENTATIVE OF RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE CAUCASUS (1722-1735) 88
Chernilovsky A.A.
FORECASTING OF WORLD WAR II IN 20 – THE 30TH YEARS M. N. TUKHACHEVSKY 92
Chibryakov Ya.Yu.
CARTOGRAPHIC AND STATISTICAL STUDY OF THE HISTORY OF THE MALTSOV RAILWAY .. 97

SCIENCE OF LITERATURE

Antyukhov A.V., Sharavin A.V.
SLAVIC OATH: "LET ME BE SHAMED " IN THE WORKS OF A.K.TOLSTOY 107
Ai H.
COMPOSITIONAL DESIGN OF LYRICAL ROLE OF CHORUS IN THE PLAY OF A.N. ARBUZOV «A CITY AT DAWN»..... 111
Hayrapetyan L.S.
THE CHRONOTOPE IN THE NOVEL K. FUENTES "CAMPAIGN"..... 114
Batyushkina M.V.
ON THE QUESTION OF DEFINING OF THE SUBGENRES OF TEXTS OF LAWS ON MODIFICATION 118
Bogdanova O.V.
THE IMAGE OF DOCTOR STARTSEVA IN A. P. CHEKHOV'S STORY "IONYCH" 124
Pakhtusova V.N.
“GOOD, NICE TURGENEV...”: REVISITING THE TRADITION OF I.TURGENEV IN THE WORK OF Y.NAGIBIN. 127
Rudneva I.S.
"THE IDEA OF THE SLAVS" IN THE HISTORICAL BALLADS A.K. TOLSTOY..... 132
Salova O.I.
COLLECTION OF STORIES "FIGHT FOR CHANGE" OF A.T. AVERCHENKO: PERSPECTIVE AND RELEVANCE 135
Sherbakova E.V.
THE MAIN SUBJECTS AND PROBLEMS OF LONDON AS TEXT IN W. THACKERAY'S NOVELS "NOTES BARRY LYNDON", "THE VANITY FAIR" AND "THE NEWCOMERS"..... 139

LINGUISTICS

Antonova M.B.
ON THE ROLE OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS IN THE FORMATION OF LEXICO-SEMANTIC ENGLISH ADJECTIVAL CATEGORIES..... 144
Boginskaya A.P.
THE PROBLEM OF TRANSMISSION OF POETIC FORMS (BASED ON THE FRENCH TRANSLATIONS OF "EUGENE ONEGIN")..... 149
Vetrova E.S.
ABOUT THE FEATURES OF SPEECH ETIQUETTE OF FAMILY COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF UKRAINIAN AND LEZGIAN LANGUAGES)..... 156
Geiko N.O., Sirivlya M.A.
IMPLICIT ASSESSMENT IN THE POLITICAL DISCOURSE..... 164
Demidova D.G.
ONTOLOGICAL MECHANISMS OF ACTUALIZATION OF CONCEPTUAL PATTERNS IN THE BRITISH POLITICAL DISCOURSE 167
Ivanova N.I.
THE LANGUAGE DISTRIBUTION IN THE REPERTOIRE OF THE SPEAKERS OF THE YAKUT LANGUAGE 170
Karapets V.V.
ON THE ISOMORPHISM OF SYNTACTIC STRUCTURES IN RUSSIAN TRANSLATION OF THE NOVEL OF FLAUBERT "MADAME BOVARY" 176
Katsitadze I.M.
THE NUCLEUS OF THE MICROFIELD OF DEFINITENESS OF NOUNS IN DIFFERENT GENRES OF MODERN RUSSIAN NEWSPAPERS 181
Kozlova L.N., Demidova M.M.
SOME PECULIARITIES OF TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO ENGLISH THE COLLOQUIAL MEANS OF EPISTOLARY GENRE IN L. ULITSKAYA`S NOVEL “DANIEL STEIN, INTREPRETER”..... 184
Melezhik K.A.
THE IDENTIFICATION FACTORS OF THE STATUS OF ENGLISH AS A LINGUA FRANCA FOR INTERNATIONAL COMMUNICATION 187
Mikhalev G.I.
LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION SEMANTICS RELATIVE ADJECTIVES IN THE DICTIONARY BRYANSK DIALECTS 191
Petrova E.Y.
TO THE PROBLEM OF TRANSLATION DISCREPANCIES THE ENGLISH-LANGUAGE MOVIE TITLES..... 193

Reveko L.S.
SYNONYMIC RELATIONS IN SPECIAL VOCABULARY (ON THE MATERIAL OF GERMAN METALWORK TERMS) ... 198
Timoshenko L.O.
THE ROLE OF FOREIGN AND BORROWED LEXICS IN THE DESCRIPTION OF THE HEROES OF THE NOVEL "RESURRECTION' BY L.N. TOLSTOY ... 206
Filatova E.V.
THE STRUCTURE, RANGE AND ACTIVITY OF SYNTAGMAS IN RUSSIAN AND ENGLISH SPEECH ... 188
Tsvetkova E.V.
THE LANGUAGE NOMINATION OF WATER BODIES OF KOSTROMA LAND GOING BY WATER CURRENT PECULIARITIES' CHARACTERISTICS ... 210
Chernykh M.A.
LEXICAL COMPATIBILITY NOMINATIONS OF PERSONS FOR MILITARY RANK AND POSITION IN RUSSIAN LANGUAGE OF THE XXI CENTURY ... 213
Shkapenko T.V.
ON THE PERFORMATIVITY OF INTERJECTIONS ... 219
Shuverova T.D.
LINGUISTIC AND SEMIOTIC ESSENTIALS OF DERIVED TEXT PRODUCTION ... 222

PEDAGOGICAL SCIENCES

Bondar M.A.
CREATIVE ACTIVITY OF SCHOOLCHILDREN IN THE CHILDREN'S PUBLIC ORGANIZATION: PEDAGOGICAL CONDITIONS ... 226
Grishina E.V., Belyaeva I.V., Sorogina T.I.
THE FORMATION OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF NON - LINGUISTIC STUDENTS OF THE UNIVERSITY BY MEANS OF LEVEL DIFFERENTIATION ... 229
Demidova T.E., Chizhevskaya I.N., Chizhevsky A.E.
NETWORK E-LEARNING COURSE AS A INCREASING MEANS THE LEVEL OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF SCHOOL PRINCIPAL IN THE ENERGY SAVING ... 233
Diduk I.A.
PEDAGOGICAL DYNASTY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON OF RUSSIAN EDUCATION: REGIONAL ASPECT ... 236
Emelyanova Ya.B.
THE CONCEPT OF THE AUTONOMY OF THE TRANSLATOR AS A PROFESSIONAL LANGUAGE USER ... 240
Zhavner T.V., Vonog V.V., Adolf V.A.
APPLICATION OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING OF STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALITIES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTES ... 245
Perova A.K., Ulyanova L.A.
THE INTERCULTURAL PERCEPTION FORMATION OF FUTURE TEACHERS OF FOREIGN LANGUAGES THROUGH THE LANGUAGE UNDERSTANDING, THE PERCEPTION OF CULTURE AND ITS SKILLED KNOWLEDGE ... 250
Ryakhovskaya A.Yu.
THE FORMATION OF REFLEXIVE SKILLS OF FUTURE TRANSLATORS IN THE PROCESS OF EDITING TEXTS TRANSLATED INTO RUSSIAN LANGUAGE ... 254
Trofimenko J.V.
DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF TECHNOLOGY STUDY GEOMETRICAL MATERIAL YOUNGER SCHOOLBOYS ... 257
Chernyshova N.A.
SYSTEMATIC CHANGES IN THE APPROACH TO THE STATE FINAL EXAMINATION AS A FACTOR OF TENSION IN THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM ... 264

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 301

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ: ПРОБЛЕМА И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аристов С.В.

Данная статья посвящена проблеме коллаборационизма в нацистских концентрационных лагерях. На основе анализа источниковой базы, автор приходит к выводу, что в большинстве случаев в концентрационных лагерях речь шла не о коллаборационизме, а о сотрудничестве - вынужденных действиях, не причинявших серьезного вреда интересам собственной страны. Тем не менее, когда выбор в пользу взаимодействия с нацистами делался добровольно, или масштабы преступлений были значительны, речь шла о коллаборационизме. Сотрудничество и коллаборационизм в концлагерях были представлены в нескольких сферах. В административной сфере они проявлялись в так называемом «лагерном самоуправлении». Наиболее масштабной сферой, в которой проявлялось сотрудничество узников с нацистами, являлась сфера экономики. С экономической сферой была связана и работа в лагерных борделях для заключенных. В военно-полицейской сфере функционирования концентрационных лагерей преобладал коллаборационизм. Узники вербовались в военные или охранные подразделения, как например «Дирлевангер». Участие в «зондеркоммандах», обслуживавших процесс уничтожения узников нацистами, являлось специфической формой принудительного сотрудничества, характерной лишь для концлагерей.
Ключевые слова: *коллаборационизм, нацизм, концентрационные лагеря, Третий рейх, оккупация, Вторая мировая война.*

Феномен коллаборационизма является на сегодняшний день одним из наиболее актуальных вопросов при изучении Второй мировой войны, как в отечественной, так и в зарубежной историографии [1; 2; 3; 4].

Однако, характеризуя различные сферы оккупационной политики нацистов, в которых проявлялся коллаборационизм, исследователи до сих пор в недостаточной степени обращали внимание на концентрационные лагеря. Данная статья является попыткой восполнить этот пробел, ответив на вопрос о правомочности применения термина «коллаборационизм» к местам массового уничтожения и эксплуатации миллионов заключенных. Источниковой базой предлагаемого исследования являются материалы различных отечественных и зарубежных архивов, как опубликованные, так и неизданные, а также мемуары бывших заключенных нацистских концентрационных лагерей.

Одна из наиболее распространенных исследовательских трактовок разделяет понятия «коллаборационизм» - сознательное, добровольное предательство и «сотрудничество» - вынужденные действия, не причинявшие серьезного вреда интересам собственной страны [1, с.5,815; 2, с.8,12]. Если следовать данной логике, то для описания концлагерного мира наиболее правомерным представляется использование понятия «сотрудничество», так как на первый взгляд ни о каком свободном выборе в концентрационных лагерях, где заключенные оказывались не по своей воле, и каждый их шаг был жестко регламентирован, не может быть и речи. Однако во всех ли случаях подобное утверждение правомерно? И не является ли рассматриваемый нами феномен более многогранным, чем кажется на первый взгляд.

Вынужденное сотрудничество с лагерной администрацией в условиях абсолютной зависимости узников было обязательным условием их выживания. Первая область, в которой оно могло осуществляться, может быть условно обозначена как административная. Главным ее проявлением было так называемое лагерное «самоуправление» - институт, появившийся в Дахау в 1933 г. и представлявший параллельную эсесовской иерархию управления заключенными, состоявшую из них самих. Организованное по принципу фюрера, то есть беспрекословного подчинения вышестоящему начальнику, оно управлялось старостой лагеря, который помимо общей координации повседневной деятельности заключенных имел право предлагать коменданту тех или иных узников, для назначения на различные посты: от писарей, готовивших документы для ежедневных перекличек – «аппелей» и так называемых «капо», руководивших деятельностью различных рабочих бригад, до старост блока – «блоковых», старших по части барака – «штубовых».

Возникновение системы лагерного «самоуправления» было обусловлено рядом причин. В первую очередь, нацистам не хватало персонала для контроля за деятельностью и организацией повседневной жизни заключенных. Это вынудило их использовать узников в процессе управления лагерями. Но как и любую другую вынужденную меру, нацисты максимально прагматично использовали пополнение лагерного аппарата управления узниками. Путем разжигания конфликтов между избранными лагерными «функционерами» и остальной массой заключенных, нацисты ослабляли возможности узников к сопротивлению и упрощали себе возможности управления концентрационными лагерями. Наконец, тот факт, что нацисты поручили эксплуатацию и убийства одних своих жертв другим, дистанцировал эсесовцев от собственных преступных действий. Этот механизм, как точно отмечал немецкий социолог Зигмунт Бауман, становился для нацистов «пилюлей, усыпляющей мораль» [5, с.44].

Хотя положение функционеров, их свобода действий в отношении остальных заключенных, зависели в первую очередь от решений, принимавшихся эсесовцами. Тем не менее, функционеры обладали немалой долей свободы, переходящей во вседозволенность [6]. Этому способствовал тот факт, что на время службы в «самоуправлении» они освобождались от издевательств и наказаний со стороны СС, не занимались тяжелым физическим трудом, имели лучшее питание, униформу, место в бараке. Один из бывших узников отмечал, что «между капо и простым узником была такая же разница, как между генералом и рекрутом» [7, s.23].

Изначально СС старалось использовать в «самоуправлении» представителей категорий, которые были не склонны к протестной деятельности, не имея на то ни идеологических убеждений, ни опыта. К таким группам относились «криминальные» (например, бывшие рецидивисты) и «асоциальные» (бездомные, проститутки и др.) заключенные немцы, австрийцы, позднее поляки. Тем более, что «политические» сначала отказывались от сотрудничества с нацистской администрацией в рамках «самоуправления», считая это предательством своих убеждений. Жестокость представителей «криминальных» и «асоциальных» категорий отмечалась как в подавляющем большинстве воспоминаний бывших узников [8], так и в мемуарах эсесовцев [9, с.72]. Издеваясь над солагерниками, убивая их, «криминальные» и «асоциальные» не только боролись за собственную жизнь за счет другого. Своей жестокостью они компенсировали годы притеснений, или, как минимум, изоляции, со стороны общества и государства, ассоциировавшихся в их сознании с «политическими» заключенными, а значит именно «политические» являлись для большинства «криминальных» и «асоциальных» не меньшим врагом, чем нацисты. Хотя, безусловно, в отдельных случаях имели место и факты сотрудничества данных категорий.

Однако начиная с 1942 года, когда массовая эксплуатация заключенных окончательно стала одной из главных целей нацистского руководства, ведущие позиции среди лагерных функционеров стали занимать «политические». Образованные, дисциплинированные, имевшие профессиональные навыки, они были необходимы нацистской администрации для эффективной организации рабочей силы заключенных. Кроме того, изменилась и идеологическая установка «политических» по отношению к факту сотрудничества с нацистами – они пошли на подобное взаимодействие, стремясь использовать его в своих целях. Теперь предателями считались не все, кто так или иначе сотрудничал с нацистами, а лишь те, чей факт предательства был признан другими заключенными. В реальности, подобный подход мог превращаться в избирательное отнесение влиятельными «политическими» одних заключенных к предателям, других к героям Сопротивления. В лагерях развернулась борьба за посты функционеров между категориями «криминальных» и «политических», в которой брали верх то одни, то другие.

Часть «политических», сотрудничая с нацистами, помогала узникам, даже старалась организовать Сопротивление. Староста Заксенхаузена – Гарри Науйокс отказался убивать заключенного по приказу одного из руководителей лагеря [10, p.71]. Он, как собственно и Ойген Когон, Герман Лангбайн, Ганс Маршалек – другие влиятельные «политические функционеры», взаимодействуя с нацистскими лагерными администрациями, являли собой пример поддержки нелегальной деятельности, направленной на помощь узникам. Таким образом, внешнее сотрудничество перерастало в скрытое противостояние.

С другой стороны, известны и такие факты, когда представители «политических», вели себя самым жестоким образом по отношению к своим солагерникам. Так заключенный Бем – бывший коммунист, дубинкой собственного изготовления убивал больных и нетрудоспособных узников Заксенхаузена, получая за это дополнительный паек и сигареты [11, с.296].

Элита «самоуправления» даже получила собственное название в лагерном языке - «аристократия». Ганс Маршалек – бывший узник Маутхаузена, описывал трех представителей лагерной элиты. Первый - секретарь лагеря – Лейтцингер, который требовал, чтобы почти каждый день ему готовили еду, аналогичную той, которая подавалась эсесовцам. Узник - парикмахер, ежедневно подстригавший его, должен был ползти на коленях от входа в блок до места, на котором восседал этот «хозяин». Келлер – староста лагеря, прозванный «Кинг Конгом» за свой более чем сто килограммовый вес, получил в собственное распоряжение комнату с радио, личного слугу, кухню и даже свинарник. Наконец, адъютант Далер, имевший в деревне рядом с лагерем любовницу, которую он посещал с ведома эсесовцев. Подобный «привилегированный класс» составлял от 5 до 10 процентов от общего числа узников [12, s.60-61]. Поведение представителей «аристократии» демонстрировало отнюдь не боязнь за собственную жизнь, а социальное превосходство над всей остальной массой заключенных. Устраивая из регулярных издевательств над узниками подобия зрелищ, отдельные представители элиты показывали, тем самым, свою избранность и власть. Таким образом, из принудительного сотрудничества возникал осознанный коллаборационизм.

Нацистская администрация прекрасно понимала, что имеющаяся у «функционеров» - заключенных свобода действий могла привести к организации подпольного Сопротивления. Поэтому в концентрационных лагерях была создана сеть шпионов, докладывающих о положении дел нацистам. Их поведение также в большинстве случаев основывалось на стремлении выжить, тем не менее, имелись и случаи, когда оно перерастало в коллаборационизм [13, с.257-262].

На оккупированной территории СССР в административную сферу управления концентрационными лагерями были включены местные коллаборационисты, не являвшиеся узниками. В Саласпилсе так называемыми «начальниками лагеря», или непосредственными заместителями коменданта, организовывавшими повседневную эксплуатацию и участвовавшими в уничтожении заключенных, являлись латыши Гудаковский и Виджус. Последний, занимая свой пост с октября 1942 г. по сентябрь 1944 г., всегда присутствовал при расстрелах, регулярно избивал заключенных, выезжал арестовывать людей и доставлял их в лагерь [13, с.31].

Следующей сферой, в которой нацисты принуждали заключенных к массовому сотрудничеству в концлагерях, являлась экономическая сфера. На начальном этапе функционирования лагерной системы работа заключенных не имела серьезной экономической выгоды для нацистов. Параллельно с использованием труда узников различными нацистскими организациями, городскими коммунами для тяжелой физической работы (разгрузка и добыча торфа, осушение болот и т.д.), широкое распространение получила и организация бессмысленной физической активности

узников - перенос камней с места на место, выкапывание и закапывание ям. Подобное положение было обусловлено теми функциями, которые выполняли лагеря в 1933-1934 гг. Являясь предшественниками концентрационных, они выполняли функции «перевоспитания» и деморализации политических оппонентов нацистов. В концлагерях на оккупированной территории Советского Союза подобные бессмысленные издевательства над узниками сохранились даже тогда, когда к 1942 г. основной стала функция «уничтожения трудом» - массовая беспощадная эксплуатация заключенных с целью получения максимальной выгоды для военной экономики Третьего рейха [14].

Растущая нехватка рабочей силы в условиях продолжающейся войны, привела нацистских руководителей к мысли увеличить число эксплуатируемых заключенных, в первую очередь, на военном производстве, так как к 1942 г. в этой сфере было задействовано лишь 10 % от общего числа узников. В результате, к 1945 г. уже 80% узников работали на военных предприятиях Третьего рейха [15, s.185].

Выжить в условиях перманентной, нещадной эксплуатации хотя бы в течение какого-то времени, мог лишь тот, кто оказывался в состоянии работать. Все остальные уничтожались либо сразу по прибытии в лагеря, либо после очередной проверки физического здоровья нацистскими врачами. Отказ от работы хотя и имел место, но был крайне редким явлением и карался нацистами. Советские военнопленные в концлагере Равенсбрюк в феврале 1944 г. в массовом порядке саботировали работу на военном предприятии в одном из филиалов, за что были жестоко наказаны [16, с.160-163]. В том же Равенсбрюке, в декабре 1939 г. убежденные пацифистки - Свидетельницы Иеговы - приняли решение не работать на производстве, связанным с войной. За это по приказу коменданта они были отправлены в бункер, получили урезанный паек [17]. В дальнейшем, часть из них была уничтожена в ходе акции «14f13», депортирована в газовую камеру Аушвица или расстреляна.

Расширение количества эксплуатируемых узников и стремление к повышению производительности труда, привело нацистское руководство к мысли о введении ряда стимулов для работающих заключенных. Для большинства категорий было разрешено получение посылок, организовывалась пропагандистская досуговая деятельность, выплачивались «премии». Одним из инструментов стимулирования узников по мнению нацистов должно было стать и создание лагерных борделей, первый из которых появился в 1942 г. в Маутхаузене. В результате возникла еще одна форма принудительного сотрудничества с врагом, на сей раз в половой сфере.

Посещение лагерных борделей первоначально разрешалось лишь узникам-немцам. Позднее к ним добавились иностранцы, однако в подавляющем большинстве случаев это были представители той самой лагерной «аристократии», имевшей и физические силы, и деньги – 2 рейхсмарки, для посещения борделей. Советским военнопленным и евреям нацисты запрещали пользоваться борделями.

Немецкий исследователь Роберт Зоммер, занимающийся данной проблематикой, отмечает, что количество принудительно работавших в лагерных борделях женщин составляло около 210 [18, s. 287]. Подавляющее большинство - немки, принадлежавшие к категории «асоциальных», но были также польки, несколько узниц из Советского Союза. В силу расовых представлений нацистов, в них никогда не было евреек. Женщинам, многие из которых до заключения в лагерь занимались проституцией, или были осуждены за сексуальные связи с иностранцами, лагерная администрация обещала освобождение после полугода подобной работы. Находившиеся в удрученном душевном состоянии и тяжелейших условиях заключения, женщины соглашались, стремясь в первую очередь выжить. Беспощадная сексуальная эксплуатация узниц приводила к тяжелейшим заболеваниям, глубоким психологическим травмам. Более того, многие из них подвергались принудительной стерилизации и абортам.

Особенной формой вынужденного сотрудничества узников с нацистами в концентрационных лагерях являлась деятельность «зондеркоманд», обслуживавших газовые камеры и крематории, а также участвовавших в уничтожении трупов в ходе «Акции 1005», в лагерях на оккупированных территориях СССР.

В концлагерях Германии и Польши члены этих «особых команд», отбирались из числа наиболее физически здоровых и сильных заключенных, только лишь прибывших в лагерь, в тот момент, когда они еще не смогли минимально адаптироваться к окружающей действительности и были готовы, как отмечает Примо Леви, «ухватиться за любую возможность, чтобы избежать ада» [19, с.41]. Формировались команды преимущественно из евреев разных стран, в меньшей степени поляков и русских военнопленных, и выполняли самую грязную и тяжелую работу по уничтожению заключенных. В Аушвице, например, за свою деятельность они получали одежду, дополнительный паек, выпивку, возможность читать, размещались в отдельных, охраняемых бараках. Бывший узник, ассистент Менгеле - Миклош Нишли, являвшийся помимо прочего лечащим врачом этой «особой команды», вспоминал даже о футбольном матче между ними и нацистами [20, p.51]. Узники старались избегать членов «зондеркоманд» вероятно в силу нескольких причин. Во-первых, часть заключенных видела в них предателей, коллаборационистов, поступившихся всеми моральными принципами и помогавших нацистам в уничтожении таких же, как и они - узников. Во-вторых, узники избегали общения и с так называемыми «мусульманами» – заключенными, находившимися в предсмертном состоянии психической и физической деградации, по сути «живыми мертвецами». «Мусульмане» как и члены «зондеркоманд», по всей вероятности, представлялись остальным узникам как наихудшие возможные варианты развития их собственного существования в лагере. Страх стать такими же, отталкивал людей как от одних, так и от других, оставляя их один на один со смертью и с тайнами нацистских преступлений.

Узники «особых команд» знали, что они обречены. Некоторые из них завершали жизнь самоубийством, не выдерживая того уровня давления, которое им приходилось испытывать. Другие не соглашались выполнять подобную «работу». Известным случаем отказа от этой деятельности была история группы греческих евреев из

400 человек, которые в полном составе отклонили участие в «зондеркомманде» Аушвица и впоследствии были уничтожены [19, с.47]. Другие узники сопротивлялись, совершая попытки восстания, как это было в Аушвице, Сырецком и Яновском лагерях на Украине.

Но подавляющее большинство продолжало исполнять то, к чему их принуждали нацисты, стремясь выжить любой ценой. Так на вопрос одной из заключенных члену «зондеркомманды»: «Как он может выполнять подобную работу изо дня в день?», он ответил: «Вы действительно думаете, что я добровольно согласился на эту работу? Конечно, я мог бы пойти на ограду (совершить самоубийство) как многие товарищи. Но я хочу выжить. Может быть произойдет чудо! Мы будем освобождены сегодня или завтра. Тогда я смог бы отомстить, будучи непосредственным свидетелем их преступлений» [21, p.194].

Формой сотрудничества с нацистами, которая могла трансформироваться в коллаборационизм уже вне лагерей, являлось рекрутирование заключенных в военные и полицейские подразделения. Как и во всех вышеперечисленных случаях находились те, кто принципиально отказывался взаимодействовать с нацистами, однако не мало было и тех, кто в силу разных причин, соглашался.

Характерным примером нацистских формирований, в которые набирались узники, была дивизия «Дирлевангер». Сформированная в 1940 г., она на протяжении первых нескольких лет состояла преимущественно из браконьеров. Лишь с июля 1942 г. в нее были впервые рекрутированы несколько узников концлагерей. Массовый же набор заключенных начался только летом 1943 г. [22, s.253-254]. Сборным пунктом стал Заксенхаузен. Первое время нацисты набирали добровольцев из категорий «профессиональных преступников» и «асоциальных». Тадеуш Боровский – бывший узник Аушвица вспоминал как заключенные, отобранные для дивизии «Дирлевангера» из убийц и преступников, причинявших немало страданий заключенным в лагере, учились ходить строем, разучивали патриотические песни [21, p.161]. Однако свидетельства бывших узников-участников данного военного формирования показывают, что в ряде случаев ни о каком добровольном наборе не было речи. В конце 1944 г. к группам заключенных, из которых можно было производить набор в дивизию – к «криминальным» и «асоциальным», добавились «политические». По распоряжению Гиммлера, во всех основных концентрационных лагерях было отобрано 1910 узников из бывших политических оппонентов, которые «по мнению комендантов лагерей внутренне переродились и желают доказать это, посредством участия в борьбе великогерманского рейха» [22, s.257]. В реальности же подобные призывы к добровольному участию проявились в принудительной отправке «политических» заключенных в дивизию. «Политические» могли договариваться между собой, что в случае если они окажутся в данном военном формировании, будут саботировать различные предписания нацистов, что и происходило во многих случаях [21, p.162].

Дивизия «Дирлевангер» стала наиболее известным военным формированием, в котором принимали участие заключенные концлагерей, но не единственным. Так имеются свидетельства о формировании из узников Саласпилса вспомогательных и военных батальонов в 1944 г. [13, с.28]. Члены «лагерного самоуправления» Сырецкого концлагеря в Киеве имели возможность за свои «заслуги» быть освобожденными из заключения и даже получить рекомендацию коменданта для работы в местной полиции [23].

Наконец в сферу военно-полицейского взаимодействия с нацистами, входила деятельность коллаборационистских частей, охранявших концентрационные лагеря на оккупированных территориях. Представители данных подразделений помимо охраны лагерей участвовали в карательных акциях против местного населения и расстрелах заключенных. Они не были узниками концлагерей, но в большинстве случаев являлись бывшими военнопленными, согласившимися на сотрудничество с врагом. Как справедливо подчеркивал Примо Леви: «коллаборационисты - бывшие враги – ненадежны по своей природе: предав однажды, они способны предать снова. Поэтому отвести им второстепенную роль недостаточно, надо повесить на них вину, запачкать кровью, сделать из них соучастников преступлений, чтобы отрезать путь назад» [19, с.34].

Самым известным формированием, охранявшим концентрационные лагеря и принимавшим участие в многочисленных преступлениях, являлось подразделение «Травники» - коллаборационистское формирование, принимавшее активное участие в уничтожении евреев в рамках «операции Рейнхардт», охране Аушвица, Штутгофа, Яновского концентрационного лагерей [24].

Однако и помимо «травников» другие коллаборационистские формирования также принимали активное участие в охране концентрационных лагерей. Например, в Моглинском лагере «особая» эстонская рота осуществляла расстрелы военнопленных, цыган, евреев, начиная с 1942 г. Как отмечал бывший охранник лагеря Виктор Тейнбас, участие в расстрелах было делом добровольным: «В общем, кто был на месте – все шли. На месте расстрела кто хотел – шел расстреливать, кто хотел – в оцепление. Перед этим всем давали выпить водки». По-поводу употребления спиртного в этих случаях один из охранников Моглинского лагеря цинично отмечал: «По пьянке расстреливать – как лепешки печь. С трезвой головой это дело хорошо бы не шло» [25, с.56].

В лагере на территории бывшего совхоза «Красный» (рядом с Симферополем) в распоряжении руководства находился 152-ой татарский батальон добровольцев так называемой «вспомогательной полиции порядка». Многие его члены являлись бывшими солдатами Красной Армии, оказавшимися в плену и в дальнейшем согласившиеся сотрудничать с оккупационной властью [26]. Татарский батальон проходил подготовку в Джанкое, а в январе 1943 г. был передислоцирован в Симферополь, для охраны лагеря. Участники батальона, будучи задействованы в кампаниях против партизанского движения, осуществляли карательные акции против гражданского

населения в Симферопольском, Бахчисарайском и Зуйском районах Крыма [27]. Арестованных в ходе этих акций местных жителей солдаты переправляли в концентрационный лагерь. Кроме того, батальон принимал непосредственное участие в ликвидации концентрационного лагеря в совхозе «Красный», когда в ходе массовых расстрелов в ноябре 1943 г. и апреле 1944 г. все находившиеся там заключенные (минимум 3 500 человек) были убиты.

Анализ универсума нацистских концентрационных лагерей, учитывая всю его противоречивость и жестокость, крайне тяжело охарактеризовать с помощью каких бы то ни было понятий и интерпретационных моделей. Поведение подавляющего большинства заключенных в концентрационных лагерях характеризовалось как вынужденное, принудительное сотрудничество с нацистами, целью которого было выживание любой ценой. Однако и коллаборационизм, подразумевающий добровольное предательство, имел место в условиях всеобщего принуждения, становясь, в ряде случаев, этапом следовавшим за сотрудничеством. Поведение так называемой лагерной «аристократии» являлось тому показательным примером. Тем не менее, в первую очередь, данный термин все же характеризует поведение узников, оказывавшихся на свободе за счет добровольного согласия сотрудничать, как это было с рядом заключенных дивизии «Дирлевангер», а также предателей, охранявших концлагеря, и при этом участвовавших в уничтожении заключенных.

Возникавшие в концлагерях принудительное сотрудничество и коллаборационизм были представлены в административной, экономической, половой, военно-полицейской сферах. Участие в «зондеркоммандах», обслуживающих процесс уничтожения узников нацистами, являлось специфической формой, характерной лишь для концлагерей.

Однако, анализируя такой противоречивый феномен как коллаборационизм / сотрудничество в концентрационных лагерях, чтобы избежать крайностей в выводах, следует учитывать две позиции, выраженные бывшими узниками. Одна из них – мнение всемирно известного психолога Виктора Франкла, который отмечал, что «в концлагерях мы наблюдали, что некоторые вели себя, как свиньи, другие, как святые. Человек заключает в себе обе возможности; какая из них реализуется, зависит от принимаемых решений, а не от внешних условий» [28, с.279]. В этом и заключается «последняя свобода человека», которую, по мнению Франкла, невозможно отнять никому. Вторая же точка зрения была высказана Примо Леви: «Поспешное осуждение всех подряд уместно не во всех случаях. Основная вина бесспорно лежит на системе, на самой структуре тоталитарного государства; степень же вины отдельных коллаборантов, как крупных, так и мелких (в равной степени отвратительных и бесчестных), определить нелегко. Судить их могут лишь те, кто сам находился в схожих обстоятельствах и на себе испытал, что значит существовать в условиях принуждения» [19, с.35].

This article is devoted to the problem of collaboration in nazi concentration camps which was still not considered in a complex neither in Russian, nor in a foreign historiography. On the basis of the analysis of sources and taking into account actual scientific researches, the author comes to the conclusion that in most cases in concentration camps it was not a question of collaboration, but this one of cooperation. Cooperation is understood as the necessary actions which were not doing serious harm to interests of own country. Nevertheless, in some cases, when the choice for interaction with nazis was made voluntary, or scales of crimes were considerable, it was a question of collaboration. Cooperation and collaboration in concentration camps were presented in several spheres in different degree. In the administrative sphere they were shown in so-called "camp self-government" - the hierarchy of prisoners created by CC of prisoners in order to make simpler the management of concentration camps. The most large-scale sphere in which cooperation of prisoners was shown, was the economic sphere. Forced labor of prisoners became the most important element of economy of the Third Reich since 1942. Sexual cooperation is connected with the economic sphere – work in camp brothels for prisoners which nazis created to increase the "efficiency" of their work. In the military and police spheres of concentration camps functioning the collaboration prevailed. So prisoners were hired in military divisions, such as "Dirlevanger", or security formations. Collaborationist formations played an important role in protection of concentration camps. At last, participation in "Sonderkommandos", serving the destruction process of prisoners by nazis, was a specific form of compulsory cooperation, characteristic only for concentration camps.
Keywords: *collaboration, Nazism, concentration camp, Third Reich, occupation, World War II.*

Список литературы

1. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: 2000. 862 с.

2. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. 372 с.

3. Littlejohn D. The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in German-Occupied Europe, 1940–45. London, 1972. 391 p.

4. Okkupation und Kollaboration (1938 - 1945). Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik / Hrsg. Werner Röhr. Berlin; Heidelberg, 1994. 632 s.

5. Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: 2010. 311 с.

6. Протокол судебного заседания // Галузевий державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 5. Д. 46772. Л. 71об.

7. Kaienburg H. Freundschaft? Kameradschaft?... Wie kann das möglich sein? Solidarität, Widerstand und die Rolle der „roten Kapos“ in Neuengamme // Abgeleitete Macht: Funktionshäftlinge zwischen Widerstand und Kollaboration. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 4. Bremen, 1998. S. 18-50.

8. Rote - Schwarze - Grüne // Archiv Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück (ARa.) Bestand E. Buchmann. Band 42. Bericht 986. S. 2.

9. Освенцим в глазах СС. Освенцим, 1975. 307 с.

10. Liebe Mutti. One Man's Struggle to Survive in KZ Sachsenhausen, 1939 -1945. University Press of America, 2004. 137 p.

11. Котек, Ж. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение / Ж. Котек, П. Ригуло. – М.: 2003. 686 с.

12. Maršálek H. Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation. Wien, 1980. 374 s.

13. Приговоренные нацизмом. Рига, 2011. 288 с.

14. Протокол допроса свидетеля Долинера И. Я. // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д. 1. Л. 53.

15. Kaienburg H. Zwangsarbeit: KZ und Wirtschaft im Zweiten Weltkrieg // Hrsg. Benz W., Distel B. Der Ort des Terrors Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. München: Verlag C.H. Beck oHg, 2006. Band 1. S.179-194.

16. Они победили смерть. М., 1959. 256 с.

17. Erlebnisse der Zeugen Jehovas in den Frauen-Konzentrationslagern. Hartmann B. // Archiv Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück. Bestand E. Buchmann. Band 25. Bericht 332. S. 3.

18. Sommer R. Das KZ-Bordell: sexuelle Zwangsarbeit in nationalsozialistischen Konzentrationslagern. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009. 445 s.

19. Леви П. Канувшие и спасенные. - М.: 2010. 195 с.

20. Nyiszli M. I was Doctor Mengele's Assistant. Oswiecim, 2001. 195 p.

21. Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2004. 549 s.

22. Auerbach H. "Die Einheit Dirlewanger" // Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte. Vol. 10. N. 3. 1962. S. 250-263.

23. Протокол допроса обвиняемого Быстрова В.В. // ГДА СБУ. Ф. 7. Оп. 8. Д.1. Л.120.

24. Кудряшов С. Травники. История одного предательства (16.03.2016) // [Электронный ресурс] / URL: http://www.promreview.net/moskva/travniki?page=0,0; Skorohod Case // United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG. – 31. 018M.

25. Алексеев Ю. Моглинский лагерь: история одной маленькой фабрики смерти (1941-1944). М.: 2011. 206 с.

26. Обвинительное заключение по делу Умярова Х. (29.04. 1944 г.) // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG - 31.018M. Folder 56. P. 32; Заключение по уголовному делу № 18 720 в отношении Земляникина С.С. // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG - 31.018M. Folder 56. P. 56-57.

27. Протокол допроса свидетеля Ярыгина П.С. // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG - 31.018M. Folder 56. P. 12-12 (об.).

28. Франкл В. Доктор и душа. Санкт-Петербург, 1997. 285 с.

Об авторе

Аристов Станислав Васильевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского областного гуманитарного института (Подольск), *aristov_stanislav@hotmail.com*

УДК 94(47).05

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ, АРТИЛЛЕРИИ И ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК, ИХ ЛИЧНОГО СОСТАВА В НАЧАЛЕ XVIII В.

Бенда В.Н.

До начала второго десятилетия XVIII в., в России отсутствовали какие-либо органы государственного или военного управления, отвечающие за централизованное обеспечение русской армии, в т.ч. входящего в её состав артиллерийского корпуса, всеми необходимыми видами довольствия. В статье рассматриваются отдельные аспекты проблемы обеспечения русской армии финансовым, продовольственным и другими видами довольствия в начале XVIII столетия. Особое внимание автор уделяет вопросам деятельности органов государственного и военного управления российского государства по организации снабжения армии в целом и отдельных родов войск финансовым средствами и продовольственным обеспечением. Анализируются расходы государственной казны по финансовому, продовольственному и другим видам довольствия личного состава армии и отдельных её частей.

Ключевые слова: *XVIII в., Петр I, армия, штаты, Приказ артиллерии, полевой артиллерийский полк, снабжение, финансовое и продовольственное обеспечение.*

В предыдущих наших работах мы уже рассматривали некоторые вопросы денежного и материального обеспечения отдельных категорий личного состава как русской армии в целом, так и входящих в её состав артиллерийского и инженерных корпусов в указанный период [5; 6 и др.].

Следует заметить, что исследованию этой проблемы посвящены ряд источников, опубликованных как в дореволюционный, так и в современный период.

Среди них, в первую очередь, следует отметить труды Д.П.Журавского[18], Н.Е.Брандербурга[13], Н.И.Соловьева[24], П.Милюкова[20] в которых авторами с различной степенью детализации рассмотрены общие вопросы разнообразных видов снабжения русской армии, артиллерии и инженерных войск в первой половине XVIII в. В этом же ряду выделим работы А.З.Мышлаевского[21] и Д.Ф.Масловского[19], П.О.Бобровского[10; 11; 12] и

других авторов, содержащих фрагментарные сведения по некоторым аспектам осуществления довольствия русских войск. Более детально рассмотрена организация вещевого обеспечения личного состава русской армии, в т.ч. артиллерии и инженерных войск, в работе А.В. Висковатова[14].

Ряд советских и современных историков и исследователей продолжили разрабатывать проблемы, связанные с финансовым и материально-техническим обеспечением русской армии в XVIII столетии. Это работы С.М.Троицкого[25], Л.Г.Бескровного[9] и других авторов. Современные исследователи также уделяют внимание выше обозначенным проблемам. В частности, В.В.Анисомов в своем исследовании рассмотрел вопросы, связанные с деятельностью государственных органов по правовому обеспечению снабжения русской армии в XVIII в. [1], а И.Г.Дуров проанализировал проблемы вещевого обеспечения военных и морских чинов в XVIII в. [17].

Как видно из вышеизложенного, обозначенной теме посвящена довольно обширная историография. Однако, в данной статье мы не ставим перед собой задачу проведения детального историографического анализа проблемы обеспечения русской армии всеми видами довольствия в XVIII в. Целью данного исследования является систематизация, а также существенное расширение и дополнение уже имеющихся данных по указанным вопросам с учетом результатов наших предыдущих научных исследований и на основе итогов изучения новых архивных и других источников, проведенных нами в последнее время.

Следует обратить внимание на тот факт, что каких-либо централизованных органов и должностных лиц в составе русской армии, отвечающих за организацию и контроль обеспечения войск продовольствием и фуражом до 1711 г. не было. Не было издано также никаких указов, инструкций и других документов, регламентирующих общий порядок организации обеспечения как русской армии в целом, так и артиллерийского и инженерного корпусов денежным, продовольственным и другими видами обеспечения и их размеры.

В этой связи можно отметить лишь отдельные нормативные документы (указы), изданные до 1711 г., в соответствии с которыми определялся тот или иной вопрос денежного или продовольственного обеспечения военнослужащих русской армии.

В начале обратим внимание на один из таких документов, позволяющий узнать в каких размерах и объемах обеспечивались «командировочными расходами» 10 стольников во главе с подполковником Преображенского полка князем Никитой Репниным, направленных в соответствии с указом Петра I в 1700 г. в «…низовые города для прибору в солдатскую службу вольных людей» [11, с.239]. Так вот, в так называемых низовых городах им, т.е. всей команде, полагалось выделять в «скоромные дни» (понедельник, вторник, четверг, суббота и воскресенье – *В.Б.*) ***на день*** по барану или вместо барана по 10 фунтов говядины (1 фунт примерно 0,457 кг. – *В.Б.*), а также на каждый день по гусю и три курицы, по 3 фунта масла.

На неделю команде полагалось выдавать по полу-четверику (примерно 26,24 л. – *В.Б.*) муки пшеничной, по четверику гречневой крупы, по полу-осьмине солоду ржаного (примерно 52-53 литра – *В.Б.*).

В постные дни вместо продовольственных припасов полагалось выдавать деньги на каждого человека по 10 алтын (1 алтын – 3 копейки – *В.Б.*).

В таблицах 1 и 2 нами приведены данные, показывающие общие расходы государственной казны на выплату денежного и продовольственного жалования всему личному составу русской армии в целом и в частности офицерскому, унтер-офицерскому и рядовому составу Преображенского полка в 1701 г.

Таблица 1

Расходы на выплату денежного и продовольственного жалования личному составу русской армии в 1701 г. [20, с.118-119]

Рода войск входящие в состав русской армии	Общее количество личного состава	Денежное жалование (на год)	Хлеб, *четвертей* (1 четверть – 196,57 кг.- *В.Б.*)	Соль, *пуд* (1 пуд - 16,38 кг.- *В.Б.*)
Штаб (начальным людям) третной оклад	2078	105206 р.	11148	3121
Пехота (солдаты)	59485	565279 р.	192133	33036
Пехота и конница (стрельцы и казаки)	32667	161785 р.	328094	36254
Конница:				
- драгунские полки	12234	135180 р.	5351	2000
- дворяне, жильцы, городовые, рейтары	1180	12379 р.	11246	1818
Артиллерия (пуш-кари, инженеры, мастеровые)	***1545***	***21979 р.***	***3494***	***2756***
Флот (военный штат и мастеровые)	2031	63364 р.	104	-
Иррегулярные войска (казаки, калмыки, Запорожье)	-	33619 р.	5636	1195
ИТОГО	***112380***	***1098791 р.***	***557206***	***80180***

Таблица 2

Оклады денежного и продовольственного жалования чинам Преображенского полка в 1701 г.[11, с.257-258]

Наименование чинов	Виды обеспечения (на год)		
	Финансовое	Продовольственное	
	Размеры годового денежного жалования, *рубль, алтын, деньга* (1деньга – 0,5 коп.- *В.Б.*)	Хлебом, *четвертей* (рожь и овес)	Солью, *пуд, фунт*
Генерал- майор	1080	90	36
Майор	210	28	5 п. и 24 ф.
Капитан	132	11	4 п. и 16 ф.
Поручик	97 р. 6 алт. 4 ден.	8	3 п. и 8 ф.
Прапорщик	64 р.26 алт. 4 ден.	5	2
Сержант	21 р.13 алт. 2 ден.	20	5
Каптенармус	21 р.13 алт. 2 ден.	20	5
Капрал	17	6	6
Рядовой	16	5	3
Пушкарь	16	5	3
Плотник	10	5	3
Кузнец	10	5	2

Ежегодно на жалование всему личному составу Преображенского полка (3454 чел. – *В.Б.*) в соответствии с назначенными окладами выделялось 54634 р. 96 к., сверх того хлебного жалования (рожь и овес) – 15618 чет. (более 3000 тон – *В.Б.*), соли – 8181 п. и 32 ф. (более 134 тонн – *В.Б.*) [11, с.258].

Необходимо сказать, что ***за поставки хлеба в армию*** отвечал Провиантский приказ, появившийся в соответствии с именным указом Петра Алексеевича от 18 февраля 1700 г. [22, с.13-14], в соответствии с которым заведованием всеми хлебными запасами для ратных людей окольничему Языкову, именующемуся «генерал-провиантом». ***Обеспечение армии солью производилось из Приказа Большой казны***.

20 августа 1706 г. был издан именной указ Петра I, которым был определен порядок выдачи жалования личному составу подразделений и частей армии, находившимся в Москве «…десятой доли медными деньгами…» и «…***о посылке жалования в полки серебряной монетой***» [22, с.354].

5 декабря 1707 г. был издан очередной именной указ царя «О жаловании генералам и прочим офицерам из иноземцев, кои будут с полками в Москве» [22, с.394]. В соответствии с этим указом определялись размеры годового денежного жалования генералам и офицерам–иностранцам, на тот период, когда их полки располагались в Москве. Так, например, размеры годового денежного оклада в соответствии с этим указом составляли: у генерал-поручика – 225 р., генерал-майора – 200 р., полковника – 120 р., подполковника – 60 р., майора – 50 р., капитана – 30 р., поручика – 20 р., прапорщика – 15 р.

Приступая к рассмотрению вопросов денежного, продовольственного и других видов довольствия артиллерии в первой четверти XVIII столетия, необходимо сказать, что главными органами управления артиллерией и всеми принадлежащими к ней делами являлся Приказ артиллерии, а в последующем еще и Артиллерийская канцелярия.

Если коротко осветить историю создания Артиллерийского приказа, то источники сообщают следующее. Одновременно с реформой государственного аппарата проводилась реорганизация управления русской армией. Старая система многочисленных приказов, ведавших отдельными видами вооруженных сил постепенно ликвидировалась. Создание регулярной армии потребовало поставить во главе артиллерии высокообразованного и опытного в артиллерийском деле человека. Первым генерал-фельдцейхмейстером (начальник русской артиллерии – *В.Б.*), поставленным во главе Приказа артиллерии (впервые, вместо наименования «Пушкарский приказ», упоминается наименование «Приказ артиллерии» 30 марта 1701 г. – *В.Б.* [13, с.3]), был подготовленный артиллерист, изучивший курс артиллерийской науки, сподвижник Петра I Александр Арчилович Имеретинский. В «Дворцовых разрядах» [16,с.1133] об этом говориться следующим образом, что 19 мая 1700 г. Петр I указал, чтобы «…всякие дела, которые были в Пушкарском приказе, ведать генералу артиллерии царевичу Александру Арчиловичу…».

Однако, Приказом артиллерии он управлял всего около года, так как в боях под Нарвой 1700 г. попал в плен к шведам, где и умер в 1711 г. Вместо него да 1704 г. обязанности начальника артиллерии исполнял талантливый артиллерист Андрей Андреевич Виниус, а с 1704 г. обязанности генерал-фельдцейхмейстера исполнял один из образованнейших и опытных артиллеристов Яков Виллимович Брюс, который только после смерти в 1711 г. первого генерал-фельдцейхмейстера, 3 августа 1711 г. был утвержден в этом звании[4].

В первые годы существования Приказа артиллерии не было издано никаких нормативных документов или положений, в соответствии с которыми хотя бы приблизительно определялся размер ежегодных затрат на содержание артиллерийского ведомства. Поэтому, какие либо сведения, позволяющие осветить вопрос о расходах артиллерийского ведомства на протяжении первого десятилетия XVIII в. носят отрывочный и фрагментарный, а иногда и противоречивый характер.

Вот, например, в таблице 3, составленной нами на основании сведений подчеркнутых нами в работе П.Милюкова[20, с.615-675], мы представили примерные, обобщенные данные по финансовым расходам на военные и другие нужды, которые несло российское государство в первой четверти XVIII в.

Таблица 3

Отдельные виды государственных расходов на материально-техническое обеспечение русской армии, в т.ч. на содержание артиллерии, инженерных войск, военно-специальных учебных заведений в первой четверти XVIII в. (*руб.)*

№ п/п	Виды расходов	1701	1702	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1724
1	Всего военных расходов, в т.ч. на:	828. 192	696. 445	1.110. 978	1.419. 832	1.475. 261	1.118. 175	1.813. 852	1.822. 716	≈1.714. 962
	Артиллерию	88073	60626	70967	263. 274	258. 309	86696	108. 969	40090	135187
	Вооружение и припасы	116. 476	120. 289	50961	93810	69491	210. 409	86278	156. 251	-
	Обмундирование и различные полковые припасы	95121	62680	65325	99716	141. 151	193. 026	95506	57283	-
	Продовольствие (провиант)	1041	54594	37567	104. 263	31147	20136	49603	13175	-
	Выписка иностранных офицеров и мастеровых и выучка своих	10478	4100	2332	27382	-	-	-	-	-
2	Общие расходы на просвещение	3616	7280	3630	3786	-	15826	10354	3488	-

Но, тот же П.Милюков в своей работе указывает, что в 1701 г. штат Приказа артиллерии увеличился за счет приема на службу большого числа иностранцев и поэтому за год, на выплату денежного содержания личному составу артиллерийского ведомства было потрачено 19747 р. (из них 525 р. на денежное жалование сотрудникам приказа – *В.Б.*), а также на неокладные расходы (закупка припасов, материалов и другие потребности) – 70032 р. Общая сумма расходов на содержание артиллерии в 1701 г. составила 89779 р. (в табл.1 – 88073 р.) Хотя и небольшая, но есть разница в данных показывающих расходы на содержание артиллерии в 1701 г.

Данные о количестве денежных средств выделяемых на содержание артиллерии, приведенные в таблице 1, еще больше отличаются от аналогичных сведений, изложенных в упомянутом выше труде известного русского историка артиллерии генерала Н.Е.Брандербурга[13, с.255]. В частности, в своей работе он сообщает, что на артиллерию в первое десятилетие XVIII в. выделялись следующие суммы: 1701 – 86211 р.; 1702 – 58266 р.; 1703 – 187237 р.; 1705 – 158429 р.; 1706 – 100587 р.; 1707 – 110238 р.; 1708 – 81973 р.; 1709 – 62122 р.

Таковы примерные расходы Приказа артиллерии до 1710 г. когда были изданы первые штаты и табели, касающиеся артиллерийского ведомства.

Следует заметить, что Артиллерийский приказ не мог содержаться за счет собственных заработанных средств и поэтому его содержание осуществлялось за счет финансовых средств других приказов, пользовавшихся более благоприятным положением в своих доходах.

В исследуемый период в Российском государстве не существовало какого либо централизованного учреждения, в круг обязанностей которого входил бы контроль за сборами и доходами государства и их распределением.

Поэтому, в документах того времени упоминаются наименования многих учреждений и приказов, которые с той или иной периодичностью и постоянством из своих доходов выделяли денежные средства на содержание артиллерии: Ратуша, Монастырский, Сибирский, Приказ Большой казны, Ямской, Поместный, Московский ссудный, Печатный, Казенный патриарший, Дворцовый и Новгородский[13, с.266].

Можно предположить, что государственная финансовая система в тот период находилась в крайне неудовлетворительном состоянии. Государственные расходы стремительно возрастали, множились различного рода сборы и налоги. Но те и другие оставались неопределенными, что не позволяло установить между ним равновесие. Собираемые налоги и сборы поступали в различные приказы, причем не всегда в необходимых суммах. Поэтому приказы, которым следовало выделять те или иные суммы на покрытие расходов, связанных с содержанием артиллерии, или не досылали в Приказ артиллерии означенные денежные суммы, или же вообще отказывались присылать деньги. Необходимо было определить размеры доходов и расходов государства согласовав их между собой и четко определить способы обеспечения органов государственного и военного управления, в т.ч. и Артиллерийского приказа, финансовыми средствами.

27 января 1710 г. был издан именной указ Петра I в Ближнюю канцелярию «О сличении государственных доходов с расходами, с присоединением самого сего расчисления»[22, с.472]. В соответствии с этим документом, на содержание артиллерийских служителей и на припасы, т.е. на Артиллерийский приказ, в год была определена фиксированная сумма, составившая ***221799 р.*** Указанная сумма, определенная на содержание артиллерии, при распределении её между губерниями была уменьшена до ***209 924 р.***, из которых 79 696 р. составляли денежное жалование военнослужащим артиллерийских и инженерных подразделений, а также различного рода и предназначения гражданским служащим и мастеровым. 130228 р. из этой суммы, предназначалось на закупку вооружения, амуниции и других артиллерийских припасов для артиллерии[3].

Обратим внимание на тот факт, что эта сумма была рассчитана исходя из штатов и табелей представленных Приказом артиллерии в Ближнюю канцелярию. В полном виде указанные табели и штаты сохранились только в архивных источниках, которые позволяют нам утверждать, что штат полевой артиллерии указанный в «Полном собрании законов Российской империи»[22, с.792-801], утвержденный в 1712 г., более менее соответствует штату 1710 г., поданному Приказом артиллерии в Ближнюю канцелярию. По каким-то причинам утверждение Петром I артиллерийского штата в 1710 г. не произошло, но тот факт, что такие штаты и табели были разработаны Приказом артиллерии – не вызывает у нас сомнения. Этот вывод подтверждают результаты изученных нами архивных источников.

Во-первых, один из изученных нами архивных источников, озаглавлен как «Ведомость сколько по табелю **1710** (!) и 1712 годов полагалось при артиллерии чинов и служителей»[23], в котором указано, что ***общее количество артиллерийских и инженерных служителей, с учетом строевых и нестроевых, а также артиллерийских чинов в крепостных артиллерийских гарнизонах, школьных учителей*** и школьников артиллерийской школы (также входивших в организационную структуру артиллерии – *В.Б.*), составило 5501 человек.

Во-вторых, если организационно-штатная структура пехотных и других полков была определена только в 1711 году, то, к этому времени, в состав регулярных частей русской армии входил ***полевой артиллерийский полк,*** формирование которого началось еще в начале XVIII столетия. ***К 1710 г.*** существовала четкая организационно-штатная структура первого артиллерийского полка, включавшая одну бомбардирскую, шесть канонирских и одну минерную роты, а также инженерную и понтонную команды[2].

Детально процесс формирования первого полевого артиллерийского полка, его организационно-штатная структура и отдельные вопросы финансового обеспечения его деятельности, рассмотрены нами в одной из наших предыдущих работ, поэтому нет необходимости более детально останавливаться на этом вопросе[7].

Итак, еще раз заметим, что в начале второго десятилетия XVIII в. финансовая система государства находилась довольно в расстроенном состоянии. А денежных средств на текущие расходы, в т.ч. и на военные нужды, требовалось все больше и больше. Доходов государственный казны чтобы покрыть все расходы не хватало и финансовых средствах ощущался острый недостаток.

Например, доходы государства за 1707,1708 и 1709 гг. составили 3133879 р., а расходов в 1710 г. требовалось на сумму в 3834418 р. из которых: на содержание армии – 1252525 р., на флот – 444288 р., на личный состав артиллерии и на припасы – 221799 р.[10, с.180-181]. Выражаясь современным языком, дефицит бюджета России в тот время составлял чуть более 700 тысяч рублей.

Остро ощущалась необходимость установления определенной и четко функционировавшей системы довольствия войск.

Это и послужило основанием для дальнейших, решительных преобразований государственного устройства, началом которых послужило учреждение в 1711 г. Правительствующего Сената[22, с.627], определения организационно-штатной структуры армии и введением в составе русской армии специальных должностных лиц, отвечавших за вопросы денежного, вещевого, материально-технического, медицинского и других видов обеспечения повседневной жизнедеятельности войск.

Первым важным шагом по исправлению положения в этой области, было определение ***организационно-штатного устройства русской армии, а также вопросов денежного, продовольственного, вещевого, материально-технического и других видов снабжения, юридически закрепленных в указе Петра I министрам Ближней канцелярии от 19 февраля 1711 г.***[22, с.590-627]**.**

В соответствии с утвержденными в 1711 г. штатами, в состав русской армии входили 33 полка кавалерии, 42 полевых пехотных и 43 гарнизонных полков.

Размеры расходов на содержание указанных полков, а также других воинских частей и подразделений, установленных в соответствии с утвержденным Петром I 19 февраля 1711 штатом русской армии, представлены нами в таблице 4.

Таблица 4

Число строевых (военнослужащих) и нестроевых чинов входящих в состав полков и других подразделений русской армии в 1711 г., а также размеры финансовых затрат на их содержание[10, с.181; 18, с.4; 22, с.590-627]

Части и подразделения входившие в состав армии	Категории личного состава входящих в состав подразделений	Количество личного состава	Необходимые средства на их содержание (рублей в год)
Генеральный штаб	Генералитет, долж- ностные лица по уп-равлению коммиса-риатской, провиант-ской, медицинской и другими частями, в т.ч. писари(43 ч.)	184	91090
33 полка кавалерии	Полковой штат	330	46002
	Ротный офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав	33990	495255
	Не строевые (не военнослужащие)	9504	77616
	Всего	***43824***	***764671***
42 полка пехоты	Полковой штат	420	58188
	Ротный офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав	51744	678487
	Не строевые (не военнослужащие)	10290	78402
	Всего	***62454***	***882435***

43 гарнизонных полков	Полковой штат	473	24424
	Ротный офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав	54352	268191
	Не строевые (не военнослужащие)	8944	36464
	Всего	***63769***	***329079***
Итого (без учета штатов и расходов на 2 гвардейских полка и артиллерию)		***170231***	***2067275***

Кстати, в очередной раз вынуждены констатировать тот факт, что некоторые данные о финансовых затратах на содержание русской армии в целом и в частности на содержание тех или иных полков, указанные в различных источниках существенно разнятся.

Например, по данным П.О.Бобровского, расходы на содержание 2-х гвардейских полков составляли 108640 р. и с учетом прочих расходов на военные нужды общая сумма расходов государства на армию ***составляла в год 2273363 р.***[10, с.181].

У И.И.Голикова несколько другие данные, отличающиеся от приведенных в своей работе П.О. Бобровским сведений по количеству полков и размеров денежных средств, выделяемых на их содержание, хотя П.О. Бобровский при этом, дает ссылки на труд И.И. Голикова[15, с.507-509]. Сложив все данные, указанные И.И.Голиковым и касающиеся расходов на содержание 33 кавалерийских полков – 764666 р., 41 пехотного полка – 840413 р., на 33 гарнизонных полка – 340033 р., 2 гвардейских полка (Семеновский и Преображенский) – 156207 р., а также на «Генеральный штаб» - 91090 р., получилось, что ***общая годовая сумма на их содержание составила 2192409 р.***[15,с.507-509] (разница примерно на 81000 р. – *В.Б.*).

Вторым важным шагом для обеспечения стабильного и систематического финансирования содержания армии, а также для организации обеспечения армии продовольствием, обмундированием и другим имуществом и припасами, 31 июля 1711 г. в русской армии было учреждено «комиссарство при войске» под управлением генерал-кригс-комиссара[22, с.724]. Затем был определен регламент кригс-комиссариату[22, с.764-771], в соответствии с которым на кригс-комиссаров и находящиеся в их подчинении соответствующие канцелярии, постоянно находящихся в расположении войск, возлагались обязанности по обеспечению всех войск жалованием и контролю за губернскими комиссарами «… в даче и вычете денег, мундир, ружье, рекруты, лошади, порционы и рационы расписывать…»[22, с.724].

Новая организационно-штатная структура русской армии была видоизменена в 1712 г. с утверждением подробных штатов для артиллерии и входивших в её состав инженерных подразделений.

И опять не можем не обратить внимания на тот факт, что некоторые данные, определяющие общую численность личного состава артиллерии и инженерных подразделений и денежной суммы, выделяемой на их содержание, приводимые в работах отечественных историков и исследователей, требуют уточнений и пояснений.

В частности, Д.П. Журавский в своем труде утверждает, что в соответствии с утвержденной организационно-штатной структурой артиллерии, число артиллерийских и инженерных служащих (строевых и нестроевых) составило 4526 человек (соответствует данным приведенным в «Штате артиллерии» утвержденным 8 февраля 1712 г.[22, с.796]. У П.О.Бобровского указано, что общее количество артиллерийских и инженерных служащих по утвержденному новому артиллерийскому штату составляет 3526 человек(?)[10, с.184]. Предполагаем, что это простая опечатка – *В.Б.*), на денежное жалование которым в год выделялось 64750 р., а на другие статьи расходов содержания артиллерии и припасов – 130228 р.[18, с.6]. ***Общая годовая сумма на артиллерию в этом случае получалась в 194978 р.***

Что касается общей численности артиллерийских и инженерных чинов, то, по всей видимости, Д.П.Журавский приводит эти показатели без учета численности так называемых «нестроевых» чинов, входящих в организационно-штатную структуру артиллерии и размеров их годового денежного жалования, выделяемого для их содержания.

В упомянутом выше архивном источнике «Ведомость сколько по табелю **1710** (!) и 1712 годов полагалось при артиллерии чинов и служителей»[23] общее количество всех ***артиллерийских и инженерных служителей, с учетом строевых и нестроевых, а также других чинов***, составило 5501 человек.

На наш взгляд, такой подход к определению общего количества артиллерийских и инженерных служащих ***не совсем правильный***, т.к. «нестроевые» чины на законном основании входили в организационно-штатную структуру артиллерии.

Другой пример. Сведения о размерах годовой денежной суммы, ежегодно выделяемой начиная с 1712 г. на содержание артиллерии, приведенные в вышеупомянутой работе Д.П.Журавского (194978 р.), незначительно отличаются от аналогичных данных, которые можно найти в других источниках. Так, например, Н.Е. Бранденбург пишет, что расходы на артиллерию и на припасы в 1712 г. составляли 209928 р., из которых на жалование выделялось примерно 78225 р., а на заготовление припасов, материалов и «всякой амуниции» – 130684 р.[13, с.286].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно еще раз подтвердить наш вывод, изложенный в предыдущих работах и говорящий о том, что очень внимательно и осторожно необходимо относиться к различным статистическим данным и показателям, приведенных в различных источниках и характеризующих ту или иную область военной организации российского государства на протяжении XVIII в.[8].

Преобразования государственного устройства, началом которых послужило учреждение в 1711 г. Правительствующего Сената[22,с.627], определение организационно-штатной структуры армии и введение в составе русской

армии специальных должностных лиц, отвечавших за вопросы обеспечения повседневной жизнедеятельности войск, послужило основанием для создания централизованных органов государственного и военного управления отвечающих за организацию и функционирование системы материально-технического обеспечения русской армии.

В заключение отметим, что после 1712 г. на содержание всей армии, т.е. гвардейских, пехотных, драгунских, гарнизонных полков и артиллерии в год выделялось примерно 4 млн. рублей, из которых 2534624 р. составляли ***оклады денежного жалования личного состава*** и 1259717 р. за ***порционы*** (продовольственное обеспечение личного состава – *В.Б.*) и ***рационы*** (фураж для лошадей и т.д. – *В.Б.*)[10, с.183]. Становится очевидным, что ***одной из существенных статей расходов на содержание русской армии***, были финансовые средства, выделяемые на жалование и продовольственное обеспечение личного состава русской армии в т.ч. артиллерийских и инженерных служащих.

Before the second decade of the 18th century, Russia lacked any public or military office responsible for the centralized provision of the Russian army, including incoming artillery corps in its composition, all the necessary allowances. This article discusses some aspects of the problem of ensuring the Russian army financial, food and other allowances in the early 18th century. The author pays special attention to the questions of activity of bodies of State and military administration of the Russian State for the supply of the army as a whole and of individual branches of the armed forces financial tools and food. Analyses the costs of State Treasury on the financial, food and other rations army personnel and separate its parts.
Keywords: *18th century, Peter I, army, States, artillery, field artillery regiment, supply, finance and food provision.*

Список литературы

1. Анисимов В.В. Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии России в XVIII веке : дис.... канд. ист.наук. М.: Военный университет, 2010. 247 с.
2. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.2. Оп.1(Приказ артиллерии). Д.48. Л.3–31.
3. Архив ВИМАИВ и ВС.Ф.2. Оп.1. Д.148. Л.9 об.–10.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.2 Оп.1. Д.230. Л.4.
5. Бенда В.Н. Материальное обеспечение чинов артиллерии в России в 1700 – 1750 гг. // М., Военно-исторический журнал. 2009. №11. С.65-67.
6. Бенда В.Н. Денежное и продовольственное обеспечение артиллерийских и инженерных офицеров и офицеров военно-учебных заведений в XVIII веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции 16-18 мая 2012 г. СПб., ВИМАИВ и ВС. В 3 частях. 2012. Часть 1. С.90-104 .
7. Бенда В.Н. Первоначальные мероприятия реформирования русской артиллерии в начале XVIII в. // КЛИО. Журнал для ученых. №12(96). 2014.С.91-98.
8. Бенда В.Н. К вопросу о достоверности некоторых данных приводимых в отечественной историографии и характеризующих состояние русской армии, артиллерии и инженерных войск накануне Семилетней войны (1756-1763) // Вестник современной науки. 2015. № 4. С.53-61.
9. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 645 с.
10. Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Ч.2. Артикул Воинский. Вып.2. СПб.: типография В.С. Балашева, 1886. 772 с.
11. Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к I тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг,1900. 260 с..
12. Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к II тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг,1904. 244 с.
13. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1700-1720 г.). СПб.: типография «Артиллерийсского журнала», 1876. 556 с.
14. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и Ко», 1899. Ч.II. 273 с.
15. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т.IV. Издание 2-е. М.: в типографии Николая Степанова, 1838. 561 с.
16. Дворцовые разряды. Том четвертый. С 1676 по 1701 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1855. 586 с.
17. Дуров И.Г. «Я не знаю более удобного, более лёгкого и более приятного на взгляд обмундирования, как у русского солдата». Вещевое обеспечение военных и морских чинов в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2015, №7. С.29-33.
18. Журавский Д.П.Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711по 1825 год. СПб.: в типографии Карла Вульфа, 1859. 228 с.
19. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып.1 (1683-1762 год).СПб.:Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. 470 с.
20. Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. Изд. второе. СПб.: типография М.М.Стасюлевича, 1905. 681 с.

21.Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 г.) СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1894. 122 с.

22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (1700-1712). (ПСЗ). Т.IV. СПб.: типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии,1830. 881 с.

23.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.23. Оп.121. Д.506. Л.1-2.

24.Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в 1-й половине XVIII столетия. (1700-1761г.). Вып.1. СПб.,1900. 204 с.

25.Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: издательство «Наука», 1956. 265 с. С.221-231.

Об авторе

Бенда Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент межфакультетской кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, *bvn.1962@mail.ru*

УДК 94(470) «1914/1916»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГ ДЕЛА В РОССИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916).

Борисов В.И.

Проблемы регулирования продовольственного рынка в чрезвычайных условиях войны, очень сложны. В статье анализируются основные мероприятия в продовольственной сфере, проводимые царским правительством в первые два года мировой войны и причины неудачи регулирования продовольственным рынком.

Ключевые слова: *мировая война, продовольственная политика, снабжение и распределение хлеба, твердые цены, хлебная монополия.*

Со вступлением России в войну, она приняла мировой характер. Мировая война явилась тяжелым испытанием для всех воюющих государств. Вопрос встал о том, сумеют ли страны в экстремальных условиях сохранить свой общественно-политический строй и приспособить свою экономику к работе в чрезвычайных условиях. Не всем странам это удалось.

Война поставила перед всеми правительствами воюющих стран задачу государственного регулирования экономикой. Если в Германии такой опыт был накоплен на рубеже XIX-XX вв., то Россия опыта государственного регулирования экономических процессов вообще не имела. Это обусловливалось всем ходом исторического развития России. До войны российская армия не знала централизованного снабжения продовольствием - воинские части закупали его сами. К их услугам был богатейший продовольственный общероссийский рынок. А если не регулировалось снабжение армии, то о государственном регулировании экономики или ее отдельных отраслей, говорить не приходится.

Огромная по своим размерам и значению война потребовала создание небывалой по размерам армии. Численность армии в России быстро росла. К кадровому составу, насчитывающему в мирное время 1370 тыс. чел., каждая мобилизация добавляла новые миллионы солдат. В 1914 г. под ружье встали 6485 тыс. чел., в 1915 г. - 11695 тыс., 1916 г. - 14440 тыс., 1917 г. - 15070 тыс. чел. [13, с.17]. Создание такой колоссальной армии поставило перед государством сложнейшую задачу регулирования снабжения армии, не только боевым снаряжением, но и продовольствием.

Война глубоко изменила народнохозяйственные условия жизни, расстроила рынок хлебов России. Сразу же стали ощутимыми беспредельные закупки продовольствия для армии. Как следствие этих изменений и расстройства хлебного рынка, усилился продовольственный кризис. Первоначально он выражается в росте дороговизны, а потом проявляется в нехватке продовольствия, создающего угрозу существования не только обездоленным слоям, но и подавляющей части населения.

Продовольственный кризис, в какой бы форме он не проходил - есть недостаток в снабжении большей или меньшей части населения продуктами питания, а также промышленными товарами, необходимыми для жизнедеятельности человека.

С ходом войны продовольственный кризис принял характер национального бедствия. Его углубление усложнило задачу правительства в области регулирования снабжения. Государство должно было принять на себя обязательство по непосредственному снабжению продовольствием не только армии, но и гражданского населения.

Общие задачи регулирования снабжения продовольствием армии и населения складывались из целого ряда частных задач:

1. Определение количества необходимого продовольствия для армии и населения. Это чрезвычайно трудная задача, особенно в такой огромной стране как Россия, со своеобразной экономико-географической спецификой различных регионов, которые необходимо было учитывать, что не всегда удавалось.

2. Второй задачей государственного регулирования снабжения являлось регулирование цен. Это объективно диктовалось изменившимися во время войны условиями рынка хлебов. Неустойчивость рыночной конъюнктуры, порождала у владельцев хлеба и у посредников стремление придержать хлеб, в ожидании более благоприятной конъюнктуры, создавали затруднения в государственной заготовке хлеба и самоснабжении гражданского населения. Резкий рост цен одновременно означал подорожание продовольствия для армии. Поэтому правительство было заинтересовано в остановке роста цен. Еще более в этом было заинтересовано население, испытывающее на себе все возрастающую тяжесть дороговизны.

3. Регулирование перевозок являлось одной из основных задач, ввиду все более усиливающегося расстройства транспорта. Перегрузка железнодорожного транспорта военными перевозками, рост количества «больных» паровозов и вагонов, не давали возможности правительству России организовать перевозку хлеба в потребляющие районы центра и севера в прежних размерах. Поэтому регулирование перевозок должно было сопровождаться строгим контролем.

4. Из вышесказанного возникает новая, не присущая ранее России задача - регулирования распределения и потребления продовольствия и, прежде всего, хлеба. Психологически не подготовленным к нормированной выдаче продуктов российским жителям, трудно было принять такое мероприятие. Но спад производства сельскохозяйственной продукции и трудности с перевозками, должны были вынудить правительство пойти на этот крайне болезненный и неприятный для населения акт.

5. Выполнение всех перечисленных задач требовало от государства создание централизованной сети продовольственных органов. Но царское правительство так и не смогло, с позиции глубокого осмысления и практической необходимости указанных вопросов, серьезно приступить к выполнению этой важнейшей задачи, и инициатива в создании продовольственных органов перешла в руки местных властей.

Таково, в общих чертах, содержание задач, которые стояли перед правительством по регулированию снабжения населения и армии продовольствием, поставивших перед государством огромную задачу - регулирования всей социально-экономической жизни страны.

Государственное регулирование - это отрасль экономической политики государства, его центральных и местных органов - совокупность мероприятий, которыми государство пытается воздействовать на ход снабжения армии и населения продовольствием.

Регулирующие меры государства в области продовольствия имеют два основных типа, которые необходимо разделять. Первый тип мер регулирования характеризуется тем, что государство пользуется прямым воздействием на ход снабжения: оно само, как торговый субъект, приобретает продукты и снабжает им потребителя. Сюда относятся следующие меры: заготовка хлеба непосредственно органами государства по рыночным ценам, какими бы они не были на момент закупки, а также непосредственная перевозка и распределение продовольствия.

Второй тип мер регулирования характеризуется тем, что государство косвенным воздействием на ход заготовок и снабжения выступает как организующий субъект публично-правового характера. Государство этими мерами стремится воздействовать на рынок, как на условие, определяющее непосредственный ход заготовок и снабжения, кем бы оно не велось - государством или населением. К числу косвенных мер регулирования относятся: установление твердых цен, запреты вывоза, введение плановых перевозок и т.д.

Между этими двумя типами существует теснейшая связь, которую на практике трудно отличить. Например, огромное задание по заготовке хлеба в 1915-1916 гг. и трудность выполнения этого задания явилось побудительным мотивом к установлению твердых цен.

Третий тип мер регулирования связан с введением хлебной монополии и носит сложносмешанный характер. Это более сложное мероприятие, где меры косвенного и прямого регулирования переплетаются между собой, но создается нечто новое. Например, продовольственная разверстка. Разверстку хлеба нельзя отнести ни к чисто прямым, ни к чисто косвенным мерам регулирования. И это позволяет отнести ее к сложносмешанному виду регулирования заготовок продовольствия.

Регулирование рынка продовольствия, в конечном счете, является вынужденной мерой государства. Обычно оно применяется в экстремальных случаях войны, стихийного бедствия и т.д. В мирных, обычных условиях должен существовать стихийный рынок производителей, который определяет спрос, предложение и конъюнктуру рынка. Если в мирное время государство прибегает каким-либо способом к регулированию продовольственного рынка, то это означает, что в экономическом и политическом отношениях государство развивается не так, и отошло от общего пути развития человечества.

С началом мировой войны некоторые политики и экономисты утверждали, что в России не может быть голода и дороговизны. Предполагалось, что резкое сокращение экспорта хлеба в условиях войны вызовет заметное падение цен на сельскохозяйственную продукцию, ввиду ее колоссального избытка. Тем более 12 августа 1914 г. правительство запретило экспорт хлеба. Но уже осенью того же года начались поставки хлеба союзникам во Францию, а в следующем - в Англию и Италию. Следует отметить, что первые два года войны эти экспортные поставки существенно не сказывались на продовольственном положении страны.

Война вызвала панику в промышленно-торговых кругах. В конце июля со вступлением России в войну, в некоторых губерниях, торговцы начали поднимать цены на продукты питания. Так, в Екатеринославской губернии, в июле были подняты цены на 1 коп. за определенный вес основных продуктов. В ответ губернатор Екатеринослав-

ской губернии обнародовал специальное постановление, в котором говорилось: «Воспрещается искусственное и недобросовестное поднятие промышленниками и торговцами цен: на муку, хлеб, мясо и другие предметы первой необходимости. Лица, виновные в нарушении сего постановления, подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости или денежному штрафу до 3 тыс. рублей. Камер-юнкер Татищев». В газетах также указывалось, что губернатор пообещал торговцам выплачивать эту копейку из своего кармана [3, 7].

Этот пример показал, что с началом войны сразу же усилился спекулятивный ажиотаж вокруг продовольственного вопроса, нечестные дельцы, пользуясь благоприятным для них моментом, хотели получать наибольшую прибыль.

30 июля 1914 г. Совет Министров признал «желательным приступить немедленно» к покупке хлеба у производителей. Заготовка хлеба была поручена Министерству земледелия. Хотя в начале войны на роль заготовителей претендовали несколько организаций, но Совет Министров предпочел передать это дело государственной структуре. На места назначались уполномоченные. Было принято постановление, определяющие обязанности и права этого органа - закупка и заготовка продовольствия по нарядам армии. Закупка продовольствия на местах поручалась особым окружным уполномоченным ведомствам, а контроль за их исполнением - на губернских уполномоченных, которые получили право привлекать к работе губернские органы земледелия, банки, кооперативы и т.д.[16, с.6]

Но наряду с министерством земледелия роль заготовителя для армии взяли на себя еще несколько организаций: окружные интенданты фронтов, земские и городские самоуправления и созданные, в основном ими, продовольственные органы в сельской местности, сельская продовольственная часть Министерства внутренних дел и т.д. В области центра регулирования перевозок выступило совещание при главном интендантстве и центральный комитет по регулированию массовых перевозок. Также этими вопросами занимались уполномоченные от правительства. Как видно, в первые месяцы войны существовало многообразие продовольственных органов и отсутствие между ними скоординированных действий. Ясно виден их ведомственный и бюрократический характер, слабая связь с общественными организациями и, в целом, с сельской местностью.

Многочисленность организаций и несогласованность их действий вносили путаницу и хаос в заготовительные операции. Ввиду этого правительство от 16 марта 1915 г. общим положением, а 19 мая более детальным положением предоставило министру торговли и промышленности полномочия по общему руководству продовольственным делом в стране и организовало Главный продовольственный комитет [16, с.7]. Первым председателем стал министр торговли и промышленности князь В.С. Шаховский. Однако Главному продовольственному комитету не удалось скоординировать взаимодействие многочисленных организаций. Он сам по себе был такой же организацией, как и другие, просто в силу неспособности объединить все дело, вскоре бесследно исчез, не оставив заметного следа в своей деятельности.

Одновременно, в первый год войны, начался процесс формирования продовольственных органов снизу. Общественность, в целом, осудила создание Главного продовольственного комитета и предлагала свои варианты организации продовольственного дела. Так, екатеринославские земские деятели, указывая на нарастающий кризис снабжения, предлагали постепенное введение государственного регулирования снабжения. Регулирование, по их мнению, должно охватить не только продовольственную сферу, но и предметы потребления, прежде всего мануфактуру, т.е. в своих планах екатеринославские земцы пошли дальше правительства. Но одновременно они опасались и регулирования, указывая, что оно может «убить частную инициативу»[12].

В Ростове-на-Дону, местные казачьи круги, в целях обеспечения армии продовольствием, призывали к единению всех национальных сил от низов до торгово-промышленных деятелей. С этой целью необходимо создание продовольственных органов, во главе с авторитетным лицом [15, с.11].

Были другие предложения по организации продовольственного дела. При всех своих недостатках в них прослеживается тенденция к централизации продовольственного дела, то чего как раз царское правительство пока не хотело делать.

Но усиление продовольственных затруднений и давление общественности заставили правительство вплотную заняться этим вопросом. 17 августа 1915 г. в целях «обсуждения и объединения правительственных мероприятий по заготовке продовольствия и фуража для армии и флота, а также вообще по продовольственному вопросу учреждается под председательством главноуправляющего земледелия и землеустройства. Особое совещание по продовольствию». Но вначале оно создавалось, как совещательный орган [16, с.23-32]. В состав Особого совещания вошли представители практически всех высших органов России. На его заседания должны были приглашаться представители торговли, промышленности, сельского хозяйства и другие, на усмотрение совещания. Совещание получило достаточно большие права: требовать от других учреждений необходимые сведения; производить осмотр торговых и промышленных предприятий; досмотр торговых книг и документов предприятий; установление способов заготовок хлеба; отменять постановления других организаций о заготовках; направлении и распределении продовольствия, а также о правилах торговли ими; издавать правила о хранении и запретах вывоза этих продуктов, назначать их реквизиции. 27 ноября 1915 г. Особому совещанию было предоставлено право устанавливать предельные цены на предметы продовольствия[16, с.41-42]. Этим актом Особому совещанию юридически перешла высшая власть в области продовольствия. Однако существовавшие ранее органы не были упразднены и не подчинены Особому совещанию по продовольствию, что снова же создавало трудности на пути централизации продовольственного дела, столь необходимого в экстремальных условиях войны.

Также были разработаны и приняты правила о местных уполномоченных. Под их председательством создавались губернские и городские совещания по продовольствию, а с апреля 1916 г. - районные. Состав их определялся по усмотрению уполномоченных. Но с февраля 1916 г. Особое совещание издало постановление о более точном составе местных совещаний. В их состав входили представители земства, высшей местной администрации, торгово-промышленных организаций, кооперативов и лиц с совещательным голосом, приглашаемых особо для обсуждения конкретных вопросов. На уполномоченных и совещания были возложены следующие обязанности: выяснение запасов продовольственных продуктов; образование их запасов для регулирования цен; организации в случае необходимости, распределения продовольствия; доставка хлеба транспортом и т.д. Уполномоченный мог ходатайствовать перед председателем Особого совещания о проведении реквизиций [16, с.53-54]. Организация Особого совещания, в конечном счете, отражала то, что к чему раньше пришло общественное мнение и подталкивало к этому царское правительство.

Совещание по своему составу и полномочиям было далеко не тот авторитетный орган, который хотела иметь общественность на местах. Институт уполномоченных не был выборным и не имел тесных связей с местными политическими силами. Несмотря на постановления, роль местных совещаний была очерчена достаточно неясно - кому он подчинялся или местным властям или по вертикали - Петрограду.

Но потребность в таких органах была необходима. Это видно, хотя бы из того, что организация таких местных совещаний уже шла с начала 1915 г. Вначале она шла в рамках борьбы с дороговизной почти во всех губерниях. Так, в Херсоне в феврале 1915 г. была создана особая комиссия для борьбы с дороговизной, в Александровске - в апреле [1, с.4,6,7; 17]. Можно привести еще ряд подобных фактов. Поэтому Особое совещание практически только оформило существование ранее созданных органов, подобных совещаниям. Таким образом, образование местных продовольственных органов шло вначале исключительно под влиянием местных нужд, а во второй половине 1915 г. по указанию центра.

Если в губерниях и городах создание совещаний шло достаточно быстрыми темпами, то в сельской местности намного медленнее и основная часть их была создана при участии уполномоченных. Характер деятельности волостных и районных совещаний был различным: закупочные и закупочно-распределительные. В Екатеринославской губернии, особенно в Донбассе, большинство совещаний носило характер закупочно-распределительных, в Киевской – закупочных[2; 4]. Хотя, большой разницы в характере деятельности не было. Ближе к фронту, преобладали закупочные совещания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что после создания Особого совещания не удалось централизовать продовольственное дело в стране, оставалось многовластие, отсутствовала единая стройная система продовольственных органов, существовала пестрота и слабость местных организаций. Широкие демократические круги не получили доступа к участию в работе совещаний, они оставались элитарными органами.

Осенью 1916 г., в связи с углублением продовольственного кризиса, в правящих кругах появилась мысль о назначении продовольственного диктатора, которому были бы предоставлены права командующего армией или фронта [11, с.5]. Но этого царизм не мог допустить.

В октябре 1916 г. была лишь сделана робкая попытка создать необходимую стране, стройную и сильную продовольственную систему [16, с.67-87]. Однако это постановление не дало благоприятных результатов. Центральная часть Особого совещания по продовольствию оставалась по сути прежней, а более ценная ее часть - местные совещания, составляющие фундамент продовольственного дела в стране, урезались в правах и обязанностях. Правительство усмотрело опасность, что через волостные продовольственные организации, местное помещичество хочет возродить волостное земство. Поэтому их права и были урезаны. Это было явно реакционное решение царского правительства, которое вело к развалу продовольственной системы, с таким трудом создаваемой в течение войны и приведшее страну к голоду и свержению царизма.

Урожай 1914 г. по сравнению со средним за пятилетие 1909-1913 гг. оказался пониженным, но незначительно. Урожайность зерновых хлебов была ниже средней на 9%, а валовой сбор - на 5% [8, с.3]. Сокращение экспорта за границу, компенсировало этот недобор хлебов. Торговцы были обеспокоены о полной реализации урожая, поиском новых рынков сбыта. Банки усиленно давали ссуды производителю, чтобы они избежали реализации урожая по пониженной цене. Если судить по материалам прессы того времени, то можно прийти к выводу, что она внушала населению мысль о том, что пока нет и не будет продовольственных затруднений ни для армии, ни для народа. Поэтому заготовку хлеба строили на принципе прямой покупки его у производителя. Но это вызывало одновременно и большие трудности - хлеб закупался мелкими партиями, не хватало ссыпных пунктов, и очень быстро рос численный аппарат уполномоченных по закупке. С 1915 г. в качестве комиссионеров для закупок хлеба стали широко привлекаться кооперативы, а затем хлеботорговые компании и элеваторы. Одновременно вели заготовки интендантства фронтов, что создавало нездоровую конкуренцию. Инфляционные процессы, связанные с войной, углублялись, цены росли, а это создавало огромные трудности в заготовках хлеба.

Весной 1915 г. цены на продовольствие по сравнению с 1913 г. выросли в среднем на 72%. На ржаную муку - на 64%, на пшеницу - 38%, пшеничную муку - 23%, овес - 109% [11, с.6].

В этих условиях государство прибегло к мерам косвенного регулирования цен - установлению 17 августа 1915 г. твердых цен на зерно урожая 1915 г. и прошлых годов. Твердые цены преследовали две задачи: облегчения заготовок хлеба и сдерживание роста цен на хлеба. Введение твердых цен предусматривало применение насильственных мер на рынке хлебов. Одним из них был запрет вывоза продовольствия из хлебопроизводящих

губерний. Правда, практика показала, что такие запреты устанавливались и в потребляющих губерниях, но не с целью заготовок, а с целью сдерживания роста цен и для обеспечения местного населения хлебом.

С началом войны в местностях, объявленных на военном положении, устанавливались запреты на вывоз продовольствия и фуража [16, с.359-361]. Эти запреты могли устанавливать командующие армиями, в целях лучшего обеспечения своих войск. В 1915 г. практика запретов охватила практически все губернии европейской части России. Их устанавливали все - уполномоченные Особого совещания по продовольствию, губернаторы, командующие армиями и т.д. Например, в Одесском военном округе в 1915 г. было издано более 20 обязательных постановлений на вывоз продовольствия различными органами [5]. По распоряжению киевского губернатора в марте 1915 г. был запрещен вывоз скота, закупленного частными лицами. А в мае запреты были распространены на муку, зерно, овес, сено, крупы. В обязательном постановлении киевского губернатора запрещалось «выделывать более высокие сорта этих продуктов, чем сорта, покупаемые для армии, в большем размере, чем они выделывались до издания настоящего постановления». Виновные подвергались денежному штрафу или заключению в тюрьму [10, 28 марта, 5 мая].

Эти постановления остро ощущались не только торговцами, но и всем населением. Поэтому запреты, по всей стране, периодически отменялись и вводились снова.

С точки зрения только заготовок, запреты вывоза давали прибавку хлеба, но народное хозяйство, построенное на системе сложного разделения труда и обмена, представлявшее до войны целостный организм, потоком запретов было разорвано на отдельные куски. Административные районы обычно не совпадают с районами экономических оборотов и взаимодействия. Этими запретами отрезались районы производящие хлеб - от потребляющих, мукомольные города - от ближайших центров зернового снабжения. Эти запреты принесли больше вреда, чем пользы экономике страны.

Второе обязательное мероприятие, связанное с твердыми ценами - система реквизиций против лиц, занимающихся спекуляцией хлеба. Но в период царизма это была скорее угроза реквизиций. Она практически не применилась в стране, а по некоторым производящим хлеб губерниям России не обнаружено таких документов.

Твердые цены постоянно нарушались не только частными лицами, но и государственными органами. Чтобы увеличить количество закупленного хлеба, представители фронтов закупали хлеб и фураж по более высоким ценам, создавая нездоровую конкуренцию. Так, «Киевская земская газета» писала: «С фронта являются в Киевскую губернию агенты с разрешительными свидетельствами и скупают все по любой цене. Каждый стремится перехватить, что может. Конкурируют агенты разных городов, иногда агенты одного и того же города, посланные различными организациями»[9]. Часто их затраты были напрасны, так как купленный хлеб реквизировался уполномоченными Особого совещания. Так уполномоченные не дали вывести хлеб, закупленный в Донской области, в Царицын в количестве 180 вагонов [14].

Более того, сами уполномоченные нарушали твердые цены. Так, в мае 1916 г., уполномоченный по закупке хлеба для армии в Киевской губернии К.П. Григорович- Барский «объявляет во всеобщее сведение, что в случае установления новых твердых цен на хлеб урожая 1916 г., если таковые цены будут назначены выше действующих, старые запасы, оставшиеся непроданными, будут приобретаться по твердым ценам, ныне существующим...»[10, 21 мая]. А из Харькова сообщали: «... в Харькове уполномоченные платят за зерно выше твердой цены»[6].

Конечно же, такие заявления и действия уполномоченных не способствовали заготовке хлеба, держатели предпочитали скрывать хлеб и выжидать нового повышения цен.

В августе 1916 г. правительство хотело повысить твердые цены, но это вызвало протесты на местах. Тогда правительство, не выработавшее в отношении твердых цен единой линии, решило их понизить. Но это вызвало неудовольствие со стороны помещиков, которые стали угрожать саботажем в сдаче хлеба и сокращением количества запахиваемых площадей. Осенью совсем растерявшееся правительство решило, прежде всего, в угоду помещикам, повысить твердые цены: на рожь на 10%, пшеницу - на 10%, овес - на 23%, ячмень - 25%[18]. Кроме этого вводилась доплата за доставку хлеба к железнодорожным станциям и пристаням. Эти решения нанесли тяжелый удар политике твердых цен. В них после этих решений никто не верил. Кроме того существовала свободная торговля и держатели хлеба предпочитали сбывать хлеб на рынке. Твердые цены не были введены на промышленную продукцию, и это предопределило неэффективность этого мероприятия.

Из продовольственной политики первых двух лет мировой войны можно сделать следующие выводы:

1. Все воюющие стороны и, прежде всего Германия и Австро-Венгрия, стали раньше России использовать регулирующие государственные меры в сфере продовольствия. В экстремальных условиях войны или других чрезвычайных ситуациях действуют объективные, общие для всех стран и правительств социально-экономические законы. Это полностью относится к продовольственной политике.

2. Продовольственный кризис в России в Первую мировую войну был следствием воздействия объективных и субъективных причин. Объективная – война, потребовавшая огромных затрат материальных и людских ресурсов. Субъективная - беспомощная политика правящих кругов, стремление держателей хлеба – помещиков и буржуазии, даже в условиях войны, иметь прибыль. Следует учитывать ныне дискутируемый вопрос о том, что голод в России был вызван искусственно, определенными политическими силами. Хлеба в России в 1916-1917 гг. было достаточно для прокормления армии и городов.

3. Как показал опыт, мероприятия государственного регулирования в продовольственной сфере, характе-

ризуются тенденциями централизации и унификации всех сторон в организации продовольственного дела. Первые мероприятия в этом плане заложило царское правительство (твердые цены, запрет вывоза продуктов, продовольственная разверстка и т.д.). В дальнейшем, Временное и Советское правительства, белогвардейские армии, другие правительства и военные лагеря шли именно этим путем. Большевики возвели продовольственную политику в ранг государственной и придали ей классовый характер. Т.е., как уже говорилось, независимо от характера власти, продовольственные меры остаются одни и те же – социально-экономические законы, выше политической власти и идеологических понятий.

Наступали революционная осень-зима 1916-1917 гг. Царское правительство должно было пойти по пути жесткого регулирования продовольственного дела - введением «хлебной монополии». Лозунги «Долой голод!», «Хлеб народу!» превалировали над политикой и привели Россию к революции.

Issues of food market regulation in emergency conditions of war, very difficult. The article analyzes the main activities in the food sector, carried out by the tsarist government in the first two years of world war II and the reasons for the failure of regulation of the food market.
Keywords: *world war, food policy, supply and distribution of bread, solid prices, grain monopoly.*

Список литературы

1. Борьба с дороговизной и городские управления. В 2-х ч. Ч.II. М.: Изд-во кооперативного общества. 1916.
2. Государственный архив Киевской области. Ф.1871. Оп.1. Д.287. Л.14
3. Государственный архив Луганской области, Ф.2.Оп.1.Д.25.Л.39
4. Государственный архив Луганской области. Ф.3. Оп.1. Д.57. Л.4,6.
5. Государственный архив Одесской области. Ф.13. Оп.1.Д.57.Л.3.
6. Государственный архив Харьковской области. Ф.5. Оп.1.Д.14.Л.6.
7. Губернские ведомости: Екатеринослав. 1914. 26 июля.
8. Иванцов Д. Н. Урожай 1914 г. /Министерство Земледелия. Петроград,1914. 124 с.
9. Киевская земская газета. 1916. 14 апреля.
10. Киевские губернские ведомости. 1915.
11. Орлов Н.А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М.: Изд-во отдела Наркомпрода, 1919. 30с.
12. Приднепровский край. 1915. 26 февраля.
13. Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах). М.: Воениздат. 1925. 93 с.
14. Русские ведомости. 1916. 26 июля.
15. Свод резолюций Кавказского, Самарского и Петроградского областных съездов по дороговизне. М.: [Б.м.] 1915. 86 с.
16. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914-1917 гг. Ч.I. /Издание Министерства Продовольствия. Петроград, 1917.
17. Херсонский край. 1915. 2 марта.
18. Южно-Русская сельскохозяйственная газета. 1916. 29 сентября.

Об авторе

Борисов Валерий Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета, *ValerijBorisov@yandex.ru*

УДК 94(470)

УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.

Булгар С.С.

В данной статье «Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» рассматривается участие представителей гагаузского народа в Великой Отечественной войне. Эта тема помогает раскрыть фальсификацию истории победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в Республике Молдова. Гагаузы Бессарабии в результате оккупации Румынией в 1918-1940 гг. оказались оторванными от СССР. Сам этнический термин «гагаузы» появляется в официальных документах СССР после освобождения Бессарабии в августе 1944 г., за некоторым исключением. Поэтому большинство гагаузов – участников Великой Отечественной войны записаны «молдаванами», «болгарами», «украинцами» или «русскими».
Ключевые слова: *гагаузы, Степан Булгар гагаузы, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., Бессарабия, Ясско-Кишиневская операция 1944 г., город Вулканешты мемориальная плита, село Копчак мемориальная плита, майор Бозбей.*

Участие представителей гагаузского народа в Великой Отечественной войне – сложная и многогранная тема. В советской и постсоветской молдавской историографии эта тема рассматривалась только в общем контексте – Молдавской ССР и нигде не приводились данные о гагаузах – участниках Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С 1918 по 1940 годы территория проживания гагаузов – Бессарабия, в результате оккупации Румынией была оторвана от СССР. Сам термин «гагаузы» появляется в официальных документах СССР, за некоторым

исключением, лишь с августа 1944 г., после освобождения Бессарабии от немецко-румынских захватчиков. Поэтому в документах периода Великой Отечественной войны о гагаузах очень мало сведений.

Тема об участии гагаузов в Великой Отечественной войне рассматривалась впервые в статье С. Булгара «Антон Буюклы – Герой Советского Союза» в журнале «Трибуна» (Кишинёв, 1987) [108], где идет речь о гагаузе, пулеметчике Антоне Ефимовиче Буюклы – в 1945 г. повторившем в боях за освобождение Южного Сахалина подвиг Александра Матросова. Эта же тема продолжена С. Булгаром в книге «Жан пазары» (на гагаузском языке, в переводе - «Пламенные сердца», Кишинев,1988) [109, с.113-115]. В главе «Массовая мобилизация гагаузов в трудовую армию осенью 1944 года» [110, с.10-11] в брошюре «Сталин и гагаузы» (Чадыр-Лунга, 1990) автора С. Булгара; в главе «Гагаузы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» [111, с. 325-348] автора С. Булгара из книги «История и культура гагаузов» (Комрат-Кишинев-2006, под ред. Булгара С.С.); в главах «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» [112, с. 195-201], «Освобождение Комрата в ходе Ясско-Кишиневской операции. 29 августа 1944 года» [112, с. 202-208] и «Мобилизация комратчан в Советскую Армию 25.08.1944 г. Материалы Особого отдела 3-го Украинского фронта 25.08.1944 г.» [112, с.209-211] в книге «История города Комрата» (Chişinău, 2007, автор С. Булгар); в брошюре «Гагаузы – участники Великой Отечественной войны» (к 65-летию Победы) (Кишинев, 2010, автор Булгар С.С.) [113]; в главах «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» [114, с. 514-533]; и «Период румынской оккупации и участие жителей Вулканештского района в антифашистском сопротивлении 1941-1944 гг.» [114, с. 534-550] в книге «Страницы истории города Вулканешты» (Кишинев-2010, автор С. Булгар); в статьях «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.» [115, с. 166-169], «История семьи Онищенко-Молла» [115, с. 170-174] и «Трудовая армия 1944-1953 гг.» [115, с. 175-180] в книге «История села Виноградовка (Курчи) 1811-2011 гг.» (Одесса, 2011, автор С. Булгар); в главе «Участие конгазцев в войнах» автора Булгара С.С. в книге «Конгаз» (Кишинев, 2012, авторы: Ф. Франгу, П. Фуртунэ, А. Фуртунэ) [116, с. 299-321]; в статье С. Булгара «Казаклийцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» в книге «История села Казаклия. Kazayak. 1812-2012» (Кишинев-2013, авторы: С. Булгар, Ф. Кылчик) [117, с. 204-226]; в книге «Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Кишинев-2014, автор С. Булгар) [118]; в книге «Гагаузский народ в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Кишинев-2015, автор С. Булгар) [119]; в брошюре «Гагаузы – участники обороны Ленинграда 1941-1944 гг.» (Komrat-2016, автор С. Булгар) [120]; в книге «Гагаузские женщины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Кишинев-2016, автор С. Булгар) [121].

В данной статье автор преследует две цели. Первая цель: тема участия гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. раскрывает неизвестные страницы истории победы советского народа. Вторая цель: борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны в Республике Молдова, которая приобрела после распада Советского Союза невиданные масштабы. Обе темы взаимосвязаны.

Молдавская историография в советский период замалчивала тему участия гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Примером тому может служить коллективная монография авторов Афтенюк А., Елин Д., Коренев А., Левит И. «Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг.» [109, с. 313] и «Очерки истории комсомола Молдавии» коллектива авторов, руководитель Коренев А.А. [141, с. 187]. В каждой союзной республике пытались максимально показать роль в войне так называемой коренной нации. В Молдавской ССР историки освещали только «участие молдавского народа», включая в это понятие и все остальные национальности, проживающие в республике. А точнее, вообще не освещали роль гагаузов в период Великой Отечественной войны. Поэтому в исторической литературе какие-либо сведения о гагаузах, причастных к событиям этого периода, найти почти невозможно.

С 1991 года история Республики Молдова регулярно переписывалась, и сегодня учащиеся и студенты на уроках истории в школах, лицеях, высших учебных заведениях изучают не историю Республики Молдова, а «Историю румын», где вообще не упоминается об участии гагаузов в Великой Отечественной войне.

Определенные проявления молдавского национализма со стороны партийной номенклатуры в Молдавской ССР с 1989 года трансформировались в румынский национализм. Как пишет молдавский историк П. Шорников: «Курс «Истории Молдавии» был изъят из программ учебных заведений и заменен курсом «Истории румын» [143, с. 10].

Необходимо отметить, что борьба против фальсификации истории Великой Отечественной войны в Гагаузии ведется многопланово, с использованием различных методов. Так, 28 апреля 2016 г. Народным Собранием Гагаузии было принят закон об образовании Гагаузии сразу в двух чтениях, в котором идет речь также о введении «углубленного изучения истории родного края» [1] под названием «История Гагаузии и гагаузского народа». Закон позволяет включить учебник «История Гагаузии и гагаузского народа» в список школьной литературы. Поэтому сегодня так остро стоит вопрос патриотического воспитания гагаузской молодежи на героических примерах участия гагаузов в Великой Отечественной войне. В Гагаузии идет увековечивание памяти героев – участников Великой Отечественной войны. 27 августа 2014 г. на памятнике воинам-освободителям города Вулканешты (Гагаузия, Республика Молдова) была установлена мемориальная доска в память уроженцев города, сражавшихся на полях Великой Отечественной войны [2]; 24 апреля 2015 г. в Вулканештах состоялась гражданско-патриотическая акция «15 дней до Великой Победы», которая ежегодно проводится под патронажем международного союза «Наследники Победы» в разных городах стран СНГ, а в Гагаузии деятельность данной организации курирует Башкан Гагаузии Ирина Влах [3]. 9 мая 2015 г. в г. Вулканешты установлена мемориальная плита братьям Бозбей. Примария (мэрия)

г. Вулканешты учредила памятную медаль «Звезда Бозбея. Честь и храбрость» [4]. В с. Копчак (Гагаузия, Республика Молдова) 29.08.2015 г. состоялось открытие мемориальной доски в честь героя Великой Отечественной войны, уроженца села Гаризана М.А. [5]. «…В мероприятии приняли участие дочь героя – Раиса, депутат Народного Собрания Гагаузии И. Топал, мэр села О. Гаризан и много других гостей…» [6]. Гагаузский композитор Дмитрий Недов из Вулканешт написал музыку на стихи Тодура Мариноглу об уроженце Вулканешт, герое Великой Отечественной войны гвардии майоре В.А. Бозбее [7]. В 2014 г. братьям В.А. Бозбею и Г.А. Бозбею присвоено звание «Почетный гражданин г. Вулкэнешть» (посмертно) [119, с. 344]. Были подготовлены открытки «70-летию Победы посвящается! Гагаузы – герои Великой Отечественной войны» [8]. С 6 по 26 июля 2015 г. в вагонах метрополитена г. Санкт-Петербурга были установлены фотоколлажи с информацией об участниках Великой Отечественной войны из гагаузских населенных пунктов [9]. В городе Брянске 14 марта 2016 г. прошла встреча автора статьи со студентами из Гагаузии, обучающимися в Брянской области, по теме: «Патриотическое воспитание молодежи на примерах гагаузов - героев Великой Отечественной войны». В Брянском государственном сельскохозяйственном университете состоялось представление книги «Гагаузы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [10]. 9 мая 2016 г. в столице Гагаузии – г. Комрате тысячи людей вышли на праздничный парад по случаю Дня Великой Победы [11]. На митинге выступили Башкан Гагаузии Ирина Влах, мэр Комрата Сергей Анастасов. «Мы помним наших героев, чтим их светлую память. И воспитываем на их примере молодое поколение в духе патриотизма и любви к Родине», - сказала Башкан Ирина Влах [12]. Историк С. Булгар рассказал об акции «Создание художественных портретов комратчан – героев Великой Отечественной войны», которую проводят примария г. Комрата и Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М.В. Маруневич. На митинге был представлен художественный портрет гв. мл. лейтенанта Ф.П. Кыльчика, автор картины – гагаузский художник Михаил Арабаджи. 9 мая 2016 г. в Вулканештах праздничную колонну возглавлял «Бессмертный полк», впервые прошедший в Вулканештах [13]. 9 мая 2016 г. в селе Гайдары (Гагаузия, Республика Молдова) была установлена мемориальная доска в честь «Отважной дочери гагаузского народа, ст. лейтенанта Миху-Конюшенко Е.В., начальника санслужбы 24 артиллерийского полка, 5-й Гв. Краснознаменной Городокской стрелковой дивизии» [14].

В контексте данной статьи дадим историческую справку о гагаузах. Современные гагаузы – потомки переселенцев из Болгарии (находившейся под игом Османской империи) в Бессарабию во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Будучи православными христианами, гагаузы добровольцами вступали в *«болгарское ополчение»* [143, с. 42-45], о чем рапортует А. А. Коронелли в Бухарест к И. В. Сабанееву 4 мая 1812 года: *«…Болгарское войско из задунайских переселенцев формирует поручик Ватикиоти…»* [141, с. 44] и воевали против турецких войск. Генералы русской армии отмечали, что болгары *«…оказали большие услуги для российского войска…»* [141, с. 25]. Сам Кутузов отмечал отвагу и героизм ополченцев, о чем писали 8 сентября 1815 года бессарабские задунайские переселенцы главнокомандующему II армией Л. Л. Беннингсену [141, с. 101]. В Болгарском земском войске служило много гагаузов, которые совершали вылазки в тыл врага [133, с. 444-445]. В указе Правительствующего сената от 29 декабря 1819 г. о даровании задунайским переселенцам прав иностранных колонистов [141, с. 542-547] гагаузы, переселявшиеся вместе с болгарами, и в официальных документах значились как «задунайские переселенцы», или «болгарские переселенцы», были включены в общее число «болгар» [141, с. 542]. Гагаузы в Российской империи писались «болгарами» в графе «национальность» вплоть до начала XX века. В советский период истории этническое происхождение гагаузов трактовалось по-разному.

В июне-июле 1941 г. в период пограничных сражений частей Красной Армии с немецко-румынскими захватчиками в близком тылу на территории Молдавской ССР [142, с. 164], сотни представителей гагаузского народа приходили в военкоматы, чтобы записаться добровольцами в ряды Красной Армии [122]. В населенных пунктах проходили митинги. Так, в Вулканештском районе 5 июля 1941 года проводились митинги «трудящихся Вулканештского района в связи с выступлением по радио И.В. Сталина» [134, с. 118]. Малоизвестным фактом является то, что в июле 1941 года в Красную Армию были мобилизованы несколько тысяч гагаузов, которых в большинстве своем направляли в рабочие батальоны Одесского оборонительного укрепрайона, откуда солдаты рабочих батальонов были эвакуированы в Севастополь, а другая группа гагаузов в составе рабочих батальонов участвовала в Керченско-Феодосийской операции (декабрь 1941 г. – май 1942 г.) [42, Курдов Иван Степанович, 1919 г. р.]. *«…рабочие батальоны были заняты на различных инженерных работах, как на передовой, так и в тылу наступающей Красной Армии…»* [138, с. 531].

По рассказу учителя Копчакской школы Недеогло Василия Георгиевича, после выступления по радио И.В. Сталина, его дед, Недеогло Сидор Петрович, 1920 г. рождения, вспоминал [135], что в июле 1941 г. по громкоговорителю, установленному на столбе в центре села, была объявлена мобилизация в Красную Армию, в соответствии с которой военнообязанные в возрасте от 20 до 55 лет собрались в количестве более двух тысяч человек в назначенный час в центре села Копчак, и под командованием советских офицеров колонной направились на станцию Тараклия. Там мобилизованные погрузились в вагоны и прибыли в г. Бендеры, оттуда – в Одессу, где мобилизованные строили оборонительные укрепления. В октябре 1941 г. на кораблях вместе с войсками копчакцы были эвакуированы в г. Феодосию. Оттуда колонна двинулась в направлении Керчи, но вскоре была окружена немецкими войсками и под конвоем отправлена в лагеря военнопленных, расположенных в районе между городами Херсоном и Николаевом. Из этих лагерей военнопленные – выходцы из Бессарабии, по соглашению между Германией и Румынией, были отправлены в румынские лагеря для военнопленных.

Чадыр-Лунгским РВК в 1941 г. была призвана большая группа жителей села Гайдары, в числе которых были Мошогло К.Г.Маринчу В.В., Челак И.Г., Челак Ф.Ф., Баку В.П. и др. На станции Раздельная колонну разбомбили немецкие самолеты, а оставшихся в живых отпустили по домам (по воспоминания Баку Дмитрия Парамоновича, 1922 г.р. и Баку Владимира Парамоновича, 1923 г.р., участников тех событий) [132, с. 95].

Ситуацию с рабочими батальонами во время эвакуации из Одессы иллюстрирует документ, составленный офицером Тараклийского РВК Лагутой. Рядовой Казанжи Ф.Г. был сапером саперного батальона, призван по мобилизации Тараклийским РВК Молдавской ССР 6 июля 1941 г. Как следует из справки Тараклийского РВК от 25 апреля 1956 г. за № 239, есть показания сослуживцев Сарсаман Дмитрия Ивановича, Трондофил Георгия Ивановича и Ажииван Семена Ивановича о том, что «при укреплении линии обороны под Одессой 29 сентября 1941 г. рядовой саперного батальона Казанжи Федор Георгиевич был убит осколком снаряда. Указанные сослуживцы в качестве свидетелей, лично похоронили 30 сентября 1941 г. под Одессой тов. Казанжи Федора Георгиевича» [31].

Примером того, как определяли национальность гагаузов во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., служат воспоминания участницы Сталинградской битвы М.Н. Славиогло [128, с. 51], 1921 г.р., уроженки с. Бешгиоз, Чадыр-Лунгский район, Кагульский уезд, Молдавская ССР [108]. Молдавская журналистка Римма Казакова опубликовала очерк о Марии Славиогло, где рассказывается о том, как в январе 1942 г. офицер особого отдела беседовал с Марией, но о гагаузах ничего не знал и записал ее молдаванкой, потому что была родом из Молдавии [130, с. 10]. И таких случаев было немало. Тем не менее, отсутствие в документах этнического термина «гагауз» не означает, что они не служили в Советской Армии. Дело все в том, что большинство гагаузов были записаны молдаванами, болгарами, а иногда и украинцами и русскими.

В годы Великой Отечественной войны гагаузы, как и все советские люди, проявили героизм, самоотверженность и высокую трудовую активность. Представители гагаузского народа участвовали в обороне Одессы, Севастополя, Керчи, Кавказа и Сталинграда. Они проявили мужество и героизм на Курской дуге, при форсировании Днепра, в сражениях за освобождение Белоруссии, Украины, Молдавии, Польши, Венгрии, Австрии и в битве за Берлин, в подпольной борьбе в тылу немецко-фашистских захватчиков.

К первой группе участников Великой Отечественной войны относятся гагаузы, мобилизованные в Красную Армию в конце июня – начале июля 1941 г. Мобилизацию проводили Тараклийский, Конгазский, Чадыр-Лунгский и Комратский Райвоенкоматы. Большинство мобилизованных были направлены в рабочие батальоны. Вместе с частями Красной Армии мобилизованные отступали в сторону Одессы, затем были эвакуированы в Севастополь, где воевали до последнего дня защиты города-героя. Некоторые мобилизованные отступали с Красной Армией в сторону Сталинграда и в сторону Кавказа.

Из гагаузского села Томай в Красную Армию ушли добровольцами около 100 человек [143, с. 99].

По определенным политическим причинам большая часть уроженцев Бессарабии в конце 1941 – начале 1942 г. были демобилизованы из Красной Армии и направлены в трудовую армию [143, с. 416]. Историк В.Я. Гросул пишет: «…В июле 1941 года по приказу советского руководства из армии были уволены так называемые западники. Под эту категорию подошли и те жители Молдавии, которые проживали в Бессарабии, и ее районах. Большинство из них было уволено из армии и было переведено на трудовой фронт, а затем мобилизовано уже в 1944 г…» [127, с. 46].

Большая часть мобилизованных (в июне-июле 1941 года) попала в состав рабочих батальонов, среди которых: 1-й отдельный саперный батальон Одесского Укрепрайона; 824-й отдельный строительный батальон; 2-й рабочий батальон [119, с. 249]; 4-й рабочий батальон [119, с. 294]; 6-й рабочий батальон [63, Фильчу Василий Иванович (1909 г.р.)]; 24-й рабочий батальон [70, Ясибаши Георгий Георгиевич]; 27-й рабочий батальон [44, Куцар Кирилл Георгиевич]; 63-й рабочий батальон [68, : Шидев (Шидер) Петр Николаевич]; 129-й рабочий батальон [109, с. 92-95]; 418-й рабочий батальон [119, с. 261]; 829-й рабочий батальон [27, Гаргалык Степан Николаевич]; 835-й рабочий батальон [56, Сарсаман Илья Сергеевич]. Тысячи гагаузов и болгар, как и крестьян других национальностей, были мобилизованы со своими подводами. Мобилизованные участвовали в сооружении различных оборонительных рубежей на подступах к Одессе. О количестве гагаузов, мобилизованных в Красную Армию в 1941 г., свидетельствуют данные о количестве мужского и женского населения, зафиксированных румынскими оккупационными властями. Так, в начале 1943 г. в Комрате на 3782 мужчины приходилось 5944 женщины и 4492 ребенка обоего пола [143, с. 99].

На примере уроженцев с. Казаклия Чадыр-Лунгского района можно проследить судьбу солдат, попавших в концлагеря Николаева и Херсона. Они, в основном, участники Керченско-Феодосийской операции, призванные Тараклийским Райвоенкоматом в июне 1941 г. [119, с. 27-28].

Некоторые мобилизованные погибли при обороне Одессы, как например, Казанжи Федор Георгиевич (1904-1941), уроженец с. Копчак Тараклийского района [119, с. 277].

Из объяснительной Кристиогло Ильи Ивановича, 1918 г.р., гагауза, проживающего в с. Примово Карабановского с/совета Одесской области: «Гр-н Кристиогло И.И. объясняет следующее: 20 июня 1941 года я был призван в Советскую Армию вместе с Влах Дмитрием Георгиевичем [уроженец Комрата - *С. Булгар*] Комратским Райвоенкоматом Молдавской ССР и были зачислены оба в 830 стрелковый полк. Служили вместе в одной роте, но в разных взводах. Приблизительно в конце августа 1941 года в 25-30 км от г. Одесса, когда наш батальон в лесопосадке был расположен на обед, появились немецкие самолеты и сбросили несколько бомб. При бомбежке был тяжело ранен рядовой Влах Дмитрий Георгиевич, который по пути в госпиталь в г. Одессу умер» [26].

Согласно документам в деле: «Именные списки красноармейцев, умерших в лагерях военнопленных в Румынии, составленные согласно отношению Нр.А.Г.М.132 от 5-го декабря 1944 г. союзной контрольной комиссией в Румынии», в румынских лагерях для военнопленных № 4 Васлуй, № 5 Тирасполь, № 6 Калафат, № 8 Болград числится ряд уроженцев гагаузских сел, попавших в плен под Ялтой в ноябре 1941 г., под Керчью в мае-июне 1942 г., под Севастополем в июне 1942 г., под Армавиром и Краснодаром в августе 1942 г. [119, с. 52-65].

Так, например, в лагерь № 5 Тирасполь попали: Стамат Афанасий Петрович (1921 г.р., с. Авдарма, попал в плен под Керчью 15.05.1942 г.) [58], Тукан Петр Федорович (1910 г.р., с. Баурчи Кагульского р-на, попал в плен под Севастополем 30.06.1942 г.) [62], Нефталимов (Нафталимов) Павел Кириллович (1911 г.р., с. Баурчи Кагульского р-на, попал в плен под Ялтой 01.11.1941 г.) [50], Недов Петр Петрович (1922 г.р., с. Вулканешты, попал в плен под Севастополем 30.06.1942 г.) [49], Чербажи Иван Иванович (1918 г.р., с. Казаклия, попал в плен под Ворошиловском (Ставрополь) 03.08.1942 г.) [67], Арнаут Илья Ильич (1918 г.р., с. Чок-Майдан Бендерского уезда, попал в плен 05.07.1942 г. под Краснодольной) [20].

В лагерь № 6 Калафат попали: Стамов Дмитрий Петрович (1909 г.р., с. Джолтай, попал в плен 16.09.1941 г. на Украине, в Киевской области) [59].

В лагерь № 8 Болград попали: Терзи (Терзь) Константин Михайлович (с. Карбалия Кагульского р-на, воевал в 54 пехотном полку, попал в плен в лаг. № 8 Болград 08.08.1941 г. под с. Михайловка на Украине, откуда был освобожден 04.10.1941 г., затем переведен в румынский лагерь № 4 Васлуй для в/пленных) [61].

В 1944 г., после освобождения территории Молдавской ССР и Одесской области Украины от немецко-румынских оккупантов, в документах полевых военкоматов III-го Украинского фронта и в похозяйственных книгах гагаузских сел появляется запись *«гагауз»* в графе *«национальность»*. Так, в похозяйственных книгах за 1944-1945 гг. села Татар-Копчак, Чадыр-Лунгского района, Молдавской ССР, в графе мобилизованного указана национальность *«гагауз»*. Согласно проведенной выборке из похозяйственных книг по селу Татар-Копчак, мобилизаций в РККА было несколько: 10.10.44 г., 20.12.44 г., 03.01.45 г. В одном селе Копчак в 1944-1945 гг. в РККА было мобилизовано 662 человека [140], а 27-31.08.44 г. в городе Комрате – 2392 человека [125], где в графе «национальность» указано «гагауз». Точных данных о количестве мобилизованных гагаузов нет, сегодня эти цифры пока можно назвать только приблизительно.

Большинство были мобилизованы в трудовую армию и направлены на работы на шахтах, металлургических заводах, стройках и т.д. Мобилизация в трудовую армию проходила в соответствии с положениями из постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 13.11.1942 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13.11.1942 г. «О порядке мобилизации трудоспособного населения для производства и строительства», где было сказано, что мобилизации для работы на производстве и строительстве подлежит трудоспособное сельское население в возрасте: мужчины от 16-55 лет, женщины с 16-50 лет из числа не работающих в государственных учреждениях. Таким образом, около 20 тыс. человек работали на шахтах Казахстана, металлургических заводах в Челябинске, на восстановлении разрушенных предприятий в Донбассе, Одессе и других местах. Большинство мобилизованных в трудовую армию работали в период с 1944 по 1953 годы. Многие были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В 1993 г. на Украине вышел закон, по которому бывшие трудармейцы получили статус участников Великой Отечественной войны.

Среди гагаузов – участников Великой Отечественной войны были настоящие герои:

Герой Советского Союза Буюклы [129] Антон Ефимович (1915 г.р., с. Александровка Акимовского района, Запорожская область, Украина), старший сержант, командир пулеметного расчета 165 ордена Красной Звезды стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта. В августе 1945 г. во время ожесточенного боя с японским гарнизоном Котонского укрепрайона (о. Сахалин) «старший сержант Антон Ефимович Буюклы, закрывший собой амбразуру вражеского дзота, совершил бессмертный подвиг, равный подвигу легендарного Александра Матросова» [73, л. 17-22]. Указом ПВС СССР от 6 мая 1965 г. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно) с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Материал, представленный Министру Обороны СССР на присвоение звания Героя Советского Союза (посмертно) старшему сержанту Буюклы Антону Ефимовичу (из личного дела) [73, л. 27-29, 33-43].

08.02.1945 г. был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза Гаризан Михаил Афанасьевич (1919 г.р., с. Новотроицкое, Урджарского района, Казахской ССР, призван Прохладненским РВК Кабардино-Балкарской Автономной области в 1939 г.), лейтенант, командир стрелкового взвода 374 Краснознаменного стрелкового полка 128 стрелковой Псковской Краснознамённой дивизии, орден «Красного Знамени», два ордена Отечественной войны I степени; представлен 08.02.1945 г. к присвоению звания Героя Советского Союза «В боях за гг. Глейвец и Гинденбург лейтенант Гаризан М.А. проявил мужество и героизм, стойкость и решительность командира. В упорных боях на улицах Гинденбурга тов. Гаризан умело расставил свои силы, и умело маневрируя, очистил от противника 5 кварталов и прорвался к центру города» [136, с. 185-186, 223]. Гаризан М.А. со своим взводом захватил железнодорожную станцию, где были «захвачены 4 немецких эшелона с военным имуществом и другие трофеи» [74].

Бозбей [72] Владимир Афанасьевич (1922 г.р., г. Казатин, Украина), гвардии майор, дивизионный инженер 27-й мотострелковой бригады, 11 гв. танковый корпус, 1 гв. танковая армия, 1 Украинский фронт (VIII-1944 г. - X-1944 г. – нач. штаба 27 гв. мотострелковой бригады), орден Красного Знамени (06.12.1942 г.), кавалер Орденов Отечественной войны I и II степеней. Командовал 2 батальоном 27 МТБр при освобождении г. Лисянка [131, с.

142]. Во время боя за село Джуржинцы «Сам БОЗБЕЙ лично уничтожил 45 немцев» [121, с. 337]. Проявил мужество и героизм в бою за Малое Кропотово [126, с. 44]. Почетный гражданин г. Вулканешты (протокол № 8 от 30.09.2014 г.) (посмертно). Убит в бою 01.05.1945 г. [119, с. 337].

Бозбей Геннадий Афанасьевич (1924 г.р., г. Казатин, Украина), лейтенант, командир стрелкового взвода 1051 стр. полка 300 стр. дивизии, Почетный гражданин г. Вулканешты (протокол № 8 от 30.09.2014 г.) (посмертно). Погиб 09.02.1943 г. [24].

Участник Сталинградской битвы Кыльчик Федор Петрович (1921 г.р., г. Комрат, Гагаузия, Республика Молдова), гв. мл. лейтенант, командир стрелкового взвода 109 стрелкового полка 37 гв. стр. дивизии, дважды был ранен. Убит 26.08.1944 г. [45].

Касымов Михаил Матвеевич (1905 г.р., с. Авдарма, Гагаузия, РМ) мл. лейтенант, командир огневого взвода 553 минометного полка, 31 отдельной минометной бригады РГК (Резерв Главного Командования), орден Красной Звезды [84].

Маргарит Василий Иванович (1921 г.р., с. Александровка, Акимовский р-н, Запорожская область, Украина), гв. ст. сержант, командир орудия 138 Гв. артиллерийского Краснознаменного полка, 67 Гв. стр. дивизия, медаль «За оборону Сталинграда», медаль «За боевые заслуги», орден «Красная Звезда», орден «Слава 3 степени», орден «Слава 2 степени», орден Отечественной войны II степени [93]. Участник Курской битвы, подбил 7 немецких танков.

Кол Константин Савельевич (1918 г.р., с. Казаклия, Гагаузия, РМ), командир отделения полковой автоматной роты 140 Гв. Стр. Краснознаменного ордена Кутузова полка, 47 Гв. стрелковой Нижнеднепровской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии, орден «Красной Звезды» [87].

Чумак Алексей Иванович (1921 г.р., с. Кириет-Лунга, Гагаузия, РМ) мл. сержант, наводчик 532 истребительного противотанкового артполка 10 отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады РГК, три медали «За отвагу», орден Красной Звезды, орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени [137, с. 187], [105]. Геройски себя проявил Алексей Чумак во время боев за освобождение Кишинева. 25 февраля 1945 г. в газете «Советская Молдавия» был опубликован очерк «На Берлин!», где рассказывалось о боевом пути Алексея Чумака. В очерке написано: «Армия идет на запад. Победная дорога ее овеяна славой. Путь ей прокладывают герои. Такие, как Чумак…» [123], а 20 мая 1945 г. в газете «Советская Молдавия» было напечатано фото Алексея Чумака, «прошедшего великий освободительный путь от Сталинграда до Восточной Пруссии…» [124].

Славиогло (Сорина – по мужу) Мария Николаевна (1921 г.р., с. Бешгиоз, Гагаузия, РМ). Была медсестрой в санитарном поезде № 1139. М.Н. Сорина (Славиогло) – кавалер ордена Отечественной войны II-ой степени и медалей, прошла всю войну. В честь 70-летия Сталинградской битвы Российская Федерация наградила М.Н. Сорину медалью «За верность долгу и Отечеству» [100].

Славиогло (Дудакова – по мужу) Варвара Николаевна (1923 г.р., с. Бешгиоз, Гагаузия, РМ). В 1942 г. была направлена медсестрой в 35-ю стрелковую дивизию. Прошла всю Сталинградскую битву. Ветеран Великой Отечественной войны В.Н. Дудакова (Славиогло) – кавалер ордена Отечественной войны II-ой степени и медалей [77].

Миху (Конюшенко - по мужу) Екатерина Васильевна (1914 г.р., с. Бессарабское, Алгинского р-на, Актюбинской обл., Казахской ССР). Ее родители родом из с. Гайдары, Чадыр-Лунгской волости, Бессарабской губернии. 23-й сп Южного фронта; начсанслужбы Отдельного стрелкового батальона 333 сд; начмедслужбы 897 артполка; в составе Западного, 1-го Прибалтийского фронтов. Гв. интендант 3 ранга Конюшенко Е.В., фельдшер дивизиона 24 Гв. артполка – кавалер ордена «Красной Звезды», ордена Отечественной войны I степени и медалей [89].

Конечно, история и судьба гагаузов в годы Великой Отечественной войны – тема непростая. Сложность данной темы в том, что в советское время в исторической наук Молдавской ССР она замалчивалась. Сегодня, после опубликования недоступных архивных документов, связанных с историей Великой Победы советского народа в борьбе с фашизмом, открылась возможность изучать участие гагаузов в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Исходя из исторических реалий военного времени, гагаузов – участников Великой Отечественной войны, условно можно разделить на четыре группы.

Первая группа – это мобилизованные в Красную Армию в июне-июле 1941 г. с юга Молдавской ССР и Одесской области Украины.

Вторая группа участников Великой Отечественной войны – гагаузы, проживающие на территории России, Украины, Казахстана и Узбекистана, призванные на фронт военкоматами по месту проживания.

Третья группа – мобилизованные полевым Военкоматом 3-го Украинского фронта на территории Молдавской ССР и Одесской области Украинской ССР и добровольцы, попавшие на фронт из различных регионов Советского Союза.

Четвертая группа – гагаузы призывного возраста, мобилизованные в трудовую армию в 1944-1945 гг., численностью около 20 тысяч человек.

Можно сделать вывод, что гагаузы, проживавшие на тот момент на территории Молдавской ССР, Украинской ССР, РСФСР, Казахской ССР – защищали на фронтах Великой Отечественной войны свою Родину – СССР, а в трудовой армии добросовестно трудились на металлургических заводах Донецка, шахтах Караганды, железных дорогах, восстанавливали из руин разрушенные войной города Донбасса, Одессу, Керчь, ковали победу на фронте и в тылу.

Итоговый вывод:

Таблица 1. Гагаузы – участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. ([15, Акбаш Петр Петрович (1921 г.р.)], [16, Алтыпармак Константин Дмитриевич (1918 г.р.)], [17, Ангелопов Иван Георгиевич (1914 г.р.)], [18, Ангелопов Христохор Георгиевич (1912 г.р.)], [19, Ангилопов Георгий Михайлович (1914 г.р.)], [21, Балов Игнат Дмитриевич], [22, Болгар Петр Александрович (1924 г.р.)], [25, Великсаров Алексей Георгиевич (1919 г.р.)], [28, Гроздев Михаил Георгиевич (1896 г.р.)], [29, Жосанов Федор Леонтиевич (1913 г.р.)], [30, Дерменжи Мирон Харлампиевич (1919 г.р.)], [32, Кальчев Степан Антонович (1918 г.р.)], [33, Карагаур Илья Николаевич (1919 г.р.)], [34, Карапиря Иван Михайлович (1909 г.р.)], [35, Киор Андрей Георгиевич (1901 г.р.)], [36, Кисеев Николай Николаевич (1910 г.р.)], [37, Кочебаш Николай Афанасьевич (1914 г.р.)], [38, Кройтор Василий Иванович (1925 г.р.)], [39, Кукулер Степан Дмитриевич (1913 г.р.)], [40, Кукулеров Андрей Харлапович (1918 г.р.)], [41, Кулаксиз Леонид Константинович (1923 г.р.)], [43, Курдогло Григорий Иванович (1925 г.р.)], [46, Маринов Василий Васильевич (1913 г.р.)], [47, Митиоглов Василий Степанович (1914 г.р.)], [48, Митиш Петр Дмитриевич (1904 г.р.)], [51, Паруш Иван Михайлович], [52, Помужак Георгий Николаевич (1906 г.р.)], [53, Попазов Степан Николаевич (1896 г.р.)], [54, Пунаржи Михаил Федорович (1907 г.р.)], [55, Сабаш Яков Денисович (1915 г.р.)], [57, Славиогло Дмитрий Николаевич], [60, Сыртмач Петр Федорович (1898 г.р.)], [64, Халач Михаил Георгиевич (1909 г.р.)], [65, Халач Петр Егорович (1904 г.р.)], [66, Чебанов Петр Дмитриевич (1901 г.р.)], [69, Ялома Илья Афонасьевич], [71, Янчоглу Иван Ангелович (1901 г.р.)], [75, Великсаров Иван Афанасьевич (1918 г.р.)], [76, Великсаров Федор Константинович (1914 г.р.)], [78, Дюльгер Николай Борисович (1915 г.р.)], [79, Дюльгер Степан Константинович (1920 г.р.)], [80, Капанжи Григорий Григорьевич (1925 г.р.)], [81, Карапиря Василий Михайлович (1926 г.р.)], [82, Касаджик Георгий Афанасьевич (1901 г.р.)], [83, Касаджиков Евгений Дмитриевич (1913 г.р.)], [85, Кирчев Василий Михайлович (1922 г.р.)], [86, Кирчев Дмитрий Филиппович (1910 г.р.)], [88, Колев Георгий Георгиевич (1917 г.р.)], [90, Костов Петр Афанасьевич (1900 г.р.)], [91, Кройтор Степан Иванович (1918 г.р.)], [92, Лозов Петр Иванович (1926 г.р.)], [94, Митиш Константин Дмитриевич (1923 г.р.)], [95, Нафталимов Леонид Кириллович (1914 г.р.)], [96, Орманже Иван Васильевич (1901 г.р)], [97, Пеев Пётр Петрович (1922 г.р.)], [98, Помужак Дмитрий Федорович (1920 г.р.)], [99, Самси Дмитрий Демьянович (1921 г.р.)], [101, Стомат Федор Степанович (1901 г.р.)], [102, Сяров Илья Александрович (1893 г.р.)], [103, Терзи Петр Николаевич (1921 г.р.)], [104, Хаджиогло Александр Георгиевич (1903 г.р.)], [119, с. 27-28, 52-65, 68, 88, 101, 105-134, 201-206, 213, 223-226, 231, 232, 249, 261, 277, 294, 314-317, 337, 345-352, 362, 364, 365-366, 372, 378, 387, 390, 417, 421, 424, 429, 455, 466, 472, 492, 498, 517, 522, 540, 548, 556, 572, 576, 580-582, 609-616, 643], [139]).

П/н	Из села (Республики, страны)	Дата призыва неизв.	Призыв 1939-1941 гг.	Призыв 1942-1943 гг.	Призыв 1944-1945 гг.
	I. Гагаузия, Республика Молдова				
1.	с. Авдарма	2	1	-	1
2.	с. Баурчи, Кагульский р-н	8	1	-	2
3.	с. Баурчи, Каушанский р-н	4	-	-	6
4.	с. Бешгиоз	-	2	-	-
5.	город Вулканешты	3	7	-	1
6.	с. Гайдары	13	1	-	
7.	с. Дезгинжа	14	-	-	1
8.	с. Джолтай	6	-	-	-
9.	с. Еникиой	1	-	-	-
10.	с. Казаклия	46	3	-	2
11.	с. Карбалия, Кагульский р-н	3	-	-	-
12.	с. Кириет-Лунга	2	-	2	-
13.	с. Кирсово	1	2	1	2
14.	город Комрат	11	5	2	7 2392 [40]
15.	с. Конгаз	9	2	1	
16.	с. Копчак	28 -	3 10 [39]	1 -	4 662 [39]
17.	с. Томай	10	1 100 [20, с. 99]	-	1
18.	город Чадыр-Лунга	6	4	2	2
19.	с. Чок-Майдан	5	-	-	1
20.	с. Этулия	-	-	-	1
	Итого:	*72*	*142*	*9*	*3085*
	II. Украина: ***Запорожская обл.***, Акимовский р-н (с. Александровка, с. Акимовка, с. Волканешты, с. Дмитриевка), Приазовский р-н (с. Гамовка), г. Мелитополь; ***Одесская обл.*** (с. Болгаровка (Болгарка), с. Болбока (ныне с. Котловина), с. Каракурт (ныне с. Жовтневое), с. Кубей (ныне с. Червоноармейское), с. Курчи (ныне с. Виноградовка), с. Старо-Трояны, с. Табаки, Доманевский р-н (с. Пилиповка), г. Рени; ***Винницкая обл.*** (г. Казатин); ***Харьковская обл.*** (п. Ковяги); Киевская обл. (с. Лысянка,), г. Киев				
	Итого:	*29*	*26*	*7*	*8*

	III. Российская Федерация: г. Ленинград, г. Новороссийск, ***Ростовская обл.*** (стан. Тарасовка), ***Краснодарский край*** (стан. Петропавловская, стан. Ленинградская), ***Северная Осетия*** (с. Сухотское, стан. Черноярская, с. Малгобек); ***Курганская обл.*** (г. Курганск).				
	Итого:	*8*	*11*	*4*	-
	IV. Казахстан: ***Семипалатинская обл.***, Кокпектинский р-н (с. Ивановка, с. Романовка, с. Прохладное), Урджарский район (д. Новотроицкая); ***Павлоградская обл.*** (д. Ольгинка, Ямышевский с/совет); ***Кустанайская обл.*** (п. Милославка, Орджоникидзевский р-н); Акмолинская область; Актюбинская область (г. Актюбинск); г. Алма-Ата.				
	Итого:	*3*	*15*	*2*	*1*
	Всего:	***112***	***194***	***22***	***3094***

Таблица 2.

Трудовая армия (опрос информаторов из личного архива автора).

П/н	Трудовая армия	Количество
1.	В трудовую армию было мобилизовано мужское население призывного возраста. В 1944-1945 гг. из 27 населенных пунктов Гагаузии* (Республика Молдова) в трудовую армию СССР было мобилизовано более 20 тысяч человек. * - официальный сайт Гагаузии http://www.gagauzia.md/	Более 20 тыс. человек

The article "Participation of the Gagauz in the Great Patriotic War of 1941-1945» overviews the participation of representatives of the Gagauz people in the Second World War. This theme helps to uncover the falsification of the history of the Soviet Union population in the victory of the Great Patriotic War of 1941-1945 on the territory of the Republic of Moldova. Most of the Gagauz of Bessarabia have been separated from the Soviet Union as a result of the occupation of Romania in the 1918-1940. Ethnic term "Gagauz" appears in the official documents of the Soviet Union after the liberation of Bessarabia in August 1944, with some exceptions. Therefore, most of the Gagauz - participants of the Great Patriotic War, have been recorded as "Moldovans", "Bulgarians", "Ukrainians" or "Russians".

Keywords: *Gagauzes, Stepan Bulgar Gagauzes, the Great Patriotic War of 1941-1945, Bessarabia, Jassy-Kishinev operation 1944, the town of Vulcanesti memorial plate, the village Kopchak memorial plate, major Bozbey.*

Список литературы

1. Интернет-ресурс: https://point.md/ru/novosti/obschestvo/narodnoe-sobranie-prinyalo-zakon-ob-obrazovanii-gagauzii-srazu-v-dvuh-chteniyah;
2. Интернет-ресурс: https://www.facebook.com/MoldovaRCNK/posts/823410644370718?notif_t=notify_me
3. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=24882
4. Интернет-ресурс: http://budjakonline.md/novosti/obschestvo/404-za-vysokie-dostizheniya-v-vulkaneshtah-budut-nagrazhdat-medalyu-zvezda-bozbeya.html
5. Интернет-ресурс: http://bisericacopceac.md/2015/08/otkrytie-memorialnoj-doski-posvyashhennoj-garizamixailu-afanasevichu-urozhencu-s-kopchak/
6. Интернет-ресурс: http://gagauzmedia.md/index.php?newsid=4475.
7. Интернет-ресурс: http://avdarma.md/ru/index.php?newsid=1276
8. Интернет-ресурс: http://gbm.md/2-uncategorised/77-70 Сайт Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М.В. Маруневич (Комрат, Гагаузия, Республика Молдова).
9. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=19277. Получен 07.07.2015 г., 09:52.
10. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=18673 Получен 10.06.2015 г., 10:19.
11. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=25220 Получен 09.05.2016 г., 14:28.
12. Интернет-ресурс:http://regnum.ru/news/society/2129808.html Получен 09.05.2016 г., 19:30.
13. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=25219
14. Интернет-ресурс: http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=25224 Получен 09.05.2016 г., 17:03.

15-71. Интернет-ресурс: http://www.obd-memorial.ru/

72-105. Интернет-ресурс: http://podvignaroda.ru/

106. Андреев Р.У стен Сталинграда // Газета «Октябрь» от 9 мая 1969 г.

107. Афтенюк А., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг.– Кишинев. 1970. С. 313.

108. Булгар С.С. Антон Буюклы – Герой Советского Союза // Журнал «Трибуна – Кишинёв, 1987.

109. Булгар С.С. Жан пазары («Пламенные сердца») (на гагауз.языке) – Кишинев,1988. С. 92-95, 113-115.

110. Булгар С.С. Сталин и гагаузы – Чадыр-Лунга, 1990. С. 10-11.

111. Булгар С.С. Гагаузы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // История и культура гагаузов. Под ред. Булгар С.С. – Комрат-Кишинэу-2006, с. 325-348.

112. Булгар С.С. История города Комрата – Chişinău, 2007. С. 195-201, 202-208, 209-211.

113. Булгар С.С. Гагаузы - участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Кишинев. 2010, 42 стр.

114. Булгар С. Страницы истории города Вулканешты – Кишинев-2010. С. 514-533, 534-550.

115. Булгар С. История села Виноградовка (Курчи) 1811-2011 гг. – Одесса, 2011. С. 166-169, 170-174, 175-180.

116. Булгар С.С. Участие конгазцев в войнах – «Конгаз», авторы: Ф. Франгу, П. Фуртунэ, А. Фуртунэ – Кишинев. 2012, с. 299-321.

117. Булгар С.С. Казаклийцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // История села Казаклия. Kazayak. 1812-2012. Авторы: Степан Булгар, Федор Кылчик – Кишинев. 2013. С. 204-226.

118. Булгар С. Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Кишинев. 2014, 504 стр.

119. Булгар С. Гагаузский народ в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Кишинев. 2015, С. 27-28, 52-65, 68, 88, 101, 105-134, 201-206, 213, 223-226, 231, 232, 249, 261, 277, 294, 314-317, 337, 344-352, 362, 364, 365-366, 372, 378, 387, 390, 417, 421, 424, 429, 455, 466, 472, 492, 498, 517, 522, 540, 548, 556, 572, 576, 580-582, 609-616, 643.

120. Булгар С. Гагаузы – участники обороны Ленинграда 1941-1944 гг. – Komrat-2016, 32 стр.

121. Булгар С. Гагаузские женщины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Кишинев. 2016. 96 стр.

122. Газета «Защитник Родины» (Одесский Военный Округ), 5 июля 1941 года.

123. Газета «Советская Молдавия», 25 февраля 1945 г.

124. Газета «Советская Молдавия», 20 мая 1945 г.

125. Военное министерство СССР. Комратский районный военный комиссариат МССР. 1944 год. Дело № 7. «Именные списки призванных в СА передовыми частями СА по Комратскому р-ну Молдавской ССР. Начато: 25 августа 1944 г. Окончено: 31 августа 1944 г. На 108 листах, п/п № 26737, к-во - 2392 человека». Указана национальность «гагаузы».

126. Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. – М., 1982, с. 44.

127. Гросул В.Я. Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны // Сборник статей «Великой победе – 70 лет» – Москва. 2015. С. 46.

128. Гуцул Н.Ф. Подвиги молдаван в Сталинградской эпопее – Chișinău. 2008. С. 51.

129. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней // Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Микулеску-Спэтару. Изд. 2-е, перераб. и доп.// Chișinău. 2002. С. 241.

130. Казакова Римма. Имя на алом – Кишинев. 1981. С. 10.

131. Крайнюков К. В. Оружие особого рода.– Москва. 1977. С. 142.

132. Куру Ф.С. Село Гайдар – веков связующая нить – Кишинев. 2015. С. 95.

133. Кутузов М.И. Документы. Том I. //Под редакцией подполковника Л.Г. Бескровного// Материалы по истории русской армии. Русские полководцы. Сборники документов под общей ред. генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина, генерал-майора В.Д. Стырова// Москва. 1950. С. 444-445: «1811 г. июня 11. Отношение М.И. Кутузова М.Б. Барклаю-де-Толли о награждении болгарской команды под командованием Д. Ватикиоти». № 367. Крепость Журжа»; 542, 542-547.

134. Молдавия в период оборонительных боёв Красной Армии на территории республики // Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945. Сборник документов и материалов в двух томах. Том I. Кишинёв. 1975. С. 118.

135. Из личного архива Булгар С.С.

136. Книга памяти // Брянск. 2003. 12 том. С. 185-186, 223.

137. Очерки истории комсомола Молдавии // Коллектив авторов. Руководитель Коренев А.А. // Кишинев. 1980. С. 187.

138. Полян Павел. Жертвы двух диктатур //Москва. 2002. С. 531.

139. Слободян М. Путь к Берлину – Львов. 1987. С. 12, 20, 54.

140. Тараклийский районный госархив МССР. «Похозяйственные книги. Исполком Копчакского с/с»: Ф. 43, оп. 1, д. 40 «1947 г.», д. 30 «1947-1950 гг.»; Ф. 43, оп. 1, д. 3 «1945-46 гг.»; Ф. 62, оп. 1, д. 3 «За 1945-1946 гг.»; Ф. 60, оп. 1, дд. 14-23, 36-37, 301, 304-305, 310-311 «За 1945-1946 гг.»; Ф. 61, оп. 1, д. 3, 6-7, 9-10, 12-13 «За 1945-1946 гг.».

141. Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского. Сборник документов. Сост: К.П. Крыжановская, Е.М. Руссев. Под ред. Л.В. Черепнина // Кишинёв. 1957. С. 25, 42-45, 44, 101, 542-547.

142. Чугунов А.И. Граница сражается – Москва. Военное издательство. 1989. С. 164.

143. Шорников П.М. Молдавия в годы второй мировой войны – Кишинев. 2014. С. 10, 99, 416.

Об авторе

Булгар Степан Степанович – заведующий отделом истории и этнологии Научно-исследовательского центра Гагаузии имени М.В. Маруневич (Комрат, Гагаузия, Республика Молдова), *bulg2004@mail.ru*

УДК 332.05

ОСВЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Волкова Е. А.

В статье анализируются исторические взгляды Ф.М. Достоевского в его публицистических сочинениях. Автор приходит к выводу, что не всегда и не во всём в оценке исторических событий и процессов писатель был прав. Нередко историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле. Другим направлением данной публикации является изучение деятельности Ф. М. Достоевского в журналах «Время», «Эпоха» и «Гражданин». Журналы сыграли определенную роль в изучении отдельных событий российской истории. Однако эти публикации не сформулировали целостной исторической концепции.

Ключевые слова: *история России, публицистика, Ф.М Достоевский, редактор, Петровские преобразования, Реформы Александра II.*

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных различным аспектам жизнедеятельности и творчества Ф.М. Достоевского, до сих пор нет крупных научных трудов по проблематике, связанной с общественной деятельностью и социально-историческим воззрениям мыслителя. Основными исследователями творчества Достоевского выступали представители филологической и философской наук. Представителей исторической науки среди них оказалось совсем мало. Исключение составляют очерк об исторических взглядах Достоевского в монографии Л.В. Черепнина, а также кандидатская диссертация У.С. Любятинской и статья К.Г. Исупова. Данная статья в определенной степени восполняет этот пробел. [7]. Автор впервые в отечественной историографии исследует исторические взгляды и общественную деятельность писателя.

Исследование общественной деятельности и социально-исторических взглядов Достоевского, составляющих органическую часть его мировоззрения, является одной из актуальных проблем современной историографии. Мировоззрение мыслителя явилось отражением его общественной деятельности, тех динамичных социально-экономических и политических процессов, которые переживало российское общество середины – второй половины XIX века. В первую очередь это относится к эпохе «великих реформ» 1860-1870-х годов, на которые пришлась основная, наиболее плодотворная часть творчества Достоевского. Основным источником является письменной наследие Ф.М. Достоевского.

Он не был профессиональным историком. Однако с ранней юности он проявлял глубокий и постоянный интерес к истории России и русского народа, особенно к переломным периодам. Об этом свидетельствует первое драматическое сочинение будущего писателя – драма «Борис Годунов», впоследствии уничтоженная автором.

В статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин, 1873.- №50) Достоевский отмечал свой ранний интерес к отечественной истории, раннее знакомство с историческими сочинениями Н.М. Карамзина. «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» [1, т.21, с.134].

По воспоминаниям А.Г. Достоевской в домашней библиотеке Федора Михайловича «было много книг, подаренных ему друзьями-писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которым Федор Михайлович очень интересовался» [2].

Хотя ряд событий российской истории получил отражение в некоторых художественных сочинениях Достоевского, исследование наиболее значительных исторических фактов и явлений наиболее полно освещено в публицистике писателя, прежде всего в журнальных статьях, заметках, письмах и в «Дневнике писателя» [3].

В журнальных публикациях Достоевский неоднократно обращался к российской исторической проблематике, прежде всего к узловым периодам и темам истории. Одной из таких узловых проблем для Достоевского стала эпоха Петра Великого, сравнение допетровской и послепетровской России. К этой же проблематике обращались и славянофилы. Мыслитель, в отличие от славянофилов, не идеализировал допетровскую Русь. В статье «Два лагеря теоретиков» (Время.- 1862.- №2) Достоевский отмечал: «Нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной. Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси – особенно в московский период – было довольно… Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т.п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность. …В допетровской, московской Руси, было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи» [1, т.20, с.12].

Достоевский при этом не отрицал в полной мере значения петровских преобразований. Рассуждая о характере реформ, отделял русское, национальное в их содержании от европейского, антинародного. В статье первой «Книжность и грамотность» из серии «Ряд статей о русской литературе» (Время.- 1861.- №7-8) он писал: «Народ не мог видеть окончательной цели реформ, да вряд ли кто-нибудь понимал ее даже из тех, кто пошел за Петром, даже из так называемых «птенцов гнезда Петрова», они пошли за преобразователем слепо и помогали власти ради своих выгод. <…> Но то, что было в реформе нерусского, фальшивого, ошибочного, то народ угадал разом, с первого взгляда, одним чутьем своим…»[1, т.19, с.18] .

Реформы в действительности коснулись только верхушки, весьма узкой части российского общества, но практически содержательно не затронули народные массы, ощутившие только усиленную эксплуатацию, жестокость и громадное напряжение социальных сил. По справедливому замечанию Достоевского, петровские реформы раскололи российское общество. Как всегда, Достоевский на первое место выдвигал народ, его интересы. Реформы не дошли до народа. В статье «Два лагеря теоретиков» он писал: «…Реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной… Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. …Преобразование и не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека. Развитие народа совершенствуется веками… Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу – за свою одну жизнь – переменить нравы, обычаи и воззрения русского народа. Деспотизм реформаторских приемов возбуждал только реакции в массе. …Реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» [1, т.20, с.14].

Достоевский отчетливо видел западническую, буржуазную направленность петровских преобразований. В статье «Два лагеря теоретиков» писатель отмечал данный аспект: «Запад приходил уже спасать нас в лице Петра и целые полтораста лет различными манерами принимался он благоустраивать нашу жизнь» [1]. «С Петровской реформой, с жизнью европейской, - писал он в Записных тетрадях 1864-1865 годов,- мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе» [1, т.20, с.194].

По мнению Достоевского, идея Петра имела народный характер. Эта идея была подготовлена всем ходом исторического развития страны. Предпосылки глубинным преобразованиям русской действительности сложились еще во время царствования отца Петра – царя Алексея Михайловича. «Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве…» [1, т.20, с.14].

Антинароден был деспотизм, определявший содержание реформ и сопровождавший их. «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни… Но Петр как факт был в высшей степени антинароден… Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов, сделав дело преобразований не делом всего народа, а делом *своего* только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа… Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям… То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу… Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, *суть* дела. А преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т.д. <…> Борода и одежда сделались чем-то вроде лозунга. Может быть, именно под влиянием подобных обстоятельств и сложилась в нашем мужике такая неподатливая, упорная, твердая натура» [1, т.20, с.15].

В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский, давая оценку реформам Петра I, приходил к выводу о неприятии русским народом навязанных верховной властью реформ. «…Народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой – врозь с путями высшего общества… Земство разошлось с служилыми сословиями. Последовавшие за петровской эпохой исторические обстоятельства только усиливали это раздвоение общества от массы народной. О народе – о главном – часто забывали, думали больше о самих себе» [1, т.20, с.15].

Правда, при этом Достоевский идеализировал реформы Александра II, также осуществлявшиеся сверху верховной властью без учета мнения широких слоев российского общества. О народе, то есть о главном, власть забывала и при жизни писателя. В записных книжках 1872-1875 годов Достоевский отмечал: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противоположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, например, прямая противоположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на матерьял, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более» [1, т.21, с.268].

Писатель считал, что «теперь, с уничтожением крепостного права, закончились реформы Петра…»[1, т.22, с.40]. Такое утверждение выглядело большой натяжкой, поскольку установление крепостного права (окончательное закрепощение крестьян) в России относилось к периоду конца XVI – первой половины XVII столетий – значительно раньше петровской эпохи.

Объективную оценку реформам Александра II и личности самого реформатора дал историк В.О. Ключевский: «Воображение и воля у него (Александра II.- Авт.) не шли дружно рядом, а вели постоянную взаимную борьбу, поочередно торжествуя друг над другом; когда обстоятельства побеждали мнительность, требуя быстрого решения, долго сдержанная воля проявлялась внезапным порывом. Эти характерные свойства Александра проявлялись в крестьянской реформе несколько преломленными под действием явлений, ею же и вызванных. …Перед внезапной опасностью, в момент, когда потребовалась быстрая решимость, император был способен на решительный шаг, но, когда открывался долгий путь ежедневной работы над сложным и важным делом с мелочными затруднениями и возможными тяжкими последствиями, он вступал на него неохотно, в большом раздумье и шел неровно, с колебаниями и остановками, как бы ощупью. За минутной вспышкой решимости следовала долгая пауза раздумья, робких опасений и молчаливых уступок» [4].

Коренное отличие реформ Петра I от реформ Александра II состояло, на наш взгляд, в том, что Петр в ходе преобразований решительно разрывал со старой Россией, противопоставляя ей Россию новую, устроенную по

европейскому образцу, а Александр стремился приспособить старую Россию к реалиям своего времени, сохранить фундамент прежней государственной системы. В половинчатых мерах Александра II коренились глубокие противоречия, вызвавшие подъем антиправительственного движения. Эти противоречия, в конечном итоге, привели к трем революциям в России в начале XX столетия.

Достоевский был далек от идеализации петровской эпохи, выступал за необходимость ознакомления народных масс с этим временем. Во второй части статьи «Книжность и грамотность» (Время.- 1861.- №7-8) писатель требовал «сперва сообщить что-нибудь о Петре, а потом воспевать его» [1, т.19, с.41] .

Достоевский обращал внимание еще на один аспект российской истории, связанный с расширением территории Российского государства. Он проводил сравнение политического курса Ивана IV и Петра I. В очерке «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (Дневник писателя.- 1876.- апрель), рассматривая процесс расширения территорий, он писал: «Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра… <…> Русские колонизировали дальние края своей бесконечной родины…» [1, т.22, с.110] .

Другой значимой для мыслителя темой недавней российской истории стала крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. В той же статье «Книжность и грамотность» Достоевский давал оценку этой реформе. «В нынешнем году (1861.- Авт.) правительство высочайшим манифестом даровало народу новые права. Таким образом призвало его к наибольшей самостоятельности и самодеятельности, одним словом, – к развитию. Мало того, оно до половины завалило ров, разделявший нас с народом, остальное сделает жизнь и многие условия, которые теперь необходимо войдут в самую сущность будущей народной жизни. В то же время высшее общество, прожив эпоху своего сближения с Европой, свою эпоху цивилизации, почувствовало само собою необходимость обращения к родной почве. Эта необходимость предчувствовалась уже задолго прежде и, при первой возможности выразиться, – выразилась. Оба исторических явления совершились вместе и пойдут параллельно» [1, т.19, с.8].

Налицо идеализация Достоевским крестьянской реформы, сглаживание острых углов и противоречий, упование на разумность политической воли верховной власти и высшего общества, отсутствие понимания их природы и классовой сущности.

Исторические темы становились предметом обсуждения и острых дискуссий на страницах издававшихся в первой половине 1860-х годов братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими журналов «Время» и «Эпоха». В статье без авторства под названием «19 февраля 1861 года» в апрельской книжке журнала «Время» анализировалось значение крестьянской реформы. Ее автор сравнивал с другими значимыми историческими событиями – такими, как крещение Руси, окончание монголо-татарского ига, реформы Петра I, Отечественная война 1812 года. Идеализируя крестьянскую реформу 1861 года, безымянный автор статьи, игнорировал глубокие социальные противоречия. Он видел в реформе соединение различных частей народа в единой, гармоничное целое. А основой этого целого является, по его мнению, нация.

В очерке «Лучшие люди» (1976, октябрь) Достоевский дал высокую оценку крестьянской реформы 1861 года: «Но вдруг произошел один из самых колоссальных переворотов, которые когда-либо переживала Россия: уничтожилось крепостное право и произошла глубокая перемена во всем» [1, т.23, с.155].

Во многих журнальных материалах наряду с высокой оценкой крестьянской реформы содержались высказывания в защиту интересов крестьян. Так, в первых номерах журнала «Время» за 1862 год критиковалась позиция славянофильской газеты «День», выступавшей с позиции оценки исключительной роли дворянства в государстве. В мартовской книжке журнала была опубликована статья «Дворянство и земство (по поводу крестьянских толков)» без подписи. В ней давалась оценки исторической роли российского дворянства. Автор статьи полемизировал с позицией либерального ученого Б.Н. Чичерина, рассуждавшего об особой роли и правах российских дворян. На место дворянства автор предлагал земство как более близкое к народу учреждение. Историю земства он вел с первых веков Русского государства, вспоминая традиции народного вече, земских соборов, общин, союзов, артелей. Лейтмотивом статьи стала идея о единении народа с дворянством путем распространения просвещения среди народных масс.

Достоевский требовал более конкретной оценки роли земства XVI-XVII столетий, когда самодержавие уже ограничило свободу этих учреждений, и земств первых столетий Русского государства, когда они носили более демократический, народный характер, располагали большей степенью свободы.

В целом оценка крестьянской реформы 1861 года на страницах журнала «Время» была в целом положительной. Реформа оценивалась как крупное историческое событие в жизни русского народа. Особо отмечалась роль императора Александра II в подготовке и проведении реформы. В этом, несомненно, сказывалось влияние Ф.М. Достоевского, боготворившего императора. В то же время журнал сочувствовал крестьянам, вскрывал факты помещичьего произвола, угнетения.

Продолжатель начатого журналом «Время» журнал братьев Достоевских «Эпоха» в целом стоял на прежних позициях защиты интересов народа. Авторам нового журнала приходилось вступать в острые дискуссии по историческим проблемам с представителями славянофильской газеты «День» [5]. С другой стороны, журнал подвергал критике идеи революционных демократов, в частности, Д. Писарева [6].

Журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» сыграли определенную роль в изучении отдельных событий российской истории. Однако эти публикации не сформулировали целостной исторической концепции. Многие предложения Достоевского по совершенствованию российского общества носили нравственный, но

вместе с тем утопический в социальном отношении характер. Так, он предлагал главным способом преобразования общества распространение просвещения, что никоим образом не могло кардинально повлиять на социально-экономическую и политическую ситуацию в российском обществе, ослабить угнетение народа.

С января 1873 года Достоевский возглавил газету-журнал реакционного деятеля князя В.П. Мещерского «Гражданин». На страницах этого издания в том же 1873 году вышла первая публикация «Дневника писателя». Поясняя свое решение участвовать в редактировании «Гражданина», Достоевский в письме к М.П. Погодину от 26 февраля 1873 года отмечал: «…Многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. Но вижу, как трудно высказаться. В целом и мысль моя: социализм сознательно, и в самом нелепо-бессознательном виде, и мундирно, в виде подлости, – проел почти всё поколение. Факты явные и грозные. <…> Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей…» [1, т.29-1, с.262].

На посту редактора «Гражданина» Достоевский отстаивал собственные позиции, которые нередко расходились с взглядами Мещерского, что вызывало неудовольствие последнего. Достоевский правил материалы, подготовленные Мещерским, – и по стилю, и по содержанию. В письме к В.П. Мещерскому от 1-3 ноября 1873 года Достоевский отмечал: «Любезнейший князь, Ваш ответ «Санкт-Петербургским ведомостям» очень мило и дельно написан, но резок, заносчив (хочет ссоры) и – может быть, тон не тот. Вместо насмешливого тона, не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства. <…> Я очень бы желал, чтоб Вы согласились на мою редакцию» [1, т.29-1, с.306].

В письме А.Г. Достоевской от 15 июня 1875 года из Эмса Достоевский с долей иронии замечал: «Ну, уж до чего дописался князь Мещерский в своем «Лорде-апостоле», так это ужас» [1, т.29-2, с.49]. Писатель не принимал диктата со стороны князя и проводил самостоятельную политику, что приводило к конфликтам, в конечном счете, к уходу Достоевского из журнала в начале 1874 года.

На страницах журнала «Гражданин» Достоевский публиковал разнообразные материалы, в том числе по исторической тематике: очерки и заметки о русской жизни, отклики на актуальные социально-политические события российской и международной жизни, критические и полемические материалы.

Не всегда и не во всём в оценке исторических событий и процессов писатель был прав. Нередко историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле. Но ему нельзя отказать в искренности мыслей и чувств, когда он говорил о роли и значении России и русского народа в развитии человеческой цивилизации. Многие поставленные писателем темы российской истории оказались весьма актуальными и полезными для решения проблемы выбора путей развития России.

The article analyzes the historical views of Fyodor Dostoyevsky in his journalistic writings. The author concludes that it is not always and not at all in the evaluation of historical events and processes of the writer was right. Often, the historical truth is supplanted by the desire to see the status quo is better than it was in reality. Another focus of this publication is to examine the activities of Fyodor Dostoyevsky in the magazine "Time", "Epoch" and "Citizen". Magazines have played a role in the study of individual events in Russian history. However, these publications have not formulated a coherent conception of history.
Keywords: *history of Russia, journalism, M F. Dostoevsky, editor Peter's transformation, reforms of Alexander II*

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л.: Наука, 1972.

2. Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: «Правда», 1987. С.228.

3. См.: Мелешенко Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: автореф. дис. … канд. филол. наук.- Барнаул, 2004; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского : автореф. дис. … канд. ист. наук.- М., 2006; Любятинская У.С. Концепция Ф.М. Достоевского о всемирно-историческом развитии // Мир культуры: история и современность. М.: Б.и., 2006. С.80-96.

4. Ключевский В.О. Курс русской истории: часть 5. Отмена крепостного права // Сочинения в 9 томах: Т.5. М.: Мысль, 1989. С.352.

5. См.: Заметки летописца // Эпоха. 1864.- №7.

6. См.: Соловьев М. Теория пользы и выгоды // Эпоха. 1864. №11; Соловьев Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №12.

7. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин. М.: Мысль, 1968; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского: (по материалам «Дневника писателя») / У.С. Любятинская: автореф. дис. … канд. ист. наук.- М., 2006; Исупов К.Г. Историческое познание в художественном опыте Ф.М. Достоевского / К.Г. Исупов // Русская философская культура.- СПб.: Университетская книга, 2010.

Об авторе

Волкова Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, *volkne@bk.ru*

УДК 329(3)

«МОДЕРНИЗАЦИЯ» И ДИНАМИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОСОБЕННОСТИ ПСИХОПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Востриков С.В.

Статья посвящена комплексному анализу специфики и особенностей ближневосточного терроризма, его генезиса, проявлений и влияния на систему международных отношений.
Ключевые слова: *радикализм, терроризм, подрывная деятельность, ближневосточный регион, этноконфессиональный фактор, международная безопасность.*

Как известно, Ближневосточный регион относится к одному из основных транснациональных «инкубаторов», питающих международный терроризм [12]. Последний, как свидетельствуют реальные факты действительности, непосредственно связан с феноменом глобализации. На этом фоне и применительно к условиям региона исследователи-востоковеды обращают внимание на сложный конгломерат «специфических обстоятельств», «факторов» и «причин», которые генерируют рост ячеек международного терроризма на Ближнем Востоке:

-кардинальное изменение социодемографической структуры ближневосточного социума связанное, с его «омоложением», расслоением и поляризацией, что – в условиях «постпостмодерна» - имело следствием радикализацию значительной части населения региона;

-устойчивые антиизраильские настроения в самых различных стратах мусульманского мира, связанные с неурегулированностью израильско-палестинской проблемы;

-всплеск антиамериканизма, вызванный интервенциями и агрессивными действиями США в Ираке, Афганистане, Ливии, Ливане, Йемене, Пакистане, Судане;

-возрождение экстремистского «неоваххабизма», общее усиление позиций крайне радикального «джихадистского салафизма»;

-расширение информационно-сетевой, религиозно-пропагандистской и военной экспансии Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива;

-проявления «дрейфа» в направлении интеграции местных религиозно-политических оппозиционеров, традиционалистов и трансисламистских экстремистов;

-Интернет и «глобальная паутина» в руках «новых «братьев-мусульман»;

-ближневосточная политика НАТО и определенных стран ЕС;

-проявления глобализирующегося межцивилизационного противостояния евроатлантического Запада и мусульманского Востока (См.: С. Хантингтон. «Столкновение цивилизаций» (1993): представляется, - с учетом реально происходящих событий, - что скоропостижные и пышные «похороны» якобы «архаичной и неконструктивной» концепции профессора Гарварда, устроенные в некоторых околонаучных кругах, оказались несколько преждевременными);

-геоэкономический аспект: исключительная важность ближневосточных углеводородных ресурсов для мировой экономики вообще, и процветания «золотого миллиарда», в частности.

При всех различиях вышеприведенных интерпретаций тесная взаимосвязь процессов глобализации и международного терроризма бесспорна и очевидна. «Постмодернистские террористы» очень оперативно адаптировались к меняющимся условиям, взяли на вооружение современные организационно-когнитивные методики, освоили наукоемкие коммуникационно-информационные технологии, вышли на трансграничный уровень взаимодействия. Как обоснованно отмечает российский политолог Э. Г. Соловьев (ИМЭМО РАН): «В этом плане они не только не архаичны (особенно на фоне полных бюрократической рутины государств), но и выглядят провозвестниками нового и передового организационного принципа в мировой политике – сетевого. Так называемые новые международные террористические организации смогли приобрести свое нынешнее влияние только в условиях проницаемости международных границ и размывания суверенитетов, что во многом было результатом глобализации» [11, с. 290]. В отличие от террористических организаций «предшествующего периода» (70-80-х гг.), которые отличались высокой степенью централизации, внутренней бюрократизации, тотального контроля, единой идеологией, наличием внешнего «покровителя», спонсора, внутрипартийных фракций, нелегальных «боевых групп», общностью «единого врага», легальных политических структур (общественных движений/политпартий и т. п.), (к коим могут быть отнесены такие террористические группировки как «аль-Джихад аль-Ислямий», «Айлюль аль-Асвад» («Черный сентябрь»), «аль-Джамаа аль-Ислямийя», «аль-Хиджра ва Такфир», «Абу Нидаль», «аль-Ансар», «Хизб ат-Тахрир аль-Ислямий», «аль-Асхаб» и т. п.), «неотерроризм» XXI в. характеризуется переходом к сетецентричным структуктурам. Террористические сети представляют собой мозаику децентрализованных групп и ячеек, нацеленных на достиженике конкретных целей, действующих «ассиметрично» и в автономном режиме (судя по всему, такой «самоуправляемой» группировкой, именуемой «Вилаят Синай», являющейся ответвлением египетских «Братьев-мусульман», и, присягнувшей на верность ИГИЛ, был уничтожен в ноябре 2015 г. российский гражданский самолет. – Прим. авт.). Они не имеют единого центра; самодостаточны; самофинансируемы; саморегулируемы; функционируют нестандартно; лишены жесткой иерархической вертикали; характеризуются гибкостью, мобильностью, «креативностью»; используют скрытую внебанковскую систему перевода денег «хаваль» (своеобразный «мусульманский транзитный «черный нал») [10].

Такого рода террористические структуры (известный отечественный исламовед А.А. Игнатенко оценивает

их число примерно в 200) очень хорошо адаптированы к коррупционным и деформированным практикам Ближнего Востока, инфильтрации в органы власти и управления, они облададают высокой степенью приспособляемости, сверхвыживаемости, регенерации и самовосстановления. Они характеризуются внутренней солидарностью, наличием широкой сети добровольных «волонтеров», «осведомителей» и «помощников» (нужно иметь в виду, что ближневосточный терроризм опирается на весьма серьезную и гетерогенную социальную основу. – Прим. авт.). «Модернизация терроризма» породила и совершенно новые оргструктуры и новые методы деятельности, концентрированным выражением которых является кибертерроризм[20], включающий несанкционированные проникновения в электронные сети, вброс компьютерных вирусов, ведение активной агитации и пропаганды в соцсетях, хакерские атаки, взлом и съем закрытой информации, диверсии и дезорганизацию систем госуправления. Отчасти это связано со значительным «омоложением» современного терроризма, а также «информационной революцией» и формированием «глобальной паутины» Интернет[21]: после глубокого разочарования, унижения и национальной прострации от поражений 60-70-80 – х годов в противостоянии с Израилем новое поколение мусульман устремилось в мечети, колледжи, университеты… и экстремистские организации[19]. Они привнесли неординарное «инновационное начало» и «свежую струю» в террористические практики региона: так, например, сплав «молодости» (технократы, урбанизированная молодежь мегаполисов, «волонтеры», городская интеллигенция) и «старости» (ветераны арабо-израильских войн, «афганские арабы», боевые ячейки «братьев-мусульман» с их богатым опытом конспиративно-подпольной деятельности) составил изначальный костяк такой организации «инновационно-сетевого типа» как «аль-Каида» («Основа»). Существует расхожий стереотип (широко тиражируемый безграмотными СМИ) относительно того, что базу террора образуют исключительно бедные и отсталые страны, а террористы – это главным образом люмпены и маргиналы (хотя нельзя не видеть того, что страны с деградирующей системой государственного управления, - вроде Афганистана, Йемена, Ирака, Ливии, Сомали, Эритреи, - представляют собой идеальные бесконтрольные «инкубаторы» и «плацдармы» для продвижения террористической экспансии). Но сама ближневосточная реальность значительно сложнее и многомернее.

Так, советник госдепартамента США по борьбе с терроризмом М. Сейджман, занимавшийся в течение многих лет исследованием биографий террористов, пришел к выводу, что «практически никто из них не имел религиозного образования», «радикальных мечетей очень немного», основным мотивом для многих посещающих мечети служит прежде всего потребность в общении[14, с.103].Потребность в коммуникации, - как посредством традиционных институтов (мечети, базары, кофейни, медресе, лавки и т. п.), так и через «глобальную паутину» и мультимедийные системы (Интернет, социальные сети, твиттер, ВУЗы и т. д.), – особенно среди молодого поколения региона, - действительно достаточно высока (что подтверждает опыт личного общения автора с представителями «чистого интеллектуально-духовного джихадизма» и «легальными радикалами»). Классический ислам[8] «рядовые экстремисты-исполнители» действительно знают неважно, весьма поверхностно; фундаментальными знаниями обладают в данной сфере, как правило, «духовные наставники», имеющиеся у каждой террористической организации; в меньшем объеме – для сугубо практически-прикладных и пропагандистских целей – «политманипуляторы-интерпретаторы» религиозных текстов. Настоящими глубокими знаниями обладают немногие – ученые-кораниста, «улемы», «муджтахиды» и преподаватели крупнейших мусульманских университетов.

Сам же процесс радикализации широких слоев населения, в т. ч. состоятельных групп, как представляется, обусловлен разнородной совокупностью многих факторов: сама глобализация парадоксальным образом продуцирует всплеск идентичности в различных регионах планеты; мир ислама на этом фоне все больше ощущает собственную «второсортность», «периферийность», зависимость и неравноправное положение, дискриминацию со стороны «золотого миллиарда», который осуществляет насильственную «западнизацию» и «демократизацию/американизацию», не только ломающие традиционный образ жизни (ибо ислам – это не только религия, но и образ жизни), но и унижающие достоинство мусульман, игнорирующие их психоментальные и исторические особенности. Не исключено, что определенное значение играет и органическая, социокультурная, этноконфессиональная «несовместимость» (по С. Хантингтону) между различными цивилизациями[16]. Показательна в данном контексте трагедия, имевшая место в центре Парижа 7. 01. 20015 г.: заведомо оскорбительная выходка скандально известного еженедельника «Шарли Эбдо» в отношении пророка Мохаммеда спровоцировала теракт, - акцию отмщения, - в понимании мусульманских радикалов (в ноябре 2015 г. эта же газетенка разместила на своих страницах похабно-кощунственную карикатуру на уничтожение над Синаем российского авиалайнера А321 и гибель граждан РФ; причем происходило это при молчаливом попустительстве «толерантно-бесполого» французского истеблишмента. – Прим. авт.). В то же самое время теракты, осуществленные в центре Парижа сторонниками ИГИЛ, – преимущественно гражданами самой же Франции и Бельгии, - естественно, вызывают волну всеобщего возмущения в ЕС, подаются как «кровавая бойня», «нападение на демократию» и «агрессия против свободы». «Двойные стандарты» и диаметрально противоположное восприятие сторонами совершенно конкретных акций и фактов изначально формирует благоприятную атмосферу для «линейно-рельсового», т. е. конфронтационно-силового реагирования вовлеченного актора на действия оппонента. Вообще неизбирательные «акты возмездия», т. е., по сути, карательные действия, в ответ на террористические акции порождают лишь ответную реакцию: так возникает порочный и замкнутый «круговорот террора»; многолетнее израильско-палестинское противостояние доказывает, что градус взаимной ненависти в такой атмосфере только возрастает[18].

Снобизм, оскорбительное высокомерие, расизм и неоколониализм Запада стимулируют самые крайние, экстремистские настроения среди значительной части населения Ближнего Востока (особенно в молодежной

среде). Директор Института востоковедения РАН, профессор В. В. Наумкин подчеркивает: «Саудовская Аравия является одним из наиболее процветающих государств Ближнего Востока, но именно саудовское общество является базой поддержки исламского радикализма. С другой стороны, Мавритания – одно из беднейших государств в регионе, но нельзя сказать, что в ней сильные позиции приобрел религиозный экстремизм. Кроме того, многие лидеры наиболее экстремистских исламистских группировок происходят из богатых семейств, находящихся на верхних этажах социальной лестницы…» [11, с. 394].

Известно, что основателем «аль-Каиды» являлся саудовский мультимиллионер У. Бен Ладен, который в 80-е гг., действуя под «крышей» ЦРУ США, развернул в различных субрегионах Ближнего Востока сеть вербовочных пунктов для набора «добровольцев» на войну с «безбожниками из СССР» в Афганистане (отсюда – отличное знание самых современных методов диверсионно-подрывной работы и сетевая структура организации. – Прим. авт.). Установлено, что 90% террористов, которые осуществили 11 сентября 2001 г. атаку на Торговый центр в США, являлись подданными Королевства Саудовская Аравия (КСА). Саудовский террорист осуществил и убийство в Стамбуле группы германских туристов в январе 2016 г. (В этой связи необходимо напомнить, что известный «полевой командир» Хаттаб и ему подобные бандиты-ваххабиты и террористы из Саудовской Аравии принимали самое активное участие в боевых действиях на территории России на рубеже XX-XXI в. – Прим.авт.).Следует подчеркнуть, что иностранные спецслужбы имеют самое непосредственное отношение к теме терроризма: в том же Афганистане появление на свет движения «Талибан» и привод его к власти в середине 90-х гг. стало результатом комплексной операции, разработанной за океаном (этим профессионально занимаются не только АНБ, Институт управляемого хаоса, «Рэнд корпорейшн», «Херитидж фаундейшн», «Фридом хаус», но и широкий конгломерат «неправительственных» фондов и центров стратегических исследований Соединенных Штатов). Роли распределялись следующим образом: а) ЦРУ США осуществляло общее планирование, руководство и контроль операции; б) Саудовская Аравия своими нефтедолларами финансировала акцию (Вашингтон весьма прижимист в тратах на подобные «проекты») ; в) На Исламабад (военные советники, инструкторы и специалисты пакистанской межведомственной разведки ISI) возлагалась задача по практическому обучению и подготовке афганских «студентов-выпускников медресе» («талиб» в переводе с дари означает «учащийся, студент». – Прим. авт.) к овладению сложной военной техникой (начиная с ВВС) и захвату власти в Кабуле (Примечательно, что именно Саудовская Аравия и ОАЭ первыми официально в 1997 г. признали правительство «талибов»).

Именно американские «кукловоды» стоят за целым рядом государственных переворотов и свержением правительств, «нейтрализацией» нелояльных политфигурантов в странах региона (Ливан, Иран, Египет, Судан, Турция, Ливия, Пакистан). Что касается ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»), – еще одной трансграничной «инновационно-сетевой» террористической структуры, декларирующей в качестве цели возрождение панисламского халифата, – то и тут не обошлось без США. Как отметил выступая на Санкт-Петербургском экономическом форуме (2015 г.) В.В. Путин, «…до американского вторжения в Ирак не существовало никаких ИГИЛ». Оновной костяк ИГИЛ сформировался в американских тюрьмах и концлагерях из числа военнопленных иракской армии (включая и руководителя ИГИЛ - Абу Бакра аль-Багдади, который, находясь в заключении, - по данным ряда арабских источников, - был завербован ЦРУ США, а затем выпущен на свободу. – Прим. авт.). По данным ФСБ РФ, сегодня в рядах ИГИЛ сражаются «волонтеры» более чем из 100 стран мира (в т. ч. от 3000 до 8000 «добровольцев» из государств СНГ). По сути, мы имеем дело с «синкретическим симбиозом», синтезирующим в себе элементы «террористического интернационала» и трансграничного квазигосударства халифатистского типа (в отличие от «аль-Каиды» оно имеет местные органы управления, собственное «правительство», систему сбора налогов, подобие «программы развития», военное ведомство, идеологический аппарат, структуры по работе с населением, киберспецназ, действующий в пространстве Интернет. – Прим. авт.). Аналогичные последствия имели место быть и в Ливии, где, - как заметил президент Совета по ближневосточной политике (Вашингтон) Ч. Фримен, - «Западная интервенция на Ближнем Востоке выводит на мировую арену реакционных фанатиков, которые оправдывают свою деятельность необходимостью противостоять агрессивному Западу. Наше упование на применение силы в ущерб другим инструментам государственного управления, включая дипломатическое увещевание, создает благодатную почву для экстремистов»[15, с.132]. США подстрекали, опекали, вооружали и обучали (через сеть центров подготовки на территории Турции и Иордании) боевиков «умеренной сирийской оппозиции», которые использовались для борьбы против «диктаторского режима» Б. Асада (следует отметить, что средства информационно-психологичекой войны США, несмотря на свои широчайшие финансовые ресурсы и огромные технологические возможности, в плане творческо-интеллектуального потенциала, знания всех тонкостей предмета и мозгового «креатива» недалеко ушли от геббельсовской пропаганды, которая «работала» аналогичными штампами и стереотипами. – Прим. авт.).

Порой грань между «террористами» и «контртеррористами» оказывается весьма тонкой, иллюзорной и размытой: при осуществлении антитеррористических акций и ЦРУ, и МОССАД, и МИ-6 нередко сами прибегают к террористическим методам (например, из временно выведенных за штат работников спецслужб и «отпускников» формируются секретные группы «ликвидаторов», команды «охотников-терминаторов» и «мстителей», действующих вне правового поля, «инициативно» и безо всяких ограничений; негласно и безо всякого документирования (изустно) в недрах спецслужб выдаются «индульгенции на убийство» конкретного фигуранта, а исполнителям акции «выражается понимание» в «определенном исходе» порученной миссии, невзирая на её заведомо незаконный характер; не брезгуют и услугами наемных «киллеров»; широко применяется практика использования «втемную» в качестве «негласных агентов» обычных граждан; допускаются и «коллективные репрессии» по отношению к

членам семей и родственникам лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности. – Прим. авт.). Естественно, при всяком подходящем случае конкурирующие «борцы с террором» стараются «развести», «подставить» или побольнее «укусить» друг друга[20]. Так, по мнению директора Института Ближнего Востока Е. Сатановского, за организацией терактов в Торговом центре (Нью-Йорк) и «Норд-Ост» (Москва) стоит руководитель Общей разведки Саудовской Аравии Турки аль-Фейсал. На центральноазиатском направлении повышенную активность в настоящее время проявляет агентура спецслужб Пакистана, Турции, ОАЭ.

Турецкие спецслужбы, которые выступают фактически как пособники ИГИЛ, «опекают» и ряд иных радикальных исламистских организаций, в частности курируют действия «Братьев-мусульман», а также ячеек «Джабхат ан-Нусра», ведущих борьбу против Б. Асада (в 90-е гг. они же осуществляли на российском Северном Кавказе разведывательно-координационную и диверсионно-подрывную деятельность совместно с боевиками Ш. Басаева и С. Радуева; и сегодня во главе части антирежимных иррегулярных формирований, действующих на севере САР, стоят кадровые офицеры турецкой армиии; в годы «холодной войны» Анкара покрывала убийц и террористов, бежавших из СССР; ныне турецкие спецслужбы направляют и спонсируют антирросийские провокации «меджлиса крымскотатарского народа» на Украине; турецкая агентура пытается активизировать свою деятельность на Кавказе, в Крыму, Татарстане. – Прим. авт.). Министерством обороны РФ документально доказано, что руководство Турции во главе с кланом Т. Эрдогана приобретало и перепродавало нефть у ИГИЛ. Контрабандный бизнес приносил террористам ежегодно ок. $2 млрд. Нападение на бомбардировщик ВКС РФ 25.11.2015 г. и убийство нашего пилота было заранее спланировано и организовано властями Анкары и турецкими спецслужбами: летчик РФ был расстрелян в воздухе боевиками турецкой экстремистской организации «Серые волки», которая была создана в 1969 г. как военизированное крыло крайне радикалистской партии «Тюркеш», руководитель которой проходил подготовку в США, а затем стажировался в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. «Серые волки», которые с самого начала курировались Генштабом, изначально действуя «под колпаком» турецких разведслужб, систематически привлекались для выполнения грязных диверсионно-подрывных и террористических акций[13].Двуличие и откровенная лживость «борцов с терроризмом» из Анкары заключается в том, что под прикрытием «войны с террором» она наносит массированные удары по курдскому национально-освободительному движению, преследуя сугубо своекорыстные цели, которые никакого отношения к антитеррористической деятельности не имеют. Военно-политические шаги руководства Т. Эрдогана (в т. ч. вторжения турецкой армии в Северный Ирак) вписываются в логику реанимации шовинистической доктрины пантюркизма и воссоздания «Великого Турана». Аналогичным образом действует его партнер в лице КСА, которое стремится «вбомбить в каменный век» Йемен, выхолостить там республиканский строй и посредством внешней экспансии осуществить демонтаж суверенитета этой многострадальной южноаравийской страны. Общеизвестно, что нефтедоллары монархий «Совета шести»/ССАГПЗ[9] на протяжении последних лет тайно использовались для подкупа не только отдельных лидеров, но и целых политических элит и влиятельных кланов ряда стран региона (местные СМИ неоднократно сообщали о адресной «финподдержке» и «спонсорстве» со стороны «заливных арабов» по отношению к правящим кругам и властедержателям, военным, масс-медиа, религиозному духовенству в Ливане, Египте, Судане, Иордании, Тунисе, Палестине, Марокко, что позволило эмирам и шейхам изменить расстановку сил внутри Лиги Арабских Государств (ЛАГ).

Не секрет, что финансовые «проводки» и подпитка террористических группировок, вербовка для них «волонтеров» и наемников, контрабандные закупки сырья, снабжение их военной техникой и боеприпасами, обучение и подготовка боевиков осуществляются не только при поддержке «симпатизантов» из исламистских диаспор в Европе и Америке, сторонников воинствующего ваххабизма с Аравийского полуострова, апологетов «неоосманизма» из Центральной и Малой Азии, но и разведывательных, специальных и силовых структур Катара, Турции, Бахрейна, Саудовской Аравии (которая играет крайне деструктивную роль в экономической, политической, военной, идеологической, финансовой, информационной, этноконфессиональной сферах на Ближнем и Среднем Востоке. – Прим. авт.). Последняя, по сути, стала структурообразующим ядром новой своеобразной «ваххабитско-неоосманской Антанты»(термин, разумеется, носит условный характер), базирующейся на суннитской основе, которая стремится поставить под свой контроль весь регион[1; 3]. По данным информированных источников, Эр-Рияд уже «закачал» в антисирийскую кампанию от $5 млрд. до $8 млрд. (Ранее Саудиды - во исполнение собственной доктрины «Превратить Красное море в исламское озеро» - сотнями миллионов нефтедолларов спонсировали войну в Эфиопии, которая завершилась расчленением последней и образованием нового государства с преобладающей долей мусульманского населения – Эритрея. – Прим. авт.). Один из саудовских шейхов так сформулировал позицию политэлиты Королевства по отношению к конфликту в САР: «Христиан – в Ливан, алавитов – в могилу».

Известно, что в Белом доме в разряд «террористических» совершенно произвольно заносят любые неудобные, некомплиментарные, самостоятельные режимы и движения. Одним словом, всех кто не нравится (шельмование и демонизация лидеров республиканских режимов – С. Хусейна, М. Каддафи, Б. Асада, Х. Мубарака, Ахмадинеджада – убедительное тому доказательство) подвергают травле желтыми СМИ США и НАТО, которые дихотомически делят всех на «наших» и «не наших», лепят из последних образы виртуальных «монстров» и «чудовищ», чтобы внедрять их затем в мозги западных обывателей[5]. Это вошло в обыденную практику (профессионалы прекрасно знают истинную цену этим «страшилкам»): «Ставший главной целью этих усилий Саддам Хусейн был, - как считает крупнейший американский специалист по проблемам безопасности и национальной обороны Джордж Фридман, - скорее светским милитаристом, нежели исламистом, и не поддерживал дружеских отношений с «Аль-Каидой»[17, с.99). Для этого Госдепом составляются «черные списки»,

«формуляры изгоев», «санкционные проскрипции» и т. п. В недавнем прошлом к ним относили, например, палестинские организации ООП, ФАТХ, НФОП, ДФОП, ведущие многолетнюю борьбу за национальные права палестинского народа и его государственность; сегодня, используя демагогию, подлог и откровенную ложь, ярлыки «террористов» Соединенные Штаты и их «евровассалы» пытаются повесить на ХАМАС (сектор Газа) и «Хизболла» (Ливан). Однако, - как заметил академик Е. М. Примаков, - «…никто не может обвинить эту шиитскую организацию, названную «Партией Аллаха», в том, что она ведет борьбу, скажем, против иудаизма, или христианства, или с израильской армией на религиозной основе»[14, с.44]. ФСБ России не считает данные организации террористическими (Важно понимать, что прибегая в своей деятельности к исламской риторике иракские, палестинские, ливанские, сирийские движения и организации в большинстве случаев во главу угла ставят отнюдь не «чисто религиозные», а мобилизационные и информационно-психологические цели. – Прим. авт.). Руководитель Политбюро ХАМАС Х. Машаль посещал с официальным визитом Москву (2006 г.), проводил в 2015 г. в Дохе переговоры с министром иностранных дел РФ С. Лавровым. Евроатлантисты же причисляют эти организации к «террористическим», что неправомерно, контрпродуктивно и просто некомпетентно[15; 6].

При рассмотрении проблематики международного терроризма обычно главное внимание уделяется действиям тех или иных групп, организаций, отдельных акторов, или режимов, но почему-то «скромно» замалчивается тема «государственного терроризма». Между тем он не менее опасен, чем другие модификации терроризма, поскольку провоцирует и индуцирует войны и конфронтации, создавая питательную среду для роста терроризма на глобальном уровне. Политика США, построенная на шантаже, насилии и подавлении других, убийстве миллионов мирных людей (только в Ираке ок. 1 млн. человек), пытках, издевательствах, похищениях, «летающих тюрьмах», полностью подпадает под данное определение. Американский ближневосточник Ч. Фримен констатирует факты: «Сами Соединенные Штаты давно освободили себя от ограничений международного права, которое они стремятся навязывать другим. Наглядными иллюстрациями стали вторжения в Гренаду (1983) и Панаму (1989). В 1998 и 1999 гг. США обошли ООН и с помощью НАТО развязали войну с целью отделить Косово от Сербии. В этом они преуспели, хотя стабилизировать статус Косово как нового независимого государства им не удалось. Вашингтон пренебрег мнением Совета Безопасности ООН в 2003 г., когда вторгся в Ирак и оккупировал страну. Некоторые были шокированы этими примерами пренебрежения великой державой ООН тех самых правил, соблюдение которых она должна была гарантировать»[15, с.135]. Правомерно к этим фактам добавить атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки; неспровоцированное нападение на Вьетнам и массовое убийство 2, 5 миллионов вьетнамцев с использованием напалма и запрещенных средств ОМП; подготовку и организацию государственного переворота на Украине; окружение России частоколом из ракет; введение противозаконных экономических санкций; осуществление тотального шпионажа на основе государственной стратегии (спецпрограммы – от «Эшелона» до «Призмы») ; публичные (но запрещенные американской цензурой) факты убийства иностранных журналистов на Ближнем Востоке; глобальное экономическое паразитирование за счет истощения других стран планеты. Если это варварство не государственный терроризм, то что? (В этой связи рядом ученых-американистов прорабатывается тема «ползучей фашизации» американского общества. – Прим. авт.). Представляется, что государственный терроризм США и их евроатлантических сателлитов в не меньшей степени, чем терроризм ближневосточных экстремистов, фанатиков-исламистов, представляют собой реальную угрозу не только данному региону, но и всему мировому сообществу.

Очевидно, что террористические проявления имели место в этом нестабильном районе мира и ранее. Но они жестко контролировались и подавлялись правящими авторитарными режимами светского типа (но «недемократические» и «антигуманные» правители, - по мнению Вашингтона и Брюсселя, в реальности – для данного региона не аномалия, а норма: деспотическая форма властвования – это стародавняя традиция Востока. - Прим.авт.) и были локализованы преимущественно на региональном уровне. Глобализация НАТО, стремящейся распространить свой контроль на Арабский Восток, Северную Африку, Центральную и Южную Азию, претензии США на некую «исключительность» и единоличную гегемонию во всем мире, выразившиеся во вторжениях в Ирак, Афганистан, агрессии против Ливии, провоцировании гражданских войн в Йемене, Сирии, Судане, Ливане, инспирировании серии госпереворотов, хаотизации и «переформатировании» всего геополитического пространства, по сути, открыли «ящик Пандоры». Джинн вырвался из бутылки и вернуть его обратно невозможно: усилиями интервенционистов и вестернизаторов-атлантистов ближневосточный терроризм был выведен на сверхрегиональный и глобальный уровень: он бьет сегодня по самим инициаторам так называемой «Арабской весны» (круги от которой еще долго будут расходиться далеко за пределами региона. – Прим. авт.). Бумеранг всегда возвращается. Реально оценивая ситуацию, видимо, можно сделать следующий вывод: турбулентность, перманентная нестабильность и радикализация в Ближневосточном регионе в обозримом будущем будут продолжаться.

The article is devoted to the complex analysis of the specific nature of Middle East terrorism, its genesis, manifestations and impact on the system of international relations.
Keywords: *radicalism, terrorism, subversion, the Middle East region, ethno-religious factor, international security.*

Список литературы

1. Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации. - М.: Изд-во «Дело и сервис», 2000. 544 с.
2. Брычков А.С., Востриков С.В. и др. Проблемы национальной безопасности России в условиях глобализации современного мира. Монография.– Смоленск.: ВА ВПВО ВС РФ, 2014. 360 с.
3. Васильев А.М. Пуритане ислама. Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45 – 1818). М., 1967.
4. Востриков С.В. Кому выгодно делить Африку и Ближний Восток – Портфель (ПИ №ФС – 80276С), 2011. №2.
5. Востриков С.В. Глобальная медиатизация и информационная безопасность в современном мире// Проблемы безопасности российского общества (ISSN2307 – 4396). 2011. №1.
6. Востриков С.В. Урегулирование конфликтов в ближнем зарубежье (К разработке стратегии России) – ПОЛИС, 1995. №5.
7. Востриков С.В. Кризисы в постсоветском пространстве Азии и безопасность России. – Смоленск: Изд-во «Шеремет», 1997. 260 с.
8. Грюнебаум Г. фон. Классический ислам. М.: Наука, 1988. 216 с.
9. Каминский С.А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М.: Наука, 1981.
10. Кожушко Е.П. Современный терроризм: Аанализ основных направлений/под общ. ред. Е.А. Тараса. – Минск: Харвест, 2000. 248 с.
11. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ/Отв.ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. М.: КомКнига, 2005. 432 с.
12. Морозов Г.И. Международный терроризм – США: ЭПИ. 1997. №2.
13. Позняньска, К. Старая и новая Турция. / К. Позняньска – М.: Наука, 1974. 227 с.
14. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: Российская газета, 2010. 254 с.
15. Россия в глобальной политике/под ред. Ф.Лукьянова. М.: Эксмо, 2015. 354 с.
16. Сиван Э. Радикальный ислам: принципы и последствия террористического насилия – НЭБ.16.08.1999.
17. Фридман Дж. Следующие 10 лет. М.: Эксмо, 2011. 320 с.
18. Эксперт. 2004. №38(438).
19. Эпштейн А.Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: война и дипломатия. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.216 с.
20. Esposito J. L.The Islamic Threat: Myth or Reality, 1992. N.Y., Oxford.
21. The Global Technology Revolution: bio/nano/materials trends their synergies with information technology by 2015.RAND.2001.

Об авторе

Востриков Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета, *rectorat@smolgu.ru*

УДК 93/94

ДИСКУССИИ О ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМАХ В СТРАНАХ ЕС НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Киселёв А.К.

Затрагивается проблема проведения пенсионных реформ в европейских странах на рубеже XX-XXI веков. Приводятся аргументы за и против проведения подобных реформ, являющихся одной из главных составных частей всего социального реформирования. Автор приводит некоторые статистические, социологические и фактические данные о плюсах и минусах пенсионной реформы в ряде европейских государств. Красной нитью всей статьи является мысль о том, что проведение широких социальных реформ – а реформа пенсионной системы в любой стране является именно таковой – невозможно без достижения социального соглашения всех заинтересованных сторон – правительства, самих трудящихся, корпораций предпринимателей, профсоюзов, средств массовой информации, учёных-социологов, оппозиционных и нейтральных правительству политических партий, иных общественных организаций.

Ключевые слова: *пенсионная реформа, социальная политика, государство, правительство, профсоюзы, социальные взносы, общественность, политические партии.*

Разработчики европейской политики становятся всё более уверенными в необходимости сдерживания роста пенсионных расходов. В основном это справедливо для всех правительств, независимо от их идеологической или партийной принадлежности. В то же время, либеральные правительства сталкиваются с серьезными политическими и правовыми ограничениями по радикальному демонтажу основанных на страховании систем пенсионного обеспечения социальных взносов, которые предоставляют преимущества бенефициарам, что, как правило, воспринимается как «приобретенные права».

Таким образом, жизнеспособных вариантов для реформы в пенсионной политике гораздо меньше в современных условиях, тем более что позиции по отношению к пенсионной реформе в последние годы значительно сходятся между левыми и правыми партиями[1]. Такой консенсус простирается от чисто левацкой программы расширения льгот до неолиберального полноценного радикального сокращения расходов (что определяется как полный переход от государственного социального страхования к индивидуальному обязательному пенсионному обеспечению).

С теоретической точки зрения, возможно вывинуть следующие гипотезы.

Во-первых, из-за демографических, экономических и финансовых штаммов позиции пенсионной политики в целом тяготеют все больше в сторону сдерживания расходов, а не расширения выгод[2].

Во-вторых, можно ожидать, что средний избиратель имеет позицию значительно отдаленную как от статус-кво, так и от позиции радикального сокращения расходов[3]. В условиях старения населения, удержание статус-кво пенсионной политики, как правило, означает резко возрастающие ставки взносов (как например пенсионные схемы традиционного типа). Таким образом, в контексте реального замораживания заработной платы, паралич реформы - не очень привлекательная перспектива для избирателя. В то же время, однако, радикальное сокращение штатов также противоречит его предпочтению поддержания общей системы доходов, связанных с государственными пенсиями и определенного пенсионного уровня. По стратегическим соображениям, как социал-демократические, так и христианско-демократические партии пытаются занять популистское срединное положение избирателей, и поэтому не очень сильно отличаются в своём позиционировании.

В-третьих, радикальное изменение пенсионной системы не является ни экономически жизнеспособным, ни политически целесообразным вариантом для пенсионной реформы, даже для т.н. рыночных либеральных партий. Эти партии, скорее всего, значительно будут дистанцироваться от избирателя, и выступать с позиции радикального сокращения расходов.

В-четвертых, коммунистические или пост-коммунистические партии четко позиционируют себя далеко слева от социал-демократических партий. В то же время, даже эти партии не выступают за большую прибавку к пенсионным выплатам, которые будут чрезмерно перекладывать бремя расходов в сторону корректировки к работающему поколению. Тем не менее, они представляют себя в качестве защитников статус-кво в пенсионной политике.

И, наконец, все политические партии представляют определенную полосу частот политических интересов, а не фиксированную точку на левом или правом спектре. Пенсионная политика (или социальная политика в целом) имеет широкие рамки для обсуждения и критики со всех сторон, как социальных или христианских демократов и, таким образом, включает в себя относительно разнородные интересы социальной политики.

В противоположность этому, коммунистические или рыночные либеральные партии, как правило, обладают более когерентным идеологическим профилем. В отличие от этого, оппозиционные партии могут более легко игнорировать «фактические ограничения» в пенсионной политике и, таким образом, вероятно, поддерживать более «левые» или «народные» позиции.

Гипотеза, что политические силы по обе стороны политического спектра все больше и больше сходятся в направлении политики сдерживания расходов на государственные пенсии, подтверждается эмпирически.

В Австрии, в рамках «большой коалиции» правительство, сформированное социальными и христианскими демократами и действующими правыми, предусматривает пенсионные сокращения, которые примерно одинаковы по размеру и направлению в рамках недавно закрепленного в законе увеличения пенсионного возраста[4].

Во Франции в планы пенсионных реформ, предусмотренных консервативным правительством Жюпена в 1995 году[1], включены многие предложения, которые были выдвинуты социалистическим правительством всего лишь несколько лет назад[1].

Точно так же, самая последняя пенсионная реформа в Германии, которая была принята левоцентристским правительством, практически ничем не отличается от пенсионной реформы предшествовавшего буржуазного правительства, суть которой сводится к насколько сокращению размеров пенсий. К тому же, сдерживание расходов является одной из основных проблем итальянской и шведской пенсионных политик, независимо от их идеологической ориентации. В Швеции социал-демократы и буржуазные партии фундаментально не согласны с тем, следует ли или нет вводить индивидуализированную накопительную составляющую полностью в основу шведской пенсионной системы. Однако даже буржуазные партии признали, что подобная составляющая не должна превышать 15 процентов от общей суммы взносов, чтобы можно было предотвратить финансовую перегрузку нынешних вкладчиков[5, p.93].

Мы можем рассмотреть вопрос об условиях, при которых политическая целесообразность пенсионной реформы может быть обеспечена. Мы можем определить как теоретические причины, так и эмпирические доказательства того, что правительства стремятся подкрепить свои усилия пенсионных реформ политическим достижением согласия с другими политическими и общественными силами. Успешно реализованные пенсионные реформы, как правило, это согласованные реформы[6]. В пенсионной реформе, односторонние действия государственных органов являются скорее исключением, чем правилом. Интересно, что это наблюдение справедливо в

[1] Ален Жюппе, французский правый политик, деятель «Объединения в поддержку Республики», а затем «Союза за президентское большинство», премьер-министр Франции, в 2000-е занимал пост мэра Бордо. С 18 мая по 18 июня 2007 года был государственным министром.

отношении таких стран, как Франция и Италия, которые традиционно не рассматриваются как типичные «согласованные демократии». Усилия правительств сформировать альянс по пенсионной реформе с другими коллективными субъектами, как правило, идут выше поисков простого парламентского большинства или минимальной победы коалиции[7, p.353–378]. Почему же правительства придавали и придают такое большое значение консенсусу вокруг пенсионной реформы? С одной стороны, они заинтересованы в поддержании долговечности принятых реформ, заверяя, что они не будут отменены после следующих выборов. Кроме того, предсказуемость и надежность пенсионной политики (в отличие от частых, неожиданных и произвольных изменений одноранговых установленных выплат) представляют ценность сами по себе. По самой своей природе, пенсионные реформы предполагают более или менее глубокие изменения в пакете доходов для будущих пенсионеров. В настоящее время вкладчики должны заранее корректировать свои способности занятости и своё «бережливое» поведение в течение длительного времени, у них есть искренний интерес к долгосрочной предсказуемости пенсионной политики и, таким образом, интерес в широком политическом общественном консенсусе по пенсионной реформе. Тем не менее, самая сильная мотивация для правительственных деятелей - стремиться к согласованности решений в области пенсионной политики - является способом снижения значительных политических издержек, связанных с реформой системы социального обеспечения. Во многом это связано с асимметрией между концентрированными и весьма заметными затратами и весьма условными и диффузными выгодами от сокращения расходов на социальное обеспечение, что делает пенсионные сокращения весьма непопулярными[8, p.305–333]. Однако эта логика сокращения расходов будет применяться только тогда, когда реформы не приводят к потерям для концентрированных и хорошо организованных групп и общее финансирование доходов от пенсий приводит к смешанным выгодам для неорганизованных групп. В противоположность этому, численное соотношение между лицами, вносящими вклад, и получателями социальной помощи, является относительно сбалансированным. С этой точки зрения нет никаких оснований ожидать, что одновременное увеличение уровня взносов и пособий обязательно будут более популярными, чем снижение уровня взносов и пособий.

Это суждение также подтверждается эмпирическими данными. В опросе общественного мнения французских, немецких, итальянских и испанских граждан о реформах государственного благосостояния подтверждается, что большинство граждан хотят сохранить налоги и обязательные взносы на текущих уровнях [9, p.110-150]. Интересно, однако, во всех странах, кроме Испании, доля респондентов, предпочитающих более низкие пенсии и меньшие суммы взносов выше, чем число респондентов, предпочитающих более высокие пенсии и более высокие взносы. С этой точки зрения, политические издержки сокращения расходов (то есть более низкие выгоды), не обязательно выше, чем политические выгоды, которые накапливаются на стороне вкладчиков (то есть более низкие ставки взносов). То есть, характерной особенностью пенсионных реформ является то, что многие положения становятся полностью эффективными лишь после очень длительных переходных периодов. Как следствие, полная реализация долгосрочной пенсионной реформы гарантируется только в том случае, когда правительства готовы последовательно их реализовывать.

Немецкая система пенсионного обеспечения государственных служащих является показательным в этом плане примером. В то время как пособия выплачиваются для относительно небольшой группы государственных служащих, начисленные расходы финансируются всей массой налогоплательщиков[4]. Однако, как старение населения имеет тенденцию к ухудшению соотношения между пенсионерами и работающими гражданами, пенсионная реформа в основном сводится к распределению потерь. В этих условиях ставки взносов возрастают, несмотря на существенное сокращение уровней пособий. Урезание льгот может привести только к замедлению увеличения, а не снижения уровня взносов. Аналогичным образом, задержка пенсионной реформы позволит стабилизировать уровни пособий в течение некоторого времени, но это также приведет к резкому росту ставок взносов и / или уровней налогообложения. Кроме того, избиратели имеют меньше шансов принять растущее бремя взносов в контексте застоя или даже реального снижения заработной платы. Проще говоря, разработчики пенсионной политики в настоящее время могут только выбрать либо более высокие ставки взносов на стабильные выгоды или меньшие выгоды при стабильных уровнях взносов. Пенсионная политика поэтому столкнулась с неприятным компромиссом, который часто игнорируется (или, по крайней мере, недооценивается) недальновидными избирателями. Эта близорукость может быть легко использована политическими партиями и группами общественных интересов, противостоящих планам пенсионных реформ правительства. Правительства должны, таким образом, иметь мощный стимул, чтобы разделить вину за необходимость непопулярных мер в пенсионной политике. Избирательная заметность пенсионной политики дополнительно стимулировала тот факт, что подавляющее большинство граждан приписывает именно правительству высокую степень ответственности в области определения пенсий по старости. По сравнению с пенсиями, другие цели социальной политики, такие как предоставление пособий по безработице или сокращения различий в доходах, представляются менее значимыми в глазах общественности.

По данным социологических опросов, начиная с 1990 года, 98 процентов респондентов высказывалось в пользу правительственной ответственности за пенсии по старости, в отличие от 85 процентов и 74 процентов, соответственно, за обеспечение преодоления безработицы и сокращения различий в доходах[10, p.201-205].

Отношение к пенсионным реформам (в %%) во Франции, Германии, Италии, Испании таково:

	Не знаю	Уменьшить выплаты	Сохранить status quo	Увеличить выплаты
Франция	19.1	35,0	51,2	13,8
Германия	6.5	26,9	59,1	14,0
Италия	16.1	42,8	39,7	17,4
Испания	27.7	15,9	53,2	30,9

Все корпоративные участники социальной политики являются важным элементом в ответственности за политические издержки, связанные с пенсионной реформой[8]. Наиболее эффективная стратегия действий правительства - разделить вину между всеми, чтобы получить, по крайней мере, молчаливое согласие со стороны профсоюзов или парламентской оппозиции. По крайней мере, в континентальной Европе, профсоюзы по-прежнему играют важную роль в качестве защитников социального страхования доходов и имеют возможность спровоцировать или провести масштабную акцию протеста против реформ системы социального обеспечения.

Например, в Италии и Франции крупные пенсионные реформы были приостановлены в 1994 и 1995 годах соответственно перед лицом общенациональных забастовок и демонстраций, организованных профсоюзами против непопулярных пенсионных реформ[11]. К тому же, широкий межпартийный консенсус по пенсионной реформе предполагает существенно более низкие политические издержки для правительственных партий, чем это имеет место, когда реформы проводятся правительством в одностороннем порядке, против чего оппозиционные партии могут попытаться мобилизовать избирательный протест. С другой стороны, поддержка со стороны работодателей не является ни необходимым, ни достаточным условием для того, чтобы сделать непопулярные пенсионные реформы популярными с политической точки зрения. Ассоциации работодателей мощными группами давления лоббируют значительные сокращения расходов, не связанных с оплатой труда. Поэтому влияние работодателей важно при включении вопроса пенсионной реформы в политическую повестку дня. Тем не менее, все большее давление работодателей по вопросам сокращения расходов на социальное обеспечение является однородным явлением в развитых государствах всеобщего благосостояния и вряд ли может объяснить успех или провал усилий пенсионных реформ в конкретном политическом контексте. Кроме того, явная поддержка работодателей для конкретного пакета реформ может быть только при ограниченном применении их правительственными партиями, пытающимися разделить вину за непопулярные пенсионные сокращения. Это может даже привести к серьезной проблеме репутации, когда правительства рассматриваются как потворщики для бизнесменов и слишком враждебные лица для трудящихся[12]. Средства массовой информации также играют важную роль в деле проведения пенсионной дискуссии, могут помочь сформировать политический климат в пользу пенсионной реформы и тем самым снизить политические издержки, связанные с болезненными последствиями пенсионных сокращений. Аналогичным образом, научные доклады экспертных учреждений могут подчеркнуть неспособность поддерживать существующую систему пенсионного обеспечения и повышения легитимности выгоды от пенсионных сокращений. Это также может ослабить стимулы к сопротивлению, как для оппозиционных партий, так и для профсоюзов, чтобы противостоять усилиям пенсионной реформы правительств.

Подводя итог, следует отметить, что проведение пенсионной реформы в одностороннем порядке без поддержки со стороны либо оппозиционных партий, либо профсоюзов является электорально рискованной стратегией для правительства и может поставить под угрозу прочность и устойчивость его решений в области пенсионной политики. Поэтому правительства обычно стремятся организовать консенсус по пенсионной реформе либо в частнопредпринимательской, либо в корпоративной среде. В основном это справедливо, даже если оппозиционные партии и профсоюзы не являются официальными игроками с правом вето, как это определено в ряде нормативных актов Евросоюза [13, p.591-608]. В принципе, все формы одинаково согласованных усилий подходят для обеспечения стабильной политической основы для пенсионной реформы. Если пенсионная реформа проводится на базе широкого социального консенсуса, то скорее всего, с политической точки зрения, она будет относительно успешной даже в условиях ожесточенного сопротивления ряда профсоюзов. Во-первых, консенсус при поддержке основных политических партий будет обеспечивать стабильное парламентское большинство, против которых профсоюзы мало что могут сделать. В противоположность этому, если правительственные партии с незначительным большинством голосов в парламенте не имеют парламентской поддержки оппозиции, даже сравнительно небольшая фракция членов профсоюзов и других внутренних противников реформирования будет иметь достаточный потенциал для шантажа против правительства. Во-вторых, широкое межпартийное согласие лишает профсоюзы возможности использовать избирательную конкуренцию между правительством и оппозиционными партиями.

С другой стороны, парламентская оппозиция столкнется с большими трудностями, обвиняя правительство в пенсионных сокращениях, если реформа была (или будет) поддержана профсоюзами. Во-первых, поддержка со стороны профсоюзов упрощает для правительства организацию согласия в рамках своего собственного лагеря. Это особенно актуально для партий социал-демократов и христианских демократов, которые, как правило, имеют более или менее сильное профсоюзное крыло. Кроме того, оппозиции трудно мобилизовать электорат против непопулярных реформ системы социального обеспечения, если они приняты профсоюзами, которые пользуются прочной репутацией защитников существующих механизмов государственного благосостояния.

Addressing the issues of pension reform in Europe at the turn of XX-XXI centuries. Arguments for and against such reforms, which are one of the major components of the social reforms. The author gives some statistical, sociological and evidence about the pros and cons of the pension reform in a number of European countries. The common thread throughout the paper is the idea that the broad-based social reform - a reform of the pension system in any country is it such - is impossible without reaching the social agreement of all stakeholders - the government, the workers themselves, entrepreneurs, corporations, trade unions, the media, scientists -sociologists, opposition and neutral government political parties and other public organizations.
Keywords: *the pension reform, social policy, state, the government, trade unions, social security contributions, civil society organizations, political parties.*

Список литературы

1. Bonoli G. The politics of pension reform: institutions and policy change in Western Europe. Cambridge University Press.2000.
2. Schludi M. Pension reform in European social insurance countries. In: UNSPECIFIED, Madison, Wisconsin. 2001. (Unpublished)
3. Giles H., Harwood J., Pierson H.B., Clément R., & Fox S. Stereotypes of the elderly and evaluations of patronizing speech: A cross-cultural foray. // R.K.Agnihotri, A.L.Khanna, & I.Sachdev (Eds). Social psychological perspectives on second language learning. (Research in applied linguistics series: IV, pp. 151-186). New Delhi: Sage. 1998.
4. Schludi M. The Politics of Pensions in European Social Insurance Countries/ MPIfG Discussion Paper 01/11//http://www.mpifg.de/pu/dp_abstracts/dp01-11.asp
5. Lindbom A. Dismantling the Social Democratic Welfare Model? Has the Swedish Welfare State Lost Its Defining Characteristics? // Scandinavian Political Studies. 2001. № 24(171).
6. Baccaro L. Negotiating Pension Reform with the Unions: The Italian Experience in European Perspective.// Conference paper. International Conference of Europeanists, Chicago. 2000. 30 March –2 April.
7. Hinrichs K. Elephants on the Move. Patterns of Public Pension Reform in OECD Countries. // European Review. 2000. № 3.
8. Myles J., Pierson P. The Comparative Political Economy of Pension Reform. / Paul Pierson (ed.). The New Politics of the Welfare State. //Oxford University Press. 2001.
9. Pierson P. & Weaver K.R. Imposing Losses in Pension Policy // K.R.Weaver & B.A.Rockman (Eds.). Do Institutions Matter? Government Capabilities in the United States and abroad. The Brookings Institution. 1993.
10. Pierson P. Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment. Cambridge University Press. 1994.
11. Palier B. Comparing Social Insurance Reforms in Continental Europe: Analytical Framework and Hypotheses. Draft. Centre National de Recherche Scientifique. Paris. 2001.
12. Hassel M. Pronominal Resolution in Automatic Text Summarisation. Masters thesis, Department of Computer and Systems Sciences// Stockholm University and KTH. 2001. //http://www.nada.kth.se/~xmartin/papers/Master-PRM.PDF.
13. Huseby N.E. and others. Carbohydrate-deficient transferrin and alcohol Boeri T., Börsch-Supan Aand Tabellini G. Would you like to shrink or expand the welfare state? The opinions of European Citizens //Economic Policy. 2001.Vol. 32.

Об авторе

Киселёв Анатолий Кириллович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедры теории и государства и права Северо-Кавказского социального института, *akiselev2@yandex.ru*

УДК 327.1+943.088.3

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Колесников П.А.

В данной статье охарактеризованы экономические и социальные аспекты внутренней политики Германии 50-60-х г. XX вв. Политическим силам пришлось тогда решать самую насущную проблему - формирование основ будущей Германии. Под основами подразумевается хозяйственная система страны. Итогом стало формирование новой экономической модели Германии, которая актуальна и сейчас.
Ключевые слова: *ХДС/ХСС, «план Маршалла», бюджет, финансы, реформа, модель*

Внутренняя политика Федеративной Республике Германии (ФРГ) в 50-х г. XX в. считалась одной из самых успешных. Ведь властями ФРГ удалось вывести западную часть страны из состояния полной разрухи за короткое время. Непосредственно этот прорыв возглавил ставший у руля страны христианские демократы, это канцлер ФРГ Конрад Аденауэр и министр экономики Людвиг Эрхард, названный отцом германского экономического чуда. Теория «социально-рыночного хозяйства» была разработана самим Эрхардом и поддержана канцлером

Аденауэром, который обеспечил все необходимые условия для реализации данной теории в жизнь [4, с.128].

Христианские демократы шли на выборы с программой, которая предусматривала рыночные отношения. В первую очередь, она предусматривала ослабление оккупационного режима, введение стабильного денежного обращения и отмену карточек на товары. Также в предвыборных агитматериалах делали упор на то, что при ХДС/ХСС Западная Германия выйдет из состояния нужды, голода и депрессии. Впоследствии трудолюбивый немецкий народ выбрал программу христианских демократов, которые оправдали свои обещания [4, с.128].

В Западной Германии (Рурско-Вестфальский район) было много полезных ископаемых в том числе и сырьевых. В этой связи внушительная доля германской промышленности размещалась в Рурско-Вестфальском районе; на него приходилось 97% всей железной руды, 81%-каменного угля и 91%-чугуна, который добывался в пределах границ Германии до 1937 г., где концентрировалась основная масса квалифицированных рабочих [6, с.198]. К этому можно отнести и реальные основания, скрывающиеся в объективных причинах. ФРГ располагала в начале 50-х гг. производственными мощностями выше уровня 1936 г., которые в результате войны были сокращены лишь на 15,4% [7, с.101].

Подъём объёмов производства в промышленности требовал обновлении основного капитала, так как к началу 50-х г. практически вся техническая база предприятий была, изношена и разрушена находясь на уровне 20-ти летней давности [7, с.101]. Раскол страны на два противоборствующих лагеря вносил диспропорцию в экономику страны. Потребность в товарах первой и бытовой необходимости вносила свои коррективы в скором и быстром восстановлении экономики.

Денежная реформа 1949 г. дала определенный толчок развитию экономики, целью которой изначально было блокирование банковских вкладов, с помощью чего власти смогли объединить вклады на льготных условиях и обменять на новые марки. Это означало только одно - перераспределение денежных ресурсов в пользу крупной и средней промышленности [6, с.450] для того, чтобы она могла подстегнуть остальные экономические процессы.

Помощь Англии и Франции в восстановлении экономики была менее существенной, чем от США. Американское правительство предоставило ФРГ экономическую помощь по «плану Маршалла». Аденауэр увидел в этом спасательный якорь для немецкой экономики [4, с.130]. Восстановление германской промышленности и всего производства было одной из главных задач. Поскольку западные страны рассматривали ФРГ как потенциального союзника [6, с.458], достижение данной цели носило перспективный характер.

В первые годы действия «плана Маршалла» Германия получила от США 500 млн. долл. безвозмездных ассигнований; всего за всё время действия этого плана Западная Германия получила 3,6 млрд. долл. [6, с.460]. Но эта финансовая помощь составила 8% от всех инвестиций, которые были вложены в восстановление экономики, И все же свою роль она сыграла. Это стало благоприятным фактором развития, укрепившего крупные и средние предприятия Западной Германии. Основная доля финансирования которая была выделена для восстановления предприятий, пришлась на государство. Государственный бюджет был важнейшим источником получения финансовой помощи на нужды народного хозяйства.

Западные страны активно поддержали новую валюту ФРГ. В банках Америки, Англии и Франции стали принимать марки к обмену, курс был установлен на уровне 23,8 цента [6, с.460-461]. Следовательно, экономика выходила на стабильный и сбалансированный уровень, так как без экономических предпосылок не могло быть и речи о курсе валют и её индексации.

Переломным моментом в экономике Западной Германии можно назвать лето 1950 г. В этот момент на другом конце света разворачивалось серьёзное событие - военный конфликт в Корее [6, с.465-466]. Немецкое правительство, заключая зарубежные контракты, перестраивало, создавало и дополняло свою промышленность для выполнения заказов американских ведомств. [6, с.467], которые нуждались в технике и прочих вещах для оказания военной помощи Корее.

К концу 50-х гг. заказы увеличились настолько, что промышленность Западной Германии стала испытывать нехватку металлов. Это вызывало серьёзные опасения, так как приходилось пересматривать политику по оптимизации ресурсно-сырьевой базы, на которой работали квалифицированные кадры и переселенцы из восточно-европейских стран. Переселенцы из восточных областей Германии и других европейских городов доставляли определенные трудности для экономики и не могли никак устроиться на работу в послевоенные годы, вдруг становились важным резервом дешёвой рабочей силы. Тем самым была ликвидирован основа безработицы.

Анализируя экономические проблемы, можно прийти к выводу, что причина быстрого подъёма таилась во внутреннем развитии Западной Германии. Например, хотелось бы сравнить внутренние и внешние капиталовложения в экономику [6, с.453]. В 1949 г. по «плану Маршалла» субсидии составляли 1 млрд. марок. Вложения в экономику самой Западной Германии составляли 15,7 млрд. марок, а в 1950 г. - 18,5 млрд. марок. А если брать общее количество инвестиций ФРГ в собственную экономику в период 1950-1957 г., то они достигали 257 млрд. марок[6, с.466], что превышало внешние инвестиции в разы.

Зададимся вопросом о средствах и их источниках? Где государство нашло деньги? Это результат накоплений «народного фонда» за счёт задержки индексации заработной платы и задержки по её выплатам. В начале 50-х заработная плата достигла 65% довоенного уровня. Продолжительность рабочей недели составляла 52 часа, что являлось показателем выработки норм производительности труда, основным подстёгивающим фактором ро-

ста прибыли от производимой продукции на предприятии. Первый накопленный транш инвестировали в расширение и восстановление производства в условиях автоматизации и технического прогресса. Следовательно, поднялась выработка продукции и личная прибыль на каждого рабочего. Институт западногерманских профсоюзов подсчитал, что прибыль монополий ФРГ возросла в 1957 г. (по сравнению с довоенным периодом) в 7 с лишним раз. Таким образом, «самофинансируемые» предприятия стали увеличивать объёмы производства, и в свою очередь приобретали новые источники финансирования.

Правительство и правящая коалиция, как показал опыт, проводили разумную экономическую политику. Главная функция, сводилась к регулированию нормативно- правовой базы в вопросах экономики. [6, с.469].

Государство, являлось важнейшим источником инвестиций, следовательно оно как то пыталось контролировать вложенные средства, потому как от казны поступало 30-32% всех вложений в экономику. Государство выдавало долгосрочные кредиты, но с гарантией на полную отдачу. В отдельно взятые годы оно кредитовало до 90%. С 1950-54 г. свыше 2/3 кредитов были государственными [6, с.470]. Финансовые средства у государства были в виде «прибыли», которое поступало с государственного сектора экономики.

За счёт проводимых мер христианские демократы в 7 летний период пребывания у власти сумели вывести страну из послевоенной разрухи и дать своему населению условия для нормальной жизни. Так в 1955 г. правительство ФРГ имело около 22% акции всех предприятий в Западной Германии. Позднее доля государства в акционерном капитале корпораций возросла до 2/3 [6, с.470].

Экономическому развитию способствовали и другие факторы. Это создание устойчивого внутреннего рынка, который имел широкий спрос на все виды бытовых и промышленных изделий. Создание новой инфраструктуры так же способствовало открытию новых отраслей экономики и предприятий взамен сосредоточенных в Восточной Германии [6, с.453]. Социально-рыночная экономика стала приносить свои плоды. Жители Федеральной республики уже не испытывали материальной нужды и чувств побежденных. Наблюдая за результатами экономической политики, проводимой Аденауэром и его командой, немецкое общество поддерживало политику канцлера. Успешная политика ХДС/ХСС позволяла при посредстве трудолюбивого народа Германии, как говорил Аденауэр[4, с.136], вывести ФРГ на рельсы нормальной жизни, что без всякого сомнения, вызвало уважение и доверие к немцам в других странах [4, с.136-137].

Экономику пытались развивать на новой технической основе, получив модернизированную промышленность. Менялась её структура, создавались новые отрасли - нефтехимия, приборостроение и т.д. Был достигнут довоенный уровень по стали и выплавке чугуна уже в 1952 г. Уже в 1955 г. доля ФРГ в промышленном развитии западных стран равнялась 9,4 %. Автостроение выросло в 4 раза, электротехника - в 5 раз [6, с.467].

В результате по сравнению с 1949 г. по 1954 г. Западная Германия удвоила, а в начале 60-х гг. утроила свой национальный доход. Занятость увеличилась с 13,5 до 21 млн. чел., а уровень безработицы снизился с 8,4% до 0,7% начала 60-х гг. Возросла и реальная заработная плата на 76% при сокращении рабочего дня на целых 16% [7, с.101].

Кроме всего прочего, как и во всех странах с рыночным отношением, постепенно стало возрастать значение монополий. В руках крупных держателей предприятий сосредотачивалась крупная группа дельцов, положение которых стало улучшаться в государстве. Они стали прикупать новые заводы, одним из таких крупнейших промышленников в Западной Германии была «Семья Круппов» которая имела за плечами опыт общения с «прошлыми властями», в принципе, как и все крупные промышленники. Тем не менее, благодаря манипуляциям с собственностью в их руках были сосредоточены крупные предприятия: сталеплавильные и угольные. На его предприятиях было занято свыше 100 тыс. чел; актив которого оценивался к концу 50-х годов 3 млрд. марок. Его предприятия с 1955-56 дали экономике 3,1 млн. тон стали - 14% всей выплавки стали в Западной Германии [6, с.567].

Концерн «ИГ Фарбениндустрии» занял третье место среди химических монополий мира. Концерн Маннесмана был возрождён в 1954 г. Его завод давал экономике около 1/3 всех труб, сделанных в Западной Германии. В области производства значительная её часть сосредотачивалась в руках группы акционеров. На 31 июля 1955 г. такая концентрация акционерного капитала привела к сосредоточению в их руках 14 объединений в 14,7 млрд. марок - это 66,3% акций ФРГ [6, с.466].

Что касается внешнеполитического сотрудничества, то в рамках поддержки были заключены определенные договоренности. Так в 1950 г. в Бундестаге приняли решение о вступлении в Европейский Совет, между этим, совместно с Францией решили создать Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) [6, с.470].

Постепенно во второй половине 50-х гг. бурные темпы роста стали притормаживать, но все же среднегодовой прирост составлял 9,6% в период с 50-60 гг. Это было связано с падением занятости населения. Закрывались угольные шахты, так как уголь заменялся газом, и поэтому шахтёры были вынуждены увольняться в поисках новой работы [6, с.470]. Единственная сфера отрасли, которая не пострадала - это приборостроение, электроника, синтетические материалы и т.п.

Равным образом можно сказать и о сельском хозяйстве, его производство интенсифицировалось: продукция не уменьшалась, но число занятых в этой сфере сокращалось с 1952-62 г. Сельское хозяйство покинуло 1,5 млн. человек, увеличивался приток рабочей силы в промышленность [6, с.468]. Было положено начало полному восстановлению крупнейших финансовых компаний - создание «Дойче банк», «Дрезденер банк» и «Концерн банк», и в 9 региональных банках. На их долю приходилось 57% банковских вкладов Западной Германии.

Сложно представить, но без банковского участия невозможно было решать инвестиционные проекты и соглашения, в силу того, что банки играли огромную роль в финансировании экономики ФРГ [6, с.468].

Для Западной Германии была характерна разветвлённая система предпринимательских союзов. Создавались союзы металлургов, горняков, электротехников, нефтехимиков и т.п. Они давали рекомендации, решали насущные проблемы рабочих и т.д. [6, с.469]

Говоря об общих тенденциях в экономике, то за 1950-56 г. сбыт промышленной продукции возрос на 180%, экспорт на 300% г. Гамбург вернул себе статус наиболее крупного порта - третье место в мире после Нью-Йорка и Роттердама. С 1952-64 г. увеличились золотые и валютные резервы, это говорило в пользу того, что ФРГ вывезла товаров больше, чем ввезла на 53 млрд. марок [6, с.470]. Правительство, следуя курсу программе христианских демократов, поддерживало внешние контакты, заключая экономически контракты, соглашения [6, с.470]. Постепенно западногерманское населения стало приобретать чувство уверенности в завтрашнем дне. В 50-е г. экономика ФРГ развивалась и шла уверенно по восходящей линии, следовательно, по темпам роста промышленных мощностей стала в свою очередь обгонять потребности рынка, что приводило к росту жизненного уровня населения.

В 1960 г. ФРГ занимала второе место в мире по мировому экспорту. Товары на внешних рынках были конкурентоспособны.

С началом 60-х г. стала возникать проблема дешёвой рабочей силы. С установлением Берлинской стены в 1961 г. источник экономического роста иссяк, это спровоцировало увеличение значения иностранных рабочих рук, их число к 1966 г. достигло 1244 тыс. (около 5% всех занятых). [1, с.409]

Но если анализировать деятельность экономической политики «Коалиции» в 60-х г., то можно проследить устойчивую тенденцию к замедлению темпов экономического роста, которая напрямую была связана с притоком населения из Восточной Германии и стран Восточной Европы. Прирост промышленности составлял в 1960 г - 8,8%, в 64 г. - 6,5%, а в 65 г. -5,5%, в 1967 г. он вообще упал до рекордно низкого уровня и составил - 1.3%. [6, с.463] Всем известно о знаменитом немецком автопроме, так вот к 1965 -69 г. выпуск автомобилей стабилизировался примерно на уровне 3 млн. штук.

Золотовалютные запасы в ФРГ в 1965 г. удерживали Западную Германию на втором месте в капиталистическом мире. Имея почти 30 млрд. марок иностранной валюты и ценных бумаг, в том числе 17 млрд. марок золота, ФРГ могла проводить независимую финансовую политику. [6, с.464]

Серьёзными показателями на тот момент являлись рейтинги 100 крупнейших предприятий западных стран, к середине 60-х г. появились 12 фирм ФРГ, в том числе «Volkswagen», в 1965 г. - занявший 24 -е, место, «Аугуст Тиссен-хюста» - 38 -е в 1969 г. (сталелитейное производство) чёрная металлургия. [6, с.465-466] Так же не отставали и во взаимоотношениях с иностранным капиталом. Внешнеэкономическая деятельность Западной Германии была направлена на сотрудничество с США и Англией. Ликвидация таможенных пошлин между странами привела к тому, что в 1965 г. иностранные капиталовложения составляли примерно 60 млрд. марок. Но в целом иностранным монополистам принадлежало 10% капитала в промышленности ФРГ. [6, с.466-467] Вместе с тем крупные монополии были очень активны и они, в свою очередь, пытались проникнуть на иностранный рынок.

Так, в 1963 г. ФРГ вывозила товаров на 58,3 млрд. марок, а в 1956 г. - 71,7 млрд. К середине 60-х г. ФРГ сбывала за рубежом примерно 1/6 своей промышленной продукции, это в немалой степени способствовало быстрому увеличению золотых и валютных резервов. [6, с.469]

Жизнь германского общества в период 50-х г. XX в. была вполне благоприятной. Так как в этот период Западная Германия показывала положительные результаты по темпам экономического роста, следовательно, социальное положение наравне с экономикой росло.

Социальная политика ХДС/ХСС в своей доктрине социально рыночного хозяйства сделала акцент на социальные аспекты для создания позитивного социального климата в стране. Уже в 50-е г. было создана правовая основа национальной политики. На тот момент ФРГ обладала весьма значительным трудовым квалифицированным резервом, которым можно было использовать, пользуясь ситуацией на мировом рынке. В мире возрастал спрос на машины и оборудование, а Западная Германия, наряду с другими индустриальными странами, могла производить и выпускать их, удовлетворяя потребности запросов рынка.

Благодаря этому Западная Германия с 1949 по 1961 г. смогла увеличилась занятость и уменьшилась безработица с 8,4% до 0,7% в период с 50 по 60-е г. [7, с.101]

В обществе складывалось устойчивое положение. Неуклонно росла заработная плата рабочих и служащих, пенсии для пожилых, рост которой превышал рост цен и налогов. Доходы населения увеличились [4, с.132].

Постепенно рабочим удалось на основе коллективных договоров, который был издан в 1949 г., добиться сокращения продолжительности рабочей недели, если к началу 50- х г. она составляла фактически до 52 ч. то к середине - 40-44 ч., этот успех был распространён на всю промышленность [6, с.454-455]. Данный договор мог разграничивать отношения между рабочим коллективом и работодателем в вопросах заработной платы и тарифных ставок. Профсоюзы, в свою очередь, добились принятия законов, которые регулируют отношения предпринимателей и рабочих. В 1951 г. был принят закон о паритетном (почти на равных) соучастии в наблюдательных советах крупных предприятиях, а в 52 г. закон об уставе предприятий [7, с.102]. Таким образом, эти введения открывали возможность улучшать положение рабочего, но уже в рамках основ норм права.

В системе социальных норм появился такой фактор, как Патерналистская форма выплат, которая к началу

60-х г. составляла половину социальных расходов предпринимателей. Данная форма представляла собой правовую основу социального страхования (по болезни, старости, увечья, безработицы) [7, с.102], в виде единовременной материальной выплаты.

Таким образом, правящая коалиция проводила такую политическую линию, которая улучшала нормы жизни простых рабочих и не создавала преград в формировании правовых норм между работником и работодателем. Лидер ХДС всячески пытался запустить в стране стабильную систему пенсионного обеспечения, которая бы охватывала не только лиц наёмного труда, то есть рабочих и государственных служащих, но и людей научных профессий. [4, с.132] В системе образования можно было с полной уверенностью говорить о том, что оно будет социально защищена.

Проблема жилья и жилищного строительства была весьма актуальна, после военной разрухи было много нуждающихся в жилье. В строй вводились новые жилые дома, к началу 50-х г. было построено 215 тыс. квартир, то в 1951 г. -410 тыс. квартир, а в 1956 г. - 559 тыс. Примерно половина новых квартир были социальными, предоставлялись населению по заниженным ценам [4, с.132]. В 50-е г. стали строить небольшие коттеджные дома для одной семьи. А это говорило о том, что в стране появились представители среднего класса, которые могли иметь индивидуальное жильё. Решались такие проблемы как отделение жилых районов от деловых, производственных и торговых с необходимой инфраструктурой и сетью транспортных коммуникаций [4, с.132-133].

Правительство коалиции создало такие условия социальной поддержки, которые 5- 10 лет тому назад невозможно было представить. Предприятия давали денежные и иные подарки к Рождеству, в дни юбилеев и семейных праздников, оказывали финансовую помощь на отпуск и обучение детей. Предприятия строили столовые, заводские кухни. Выделялись средства на проведения культурных и спортивных мероприятий, театральной самодеятельности и мн.др. [4, с.133]

Была проблема беженцев с востока Европы, но, как ни странно, она была решена за счёт программы обеспечения их жильём и ликвидации безработицы на вновь открывшихся предприятиях [4, с.136], а так же лицам, приезжавшим с востока, оказывались стартовая помощь, а дальше они действовали сами [4, с.135].

Благодаря той политике, которую проводил ХДС/ХСС в социальной сфере, немцы в Западной Германии выходили не только из материальных нужд, но и угнетённого состояния, они ощущали государственную политику социальной поддержки. [4, с.133] Экономический рост способствовал поднятию жизненного уровня населения.

Но к середине 60-х г. прежние источники экономического подъёма были исчерпаны. Фактически проблемы были разнофакторными, но в целом влияли на социальную среду. Это увеличение доли населения, занятого в сфере материального производства, в 1969 г. составила 54%. С 25 до 9% снизилась доля сельскохозяйственного населения. Росла стоимость жизни, государство стало чаще усиливать своё вмешательство в автономию тарифных партнёров. Правительство проводило совещания и консультации, а предприниматели, в свою очередь, более настойчиво относились к решениям правительства и требовали от них придать консультациям характер обязательного исполнения. [7, с.186-187]

Возникали проблемы, которые ранее не встречались, и в этой связи новому канцлеру от партии ХДС Л. Эрхарду, пришедшему к власти в 1963 г., нужно было принимать решения, которые бы способствовали выходу из назревающего экономического кризиса. Им была предложена программа «сформированного» общества, которая строилась на базе социально ориентированного рыночного хозяйства. Но этой программной идее сложно было реализоваться, так как страна вступала в фазу экономического спада, носивший циклический характерно кризис имел временное значение, про экономическая модель была настолько устоявшейся, что должна была восторжествовать [7, с.187]. Главная задача была, преодолеть кризисные явления с наименьшими потерями.

После ряда политических событий внутри страны в 1966 г. канцлером от христианских демократов становиться К.-Г.Кизингер. Быстро сформировав кабинет министров, канцлер и его правительство приступили к решению первоочередных задач - преодолению экономического кризиса 1966-67 г. Первое, что встретилось на пути, это кризис перепроизводства, который затронул почти все отрасли. Общий индекс производства сократился в среднем почти на 3%. В 1967 г. спад превышал 6%, а в некоторых отраслях доходил до 10-20%, возросла безработица до 300 тыс. человек. Экономическая программа нового правительства носила название «глобального регулирования», изложенного Шиллером, министром экономики. Она представляла собой: программу среднесрочной экономической и финансовой политики, рассчитанную на 5 лет. Главная цель - стабильность цен, высокий уровень занятости и умеренный платёжный баланс, а главная роль отводилась финансовым рычагам. [5, с.590] В рамках данной программы государственные субсидии получали промышленность, строительство, металлургия. На проведение данных программ правительство выделяло 12,5 млрд. марок, а федеральный банк, в свою очередь, постепенно снижал учетную ставку. Экономика чувствовала постепенное оживление, а спустя год пошла на подъём. [7, с.189]

Темпы экономического роста имели тенденцию к снижению. Безработица выросла до уровня - 2,1%(около полумиллиона человек). Конкуренция со стороны дешёвой нефти вызывала серьёзный кризис в угольной промышленности, лишала трудящихся рабочих мест на шахте. [5, с.588] На мировых рынках товары, сделанные в Западной Германии, стали вытесняться азиатскими конкурентами. Высокая зарплата привела к скачку инфляции, и для того чтобы выровнять государственный бюджет, правительство было вынуждено пойти на поднятие ставки рефинансирования и урезания социальных программ. [3, с.213] В условиях обострившегося кризиса возникли разногласия по поводу бюджета на 1967г., который был свёрстан с дефицитом в 4 млрд. марок. [5, с.589] Эффект от кризиса был

вполне ожидаемым, противодействующие меры были приняты с солидным «запасом прочности», что и помогло экономике вернуть высокие темпы роста Валового социального продукта (7,1 % в 1968 г. и 8,2% в 1969г.). [3, с.215]

В общей сложности экономика Западной Германии в период правления ХДС/ХСС в 60-х г. имела неплохие результаты, несмотря на те проблемы, которые складывались внутри государства, но в разные периоды правления правительство всё же находило пути решения.

Так, рост ВВП с 1960 г. по 1970 г. поднялся с 302,2 млрд. марок до 682,8 млрд. марок, относительно индексу от 308 до 696 пунктов. [2, с.474] Рабочая неделя в часах сократилась с 46,2 до 44,9 (1961-1969). Социальные расходы, в процентном соотношении на долю ВВП, увеличились с 15,5% до 17,9% (1960-1970). [2, с.475]

Экономическая и социальная политика правительства подняла и восстановила Западную Германию вопреки сопровождающейся критике, страхов, что людей ввергнут в нищету, разрушат остатки хозяйства и т.п. Но результаты деятельности ХДС/ХСС служили надёжной защитой и гарантией в процветании экономики страны. Об этом свидетельствовали факты и результаты достигнутого уровня жизни населения 50-60 г. и то, какую экономическую политику проводила ХДС/ХСС. Но самое главное в проводимой политике были социальные гарантии людям, которые хотели быть уверенными в завтрашнем дне.

The article observes economicaland social aspects of German history 1950s- 1960s.Political forces had to solve the most important problem is forming the foundations of a future Germany. This issue saw the setting stages of future German. The conclusion is the formation of new economical model which works today.
Keywords: *CDU, CSU, Marshall Plan, budget, Finance, reform, form*

Список литературы

1. Ватлин,А. Германия в XX веке. М.: РОССПЭН 2002. 336 с.
2. Германская история в новое и новейшее время, в 2 т. М.: Наука 1970. Т.2. 606 с.
3. Ежов В. Д. Конрад Аденауэр - немец четырёх эпох. – М.: Молодая гвардия, 2003, (Жизнь замечательных людей, вып. 828). 311 с.
4. История Германии, в 3 т. / От создания Германской империи до начала XXI века. Под ред. Бонвеча Б. Галактионова Ю.В., М.: КДУ 2008. Т.2. 672 с.
5. История Германии, в 3 т. / Документы и материалы. Под ред. Бонвеча Б. Г алактионова Ю.В., М.: КДУ 2008. Т.3. 592 с.
6. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве 2007. 708 с.
7. Языков Е.Ф. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945-2000. М.: Простор, 2003. 479 с.

Об авторе

Колесников Павел Александрович – магистр 1 курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *pashal994god@yandex.ru*

УДК 929 Кушелев-Безбородко(47)

К БИОГРАФИИ ЛИТЕРАТОРА И МЕЦЕНАТА Г.А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО

Корнацкий Н.Н.

Эта статья посвящена личности мецената и литератора графа Г.А. Кушелева-Безбородко, который прежде всего известен как первый издатель журнала «Русское слово» и вероятный прототип князя Мышкина из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. Автор постарался дать подробный биографический очерк Кушелева-Безбородко и впервые в историографии изложить историю его неудачного брака на авантюристке Л.И. Голубцовой (Кроль), ставшего поворотным моментом в его жизни. Значительное внимание уделено вкладу Г.А. Кушелева-Безбородко в литературу, музыку и шахматное движение.
Ключевые слова: *Г.А. Кушелев-Безбородко, Д.И. Писарев, Г.Е. Благосветлов, Ф.М. Достоевский, журнал «Русское слово», шахматное движение в России, шестидесятые годы XIX века, расширение личного пространства.*

Граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко (1832-1870) известен, прежде всего, как первый издатель и редактор журнала «Русское слово», где опубликовал свои главные статьи один из «властителей дум» 1860-х годов Дмитрий Писарев. Особой заслуги Кушелева в этом нет – в полной мере критик раскрылся уже при следующем редакторе Григории Благосветлове. Неудивительно, что исследователи предпочитают обходить фигуру графа стороной, хотя это и не совсем справедливо. Григорий Александрович и вне контекста журнала был на редкость колоритной фигурой.

Выпускник Александровского лицея (1850), чиновник канцелярии Комитета министров и наследник сразу двух знатных русских фамилий, он был одним из богатейших людей России, однако выбрал себе судьбу писателя. Не имея ровным счетом никаких талантов, он, тем не менее, преуспел в литературе как меценат, спонсировал множество благотворительных организаций, дал импульс развитию шахматного движения в России. На рубеже 1850-1860-х годов его, как и многих, подхватила волна общественного подъема – он становится одним из

инициаторов создания демократического Шахматного клуба и даже вкладывается в герценовский «Общий фонд» помощи политическим эмигрантам.

Но не меньше общественной деятельности Кушелева-Безбородко интересна и его частная жизнь – прежде всего, неудачный брак с авантюристкой Любовью Голубцовой, который стал достоянием общественности и даже отразился в ряде художественных произведений. В 1970 году литературовед Р.Г. Назиров обосновал гипотезу, что именно Кушелев был прототипом князя Льва Николаевича Мышкина из романа «Идиот» (1868) Ф.М. Достоевского. Исследователь полагал, что писатель на начальном этапе собирался использовать гораздо больше биографических деталей графа, однако впоследствии решил ослабить сходство – оригинал оказался «слишком мелок» по сравнению с образом «положительно прекрасного» человека, что рождался в воображении автора [1].

Сравнительно недавно из опубликованной переписки А.А. Фета и Я.П. Полонского стало известно [2, с.746,690], что последний вывел чету Кушелевых в своей повести «Дорогая елка» [3] под фамилией Ижорские. Там по сюжету авантюристка женит на себе слабовольного наследника громадного состояния, но не меняет своего образа жизни и едва не доводит мужа до банкротства. Прообразы узнаются моментально – Фет в письме автору писал, что «Дорогая елка» «прелестно воспроизводит нелепых Кушелевых» [2, с.690]. Надо сказать, развязка повести отдает дешевой мелодрамой: во время рождественского приема, где царил грех и разврат, граф прозревает истинную сущность жены и умирает от нервного удара. Судьба реального Кушелева была иной, хотя оказалась еще в больше степени похожа на пошлейший роман.

Меценат, литератор, композитор, шахматист

Когда умер отец – видный чиновник и блистательный царедворец Александр Григорьевич Кушелев-Безбородко (1800-1855) – его невзрачный отпрыск Григорий в одночасье стал одним из самых состоятельных людей империи, а впоследствии еще больше увеличил состояние со смертью в 1862 году младшего брата Николая. Но обретенное богатство не пошло ему на пользу. Граф был человеком скромным по натуре, не имел ни особых дарований, ни карьерных амбиций, а ко всему прочему еще и страдал хореей. Из-за этой болезни (ее еще называют «пляской святого Витта») он четыре года вплоть до смерти Кушелева-старшего безвылазно просидел в семейном особняке рядом с Гагаринской набережной.

Затворничество его закончилось вместе с наследством и нагрянувшей любовью. Как бы странно это не звучало, именно куртизанка Любовь Голубцова вывела Кушелева в люди. Став графиней, она привнесла в его жизнь бесконечный праздник. О ее расточительности и любви к роскоши с удовольствием судачил весь Петербург. Как и отец, но с куда большим размахом Григорий Александрович начал устраивать в своем доме и в Полюстровском парке (здесь находилась дача) открытые концерты классической музыки и танцевальные вечера. Музыкальный критик Маврикий Раппопорт не жалел похвал: «Музыкальные вечера у графа Кушелева-Безбородко, по своему разнообразию и интересу, можно по справедливости сравнить с концертами Парижской Консерватории» [4].

(В скобках стоит отметить, что это только одна из версий этого периода жизни графа. Другая точка зрения о роли графини в социальном «пробуждении» Кушелева изложена в повести Я.П. Полонского [3] и воспоминаниях романистки А.И. Соколовой, известной под псевдонимом Синее Домино [5] – оба одно время входили в самое близкое графское окружение. Они утверждают, что «кутить» и вращаться в весьма специфических кругах тот начал еще при жизни отца к его явному неудовольствию. Более того, сама болезнь и «ранняя старость» Кушелева, считала Соколова, – прямой результат бесконечных попоек [5, с.482]. Графские «приживальщики» не только сбили Кушелева с пути истинного, писал Полонский, но и прямо поспособствовали его сближению с Голубцовой, справедливо опасаясь за свое вольготное существование – если бы тот взялся за ум и нашел порядочную жену, всему этому немедленно пришел конец [3, с.120]).

В окружении графа появилось много литераторов, видимо, благодаря шурину – мелкий чиновник и малоуспешный поэт Николай Кроль был одной из типичнейших фигур русской богемы. Современница утверждает, будто именно Кроль «втянул» Кушелева в литературу и подбросил мысль издавать журнал «Русское слово» [6, с.354] – других подтверждений этой версии нет, однако нам известно, что писать граф начал еще до знакомства с ним – по крайней мере, самая ранняя датированная рукопись относится к 1851 году [7]. Несмотря на публикации в журналах «Пантеон», «Отечественные записки» и газете «Молва» (собранные позднее в книгу «Очерки и рассказы Грицко Григоренко»), в целом его малосодержательная, тусклая проза не имела успеха в литературных кругах. Чернышевский в письме к Некрасову с удовольствием пересказывал сплетню, будто граф доплачивал за публикацию своих сочинений [8, с.329].

Исследователи прямо связывают инициативу издавать собственный журнал с неудачей Кушелева как литератора – и, скорее всего, правы, однако одним желанием напечатать свои опусы его мотивы не исчерпываются. С одной стороны, граф намеревался произвести переворот в отечественной словесности и примирить на страницах своего издания все фракции (напомним, на дворе шел конец 1850-х годов, и общество бурлило в ожидании реформ). Кроме того, к созданию журнала Кушелева подталкивали его многочисленные «литературные приживальщики», которые хотели обрести посредством «Русского слова» постоянный заработок.

Идея «благотворительного» журнала, который помогал бы всем несчастным, отторгнутым литературной модой, была вполне в духе графа. Меценатство стало семейной традицией Кушелевых-Безбородко. Отец по наследству передал Григорию Александровичу опеку над Нежинским лицеем. Уже по собственной инициативе граф основал и стал попечителем женской богадельни на Малой Охте при Императорском человеколюбивом обществе. Он принимал то или иное участие во множестве других благотворительных организаций – например,

был членом Общества поощрения художников и помогал пансионеркам Воспитательного общества благородных девиц. Если скандальная женитьба оттолкнула высшее общество от графа, то благотворительность хотя бы отчасти помогла ему восстановить позиции – за активную меценатскую деятельность Кушелев был удостоен благодарности императора. И в литературе деньги помогли открыть ему двери, которые не смог открыть талант.

За считанные годы на деньги Кушелева был изданы (часть – в качестве приложений к «Русскому слову»): трехтомное собрание сочинений Л.А. Мея (1862— 1863), стихотворения А. Н. Майкова в двух книгах (1858), рассказы Я. П. Полонского (1859), собрание сочинений А.Н. Островского в двух томах (1859), а также рисунки к ним П.М. Боклевского в шести выпусках (1859—1860), повести и рассказы М.Л. Михайлова («В провинции») в двух томах (1860), сочинения И.И. Панаева в четырех томах (1860), «Памятники старинной русской литературы» под редакцией Н.И. Костомарова и А.Н. Пыпина в четырех выпусках (1861-1862). Кроме того, для отдельного издания Писемский хотел продать графу свой роман «Тысяча душ» [9, с.120-123], Фет – трехтомник сочинений [10, с.140], Толстой вел переговоры с графом через Дружинина и Полонского об издании отдельной книгой своих рассказов [11, с.280-283], но эти прожекты не увенчались успехом.

Помимо литературы граф питал страсть к музыке, писал романсы и песни (под сильным влиянием Даргомыжского [12, с.136]) на стихи русских и зарубежных поэтов, и как композитор сильно превзошел свои успехи как литератора. Нотные записи сочинений Кушелева активно издавали при его жизни М. Бернард, И. Пазовский, после смерти – П. Юргенсон и А. Гутхейль, многие из них исполняются до сих пор. На устраиваемых Кушелевым музыкальных вечерах собирались главные представители русской сцены того времени – от певицы Дарьи Леоновой до виолончелиста Ивана Зейферта, а один раз даже гостил и выступал французский пианист Анри Герц [5, с.487-490]. Пытался играть и сам граф (ср.: Тургенев: «Кушелев мне кажется дурачком – я его все вижу играющим у себя на вечере – на цитре – дуэт с каким-то итальянским голодным холуем» [13, с.150]).

Последнее по счету, но не по значению увлечение Кушелева – шахматы. Граф был одним из первых действительных членов Общества любителей шахматной игры, который был создан в 1853 году по инициативе старшего Кушелева-Безбородко – первые годы заседания общества даже проходили в графском особняке на Гагаринской. По причине болезни Григорий Александрович вряд ли часто посещал Шахматный клуб (который позднее съехал из его дома на другой адрес), однако продолжал принимать у себя первейших игроков, например, Илью Шумова и князя Сергея Урусова. Спустя пару лет клуб захирел, и осенью 1856 года был явочным порядком «захвачен» литераторами, а потом и вовсе закрылся.

Также Кушелев стал издавать «Шахматный листок», первое профильное издание на русском языке (сначала выходил в качестве приложения к «Русскому слову», а после его приостановления в 1862 году отделился и год просуществовал самостоятельно). Кроме того, граф обеспечивал призовые фонды шахматных турниров, а в 1862 году даже привез в Петербург известного австро-венгерского шахматиста Игнаца фон Колиша – это был первый приезд в Россию зарубежного мастера такого уровня (обстоятельства их знакомства позднее сам игрок описал в заметке для „Neue Berliner Schachzeitung“ – см. перевод [14]).

По всей видимости, и в шахматы граф играл лучше, чем писал прозу. В путевых заметках он рассказывает о своих встречах за границей с признанными шахматистами того времени – австрийцем Рудольфом Вильмерсом (он ввел Кушелева в Венский клуб, где графа признали «постоянным почетным членом») [15, с.15-20] и итальянцем Серафино Дюбуа, с которым Кушелев провел несколько партий и, судя по всему, часть даже выиграл [15, с.154].

Вскоре шахматы, музыка и благотворительность отошли на второй план, уступив место литературе. Кушелеву нравилось ощущать себя частью «литературного сословия». Несколько месяцев в его доме регулярно собирались ведущие литераторы Петербурга. Именно на обеде у графа критик А.В. Дружинин впервые озвучит идею о Литературном фонде. По примеру других издателей и редакторов, Кушелев включается в обсуждение грядущей цензурной реформы и пишет записку о своих соображениях по этому поводу. Когда в 1862 году по делу о распространении революционных прокламаций арестовали сотрудника «Современника» М.Л. Михайлова, Кушелев в составе делегации с Краевским и Громеко отправился к министру народного просвещения ходатайствовать об освобождении коллеги.

В начале 1860-х годов богач и аристократ все больше втягивается в общественное движение наряду со своими «разночинными» приятелями – не без влияния нового редактора «Русского слова» Г.Е. Благосветлова, который за считанные месяцы превратил бесцветно-аполитичный журнал в одно из ярких демократических изданий.

Сложно сказать, насколько близко аристократ Кушелев воспринял это новое для себя направление. Еще пару лет назад он вполне поддерживал линию правительства. Будучи крупным помещиком, Григорий Александрович, тем не менее, был убежденным сторонником отмены крепостного права, причем (если судить по его записке 1858 года) примерно по той же схеме, что и была воплощена в жизнь: государство выкупает у помещиков наделы для крестьян, а те 27 лет платят ему выкупные платежи с процентами, поступая в наем к тем же помещикам.

Тогда, в 1858 году, Кушелев считал, что это единственно возможный выход – иначе крестьянин, получив надел и приусадебный участок, «из свойственной ему лени» по крайней мере на первые годы забросит прочую работу. «От этого все земли помещичьи останутся невозделанными, фабрики, заводы должны будут прекратить свои действия от недостатка рук и невозможности даже за чрезмерную плату нанять их (т.е. крестьян – Н.К.), от этого воспоследует общий голод, возвышения цен всем продуктам, а потому общая бедность и разорение» – рисовал он апокалиптические картины [16, л.9 об-10].

Конечно, с годами легко внушаемый Кушелев мог изменить свое мнение под влиянием общественно-политической ситуации и новых друзей, решительно не принявших реформу. По крайней мере, в июне 1861 года Г.Е. Благосветлов писал своему другу и единомышленнику Д.Л. Мордовцеву, что «граф любит свое дело (журнал – Н.К.) и разделяет наши убеждения» [17, с.236]. В 1861 году во время заграничного путешествия Кушелев даже лично встретился с Герценом (в РГАЛИ сохранилось фотография графа с дарственной надписью лондонскому изгнаннику, датированная мартом 1861 года [18]), а два года спустя не побоялся пожертвовать 850 фунтов стерлингов в герценовский «Общий фонд» [19, с.775].

В 1862 году в Петербурге воссоздается Шахматный клуб, где основную движущую силу составили демократически настроенные литераторы. Кушелева избирают одним из трех директоров клуба – сделано это было скорее для прикрытия, но тем не менее.

Однако скоро все заканчивается – в том же году граф порывает как с литературой, так и с общественным движением. Исследователи полагают, что Кушелева напугало приостановление «Русского слова» на 8 месяцев, после которого он поспешил передать Благосветлову издательские права на журнал. Может быть и так, хотя, вопреки расхожему мнению, Кушелев не успел ощутить особых последствий своих «демократических» увлечений как тогда, так и в будущем. Во многих биографических справках пишут со ссылкой на монографию М.К. Лемке, что за подачу петиции в защиту Михайлова Кушелева лишили придворного звания камер-юнкера, хотя на той же странице указано о решении императора отменить наложенные санкции [20, с.108]. И после этой истории Кушелев остался состоять при управляющем делами Комитета министров, а в конце 1863 года даже был пожалован в действительные статские советники [21, л.1].

Возможно, властным кругам, наконец, удалось втолковать графу, что человеку в его положении и с его состоянием не к лицу играть в революционера. Но не стоит сбрасывать со счетов и личные обстоятельства, надломившие графа как раз в 1862-1863 года. Женщина, на которую он возлагал большие надежды и ради которой многим пожертвовал, не только отвернулась от него, но и объявила ему войну. И в этой войне граф не видел иных союзников, кроме адвокатов, высших правительственных лиц и лично императора.

Куртизанка

Любовь Ивановна (в девичестве – Кроль) была дочерью инженер-генерал-майора, вице-директора одного из департаментов Министерства путей сообщения. К моменту встречи с Кушелевым-Безбородко у нее за плечами уже было два неудачных союза. Первый муж, гвардейский офицер М.А. Пенхержевский, вскоре после женитьбы скончался, оставив девушку одну на руках с ребенком. Второй брак с штабс-капитаном И.П. Голубцовым, как пишет в воспоминаниях А.И. Соколова, был основан на расчете – супруг был сильно старше и нелюбим, но «предложил ей свое имя и с ним вместе и безбедное существование для нее и обожаемого сына». Как часто бывает в таких случаях, семейной идиллии не получилось, Голубцова бежит из Киева, где они жили, обратно в Петербург, «без всякой определенной цели, желая только избавиться от домашнего ада» [5, с.482]. Здесь в столице никто ее с распростертыми объятиями не ждал. Без надежной опоры, неспособная ни к чему, но поразительно красивая (в этом сходятся все мемуаристы), Голубцова не находит иного выхода, как стать содержанкой состоятельных господ.

Историю ее знакомства с графом мы узнаем из той же повести Я.П. Полонского «Дорогая елка» [3, с.119-122]. Художественные произведения – ненадежный исторический источник, однако, как писал сам автор А.А. Фету, завязку отношений графа и будущей графини он передал довольно точно, изменив лишь степень родства между соперниками: если Илья Матвеевич Ижорский увел «метрессу» своего кузена, то Григорий Александрович Кушелев-Безбородко – родного брата [2, с.746].

Впервые Голубцову граф встретил где-то в 1855-1856 гг., когда пришел к младшему брату Николаю на завтрак. Одной встречи было достаточно – Кушелев немедленно влюбился и всеми правдами и неправдами постарался «переманить» эту особу к себе. Осыпал подарками, перевез в отдельные апартаменты, потом к себе в особняк и, наконец, вовсе предложил выйти за него, несмотря на все протесты родни. Голубцова убедительно играла воплощенную невинность, и граф как честный человек не мог поступить иначе.

Влюбленным оставалось уладить небольшую формальность – официально Голубцова продолжала считаться чужой женой. За внушительную сумму (по свидетельству приставленного к графу агента III отделения – 60 тыс. рублей [22, л.5]) штабс-капитан согласился признаться в нарушении супружеской верности, но одного этого было недостаточно. По «Уставу духовных консисторий» было необходимо предоставить либо показания двух или трех «очевидных свидетелей» измены, либо подтвердить наличие внебрачных детей. Остальные доказательства, будь то изобличающие письма или показания свидетелей-«неочевидцев», имели силу только при «соединении» с одним из главных доказательств, или же если они «в своей совокупности обнаруживают преступление» (ст.ст. 252, 253).

Каким именно способом граф вышел из этой ситуации – неизвестно. По всей видимости – как обычно с помощью денег. Тот же агент III отделения докладывал, что, помимо выкупа мужу, «развод стоил Кушелеву 80 т<ыс>. р<ублей>. с<еребром>» [22, л.5]. Так или иначе, 16 октября 1856 года Голубцова отнесла в Санкт-Петербургскую духовную консисторию прошение о расторжении брака, а уже 28 марта следующего года снова стала свободной женщиной [22, л.3].

Граф решил как можно скорее обвенчаться с любимой в своем подмосковном имении Кораллово, и где-то в начале апреля попросил у начальства, управляющего делами Комитета министров А.П. Суковкина, отпуск на два месяца и паспорт, чтобы отправиться в Московскую губернию в связи с «домашними обстоятельствами»

[23]. Эта спешка едва не погубила все дело. Во властных кабинетах, где давно следили за непотребным поведением одного из самых знатных людей империи, предположили самое худшее – что Кушелев-Безбородко собрался венчаться, не дожидаясь официального развода невесты (о котором они еще не знали).

Шеф жандармов доложил царю о готовящемся богохульстве, Александр II приказал немедленно принять меры. 17 апреля обер-прокурор Синода потребовал от митрополита Московского и Коломенского Филарета срочно помешать браку – письмо немедленно отправляется в Первопрестольную почтовым поездом. Уже 18 апреля Филарет пишет обратно в столицу о поисках села, к которому принадлежит имение графа, начатых «со всевозможной поспешностью», а «на случай нетерпения совершить сей брак в другом селе» и прочим священникам было разослано соответствующее предписание [22, л.6-10].

Спецоперация увенчалась успехом – в тот раз влюбленные не смогли связать себя узами брака. Недоразумение ни как не могло разрешиться и спустя полтора месяца – видимо, священники отказывались венчать без разрешительного циркуляра, а в Петербурге медлили с ответом. Граф, подозревая (и не без оснований) общее неудовольствие его матримониальным выбором, 1 июня пишет из Кораллово прочувствованное письмо императору с просьбой не препятствовать их союзу.

Прежде всего, он опровергает все наветы на свою избранницу – что будто бы коварно воспользовалась, тянет из него деньги, поссорила с семьей и прочее. Напротив, не она, а он – истинный инициатор брака, пишет граф. У девушки действительно дурное прошлое, но для него она стала посланцем небес. Кушелев рассказывает о своей болезни, из-за которой он вынужден был стать затворником. Теперь после медицинского вмешательства он может надеяться на выздоровление. «Но для этого, - поясняет он. – мне была необходима спокойная семейная жизнь, постоянное заботливое внимание лица преданного мне и сердцем и всей душою. Все это мне предложила эта женщина. Она решилась пожертвовать всею своею личностью для меня. Такое самопожертвование требует более чем простой благодарности от меня – я чувствую, что я остаюсь пред нею в долгу почти неоплатном» [22, л.11-13].

В ответ – лишь молчание. Граф явно нервничает и даже просит справиться о своей «скатерти» писателя и актера И.Ф. Горбунова, никак не смущаясь малым с ним знакомством. Тот великодушно соглашается, но ничего выяснить не может [24, с.536-537].

Кушелев нервничал не зря. Его брат Николай, перепуганный перспективой породниться со своей бывшей любовницей, тоже написал императору, не постеснявшись признаться во всех грязных подробностях этой истории. «Я не решился бы утруждать Ваше Величество, если бы не знал вполне Госпожи Голубцовой, – говорилось в письме. – Женщина эта некогда и меня опутала своими сетями, и я имел несчастье находиться с нею в слишком близких связях и, что всего ужаснее, как я узнал впоследствии, в одно и то же время, как и брат мой. Все это хорошо известно теперь моему брату, но ни позорная жизнь Госпожи Голубцовой, ни мои мольбы, ни слезы сестер, ни увещания престарелых родственников не могли заставить его отказаться от своего намерения» [22, л.16-17 об.].

Николай Кушелев-Безбородко приводил резонные аргументы (если эта женщина вернется на скользкую дорожку, его впечатлительный брат не переживет позора), апеллировал к славным предкам, которые верой и правдой служили короне и тоже не заслужили такого позора – однако, так и не смог перетянуть императора на свою сторону. Когда развод Голубцовой подтвердился, государь предпочел оставить ситуацию без своего вмешательства, рассудив, что если законных препятствий нет, пусть женятся [22, л.14]. И в том же 1857 году Голубцова, наконец, становится графиней Кушелевой-Безбородко.

У благосклонности Александра II есть и иное объяснение, которое активно тиражировала сама Любовь Ивановна – будто бы ей удалось добиться личной встречи с царем и убедить его в искренности своих помыслов. В качестве обоснования якобы был использован тот факт, что когда-то в юности еще до первого замужества она стала любовницей Николая I, и поэтому, «государь, всегда благоговейно относившийся к памяти отца и действительно знавший о его отношениях к девице Кроль» согласился ее принять, пишет А.И. Соколова и даже приводит записанную со слов Кушелевой запись их разговора (точнее, его подстрочный перевод, так как говорили они на французском языке) [5, с.483-484].

Поверить в реальность этой истории трудно. Если факт близости генеральской дочки и государя еще мог иметь место – многочисленные увлечения Николая I давно известны (см. например: [25]), то сам разговор Александра II и Голубцовой напоминает эпизод из любовно-исторического романа. Типажи воспроизведены с поразительной точностью: опустившаяся на самое дно, но гордая куртизанка смело и искренне бросает правду в лицо предубежденного государя; тот проникается уважением, даже симпатией, великодушно благословляет ее на брак; на прощание он «со свойственным ему рыцарством» целует ей руку, а куртизанка возвращается к любимому графу, «полная благоговейной благодарности к своему державному покровителю». В подобном тоне выдержаны все воспоминания Соколовой, что резко снижает степень доверия к ним. Однако, как показали дальнейшие события, Голубцова действительно ощущала себя героиней авантюрного романа, и, не стесняясь своего положения, пыталась напрямую общаться с императором.

Фиктивный развод

Сразу после женитьбы в 1857 году супруги Кушелевы в сопровождении свиты из 10 человек (а также любимой болонки графини) отправились в свадебное путешествие за границу. В этом турне они жили как в последний раз – швырялись деньгами налево и направо, останавливались в самых дорогих гостиницах, не спали ночами, собирая за своим столом первых встречных. И если супруга только развлекалась, граф в перерывах между увеселениями готовился к изданию журнала, делал заметки к будущим путевым запискам и подыскивал

сотрудников. В Риме в январе 1858 года к их кочующему табору прибился поэт Я.П. Полонский, которого Кушелев взял в соредакторы «Русского слова».

В марте к ним добавился известный магнетизер и медиум Даниэль Юм, который приехал в столицу Италии отдохнуть, но не смог отказать русской паре и присоединился к их путешествию [26, p.178-179]. Позднее он даже изъявил желание взять в жены младшую сестру графини Александру Кроль – граф немедленно обеспечил невесту внушительным приданым. В мае уже в Париже Кушелевы взяли в оборот Александра Дюма-отца. Граф сделал ему великолепное предложение – пообещал оплатить путешествие по России. Такой шанс писатель не мог не упустить. Написанные им спустя несколько лет «Путевые впечатления в России» начинаются как раз с описания безумного путешествия Кушелевых [27, с.51-118].

Оставив Полонского в Париже устраивать личную жизнь – тот приедет в Россию позднее и с невестой, дочерью старосты местной русской церкви – остальные путешественники в июне вернулись в Петербург. Гости графа немедленно произвели фурор.

«Весь Петербург в течение июня месяца только и занимался г. Дюма, – писал в своем ежемесячном фельетоне «Современника» И.И. Панаев. – О нем ходили различные толки и анекдоты во всех слоях петербургского общества; ни один разговор не обходился без его имени, его отыскивали на всех гуляньях, на всех публичных сборищах, за него принимали бог знает каких господ. Стоило шутя крикнуть: Вон Дюма – и толпа начинала волноваться и бросилась в ту сторону, на которую вы указывали. Словом, г. Дюма – был львом настоящей минуты» [29].

Что касается Юма, его приезд широкие слои Петербурга, может быть, и не заметили, но в высшем обществе он был принят с распростертыми объятиями. Медиум с большим успехом провел множество спиритических сеансов, в том числе, в присутствии императора и императрицы. Вызванные им духи убедительно поднимали в воздух столы, щекотали и дергали за ноги видных государственных мужей, так что недоверчивые остались в явном меньшинстве. На несколько месяцев весь двор охватила мода на спиритизм, а Юм стал частым и желанным гостем в лучших домах Петербурга [29, с.268-269, 292, 294, 295, 297, 303-305]. Как передает Григорович, на свадьбу медиума с Александрой Кроль император даже отправил в качестве шаферов двух своих флигель-адъютантов – графа А.П. Бобринского и А.К. Толстого [30, с.143].

Кажется, в то лето Кушелев-Безбородко обеспечил развлечением всех жителей Петербурга, но, естественно, не забыл и о своем кружке. Пока обе заезжие знаменитости развлекали столичное общество, граф позвал к себе в Полюстровский парк знаменитую мексиканскую «женщину-обезьяну» Юлию Пастрану, которая в это время была в Петербурге со своим мужем-антрепренером. По свидетельству Федора Тютчева, за 200 рублей девушку пригласили на обед и «заставили вечером гулять под руку с господами из этого элегантного общества» [31, с.133].

Надо сказать, что безусловная популярность гостей не распространилась на самого графа. Напротив, чем дальше, тем больше он вызывал в обществе чувство раздражения, если не брезгливости – во многом, из-за разгульного образа жизни его «кружка». Эта разношерстная публика фактически проживала в доме или на даче Кушелева, пила и ела за его счет, но относилась к благодетелю без особого уважения. Тот же Тютчев назвал их собрания в Полюстровском парке «подобием зверинца» [31, с.133]. Об их эскападах оставили колоритные воспоминания Григорович [30, с.142-143], Фет [10, с.130-133], Боборыкин [32, с.232-233, 280] и Лейкин [33, с.132-134]. Дурная слава сделала свое дело – лучшие писатели с радостью издавали за счет Кушелева свои книги, но уклонялись от чести публиковаться в его журнале. Даже Полонский с его связями с трудом смог собрать качественный материал для первых книжек «Русского слова», которые начали выходить с января 1859 года.

Люди порядочно зубоскалили и о его скандальной женитьбе. В набросках и планах Достоевского 1859—1860 гг. есть запись, выражающая общее для петербургского круга мнение: «Ведь женился же прошлого года граф К. на Бог знает ком» [34, с.540]. Благосветлов (тогда еще – просто один из авторов журнала) в феврале 1859 года писал своему другу Попову: «О сиятельной бездарности нечего иначе думать. Это мальчишка, накрытый юбкой пройдохи женского рода» [20, с.618].

Граф знал об этих разговорах, даже прилагал усилия перебороть стереотипы в отношении себя и, прежде всего, в отношении супруги, но все безуспешно. Впоследствии (и когда уже будет слишком поздно) Кушелев придет к горьким для себя выводам: он поймет, что жена не только не может содействовать в деле собственной реабилитации, но напротив – «сама будет первым препятствием» [35, л.1 об.].

Весной 1859 года Кушелевы во второй раз отправились в Европу, но прежнего веселья как не бывало. За прошедший год супруги, очевидно, охладели друг к другу – любовная утопия графа разбилась о меркантильность избранницы. Еще перед отъездом Кушелев заплатил в Петербурге долгов на 100 тыс. рублей серебром. За границей графиня не умерила свои аппетиты. Более того, когда Кушелеву пришло время возвращаться, она выпросила разрешение остаться во Франции одной. Муж, не осознавая последствий, согласился. Купил ей имение в Перигоре за 300 тыс. франков (еще порядка 200 тыс. рублей потратил на перестройку и строительство нового дома), условился высылать ей по 3 тыс. рублей ежемесячно, и отбыл в Петербург [35, л.1 об.-2]. Больше Кушелевы никогда не будут жить вместе.

Пока граф в России хлопотал за «литературное сословие», графиня во Франции наслаждалась жизнью, тратила его состояние в компании сомнительных личностей, плодила новые долги, проигрывала в карты огромные суммы, по нескольку раз перезакладывала наследственные бриллианты и другие драгоценные вещи, которые потом мужу приходилось неоднократно выкупать. А самое главное – ни в какую не хотела возвращаться.

Кушелев терпел, пока в начале 1861 года, наконец, лично не выехал за границу – чтобы встретиться с Герценом и приструнить разошедшуюся жену. В тот раз проявить характер у него не получилось. Графиня, используя свое обаяние, смогла свести на нет назревший конфликт – Кушелев лишь взял с нее обещание, что она изменит образ жизни, а взамен выдал ей на погашение долгов частное обязательство на 250 тыс. рублей серебром. Позднее оказалось, что этих денег недостаточно – графиня успела назанимать более чем в два раза больше. Граф был вынужден перевести все долги на себя – часть он заплатил сразу в Париже, часть – перенаправил в петербургскую контору и платил до 1864 года включительно. Выданное обязательство он благоразумно забрал [35, л.2 об.].

Любовь Ивановна обещания, конечно, не сдержала и вскоре снова перезаложила драгоценности, картины и даже само имение в Перигоре, хотя супруг продолжал стабильно платить ей 3 тыс. рублей каждый месяц. После этого обычно мягкий Кушелев выходит из себя окончательно и в конце 1862 года приступает к решительным действиям: резко сокращает выплаты до 12 тыс. на весь год, публикует в четырех парижских газетах объявление, что новых обязательств своей жены не принимает, и по доверенности, не дрогнув, пускает на продажу все заложенные ею вещи, в том числе имение в Перигоре. [35, л.2 об.-3].

Супруга не осталась в долгу и сделала ответный ход. Летом 1864 года, когда император Александр II был за границей (или возможно осенью, когда он приехал во Францию для тайных переговоров с Наполеоном III), она передает государю письменную жалобу на своего мужа. По ее версии, с 1863 года Кушелев стал пренебрегать своим супружеским долгом, просто бросил бедную женщину за границей без средств к существованию, сам наделал кучу долгов, на уплату которых отобрал у нее бриллианты, перестал платить обещанные 12 тыс. в год, продал подаренные ей два имения в Финляндии, и вообще должен ей еще 250 тыс. рублей с процентами по тому злосчастному обязательству, что тремя годами ранее коварно «выманил» у нее. Графиня попросила российское правительство сделать внушение мужу, «чтобы он поступал с своею женою прилично Русскому Магнату и знатному имени» [35, л.5-6].

Вряд ли государь всерьез воспринял эту историю, но Кушелеву, тем не менее, пришлось оправдываться как нашкодившему мальчишке. Этим она окончательно оттолкнула графа от себя – настолько, что он даже решил ходатайствовать о расторжении брака. Как писал Григорий Александрович шефу жандармов В.А. Долгорукову, больше всего его возмутил даже не сам факт жалобы, а то, что супруга решила подать ее через своего сына от первого брака, Александра Пенхержевского, который всегда относился к отчиму как к родному отцу [35, л.3 об.].

Кушелев посвятил Долгорукова и в другие свои личные переживания. Безнравственное поведение графини, прекрасно известное и в русском посольстве, и в местной администрации, все больше бросало тень на благородную фамилию мужа. «Если самый мой брак с Графинею, излишняя слабость и снисхождение к ее проступкам, постоянное желание избегать огласки и оскорбительных толкований для моего доброго имени могут быть поставлены мне в вину, то мне все еще остается надеяться, что один опрометчивый шаг, за который я уже поплатился так дорого, не испортит всей остальной моей жизни», – писал доведенный до крайности граф [35, л.4-4 об.].

Даже III отделению целый год не удавалось найти решение. Никто не хотел доводить до развода, чтобы не поднимать лишнюю шумиху, но Кушелев серьезно был настроен полностью порвать все связи с женой. Больше всего он опасался, что графиня, едва только наскучит ей цыганский образ жизни, преспокойно вернется к нему, ссылаясь на свои законные права супруги [35, л.87 об.-88]. Пока же она наотрез отказывалась возвращаться или отступать от своих финансовых требований. Любовь Ивановна не стеснялась слать письма лично императору [35, л.107], и даже угрожала придать всю историю огласке – конечно, в своей интерпретации [35, л.102 об.].

Лишь в январе 1866 года удалось найти компромисс, который устроил все стороны и позволил избежать скандального бракоразводного процесса. Граф согласился частично удовлетворить требования жены: взять на себя обязательства по долгам на 300 тыс. рублей, платить по 6 тыс. ежегодно на ее нужды и 2 тыс. – на воспитание и содержание пасынка, а затем ему же единовременно спустя 10 лет – 100 тыс. рублей капитала. Взамен – под гарантию правительства – Любовь Ивановна должна была признать личные, имущественные и прочие отношения с мужем прекращенными.

Единственная проблема этого варианта заключалась в том, что он прямо противоречил законам того времени, которые недвусмысленно запрещали любые соглашения между супругами, «заключающие в себе условие жить им в разлучении». («Свод законов Российской империи», т. X, ст. 46, ч. I). После долгой переписки сторон, включая юристов, главу III отделения В.А. Долгорукова и военного генерал-губернатора Петербурга А.А. Суворова, была найдена остроумная лазейка.

Добрую службу сослужило, если можно так сказать, слабое здоровье пасынка Кушелева. Ему был вреден петербургский климат и потому было рекомендовано проживание в более теплых краях. Так как графу как человеку состоятельному и занятому нужно постоянно находиться в столице – значит с ребенком должна уехать мать. В обмен на выполнение всех финансовых условий графиня письменно обязалась безотлучно находиться рядом с сыном, ни оставлять его у третьих лиц и никогда не привозить – ни в Петербург, «ни в другие места, вредные для его здоровья» [35, л.105-106].

Кушелев очень хотел, чтобы гарантом соглашения выступил лично император. Его просьба была доведена до Александра II, однако 24 января Долгоруков написал Суворову: Его Императорскому Величеству «угодно, чтобы дело сие было окончено без Высочайшего участия Его Величества» [35. л.92]. 12 марта 1865 года соглашение было подписано сторонами. Контроль за его исполнением взяло на себя III отделение.

Все понимали фиктивность этой бумаги с юридической точки зрения. Как пояснял поверенный Кушелева,

граф даже ни в коей мере не возражал, чтобы повзрослевший пасынок мог в одиночку, без матери, бывать в России [35, л.103]. Тем не менее, судя по всему, заключенное соглашение сработало. Супруги Кушелевы перестали портить друг другу жизнь, каждый пошел своей дорогой.

Пережитые потрясения подкосили графа, и в середине 1860-х годов он отходит от какой-либо общественной активности, отдаляется и от литературы, и от шахмат, и от музыки. Единственным исключением стал Славянский съезд 1867 года – для его иностранных гостей граф организовал у себя во дворце концерт классической музыки. Там вместе с произведениями Даргомыжского, Глинки, Варламова прозвучал и его романс «Не горюй, не тоскуй» на стихи Алексея Кольцова в исполнении Дарьи Леоновой [36, л.2].

Последним аккордом его карьеры как писателя станет издание в 1868 году двухтомника собственных сочинений «Очерки, рассказы и путевые заметки» – уже под собственным именем, без псевдонима «Грицко Григоренко». Григорий Александрович скончается от удара 1 марта 1870 года и будет похоронен в Александро-Невской лавре.

Его жена, видимо, так и не вернется на родину. В «Дневнике писателя» за 1876 г. Достоевский вспоминает некую русскую графиню К., которая жила в Дрездене и однажды «по-простонародному» обматерила немцев, вздумавших ругать Россию [37, с.60-61]. Жена писателя А.Г. Достоевская сделала примечание: «Графиня Любовь Кушелева-Безбородко, сама явившаяся знакомиться с Федором Михайловичем в 1870 году, когда мы жили в Дрездене» [37, с.382]. Это означает, что, по крайней мере обостренное чувство патриотизма продолжало объединять двух супругов. Графиня переживет мужа на 30 лет – она уйдет из жизни 13 апреля 1900 года и будет похоронена в Канне (Франция) [38, с.33].

***

Этот несчастливый роман Кушелева красноречиво говорит о тех изменениях, что произошли с Россией к середине века. Конечно, родовитые наследники, не оправдавшие славы предков, и хитрые авантюристки были и будут всегда. Показательно в истории другое – насколько автономным становится частное пространство даже самых знатных людей государства. Легко представить, как русский монарх XVIII века (и даже первой половины XIX) берется навести порядок в личной жизни видного аристократа, особенно по его просьбе. Теперь все меняется. С одной стороны, границы между частным и общественным становятся четче. С другой – даже люди с такой фамилией, как у Кушелева-Безбородко, с трудом могут претендовать на особое к себе отношение.

Чуть позднее Александр II личным примером покажет, насколько далеко новая Россия убежала от старой, когда при живой супруге-императрице поселит в апартаменты Зимнего дворца свою любовницу княгиню Екатерину Долгорукову, а затем, овдовев, не побоится вступить с ней в морганатический союз, чтобы узаконить внебрачных детей. По иронии судьбы, император поселит свою даму сердца в Малый мраморный дворец – бывший особняк семьи Кушелевых-Безбородко, где до своей смерти жил Николай, а его брат Григорий – прямо по соседству.

This article focuses on the personality of writer and philanthropist Count Grigory Kushelev-Bezborodko, which is primarily known as the first publisher of famous democratic magazine "Russkoe slovo" and the likely prototype of Prince Myshkin from Fyodor Dostoyevsky's novel "The Idiot". The author tried to give a detailed biographical sketch of Kushelev-Bezborodko and for the first time in historiography to present the story of his failed marriage to the adventuress L.I. Golubtsova (Kroll), which became a turning point in Count's life. Much attention is given to Kushelev's contribution to literature, music and the chess movement in Russia.
Keywords: *G.A. Kushelev-Bezborodko, D.I. Pisarev, G.E. Blagosvetlov, F.M. Dostoevskii, magazine "Russkoe slovo", the chess movement in Russia, the sixties of the XIX century, an extension of the private sphere*

Список литературы

1. Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. 1970. № 2. С. 115-120.
2. Лит. наследство. Т. 103. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2008. 992 с.
3. Полонский Я.П. Дорогая елка // На высотах спиритизма. Прибавл. к полн. собр. соч. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. С. 111-177.
4. Музыкальный и театральный вестник. 1857. №6. 10 февраля. С. 86-87.
5. Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. №5. май. С. 481-490.
6. Полянская А.Г. К биографии Л.А. Мея // Русская старина. 1911. Т. 146. май. С. 346-358.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1713. Оп. 1. Ед. Хр. 1.
8. Чернышевский Н.Г. Письмо Н.А. Некрасову от 5 ноября 1856 // Полн. собр. соч. в 15 тт. Т. 14. Письма 1838-1876 годов. М.: Худож. лит., 1949. С. 321-329.
9. Писемский А.Ф. Письма.– М.-Л.: изд-во АН СССР, 1936. 927 с.
10. Фет А.А. Воспоминания: в 3 тт. Т. I. – Пушкино: Культура, 1992. 464 с.
11. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: в 2 тт. Т 1. – М.: Худож. лит, 1978. 495 с.
12. Пекелис М.С. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение: Исследование: в 3 тт. Т. 3.– М.: Музыка, 1983. 317 с.
13. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 тт. Письма. Т. 3. (1855-1858). – М.: Наука, 1987. 704 с.
14. Колиш И. Миллиард за полгульдена // Шахматы в СССР. 1988. №2. С. 26-27.
15. Кушелев-Безбородко Г.А. Очерки, рассказы и путевые заметки: в 2 тт. Т. 2. – СПб.: тип. тов-ва Общественная польза, 1868. 433 с.

16.Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 411. Ед. хр. 35. Кушелев-Безбородко Г.А. Средство осуществить выкуп крестьянам причитающейся им пахотной и усадебной земли (автограф).

17.Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. 448 с.

18.РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. Ед. хр. 922.

19.Белявская И.М. Польское национально-освободительное движение и Герцен // Лит. наследство. Т. 64. Герцен в заграничных коллекциях. М.: изд-во АН СССР., 1959. С. 751-778.

20.Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х гг. – М.-П.: Гос. изд-во, 1923. 684 с.

21.Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 120. Д. 101.

22.Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2746.

23.Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1377. Оп. 1. Ед. хр. 884.

24.Горбунов И.Ф. Соч.: в 4 тт. Т. III. Ч. 1-4. / И.Ф. Горбунов –СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборга, 1907. 593 с.

25.Цявловский М. А. Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых // Статьи о Пушкине. М.: изд-во АН СССР, 1962. С. 240-251.

26.Home D.D. Incidents in my life. NY: A.A. Butts and Co, 1874. 320 p.

27.Дюма А. Путевые впечатления в России: в 3 тт. Т. 1. – М.: Ладомир, 1993. 448 с.

28.Панаев И.И. Петербургская жизнь // Современник. 1858. т. 70. №7. отд. II. С. 78-89.

29.Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. 1853-1882. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. 398 с.

30.Григорович Д.В. Литературные воспоминания. – М.: Худож. лит., 1987. 335 с.

31.Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене, урожд. бар. Пфеффель: в 3 тт. Т. 3. (1854-1858). П.; тип. Гл. управления уделов, 1915. 154 с.

32.Боборыкин П.Д. За полвека. Мои воспоминания: в 2 тт. Т. 1. – М.: Худож лит., 1965. 568 с.

33.Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборга, 1907. 388 с.

34.Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 3. Л.: Наука, 1972. 544 с.

35.ГАРФ. Ф. 109. Оп. 94. 2-я экспедиция. 1864 г. Д. 757.

36.ОР РНБ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 274.

37.Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 424 с.

38.Чернопятов В.И. Русский некрополь за границей. Вып. 1. – М.: тип. Моск. ун-та, 1908. 66 с.

Об авторе

Корнацкий Николай Николаевич – аспирант кафедры истории России XIX – начала XX веков, исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *kornatskiy@gmail.com*

УДК 355.6:94(476)

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ЗАПАСЫ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ НУЖД КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Кривчиков В.М.

Рассмотрена проблематика состояния мобилизационных запасов горючего и смазочных материалов для нужд воинских частей и соединений, дислоцировавшихся на территории Беларуси в середине 1930-х годов. Показан порядок накопления положенных запасов горюче-смазочных материалов на складах Союзнефтесбыта в виде специальной брони неснижаемых оборотных запасов топлива, а также порядок организации взаимодействия между представителями Белорусского военного округа и представителями Союзнефтесбыта. На широком статистическом материале проанализированы количественные показатели подлежащих к содержанию материальных средств службы горючего, раскрыта сеть коммерческих нефтехранилищ Союзнефтесбыта, которые подлежали передаче на военное время автобронетанковым и воздушным силам округа.
Ключевые слова: *Белорусский военный округ, мобилизационные запасы, горюче-смазочные материалы.*

Механизация частей и соединений Красной Армии в 1930-е годы постепенно набирала обороты. Продукция, созданная в начале тридцатых годов автомобильной, авиационной, тракторной, танковой промышленности и поставленная в войска, нуждалась в значительном количестве горючего и смазочных материалов различных номенклатур. Уже к началу 1933 года в Красной Армии насчитывалось 4905 танков, 244 бронемашины и около 2350 тракторов. Уровень энерговооруженности армии по сравнению с 1929 годом увеличился почти в 3 раза и составлял 7,5 механических лошадиных силы на одного человека. С ростом технической оснащенности Красной Армии, в том числе и сухопутных войск, быстро увеличивалась потребность в горючем. При этом удельный вес горючего в общем объеме материального обеспечения войск неуклонно возрастал [1, с.281].

Началом формирования системы управления службы горючего считается Приказ РВС СССР № 03 от 11 января 1933 г., согласно которому было образовано Управление по топливу Красной Армии. Приказом РВСР от

9 марта 1933 г. оно переименовано в Управление снабжения горючим и смазочными материалами РККА. Создавались соответствующие отделы в округах. Этим же приказом вводилась должность начальника снабжения горючим в стрелковых и механизированных корпусах. В стрелковых и кавалерийских дивизиях до марта 1933 г. за снабжение горючим отвечали начальники автобронетанковых частей и автотракторной службы, в стрелковых и кавалерийских полках – помощники командира по технической части и начальники боевого питания. Обеспечением горючим ВВС занимался 6-й отдел штаба ВВС. На местах эти вопросы решали авиационные базы, которые представляли собой тылы авиационных частей и соединений [2, с.77].

В период мобилизации объем действующих головных складов горючего был недостаточным. Поэтому, с середины 1920-х гг. и до середины 1930-х гг., в мирное время бронировалось и получалось с началом мобилизации топливо на складах Союзнефтесбыта (приказ РВС СССР и ВСНХ СССР № 424/87 сс от 1928 г. «О порядке забронирования на складах Союзнефтесбыта нефтепродуктов для нужд НКО») [3, л.91].

В целях удовлетворения мобилизационной потребности в нефтепродуктах на складах Союзнефтесбыта устанавливалась специальная броня в виде неснижаемых оборотных запасов топлива. Кроме того, в отдельных случаях Наркомату обороны (далее – НКО) по согласованию с Союзнефтесбытом предоставлялось право хранить на тех же складах запасы горючего из своих фондов.

Решение всех вопросов, связанных с бронированием осуществлялось: со стороны НКО – соответствующими начальниками родов войск и служб Белорусского военного округа (автобронетанковых войск, Воздушных Сил), а со стороны промышленности – районными управлениями Союзнефтесбыта. В случае разногласий между начальниками родов войск в отношении размеров бронирования, таковые разрешались штабом округа.

Бронирование производилось в следующем порядке: окружные органы НКО на основании директив соответствующих центральных довольствующих управлений, численности войск, норм расхода и данных о емкости бензохранилищ Союзнефтесбыта определяли потребность в нефтепродуктах и предъявляли ее в виде заявки районным управлениям Союзнефтесбыта.

Как правило, броня создавалась в пунктах дислокации воинских частей, либо если в данном пункте не было бензохранилищ, то в ближайшем пункте. Во избежание ограничения нормальной деятельности складов Союзнефтесбыта броня устанавливалась не свыше 20 % от общей емкости склада на каждый отдельный нефтепродукт.

Районные управления Союзнефтесбыта должны были в 10-ти дневный срок сообщать окружным органам БВО о принятии брони и о своих замечаниях и предложениях. Все разногласия, возникавшие по вопросам бронирования, разрешались окружными органами НКО и районными управлениями Союзнефтесбыта непосредственно на месте и только по принципиальным вопросам разногласия разрешались в Москве.

Ежегодно в установленные сроки окружные органы НКО производили уточнение брони в отношении пунктов хранения, количества, видов и сортов нефтепродуктов. Уточненные сведения о броне нефтепродуктов по установленным формам предоставлялись округом и районными управлениями Союзнефтесбыта в подлежащие довольствующие управления и Союзнефтесбыт соответственно.

В целях наибольшего обеспечения потребностей Красной Армии в нефтепродуктах районные управления Союзнефтесбыта ежегодно при разработке планов расширения существующих и строительства новых бензохранилищ увязывали эти планы с руководством БВО.

Забронированные и сданные на хранение нефтепродукты содержались безвозмездно, т.е. НКО не нёс в отношении них никаких расходов.

Союзнефтесбыт и его местные органы обязаны были следить за качеством забронированных и хранящихся нефтепродуктов путем их своевременного освежения в порядке текущего расходования и содержать нефтепродукты надлежащих стандартов.

Снижение брони нефтепродуктов и расходование их на текущие нужды народного хозяйства допускалось в виде исключения с ведома Командующего БВО с последующим донесением об этом соответствующим Центральным довольствующим управлениям и в Союзнефтесбыт с последующим немедленным восстановлением брони из очередной прибывающей партии нефтепродуктов. Использование для нужд народного хозяйства нефтепродуктов, хранящихся на складах Союзнефтесбыта, принадлежащих БВО, без согласования с военными не разрешалось.

Соответствующим органам БВО предоставлялось право проверки наличия и качества забронированных нефтепродуктов.

Отпуск забронированных нефтепродуктов со складов Союзнефтесбыта в воинские части производился при мобилизации по требованиям этих частей. Руководство БВО еще в мирное время сообщало войсковым частям о количестве бронируемых за ними нефтепродуктов и ориентировочные сроки их получения по дням мобилизации. Отпуск забронированных нефтепродуктов производился в таре склада в количестве не свыше 1 т по каждому продукту. Отпуск свыше 1 т производился в тару приемщика. Смазочные продукты во всех случаях отпускались в таре склада.

Руководство округом сообщало в мирное время районным управлениям Союзнефтесбыта о количестве нефтепродуктов, подлежащем отпуску войскам по дням (без указания воинских частей и учреждений) с каждого склада, на которых содержалась броня, в соответствие с чем районные управления заблаговременно разрабатывали мероприятия по обеспечению отпуска нефтепродуктов.

В случае необходимости, перевозка забронированных нефтепродуктов от склада к пунктам дислокации

воинских частей могла осуществляться по железной дороге.

Расчет за поставляемые нефтепродукты происходил согласно существовавших положений [3, лл.84–86].

С началом боевых действий округу планировались к передаче и некоторые склады Союзнефтесбыта. Передаваемые склады должны были использоваться в качестве баз горючего, для усиления головных складов и для маневрирования питания горючим во фронтовых и армейских районах. В большинстве случаев, передаваемые БВО коммерческие склады представляли группу разных по емкости резервуаров, в которых содержались в мирное время всевозможные виды и сорта горючих и смазок. Планировалось немедленное освобождение, промывка и зачистка отдельных резервуаров (таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Ведомость коммерческих нефтехранилищ Союзнефтесбыта, подлежащих передаче на военное время Воздушным силам БВО по состоянию на 30.03.1935 г. [3, л. 109].

Наименование склада	Количество резервуаров	Емкость на продукт (т)	Примечание
Рославльский	3	253	1 рез. – 43 т бензина, 1 рез. – 135 т керосина, 1 рез. – 75 т масел
Гомельский	1	430	Керосиновая емкость
Витебский	1	65	Бензиновая емкость
Смоленский	3	190	Бензиновая емкость
Итого:	8	938	

Таблица 2

Ведомость коммерческих нефтехранилищ Союзнефтесбыта, подлежащих передаче на военное время Автобронетанковым войскам БВО по состоянию на 30.03.1935 г. [3, л. 135].

Наименование склада	Количество резервуаров, их ёмкость и виды нефтепродуктов											
	Бензин 1 с		Бензин 2 с		Керосин		Темные нефтепродукты		Автол		Масла	
	рез.	ёмк.	рез.	ёмк.	рез.	ёмк.	рез.	ёмк.	рез.	ёмк.	рез.	ёмк.
А) подлежащие передаче полностью (емкость в тоннах на продукт)												
В.Лукский	-	-	1	22	2	118	1	16	-	-	-	-
Лепельский	-	-	2	75	1	207	1	16	-	-	1	19
Могилевский	-	-	2	76	3	180	1	90	1	35	1	20
Невельский	-	-	-	-	2	130	2	62	-	-	-	-
Оршанский	-	-	2	123	1	556	2	104	1	40	1	39
Мозырьский	-	-	3	111	1	98	1	46	-	-	1	38
Минский	-	-	2	213	1	47	1	52	1	47	1	26
Полоцкий	-	-	3	108	1	280	1	26	-	-	-	-
Бобруйский	-	-	1	14	1	53	1	28	1	68	1	42
Жлобинский	-	-	-	-	1	62	1	52	1	26	-	-
Слуцкий	-	-	1	40	1	55	1	11	1	16	1	16
Медведевский	-	-	-	-	1	150	-	-	-	-	-	-
Итого:	-	-	*17*	*782*	*16*	*1936*	*13*	*503*	*6*	*232*	*7*	*200*
Б) подлежащие передаче частично												
Брянский	-	-	1	92	-	-	1	48	-	-	2	62
Вяземский	-	-	2	26	1	200	-	-	-	-	1	27
Витебский	1	19	-	-	1	410	-	-	1	24	-	-
Гомельский	1	40	1	98	-	-	1	360	1	58	-	-
Смоленский	-	-	-	-	1	901	-	-	1	52	1	94
Новозыбсковский	-	-	-	-	1	44	1	30	1	25	-	-
Ржевский	-	-	1	50	-	-	-	-	-	-	1	200
Итого:	*2*	*59*	*5*	*266*	*4*	*1555*	*3*	*438*	*4*	*159*	*5*	*383*
Всего по БВО:	**2**	**59**	**22**	**1048**	**20**	**3491**	**16**	**941**	**10**	**391**	**12**	**583**

Горюче-смазочные материалы войскам Белорусского военного округа с началом боевых действий планировалось произвести на заводах в РСФСР и поставить на определенные крупные железнодорожные узлы с последующей доставкой на склады округа (таблица 3).

Таблица 3

Подача ГСМ из пунктов производства на первый месяц войны для нужд БВО по состоянию на февраль 1936 г. (в тоннах) [4, л. 44].

Станция назначения	Автобензин грозненский и краснодарский	Бензин 1 сорта	Бензин 2 сорта	Топливо для тракторов
Ржев	800	800	7000	500
Смоленск	1000	1200	12000	1000
Брянск	500	500	8000	1000
Гомель	900	850	9000	1000

Всего для БВО	3200	3350	36000	3500
Всего по НКО СССР	10000	11885	104850	8900
Доля топлива для нужд БВО	32%	28%	34%	39%

Удельный вес планировавшегося к поставке топлива для Белорусского военного округа в целом по Наркомату обороны СССР составлял: по автобензину грозненскому и краснодарскому – 32%, по бензину 1 сорта – 28%, по бензину 2 сорта – 34%, по топливу для тракторов – 39%. В среднем удельный вес составлял 33%. Это довольно большой показатель, характеризующий высокий уровень механизации войск округа.

Смазочные масла и обтирочные материалы планировалось подавать в те же пункты, в установленном процентном соотношении к горючему.

Подачу горючего планировали производить не отдельными цистернами ежедневно в каждый пункт (все сорта горючего в одном поезде), а целыми поездами, допуская в отдельных случаях соединение двух видов бензина в одном поезде.

Вес поезда по графику 1936 г. был установлен 900 т, что составляло 45 нормальных цистерн с горючим и 5 цистерн или вагонов головного и хвостового прикрытия поезда. В этих 5 единицах прикрытия допускалась перевозка масел.

Заявку на перевозку горючего и смазочных материалов на первый месяц войны округ представлял в 3 отдел Генерального штаба Красной Армии [4, л.45].

Отдельно планировались поставки ГСМ для нужд Воздушных сил БВО на первый месяц войны (таблица 4). Причем округ должен был получать ГСМ для Воздушных сил во вторую очередь вместе с Московским и Киевским военными округами после Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА), Тихоокеанского флота (ТОФ), Ленинградского военного округа (ЛВО) и Краснознаменного Балтийского флота (КБФ).

Таблица 4

Подача ГСМ для Воздушных сил БВО на первый месяц войны для нужд БВО по состоянию на февраль 1936 г. (в тоннах) [4, л.47].

Станция назначения	Получатель	Планировалось подать в первый месяц войны				
		Бензин бакинский	Бензин грозненский	Пиробензин	В-10	Масло
Ржев	Начальник ВВС БВО	1000	-	-	-	100
Смоленск	Начальник ВВС БВО	2500	-	300	-	200
Брянск	Начальник ВВС БВО	2000	-	200	10	100
Гомель	Начальник ВВС БВО	2000	-	500	-	200
Всего для БВО		7500	-	1000	10	600
Всего по НКО СССР		19000	-	2000	19	1300
Доля ГСМ для нужд БВО		40 %	-	50 %	52,6 %	46 %

Воздушные силы БВО планировали к потреблению порядка 47 % горюче-смазочных материалов от общего объема поставок для нужд Наркомата обороны СССР на первый месяц войны, что говорит о высокой оснащенности округа самолетами различных типов.

Существовала также мобилизационная потребность в нефтепродуктах для нужд БВО по квартирно-эксплуатационному обеспечению (таблица 5).

Таблица 5

Заявка на потребность в жидком топливе на мобпериод для квартирных нужд по состоянию на март 1935 г. [3, л.20].

Наименование населенных пунктов	Потребность на мобпериод	
	Нефть	Керосин
Минск	14	21,5
Гомель	32,8	24,3
Закопытье	8	3,1
Новобелица	-	4,5
Витебск	-	28
Полоцк	45,5	11,9
Полота	7	0,2
Бобруйск	-	21
Слуцк	14,4	6,7
Конюхи	2	0,6
Старые Дороги	8	2,1
Орша	-	12
Горки	-	1
Борисов	5	6,1
Мозырь	6	2,1

Лиозно	-	1
Калинковичи	6	3,1
Лепель	1,5	1,6
Чашники	-	1,5
Жлобин	8	5
Рогачев	3	3,3
Речица	4,7	4,3
Городок	-	1,5
Старый Быхов	5	2,6
Шклов	-	0,2
Уречье	-	2
Пуховичи	-	2
Осиповичи	-	1
Кричев	-	0,5
Могилев	-	19,5
Климовичи	-	3,5
Чаусы	-	2
Толочин	-	2
Речица	35,1	-
Всего для БВО	206	201,7
Всего по НКО СССР	3224,7	3150,5
Доля ГСМ для нужд БВО	6 %	6 %

Из таблицы 5 видно, что удельный вес поставляемого жидкого топлива для нужд БВО по квартирно-эксплуатационному обеспечению составлял скромные 6 % из общего объема, необходимого для Наркомата обороны СССР.

Таким образом, планировавшиеся объемы поставок горюче-смазочных материалов на первый месяц войны для нужд войск Белорусского военного округа в середине 1930-х годов характеризовали сложившуюся обстановку вокруг СССР и основные направления развития военного строительства. Планируемое к расходу количество горюче-смазочных материалов для нужд Воздушных сил и Автобронетанкового управления округа в объеме около 40 % от потребностей Наркомата обороны показывает высокий уровень механизации войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси. Западное направление, в отличие от Северо-западного и Дальневосточного, еще не стало в изучаемый период самым напряженным.

А вот доля в 6 % от общего объема жидкого топлива, которое планировалось обратить на квартирно-эксплуатационное обеспечение, подтверждает данные о том, что на территории Беларуси в середине 1930-х годов воинские части и соединения расквартировывались с большими проблемами и трудностями, выражавшиеся в отсутствии достаточного количества казарменно-жилищного фонда.

We consider the problems of state mobilization reserves of fuel and lubricants for the needs of military units and formations deployed on the territory of Belarus in the mid-1930s. Shows how the accumulation of reserves laid lubricants warehouses Soyuzneftesbyta a special reservation of minimum working capital reserves of fuel, and the order of interaction between representatives of the Belarusian Military District and representatives Soyuzneftesbyta. On the wide statistical data analyzed by quantitative indicators to be content material means fuel service, uncovered a network of commercial oil storage Soyuzneftesbyta to be transmitted to the wartime armored and air forces of the county.
Keywords: *Belarusian Military District, mobilization reserves, oil and lubricants.*

Список литературы

1. Бочков, Е. А. Развитие системы тылового обеспечения Красной Армии в межвоенный период (1921–1941 гг.): дис. … докт. ист. наук : 07.00.02 / Е.А. Бочков. СПб., 2007. 697 с.

2. Жуков, С. А. Организация материального снабжения Красной армии накануне и в ходе советско-финляндской войны 1939–1940гг.: исторический опыт: дис…канд. ист. наук: 07.00.02 / С. А. Жуков. СПб, 2009. 332 с.

3. Ведомости передачи нефтескладов в мобилизационный период // Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд 37827. Оп. 1. Д. 18.

4. Переписка по горюче-смазочным материалам // Российский государственный военный архив (РГВА). – Фонд 37827. Оп. 1. Д. 16.

Об авторе

Кривчиков Владислав Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры тылового обеспечения Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, *k.vlad68@mail.ru*

УДК 912.43, 913

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ДАННЫХ О ПРИРОДЕ, ИСТОРИИ, ХОЗЯЙСТВЕ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ[1]

Лобанов Г.В, Чубур А.А., Гурьянов В.Н., Тришкин Б.В., Ужакина А.П., Зверева А.Ю.

В статье изложена концепция историко-географического атласа верхнего Поднепровья как способа интеграции знаний о взаимосвязи природы, культуры и хозяйства региона. Представлено обоснование структуры и содержания атласа с позиций теоретических моделей взаимодействия общества и природной среды, историко-географической и археологической изученности территории, потенциальных задач использования атласа Описаны особенности историко-географических карт разных эпох и методика их создания. Обозначены перспективы использования атласа как информационной основы исторических, геоэкологических, палеоэкологических исследований.

Ключевые слова: *историко-географический атлас, палеогеографические условия, верхнее Поднепровье, Брянская область, специализированные ГИС*

Введение

Карты изменений территориальной, социальной и хозяйственной организации общества рассматриваются как источник потенциальных знаний о проявлении динамики природной среды в материальных и социальных адаптациях жителей. Исторические события или их последовательности «привязываются» к территории через палеогеографические карты, в содержание которых включаются сведения о положении известных хозяйственных, культурных, административных центров и границ в разные моменты времени. Интеграция исторических и географических знаний на картах представляется методически сложной и неоднозначно решаемой задачей. Конкретные способы реализации зависят от подробности сведений об истории природы и эволюции общества, особенностей динамики социума и географической среды (насыщенности времени событиями), приёмов картографической школы.

Перспективы использования ГИС-технологий в интеграции исторических и географических знаний обоснованы преимуществами электронных карт в анализе взаимного расположения объектов разной природы в сравнении с традиционными картографическими изображениями. Приём наложения карт, классический для географических исследований, реализуется в электронных картах произвольной комбинацию слоёв тематической информации. В дальнейшем, термин «карта» используется нами в смысле произвольно сгруппированных слоёв пространственных данных с определённым уровнем генерализации, представляющих взаимодействие природы и общества на разных масштабных уровнях.

Содержание атласа и формы его картографического представления определены объёмом палеогеографических, археологических, исторических знаний об эволюции природы и общества в бассейне верхнего Днепра и соседних территориях в интервале времени от среднего плейстоцена (наиболее древние известные археологические находки) до настоящего времени. Историко-географическая информация распределена по интервалам, используемым в палеогеографии плейстоцена-голоцена (схема Блитта-Сернандера) и отечественной археологической и исторической науке. Интервалы образуют непрерывный ряд от границы среднего и позднего валдая: брянский интерстадиал, последний ледниковый максимум, позднеледниковье, переходное время от плейстоцена к голоцену (потепления бёллинг и аллерёд, похолодание позднего дриаса), ранний голоцен (пребореальный и бореальный периоды), средний голоцен (атлантическая эпоха), суббореальная и субатлантическая эпохи (раннее, развитое и позднее средневековье, новое и новейшее время). Временные границы интервалов установлены по схеме хронологического деления плейстоцена и голоцена, разработанной ИГ РАН для Восточно-Европейской равнины. Описание динамики географической среды дополняет характеристик палеогеографической обстановки во время максимума потепления микулинского межледниковья. Для этого времени в регионе не известны подтверждённые археологические находки, но палеогеографические особенности межледниковья интересны как вероятный аналог будущего состояния географической среды, который предусматривается в моделях современного глобального потепления климата.

В представленном варианте атласа структура, содержания и формы представления историко-географической информации подробно разработаны для интервалов исторического времени до средневековья включительно.

Методические основы интеграции исторической и географической информации средствами ГИС-технологий

Задача систематизации знаний включает две составляющие: научно-методическое обоснование структуры, содержания и оформления атласа («что показывать?») и разработка методики их воплощения средствами ГИС-приложений («как это сделать?»). Научно-методическое обоснование строится на известном объёме знаний об истории природы и общества региона верхнее Поднепровья, принципах картографической генерализации, приемлемом опыте картографирования исторических и палеогеографических сведений.

Ключевой регион исследования верхнее Поднепровье и, в частности, Брянская область – территория бассейнов Десны и Сожа представляет равнину с относительно разнообразным рельефом чередованием плоских и

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта 15-11-32003 а (р)

слабонаклонных и возвышенных, расчленённых эрозионными формами участков. Северная часть верхнего Поднепровья относится к природной зоне смешанных лесов, южная – к лесостепной и широколиственно-лесной. Естественные ландшафты в зонах лесостепи и широколиственных лесов более чем на 4/5 площади сменились агроценозами. Специфику территории, как модельного объекта историко-географических исследований составляет пограничное положение по отношению к крупным природным регионам, зона контактов археологических культур, этносов, политико-государственных образований. Высокое ландшафтное разнообразие создаёт предпосылки для дифференциации адаптаций к условиям среды. Объём сведений об истории общества для большей части территории современной Брянской области считается вполне достаточным для реконструкции адаптации общества к условиям среды. Достоверность реконструкций, вероятно, зависит от уровня археологической изученности территории, но вес этого фактора считается пока неопределённым. Сведения о палеогеографических особенностях территории сформированы преимущественно исследованиями археологических объектов и связаны, таким образом, с небольшим количеством местностей, освоенных для жизни [2-7; 11; 13; 14; 16-18].

Подходы к генерализации исходных материалов тематического содержания атласа - исторических и палеогеографических сведений обусловлены их сравнительно небольшим количеством и неравномерным их распределением в пространстве–времени. Уровень генерализации общегеографической основы - сведений о гидрографической сети, современных населённых пунктах, крупных лесных массивах, дорожной сети зависит от тематического содержания карт. Современные особенности природы, территориальной организации населения и хозяйства сопоставляются с историческими и археологическими объектами для поиска факторов, определяющих динамику общества в разные отрезки времени. Небольшой объём сведений о населении и культуре региона в палеолите определяет достаточность использования сильно генерализованной общегеографической основы в передаче закономерностей территориальной организации населения и хозяйства. Для карт отрезков исторического времени, начиная с мезолита, (позднеледниковье, голоцен) основное содержание передаётся на географической основе соответствующей обзорно-топографическим или топографическим картам. Базовый набор данных составляют свободно распространяемые картографические данные проекта OSM (Open street map) в формате ESRI (шейп-файлы), соответствующий по содержанию топографическим картам масштаба 1:25000-1:50000. Исходные данные, преобразуются в формат документов ГИС-пакета MapInfo, программные средства которого обеспечивают генерализацию и картографическую визуализацию информации. Генерализация строится на гибком сочетании эвристических приёмов и программных алгоритмов (техническая генерализация) отбора и обобщения объектов.

Исторические и археологические сведения – информация о стоянках, селищах, поселениях, городищах, курганных и грунтовых могильниках разного времени образуют слои объектов типа «точка». Палеогеографическую информацию образуют слои объектов типа «полилиния», положение которых соответствует представлениям о границ природных зон в разные исторические эпохи. За основу принята схема районирования, разработанная институтом географии РАН обобщением палеоботанической, палинологической, палеозоологической информации. Конфигурация границ обусловлена процессами дифференциации природной среды глобального уровня и различается с иными схемами районирования только в частностях.

Преимущество полилиний перед полигональными объектами обусловлено неопределённым положением границ природных зон, которые предполагается корректировать с появлением новой палеогеографической информации.

Предполагаемое тематическое содержание составит направления миграций или векторы культурных влияний: в мезолите распространение памятников бутовской культуры из Поочья в Подесенье, влияние традиций фатьяновской культуры для раннего бронзового века.

Историческая и палеогеографическая информация представлена на четырёх масштабных уровнях: обзорном, региональном, субрегиональном, локальном. Понятие «масштабный уровень» используется здесь, в смысле смысловой нагрузки карт – общего количества, разнообразия и плотности объектов.

Обзорные карты передают обобщённые границы природных регионов в интервалах исторического времени, крупные и крупнейшие реки. Региональные и субрегиональные карты представляют распределение исторических и археологических объектов (или их групп) в границах соответственно Брянской области или её части; крупные и средние реки, современные населённые пункты. Соотношение масштабов карт обзорного и регионального уровня составляет один к четырём.

Субрегиональные карты представляют взаимосвязи природы и общества для фрагментов территории площадью в несколько тысяч квадратных километров (соответствует площади нескольких административных районов); территориальный охват локальных карт – несколько квадратных километров.

Карты локального охвата передают специфику территориальной организации природной среды в границах для густонаселённых в прошлом территорий: вероятное положение границ долинных ландшафтных комплексов, реки разного порядка, крупные озёра, современные городские и сельские населённые пунктов. Разница масштабов локальных карт с обзорными и региональными изменяется в зависимости от размеров участков долин, густонаселённых в некотором интервале исторического времени.

Карты трёх масштабных уровней построены для интервалов времени: последний ледниковый максимум (26-19 тыс л.н.); позднеледниковье (время разрушения последнего известного ледникового покрова на восточноевропейской равнине (19,0-13,7 тыс. л.н.); переходного времени между плейстоценом и голоценом (13,7-11.7

тыс. л.н.), раннего голоцена (11,7-9,3 тыс л.н). Серия карт отражает увеличение количества, плотности и географического распространения населения верхнего Поднепровья – постепенное движения по долинам малых и средних рек к водораздельным пространствам.

Известные проекты-аналоги, интегрирующие сведения об истории природы и общества, используют два подхода к интеграции палеогеографической и исторической информации. Первый подход – представление сведений об истории природы и общества на комплексных картах [9; 10; 15; 20]. В этом случае модель влияния природы на общество задаётся содержанием карты. Корректность сопоставления особенностей населения и хозяйства и палеогеографических условий зависит от расхождения в определении возраста исторических событий и состояний среды жизни общества. Второй подход – раздельное представление информации на исторических и палеогеографических картах, который обычно реализуется в комплексных атласах, оставляет поиск и интерпретацию связей динамики природы и общества за пользователем карты [1].

Объяснение принципов генерализации и картографирования исходных данных, и дополнительная информация, необходимая для работы с картами образует справочно-методический раздел атласа. Дополнительную информацию составляет: схема хронологической периодизации плейстоцена-голоцена; описания палеогеографической ситуации, форм территориальной и социальной организации общества, особенностей хозяйственно-культурных типов в разные исторические эпохи; краткую справку о ключевых исторических процессах определяющих социальную динамику на глобальном, региональном и локальном уровне.

Содержание карт историко-географического атласа бассейна верхнего Днепра

Сведения о микулинском межледниковье (125-115 тысяч лет назад) включают предполагаемые границы природных зон в бассейне верхнего Днепра. На картосхему физико-географического районирования в масштабе 1:10000000 наложен рисунок современной речной сети, основные черты которого сформировались после среднеплейстоценового оледенения. В микулинскую межледниковую и валдайскую ледниковую эпохи положение геометрических осей долины уже существенно не изменяется, складываются основные черты их геоморфологического строения - в долинах крупных и средних рек формируются две надпойменные террасы. Конфигурация природных зон в микулинскую межледниковую эпоху используется как основа для сравнительной характеристики изменений природной среды в последующее, более холодное время.

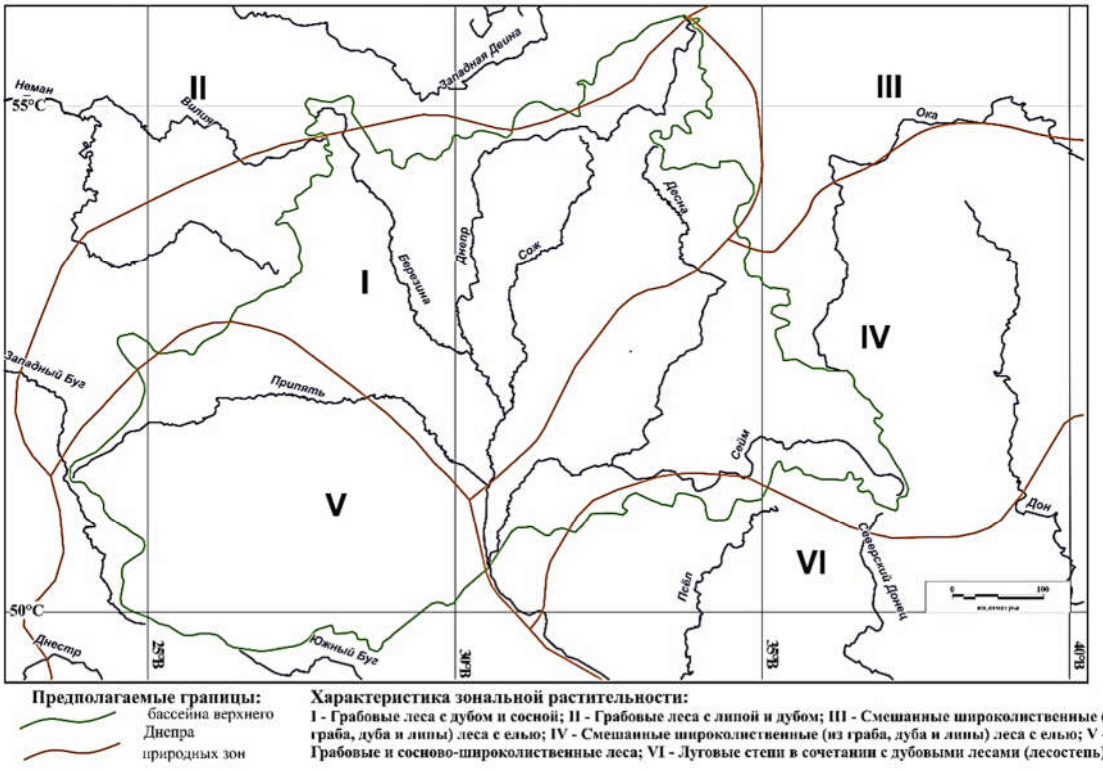


Рисунок – 1 Предполагаемые палеогеографические условия в бассейне верхнего Днепра в микулинском межледниковье 125-115 тыс. лет назад

Возраст первых археологических объектов верхнего Поднепровья относят чаще к последнему ледниковому максимумом (Last glacial maximum, 26-17 т.л.н Брянским интервалом (34-26 тыс. л.н.). Небольшое количество известных стоянок локализовано в речных долинах. Палеогеографические реконструкции полагают климат этого времени более холодным, чем современный. Локализация стоянок в долинах, по-видимому, объясняется группой взаимосвязанных причин. Защищённость долины от сильных ветров, особенно в холодную часть года создаёт более комфортные условия жизни. Микроклимат долин способствует сохранению лесов – как источников энергетических и строительных ресурсов в суровых условиях ледниковой эпохи. Аналогично, в современных лесотундровых ландшафтах России, леса дальше продвигаются на север именно по долинам рек. Ландшафтная структура, а следовательно и места обитания объектов промысла более разнообразны в сравнении с

водораздельными пространствами (разнообразие мест обитания объектов промысла). В отдельных случаях положение стоянок обусловлено наличием специфических ресурсов жизнеобеспечения – залежами кремней, «кладбищами мамонтов». Благоприятные сочетания условий (высокий берег крупной реки недалеко от устья притока) определяли преемственность положения стоянок в течение многих столетий. На некоторых участках речных долин кратчайшее расстояние между археологическими объектами не превышает нескольких сотен метров, плотность – один селитебный объект на 2-3 км^2. Высокая плотность археологических объектов в долинах крупных и средних рек и почти полное их отсутствие на водораздельных пространствах определяет использование трёх масштабных уровней представления «образа территории» в палеолите, мезолите и неолите – энеолите: обзорный, региональный, локальный (примеры на рис 2-4). Образ территории составляют основные черты природы и хозяйства региона, представленные в текстовых, графических или картографических моделях.

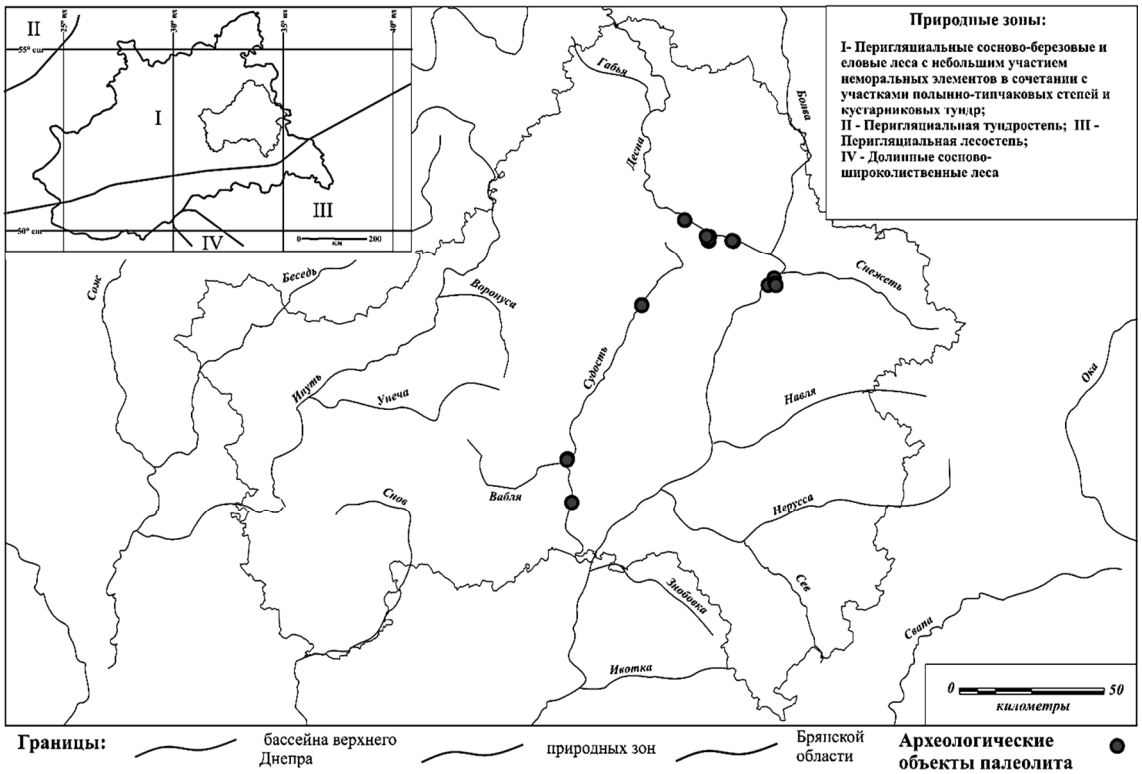


Рисунок – 2. Палеогеографические условия в бассейне верхнего Днепра во время межстадиальных потеплений бёллинг-аллерёд (12,4-10,9 тыс. лет назад): обзорный уровень (карта врезка) и региональный уровень (основное содержание)

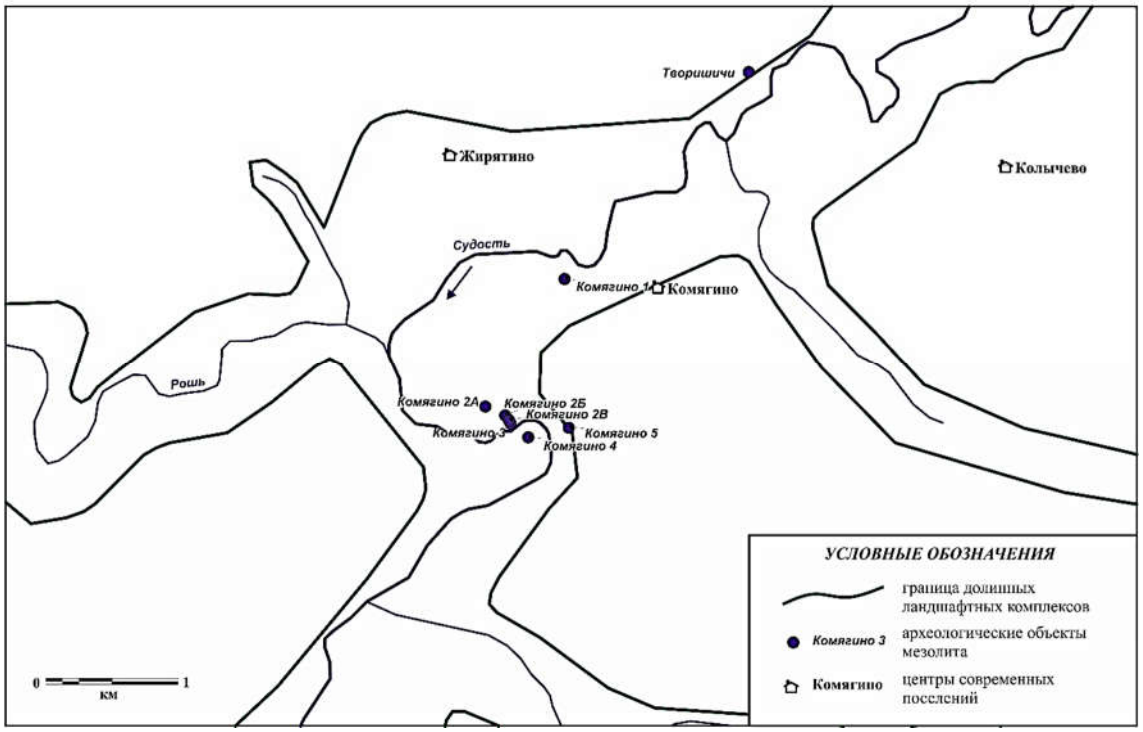


Рисунок – 3. Группа археологических объектов мезолита в долине р. Судость (район с. Жирятино) в мезолите - локальный уровень представления палеогеографической информации

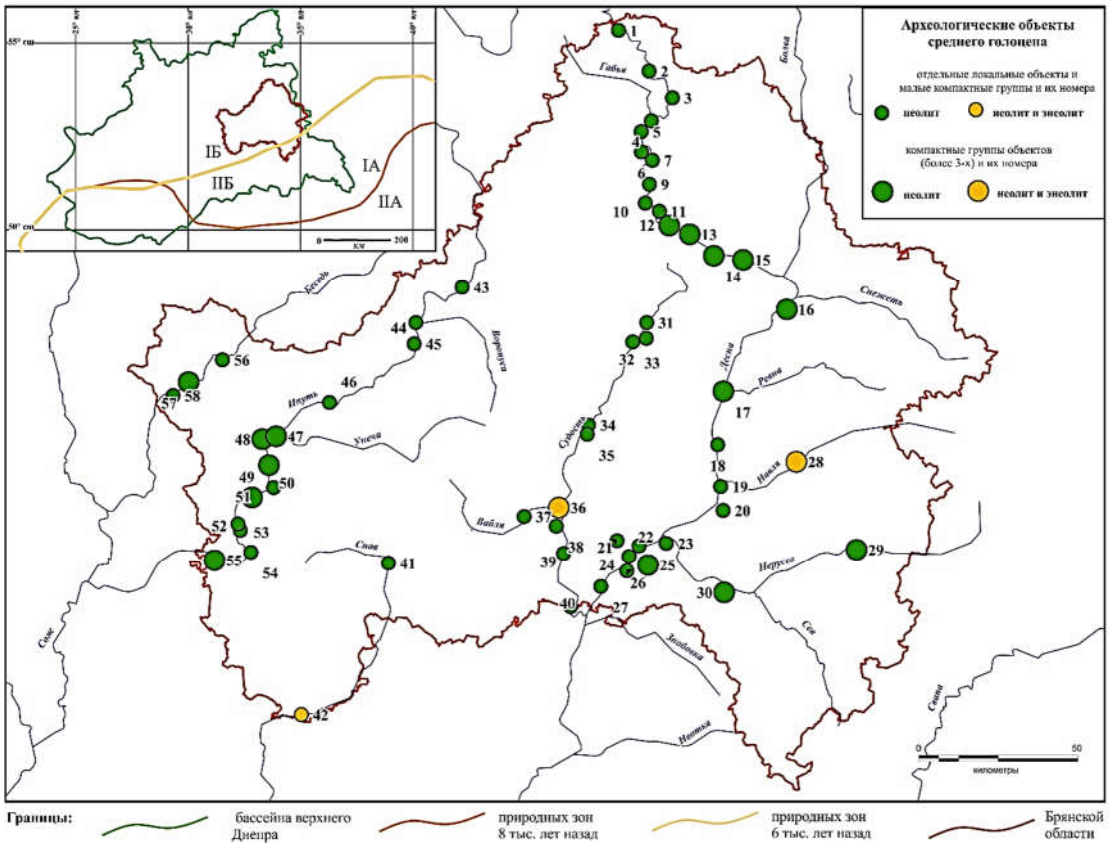


Рисунок – 4. Палеогеографические условия в бассейне верхнего Днепра в оптимуме голоцена (9,3-5,7 тыс. лет назад): обзорный уровень (карта врезка) и региональный уровень (основное содержание)

В суббореальную (бронзовый и железный век) и субатлантическую эпохи (средневековье) усложняется пространственная и территориальная структура расселения. Соответственно, обосновано иное содержание и способы представления образа территории – используется четыре масштабных уровня: обзорный, региональный, субрегиональный и локальный (рис. 5).

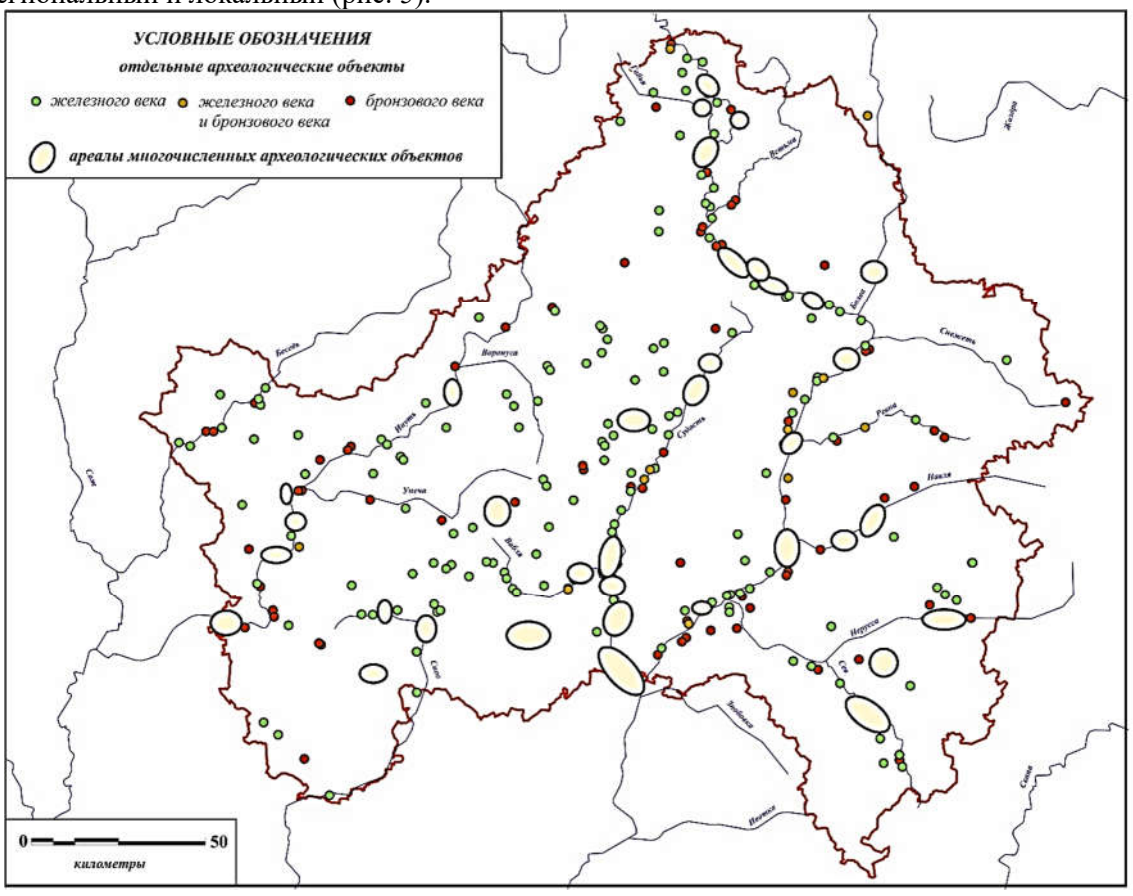


Рисунок – 5 Представление палеогеографической информации о бронзовом и железном веке (региональный уровень)

Формальное соотношение масштабов карт (по размерам аналогичных объектов) составляет 1:4:20. Масштаб карт локального уровня, равно как и для палеолита изменяется в зависимости от концентрации археологических и исторических объектов на единицу площади. Карты обзорного уровня передают положение границ природных зон в бассейне верхнего Днепра, аналогично способу, предложенному для палеолита-неолита, крупные и крупнейшие реки региона. Карты регионального уровня представляют распределение археологических объектов – единичных (способом значков) и групп (способом ареалов); крупные и средние реки. На субрегиональном уровне палеогеографическая ситуация передаётся многолистной картой с размером рамок листов 30` по долготе и 1°30` по широте. Параметры рамок листов задаются конфигурацией современной территории области более вытянутой в широтном направлении. Для других регионов возможно использование других размеров рамок. На субрегиональных картах показано: распределение типов археологических объектов способом значков (кроме участков высокой плотности) – поселений (для бронзового века), селищ и городищ (для железного века), грунтовых и курганных могильников; гидрографическую сеть, современные крупные населённые пункты (городские и крупные сельские поселения), границы водосборных бассейнов площадью свыше 5000 км^2. Границы бассейнов представляют объекты типа «полигон (многоугольник)», составляющие отдельный слой БПД. Границ бассейнов определены по привязанным топографическим картам масштаба 1:200000 (состояние местности на конец 80-х годов XX века). Реки на субрегиональных картах изображаются линейными знаками разной толщины. Через толщину передаётся значимость водных путей в размещении населения. Утолщёнными линиями показаны реки со средним расходом, в интервале данных гидрологических наблюдений, более 5 м^3/с. На реках большей водности, при отсутствии иных ограничивающих условий, лодки и иные плавательные средства перемещаются беспрепятственно. Использование границ бассейнов обусловлено возможностью наглядного представления небольшого хозяйственного интереса жителей верхнего Поднепровья в агарную и доаграрную эпоху к водораздельным пространствам. Активное освоение водораздельных территорий начинается позднее, в средневековье вследствие совершенствования агротехники и усложнения структуры общества, существенным истощением ресурсов речных долин. На локальном уровне изображаются типов объектов в границах ареалов высокой плотности. Сквозная система условных знаков типов объектов для субрегиональных и локальных картографических изображений построена на основе символов, принятых для издания «археологическая карта России». Отдельные изменения касаются участков высокой плотности объектов, для которых применяется специальный знак – «группа археологических объектов» Изменения системы расселения от бронзового и железного века к настоящему времени наглядно показывают изменение структуры природопользования. От охоты, собирательства и рыболовства, составляющих основу жизнеобеспечения палеолитического образа жизни население переходит к производящему хозяйству [12].

Образ территории в средневековье создаётся картами регионального, субрегионального и локального уровня. Содержание региональных карт аналогично таковым для бронзового и железного века. Субрегиональный уровень представлен многолистными картами (размер рамок листа 30` по долготе х 1°30` по широте), которые передают типы поселений, границы физико-географических районов (ландшафтов) и отдельными картами известных политико-государственных образований (Трубчевское, Новгород-Северское, Вщижское княжества) с аналогичным содержанием.

Субрегиональные карты предполагается использовать для пространственного анализа связи территориальной структуры расселения и природопользования с особенностями географической среды. Методика пространственного анализа разработана и апробирована для территории Новгород-Северского, Трубчевского и Трубчевско-Курского княжеств – политико-государственных образований, последовательно существовавших в южной части современной Брянской области в XI-XII веках. Используется вариант характерного для географических наук метода наложения карт, реализованный программными средствами пакета ГИС MapInfo. Карты структуры расселения и политико-административных границ, накладываются на карту физико-географического районирования. Влияние географической среды на территориальную организацию общества проявляется через зависимости плотности населённых пунктов от типа ландшафтов и природную обусловленность политико-административных границ. Хозяйство княжеств было многоукладным, судя по высокому ландшафтному разнообразию территории, которые объединяют лесные, пахотные, сенокосные угодья, наиболее тесно связанные соответственно с полесскими и предполесскими, опольскими, долинными ландшафтами. В аграрную эпоху наиболее заселёнными оказываются плодородные земли ополий и предополий. Значительная часть населённых пунктов, наследует участки, освоенные в предшествующие исторические эпохи - долины крупных рек и краевые участки водораздельных равнин. Увеличение общей численности населения стимулирует хозяйственное освоение водораздельных равнин и маркируется новыми населёнными пунктами. Нечёткость природных рубежей на водораздельных пространствах определяет расплывчатость политико-административных границ. Государственные образования разделяются широкими полосами неудобий (малопригодных для хозяйственного освоения участков) - лесных, заболоченных, закустаренных.

Выводы

Сопоставление истории природы и общества через карты признаётся одним из удачных способов изучения географического фактора в развитии цивилизаций

Многообразие географических условий и внутренних факторов динамики общества ориентирует на подбор методов систематизации и картографирования исторических и географических материалов, наилучшим образом соответствующих особенностям региона и ограничивает использование «шаблонных» схем.

Высокая подробность сведений об истории общества и природы староосвоенных регионов (верхнее Поднепровье) позволяет использовать нескольких масштабных уровней организации исторических и географических сведений: обзорный, региональный, субрегиональный, локальный;

Интегральное представление истории природы и общества на комплексных картах или раздельно, в составе региональных атласов, создаёт информационную основу серии палеогеографических, археологических, палеоэкологических исследований, в которых объектом изучения становятся закономерности территориальной организации в разное историческое время.

The article describes the concept of historical-geographical Atlas of the Upper Dnieper region as a way of integrating knowledge about the relationship of nature, culture and economy of the region. Presents a study of the structure and content of the Atlas from the standpoint of theoretical models of interaction between society and the natural environment, historical-geographical and archaeological exploration of the site, potential targets for the use of the Atlas. Describes the features of historical and geographical maps from different eras and the methods of their creation. The perspectives of use of the Atlas as information basis of historical, geoecological, paleoecological studies are defined
Keywords: *historical-geographical Atlas, paleogeographic conditions, the upper Dnieper basin, Bryansk region, specialized GIS*

Список литературы

1. Авторский коллектив (Клочко А., Романовская М.). Национальный атлас России Том.2. Природа и экология. ФГУП "ГОСГИСЦЕНТР" Москва, 2004. С. 495. Том 2. Природа и экология" Том 2 "Природа. Экология"
2. Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы – М., 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 148).
3. Археологическая карта России. Калужская область / Краснов Ю.А. (отв. ред.) М.: Институт археологии РАН. 1992. 160 с.
4. Археологическая карта России: Брянская область / Кашкин А.В. (автор-сост.) М.: Институт археологии РАН. 1993. 304 с.
5. Археологическая карта России: Курская область. Кашкин А.В. (автор-сост.) / Часть 1, 2 М.: Институт археологии РАН. 1998. 304 с., М.: Институт археологии РАН. 2000. 240 с.
6. Археологическая карта России: Орловская область / Краснов Ю.А. (отв. ред.) М.: Авто, 1992. 96 с.
7. Археологическая карта России: Смоленская область. Часть 1,2 Краснов Ю.А. (ред.) М.: Институт археологии РАН. 1997. 304 с., 262 с.
8. Болиховская Н.С. Эволюция лёссово-почвенной формации Северной Евразии. Под редакцией проф. П.А.Каплина. – М.: Изд-во МГУ, 1995. 270 с.
9. Величко А.А. (ред.). Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен – голоцен Атлас-монография. Москва: ГЕОС. 2009, — 120 с., + 24 с. цв. карт.
10. Герасимов И.П., Величко А.А. (ред.) Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография Коллектив авторов. – Изд.: Москва: "Наука", 1982. — 175 с. с цв. картами.
11. Дробушевский А.И. К типологическому соотношению городищ эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины // Русский сборник. Вып.5, Брянск: Курсив, 2009.
12. Евстигнеев О. И. Неруссо-Деснянское полесье: история природопользования. Брянск, 2009. 139 с
13. Обломски, А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в I - II вв. н.э - М.: Институт археологии АН СССР, 1991. 177 с.
14. Смирнов А.С. Неолит верхней и средней Десны. - М: Институт археологии АН СССР, 1991. 144 с.
15. Смирнова О. В. Реконструкция формирования и развития лесного пояса Восточной Европы в голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене. М., 2006. С. 217-223.
16. Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. - М.: Наука, 2002. - 252 с.
17. Чубур А.А., Гурьянов В.Н., Чубур А.А. Палеолит верхнего Поднепровья: история исследований, экономика, жилище, социум. – Saarbruken: Lambert Academic publishing, 2011. 340 с.
18. Шинаков Е.А. Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций– Брянск: Курсив, 2011.– 132 с.
19. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24 – 8 тыс. л.н.) / А. Маркова, К. Т. ван, Ш. Бохнкке и др. Издательство КМК, 2008. С. 556.
20. Adams J. M. Preliminary Vegetation Maps of the World since the Last Glacial Maximum: An Aid to Archaeological Understanding // Journal of Archaeological Science (1997) 24, 623–647

Об авторах

Лобанов Григорий Владимирович – кандидат географических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *lobanov_grigorii@mail.ru*

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *fennecfox66@gmail.com*

Гурьянов Валерий Николаевич – начальник отдела организации научных исследований Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *gurian032@mail.ru*

Тришкин Борис Викторович – кандидат биологических наук, профессор кафедры управления и информационных технологий Московского психолого-социального университета (Брянский филиал), *pyramyd@mail.ru*

Ужакина Алина Петровна – аспирантка кафедры географии, экологии и землеустройства Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *a.uzhakina2012@yandex.ru*

Зверева Анна Юрьевна – аспирантка кафедры географии, экологии и землеустройства Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *zverek1206@mail.ru*

УДК 94(430).087

ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДИАСПОРЫ И ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА ГЕРМАНИИ В 20-21 ВВ.

Матсон О.О.

В статье рассматривается развитие отношений между титульным этносом Германии и исламской диаспорой внутри страны в 20-21 вв. История мусульманского сообщества в ФРГ имеет глубокие корни. В настоящее время количество мусульман в стране продолжает расти.

Ключевые слова: *Германия, история, мусульмане, исламская диаспора.*

Одной из самых острых политических проблем современной Германии является отношение немцев к нарастающей волне мигрантов из стран исламского мира. Споры вокруг этой проблемы раскололи немецкое общество и могут стоить сторонице увеличения числа мигрантов Ангеле Меркель поста канцлера Германии. Предлагаемая статья является попыткой реконструкции процесса формирования отношения со стороны титульного этноса Германии к исламской диаспоре внутри страны в период 20-21 вв.

В годы Первой мировой войны Османская империя являлась союзницей Германии и Австро-Венгрии. Немцам пришлось воевать в союзе с мусульманами и одновременно против мусульман, рекрутированных англичанами и французами из их колоний. Часть их оказалась в немецком плену. Именно для них в июле 1915 г. в лагере военнопленных в Вюнсдорфе была открыта Первая мечеть в Германии. Имперское правительство прилагало усилия, чтобы пленные имели возможность беспрепятственно отправлять свой культ. Немецкие власти надеялись, что таким образом им удастся переманить этих людей на свою сторону [14, p.18].

В мае 1922 г. английская газета в Индии «The Mohammadan» опубликовала статью под заголовком**:** «О необходимости распространения ислама в Германии». Ее автором был ревностный мусульманин индийского происхождения Абдус Саттар Хери, проживавший в Берлине. Именно ему принадлежала идея основания исламской общины в столице Германии [16, p.6].

Так в 1922 г. была основана Берлинская исламская община, цели которой соответствовали современным исламским организациям: распространять ислам, отправлять религиозные ритуалы и строить мечети [20].

Когда к власти в Германии пришел Гитлер, количество мусульман превышало чуть более 1000 человек. В основном это были студенты, военнопленные и изгнанники из своих стран. Мусульмане, прибывшие из колоний Франции и Великобритании, считали нацистов своими союзниками в борьбе против колониализма.

Несмотря на то, что Гитлер считал арабов неполноценным, «примитивным народом», он понимал, что они могли быть полезными союзниками. Поэтому фашистская пропаганда Германии умело играла на религиозных чувствах мусульман, выдвигая тезис о единой судьбе немцев и арабов. Например, арабам задавали такие вопросы, как: «Кто мешал объединению Германии и кто воспрепятствовал арабам объединиться в единое государство после Первой мировой войны?»; «Кто расчленил Германию и кто разделил арабский мир после Первой мировой войны?». На эти вопросы у неискушенных слушателей или читателей был готов ответ, заранее запрограммированный пропагандой.

К тому же арабский народ верил, что нацистская Германия была его единственным союзником в борьбе с сионизмом. В качестве доказательства поддержки арабов против еврейской колонизации Палестины пропаганда приводила антисемитизм Гитлера, возведенный в ранг государственной политики [4, с.173-174].

В целом, отношение Гитлера к исламу можно назвать положительным. Серьезных гонений против мусульман не наблюдалось. Наоборот, фюрер пытался привлечь их на свою сторону, показывая уважительное отношение к исламу. По радио в Берлине читали Коран, а пропаганда Геббельса распространяла слухи о принятии Гитлером ислама. Также пропагандой была распространена теория о родстве Аллаха и древнегерманских Богов [3, с.41].

Гитлер надеялся сделать мусульман своими союзниками в борьбе против Англии – давнего противника арабо-мусульманского Востока – и Франции. Для выполнения этой цели он привлек к сотрудничеству великого муфтия Иерусалима Амина аль-Хусайни, который пытался создать на Востоке антианглийский блок арабских государств [8, с.66-72].

Таким образом, к концу 30-х гг. XX в. политические элиты почти всех арабских стран переориентировались на Германию, надеясь получить от нее помощь в борьбе с колониальной Францией. Исламское духовенство этих стран также симпатизировало Германии [5, с.114].

Своими действиями Амин аль-Хусайни заинтересовал Гитлера и получил приглашение посетить Берлин, куда он прибыл 6 ноября 1941 г. 28 ноября состоялись встречи муфтия с Риббентропом и с Гитлером. Беседуя с министром иностранных дел Германии, Амин аль-Хусайни сразу же заявил о существовании дружбы между арабами и немцами, так как у них есть общие враги – англичане, евреи и большевики [1, с.89-92].

Тот факт, что главными врагами Германии были объявлены евреи, колониальная Англия и большевики, якобы угнетавшие мусульман, послужил основой для утверждения близости Германии и ислама. Тезис, что Германия не выступала в арабском мире как колониальная держава, призван был акцентировать внимание на качественном отличии политики Германии в отношении арабов от политики других государств. Также Амин аль-Хусайни нашел сходство между исламом и идеологией национал-социализма. Например, почитание мусульманами Аллаха

и его пророка Мухаммеда приравнивалось к признанию высшим авторитетом фюрера у национал-социалистов. В радиопередачах постоянно повторяли, что ценности ислама, такие как единство, благочестие, общность, послушание, противостояние разделению, скептицизму и индивидуализму были схожи с ценностями национал-социалистов [8, с.115-122].

В ходе Второй мировой войны Гитлер предпринял ряд мер по использованию в своих целях «мусульманского фактора». Обращение к исламской религии позволило ему привлечь на сторону Германии мусульман самых разных национальностей из различных стран, которые позже были объединены в отдельные формирования [6, с.77].

Капитуляция Германии в 1945 году не положила конец германо-арабской дружбе, направленной против западных колониальных держав и «мирового еврейства». И после войны в арабском мире продолжали существовать пронацистские настроения. Не являлось случайностью, что многие нацистские преступники бежали именно на Арабский Восток, ожидая встретить там теплый прием [9].

Однако, характеризуя контакты немецкого нацизма с исламом, американский историк Александр Даллин полагал, что нет ни малейшего основания считать, что в нацистской Германии существовала настоящая симпатия к мусульманской вере. А немецкий исследователь Герхард Хепп на вопрос «существовала ли вообще в годы Второй мировой войны германская исламская политика?», ответил утвердительно, но только если под этим определением понимать использование функций ислама для своей политики, прежде всего, для достижения военных целей [1, с.105].

Восстановление Германии после Второй мировой войны было сопряжено с рядом сложностей, одной из которых стал острый дефицит мужской рабочей силы, ведь одним из итогов войны для Германии была потеря около 10 млн. мужчин самодеятельного возраста. Рабочих рук не хватало во всех сферах, особенно на производстве [7, с.85]. Вспомнив о своей прежней дружбе с мусульманским Востоком, было решено ввозить дешевую рабочую силу из восточных стран, заключив с ними двусторонние соглашения [3, с.42].

В 1961 г. Германия подписала с Турцией соглашение о найме рабочих, в 1963 г. – с Марокко, в 1965 – с Тунисом. До этого времени в стране уже проживало приблизительно от 30 до 50 тыс. мусульман, переселившихся сюда частным образом. После заключения этих договоров их число стало стремительно расти [18, s.36], несмотря на то, что договоры содержали определенные условия: так, например, приехать в Германию могли только не состоящие в браке граждане. Кроме того, соглашения запрещали воссоединение семьи, само пребывание в стране было ограничено двухлетним сроком [10].

Многие мусульмане оказались в Германии в результате международных конфликтов как беженцы, получившие у немецкого правительства право на убежища. Например, после второго военного переворота в Турции в 1980 г. в Германию бежало около 125,000 турок и курдов [17, p.11-12].

Таким образом, с 1945 г. количество мусульман в Германии все возрастало от десятилетия к десятилетию. Динамику роста диаспоры мусульман отражают следующие статистические данные:

- 1945 г.: 6 тыс.
- 1972 г.: 500 тыс.
- 1976 г.: 1,2 млн.
- 2000 г.: 3 млн.
- 2009 г.: 4,25 млн. [22]

В 2011 году в объединенной Германии впервые прошла перепись населения. Она проводилась по схеме частичного охвата населения, то есть опрашивалась только часть, но подробно и строго [2].

В переписи населения 2011 г. только 1,9% опрошенных ответили, что исповедуют ислам. Однако председатель Федерального статистического ведомства Германии Родерих Эгелер заявил, что эти данные недостоверны, так как приверженцы ислама часто пользуются возможностью не отвечать на вопрос о религиозной принадлежности [22]. Всего по состоянию на 2013 г. в Германии проживало примерно 4 млн. мусульман, что составляло 5% населения [11].

Предполагается, что к 2020 г. в Германии будет проживать 4,8 млн. мусульман (6,1% населения), а к 2030 г. их количество может составить 5,5 млн. человек (7,1% населения) [20].

Формирование исламской диаспоры в Германии в том виде, в котором она представлена в начале XXI в., происходило после Второй мировой войны, однако предпосылки ее появления возникли гораздо раньше. Ее образованию предшествовал длительный период знакомства немецкого общества с исламом. После Первой мировой войны мир ислама оставался колониальным, а арабские провинции развалившейся Османской империи поделили между собой Англия и Франция по системе мандатов, выданных им Лигой Наций. Поверженная Германия и исламский мир оказались объединенными общностью судьбы, злое содержание которой продуцировалось Англией и Францией. Именно так это выглядело для неискушенного обывателя. Этим воспользовалась пропаганда Германии, особенно после прихода к власти нацистов во главе с А.Гитлером. Заигрывание фашистской Германии с миром мусульман вселяло во многих надежды на освобождение от колониального гнета при помощи Германии. Ее очередное поражение разрушило эти надежды, но не уничтожило комплиментарные представления о ней, как о стране, в которой мусульманин может ощущать себя комфортно. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить то, что, не имея ранее в отличие от Англии и Франции колоний в исламском мире, не обладая опытом управления им, Германия стала привлекательной для мусульман, и после снятия препонов они стали сюда переселяться и формировать тот социум, который мы называем «германской диаспорой мусульман».

The development of attitude between Germans and Muslim society in Germany is considered in this article. The history of Muslim society in FRG goes deep. The number of Muslims is still increasing at the present time.
***Keywords**: Germany, history, Muslims, Islamic diaspora.*

Список литературы

1. Гилязов И. Национал-социалисты и ислам в Германии // Мир ислама. – 1999. – № 1-2. С. 89-92.
2. Кай-Александр Шольц, Дмитрий Вачедин // Deutsche Welle. – 07.05.2011. URL: http://dw.de/p/116Vy
3. Оришев А.Б. Ислам в Европе: первые волны исламизации // Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция. – 2012. – № 22-23. С. 41-42.
4. Ранчинский В.П. Политические организации Сирии 30-х годов XX века: молодежные движения // Всеобщая история. Современные исследования. – 2011. – № 20. С. 173-174.
5. Ранчинский В.П. Мусульмане Сирии в годы французского мандата (1920-1946) // Всеобщая история. Современные исследования. – 2010. – №19. С. 114.
6. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М.: АСТ, 2004. С. 77.
7. Садыкова Л.Р. Исторические предпосылки формирования мусульманской общины в Германии и ее характеристика в XXI веке // Ежегодник ИМИ. – М., МГИМО-Университет, 2013. – №3-4. С. 85.
8. Шерстюков С.А. Арабский вопрос во внешней политике Третьего Рейха. –Барнаул, 2014. С. 66-172.
9. Этингер Я. Метастазы нацизма // Независимое военное обозрение. – 03.12.1999. URL: http://nvo.ng.ru/history/1999-12-03/5_meta.html
10. Anwerbeabkommen mit Tunesien // Zeitstrahl. URL: http://www.zeitklicks.de/top-menu/zeitstrahl/navigation/topnav/jahr/1965/anwerbeabkommen-mit-tunesien/
11. Anzahl der Mitglieder in Religionsgemeinschaften in Deutschland im Jahr 2013* (in Millionen) // Das Statistik Portal. URL: http://de.statista.com/statistik/daten/studie/37028/umfrage/mitglieder-in-religionsgemeinschaften-in-deutschland/
12. Azim Nanji. Mapping Islamic Studies: Genealogy, Continuity, and Change. Walter de Gruyter, 1997. P. 1-4.
13. Haldun Gülalp,Günter Seufert. Religion, Identity and Politics: Germany and Turkey in Interaction. – Routledge, 2013. P. 30-31.
14. Götz Nordbruch, Umar Ryad. Transnational Islam in Interwar Europe: Muslim Activists and Thinkers. – USA, New York, Palgrave Macmillan, 2014. P. 18.
15. Monica-Elena Herghelegiu. Germany's Encounter With Islam - Legal and Theological Issues // İstanbul Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, 2010. – №22. P. 53.
16. Nasir Ahmad. Die Berliner Moschee. – Germany, Berlin, 2014. P. 6.
17. Nina Mühe. Immigration history and settlement pattern // Muslims in the EU: Cities Report – Germany, 2007. P. 11-12.
18. Mouhanad Khorchide. Der islamische Religionsunterricht zwischen Integration und Parallelgesellschaft: Einstellungen der islamischen Religionslehrerinnen an öffentlichen Schulen. Germany, Wiesbaden, 2009. S.36.
19. Seit wann gibt es Muslime in Deutschland - 1683-1945 – Eine Prise Geschichte // islam.de. – 19.10.14. URL: http://islam.de/17602.php
20. The Future of the Global Muslim Population // PewResearch Religion and Public Life Project. URL: http://www.pewforum.org/interactives/muslim-population-graphic/
21. Ursula Spuler-Stegemann. Allah and the Occident: How Islam Came to Germany // spiegel.de. – 16.06.2008. URL: http://www.spiegel.de/international/germany/allah-and-the-occident-how-islam-came-to-germany-a-559927.html
22. Entwicklung der Anzahl der Muslime in Deutschland von 1945 bis 2009* // Das Statistik Portal. URL: http://de.statista.com/statistik/daten/studie/72321/umfrage/entwicklung-der-anzahl-der-muslime-in-deutschland-seit-1945/
23. Statement von Präsident Roderich Egeler // Pressekonferenz «Zensus 2011 – Fakten zur Bevölkerung in Deutschland» am 31. Mai 2013 in Berlin. S. 10. URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressekonferenzen/2013/Zensus2011/Statement_Egeler_zensus_PDF.pdf?__blob=publicationFile

Об авторе

Матсон Ольга Олеговна – аспирантка кафедры всеобщей истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *overtan@mail.ru*

УДК 94(44):930(410)

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО СРЕДНЕГО КЛАССА В ТРУДАХ А. ГУДВИНА И ДЖ.М. ТОМПСОНА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Меер Е. С.

В статье раскрывается специфика образа революционной буржуазии в работах по французской революции английских классиков середины XX в. Дж. М. Томпсона и А. Гудвина в контексте ревизии британским историком А. Коббеном французской марксистской историографии.

Ключевые слова: *английская историография, французская революция, буржуазия, средний класс, классики, марксисты, ревизионисты.*

В 1950–1960 гг. английский историк А. Коббен выступил с ревизией классической интерпретации французской революции конца XVIII в. как революции буржуазной. Самым ярким из компонентов его пересмотра было опровержение положения о том, что экономически процветающая буржуазия (капиталисты) благодаря французской революции пришла к власти [8, p.95]. Критика А. Коббена была адресована трудам французских марксистских историков, задававших тон в изучении темы в первой половине XX в.

Какие представления о революционной буржуазии существовали на момент ревизии в самой английской историографии, остается неясным. В период с середины 1940–х по середину 1950–х гг. в Великобритании появились только две истории французской революции, считающиеся классическими работами по теме. Одна из них принадлежит оксфордскому историку и теологу Джеймсу Мэтью Томпсону (1878–1956), вторая – Альберту Гудвину (1906–1995), оксфордско-манчестерскому исследователю [9, p.11; 13; 16]. Эти две работы представляют собой ценный источник для ответа на вопросы: какой образ революционной буржуазии мог усвоить английский читатель в середине XX в. из обобщающих трудов по французской революции отечественного производства и как этот образ сочетался с представлениями А. Коббена и французских историков, которых он критиковал. Стоит подчеркнуть, что имеющиеся рецензии на данные труды, появившиеся в середине XX в., абсолютно не проясняют картину[4; 5; 6; 12; 17].

Поразительно, но факт: в книге А. Гудвина ни разу не употребляется термин «буржуазия». Вместо него повсеместно используется понятие «средний класс»[11].

Кто такой революционный средний класс у А. Гудвина? Определение термина нигде в книге не дается. Остается только делать выводы, исходя из контекста. Так А. Гудвин пишет, что третье сословие в Генеральных Штатах 1789 г. было практически полностью представлено средним классом. В данном конкретном случае английский историк имеет в виду «опытных профессионалов с состоявшейся репутацией, среди которых юристы… преобладали» [11, p.53]. В связи с этим возникает ряд вопросов: кто такие профессионалы и кто составляет ту их часть, которая среди них в третьем сословии Генеральных Штатов находилась в меньшинстве. Точно понятно из описаний А. Гудвина, что крестьяне и рабочий класс не относились к среднему классу, равно как и привилегированные сословия – духовенство и дворянство [11, p.9–10,12,16,53–54,81].

В тексте также встречается понятие «нижний средний класс» применительно к Парижской Коммуне 1792 г. Под ним понимаются владельцы небольших магазинов и ремесленники [11, p.131]. Управляющий орган Парижа состоял преимущественно из них. Не ясно только, какие еще градации есть в среднем классе и кто выше по положению владельцев магазинов и ремесленников. Может быть либеральные профессии, которые, как упоминает автор, также были представлены в Парижской Коммуне? И кто они? Юристы? Кто-то еще?

Еще больше усложняет картину то, что периодически А. Гудвин применяет понятие «средний класс» во множественном числе [11, p.137,181].

В труде А. Гудвина есть интересный термин, не встречающийся в других работах по французской революции, – «революция юристов». Именно юристы, отмеченные автором как сердцевина среднего класса в Генеральных Штатах, оказались во главе некой «мирной революции», датируемой временем с 5 мая по 27 июня 1789 г. Данный период включает в себя события от созыва Генеральных Штатов до преобразования их в Национальное Собрание и его победы в борьбе с монархией. Краеугольным камнем этой истории является клятва в зале для игры в мяч, оцениваемая как значимое творение именно лиц юридической профессии. Таким образом, у А. Гудвина есть некая революция части среднего класса, совершённая еще до взятия Бастилии 14 июля 1789 г., т.е. до начала самой революции [11, p.56,66,71–72].

Каковы причины для участия среднего класса в революции у А. Гудвина? Среди таковых можно назвать борьбу с привилегированными сословиями и стремление реформировать Францию. При этом осознал эту потребность средний класс, согласно английскому историку, только в связи с политическим кризисом 1787–1788 гг. И в результате «революция дала политическую власть и упрочила экономическое положение среднего класса», сделала средние классы «главными бенефициариями» французской революции [11, p.9–10,181].

С нотаблями из среднего класса (термин не проясняется) английский историк увязывает муниципальные восстания 1789 г. [11, p.80]. Средний класс связан у А. Гудвина с реформами конституционного периода революции (1789–1792). Так конституция 1791 г. давала власть именно нотаблям из среднего класса. С ним также ассоциируются два понятия – «среднеклассовый консерватизм» и «среднеклассовый индивидуализм». Первый

проявлялся, с точки зрения автора, в законодательстве 5–11 августа 1789 г., касавшемся «феодального режима», деятельности Национальной гвардии, второй – в Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. [11, p.82–83,91–92,125].

При описании истории французской революции после свержения монархии в августе 1792 г., выборов в Конвент и сентябрьских убийств А. Гудвин вообще не применяет больше термин «средний класс». После рассмотрения термидора он пишет о «перезахвате нотаблями из среднего класса контроля над политической властью», о создании ими конституции 1795 г. и одобрении ими автократии Наполеона [11, p.181]. Означает ли это, что период борьбы монтаньяров и бриссотинцев и якобинскую диктатуру он не связывает со средним классом или только с частью среднего класса, не совсем понятно.

В более ранней и подробной истории французской революции Дж. М. Томпсона, в отличие от аналогичной А. Гудвина, понятие «буржуазия» читатель найти может. В начале работы у английского историка даже есть терминологический раздел. Дж. М. Томпсон обращает внимание на то, что термин «буржуа» – это французское понятие, означающее тех, кто имеет права гражданства (в понимании XVIII в.). Никакой прямой привязки к капитализму здесь нет, как и у А. Гудвина. Английский аналог буржуа – средний класс, или средние классы [18, p.vii]. В итоге автор употребляет в работе понятия «буржуазия» и «средний класс» одновременно[15, p.263], при этом второй все же заметно чаще. Этого А. Гудвин не делает, отдавая дань только английской традиции.

Каков образ революционного среднего класса, или буржуазии, в труде Дж. М. Томпсона? Общий объединяющий критерий этих людей прописан как гордость «своей экономической независимостью и социальным положением», «материальное благосостояние, произведенное из честного тяжелого труда», заработанное или унаследованное. Эпитеты, применяемые для описания класса, – это «растущий», «богатый» и «прогрессивный». Его члены «просвещали и обогащали» Францию, участвовали в управлении в разных сферах жизни общества, за исключением высшего уровня власти [18, p.30–31,39,46,52]. В работе Дж. М. Томпсона имеется и таблица, из которой можно сделать выводы о приблизительной численности буржуазии и ее границах как класса. Буржуазия, таким образом, это третье сословие, за исключением сельскохозяйственных и несельскохозяйственных рабочих (или скорее тружеников), и насчитывает около 1 млн человек среди 26.5 млн населения Франции [18, p.93]. Правда, в другом месте Дж. М. Томпсон пишет, что средний класс составлял двадцатую часть населения [18, p.30]. Исходя из вышеназванных цифр, определенно меньше.

В рядах среднего класса в Генеральных Штатах Дж. М. Томпсон находит юристов, администраторов, торговцев и предпринимателей, землевладельцев и земледельцев (!), духовные лица (!!!), докторов и офицеров. Таким образом, в отличие от А. Гудвина, Дж.М. Томпсон перечисляет категории буржуазии. Как и у А. Гудвина, доминируют среди среднего революционного класса юристы. Как и А. Гудвин, Дж.М. Томпсон напоминает читателю, что об этом еще в конце XVIII в. писал в Англии Э. Бёрк. Но если А. Гудвин просто указывает на данный факт, то Дж.М. Томпсон отмечает еще и пренебрежительную оценку юристов у Э. Бёрка, с которой он категорически не согласен. В отличие от А. Гудвина, Дж.М. Томпсон приводит цифровые данные по категориям буржуазии в Генеральных Штатах, правда подсчеты строятся в расчете на каждые 100 человек. Юристы составляли, согласно Дж.М. Томпсону, половину, причем среди них преобладали юристы низких рангов (о чем, заметим уже сами, писал когда-то опять же Э. Бёрк). Свыше этой половины некоторые лица могли также иметь юридическое образование или иногда выполнять юридические функции (что, вероятно, может объяснить преобладание юристов у А. Гудвина) [1; 11, p.53; 18, p.31].

Именно юристам Дж. М. Томпсон дает обстоятельную, хотя и общую, высоко поэтическую характеристику. Он пишет, что они были «людьми действия и людьми дел», не были «просто мечтателями или идеологами» и сыграли «ведущую роль» в революции. Если А. Гудвин объясняет их наличие в Генеральных Штатах особенностями избирательной процедуры, то Дж. М. Томпсон идет намного дальше, заявляя, что юристы были полезны и нужны везде и всем – в деревне и в городе, богатым и бедным. Самое главное, юрист был «другом народа» в защите его от аристократии и духовенства и был отличным оратором. Описывая среднестатистический облик юриста, оказавшегося во главе революции, Дж. М. Томпсон подчеркивает его провинциальность, образование, полученное в полуклерикальных колледжах, высокие познания в истории Древнего Рима в отличие от истории монархического Парижа, влияние на его мысль Просвещения (весьма выборочное) и нередко имевшийся в прошлом отказ от церковной карьеры [18, p.31–33,36].

Мотивы для революционной деятельности среднего класса в целом у Дж. М. Томпсона те же, что и у А. Гудвина, – сословное неравенство и стремление к реформам, с той лишь разницей, что у Дж. М. Томпсона представители среднего класса предначертанно «готовили себя для 1789 г.» [18, p.14,31,39,46]. Результаты революции для буржуазии Дж.М. Томпсон, в отличие от А. Гудвина, описывает в присущем ему литературном стиле. Среди них – «замена новой привилегией и новым снобизмом старых, культ бюрократизма и коммерческого успеха, продвижение на высокие посты людей, чей взгляд на жизнь был ограничен службой стряпчего, конторой или площадью, кто был вынужден из-за сложных обстоятельств совершенствоваться в искусстве продвижения в жизни и для кого неизвестность, доля так многих величайших людей мира, всегда была анафемой» [18, p.40–41].

В отличие от А. Гудвина, Дж.М. Томпсон не применяет термин «консерватизм» в отношении среднего класса, или буржуазии, впрочем, цепочка его действий в начале революции и их подоплека вряд ли отличаются у двух историков. «Коммерческие и профессиональные классы» формируют выборные муниципалитеты в 1789

г., в Париже и прочих городах образованы гвардии, готовые подавить крестьянские беспорядки лета 1789 г. ради собственности, безопасности буржуазии и ее привилегий [18, p.74,81–82,88,91]. А вот «индивидуализм» как характеристика имеется и, как у А. Гудвина, воплощается в Декларации прав человека и гражданина [18, p.99].

Дж. М. Томпсон также показывает в своей книге, что буржуазия активно участвовала в покупке национальных имуществ, обычно крупных участков земли, но затрудняется, в связи, с одной стороны, недостатком свидетельства, с другой – разнообразием данных, определить их долю в перераспределении земельного богатства страны [18, p.177–179]. Наряду с этими успехами именно средний класс был вторым по численности жертв террора в апреле–июле 1794 г. в Париже в численном и процентном соотношении, уступая только нижнему классу [18, p.538–539].

Если сравнивать образ революционной буржуазии в работах Дж. М. Томпсона и А. Гудвина с аналогичным в трудах А. Матьеза (1874–1932) и Ж. Лефевра (1874–1959), главных на момент середины XX в. французских авторитетов по истории французской революции, то можно обнаружить как определенные сходства, так и различия в интерпретации проблемы.

Французские историки не используют термин «средний класс», только исключительно понятие «буржуазия». Если А. Гудвин и Дж.М. Томпсон не увязывают используемые термины с капитализмом, то А. Матьез и Ж. Лефевр это делают. Но если у А. Матьеза буржуазия – это исключительно капиталисты, то для Ж. Лефевра характерна определенная двойственность: иногда он употребляет термины как синонимы, а иногда его буржуазия – это также и лица либеральных профессий. У Дж.М. Томпсона и А. Гудвина революционный средний класс многообразен, а главную скрипку в нем играют юристы. А. Матьез и Ж. Лефевр также понимают ведущую роль юристов в революции, но при этом считают, что революция привела к власти капиталистов, они руководили революцией и извлекли из нее выгоду [2, с.23,25,31–33,60–61; 14, p.1–2,41–50].

Данные различия могут быть объяснены двумя причинами. Во-первых, разницей французских и английских исторических традиций. И, во-вторых, тем, что в отличие от А. Матьеза и Ж. Лефевра, Дж.М. Томпсон и А. Гудвин не были марксистами.

И английские, и французские работы имеют главное сходство – идею возвышения среднего класса, или буржуазии. Вне зависимости от того, максимально ли прост это класс по составу, как у А. Матьеза, или максимально сложен, как у Дж.М. Томпсона, А. Гудвина (отсюда стремление постоянно выделять разные средние классы) и Ж. Лефевра, разнообразие класса не приводит историков к мысли о возможности принципиального различия интересов его составных частей. Они объединены единым интересом – избавиться от сословных различий и реформировать Старый порядок. В итоге в результате революции они получают общенациональную власть и экономические выгоды.

Возможно, А. Коббен не адресовал свою критику английским историкам при ревизии образа революционной буржуазии не только из-за того, что они были англичане, а не французы, не только потому, что они не были марксистами, но и в связи с тем, что в их трудах не было ясного утверждения о приходе к власти капиталистов. Они писали о революции среднего класса, или средних классов, определяли революционное лидерство в терминах, по содержанию широких и смутных, что дает возможности для критики, но уже по другому поводу.

Дж.М. Томпсон умер в середине 1950–х гг. и соответственно никак не мог прореагировать на начавшуюся ревизию А. Коббена. А. Гудвин же написал короткий критический обзор главного ревизионистского труда А. Коббена «Социальная интерпретация французской революции» (1964 г.), на который последний откликнулся в рамках своей статьи «Французская революция: ортодоксальная и неортодоксальная интерпретации. Рецензия на рецензии». Анализ этого весьма немногословного спора вряд ли может дать что-то полезное для ответа на вопрос, как соотносились образы революционной буржуазии у двух британских историков, так как А. Гудвин определенно не понял, что именно пересматривал А. Коббен. А он точно не критиковал положение о том, что «революция стала результатом социальных и политических фрустраций смутного и недифференциированного среднего класса», на что сам же верно и указал [7, p.280–281,285–286; 10, p.611].

А между тем А. Коббен, который опровергал приход капиталистов к власти в результате французской революции, революционное лидерство отдает профессиональной буржуазии, и в этом плане мы можем обнаружить преемственность и с А. Гудвином (на что обратил в свое время внимание еще английский ревизионистский историк В. Дойл [9, p.12]) и с Дж. М. Томпсоном, подчеркнувшими ведущую роль юристов среди представителей третьего сословия в Генеральных Штатах. Но с другой стороны, А. Коббен идет намного дальше, чем эти историки, так как приводит анализ статистических данных состава буржуазии в общенациональных революционных собраниях и выдвигает положение о расхождении интересов капиталистов и профессионалов [3, с.115–131]. Он поставил проблему «переполненности» понятия «буржуазия», и этот упрек он в полной мере мог бы адресовать не только французским, но и английским историкам.

Таким образом, подводя итоги данной статьи, мы можем констатировать следующее.

Английские историки А. Гудвин и Дж.М. Томпсон в своих историях французской революции середины XX в. в силу британской исторической традиции и отсутствия приверженности к марксистскому подходу описывают революционную буржуазию как средний класс, или средние классы, без прямой привязки к капитализму. В описании этой революционной буржуазии историкам не хватает четкости в определении состава и границ понятия, определенно наблюдается терминологический хаос. Пальма первенства в революционном лидерстве

закреплена за юристами. Мотивами для участия в революции возвышающегося среднего класса являются преодоление сословного неравенства и стремление реформировать Францию. В результате революции широкий средний класс получает политическую власть и экономические выгоды.

Интерпретация образа революционной буржуазии у английских историков отличается от аналогичной у французских марксистов тем, что последние не применяют термин «средний класс», чрезмерно привязаны к абстрактным формулировкам о руководстве французской революции капиталистами, при том, что в ряде случаев понимают, что буржуазия XVIII в. ими не ограничивается.

Как А. Гудвин и Дж.М. Томпсон, английский историк А. Коббен, начавший в середине XX в. ревизию классической интерпретации французской революции конца XVIII в. как революции буржуазной (капиталистической), подчеркивает важную роль в революции профессиональной буржуазии. Но в отличие от них он критикует как миф представление о революции возвышающегося среднего класса, противопоставляет обогащающихся капиталистов и беднеющих профессионалов.

И таким образом, мы видим, что английские классики Дж.М. Томпсон и А. Гудвин имели свою версию революционной буржуазии (опустим определенные различия между ними) и соответственно и свой вариант буржуазной революции, отличные по терминологии и содержанию от двух других – французских марксистов и британского ревизиониста А. Коббена.

In article is reveals the specific of an image of revolutionary bourgeoisie in the English classics A. Goodwin and J. M. Thompson's studyings about the French revolution in the mid-twentieth century in the context of the revision of the French marxist historiography by british historian A. Cobban.
Keywords: *the English historiography, The French revolution, the bourgeoisie, the middle class, the classics, the marxists, the revisionists.*

Список литературы

1. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию/ Пер. с англ. Е.И. Гельфанд. М., 1993. URL: http://liberte.newmail.ru/Books/Burke1.html (дата обращения: 05.10.2009).

2. Матьез А. Французская революция/ Пер. с франц. К. И. Цидербаума. Ростов/ Д, 1995.

3. Меер Е. С. Альфред Коббен как историк французской революции конца XVIII века: Дис. … канд. ист. наук: 07. 00. 09. Красноярск, 2010.

4. Acomb F. James Mathew Thompson: The French Revolution//The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1945. Vol.69. №4. P. 345–346.

5. Brinton C. James Mathew Thompson: The French Revolution//The Catholic Historical Review. 1946. Vol. 31.№4. P. 464–465.

6. Cobban A. Albert Goodwin: The French Revolution// The English Historical Review. 1954. Vol. LXIX. №271. P. 344–345.

7. Cobban A. The French Revolution: Orthodox and Unorthodox Interpretations// Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York, 1968. P. 275–287.

8. Cobban A. The Myth of the French Revolution// Cobban A. Aspects of the French Revolution. New York, 1968. P. 90–111.

9. Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford, 1980.

10. Goodwin A. Alfred Cobban: The Social Interpretation of the French Revolution// The English Historical Review. 1966. Vol. 81. №320. P. 611–612.

11. Goodwin A. The French Revolution. London, 1953.

12. H. R. James Mathew Thompson: The French Revolution//An Irish Quarterly Review. 1944. Vol.33. №129. P. 131–132.

13. Historian: J. M. Thompson. URL: http://alphahistory.com/frenchrevolution/historian -j-m-thompson/(дата обращения: 10.02.2016).

14. Lefebvre G. The Coming of the French Revolution. Princeton, 1947.

15. Lowrie W. James Mathew Thompson: The French Revolution//The History Teacher. 1988. Vol.21. №2. P.263.

16. Pugh R. Obituary: Professor Albert Goodwin//The Independent. 1995. September 27. URL: http://www.independent.co.uk/news/obituaries/obituary-professor-albert-goodwin-1603120.html (дата обращения: 10.02.2016).

17. Stewart J. H. Albert Goodwin: The French Revolution; Georges Lefebvre: Études sur la Révolution Française; Paul Harsin: La Révolution liégeoise de 1789// The Journal of Modern History. 1966. Vol. 28. №1. P.68–69.

18. Thompson J. M. The French Revolution. New York, 1945.

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, *jenu13@yandex.ru*

УДК 94(571.5)+ 314

СТРУКТУРА МЕЩАНСКОЙ СЕМЬИ УЕЗДНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕУДИНСКА)

Молонова Е.П.

Статья посвящена изучению структуры мещанской семьи уездного сибирского города Верхнеудинска во второй половине XIX – начале XX в. На основе анализа посемейных списков мещанского общества автор показывает различные формы семейной организации мещанской семьи и прослеживает их эволюцию на протяжении нескольких десятилетий. Вначале приближающаяся по своей структуре к крестьянской мещанская семья в конце XIX – начале XX в. постепенно теряет традиционные черты: уменьшается ее численность и упрощается внутренняя структура.
Ключевые слова: *типология семьи, мещанская семья, посемейные списки, Верхнеудинск.*

При изучении мещанского сословия большое значение имеет анализ структуры мещанской семьи, поскольку это позволяет проследить ее влияние на деятельность, материальный достаток, общественные предпочтения сословия. Проблем семейной организации в своих трудах касались многие исследователи социальной структуры российского общества [3; 5; 9]. Однако они в большей степени изучали крестьянскую и купеческую семью, тогда как мещанская исследована недостаточно. К тому же анализ структуры и образа жизни мещанских семей проводился в городах центральной России, Урала и Западной Сибири. Исследований, выявляющих специфику мещанской семьи Восточной Сибири, на сегодняшний день нет.

Для анализа организации мещанской семьи Восточной Сибири мы избрали уездный Верхнеудинск – типичный провинциальный город Восточной Сибири, который, как и другие, даже крупные города региона, и в XX в. не стал промышленным узлом, продолжая играть роль торгово-административного центра [10, с.16]. Его специализацию обеспечило удачное расположение на пересечении торговых трактов на Баргузин и приграничную Кяхту, а также слиянии судоходных рек Уды и Селенги, что предоставляло широкие возможности для торговли и извоза, которые в XIX в. были основными занятиями верхнеудинского мещанства. Проведение Транссибирской железнодорожной магистрали еще больше активизировало торговые связи, втянув в торговую сферу даже мещан с незначительным капиталом.

Как и в других городах, в Верхнеудинске, мещанство, относящееся к городскому сословию, было наиболее многочисленным, составляя в городской социальной структуре больше трети населения: в 1877 г. – 35,2 %, 1880 г. – 38,7 %, 1884 г. – 44,8%, 1889 г. – 36,7%, 1893 г. – 36,7%, 1907 г. – 31,9% [2, Оп.1. Д.220. Л.17; Д.260. Л.3; Д.476а, Л.29; Д.714. Л.18; Д.1018. Л.21; Д.2124. Л.51]. Транссибирская магистраль, повлекшая за собой общий рост населения города, особенно «вырастила» ряды верхнеудинских мещан: к 1916 г. их в городе насчитывалось в 2,9 раза больше, чем в 1899 г. [6, с.31]. К тому же межсословные перемещения, интенсивность которых во второй половине XIX - начале XX вв. увеличилась [9, с.138], делали мещанское сословие одним из наиболее мобильных. Достаточно было купцу не возобновить гильдейское свидетельство и не объявить капитал, чтобы оказаться в числе мещан. Такие случаи бывали довольно часто: купцы стремились уменьшить расходы, связанные с приобретением торгового свидетельства [2, Оп.1. Д.219. Л.3-6,11,20,21; Д.768. Л.5,7; Д.1949. Л.6]. К мещанскому сословию причислялись и крестьяне, в том числе из иных губерний. В свою очередь, мещанство являлось основным источником пополнения купеческого сословия: после выкупа гильдейского свидетельства мещанин с семьей «записывался» в купцы. Это был наиболее частый способ исключения из мещанского сословия, реже – переход на государственную службу [2, Оп.1. Д.219. Л.16] или в духовенство [2, Оп.1. Д.219. Л.1-2]. Причисление и исключение из мещан производилось постановлениями Забайкальской Казенной палаты по ходатайствам Верхнеудинской мещанской управы.

Для характеристики мещанской семьи Верхнеудинска мы использовали посемейные списки, которые наряду с переписями и исповедными росписями относятся к наиболее массовым источникам, содержащим сведения о семейном состоянии. Уже созданные списки с течением времени дополнялись новой информацией до тех пор, пока не появлялась необходимость составления другого посемейного списка. Посемейный список мещан г. Верхнеудинска, датированный 1892 г., включает информацию о 256 мещанских семьях. Списки составлялись на основе ревизских сказок, в них регулярно делались записи о новорожденных, вновь прибывших, умерших. Последние записи в посемейные списки вносились уже в 1920 г., что дает возможность проследить тенденции изменения структуры мещанских семей на протяжении более 30 лет. Каждая страница посемейного списка представляет собой специальный бланк, заполненный по единому стандарту. Вся содержащаяся в нем информация «укладывалась» в семь столбцов:

1) № по порядку;

2) фамилия, имя и отчество главы семьи. (Как правило, это мужчины, но могли быть и женщины, например, вдовы). После главы семьи перечислялись остальные члены семьи с указанием родства и возраста;

3) возраст на 1 января 1914 г. (посемейный список основан на ревизских сказках и стал формироваться в виде отдельного тома в 1914 г, но данные в список вошли с 1892 г.), особые пометки в связи с выбытием из членов семьи, например, в связи со смертью (в ряде случаев указывается ее причина: утонула, заблудилась), замужеством дочерей;

4) грамотность;

5) род деятельности всех членов семьи, имеющих работу;

6) наличие и характеристика недвижимого имущества, наличие домашних животных;

7) судимость.

Данная форма не была единой для всех городов Российской империи. Например, посемейные списки мещан Тюмени за 1875 и 1910 гг. включают 11 столбцов: 1) № по порядку; 2) № по ревизской сказке; 3) фамилия, имя и отчество лиц мужского пола в семье; 4) возраст по ревизии; 5) возраст на 1 января года составления списка; 6) дата рождения по метрике; 7) отметка о прибытии и убытии лиц мужского пола после составления посемейного списка; 8) отметка о поступивших по призыву на действительную службу; 9) имя и отчество лиц женского пола в семье; 10) возраст; 11) отметка о прибытии и убытии лиц женского пола после составления посемейного списка [12, с.29]. Сравнив столбцы, можно сделать вывод о наличии более полной информации по мещанским семьям Верхнеудинска, включающим данные не только по составу и движению членов семьи, но и иные данные, позволяющие более полно охарактеризовать род деятельности, достаток мещанских семей.

Принципы классификации семьи в исторической демографии отличаются большим разнообразием. Из всех существующих подходов к классификации и типологизации семей мы выбрали разработанный группой ученых под руководством П. Ласлетта [8, с.132–158]. Он имеет большое распространение, а с учетом имеющегося в нашем распоряжении источникового материала и цели исследования типология П. Ласлетта, адаптированная к особенностям окружного /уездного городов, является наиболее предпочтительной. Суть ее заключается в том, что в типологический анализ семьи включаются только родственники по крови или супружеству, без прислуги и других жильцов.

При анализе мещанских семей г. Верхнеудинска мы выделили три формы семейной организации:

1. Простая малая, или нуклеарная, семья, состоящая только из супругов, супругов с неженатыми детьми либо вдовца или вдовы с потомством. Главным признаком такой семьи является то, что она основана на супружеских узах. Если один из родителей умирает, то овдовевший супруг или супруга с детьми все равно рассматриваются как супружеская семья, поскольку эта детско-родительская единица появилась в результате брака.

2. Расширенная семья, состоящая из супружеской пары с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях, т.е. сестры, братья, один из родителей супругов и т.д. В том случае, если дополнительный член – входящий в состав семьи представитель старшего поколения, то семья считается восходящей. Если речь идет о внуках, племянниках, то семья квалифицируется как нисходящая. Наличие брата, сестры или кузенов главы семьи квалифицирует семью как расширенную по боковой линии.

3. Составная, или сложная семья, включающая две и более супружеские пары. В эту категорию входят также и так называемые большие патриархальные отцовские, или братские, семьи (если объединяют супружеские пары братьев и сестер), которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3–5 и более супружеских пар.

Анализ распределения семей с различным типом внутренней структуры показал, что во второй половине XIX - начале XX большинство семей Верхнеудинска имели простую семейную ячейку, которую составляли, как правило, родители с неженатыми детьми, хотя представлены и все иные формы организации семей.

Таблица 1

Структура мещанских семей Верхнеудинска в 1892г. [1]

Тип семьи	Число семей	%
Нуклеарные (простые малые) семьи:	186	72,6
Полные	156	60,9
Неполные	25	9,76
супружеская пара без детей	5	1,95
Расширенные семьи	29	11,3
Составные семьи:	41	16,1
Отцовские	37	14,4
Братские	4	1,56
Всего	256	100

Определенную долю составляли различные варианты расширенной семьи. Очень часто в таких семьях с родителями (нередко с одним из оставшихся в живых) жили дети, при этом старший сын был женат, имея иногда и собственных детей. Количество таких семей колебалось в пределах 5–15%, составляя примерно половину всех расширенных семей. В Верхнеудинске к восходящим семьям можно отнести 17 семей; 15 семей включают мать главы семьи, главу семьи, его супругу и детей. Семья вдовы Пелагеи Никаноровны Шитиковой включает троих детей и свекровь [1. Оп.1. Д.4. Л.115], семья Иннокентия Иннокентьевича Стрилоцкого – отца главы семьи 75 лет, жену и троих детей [1, Оп.1. Д.4. Л.47]. К нисходящим семьям можно отнести семью Александра Дмитриевича Ступакова, воспитывавшего двух племянников – детей умершего брата [1, Оп.1. Д.4. Л.41]. Довольно распространенными вариантами расширенных семей были такие, где вместе с супружеской парой и их детьми проживали братья и сестры – мы выделили 11 таких семей. Сложные по типу внутренней структуры семьи (отцовские и братские) были в меньшинстве, их совокупная доля не превышала 12%.

Расширенные и составные семьи в основном были небогаты, жили в одном доме. Все, как правило, кроме главы семьи, были неграмотны и занимались сельским хозяйством или служили чернорабочими. Это вполне вписывается в структуру занятий жителей Верхнеудинска, который, несмотря на статус крупного торгового центра, обладал «сельскими» чертами. Как и во многих сибирских провинциальных городах, достаточно высокий процент населения занимался земледелием и огородничеством, даже в 1912 г. в городе с 16,6 тыс. населения

имелось около 1,5 тыс. голов скота [7, с.96]. Таким образом, более 40 % мещанских семей Верхнеудинска приближались к крестьянским – и по структуре, и по укладу жизни.

Согласно типологиии Ласлетта выделяются еще и одиночные семьи – одинокие мужчины или женщины, записанные под отдельным номером. При характеристике мещанских семей Верхнеудинска мы сознательно не стали выделять этот тип, т.к. одиночных семей в посемейных списках не обнаружено, хотя активно колонизируемый регион даже в конце XIX в. все еще значительно отличался половой диспропорцией (по Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. мужчины в Верхнеудинске составляли 62,3 % населения города [11, с.2-3]. Это существенно отличает верхнеудинских мещан от мещанских семей городов центральной России, Западной Сибири, Урала, где исследователи отмечают наличие достаточно высокого процента одиночных семей - до 8-15% от их общего количества [4; 5; 12].

Количество семей вдов и вдовцов с детьми, не вступивших в повторный брак, составляет 15, т.е. 5,8% от всего числа семей.

Среди всех мещанских семей пять брачных пар (все супруги старше 50 лет) не имеют детей, одна брачная пара «воспитывает приемную девочку шести лет». Внебрачные дети практически отсутствуют (мы обнаружили только двоих).

Ниже мы приводим таблицу численности детей в простых семьях, где оба супруга живы. В посемейном списке мещан Верхнеудинска таких семей 186.

Таблица 2

Число детей в мещанских семьях [2]

Число детей в семье	Количество семей	Процент (%)
1	39	20,8
2	57	30,5
3	44	23,6
4	30	16,1
5	10	5,4
6	4	2,6
7	1	0,5
8	1	0,5

Как видим, в большинстве семей было по одному, два или три ребенка (20,8, 30,5 и 23,6% соответственно), 16,1% семей имели четверых детей, 5,4 % семей – пятерых. Самыми многодетными были семьи Александра Ивановича Ступакова и Алексея Прокопьевича Мордовского. В семье Ступакова было восемь детей. Эта простая семья, где еще ни один из детей не вступил в брак, – пример близости крестьянской и мещанской семей в провинциальном сибирском городе: глава чернорабочий, основу жизнедеятельности составляет хозяйство: четыре коровы, три лошади, два теленка [1, Оп.1. Д.4, Л.10]. Семья Мордовского по использованной нами типологии является расширенной по восходящей линии и включает семерых детей и престарелую мать. Семья проживает в собственном доме и занимается сельским хозяйством [1, 19. Оп.1. Д.4, Л.10].

В списке есть семьи и с б**о**льшим количеством детей, но это уже, как правило, дети от разных браков. Достаточно большое количество мужчин (11,3%) сочетались вторым браком, трое – третьим. Женщины после смерти мужа оставались вдовами, что объясняется скорей всего нежеланием мужчины идти в семью женщины и воспитывать чужих детей – даже с риском при имеющейся половой диспропорции остаться одиноким. В посемейных списках нами обнаружен только один случай вступления женщины во второй брак.

Средний брачный возраст мещан Верхнеудинска – 26-28 лет для мужчин и женщин – заметно отличался от такового в городах Западной Сибири, где возраст женихов-мещан, вступавших в первый брак, составлял в среднем 24-25 лет, а мещанских невест в большинстве случаев – 19-21 год [5, с.116-117.]. Естественно, и первые дети появлялись достаточно поздно: в 23% мещанских семей в возрасте 28-33 лет [1, Оп.1. Д.4, Л.2,8,11,24,26,31,37,40-42]. И если высокий брачный возраст ссыльных можно объяснить судами, этапами, обустройством на новом месте, то по отношению к мещанам оно годится лишь в том случае, если их натурализация в Сибири затянулась по времени: от причисления отбывших поселение к крестьянам до их последующего перехода в мещанское сословие.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в целом верхнеудинской мещанской семье были присущи многие особенности, характерные для мещанских семей сибирских городов. Высокий процент простых семей говорит о процессах модернизации семьи, в которые в исследуемые период был втянут и забайкальский регион. Вместе с тем и достаточно высокая доля сложных семей при сохранении патриархального уклада и приверженности традициям позволяет сделать вывод о сохранении «сельских» черт уездным городом с неизбежным притоком населения из округов/уездов и о «сельских» чертах самого сословия, в значительной мере пополнявшегося за счет крестьянства. Отсутствие одиночных семей и относительно высокий брачный возраст, что является специфической особенностью мещанской семьи Верхнеудинска, демонстрирует две противоположные тенденции. С одной стороны, долгий «путь в мещанство» в регионе ссылки, когда на этом пути человеку приходится преодолевать несколько ступеней социальной лестницы; с другой – обретение семьи задолго до достижения «конечной цели», т.е. включения в городское сословие.

The article is devoted to the study of the structure of the philistine family in a provincial Siberian city Verkhneudinsk in the second half of XIX – early XX century. On the basis of the analysis of family lists of philistine society, the author shows various forms of family organization of the philistine family and traces their evolution over several decades. In the beginning approaching in structure to the peasant, the philistine family in the late XIX – early XX century is gradually losing its traditional features: reduces the number and simplifies the internal structure.
***Keywords**: typology family, the philistine family, family lists, Verkhneudinsk.*

Список литературы

1. ГАРБ. Ф. 19. Оп. 1, Л. 2 – 257.
2. ГАРБ. Ф. 10. Оп.1. Д. 219. Л.1-2, 3-6, 11, 16, 20, 21; Д. 220. л.17; Д. 260. Л. 3; Д. 476а. Л .29; Д.714. Л.18; Д. 768. Л. 5, 7; Д.1018. Л. 21; Д.1949. Л.6; Д. 2124. Л. 51.
3. Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е XX в.) // Семья в ракурсе социального знания: Сб. науч. стат. Барнаул: Изд-во НП «Азбука». 2001. С. 97- 108.
4. Бурдина Г.М. Структура городской семьи Вятской губернии во второй половине XIX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. №1. С. 14 - 19.
5. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2002. 284 с.
6. Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.). Иркутск: Изд-во «Облмашинформ», 2001. 208 с.
7. Кальмина Л.В. Экономическое пространство провинциального сибирского города на рубеже XIX - XX вв. // Власть. 2011. № 7. С. 93 – 96.
8. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сборник статей. М.: Статистика, 1979. С. 132–158.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.: В 2 т. 3-е изд. СПб.: «Дмитрий Буланин, 2003. XL». 548 с.
10. Тужиков В.И. Развитие капитализма в промышленности и рабочий класс Западной Сибири во второй половине XIX века (1861-1891 гг.): Автореф. …канд. ист. наук. Томск. 1964.
11. Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXIV. Забайкальская область. СПб.: Изд. Центрального Статистического Комитета МВД, 1904. X. 183 с.
12. Юнусова Л.В. Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начала XX в. (на основе посемейных списков // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). История. Вып. 51. С. 29–33.

Об авторе

Молонова Екатерина Петровна – аспирантка Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, директор центра юридического образования Байкальского филиала Гуманитарного института (г. Москва), *molonova1975@mail.ru*

УДК 94.47

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Сайфуллова Р.Р.

В данной статье представлены профессиональные характеристики учителей в Российской империи во второй половине XIX века. Автор приходит к выводу, что главными показателями учительского профессионализма в этот период являлись уровень образования учителя, политическая и нравственная благонадежность. Работа с архивными материалами, статистическими сведениями, законодательными актами и данными периодики позволила осуществить глубокий анализ профессиональных характеристик учителей. Автор рассматривает их в контексте существовавших в Вятской губернии типов школ с их целями образования и воспитания. Автор обращает внимание на то, что реформирование системы образования полностью зависело от общественно-политических условий, складывавшихся в этот период в Российской империи. В первую очередь, это было связано с развитием революционного движения и возрастающим недовольством населения незавершенной политикой русских императоров. В этой связи рост общественного недовольства вызывал реакцию со стороны властей, которые стремились сохранить незыблемое самодержавие. Подобную реакцию можно было осуществлять только в условиях контроля pf системой образования в целом.
***Ключевые слова**: учитель, образование, приходское училище, уездное училище, гимназия, прогимназия, Вятская губерния, XIX век.*

Сегодня в России важное место в законотворчестве уделяется реформированию системы образования. Не остался без внимания и вопрос отбора педагогических кадров в российских школах, поскольку учитель является творцом школьного дела, внедряющим инновации в современное образование. В 2012 году в Российской Федерации был разработан профессиональный стандарт педагога, полномасштабное введение которого началось с сентября 2014 года. Как определяет профессиональный стандарт, «педагог – это ключевая фигура реформирования образования» [5]. Попытки создания подобных стандартов существовали и в Российской империи во второй

половине XIX века, однако они ограничивались отдельными правилами отбора учителей, закрепленными в законодательстве, и в периодических изданиях, где отдельные авторы выражали убеждение в том, что необходим определенный порядок при приеме учителей и утверждении их в должностях. Во многом это зависело от целей обучения в государственных учебных заведениях Российской империи.

Принципы подбора учительских кадров во второй половине XIX века менялись в соответствии с внутриполитическими условиями жизни государства. В период государственных реформ Александра II школа играла в большей степени просветительскую роль. Наибольший интерес для нас представляет реформа народного просвещения, поскольку именно в это время дети из низших сословий получили широкие возможности для получения образования. Стали открываться приходские школы, гимназии и прогимназии, куда был открыт доступ детям без сословных различий. Был принят новый университетский Устав 1863 г. – университеты получили автономию.

Несмотря на эти положительные черты система народного просвещения в Российской империи второй половины XIX в. испытывала серьезные трудности. Наиболее остро стояли следующие проблемы:

- низкий процент грамотного населения по губерниям;
- нехватка квалифицированных педагогических кадров;
- слабое развитие женского образования;
- нехватка учебных заведений (в том числе начальных и высших);
- отсутствие всеобщего образования;
- отсутствие преемственности между различными типами школ [3].

Такая картина народного образования являлась общероссийской. Не стала исключением и Вятская губерния. В рамках нашего исследования нас больше интересуют первые две проблемы, вытекающие одна из другой: низкий процент грамотности в губернии и нехватка квалифицированных педагогических кадров. Низкий процент грамотного населения по губернии явился одним из негативных последствий нехватки образованных в предметном и педагогическом отношениях учителей.

В народных училищах Вятской губернии в 1856 году учителей из духовного звания было 67 %, светских учителей – 33 % [1, с.82-83]. Обращаясь к послужным спискам по отдельным уездам видно, что, например, учителя Глазовского уездного училища за 1858 г., представлены мещанами (44 %), священниками (22 %), остальными сословиями (дворяне, военные, казаки – 34 %) [2, лл.10-45]. Показательным является то, что резко меняется педагогический состав в период правления Александра III. Александр III пришел к власти после убийства отца народовольцами в 1881 году. Трагическая гибель императора способствовала тому, что государство стало жить в русле новой реакционной политики самодержавия. Борьба с нарастающим революционным движением предполагала жесткий контроль над школами и учителями в том числе. Доступ к преподаванию для лиц податных сословий стал перекрываться. Доказательством этому могут служить сведения о сословном составе в земских училищах Вятского уезда за 1887-1888 учебный год: духовенство – 39 %, дворяне, чиновники, почетные граждане – 36 %, купцы, мещане, крестьяне, солдаты – 25 % [9, с.96]. Учителя из лиц духовного звания не лучшим образом исправляли свои должности. И это резко негативно сказывалось на успехах народного образования и уровне грамотности по губернии в целом. Доказательством этому факту могут служить следующие отзывы об учителях – священниках: «по представлению директора училищ Управляющему Палатой, наставник Мултанского училища редко посещает училище и поручает смотрение за учениками церковному сторожу; наставника Спасского училища занятия по церкви и приходу отвлекают от училища, что заметно по успехам мальчиков; Верхокобрского училища – холоден в обращении с мальчиками и равнодушен к их успехам; Вондамского – недостаточно заботлив, отчего мальчики мало развиты» и т.д. [1, с.85-87]. Результатом этого стал низкий уровень грамотности населения губернии. В 1875 году грамотных женихов было 9,56 %, а невест – 1,33 % [4]. По результатам Всеобщей переписи населения в 1897 году в Вятской губернии было выявлено 16 % грамотных мужчин и женщин [6].

Несмотря на нехватку педагогического персонала на законодательном уровне предписывались правила отбора кандидатов на учительские должности. Это напрямую было связано с постановкой дела образования в каждой из типов школ.

Существовавшие в Вятской губернии учебные заведения ставили перед собой различные цели. Приходские школы создавались для первоначального обучения, уездные – для профессиональной подготовки или для поступления в гимназию, гимназии становились необходимой ступенью для поступления в университеты. В соответствии с целями подготовки в каждом из этих типов учебных заведений велась подготовка педагогического персонала. Неразвитость педагогического образования в стране усложняла эту задачу. Эта проблема оставалась актуальной до начала XX в. Попытки создания педагогических курсов при университетах и открытие учительских семинарий частично решали эту проблему, поскольку по завершении курса обучения некоторые выпускники обязывались поступать на работу в средние учебные заведения (гимназии, прогимназии). Что же касается педагогического персонала в начальных учебных заведениях (приходских школах и уездных училищах), то здесь имели возможность преподавать выпускники гимназий. Однако в отчетах министру народного просвещения и статистических сведениях видно, что далеко не все служащие учителя имели высокий образовательный ценз. По сведениям о состоянии земских училищ Вятского уезда учителей, окончивших полный курс в духовной семинарии – 1, окончивших 4 класса – 1, не окончивших курса семинарии – 1, курса гимназии – 2, курса реального училища – 1, завершивших обучение в уездном училище – 1, получивших домашнее образование – 2 [9, с.85].

Таким образом, даже при отсутствии необходимого образования, кандидаты в учительские должности принимались на работу. Это связано с увеличением количества школ и наличием большого числа вакантных мест.

Рассмотрим порядок отбора учителей для каждого из выше означенных типов школ.

Согласно статье 11 Устава гимназий и училищ уездных и приходских от 8 декабря 1828 года учителем приходского училища мог стать кандидат любого сословия, утвержденный Штатным Смотрителем уезда. При этом кандидату необходимо доказать, что он обладает необходимыми знаниями в области предмета, который намеревается преподавать и специальными педагогическими знаниями. Наряду с этим уделялось важное значение нравственным качествам и поведению кандидата [11]. В соответствии с этим главным показателем готовности учителя к преподаванию в приходском училище были нравственная благонадежность и знания по предмету и методам преподавания.

Более сложная процедура избрания на учительскую должность была в уездных училищах. Согласно Приложению к статье 353 главы IV Свода законов Российской империи издания 1857 года, устанавливались специальные испытания для определения в должность *уездных учителей* [7]. Означенные испытания бывали двух родов: общие и частные. Общие испытания назначались для тех, кто не имел аттестата об успешном окончании полного курса в одном из государственных учебных заведений. Эти испытания проводились с целью определить уровень общих знаний кандидата, однако с большим упором на предмет, который он намеревался преподавать. Частные испытания предполагались для лиц, имеющих образование и аттестаты об успешном окончании учебных заведений.

К общему испытанию кандидаты могли допускаться только в случае наличия вакантных мест. Иными словами, кандидаты, не имеющие аттестата об образовании, были неконкурентоспособны, если в конкурсе принимали участие выпускники университетов.

В обоих случаях при сдаче главного предмета учитывались глубокие знания кандидата о предмете, который он намерен преподавать и демонстрация педагогических умений при проведении пробного урока.

После прохождения всех испытаний, звание уездного учителя мог получить лишь тот кандидат, который получил высшую оценку по результатам испытаний.

В средних школах большое внимание уделялось образовательному цензу будущего учителя. Согласно Уставу гимназий и прогимназий от 19 ноября 1864 года, в этих школах имеют право преподавать лица, утвержденные попечителем учебного округа. При этом кандидат должен иметь аттестат об окончании высшего учебного заведения или о завершении обучения на педагогических курсах. [10].

Наличие подобных испытаний на звание учителя в изучаемый период весьма оправдано, поскольку давало возможность в некоторой степени обеспечивать однородность в педагогической среде, отбирая лучших из лучших. Однако ситуация была далека от идеальной, поскольку не все кандидаты, завершившие педагогические курсы или семинарии, поступали работать в школу. Это было связано с невысоким социальным положением учительства по губернии и в целом по Российской империи.

В правовом отношении учителям предоставлялись некоторые привилегии. Согласно статье 61 Свода законов Российской империи лица, определяемые в должности учителей уездных, приходских и других училищ ведомства Министерства народного просвещения освобождались от подушного оклада, то есть исключались из податных сословий [8]. А позднее, с 1874 года, освобождались от действительной службы в мирное время [12]. Хотя это и привлекало многих учителей, нехватка учителей продолжала оставаться серьезной проблемой. Большее число учителей требовалась для начальных народных училищ, поскольку их было большее количество. Однако условия жизни и труда народных учителей оставалось незавидными, что усиливало проблему «повального бегства учителей из школ» [13].

Таким образом, во второй половине XIX века главными критериями профессионализма учителей при отборе во все типы школ были наличие специального (предметного) и педагогического образования, политическая и нравственная благонадежность. Однако увеличение числа учащихся и сети начальных и средних учебных заведений создавали серьезную проблему нехватки квалифицированных педагогов и принятия на работу в школу лиц, не имеющих достаточного образования для работы в школе, следствием чего явился низкий уровень грамотности населения. Кроме того, в период правления Александра III резко изменилась политика в области образования и главной целью воспитания подрастающего поколения было недопущение распространения революционных идей в массы населения. Принимаемые на должность учителей лица духовного звания с этой задачей справлялись. Система народного образования в этот период была подчинена господствующей идеологии и была направлена на воспитание подрастающего поколения в качестве подданных самодержавной России.

This article presents the professional characteristics of teachers in the Russian Empire in the second half of the nineteenth century. The author comes to the conclusion that the main indicators of teacher professionalism in the studied period was the level of education of teachers, political and moral trustworthiness and knowledge of subject and pedagogical relations. Working with archival materials, statistical information, legislative acts and data of periodicals allowed to carry out deep analysis of professional characteristics of teachers. The author examines them in the context of existing in Vyatka province types of schools with their aims of education and upbringing. The author draws attention to the fact that the reform of the education system is completely dependent on the socio-political conditions emerging in this period in the Russian Empire. Primarily, this was due to the development of the revolutionary movement and the growing dissatisfaction of population with the incomplete policy of the Russian emperors against peasants, workers, the preservation of feudal survivals and the slow pace of capitalist development. In this regard, the growth of public discontent caused a reaction from the authorities who sought to preserve intact the autocracy. A similar reaction could be carried out only in conditions of full control over teachers and the education system as a whole.

Keywords*: teacher, education, parish school, district school, gymnasium, progymnasium, Vyatka province, XIX century.*

Список литературы

1. Блинов Н.Н. Народное образование в Вятской губернии за последние 10 лет. – Вятка: Издание Вятского губернского земства, 1875. 352 с.
2. ГАКО. Фонд 205. Оп. 5. Дело 66. Канцелярия директора народных училищ. Лл. 10-45.
3. Крапоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в.: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 160 с.
4. Нурминский С. Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении в Вятской губернии.– Вятка: 1875. С. 69 с.
5. Профессиональный стандарт педагога // http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders.
6. Процент грамотного населения в КУО // Крапоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX вв. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 63.
7. Свод законов Российской империи 1857. О определении к должностям // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб.: Типография Рогальского и ко. С. 6-9.
8. Свод законов Российской империи 1857. Устав о службе по определению от правительства // Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. СПб.: Типография Рогальского и ко. С. 3-5.
9. Статистические сведения о состоянии земских училищ Вятского уезда за 1887-88 уч/г. Вятка: Издание Вятского уездного земства, 1889. С. 185 с.
10. Устав гимназий и прогимназий от 19 ноября 1864 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.3. СПб.: Типография С.В. Балашева, 1876. С. 1420-1444.
11. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8.12.1828 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отделение первое. 1825-1855. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. С. 200-262.
12. Устав о воинской повинности 1874 г. [Электронный ресурс]. URL: http://imha.ru/1144523930-ustav-o-voinskojj-povinnosti. (Дата обращения: 07.02.2016).
13. Хроника об образовании // Образование. 1901. № 1. С. 42-57.

Об авторе

Сайфуллова Рариля Рауиловна – аспирантка кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского Приволжского федерального университета, *Rasilya91@yandex.ru*

УДК 94(470.67)

КОМЕНДАНТ КРЕПОСТИ СВЯТОГО КРЕСТА: ПРАВА И ПОЛНОМОЧИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА КАВКАЗЕ (1722-1735 гг.)[1]

Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О., Абдусаламов М.-П.Б.

В статье, на основе анализа архивных материалов фондов «Дербентский комендант» и «Комендант крепости Святого Креста» и исторической литературы, рассматриваются права и полномочия коменданта Святого Креста как представителя российской администрации на Кавказе в 1722-1735 гг. По мнению авторов, Святой Крест являлся не только политическом центром взаимоотношений дагестанских владетелей с Россией, но и важным стратегическим пунктом противодействия турецко-крымской агрессии на Кавказе. В юрисдикцию коменданта Святого Креста входили административные, политические, финансовые и хозяйственные функции.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Петр I, Каспийский поход, Дагестан, феодальные владения, комендант, Святой Крест, Низовой корпус.*

В результате Каспийского похода Петра I 1722-1723 гг. территория Приморского Дагестана от Аграханского залива до Дербента включительно, оказалась в составе Российской империи. Российское правительство приняло ряд мер для закрепления достигнутого успеха в прикаспийских землях. Одним из таких мер было строительство крепостей и укреплений. В данной статье речь и пойдет об основании крепости Святого Креста, о системе его военно-административного управления.

Об обстоятельствах основания Святого Креста дореволюционные авторы оставили весьма ценные сведения. Так, по сведениям А.А. Неверовского, по завершении похода Петр I «оставив гарнизон в Дербенте, и назначив ген.-майора Матюшкина Главным начальником прибрежных Каспийских областей, император выступил к Сулаку», куда прибыл 20 сентября 1722 г. [1, с.16]. На левом её берегу, в расстоянии 20 верст от устья, он лично заложил крепость Святого Креста [2, с.108-109].

Место, выбранное для постройки крепости, было не случайным. Как писал И.И. Голиков, «Сие избранное Монархом место имело великие выгоды, потому что было там довольно для строения лесу и для скота пастьбы, и что можно было посредством онаго содержать в обуздании Дагестанцов и иметь сообщение с Дербентом» [3, с.266].

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 16-31-01067

На строительство крепости Святого Креста государством было израсходовано немало денежных средств. Но дело этого стоило. Святой Крест являлся мощным по того времени укреплением с шестью бастионами. В нем были сконцентрированы внушительные воинские силы с артиллерией (гарнизон в количестве 1384 чел. и 21 пушкой). Комендантом Святого Креста был назначен подполковник Леонтий Соймонов [4, с.28].

Строительство Святого Креста было завершено к осени 1724 г. Это была значительная крепость, фронтом обращенная на юг, где горизонт закрывался скалистыми дагестанскими горами.

Император Петр I в своем подписанном от 22 сентября 1724 г. указе на имя генерал – лейтенанта М.А. Матюшкина, предписывал перевести в Святой Крест гарнизон и жителей Терского городка [5, с.85-86].

Российские власти оказывали помощь переселенцам с обустройством на новом месте. Так, в указе Верховного Тайного Совета от 22 июля 1726 г., говорилось: «Сего июля 22 дня указами мы по доношениям из Сената: терским дворянам и новокрещенным казакам, и мурзам, и окочанам, для перевода их из Терского гарнизона в крепость Святого Креста, на подъем и на строение домов по 2 рубля на семью» [6, с.55].

В Святой Крест по приказу Петра I также были переселены жившие вблизи Терков черкесы Нижней Кабарды [7, с.431].

В полуверсте от Святого Креста и была построена Охочинская слобода, заселенная горцами, находившимися на российской службе под командованием служилого кабардинского князя Эльмурзы Черкасского [8, с.140].

С момента завершения строительства Святого Креста и вплоть до ее срытия в 1735 г. в нем был размещен императорский гарнизон, находившийся в подчинении командующего Низовым Корпусом. Командование данным гарнизоном непосредственно осуществляли генералы, назначенные сюда Военной коллегией и командующим Низовым корпусом. В Святом Кресте вся полнота власти принадлежала коменданту. В его руках концентрировалась вся военная, гражданская и политическая власть, как в самой крепости, так и за ее пределами. Так, все нити военного и гражданского управления на Северо-Восточном Кавказе исходили из Святого Креста и находились в руках коменданта данной крепости [9, л.2]. В обязанности коменданта входили:

1) управление находящимся в Святом Кресте гарнизоном;

2) надзор за порядком, спокойствием в крепости и вне нее;

3) охрана города от врага.

В его юрисдикцию входили административно-политические, финансовые и хозяйственные функции [10, с.45].

Хранящиеся в ЦГА РД архивные материалы подробно освещают обязанности коменданта как начальника гарнизона.

По данным архивных материалов, Военная Коллегия систематически отправляла запросы в Святой Крест о количестве служащих при крепости военных чинов и казаков, сколько лет служат штаб - и обер-офицеры в гарнизоне, а также вело строгий учет, сколько прибыло, убыло, умерло, находятся в отлучках, а также о том, сколько военных чинов налицо при полках. Комендант обязан был оформлять ответы на запросы в виде ведомостей и отправлять их в Военную Коллегию за каждый месяц, треть и год [11, л.16]. По указу Военной Коллегии от 4 апреля 1729 г. комендант подавал сведения за 1724-1728 гг., сколько при полках артиллеристов и при них артиллерийских лошадей, а также отправлял ведомости, сколько выдавалось артиллерийским лошадям фуража из магазинов за прошлые годы [12, л.5]. Комендант Святого Креста был обязан регулярно сообщать в Военную Коллегию, в каком году и сколько в каждый полк куплено лошадей [13, л.19]. Канцелярия главной артиллерии и фортификации в сентябре 1733 г. обязывала коменданта посылать сведения, сколько в наличии ружей в Святом Кресте и о содержании арсенала в соответствующем порядке [14, л.102].

Военная Коллегия систематически требовала присыпать обстоятельные ведомости от каждого полка о мундирных и амуничных вещах [15, л.49]. Анна Иоанновна своим указом от 13 сентября 1731 г. требовала от коменданта амуницию и артиллерию содержать в порядке, если есть нехватка, то надо заранее ее восполнить. В Святом Кресте чувствовалась существенная нехватка медикаментов. В связи с этим комендант не раз обращался в Астрахань с просьбой об их доставке. На основании императорских указов (13 сентября 1731 г.) провиантские магазины поручались в ведение коменданта. По провиантским делам коменданту следовало обращаться в Крикс – комиссариат. Запасные провиантские и другие магазины передавались в ведомство астраханского губернатора. Военная коллегия обязывала присылать ведомости, о наличии в магазине годного и негодного провианта, а также присылать ведомости провиантмейстеров от каждого полка, приходно-расходные книги о фураже, провианте, амуниции, мундире и прочих вещей [16, л.29].

Комендант был обязан строго следить за расходом денежного жалованья в полках, регулярно присылать сведения о том, как и на что, расходуется денежная казна [17, л.3], присылать ведомости от каждого полка о суммах, оставшихся от пошива мундиров и «строения» амуничных вещей, с сообщением, какое количество денег из года в год бывает в остатке от выдачи жалованья. На основании указа Петра II комендант (от 17 мая 1727 г.) присылал остаток денег от выдачи жалованья военным чинам. Кроме того, в обязанность коменданта входили меры по изъятию из наличного оборота денежных знаков. Так, на основании указов Анны Иоанновны генерал-аншеф В.Л. Левашов приказал коменданту крепости Святого Креста денег 1713, 1718, 1726 гг. - пятикопеечников и копеек, «серебряных гривенников, также и малых медных копеек, полушек, денежек, в казну, в сборы не принимать и ни в торговлю и на провиант в покупку не употреблять, и велено эти деньги, собрав, отправить в Военную Коллегию» [18, л.17].

Комендант Святого Креста был обязан заботиться и о лошадях гарнизона. Он заботился о том, чтобы лошади,

убывшие в отлучку с людьми, были возвращены назад в крепость. Военная Коллегия требовала от коменданта ведомостей от каждого полка, сколько лошадей в полках было и сколько в комплекте не состояло с 1723 по 1729 гг. [19, л.30]. Комендант должен был принимать меры для ликвидации задержек в выплате жалованья гарнизону. Так, 14 апреля 1731 г. комендант Д.Ф. Еропкин обратился к командующему Низовым Корпусом генерал-аншефу В.Я. Левашову о выплате жалованья нерегулярному войску полковника князя Э.Черкасского, так как «из-за задержки в выплате жалованья они претерпевают великую нужду» [20, л.8]. На основании указа Анны Иоанновны от 30 апреля 1733 г. коменданту крепости Святого Креста предписывалось, «чтобы при полках штаб - и обер-офицеры не использовали драгун, и солдат ни в каких партикулярных работах под угрозой жестокого штрафа только при обер-офицерах при каждом имеется по одному солдату для варения каши и печения хлебов вместо денщиков для того, чтобы определенные денщики при оных не имеются понеже требуются в добавку» [21, л.74-75].

Кроме прямых обязанностей по охране и управлению городом, комендант выстраивал отношения с местными владетелями, вступившими в российское подданство, брал у них аманатов, заменял одних аманатов другими. Вплоть до 1729 г. в Святом Кресте содержался бойнакский владетель Мехти Муртазалиев, а до этого в аманатах находился его брат Будай Муртазалиев. В 1734–1735 гг. Мехти Бойнакскому и его братьям Сурхай-шамхалу и Солтан-Мурату выдавалось жалованье: первому – 150 руб., остальным по 25 руб. на год [22, с.83].

Круг полномочий коменданта Святого Креста был довольно широким: он непосредственно связан с коллегией иностранных дел, налаживал взаимоотношения между дагестанскими и кабардинскими владетелями, по распоряжению правительства выдавал им жалованье; вел переписку с ними, поддерживал связи с Закавказьем, защищал интересы России перед иностранными государствами. Он имел тайный шрифт для переписи с петербургскими коллегиями и русскими резидентами, находившимися в восточных странах.

В хранящихся в ЦГА РД архивных фондах содержатся важные сведения о сношениях комендантов с дагестанскими народами и их владетелями. В обязанность коменданта входило регулярно посылать в горы к владетелям для разведывания «О неприятельских горских народов воровских людях». В качестве разведчиков комендант использовал самих дагестанцев. Так, 2 марта 1728 г. для этих целей был послан кумык Осман Буракин из Кумторкалы. На дорогу ему было выдано 5 рублей. Кроме того, комендант регулярно использовал казаков для посылки в горы «для некоторого Его Императорского Величества интересу». Деньги, посылаемые в горы русским и горским людям «для некоторого Ее Императорского Величества интереса» выдавались по приказу комендантов из канцелярии гражданского суда. Комендантны нередко занимались розыском угнанных горцами лошадей и вели переговоры с дагестанскими владетелями (шамхалом Тарковским и др.) об их возвращении или о денежной компенсации за них [23, л. 49].

Святой Крест играл роль административно-политического центра Северного Кавказа. Находящиеся в российском подданстве кумыкские феодальные владетели, как и северокавказские владетели в целом, получали в крепости жалованье, награды и подарки. За то, что Айдемир Эндиреевский не присоединился в 1733 г. к войску крымского хана во время его похода через Дагестан и сохранил верность России, указами от 6 и 7 ноября 1733 г. был награжден жалованьем в 300 руб., а его брат Алибек – в 100 руб. 18 февраля 1735 г. генерал-аншеф В.Я. Левашов предписал выдать за треть сентября 1734 г. жалованье кумыкским владетелям Мегди-беку Бойнакскому и его братьям Сурхай-шамхалу и Солтан-Мурату по прежнему окладу: Мегди-беку 100 руб., а двум братьям по 25 руб. в год. Сверх того, Мегди-бек получил 50 руб. за 1734 г. и 34 руб., т. е. всего 84 руб. Его братьям выплачено по 9 руб., а общая сумма составила 102 руб. В 1735 г. на жаловании состояли следующие кумыкские феодальные владетели (они получали его еще с 1722 г. – Н.Ч., А.М., М.-П.А.): аксаевский владетель Алибек Солтанмамутов, который получал 250 руб. в год; теперь же, когда от него требовалась только верность, а не служба, жалованье было урезано до 180 руб.; костековский воевода князь Алиш Хамзин получал оклад 100 руб., а по вышеуказанной причине стал получать 60 руб. и т.д. Из Святого Креста отпускали им свинец, порох, кремень и другие военные припасы. Здесь разбирались и жалобы феодальных владетелей. В крепости велись переговоры и вырабатывались условия вступления того или иного владетеля в подданство России.

В постройке крепости на Сулаке кумыкские владетели увидели упрочение власти России в регионе и стали изъявлять стремление к вступлению в российское подданство: так, в 1723 г., согласно просьбе, были приняты в российское подданство Айдемир Эндиреевский с братьями и ногайцы, кочевавшие по рекам Сулак и Аграхань. К коменданту крепости не раз обращались князья Засулакской Кумыкии и шамхал Тарковский по вопросам своих подданнических отношений.

Для России являлось важным держать в повиновении одного их самых влиятельных дагестанских владетелей – шамхала Адиль-Гирея Тарковского, что и было достигнуто строительством крепости Святого Креста, находившуюся в 37 верстах от его резиденции – Тарки, а аулы «шамхалов владения» кочевали у стен крепости, к коменданту которой обращался за помощью и сам шамхал в случае угрозы неприятельского нападения.

Сюда же прибывали дагестанские феодальные владетели «для некоторых Его Императорского Величества интересу». Так, 24 мая 1729 г. прибывшему для этих целей в Святой Крест бойнакскому владетелю Эльдару Муртазалиеву было выдано на его содержание из средств местных доходов «кормовые деньги» - по 50 коп. на день, а узденям его, на 10 человек, каждому на день по 3 коп. 8 февраля 1733 г. прибывшим в крепость Святого Креста кумыкским владетелям было выплачено кормовое жалованье 21 руб. 31 коп. [24, л.121].

Здесь же местные правители присягали на верность и подданство России. Так, в 1727 г. аварский хан дал

в крепости Святого Креста присягу на подданство России. В сентябре 1731 г. «андийцы», весь народ», добровольно приняли российское подданство и в том присягнули в Святом Кресте. Здесь же содержались и аманаты от местных владетелей [25, с.416].

По замыслу Петра I Святой Крест должен был способствовать упрочению российского влияния в Кабарде, о чем свидетельствует тот факт, что командование горцами слободы Охочинской было поручено кабардинскому князю. Местоположение крепости недалеко от границ Кабарды должно было в случае необходимости обеспечить помощь кабардинцам в их борьбе против крымских и кубанских татар и тем усиливать российскую партию среди кабардинских князей.

Однако роль Святого Креста на Северном Кавказе этим не ограничивалась. Крепость служила надежной защитой от иноземной агрессии. Генерал-майор Д.Ф. Еропкин не раз высылал военные отряды для защиты кабардинцев от набегов крымского хана, вступал в дипломатическую дуэль с последним, требуя от него возвращения награбленного у кабардинцев имущества или возмещение причиненного ущерба [26, с.73-74].

Гарнизону крепости пришлось воевать с турками-османами. Весной 1733 г. генерал-майору Д.Ф. Еропкину стало известно, что крымский хан для войны с Персией решил провести свои войска к ее границам через Кабарду и Дагестан. Когда войска крымского хана вторглись в пределы Северного Кавказа, генерал-майор Д.Ф. Еропкин выступил из крепости Святого Креста и двинулся к Кабарде, чтобы задержать врага. Летом 1733 г. в Чечне между Аргуном и Белой произошло сражение. Разбитые крымско-османские войска вынуждены были отступить, но обходными путями они все, же отправились на юг к иранским границам. Это явилось поводом для развязывания русско-турецкой войны 1735–1739 гг., в которой отчасти решался и кавказский вопрос.

Коменданты, кроме того, через своих агентов знали обстановку в феодальных владениях, старались быть в курсе всех замыслов местных владетелей. Если нужно было разведать положение во враждебной стране, комендант тайно посылал туда своих доверенных людей. Эта миссия часто выпадала на долю узденей князя подполковника Эльмурзы Черкасского. Через Святой Крест обычно ехали в Петербург послы и другие представители северокавказских владетелей, грузинские цари и царевичи, крупное купечество. Все они лишь с дозволения коменданта могли покинуть крепость [27, л.53].

Делами гражданского населения крепости ведали Особая канцелярия и гражданский суд. Гражданский суд рассматривал споры между туземными жителями, случаи воровства и т. д. Основное внимание гражданский суд уделял торговым делам. В целях полного сбора пошлин он пристально следил за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировал приезд и отъезд торговых людей, выдавал им письменные разрешения на выезд в другие города и страны [28, с.80].

Только по справочным данным гражданской канцелярии крепости Святого Креста за 1729 г. подали прошение о разрешении выехать в Шемаху, Баку, Гилянь и Решт водным путем 26 купцов и торговых людей; в Дербент – 32 человека, в Кабарду – 16, в гребенские казачьи городки для торговли и покупки там рыбы – 23, в ногайские и другие аулы – 11 человек; морским и сухим путем до Астрахани – 59 человек. Всего, судя по этим документам, из крепости Святого Креста должно было выехать более 180 купцов-торговцев, не считая работников. В 1729 г. в канцелярию гражданского суда поступили письменные просьбы о разрешении выезда из крепости: от крепостного крестьянина помещика Салтыкова костромского уезда Афанасьева до Гиляни водой «для торгу», от нижегородского «купеческого человека» Иванова морским путем до Гиляни; татарина Абдуллы Обметова, который хотел «ехать до торгу» в Астрахань»; ярославского приказчика Никитина, просившего разрешение о выезде на судне астраханца Фадеева до Гиляни; от маркитантов из переяславского и вологодского уездов на выезд в Россию. Грузины и армяне просили разрешение на поездку в Персию. Как правило, купцы выезжали из крепости Святого Креста в сопровождении пятерых работных людей [29, д.42, л.53].

Таким образом, вышеизложенный материал свидетельствует, что крепость Святого Креста играла важную роль в экономической и политической жизни региона, она являлась в глазах северокавказских феодальных владетелей олицетворением упрочения российского влияния на Западном и Южном побережье Каспийского моря.

The article, based on the analysis of archival material assets "Derbent commander" and "The commandant of the fortress of the Holy Cross" and the historical literature, discusses the rights and powers of the Holy Cross as the commandant of the representative of the Russian administration in the Caucasus in 1722-1735 years. According to the authors, the Holy Cross was not only the political center of the Dagestani rulers relations with Russia, but also an important strategic point counter-Crimean Turkish aggression in the Caucasus. The jurisdiction of the commandant of the Holy Cross were administrative, political, financial and economic functions.
Keywords: *North Caucasus, Peter I, the Caspian campaign, Dagestan, fiefs, the commandant of the Holy Cross, a lower body.*

Список литературы

1. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен.-учеб. завед., 1848. 42 с.

2. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008. 192 с.

3. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М.: Университетская тип., 1789. 448 с.

4. Абдусаламов М.-П.Б., Алигаджиева, З.А. Русско-турецкое противоборство на Кавказе и кумыкские феодальные владения в первой четверти XVIII в.//Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2011. Вып. 9. С. 20-35.

5. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в 1722 – 1735 гг.: проблемы кавказской политики в регионе. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. 210 с.

6. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М.: Наука, 1988. 357 с.

7. Пушкин А.С. История Петра. М.: Наука, 1965. 656 с.

8. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723 гг. М.: Изд-во МГУ, 1951. 247 с.

9. ЦГА РД. Ф. 382. Комендант крепости Святого Креста. 0п. 1.

10. Чекулаев Н.Д. Низовой корпус на Кавказе: История гарнизона крепости Святого Креста: (1722 – 1735 гг.). – Махачкала: Тип. ИП Султанбегова Х.С., 2011. – 206 с.

11. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 382. 0п. 1. Д. 15.

12. ЦГА РД. Ф. 18. 0п. 1. Д. 46.

13. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 28.

14. ЦГА РД. Ф. 18. 0п. 1. Д. 78.

15. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 27.

16. ЦГА РД. Ф. 18. 0п. 1. Д. 35.

17. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 27.

18. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 28.

19. ЦГА РД. Ф. 18. 0п. 1. Д. 70.

20. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 27.

21. ЦГА РД. Ф. 18. 0п. 1. Д. 57.

22. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1906. 468 с.

23. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 29.

24. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 23.

25. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. Т. I. 544 с.

26. Гаджиев В.Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 270 с.

27. ЦГА РД. Ф. 382. 0п. 1. Д. 42.

28. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2001. 226 с.

Об авторах

Чекулаев Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, *bratzikow1974@mail.ru*

Муртазаев Арсен Омарович– кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук, *arslist777@mail.ru*

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, *vikingpasha@mail.ru*

УДК 94(47).084.6

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 20 – 30-Х ГОДАХ М.Н. ТУХАЧЕВСКИМ.

Черниловский А.А.

Статья посвящена взглядам советского военачальника Михаила Николаевича Тухачевского, сделанным им в 20 – 30-х годах прогнозам надвигавшейся в то время новой мировой войны, дается оценка достоверности этих прогнозов.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, прогноз, роль социально-экономических факторов на войне, военная техника, пролетарская революция, профессиональные и призывные армии, авиация, танки, химическое оружие, десант, приграничное сражение.*

Личность, деятельность и военно-теоретическое наследие маршала Тухачевского хорошо изучены в отечественной историографии.

Будучи крупным военным теоретиком и публицистом, Тухачевский в 20 – 30-х гг. поднимал в своих работах тему будущей мировой войны. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы изложить прогнозы, сделанные красным военачальником и оценить, насколько они оказались адекватны той реальности, в которой развернулась Вторая мировая война.

Статья не претендует на то, чтобы охарактеризовать все военно-теоретическое наследие Тухачевского.

Биографические задачи автором статьи не ставились вообще.

М.Н. Тухачевский указывал, что экономические факторы являются решающими на войне, определяют ее облик. В 1928 г. в статье «Война как проблема вооруженной борьбы», написанной им для Большой Советской энциклопедии, говорилось: «Формы войны развиваются в полном соответствии с ростом производительных сил» [7, с.3].

В современной войне роль политических и экономических факторов еще более возрастает: «Ведение войны в современную эпоху перестало быть делом одного полководца-стратега и перешло в руки правительства. Являясь продолжением политики, война вместе с тем не означает отмены или замены ее» [7, с.4].

Тухачевский отмечал, что экономические факторы играют большую роль при составлении плана войны и в то же время существует обратное воздействие подготовки к войне на развитие производительных сил страны: «План войны должен соразмерить строительство вооруженных сил с целями войны, а также с развитием промышленности, в частности военной промышленности и с промышленной мобилизацией. Эта связь идет дальше, она охватывает мобилизацию всего народного хозяйства. Соразмерение имеет и обратное действие: в настоящее время все страны развивают свое народное хозяйство с учетом потребностей войны. <…> Вопросы дислокации промышленности (особенно же энергетического хозяйства, химической промышленности и т.д.) получают свое разрешение под давлением не только текущих экономических, но и будущих военных потребностей. В плане войны должны быть оперативно учтены вопросы дислокации крупной промышленности, система электрификации как у себя, так и у противника» [7, с.5-6].

На рубеже XIX – XX вв. многие военные теоретики прогнозировали остановку промышленности и массовую безработицу в военное время [1; 2; 5]. Первая мировая война опровергла эти прогнозы, а уровень развития экономики в конце 20-х гг. был гораздо выше, чем в 1914 г.

Тухачевский писал по этому поводу: «Империалистическая война далеко двинула вперед развитие тяжелой индустрии. Разоряя народное хозяйство, война вместе с тем, ввиду колоссального потребления металлов, топлива и разных видов сырья двинула вперед сталелитейную и машиностроительную промышленность, производство энергии и, наконец, целый ряд отраслей химической промышленности. Послевоенный период <…> превысил довоенный уровень производств, обслуживающих войну. Однако не столь значительны в этом отношении количественные, сколько качественные сдвиги. Промышленность капиталистических стран, сумевших стабилизировать свое положение, переживает мощный процесс рационализации и реконструкции» [7, с.17].

Возросшие производительные силы приведут к тому, что будущая война превзойдет по масштабам Первую мировую и будет вестись гораздо более мощной и разнообразной техникой: «Экономические сдвиги, произошедшие после империалистической войны, создают для будущих войн расширенный технический промышленный базис; каждая крупная страна в отдельности, а тем более коалиция разных стран будут значительно более независимы, чем раньше, в отношении сырьевых ресурсов. Будущие войны в смысле их масштаба и напряжения борьбы уйдут вперед по сравнению с войной 1914 – 1918 гг. Увеличение ресурсов и развитие техники обогащают будущие войны громадными средствами автотранспорта, авиации и военной химии, не говоря уже о хранящихся в тайне новых, не употреблявшихся до сих пор боевых средствах, которые если и не в полной мере проявятся в будущих войнах, то во всяком случае, увидят свое первое применение» [7; с.20] – писал Тухачевский.

Этот прогноз почти полностью осуществился, за исключением того, что во Второй мировой войне почти не применялось химическое оружие. Действительно, Вторая мировая война многократно превзошла Первую по масштабам и жертвам; действительно авиация и автотранспорт играли в ней огромную роль; действительно применялись технические средства, неизвестные в Первую мировую войну, – радиолокация, реактивная артиллерия, магнитные морские мины, а на заключительном этапе Второй мировой «увидели свое первое применение» ракеты и атомное оружие.

Особое значение красный полководец придавал росту электроэнергетики: «Электрификация, заключающаяся в создании мощных электростанций, потребляющих самое дешевое топливо и эксплуатирующих энергию рек, соединяющая эти станции высоковольтными линиями электропередач и, таким образом, централизующая, но и рассредоточивающая энергетическое хозяйство, придает совершенно новый характер экономической уязвимости страны. <…> К борьбе за коммуникации морские, речные и железнодорожные добавляется борьба за пути питания электрической энергией» [7, с.18]. Этот прогноз оказался несостоятельным: ни во Второй мировой войне, ни в последующих вооруженных конфликтах борьба за линии электропередач не играла никакой роли.

Тухачевский напоминал, что успехи химической промышленности играли большую роль в Первой мировой войне: «После того как оперативный план Шлиффена сорвался, и Франция не была выведена из строя в первые же месяцы в 1914 г., <…> невозможность получать чилийскую селитру, необходимую для производства порохов, должна была повлечь для Германии катастрофу в самый короткий срок. Однако этого не случилось именно потому, что Германия была страной с наиболее сильно развитой химической промышленностью. Новые открытия (синтетический азот) и возможность их промышленной реализации создавали совершенно новые условия, облегчавшие Германии ее сырьевые затруднения в условиях полной блокады» [7, с.19]. В будущей войне значение успехов химической промышленности будет еще больше: «Довоенное производство анилиновых красок из каменного угля развилось в настоящее время в производство самых разнообразных продуктов. Из каменного угля производятся нефть, бензин, газолин и т.д. Искусственно может быть получен каучук. Таким образом страна, не имеющая нефтяных запасов, не может

быть поставлена в безвыходное положение, и ее автомобильная и авиационная мощь не может быть подорвана. Азотная промышленность, производя искусственные удобрения и тем разрешая многие продовольственные затруднения, вместе с тем непосредственно обслуживает производство пороха, вытесняя чилийскую селитру. Производство из древесины и отбросов хлопка целлюлозы <…> будет иметь крупнейшее значение в военное время, так как мирное производство может быть легко переключено на производство порохов» [7, с.19-20].

Под влиянием опыта Первой мировой войны многие советские военные теоретики полагали, что будущая война тоже окончится революцией, что именно революция, а не вооруженные силы, решит исход войны. Констатируя существование таких теорий, Тухачевский писал: «Длительность империалистической войны, преобладание в ней по времени позиционных форм, поражение страны, обладающей лучшей армией и действовавшей наиболее решительно (Германия), окончание войны действием не столько военных, сколько социальных и других факторов – вызвали в послевоенной военно-теоретической литературе немало течений, характеризующихся неверием в возможность окончить войну вооруженным насилием» [7, с.11].

Сам Тухачевский более реалистично смотрел на этот вопрос. Хотя он говорил о такой возможности, но подчеркивал, что пролетарская революция не может начаться в самом начале будущей войны: «Организации рабочего класса противопоставляются организованность и вооружение буржуазии. Во время империалистической войны мы еще не знали мощных вооруженных фашистских организаций. Буржуазия готова к борьбе с революциями неизмеримо больше, чем это было во время империалистической войны. Социал-демократические партии будут еще больше поддерживать и обслуживать войны империалистов. Революции, т. е. превращение войн империалистических в гражданские неизбежны, но они не начинаются немедленно с началом войны» [7, с.20].

На практике «превратить империалистическую войну в гражданскую» во время Второй мировой войны оказалось еще гораздо труднее, чем прогнозировал Тухачевский в конце 20-х гг. К тому времени, когда началась война, фашисты в Германии были не просто союзником буржуазии против коммунистов, они обладали монополией власти. Кроме того, вопреки прогнозам Тухачевского, социал-демократические партии в странах фашистского блока были уничтожены задолго до войны, поэтому они при всем своем желании просто не могли «поддерживать и обслуживать войны империалистов».

В то время в европейской военной мысли была популярна теория отмирания массовых призывных армий, их замены малыми профессиональными армиями. Тухачевский внес немалую лепту в критику этих теорий. В 1931 г., в предисловии к советскому изданию работы одного из апологетов «малой профессиональной армии», английского генерала Джона Фуллера «Реформация войны» красный военачальник писал: «Критикуя современные армии, Фуллер проводит знак равенства между численностью и мускульной силой. <…> Можно ли рассчитывать на то, что с заменой «силы человека силой машины» уменьшится численность армии, как это высказывает Фуллер? Конечно нет. Ведь идею малой армии, вытекающую из замены мускульной силы машиной, Фуллер якобы берет из области общепромышленного технического развития. Но из этого развития вытекает как раз обратное. Разумеется, чем более совершенствуются машины, тем большей становится продукция одного рабочего. Но отсюда вовсе не следует, что с ростом технического прогресса численность рабочего класса уменьшается. Наоборот, если не считать периодов кризисов капитализма – общее развитие производительных сил и технический прогресс неизменно сопровождались численным ростом пролетариата. Тот же процесс мы наблюдаем и в развитии вооруженных сил. Замена мускульной силы машиной не только не содействует уменьшению численности армии, но как раз наоборот, неизбежно влечет за собой рост ее массовости, так как такой военно-технический прогресс является выражением роста производительных сил страны и выбрасываемой ей массы техники на поля сражений» [7, с.151-152].

Одним из аргументов сторонников «профессиональной армии» была неповоротливость многомиллионных масс. Критикуя этот аргумент, Тухачевский писал: «Массовая армия вовсе не является и синонимом неповоротливости. Наоборот, пути моторизации и применения самолета сделают эти возросшие массы много подвижнее старых армий и придадут большую решительность стратегическим действиям» [7, с.153].

Помимо использования этих вполне рациональных аргументов, Тухачевский ссылался на коммунистическую идеологию. Так, он цитировал резолюцию VI конгресса Коминтерна, в которой говорилось: «Грядущая мировая империалистическая война будет не только механизированной войной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, но вместе с тем войной, которая охватит многомиллионные массы населения воюющих стран» [7, с.153].

Ниже сам Тухачевский писал: «Большую войну в современных условиях можно вести только массовой механизированной армией. <…> Предполагать обратное – значит предполагать, что в случае новой большой войны капитализм может благополучно отделаться от превращения империалистической войны в гражданскую» [7, с.153].

Критика концепции «профессиональных армий» оказалась верна. Вторая мировая война, как и Первая, велась вооруженными народами. Переход от призывных армий к профессиональным действительно начался, но лишь в 70-х гг. XX в., на совершенно другом уровне развития экономики и техники, причем этот переход остается далеко не завершенным даже в наше время.

В начале 30-х гг. Тухачевский говорил, что для подготовки к будущей войне уже недостаточно опыта минувшей мировой войны. Даже в боях 1917 – 1918 гг. танки, авиация, химическое оружие оставались вспомогательными средствами, лишь дополнявшими пулеметно-артиллерийское сражение. В начале 30-х гг. ситуация совершенно иная: «В настоящее время условия развития военных воздушных сил и танковых войск коренным

образом отличаются от тех условий, в которых они развивались в конце империалистической войны» [7, с.181]. Тухачевский справедливо говорил, что «авиамотомеханизация», как он называл переход армий к машинной боевой технике, коренным образом изменит соотношение сил обороны и подавления в пользу последнего.

Рассуждая о перспективах развития военной техники, Тухачевский констатировал, что развитие самолетов в начале 30-х гг. идет по пути:

1. Увеличения высотности вплоть до полетов в стратосфере, что сделает бомбардировщики неуязвимыми для зенитной артиллерии;
2. Усиления вооружения, что позволит истребителям завязывать бой на дистанции в несколько километров;
3. Создания новых авиационных двигателей, причем помимо совершенствования поршневых моторов, «крайне секретно, но интенсивно ведутся работы по созданию реактивного мотора» [7, с.183].

Наряду с этим Тухачевский сделал нелепый прогноз, что в авиации якобы будут применяться дизельные двигатели.

О перспективах воздушной войны Тухачевский в 1932 г. говорил следующее: «Военно-воздушные силы выросли в настоящее время в столь могущественный боевой фактор, что их совместные действия с сухопутной армией или морским флотом, которые были основным видом действий во время империалистической войны, в будущем явятся лишь вспомогательными. Решающее значение будут иметь так называемые самостоятельные действия воздушных сил во взаимодействии с сухопутными или морскими силами в более широком масштабе. Самостоятельные действия осуществляются как бомбардировочными, так и десантными операциями. Десанты высаживаются как при помощи парашютов, так и путем посадок на наиболее подходящих площадках» [7, с.184].

Прогноз Тухачевского о том, что решающее значение в будущей войне будут иметь «самостоятельные действия авиации» (т. е. стратегические бомбардировки) оказался верным лишь по отношению к Западному фронту. На других театрах основной задачей авиации оставалась непосредственная поддержка сухопутных войск (на советско-германском фронте) и кораблей (на Тихом океане). Вместе с тем, совершенно верным оказалось утверждение красного военачальника, что большое значение в будущей войне будет иметь новый род войск, воздушный десант.

Отмечая, что важнейшей задачей является создание танков, способных проходить большие расстояния, не прибегая к перевозкам по железной дороге и в кузове тяжелых грузовиков, Тухачевский ошибочно видел решение этой проблемы в создании колесно-гусеничных, плавающих и летающих танков. В действительности магистральным путем развития танкостроения оказалось совершенствование гусеничных танков.

Кроме того, Тухачевский предполагал, что потребуется одновременно создавать пулеметные танки для уничтожения вражеской пехоты, артиллерийские танки для борьбы с танками и противотанковой артиллерией противника, саперные танки, танки-транспортеры пехоты. Вторая мировая война опровергла эти прогнозы, признание в ее ходе получили лишь артиллерийские танки.

Тухачевский полагал, что танкам нужен запас хода в 150 – 200 километров. Между тем уже в конце 30-х гг. этот прогноз был далеко превзойден: переход к дизельным двигателям позволил повысить запас хода танков до 400 – 500 километров.

Говоря об организации войскового тыла в будущей войне, Тухачевский отмечал, что задачи здесь усложнились; тыл «должен одновременно бесперебойно снабжать массовую артиллерийскую армию, питать горючим и ремонтировать механизированную армию и снабжать авиамотомеханизированные десанты в тылу противника» [7, с.191].

Растет роль автомобильного транспорта: «Автомобильный и тракторный транспорт будет иметь значение на участках не только от железнодорожных станций и до боевых частей, но и значительно глубже. Борьба противника с железнодорожным тылом путем применения авиации будет создавать пробки и заедание железнодорожных участков, при которых автотранспорту нередко придется подавать снабженческие грузы со значительной глубины. Наконец, нельзя упускать из виду и той особой роли, которую в ближайшем будущем сможет играть воздушный транспорт» [7, с.191-192].

М.Н. Тухачевский в 1934 г. писал, что пограничное сражение в будущей войне будет протекать совсем не так, как в Первой мировой: «Пограничная полоса стала очень уязвимой со стороны противника. В первую очередь эту уязвимость создают воздушные силы, во вторую – механизированные соединения, усиливаемые пограничной конницей и стрелковыми частями на автомобилях. Действия мехвойск опираются на сковывание тыла противника, на разрушение его железнодорожных средств, на массовую выброску авиадесантов, производимых воздушными силами. Этот новый характер пограничных действий, во-первых, может сорвать производство мобилизации в пограничной полосе, а во-вторых, сорвать сосредоточение к границам массовой, многомиллионной армии» [7, с.212].

В пограничной полосе, по словам Тухачевского, невозможно создать сборные пункты, потому что они были бы легкой целью для вражеской авиации, и мобилизованные массы были бы деморализованы и частично уничтожены еще до того, как попали бы в части. Более надежна персональная приписка мобилизуемых контингентов к частям, что позволило бы максимально децентрализовать мобилизацию в пограничной полосе и уменьшить потери от воздушных налетов. Но в любом случае мобилизация подвергается опасности со стороны воздушных десантов противника: «Движение мобилизованных людских масс, как без сборных, так и со сборных пунктов, вплоть до войсковых частей производится без их вооружения. Движение больших масс без строгой организации и вооружения чревато большими опасностями и неожиданностями. В современных условиях вполне осуществимо организовать массовый, но широко разбросанный сильно вооруженный десант, который

будет сильнее вооруженных сил местных властей и против которого будут совершенно беспомощны мобилизованные массы населения. Пропаганда и деморализация, которые принесет авиация противника, могут полностью развалить мобилизацию. Кадры войсковых частей могут, конечно, вступить в бой с десантами, но, во-первых, они сами могут быть атакованы мехчастями и конницей из-за границы, в условиях полной изолированности, создаваемой десантами, и, во-вторых, шансы на успех в действиях против авиадесантов, которые будут применять подвижную партизанскую тактику, невелики» [7, с.213].

Таким образом, мобилизация в пограничных районах будет сорвана.

Что касается развертывания главных сил, выдвигающихся к границе из глубины страны, то оно может быть сорвано воздушными ударами по железнодорожной сети: «Противовоздушная оборона может быть более или менее успешно осуществлена в районах железнодорожных узлов, но почти неосуществима на перегонах. Зенитное вооружение воинских и прочих эшелонов не может быть очень серьезным, особенно против внезапно атакующих штурмовиков, так как с поезда трудно заметить или услышать приближение самолетов, летящих укрыто, используя складки местности. Авиационные десанты еще более прочно могут закрепить этот срыв сосредоточения, как путем создания крушений эшелонов, так и путем взрывов мостов» [7, с.213-214].

Тухачевский исходил из того, что штурмовик будет совершать один вылет в сутки; для уничтожения идущего эшелона достаточно 3 штурмовиков; для восстановления движения по железной дороге требуется 5 – 6 часов. Если даже допустить при этом, что потери штурмовой авиации будут очень велики – 100% в месяц, то все равно получается, что достаточно 12 штурмовиков в строю и 12 в резерве, чтобы в течение месяца совершать воздушные налеты через каждые 6 часов и совершенно парализовать одну железную дорогу. Если к границе ведет, например, 10 железнодорожных линий, то для срыва развертывания достаточно 240 штурмовиков [7, с.214].

Советский штурмовик начала 30-х гг. Р-5 имел радиус действия 450 километров, польские и японские штурмовики того времени имели схожие характеристики. Исходя из того, что вражеские аэродромы будут расположены в среднем в 150 километрах от границы (более близкое расположение будет опасно), и что штурмовик идет к цели не по прямой, а по «ломаному» маршруту, Тухачевский определил полосу надежного поражения в 250 километров от границы. Примерно такой же будет глубина полосы авиадесантного поражения [7, с.215-216]. Таким образом в этой полосе стратегическое развертывание будет полностью сорвано, если только не будет принято особых предупредительных мер. Налеты на более глубоко расположенные железнодорожные узлы в период пограничного сражения не могут носить систематического характера.

Далее Тухачевский анализирует несколько вариантов будущего пограничного сражения.

В первом возможном варианте ни одна сторона не примет новых, неизвестных мер. Тухачевский так описывал этот сценарий: «Тогда железнодорожное сосредоточение будет сорвано в обе стороны от границы, и отмобилизованным армиям придется сгружаться разделенными пятисоткилометровой полосой. Внутри этой полосы будут вестись беспорядочные столкновения между пограничными гарнизонами и местными войсками с одной стороны, и десантными и прорвавшимися отрядами противника с другой. Главным силам обеих сторон, выгрузившимся из эшелонов, придется совершать сложный марш-маневр. <…> Столкновение главных сил произошло бы лишь через полмесяца где-либо в районе границы» [7, с.216-217].

Второй возможный вариант выглядит так: «Одна из сторон, лучше подготовившаяся к новым формам войны, предпримет ряд мер, которые сорвут усилия противника по нарушению стратегического сосредоточения. Тогда главные силы сторон к моменту сгружения из эшелонов окажутся разделенными полосой глубиной до 250 километров и столкновение главных сил могло бы произойти примерно через неделю, но уже глубоко на территории противника» [7, с.217].

В третьем варианте обе стороны предпримут меры, заключающиеся, как нетрудно догадаться, в нападениях на авиацию противника. В таком случае ход пограничного сражения будет зависеть от исхода боевой деятельности авиации [7, с.217].

Эти прогнозы Тухачевского оказались ошибочными. Описывая три варианта приграничного сражения, он совершенно не предвидел того варианта, который осуществился в июне 1941 г., да и в других кампаниях Второй мировой войны: когда главные силы армии вторжения будут заблаговременно развернуты на границе до начала войны, полномасштабные бои начнутся с первых часов, войска обороняющегося, развернутые на границе, будут раздавлены превосходящими силами противника, а войскам, расположенным в глубине территории, придется беспорядочно вступать в бой.

В середине 30-х гг. Тухачевский уже считал, что главным вероятным противником СССР станет гитлеровская Германия. Весной 1935 г. он писал в статье, опубликованной в журнале «Военный сборник»: «Придя в январе 1933 г. к власти, Гитлер заявил, что ему потребуется четыре года для уничтожения кризиса и безработицы в Германии. Эта национал-социалистская демагогия так и осталась пустой демагогией. За то, как теперь становится ясным, за этим демагогическим планом скрывался другой, гораздо более реальный четырехлетний план создания гигантских вооруженных сил. В самом деле, уже на второй год власти национал-социалистов число дивизий, разрешенных Германии Версальским договором было утроено, достигнув 21. Была создана запрещенная тем же договором военная авиация. Германская военная промышленность практически вступила на путь все прогрессирующей мобилизации. <…> Практическим завершением этой программы является объявленный национал-социалистским правительством закон о всеобщей воинской повинности и о сформировании 36 дивизий мирного времени. Таким образом, уже на

третий год власти Гитлера вооруженные силы Германии, только сухопутные, достигают мощности довоенной Германии, если учесть, что мобилизационное развертывание в Германии теперь производят утроением, а не удвоением (из 7 дивизий развернуты 21). Наличие сильной авиации делает эту армию еще более сильной» [7, с.233].

О внешнеполитических планах нацистского диктатора Тухачевский писал: «Гитлер заявил о том, что по отношению к СССР обстановка «заставляет Германию сохранить за собой свободу действий в будущем». При этом, по данным печати, Гитлер требует ослабления западных границ СССР» [7, с.238]; «Гитлер усыпляет Францию, ибо он не хочет давать повод к росту французских вооружений. Само собой разумеется, что империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего, нельзя отрицать, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914-1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить» [7, с.239]. Эти слова красного маршала трудно назвать иначе, чем пророческими.

Подводя итог, можно сказать, что М.Н. Тухачевский относительно адекватно прогнозировал Вторую мировую войну. Вместе с тем, ошибочными оказались его прогнозы о применении в будущей войне химического оружия, о характере приграничного сражения, о пролетарской революции в конце войны.

The article is devoted to the views of the Soviet military commander of Mikhail Nikolayevich Tukhachevskiy and made by him in 20 – 30-ies the forecasts of the imminent new world war at the time. It is given an estimation of the reliability of these forecasts.
Keywords: *the Second World War, the prognosis, the role of socio-economic factors in the war, military vehicles, the proletarian revolution, professional and draft armies, the air force, the tanks, chemical weapons, paratroopers, the border battle.*

Список литературы

1. Блиох И.С. Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях, т. 1-6. СПб, 1898.
2. Гулевич А.А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898. 188 с.
3. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонёк»; «Время», 2005. 576 с.
4. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 640 с.
5. Михневич Н.П. Основы стратегии: Курс Интендант. акад. СПб.: 1913. 252 с.
6. Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». Смоленск: Русич, 1999. 512 с.
7. Тухачевский М.Н. Избранный произведения, т. 2. М.: Воениздат, 1964. 264 с.

Об авторе

Черниловский Артем Александрович – доцент Орловского государственного университета (Карачевский филиал), *senior.chernilowsky2013@yandex.ru*

УДК [625.312:93]:[31:656+912.43:656](470.333+470.318)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МАЛЬЦОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (КАРТОГРАФО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Чибряков Я.Ю.

В статье исследуется история Мальцовской узкоколейной железной дороги. Особое внимание уделено спорным вопросам хронологии её развития. Впервые при изучении этой дороги в качестве источников использованы материалы ведомственной статистики и картографии Министерства путей сообщения Российской империи и Народного комиссариата путей сообщения РСФСР/СССР. Исследование проведено с учётом экономических и политических реалий России того времени.
Ключевые слова: *история транспорта, железные дороги необщего пользования, Мальцовская узкоколейная железная дорога, С.И. Мальцов, карты путей сообщения, статистика путей сообщения, Брянск, Дятьково, Людиново.*

Введение

Изучение истории формирования и развития железнодорожной сети в условиях нашей страны, где железные дороги являются одним из основных элементов территориального «каркаса» государства, имеет важнейшее значение. Без этого невозможно понять экономические, политические и социокультурные особенности освоения территории страны в целом и её отдельных частей.

В последние годы резко возросший в России интерес к истории железнодорожного транспорта вызвал выход в свет большого количества исследований в данной области. Характерно, что в отличие от дореволюционных и советских работ, нынешние исследования преимущественно посвящены истории отдельных железных дорог *необщего пользования*[1], в основном узкоколейных ведомственных линий, некогда игравших большую роль

[1] По железным дорогам *общего пользования* осуществляются коммерческие перевозки грузов и пассажиров на условиях публичного договора, с использованием единых правил перевозок для всех отраслей экономики и слоёв населения страны. По железнодорожным линиям *необщего пользования* осуществляются, как правило, перемещения грузов в процессе производства и перевозка работников на территории предприятий, а также обеспечивается взаимодействие с железнодорожным транспортом общего пользования.

в жизни регионов, на территории которых они находились. Примечательными публикациями по этой теме, в частности, стали книги С.Д. Болашенко, С.В. Костыгова, С.В. Гузенкова.

В исторических исследованиях уделено внимание и *Мальцовской узкоколейной железной дороге* – уникальному транспортному объекту. Известны статьи В.В. Жукова [5; 6; 7; 8], Т. Дукина [4], основанные на архивных материалах Мальцовского промышленно-торгового товарищества и его преемников, а также М.А. Шаненкова [40, с.25-32], опубликовавшего предоставленные В.В. Боченковым архивные документы Комитета по передвижению войск Генерального штаба.

Однако при изучении Мальцовской железной дороги до сих пор практически не были задействованы статистические и картографические материалы Министерства путей сообщения (МПС) Российской империи и Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) РСФСР/СССР. Изучению развития дороги с использованием этих материалов на разных этапах её развития и посвящена предлагаемая статья.

1. Предпосылки появления Мальцовской узкоколейной железной дороги

Мальцовский промышленный округ, располагавшийся в северной части Брянского уезда Орловской губернии, средней и южной части Жиздринского уезда Калужской губернии и восточной части Рославльского уезда Смоленской губернии, занимал площадь в 238 000 десятин (2600 км^2). В пору наибольшего развития заводской деятельности, при выдающемся русском предпринимателе Сергее Ивановиче Мальцове, здесь существовало 22 больших завода, которые давали работу 100 000 чел. [10, с.510]. К началу 1870-х годов транспортная инфраструктура была представлена водными путями сообщения (река Болва с тремя шлюзами и её приток река Ломпать), а также шоссейными дорогами суммарной протяжённостью 150 вёрст [28, с.20].

Тем временем, 24 ноября 1868 г. происходит событие, ускорившее модернизацию транспортной сети Мальцовского промышленного округа. Был сдан в эксплуатацию последний участок Орловско-Витебской железной дороги, прошедшей рядом с селом Радица-Чугунная, находившимся во владении С.И. Мальцова. Воспользовавшись благоприятными условиями, Мальцов принимает решение о сооружении Сергиево-Радицкого вагоностроительного завода.

Уже на следующий год строящийся завод был соединён с железнодорожной магистралью ширококолейным подъездным путём [9, с.38 табл.]. Однако резкое увеличение количества заказов на подвижной состав, в особенности перед Русско-турецкой войной 1876–1877 годов, потребовало усиления производственной кооперации между разбросанными довольно далеко друг от друга предприятиями и устойчивой круглогодичной связи главного механического и чугунолитейного Людиновского завода со станцией Брянск Орловско-Витебской дороги. Только железнодорожный транспорт соответствовал этим требованиям.

И 14 апреля 1876 года организованное С.И. Мальцовым для эффективного содержания и развития своих владений «Мальцовское промышленно-торговое товарищество» на общем собрании пайщиков в селе Дятьково единогласно принимает решение о строительстве железной дороги [28, с.24]. Предполагалось, что она станет линией *частного (необщего) пользования*.

Прежде всего, это избавляло от множества технических и финансовых согласований с МПС и Министерством финансов, а также от ряда платежей и сборов, и, соответственно, позволяло сэкономить время и деньги. Преимущества же владельцев инфраструктуры общего пользования – право законного отчуждения и экспроприации частных земель и зданий, необходимых под дорогу, и право самостоятельно устраивать безрельсовые дороги и водные пути – для Мальцовского товарищества были не актуальны, ввиду сосредоточения в его руках единой огромной территории с уже развитой сетью местных путей сообщения.

Поэтому представляется очевидным, что на начальном этапе своей истории Мальцовская железная дорога находилась вне сферы интересов МПС. Отметим, что к тому времени статистическая и картографическая деятельность данного министерства уже была сосредоточена в рамках Статистического отдела, созданного 15 сентября 1873 г. на основании повеления императора Александра II по инициативе министра путей сообщения в 1871–1874 гг., генерал-лейтенанта Алексея Павловича Бобринского [38, с.57].

2. Строительство и становление Мальцовской узкоколейной железной дороги (1877–1899 годы)

Известно, что дорога обладала весьма специфическими (для отечественной железнодорожной сети) техническими характеристиками. По инициативе главного инженера Мальцовских заводов, приглашенного ганноверского паровозо- и кораблестроителя Бассона, была выбрана ширина колеи в три фута (914 мм) [35, с.11], ранее в России не использовавшаяся. Это резко удешевляло строительство за счёт меньшего объёма земляных работ и эксплуатацию за счёт меньших удельных затрат на перевозку единицы объёма груза, а также, как отмечает В.В. Жуков [5, с.14] позволяло лучше приспособиться к существующей старинной заводской застройке.

Строительство железной дороги началось в мае 1877 года от Людинова, а в июне с другого конца – от Радицы [12, с.32]. Дорога проходила большей частью параллельно шоссе, в некоторых местах и по шоссе, и только кое-где уклонялась от него [32, с.13]. Современники отмечали, что строительство шло «…крайне быстро, без всяких подготовительных работ; изыскания проводились только по лесам и не везде; общего профиля дорог составлено не было… Единовременно с постройкой земляного полотна пробивались просеки в лесу, строились мосты и трубы… и от высоты [каждого] моста производили насыпи и делали выемки как где приходилось, и

следили за одним только, чтобы уклоны и подъёмы не превышали 0,025» [37, с.54]. Представляется очевидным, что проектная документация по строительству дороги в привычном для нас понимании, включая планово-картографические материалы, практически отсутствовала.

Уже 21 ноября 1877 г. С.И. Мальцов проехал по новой дороге длиной 74 версты первым сквозным поездом [12, с.32], а к середине 1880-х годов железнодорожная сеть развёрнутой протяжённостью 203 версты (из них 32 версты запасных и заводских) соединила все крупные предприятия Мальцовского промышленного округа.

До сих пор вызывает вопросы хронология сдачи в эксплуатацию отдельных участков железной дороги, географическое местоположение многих станций и остановочных пунктов. Отчёты Мальцовского товарищества довольно скудны на информацию о развитии железнодорожной сети. В протоколах общих собраний владельцев имеются лишь отрывочные сведения о строительстве важнейших линий, а в балансах товарищества указана только общая протяжённость построенных участков по годам. Сведения же свидетелей строительства и первого этапа эксплуатации дороги – известного журналиста В.И. Немировича-Данченко [18], подполковника Генерального штаба Петриского [1] и коммерческого агента Мальцовского товарищества А.И. Цубербиллера [37] недостаточно полно освещают данный вопрос, а зачастую и противоречат официальным отчётам.

Автором составлена картографическая модель развития Мальцовской железной дороги. В качестве основы взята современная топографическая карта масштаба 1:100 000, на которую с использованием картографических и статистических источников соответствующих лет были нанесены линии и станции железной дороги на разные годы её существования. Важную роль здесь сыграли материалы Министерства путей сообщения – «*Перечень линий, ветвей и станций железных дорог, открытых для общего пользования, и примыкающих к ним ветвей частного пользования»* (далее по тексту – «Перечень…») [29], содержащий строительную длину участков и расстояния между осями станций.

На основе сопоставления данных «Перечня…» о протяжённости участков с данными отчётов Мальцовского товарищества о количестве введённых в эксплуатацию вёрст линий по каждому отчётному году, а также привлечения указанных выше литературно-географических источников, автором составлена хронология начального этапа развития дороги (см. таблицу 1).

Таблица 1

Формирование Мальцовской узкоколейной железной дороги в 1877–1883 годах

Название участка	Протяжённость, вёрст	Год открытия движения	Год сдачи в постоянную эксплуатацию	Примечание
ст. Раздельная – ст. Людиново	73,5	1877	1879	
ст. Брянск Орловско-Витебской ж.д. – ст. Раздельная	3	1878	1879	
пл. Радица – ст. Раздельная	1	1879	1879	
ст. Раздельная – Сергиево-Радицкий завод	2	1879	1879	
ст. Любохна (стрелка 32-й версты[1]) – Любохонские заводы	1	1879	1879	Определено косвенно
ст. Сукремль – Сукременский завод	2	1879	1879	Определено косвенно
ст. Людиново – ст. Шахта – конец линии	34	1879	1880	
ст. Песочня-Нижняя – ст. Песочня – конец линии	6	1880	1882	Определено косвенно
ст. Людиново (стрелка 79-й версты) – ст. Ивано-Сергиевск	10	1880	1881	
ст. Ивано-Сергиевск – Ивано-Сергиевский завод	1,5	1880	1881	
ст. Дятьково – ст. Стайная	7	1881	1881	
ст. Стайная – завод Ивот	10	1881	1881	
ст. Стайная – завод Чернятичи	3,5	1881	1881	
ст. Стайная – завод Знеберь	2,5	1881	1881	
ст. Ивано-Сергиевск – ст. Песочня-Нижняя	14	1882	1882	Определено косвенно
ст. Куява-Птичина – пристань Птичина	6,5	1883	1883	Определено косвенно

Представляет интерес сравнение полученной автором хронологии с данными, изложенными в «*Историческом очерке развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно»*, составленным известным русским инженером В.М. Верховским и изданным МПС в 1898 г. В таблице «Железные дороги частного пользования по годам их открытия для движения» годом постройки **всей основной магистрали** Брянск – Песочня неверно считается 1877, а даты открытия важнейших линий дороги отличаются от прямо указанных в

[1] В этой и следующей таблицах отсчёт вёрст от станции Брянск Орловско-Витебской ж.д.

Отчётах Мальцовского товарищества на один год (в меньшую сторону), хотя сама последовательность открытия ветвей дана правильно. Эта очевидная ошибка, скорее всего, обусловлена использованием В.М. Верховским исходных материалов с относительной датировкой, где за год завершения строительства первого участка (без указания его границ) принят не 1878, а 1877 г. Доказательством здесь может служить «Объяснительная записка о постройке узкоколейных железных дорог между заводами Мальцовского товарищества», приложенная к рапорту подполковника Петриского [1], в которой для важнейших участков также использована датировка относительно 1877 г. Вероятно, этот же (или аналогичный) документ был представлен и в МПС.

К году завершения постройки сети Мальцовской железной дороги относится и её первое появление на картах, издаваемых Статистическим отделом МПС. Согласно приказу по МПС от 28 июня 1881 года внутри отдела была образована особая Картографическая часть. С этого момента намечается тенденция к расширению картографической деятельности в системе МПС, созданию новых видов карт транспорта и усовершенствованию содержания старых [38, с.57]. Несмотря на то, что Мальцовская железная дорога по-прежнему не контролировалась МПС, уже невозможно было игнорировать на картах путей сообщения столь крупную железнодорожную сеть частного пользования.

И в 1883 г. она наряду с некоторыми другими железными дорогами частного пользования впервые появляется в первом издании шестидесятивёрстной «*Карты железных, шоссейных и внутренних водных путей сообщения Российской Империи*». Отображались основные линии и станции дороги, без указания расстояний между ними. Аналогично были составлены издания 1885, 1887, 1890 и 1893 гг. [39, с.56–58]. Однако впоследствии линии частного пользования, отчасти из-за возникших трудностей с получением информации о них «…были исключены из карты ввиду непостоянства их длины [и] назначения обслуживать только нужды заводов, фабрик и др. предприятий, к которым они проведены» [17, с.14]. Перестала отображаться на картах Статистического отдела и Мальцовская железная дорога.

Завершение формирования дороги пришлось на тяжёлые годы экономического кризиса, усугубившегося отходом 73-летнего С.И. Мальцова от руководства товариществом из-за болезни и передачей в 1884 г. дела наследникам, не сумевшим правильно им распорядиться. По роковому стечению обстоятельств тогда же пожаром был полностью уничтожен Ивано-Сергиевский завод, выпускавший котельное железо и стальные бандажи для паровозов, – лучшее из предприятий Мальцовых (именно на нём впервые в России были установлены мартеновские печи). Как результат, 28 августа 1885 г. Мальцовское товарищество из-за долгов передано в ведение казны. Однако казённому управлению Мальцовских заводов не удалось выправить экономическую ситуацию (более того, она ухудшилась), и 16 августа 1888 г. правительство передало дело в руки конкурсного управляющего [35, с.38,43].

Конкурсное управление под руководством директора-распорядителя М.Ф. Норпе резко сократило объёмы промышленного производства (сокращению не была подвергнута только стекольная промышленность), а выпуск паровозов и вагонов полностью прекращён [13, с.75]. Как следствие, на дороге уменьшились объёмы грузовых перевозок; пассажирское движение осталось только на участке Радица – Людиново.

Среди первоочередных мер по снижению эксплуатационных расходов и повышению эффективности деятельности, летом 1889 г. были активизированы работы по улучшению трассы железной дороги – увеличены радиусы кривых, срыты высокие подъёмы и подняты насыпи на низких местах [37, с. 54]. Изменение верстовых отметок осей некоторых станций по результатам работ заметно при сличении «*Карты владений Мальцовского торгово-промышленного товарищества…*» [41] с «Перечнем…» [29]. Кроме того, были закрыты многие ветки железной дороги. Так, сравнение данных, приведённых А.И. Цубербиллером, с материалами «Перечня…» позволяет определить, что, в частности, закрывались Сукременская и Любохонская ветви. Позже была ликвидирована долгие годы бездействовавшая ветвь к упразднённому Ивано-Сергиевскому заводу, от восстановления которого было решено отказаться.

После проведения оздоровительных мероприятий экономическая ситуация в Мальцовском промышленном округе улучшилась, и 3 апреля 1894 г. утверждено решение о создании «Московского акционерного общества Мальцовских заводов» (АОМЗ; вскоре правление было перенесено в Санкт-Петербург) [13, с.78]. Начинался новый этап и в развитии дороги.

3. Мальцовская узкоколейная железная дорога на пути к новому статусу (1899–1915 годы)

Смена собственника и бурный рост промышленного производства в Мальцовском округе сделали настоятельной потребностью выработку новых подходов к дальнейшему функционированию железной дороги, обусловили её модернизацию и дальнейшее развитие.

При С.И. Мальцове деятельность узкоколейки была направлена, прежде всего, на обеспечение сообщения между отдельными предприятиями товарищества, а также на вывоз готовой продукции к станции примыкания (Брянск Орловско-Витебской ж.д.). Иначе говоря, функции этой железной дороги были весьма близки функциям транспортных цехов современных крупных промышленных объединений. Теперь же АОМЗ утрачивало абсолютную монополию на территории Мальцовского промышленного округа.

В 1899 г. Песоченская фаянсовая фабрика сдаётся в аренду «Товариществу производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова». В том же году вблизи деревни Боровка Жиздринского уезда вновь созданным «Акционерным обществом Мальцовского портландцемента» начинается строительство крупного цементного завода. Всё это говорит о том, что АОМЗ начинало приобретать «холдинговую» структуру. Как следствие,

требовалось поменять и правовые основы работы железной дороги.

С учётом перспективы получения Мальцовской железной дорогой статуса дороги общего пользования и для привлечения дополнительных сторонних грузов с целью повышения доходности, руководство АОМЗ принимает решение об открытом опубликовании железнодорожных тарифов, причём помимо «собственных тарифов» на перевозку пассажиров, багажа и обычных грузов (отделы I и II), они включали «правила для грузов, перевозимых по железным дорогам на особых основаниях» и «список дополнительных сборов и правил их взимания», единые для линий общего пользования Российской империи (отделы III и IV) [36].

Таким образом, Мальцовская железная дорога приобретала весьма необычный статус. При официальном сохранении статуса дороги частного пользования она по выполняемым функциям, а также благодаря открытому опубликованию тарифа стала близка линиям общего пользования. Несмотря на то, что сведения о ней в то время не включались в ежегодные официальные статистические сборники и карты, издаваемые Отделом статистики и картографии (так с мая 1899 г. после реорганизации стал называться Статистический отдел МПС), эта дорога наравне с линиями общего пользования показывалась в ряде коммерческих картографических изданий. Среди них наиболее подробна *«Схема железных дорог Российской Империи»*, издававшаяся в 1899–1914 гг. И.Ф. Зауэром на основе сборников тарифных межстанционных расстояний [39, с.57,59]. Однако после 1902 г. информация по Мальцовской железной дороге в таблицах тарифных расстояний и, соответственно, на этой схеме практически не обновлялась, в результате чего масштабное строительство новых линий, развернувшееся на дороге в 1908–1912 гг., осталось не отображённым в картографических источниках.

В 1912 г., согласно справке АОМЗ [2], развёрнутая длина путей узкоколейной железной дороги составляла 289 вёрст (из них станционных, разъездных, заводских и фабричных путей – 45 верст). В таблице 2 указаны железнодорожные участки, построенные после смены собственника. Хронология открытия участков приведена, в основном, по данным В.В. Жукова [6; 8].

Таблица 2

Развитие Мальцовской узкоколейной железной дороги в 1899–1912 годах

Название участка	Протяжённость, вёрст	Год открытия движения	Примечание
ст. Боровка – ст. Цементный	3	1899	Цементная ветвь
завод Чернятичи (Старь) – тупик	9	1903	Чернятичская (Старская) лесовозная ветвь
завод Знеберь – тупик	15	1903	Знеберская лесовозная ветвь
раз. 9 версты – ст. Чернец Московско-Киево-Воронежской ж.д.	7,5	1908	Чернецкая ветвь (по данным [11, с.76])
ст. Стеклянная – пл. Орловские Дворики – ст. Цементный	13	1910	Взамен перегона Стеклянная – Доманово – Боровка
Обход Песоченской фаянсовой фабрики	1,5	1910	Взамен участка через Песочню-Нижнюю
завод Ивот – ст. Волынь	6	1911	
ст. Волынь – ст. Бытошь	16	1911	В постоянной эксплуатации с 1 января 1914 г.
ст. Волынь – ст. Сельцо – тупик	24,5	1912	Сельцовская лесовозная ветвь

К этому времени дорога достигла пика своего экономического развития, значительно возросли объёмы пассажирского и грузового движения. Стало очевидным, что более нельзя медлить с приведением правового статуса Мальцовской железной дороги в соответствие с выполняемыми ею функциями, тем более что над ней нависла угроза полного прекращения платных пассажирских перевозок из-за юридических препятствий.

Министром путей сообщения С.В. Рухловым было подано в Совет Министров ходатайство о разрешении АОМЗ сохранить в дальнейшем перевозки частных пассажиров и грузов по Мальцовской железной дороге. Совет Министров принял положительное решение по данному ходатайству, а 10 мая 1914 г. император Николай II утвердил положение «О разрешении Мальцовским подъездным путям перевозки частных пассажиров и грузов». Однако началась Первая мировая война, и данный правовой акт появился в «Собрании узаконений и распоряжений Правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате» только 1 апреля 1915 г. [25, с.1717]. С этой даты и начался новый период в истории дороги, официально ставшей железнодорожной инфраструктурой общего пользования.

4. Мальцовская узкоколейная железная дорога в составе сети общего пользования (1915–1921 годы)

Впервые «Мальцевские железные дороги»[1] как составная часть российской железнодорожной сети общего пользования были упомянуты Отделом статистики и картографии МПС в № 9 ежемесячного приложения к журналу *«Пути сообщения России»* за 1915 г. [31]. В это приложение, выходившее ограниченным тиражом с грифом «Не подлежит оглашению», по требованию военной цензуры выносились сведения ограниченного доступа, прежде всего, о развитии железнодорожной сети. Примечательно, что в этом и последующих номерах

[1] В 1915–1921 гг. в официальных документах использовалось написание названия дороги через букву «е» (Мальцевские), название же заводов по-прежнему писалось через «о» (Мальцовские).

(№№ 10–12 за 1915 г. и №№ 3–9, 11 за 1916 г.) строительная длина (протяжённость главных путей) Мальцевских ж. д. указана одна и та же – 243 версты.

Более подробные данные о Мальцевских железных дорогах указаны в *«Статистическом сборнике Министерства путей сообщения»*, изданном в 1916 г. (выпуск 141, часть 1). По состоянию на 1 января 1914 г. (то есть на момент, предшествовавший смене статуса) дорога была полностью однопутной и имела 32 станции, из них 23 были открыты для пассажиров. Развёрнутая длина путей Мальцевских железных дорог составляла 289 вёрст 6 саженей, а строительная длина – 242 версты 422 сажени. Она представляла собой сумму длин линий Брянск – Песочня, Людиново – Шахта, Дятьково – Бытошь, Стайная – Знеберь (с лесовозной ветвью), Стайная – Старь (с лесовозной ветвью), Волынь – Сельцо (с лесовозной ветвью), Птиченской и Чернецкой ветвей. Было также указано подробное распределение длин линий по условиям профиля. Сведения о подвижном составе и перевозках в сборнике отсутствовали (как, впрочем, и по остальным дорогам «местного значения», которые не должны были предоставлять соответствующую информацию в МПС) [34, табл. Iа, с.62-65].

Сравнение данных «Статистического сборника…» с приведёнными выше данными приложения к журналу «Пути сообщения России», свидетельствует об отсутствии строительства новых линий Мальцевских железных дорог во время Первой мировой войны. На дороге началось падение объёмов перевозки грузов из-за сокращения промышленного производства в округе. Однако к 1916 г. дорога получила новый выход на сеть общего пользования после постройки на ст. Чернец Московско-Киево-Воронежской ж.д. пакгаузов, предназначавшихся для перегрузки продукции Мальцовских заводов (в том числе, военного назначения) в вагоны широкой колеи [6, с. 38]. До этого Чернецкая ветвь выполняла функции лесовозной, что можно установить путём анализа материалов, изложенных в справке АОМЗ [2]:

62 в. *(суммарная протяжённость лесовозных ветвей)* – 6 в. *(Птиченская ветвь)* –
– 15 в. *(Знеберская ветвь)* – 10 в. *(Старская ветвь)* – 24 в. *(Сельцовская ветвь)* =
= 7 в. *(Чернецкая ветвь)*.

Октябрьская революция 1917 года явилась предвестником новых серьёзных изменений в жизни железной дороги. 28 июня 1918 г. В.И. Ленин подписывает декрет Совета Народных Комиссаров «О национализации крупнейших предприятий…». Заводы АОМЗ, в соответствии с этим декретом, также переходили в собственность РСФСР; однако до принятия решения Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) по каждому отдельному предприятию, последние считались временно «находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев» [21]. Для АОМЗ момент смены собственности наступил полгода спустя – 12 декабря 1918 г. Президиум ВСНХ постановил «объявить все дела, капиталы, предприятия и прочее имущество бывшего акционерного общества Мальцовских заводов, где бы оно не находилось и в чём бы оно не состояло, собственностью РСФСР» (протокол № 205). Также был утверждён состав правления заводов, которое 13 января 1919 г. на своём заседании в Москве постановило национализированные заводы именовать «Государственный Мальцовский фабрично-заводской округ» [12, с.67; 30, с.302]. Таким образом, спустя тридцать лет после завершения Казённого управления Мальцовские заводы и входившая в их состав железная дорога вновь стали государственным предприятием.

Годы «военного коммунизма» стали самым сложным испытанием для дороги за всю её историю. Катастрофическое положение сложилось с продовольствием, с материалами для ремонта пути, с кадровым составом. Однако деятельность Мальцевских подъездных путей не прекращалась. Из-за остановки большинства предприятий сократилась необходимость в доставке сырья и отгрузке готовой продукции, однако резко выросла потребность в перевозке пассажиров (в основном, это были рабочие, массово выезжавшие из округа для обмена произведённых ими изделий на хлеб). Основным же грузом в эти годы на дороге становятся дрова – главный вид топлива в то тяжелейшее время.

К 1 октября 1920 г. из-за разрухи на железнодорожном транспорте в стране сложилась чрезвычайная ситуация с вывозом каменного угля из Донбасса и нефти с Грозненских промыслов. В связи с накоплением большого количества дров в районе узкоколейных веток Брянского и Мальцовских заводов, комиссия Высшего совета по перевозкам предложила передать эти ветви в ведение НКПС для скорейшего решения топливной проблемы. Это и послужило причиной принятия Постановления Совета Труда и Обороны от 3 октября 1920 г. о передаче Мальцевских подъездных путей [23, с.289-290]. Следует подчеркнуть, что это была последняя из железных дорог общего пользования, переданных в подчинение НКПС.

Новому начальнику дороги, инженеру В. Капустянскому, было вменено в течение двух недель довести погрузку дров на Мальцевских подъездных путях до 80 вагонов в сутки [22, с.3], что и было безотлагательно исполнено. Однако «Управлению Мальцевской железнодорожной сети» было суждено просуществовать недолго – уже 4 февраля 1921 г. Постановлением Совета Труда и Обороны за подписью В.И. Ленина оно было расформировано, а узкоколейные участки включены в состав Риго-Орловской железной дороги на правах 3-го линейного отделения [19, с.2]. Но в эксплуатацию дороги они была приняты только 26 февраля 1921 г., причём в этот промежуток времени Риго-Орловскую ж.д. успели переименовать в Орловско-Витебскую [26, с.7; 24, с.2].

Именно тогда узкоколейная железная дорога впервые после Октябрьской революции появляется в ведомственном статистическом сборнике. Отметим, что период нахождения Л.Д. Троцкого на посту временного наркома путей сообщения РСФСР в марте-декабре 1920 г. характеризуется возрождением статистического учета в транспортной отрасли. 21 октября 1920 г. заместителем наркома В. Свердловым было утверждено «Положение

о Центральном бюро статистики и картографии на железнодорожном транспорте». А через полгода вышел в свет первый выпуск сборника *«Материалов по статистике путей сообщения»*, содержащий информацию по состоянию на первую половину 1921 г.

В этом сборнике в таблице II «Длина железных дорог» в составе Орловско-Витебской железной дороги указаны участки бывших Мальцевских подъездных путей [14, с. 19]. Их протяжённость совпадает с данными на 1 января 1914 г., указанными в «Статистическом сборнике Министерства путей сообщения» [34, табл. Ia, с.62-65]. Единственным исключением являлся участок Волынь – Сельцо с лесовозной ветвью, длина которой увеличилась на 300 саженей. Что же касается развёрнутой протяжённости железнодорожных линий бывшей Мальцевской железнодорожной сети, то согласно данным Орловско-Витебской ж.д., она составляла 245 вёрст, т.е. увеличилась на 2 версты [26, с.7].

Ослабление топливного кризиса в стране совпало с провозглашением «новой экономической политики» (НЭПа). В частности, была проведена децентрализация управления крупной промышленностью – в мае 1921 г. в составе ВСНХ были созданы 16 главных управлений по отраслям промышленности, которые руководили переведёнными на хозяйственный расчёт предприятиями через губернские совнархозы – местные органы ВСНХ. В новых условиях хозяйствования нахождение дороги в составе НКПС негативно отражалось на интересах промышленности округа. И 1 июля 1921 г. Мальцевские железные дороги постановлением Совета Труда и Обороны были возвращены из ведения НКПС в ведение ВСНХ, опять перейдя в подчинение Мальцовского фабрично-заводского округа [20, с.249-250]. Орловско-Витебская железная дорога 19 июля сняла их с баланса [26, с.7].

5. Мальцовская узкоколейная железная дорога в составе треста «Государственные Мальцовские заводы» (1921–1927 годы)

Несмотря на то, что Мальцовская железная дорога после шестилетнего перерыва вновь стала дорогой необщего пользования, и данные о ней исчезли из ведомственных статистических сборников, её можно встретить на картах и схемах путей сообщения 1920-х годов, после возобновления картографической деятельности в системе НКПС. Было решено взамен выпускавшейся до революции схематической карты И.Ф. Зауэра (см. выше) с 1924 г. начать выпуск *«Схемы железных дорог и водных путей сообщений СССР с показанием тарифных расстояний»*. Последние показывались на основе регулярно выходящих «Объединённых сборников грузовых и пассажирских повёрстных тарифных расстояний» [33]. К сожалению, картографические издания 1924–1927 гг. обладают досадным недостатком. Поскольку Мальцовская дорога не упоминалась в сборниках тарифов (за исключением издания 1900 года – о нём было сказано выше), очевидно, что составители указанной «Схемы…» информацию по линиям и станциям этой дороги взяли со схем Зауэра, то есть фактически она была отображена по состоянию на начало 1900-х (!) годов. Вместе с тем, в издании 1925 года обращает на себя внимание оперативно нанесённое новое название узкоколейной железной дороги – «Урицкая» [44].

На картосхемах изданий 1924–1927 гг. не нашло отражение и, пожалуй, самое важное строительство на дороге начала 1920 годов – постройка линии протяжённостью 10 вёрст между станцией Шахта Мальцовской ж.д. и станцией Палики Московско-Киево-Воронежской ж.д., осуществлявшаяся в 1921–1923 гг. для обеспечения кратчайшего выхода продукции Людиновского завода на магистральную сеть. Часть сооружений, предназначенных для перевалки грузов в вагоны широкой колеи, была перенесена в Палики со станции Чернец, а после завершения строительства Чернецкая ветвь была закрыта [4, с.54]. Следует особо отметить, что новопостроенный участок, как и остальные линии Мальцовской железной дороги с пассажирским движением, получил отражение в «Официальных указателях железнодорожных и других пассажирских сообщений», издававшихся в советское время [3], что является редчайшим исключением для дорог необщего пользования.

Таким образом, к 1924 году суммарная протяжённость линий Мальцовской железной дороги достигла исторического максимума. Однако, уже начиная со следующего года, началось постепенное сокращение её эксплуатационной длины. Образованный в апреле 1923 г. из Фокинского (бывшего Мальцовского) фабрично-заводского округа трест «Государственные Мальцовские заводы», с правлением в Москве, взял курс на прекращение добычи полезных ископаемых в районе Устовских шахт и переход предприятий Треста на привозное сырьё. Участок Шахта – Палики был закрыт для движения поездов уже 1 апреля 1925 г. [8, с.32]. «Вторым звонком» стало принятие решения ВСНХ о строительстве ширококолейной железнодорожной линии Брянск – Цементный – Дятьково, в результате чего самый грузонапряжённый участок дороги получал прямой выход на железнодорожную сеть страны. От Брянска до Цементного планировалась перешивка, а от Цементного до Дятьково – в основном, перетрассировка, т.е. проведение дороги параллельно узкоколейным путям. Строительство было начато в августе 1925 г., а 11 марта 1927 г. участок широкой колеи протяжённостью 48 км был принят в постоянную эксплуатацию Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги [15, с.51]. После окончания строительства был разобран узкоколейный участок от Цементного до Дятьково. Заодно прекратила существование и часть Шахтинской ветви (начиная от 21-й версты), сохранявшаяся по настоянию руководства Треста до окончания перешивки [7, с.307].

Начиная с 1929 года, ситуация с актуальностью отображения Мальцовской железной дороги на картосхемах Отдела статистики и картографии НКПС улучшилась. Очевидно, это связано с тем, что приём в постоянную эксплуатацию ширококолейной линии «заставил» обратить внимание и на оставшуюся узкоколейную железнодорожную сеть. В изданиях 1929–1931 гг. указаны все основные линии и ветви железной дороги: Дятьково –

Песочня (67 км), Людиново – Шахта (33 км), Дятьково – Бытошь (40 км), Знеберская (20 км), Чернятичская или Новостарская (16 км), Ветьмовская (бывшая Сельцовская; 27 км) и Птиченская (5 км) лесовозные ветви. Кроме того, начиная с картосхемы издания 1930 г. указывалась не отображавшаяся до сих пор «Ново-Ивотская лесовозная ветвь», протяжённостью 5 км, отходившая к югу от Ветьмовской ветви [44].

Последующие события отрицательно повлияли на дальнейшую судьбу дороги. С началом индустриализации в СССР реформа управления промышленностью обусловила усиление централизованного административного управления и свёртывание хозрасчёта. 22 сентября 1927 г. приказом по ВСНХ РСФСР трест «Государственные Мальцовские заводы», неотъемлемой частью которого являлась узкоколейная железная дорога, был упразднен. А в 1928 г. началось запланированное ещё в 1913 г. строительство железнодорожной магистрали Вязьма – Брянск, в которую должен был войти участок широкой колеи Брянск – Дятьково. К 1 января 1934 г., когда эта магистраль была сдана в эксплуатацию, от бывшей узкоколейной железной дороги оставалась разветвлённая сеть в брянских лесах к западу от Дятьково, а также не связанные друг с другом участки Людиново – Котовичи и Фаянсовая – Песочня [16, с.46; 8, с.34]. На этом история Мальцовской железной дороги как единого транспортного объекта завершилась.

Заключение

Мальцовская узкоколейная железная дорога являлась весьма специфичным объектом транспортной инфраструктуры в нескольких отношениях. В техническом отношении – первая и самая протяжённая в истории нашей страны железнодорожная сеть с шириной колеи 914 мм. В экономико- и социально-географическом отношениях дорога связывала в единое целое огромный промышленный район на территории двух губерний, и значение этой дороги далеко не исчерпывалось функциями обычного подъездного пути. И, наконец, её более чем полувековая история в постоянно меняющихся социально-экономических и политических условиях повлекла многообразие свидетельств существования дороги, и, следовательно, сложность её изучения как исторического объекта. Автором была сделана попытка привлечь к изучению Мальцовской узкоколейной железной дороги ведомственные статистические и картографические источники, которые помогли лучше понять историю этого объекта, что, возможно, будет способствовать появлению новых работ по этой увлекательной теме.

This article considers the history of the Maltsov narrow-gauge railway. Special attention is given to contentious issues of the chronology of its development. For the first time in the study this railway, the materials of departmental statistics and cartography of the Ministry of Railways of the Russian Empire and the National Commissariat of Railways of the RSFSR/USSR are used as sources. The study has performed taking into account economic and political realities of Russia at that time.

Keywords: *history of transport, railways of uncommon use, Maltsov narrow-gauge railway, S.I. Maltsov, maps of railways, statistics of railways, Bryansk, Dyatkovo, Lyudinovo.*

Список литературы

1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 24. Д. 739.
2. ГАБО (Государственный архив Брянской обл.). Ф. 287. Оп. 2. Д. 126. Л. 21–21 об.
3. Болашенко С.Д. Мальцовская узкоколейная железная дорога // Сайт о железной дороге [Электронный ресурс]. URL: http://www.infojd.ru/29/maltsovsk.html (дата обращения: 28.05.2016).
4. Дукин Т. Железные дороги Мальцовского округа в 1920-х годах // Крылатый семафор: Сб. материалов по истории железных дорог и ж.-д. трансп. в Калуж. обл. и сопредельных регионах / сост. и отв. ред. А.А. Бауэр; Киров. историко-краевед. музей. Т. 2. Калуга: Полиграф-Информ, 2010. С. 53–58.
5. Жуков В.В. От Мальцовской узкоколейки до Фаянсовского узла // Крылатый семафор: Сб. материалов по истории железных дорог и ж.-д. трансп. в Калуж. обл. и сопредельных регионах / сост. и отв. ред. А.А. Бауэр; Киров. историко-краевед. музей. Т. 1. Калуга: Полиграф-Информ, 2006. С. 14–22.
6. Жуков В.В. Двадцатый век начинается: МУЖД в 1894–1918 гг. // Крылатый семафор: Сб. материалов по истории железных дорог и ж.-д. трансп. в Калуж. обл. и сопредельных регионах / сост. и отв. ред. А.А. Бауэр; Киров. историко-краевед. музей. Т. 2. Калуга: Полиграф-Информ, 2010. С. 35–41.
7. Жуков В.В. Некоторые вопросы истории железных дорог нормальной колеи в Мальцовском округе (1901–1931 гг.) // Деснинские древности: Материалы межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья»… / Брян. гос. краевед. музей. Брянск: Десяточка. Вып. 7. 2012. С. 299–312.
8. Жуков В.В. Мальцовская железная дорога. 1877–1927 гг. // Локотранс. 2012. № 5. С. 28–34.
9. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно / сост. В.М. Верховским. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ., 1898. [Т. 1]. 591 с., 59 с. табл. + карта.
10. Кареев Н.И. Мальцовский заводской округ // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Брокгауза и Ефрона, 1896. Т. 18а. С. 510–511.
11. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 гг. / Сост. Г.М. Афонина; МПС России, Центр. науч.-техн. б-ка ж.-д. трансп. России. М., 1996. 223 с.
12. Людиновский тепловозостроительный. Калуга: Золотая аллея, 1995. 200 с.
13. Макушев А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII – начале XX века: индустриальное наследие. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 380 с.
14. Материалы по статистике путей сообщения / НКПС. Центр. отд. статистики и картографии. М., 1921.

Вып. 1. VI, 134 с.

15.Материалы по статистике путей сообщения / НКПС. Отд. статистики и картографии. М., 1928. Вып. 85. XXIV, 192 с.

16.Материалы по статистике путей сообщения / НКПС. Центр. отд. учёта. М., 1936. Вып. 143. 431 с.

17.Миркин А.Н. О новом издании карты железных, водяных и шоссейных путей сообщения Европейской России в масштабе 40 верст в дюйме. СПб.: Паровая Скоропечатня М.М. Гутзаца, 1913. 30 с.

18.Немирович-Данченко В.И. Америка в России // Русская мысль. 1882. № 1. С. 318–355; № 2. С. 268–301; № 4. С. 115–146; № 8. С. 85–113; № 10. С. 73–109; № 12. С. 219–236.

19.Об упразднении самостоятельного Управления Мальцевской железнодорожной сети и образованного при ней Особого комитета: постановление Совета Труда и Обороны от 4 фев. 1921 г. // Бюл. Нар. комиссариата путей сообщ. 1921, 11 фев. № 26. С. 2.

20.О возвращении Мальцевских железных дорог из Народного комиссариата путей сообщения в ведение Высшего Совета народного хозяйства: постановление Совета Труда и Обороны от 1 июля 1921 г. // Декреты Советской власти. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 17. С. 249–250.

21.О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообделочной, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности, паровых мельниц, предприятий по местному благоустройству и предприятий в области железнодорожного транспорта: декрет СНК РСФСР от 28 июня 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 632–636.

22.О передаче Мальцевских подъездных путей и о назначении инженера В. Капустянского: приказ по НКПС № 845 от 14/19 окт. 1920 г. // Бюл. Нар. комиссариата путей сообщ. 1920, 22 окт. № 139. С. 3.

23.О передаче Мальцевской железнодорожной сети в ведение Народного комиссариата путей сообщения: постановление Совета Труда и Обороны от 3 окт. 1920 г. // Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1983. Т. 11. С. 289–290.

24.О переименовании Московско-Виндавской и Риго-Орловской железных дорог: приказ по НКПС № 124 от 21 фев. 1921 г. // Бюл. Нар. комиссариата путей сообщ. 1921, 25 фев. № 36. С. 2.

25.О разрешении Мальцовским подъездным путям перевозки частных пассажиров и грузов // Собр. узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1915. Отд. 2. № 43, ст. 326. С. 1717.

26.Орловско-Витебская железная дорога. Краткий отчёт о состоянии и работе дороги за 1921 год. Орёл: 4-я тип. ГСНХ, 1922. 113 с., 32 вкл.

27.Отчет Мальцовского промышленно-торгового товарищества. С 1 апреля 1885 года по 1 апреля 1886 года. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 43 с.

28.Отчеты Мальцовского промышленно-торгового товарищества с 14-го сентября 1875 г. по 1-е апреля 1883 года. Ялта: Тип. Н.Р. Петрова, 1890. 131 с.

29.Перечень линий, ветвей и станций железных дорог, открытых для общего пользования, и примыкающих к ним ветвей частного пользования… / Стат. отдел М-ва путей сообщ. СПб.: Тип. М-ва путей сообщ., 1894–1895. Разд. паг.

30.Протоколы Президиума Высшего Совета народного хозяйства. Декабрь 1917 г. – 1918 г.: Сб. документов. М.: Наука, 1991. 352 с.

31.Пути сообщения России: Журнал Отд. статистики и картографии М-ва путей сообщ. 1915. Прил. к № 9–12; 1916. Прил. к № 3–9, 11.

32.Сергей Иванович Мальцов и Мальцовское промышленно-торговое товарищество. СПб: печатано в тип. М-ва внутр. дел, 1880. 40 с.

33.Спенглер Е.Н. Объяснение к 1-му изданию [пояснительный текст к карте] // Схема железных дорог и водных путей сообщений СССР с показанием тарифных расстояний. 1 : 2 520 000. 1-е изд. М.: Центр. отдел статистики и картографии НКПС, 1924. 2 л.

34.Статистический сборник Министерства путей сообщения. Петроград: Тип. М-ва путей сообщ., 1916. Вып. 141, ч. 1. Разд. паг.

35.Субботин А.П. Мальцовский заводской район // Экон. журн. 1892. № 5. С. 1–95.

36.Тариф на перевозку пассажиров, багажа и грузов большой и малой скорости в местном сообщении Мальцовской железной дороги. СПб.: Тип. А.Ф. Маркова, 1900. 133 с.

37.Цубербиллер А.И. Мальцовские железные дороги. История их сооружения и настоящее положение // Экон. журн. 1891. № 11/12. С. 45–58.

38.Чибряков Я.Ю. Ведомственная картография в системе Министерства путей сообщения (1876–1991 гг.) // Геодезия и картография. 2014. № 9. С. 57–61.

39.Чибряков Я.Ю. Развитие картографического метода для исследований железнодорожной сети России: дис. … канд. техн. наук: 25.00.33. М., 2015. 199 с.

40.Шаненков М.А. Ливенская узкоколейка. М.: Железнодорожное дело, 2008. 56 с.: ил. (ЖД-Коллекция; № 12).

Список картографических материалов

41. Карта владений Мальцовского промышленно-торгового товарищества в уездах Жиздринском, Брянском, Рославльского и Мосальского // РГВИА. Ф. 400. Оп. 24. Д. 739. Л. 24 об.-25.

42. Карта железных, шоссейных и внутренних водных путей сообщения … / сост. Стат. отд. МПС. 1:2 520 000. СПб.: МПС, 1883–1900.

43. Схема железных дорог Российской Империи. [1:2 400 000–1:3 200 000]. СПб.: И.Ф. Зауэр, 1899-1914. 2 л.

44. Схема железных дорог и водных путей сообщений СССР с показанием тарифных расстояний. 1:2 520 000. М.: Центр. отд. статистики и картографии НКПС, 1924–1931. 2 л.

Об авторе

Чибряков Ярослав Юрьевич – кандидат технических наук, начальник сектора Института экономики и развития транспорта, *yachibryakov@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

СЛАВЯНСКАЯ КЛЯТВА: "ДА БУДЕТ МНЕ СТЫДНО!" В ТВОРЧЕСТВЕ А.К. ТОЛСТОГО[1]

Антюхов А.В., Шаравин А.В.

В статье рассматриваются особенности функционирования славянской клятвы: «Да будет мне стыдно!» в творчестве А.К. Толстого. С одной стороны, данная формула анализируется в качестве архаизма, призванного воссоздать как древнерусскую языковую среду, так и язык XVI века. А с другой, славянская клятва способствует формированию у А.К. Толстого концепции «религии честного русского слова», отразившей основные законы и параметры воссоздания художественного мира писателя.
Ключевые слова: *славянская клятва, концепция «религии честного слова», «норманский этап русской истории», «московский этап русской истории», архаизмы, народная нравственность, свобода и честь русского человека.*

Огромное место в творчестве А.К. Толстого занимают произведения, написанные на исторические темы. Писатель неоднократно обращался к прошлому Киевской Руси, царствованию Иоанна Грозного, XVI веку. Русская история воспроизводится Алексеем Константиновичем в разных по жанру произведениях: лирике (стихотворения, баллады, песни и т.д.), эпистолярном наследии, драматической трилогии, романе "Князь Серебряный", статьях ("Проект постановки на сцену трагедии "Смерть Иоанна Грозного", "Проект постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович").

И.С. Тургенев отмечал, что художественное осмысление прошлого стало отличительной чертой творческой индивидуальности писателя, считал, что А.К. Толстой являлся "...создателем нового у нас литературного рода - исторической баллады, легенды; на этом поприще он не имеет соперников – и в последней из них, помещенной в октябрьском № «Вестника Европы», …он достигает почти дантовской образности и силы" [1, т.11, с.185]. Автор романа «Отцы и дети» высоко оценивал язык произведений писателя: «...он свободно, мастерской рукою распоряжался родным языком, лишь изредка поддаваясь то искушениям виртуозности – желанию пощеголять архаическими, правда, иногда весьма счастливыми, оборотами…» [1, т.11, с.185].

Характеризуя роман "Князь Серебряный", писатель XX века А.И. Солженицын подчеркивает, что произведение Алексея Константиновича - один из лучших образцов исторического романа данного периода: "Из уважения к искусству и нравственному чувству читателя набросил тень на ужасы эпохи (...). Допускал вольность в обращении со второстепенными историческими происшествиями (на пять лет перенес казнь двух Басмановых и Вяземского). До того уровня исторического романа, который был до "Войны и мира", мне, кажется, это допустимым - зато такой ценой автор сгущает сюжет в меньшем историческом отрезке времени (...). Этот роман закончен за несколько лет до "Войны и мира" - и ясно, что не мог быть написан после. (...) Алексея Толстого сравнивают с Загоскиным, а я поставил бы его значительно выше. (...) Алексей Толстой - еще в поисках верной манеры исторического писания" [2, с. 135]. Автор книги "Архипелаг Гулаг" задает два измерения романа "Князь Серебряный": все, что было написано до этого произведения ("Князь Серебряный" все образцы превосходит), и эпопея "Война и мир" как вершина русского исторического романа (проза А.К. Толстого подготовила и предопределила появление этого гениального творения). Еще более высокую оценку дает А.И. Солженицын драматической трилогии Алексея Константиновича: "Это - действительно трилогия, связная, но и притом каждая драма вполне закончена. Большое достижение русской драматургии, недостаточно оцененное, кажется" [2, с.138] Очень важным представляется и оценка Александром Исаевичем языка пьес А.К. Толстого: " Очень доподлинная речь - и вообще русский дух. Хороший естественный чистый стих, пятистопный ямб, по-моему, не уступает пушкинскому. (...) У Толстого в трилогии немало стихов, ставших афоризмами - это самый высокий признак" [2, с.139,142]. Особо хотелось подчеркнуть, что А.И. Солженицын отмечает удачную историческую стилизацию автора драматической трилогии под русскую речь времен Ивана Грозного. Алексей Константинович великолепно знал и древнерусский язык, и русский язык XVI века. Такое виртуозное владение "словами из прошлого" во многом объясняется тем, что А.К. Толстой проштудировал сборники И.П. Сахарова "Сказание русского народа (1836-1837), "Песни русского народа" (1838-1939), "Русские народные сказки" (1841); А.В. Терещенко " Быт русского народа" (1848); "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина; письмо Алексея Михайловича начальнику соколиной охоты; "Судебник" (1499) В. Гусева и т.д. Естественно, что, воссоздавая народную речь, речь бояр, Ивана Грозного, Алексей Константинович использовал находки русских старинных слов, в том числе и из вышеупомянутых текстов, позволяющие наиболее точно и достоверно передать языковую атмосферу и Древней Руси, и XVI века.

А.К. Толстой осознавал важность архаизмов для моделирования исторического времени в произведениях. Так, не случайно в письме к М.Н. Каткову от 14 июля 1862 года, оговаривая условия работы с рукописью романа "Князь Серебряный", писатель беспокоится о сохранении в тексте произведения слов "древнего русского языка": "Убедительно прошу Вас поручить корректуру человеку, знакомому с древним русским языком и с археологией. Иначе я боюсь, что наборщики станут поправлять мне выражения, как то делали переписчики, которые ставили богатство вместо богачество, печалиться вместо печаловаться, и так далее. Это может изменить не только харак-

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта №16-14-32001

тер речи, но и исказить смысл. Язык у меня строго современный действию, и его нельзя ни в каком случае изменять" [3, т.4, с.361]. Язык должен соответствовать историческому времени - это твердое убеждение А.К. Толстого, ставшее для него главным законом создания художественного мира.

Из большого количества древнерусских слов и выражений, использованных Алексеем Константиновичем, большой интерес вызывает клятва восточных славян ("Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно!") Это прежде всего связано с тем, что данная формула древних русичей послужила для писателя отправной точкой для размышлений о нравственности наших предков и реализовалась в концепции "честного слова", воплощенной прежде всего в романе "Князь Серебряный" и драматической трилогии.

Приведенная клятва восточных славян в XIX веке была известна всем, кто интересовался русской историей. Достаточно отметить, что А.О. Ишимова в книге "История России в рассказах для детей", одной из популярнейших книг XIX века, приводит ее в первой главе: "Славяне старались доказать, что недаром их называли так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу. Они были так честны, что в обещаниях своих вместо клятв говорили только: "Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно!"- и всегда исполняли обещание, так храбры, что и отдаленные народы боялись их, так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблен" [4, с.3].

Как отмечают исследователи творчества писательницы: "Книга Ишимовой выдержала в XIX веке шесть изданий и стала настольной во всех русских семействах, где заботились об образовании и умственном развитии детей". [4, с.2]. Первое издание "Истории России в рассказах для детей" было издано в шести частях в 1837-1840 годах Петербургской Академией наук. Таким образом, популярность и распространенность книги А.О. Ишимовой, а также то, что с клятвы "Да будет мне стыдно!" начиналась первая страница издания, и это сразу бросалось в глаза, во многом способствовали широкой известности среди читателей славянской формулы нерушимости слова в XIX веке.

Традиции древнерусской нравственности активно внедряла в общественную, политическую и законодательную жизнь России и Екатерина II: "...даже в свои поздние годы, даже во времена, когда ее преследовал страх перед Французской революцией, даже в состоянии крайнего раздражения и гнева - царица поставила нравственный принцип выше политического расчета" [5, с.307].

Необходимо отметить, что императрица обратилась к славянской клятве "Да будет мне стыдно!", которую посчитала возможной ввести даже в законодательный "Обряд управления комиссией" (1767). Как отмечает О. Чайковская, Екатерина II вводит принципиально новый вид казни - "нравственной казни", "казни стыдом", подчеркивающей просвещенность и законопослушность русской монархии ("А в ее молодые - лучшие - годы этот нравственный принцип стал едва ль не ведущим в ее политике. Во всяком случае, в "Обряд управления комиссией" своего Наказа она ввела понятие чисто нравственной казни - казни стыдом, - используя формулу, которая, по ее представлению, выражала нравственные правила древнерусского мира - "да будет мне стыдно". Именно ее-то и ввела Екатерина в российский обиход. Так, например, в "Обряде управления комиссией" своего Наказа она говорит: если депутат нарушит предписание, "то через сие объявляем: да будет ему стыдно", "вся комиссия выскажет ему свое негодование. А кончается "Обряд..." призывом к депутатам: пусть докажут, что если они "не уступают предкам во уважении и в ненарушении драгоценного старинного слова: "да будет мне стыдно!" То были для нее не пустые слова" [5, с.308]).

Факты русской законодательной жизни XVIII века свидетельствуют, что положения, разработанные императрицей, стали применяться и на практике ("Ведь именно этот принцип она и применила на деле, когда в Большом собрании депутат Глазов оскорбил черносошных крестьян, - именно стыдом она его наказала, причем наказание было тем более тяжким, что к стыду общечеловеческому тут прибавился еще и жгучий социальный стыд" [5, с.308]).

Русские писатели также неоднократно использовали славянскую клятву в своих произведениях. Прежде всего речь об исторических романах "Клятва при гробе Господнем" (1832) Н.А. Полевого и "Ледяной дом" (1835) И.И. Лажечникова. Произведение Н.А. Полевого завершается послесловием автора, в котором сопоставляется правда и художественная правда. Писатель обозначает свою позицию: "добросовестность" рассказа об исторических событиях и собственная точка зрения, поддерживаемая чистой совестью прозаика, - вот основные критерии его сочинения. "Обещал я, правда, быль, не сказку, но и не летопись, не историю правдивую. Правда - вещь редкая на белом свете. Чистою самородною (как в Сибири находят золото самородное, полупудовыми кусками) едва ли найдете вы правду в здешнем мире. Не думают обманывать, а правды все-таки не говорят. Вот, примером сказать, случалось ли вам что-нибудь самим видеть и после того слышать рассказы о виденном вами от других самовидцев? - рассуждает автор. - Всякий рассказывает, не лжет, и так говорит - да не так выходит. (...) Что же тут делать? Как кому кажется, так тот и говорит. Вот одного только смотрите, добрые читатели: добросовестно ли рассказываю вам. Здесь я кладу руку на сердце, и скажу вам смело: "Я рассказывал так, как по чистой совести мне казалось. И если я в этом лгу, то, да будет мне стыдно, или при стариках, на морозе, шапку с меня снять извольте" [6, с.396]. Правдивость своего рассказа об исторических событиях XVвека (в вышеобозначенном понимании) Н.А. Полевой подкрепляет традиционной древней клятвой славян, что подтверждает единство и единомыслие автора и его предков, и органично завершает исторический роман.

В романе "Ледяной дом" (1835) И.И. Лажечникова славянскую клятву приносит "кабинет-министр и оберегермейстер" Волынский, обещая наградить цыганку Мариулу, если она приворожит молдавскую княжну Мариорицу Лелемико (" -Ты ворожея: отгадай сама! - Изволь, господин талантливый, пригожий; да только и от меня уговор: теперь ты должен положить мне золотой на ручку, а за первый поцелуй, который даст тебе твоя

желанная, подарить мне богатую фату. - Вот тебе рублевик: золотую фату получишь, когда сбудется, о чем говоришь. Чего бы я не отдал за такое сокровище! - Побожись, что не обманешь!- Глупенькая! Ну, да будет мне стыдно, коли я солгу" [7, с.27]. По сравнению с произведением Н.А. Полевого славянская клятва, на первый взгляд, обесценена: она призвана скрепить сделку, основанную на ворожбе и колдовстве. Высокий дух славянской нравственности, который всегда должен соответствовать формуле: "Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно", в эпизоде из романа "Ледяной дом" И.И. Лажечникова подменяется любовной страстью. Однако с развитием сюжета произведения становится понятно, что русская клятва, произнесенная Волынским, идентифицирует приобщенность героя к славянской национальной стихии, в этом эпизоде словно закодирована мотивика будущих поступков кабинет-министра, бросившего вызов "бездушной бирончине" и неразумной эпохе.

В сатирическом романе "История одного города" (1869 -1870) М. Е. Салтыкова-Щедрина славянская формула: "Да будет мне стыдно!" - соединяется автором с пословицей: "Стыд глаза не выест" ("Ни вероисповедание, ни образа правления эти племена не имели, заменяя все сие тем, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, клялись друг другу в дружбе и верности, когда же лгали, то прибавляли "да будет мне стыдно", и были наперед уверены, что "стыд глаза не выест" [8, т.2, с.299]. В сатирическом дискурсе М.Е. Салтыкова-Щедрина нравственный потенциал клятвы нивелируется. Славянская формула превращается в свою противоположность - просто слова, за которые не придется отвечать перед богом и судьбой. Впрочем в тексте сатирического романа в высоком нравственном звучании клятва: "Да будет мне не стыдно", естественно, не могла функционировать из-за снижающего эффекта комического.

В творчестве А.К. Толстого нами обнаружено, что славянская формула используется писателем три раза: в балладе "Змей Тугарин", в "Проекте постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович" и в письме к М.Б. Маркевичу от 26 апреля 1869 года.

В стихотворном произведении 1867 года "незнакомый певец" предрекает князю Владимиру и Киевской Руси незавидное будущее, когда русские утратят честь, эквивалентом которой и выступает клятва: "Да будет мне стыдно!" ("Певец продолжает:" Смешна моя весть / И вашему уху обидна?/ Кто мог бы из вас оскорбление снесть? /Бесценное русским сокровище честь, / Их клятва: "Да будет мне стыдно!"/ На вече народном вершится их суд, / Обиды смывает с них поле - / Но дни, погодите, иные придут, / И честь, государи, заменит вам кнут, /А вече - каганская воля! " [3, т.1, с.159-160]).

К концу 60-х годов (где-то в этот период и была написана баллада "Змей Тугарин") у А.К. Толстого сформировалась концепция двух этапов развития русской истории и государственности: "норманский" ("европейский") и "московский" ("монгольский"). Для писателя представлялось несомненным нравственное содержание этих периодов. Первый - "норманский" - отличается "свободой", "меньшим деспотизмом", красотой, честью, гармонией, ладом, песенностью, богатырством, воинской славой, высотой русского духа, гуманностью, "бескорыстным служением родине" и т.д. Второй период - "московский" - начался с монголо-татарским игом и определял, по мнению А.К. Толстого, и многое в состоянии современного ему общества и России XIX века. В этот этап превалирует «татарщина», выразившаяся в господстве деспотизма, неволе, утрате человеческого достоинства, чести, неограниченной царской власти, излишней кровавости и жестокости государства. Именно в этот второй период и происходит нравственное нивелирование русской клятвы:" Да будет мне стыдно!", по мнению Алексея Константиновича. В "Проекте постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович" А.К. Толстой размышляет о судьбе славянской формулы в XVI веке. Прежде всего писатель связывает ее бытование в русском обществе с чувством "чести" ("... Шуйский, из чувства чести, выдает себя головой. Здесь, быть может, небесполезно сделать возражение на ошибочное мнение, что чувство чести в XVI веке было исключительно принадлежностью Запада. К прискорбию, мы не можем скрыть от себя, что в московский период нашей истории, особенно в царение Ивана Грозного, чувство это, в смысле охранения собственного достоинства, значительно пострадало или уродливо исказилось и что если мы обязаны московскому периоду нашим внешним величием, то, купив его внутренним своим унижением, мы дорого за него заплатили. Но в смысле долга, признаваемого человеком над самим собой и обрекающего его, в случае нарушения, собственному презрению, чувство чести, слава богу, у нас уцелело. Древняя юридическая формула: "Да будет мне стыдно!" - была отменена и забыта, но дух ее не вовсе исчез из народного сознания" [3, т.3, с.494]). Алексей Константинович подтверждает в "Проекте постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович" справедливость своих рассуждений историческими примерами: " Чему приписать иначе столько случаев именно в царение Грозного, где его жертвы предпочитали смерть студному делу? Чему приписать поступок князя Репнина, умершего, чтобы не плясать перед царем? Или поступок наших пушкарей под Венденом, лишивших себя жизни, чтобы не быть взятыми в плен? Или (если не ограничиваться одними мужскими примерами) поступок боярынь княгини Старицкой, жены князя Владимира Андреевича, избравших казнь и мучения, чтобы не принять царских милостей? Солгать же из желания спасти свою жизнь, без сомнения, считалось не менее постыдным, чем отдаться живым неприятелю" [3, т.3, с.494].

Из славянской клятвы писатель выводит концепцию "святости слова", "религию честного слова", сохранившегося у русского человека. Для правдивого писателя слово связано с чувством личного достоинства и чести, с сохранением элементов народной нравственности, ощущением внутренней свободы. А.К. Толстой ощущает святость честного слова как один из основных законов русской жизни и русского общества ("Связь с Византией и татарское владычество не дали нам возвесть идею в систему, как то совершилось на Западе, но святость слова осталась у нас столь же обязательною, как она была для древних греков и римлян. Довольно потеряли мы нашего

достоинства в тяжелый московский период, довольно приняли унижений всякого рода, чтобы не было нужно отымать у наших лучших людей того времени еще и возможности религии честного слова потому только, что это чувство есть также западное" [3, т.3, с.493-495]).

В "Проекте постановки на сцену трагедии "Царь Федор Иоаннович" А.К. Толстой приводит, очевидно, значимую для него сцену, в которой Шуйский предупреждает царя Федора: "Не вздумай, государь, /Меня простить. Я на тебя бы снова/ Тогда пошел" [3, т.3, с.254]. Для писателя в этом эпизоде проверяется концепция "честного слова" через угрозу смерти и перед верховной царской властью. Царь Федор прощает Шуйского, который сражен его простотой и святостью и принимает решение прекратить борьбу с государем. Для А.К. Толстого эта сцена ключевая, так как из "религии честного слова" оказалось возможно проявление идеального и в человеческих отношениях, и в государственных делах.

В балладах "Василий Шибанов" (1840) и "Князь Михайло Репнин" (1840) честное слово служит причиной гибели героев. У стремянного князя Курбского даже под пыткой "слово... все едино": "За грозного, боже, царя я молюсь, / За нашу святую, великую Русь" [3, т.1, с.141]. Три раза повторится в тексте баллады этот рефрен: "Но слово его все едино", отсылая к священной, божественной - троичной (святая Троица) природе честного слова. Именно поэтому последние слова Шибанова молитвенно-сакральны: в них вера в единение небесной и земной власти, что должно принести благоденствие и милосердие Руси. Князь Михайло Репнин, герой одноименной баллады А.К. Толстого, клеймит "тиунов", "опричников", "баянов-соловьев" за льстивое слово Ивану Грозному: "Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!" [3, т.1, с.143]. Алексей Константинович именует его «правдивый князь» («И пал жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь» [3, т.1, с.143]. И действительно, речь князя Репнина честна и неподкупна, обличительна и неподвластна царской прихоти (царь требует: «Молчи, строптивый раб [3, т.1, с.142].

Герои А.К. Толстого готовы принять смерть за свободное, правдивое русское слово, своею гибелью освящая важнейшую для писателя концепцию «религии честного слова, без которого, уверен Алексей Константинович, Русь будет уничтожена – сначала нравственно, а затем перестанет существовать и как государство. Именно поэтому носители честного и правдивого русского слова – любимые персонажи писателя.

В историческом романе «Князь Серебряный» честная и мужественная речь Никиты Романовича воздействует и на разбойников («Проняла мужественная речь не одно зачерствелое сердце, не в одной косматой груди расшевелила любовь к родине» [3, т.2, с.270], и на жестокого царя (« - Слушай! – произнес он, глядя на князя, - я помиловал тебя сегодня за твое правдивое слово.» [3, т.2, с.146]). Князь Серебряный – один из главных героев, воплощающих концепцию честного русского слова, именно оно спасает и охраняет Никиту Романовича на протяжении всего произведения и от гнева государя, и от случайной гибели. В главе «Шутовской роман» исторического романа честное русское слово характеризуется пророческими, праведными, сакральными параметрами. Обличительная речь боярина Морозова так воздействует на Ивана Грозного, что государь «судорожно сжимал … ручки кресел и. казалось, боялся проронить единое слово Морозова и каждое врезывал в памяти, чтобы за каждое заплатить ему особою мукой» [3, т.2, с.334]. Дружина Андреевич говорит о бессмертии слова, исходящего от убитых и замученных властью, оно способно обречь царя-тирана на муки на Страшном суде: «И не будет с тобою кромешников твоих заградить уста вопиющих, и услышит их судия, и будешь ты ввергнут в пламень вечный, уготованный диаволу и аггелом его!» [3, т.2, с.335]. По концепции А.К. Толстого, честное русское слово несут в себе лишь избранные, люди великой души, служители Руси. В эпоху Ивана Грозного «уста народа запечатаны страхом» и надо иметь огромное личное мужество, чтобы обличать несовершенство и жестокость власти, нести в своей речи свет земной правды и небесной истины [3, т.2, с.335].

В письме к Б.М. Маркевичу от 26 апреля1869 года, опровергая позицию адресата, выступавшего за русификацию всех национальностей Российской империи, А.К. Толстой подчеркивает: «Ваши письма, образцовые по стилю, но не по логике, я храню, и – хотите держать пари – мы с Вами еще не успеем умереть, как Вы попросите их назад, *потому что Вам будет стыдно?*» (последние строчки Алексей Константинович выделяет курсивом [3, т.4, с.444]). Писатель через обращение к славянской клятве подчеркивает нравственную ошибку Б.М. Маркевича, за которую адресат будет испытывать жгучий стыд. Такая позиция А.К. Толстого связана с его убеждением: каждая нация должна сохранить свои черты и автономность, насильственная русификация принесет вред государственности России.

Таким образом, славянская клятва: «Да будет мне стыдно!» используется А.К. Толстым при дружеском общении, подтверждая истинный смысл сказанного; с ней связана и концепция «религии честного русского слова», сложившаяся у писателя и художественно реализованная в его произведениях. Особо следует отметить, что формула является важнейшей характеристикой славянского образа мира, во многом определяя и задавая его нравственные параметры и законы русского лада.

The article deals with the peculiarities of the Slavic oath: "May I be ashamed of myself! " in the works of Tolstoy . On the one hand, this formula is analyzed as an archaism, designed to recreate the ancient Russian language environment and language of the sixteenth century . On the other hand, it promotes the formation of Slavic oath in A.K Tolstoy's concept of "religion honest Russian word " , which reflected the fundamental laws and parameters of reconstruction of the artistic world of the writer.
Keywords: *Slavic oath, the concept of "religion, word of honor", " Norman stage of Russian history", " the Moscow stage of Russian history" , archaisms , traditional morality, freedom and honor of the Russian people.*

Список литературы

1. Тургенев И.С. Собрание сочинений. В 12-ти т, т.11, М.: Наука, 1983
2. Солженицын А.И. Алексей Константинович Толстой - драматическая трилогия и другое. Новый мир, 2004, №9, с 137-145
3. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Правда, 1980
4. Ишимова А.О. "История России в рассказах для детей". М.; Эксмо,2016
5. Чайковская О. "Несравненная Екатерина II. История великой любви. М.: Яуза, 2014. 384 с
6. Полевой Н.А. Клятва при гробе господнем. М.: Профиздат, 1992. 398 с
7. Лажечников И.И. Ледяной дом. М.: Правда, 1985. – 383 с
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 10-ти, т. 2, М.: Правда, 1988

Об авторах

Антюхов Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *bgu-bryansk@bk.ru*

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *ifimp.bgu@gmail.com*

УДК 82-293:784 (470)

КОМПОЗИЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ РОЛИ ХОРА В ПЬЕСЕ А.Н. АРБУЗОВА «ГОРОД НА ЗАРЕ»

Ай Хуэйжун

Данная статья доказывает, что композиционное оформление хора в пьесе обнажает лирическую сторону сюжета, состоящую в том, что приехавшие строить город юноши и девушки должны осуществить здесь мечту о любви, стать семьями и настоящим населением города.

***Ключевые слова**: лирическая интермедия, хор, композиционные функции, лирический сюжет.*

А.Н. Арбузов создал большое количество пьес в 30-80-х годах XX века, в которых отражены характеры советских молодых людей этого времени. Его произведения вошли в репертуар многих профессиональных и любительских театров не только в Советском Союзе, но и за его рубежами, в том числе и в Китае. Перевод пьес Арбузова в КНР начался в 1952 году и продолжался в последующие годы. Его пьесы ставились много раз и пользовались популярностью среди китайцев. Арбузова ставят и любят в Китае до сих пор.

Хотя Арбузов прославился индивидуальными характерами, которые полюбились актерам и театрам разных стран, он обращался к хору как к действующему лицу с раннего периода творчества до последних лет жизни. Исследуя своеобразие творчества Арбузова в целом, нельзя игнорировать образ хора в его пьесах. Известно, что «для Арбузова характерны поиски новых драматических форм» [3, с.166]. Но этой причиной не объясняется постоянное обращение драматурга к хору. Ведь у истоков драмы хор в древнегреческой трагедии составляет существенную часть и формы, и содержания. Присутствие хора в драме с самого начала имело свое значение. В этой статье мы попытаемся проанализировать композиционное оформление хора и его назначение в пьесе раннего периода творчества Арбузова «Город на заре».

«Город на заре» был создан Арбузовым при участии режиссера В. Плучека в 1940 году. 5-го февраля 1941 года его премьерой открылась «Арбузовская студия». Спектакль пользовался большим успехом: за три месяца был поставлен 43 раза. Именно с этой пьесы хор в пьесах Арбузова существует уже откровенно, явно, как важное действующее лицо, а не под маской каких-то прохожих, сидящих на вокзале, как в первой неудачной пьесе «Класс».

Присутствие хора в «Городе на заре» вызвало разные суждения. Критики с самого начала разошлись во взглядах на необходимость его существования. Некоторые, такие, как театральный критик К. Томашевский и бывший студиец А. Галич (А. Гинзбург), сомневались в успехе введения драматургом хора в пьесу. Другие, например кинорежиссер Б. Галантер, писатель А. Шаров, актер С. Заманский, театровед И. Вишневская, бывший участник студии драматург И. Кузнецов, литературовед И. Григорай, считали существование хора необходимым, введение его удачным. Они доказывали, главным образом, важность хора для раскрытия идеи драматурга, но мало конкретизировали его композиционное оформление и композиционные функции. Вопрос о том, почему хор не появился с начала действия, почему он выступил в финале вне интермедии, критикой не ставился. Но не решив композиционного вопроса, почему в той или иной сцене появляется (или не появляется) хор, невозможно определить и его назначение.

Присутствие хора в пьесе, в первую очередь, объясняется историей создания пьесы. «Город на заре» зародился в «Арбузовской студии» на основе коллективной импровизации. Каждый участник придумывал роль для самого себя. Арбузов соединил эти ролевые обрывки и сделал их целостным произведением. В 1957 году драматург переделал пьесу и опубликовал ее под своей фамилией: это было условием постановки в Театре им. Вахтангова. Хотя Арбузов в предисловии к пьесе «О моих соавторах» упомянул всех участников бывшей студии с благодарностью и объяснил, почему поставил только свое имя, некоторые из бывших студийцев чувствовали себя оскорбленными и откровенно высказали недовольство поступком Арбузова. За право Арбузова считаться автором

выступил тогда известный театровед К. Рудницкий. Позднее в воспоминаниях об Арбузове он писал: «Каждый более или менее успешно сочинял роль для себя, а значит, тянул на себя и всю фабулу. Арбузову пришлось сводить воедино разрозненные, часто ни смыслово, ни стилистически несовместимые диалоги и монологи, одни – урезать, другие – развивать, третьи писать наново. Пьесу как целое в конечном счете создавал он» [9, с.229].

По воспоминаниям И. Кузнецова, драматург решил ввести хор во время работы над одной из первых картин, т.е. решение о хоре было принято неслучайно, а как обязательное условие импровизированного создания пьесы. Несмотря на первоначальные трудности на репетициях при введении хора, студийцы не бросили этот образ, считая его воплощением мыслей и чувств своих героев. В конце концов Арбузов и Плучек нашли и сценическое решение, создав две площадки на сцене: одну для хора, другую для остальных героев. История воплощения замысла предопределила композиционную функцию хора. Хор функционирует в качестве нити, которая соединила все отрывки в целостную ткань пьесы.

Арбузов назвал эту пьесу «драматической хроникой в трех действиях, шести картинах, с тремя интермедиями». Интермедии были отведены хору. Их место строго продумано: каждая находится после первой картины каждого действия. Таким образом, хор служит связующим звеном между первой и второй картинами во всех действиях. С его помощью действие может развиваться последовательно. Тем более что в этих хоровых интермедиях происходят важные для строителей события: в воображении Зяблика – и, благодаря его речам, всех строителей – представляется будущий город, показаны в тайге сбежавшие со стройки Зорин, Жора и Альтман, хор подбрасывает Наташе пистолет, чтобы спасти Альтмана и заготовленный лес, осуществляется взрыв во благо города и погибает Зяблик. Развитие действия невозможно без хоровых интермедий.

При рассмотрении хора в древнегреческой трагедии Г. Гегель писал, что «публика находила в хоре объективного представителя своего собственного суждения обо всем происходящем». [6, с.589] У Арбузова хор в значительной степени сохраняет эту функцию и выступает как мир людей, окружающий героев, который оценивает, одобряет или осуждает персонажей. Тенденция одобрения героев миром, важного для Арбузова, видна уже в «Тане», созданной на год раньше «Города на заре». В финале «Тани» проститься с героиней и выразить восхищение ее поступком приходит чуть не весь поселок геологов, куда она добралась в пургу, чтобы спасти ребенка.

Башняк. Мы, товарищ доктор, большое, золотое спасибо говорим за то, что вы нашего парнишку выходили. А про то, как вы шли к нам в пургу и смерти не боялись, про этот ваш бесценный поступок мы дали весть в Москву. Пускай вся страна знает, какой вы дорогой человек. [2, с.175]

Неудачница, как себя однажды назвала Таня, превратилась в уважаемого советским миром человека. Жизненные поиски Тани увенчались одобрением мира окружающих людей – таково обязательное завершение сюжета.

В пьесе «Город на заре» присутствие хора и его вмешательство в действие – необходимая составляющая сюжета. Он, как действующее лицо, состоит из всех комсомольцев, строителей города, а не определенного количества хоревтов, как в античной трагедии. Они приехали из разных мест страны на Дальний Восток построить новый город на берегу Амура, как участники арбузовской студии собрались для осуществления предложения М. Горького новым театрам коллективно создать спектакль: «Важно одно – оживить, привести в движение нетронутый слой тех личных впечатлений бытия, который лежит в душе каждого и обычно изгнивает бесплодно» [7, с.269]. Хор не только вместе выступающие строители, но и их общая душа, которая вмещает и соединяет всех. Как писали Галантер и Шаров, хор олицетворяет «совесть города юности, его моральную чистоту» [5].

Исследователи, например Рудницкий, Вишневская, Григорай, уже отметили, что хор, состоящий из строителей, помогал героям в той или иной сложной ситуации. «Хор – действенный помощник героев, он спасает их, помогает выбраться из беды», – так писала Вишневская [4, с.99]. Но ими не отмечена постоянная роль хора, связанная с любовной, семейной жизнью героев – важнейшей для героев пьесы. Именно эта связь стала ключевым фактором, который определил композиционное оформление и назначение хора.

Хор появляется в пьесе не сразу, как в античной трагедии, начинающейся с пролога, за которым следовал выход хора (парод). «Город на заре» начинается хоровым пением «Интернационала» приехавших на берег Амура будущих строителей Комсомольска. Пением государственного гимна страны этого времени приезжие дружно демонстрируют общий энтузиазм, но исполнение «Интернационала» еще не было выражением их отличной от других энтузиастов страны души, а именно общим пением, не хором как действующим лицом.

В первом действии после первой картины – экспозиции, где выступали все персонажи сами по себе и демонстрировали свои индивидуальные качества, в интермедии появился хор как действующее лицо. Он пел сначала об общем восприятии комсомольцами новой земли, куда они попали, лирически передав их общее настроение.

Хор (поет).

Вот он, край мой незнакомый,
Сопки, лес да тишина,
Солнце светит по-другому,
Странной кажется луна. [2, с.179]

Песня хора о незнакомом крае включает обязательное воспоминание о родном человеке (любимой, любимом), оставленном в родном краю, которого хочется увидеть рядом в построенном городе.

Хор (*поет*).

У березки мы прощались,
Уезжал я далеко,

Говорила, что любила,
Что расстаться нелегко.
<…>
Ты приедешь издалека,
Мы по улицам пройдем. [2, с.179]

С новым краем связана мысль не только о строительстве города, но и о личной жизни, о семье. С первого момента появления хор показывает дальнейшую любовную и семейную интригу пьесы – героям нужно не только выжить в трудных условиях незнакомого края, но и составить семейные ячейки, создать в будущем городе жизнь, стать его коренными жителями. Эта мысль заложила основу сюжета всей пьесы и предопределила ее структуру. С данной лирической хоровой интермедией контрастно сопоставлена хоровая интермедия в третьем действии, которая начинается с куплета о наступающей весне после нелегкой зимы, бывших главных испытаний для каждого героя: инструмент и еду привезли не вовремя; жизнь всех строителей угрожали голод и мороз; бригадир Аграновский отказался построить бараки и держал строителей в землянках, в результате чего некоторые из них погибли.

Хор (*поет*).
«Прилетели птицы с юга,
На Амур пришла весна.
Жду тебя, моя подруга,
Жду тебя, моя подруга,
Там, где старая сосна. [2 с.250]

Наступающая весна символизирует не только конец неблагополучия для строителей, но и начало их новой жизни. Хор уже не поет о подруге, оставшейся в родном городе, а поет о найденном здесь любимом человеке, с которым вместе пережито самое трудное.

Никакая сила злая,
Никакая, никакая
Нас с тобой не разлучит». [2, с.251]

С хором связан лирический сюжет, смыкающийся напрямую с центральной сюжетной линией борьбы за создание нового города. Хор сопровождает любовные треугольники Лели, Зорина и Альтмана, Белоуса, Оксаны и Зяблика.

Зяблик был мечтателем и философом. Именно его мечта и энтузиазм нужны были будущему городу, а вначале были одобрены только коллективным хором. Сам выдумщик оценивался героями по большей части негативно. После обращения Зяблика к хору с рассказом о плане нового города, в котором будет и площадь Фомы Кампанеллы, и памятник великому утописту, отношение к нему хора (но не отдельных героев) меняется:

Очарованный хор провожает уходящего с площади Зяблика тихим шелестом аплодисментов, точно боится вспугнуть то, о чем только что говорил юноша. [2, с.199]

Зяблик не заботился о быте, в принципе был против вещей (не привез с собой ни костюма, ни пальто). Он погиб бы, если бы не заботы Оксаны. Они полюбили друг друга. Однако герой не думал о себе и Оксане, когда надо было спасти от воды штабеля бревен, труд всей зимы, и попавших в опасность Альтмана и Наташу. Зяблик решил взорвать скалу, преграждавшую путь воде, с риском для жизни.

Зяблик. Вода уйдет из волчьего рва – скала закрывала ей дорогу. Наташа и Альтман вернутся <… > (Смотрит на Оксану.) Милая… до свидания… (Умирает.) [2, с.263]

Над героически погибшим Зябликом хор склоняет знамена.

Земля стала своя не только потому, что начали строить город, но и потому, что зародились новые семьи, люди уже не отряд приезжих строителей, а настоящее население города. Именно поэтому в последней картине общие мысли выражает не хор из многих или нескольких человек, а пары – «он» и «она», которые сами стали душой города, сейчас рассуждают и оценивают происходящее, как хор. От первой пары слышим:

Она. В нашей городе никогда не будет нищих… [2, с.263]

От второй пары:

Он. Хочешь, я выучу наизусть всего Пушкина?

Она. Хочу.

Он. Хочешь… Мы никогда не расстанемся?

Она. Хочу. [2, с.263]

Третья пара вспоминает подвиг Зяблика и выражает надежду на спасение заблудившихся в лесу Альтмана и Наташи. И Зяблик, и Альтман с Наташей – не только общее горе, общая забота, но и их личное горе и жизнь.

Он. Они вернутся, вот увидишь… Зяблик сказал, что они вернутся. [2, с.264]

Кто не влюблен, мечтает найти любимого в новом городе. Это особенность города.

Одинокий парень (*остановился*). А почему нет?.. Может быть, она едет сейчас на пароходе…Едет и не знает даже, как меня зовут. И я тоже не знаю, какая она… курносая, тоненькая-тоненькая… [2, с.264]

Неслучайно появление Оксаны, жены погибшего Зяблика среди этих безымянных пар, которые передают главные мысли, как хор. Она как бы завершает лирическую сюжетную линию любовных пар. Она сообщает о будущем рождении ребенка Зяблика.

Оксана (задумчиво). Им будет легче. (Помолчав.) И все-таки город будет! И площадь Фомы Кампанеллы, и проспект Карла Маркса, и все, как он говорил. [2, с.265]

Прожитая зима – это не просто сражение с морозом, это и временные трудности, где люди нашли друг друга. Город появился не как строение, не как бараки в лесу, а как семья. Город развивается. Пока он «на заре», его ждет новый день. В город приезжают новые люди, которые будут строить город вместе с первыми жителями и не забудут их подвиги. Именно поэтому хор появляется еще раз вне интермедии и обращается к зрителям, призывая не нарушать сна вернувшихся Альтмана и Наташи:

Белоус. Тише…Они спят. (Обращаясь к зрителям.) Они спят и видят во сне…вас.

Хор (зрителям). Тсс… Тише… Тише… [2, с.265]

Финальное объединение хора со зрителями – это объединение с общим миром советских людей. Объединение героев со зрителями в финале характерно и для других драм Арбузова 30-х годов («Шестеро любимы», «Дальняя дорога»).

Лирическая роль хора объясняет его присутствие в пьесе Арбузова – автора лирических драм и лирических комедий. В Китае высоко ценят лирическую тональность пьес Арбузова. В 1998 г. профессор Шеньянской консерватории Ань И писал, что «благодаря существованию хора пьесы Арбузова отличаются почти не достижимой по высоте поэтичностью» [1, с. 56]. Профессор Нанкинского университета Дун Сяо в статье «Поэтизация сцены и ослабление конфликта: о чеховской традиции в советской драме» указал на продолжение Арбузовым чеховской традиции в создании лирической атмосферы. Дун Сяо подтвердил, что Арбузов сознательно обнажает эмоциально-нравственные противоречия и таким образом «создает лирическую атмосферу с помощью хора» [8, с.51-52].

This article argues that the compositional design of chorus in the play reveals the lyrical side of the plot, which consists in the fact that the young people who came to build the city must realize the dream of love, become families and real residents.
***Keywords**: lyrical interlude, chorus, compositional functions, lyrical plot.*

Список литературы

1. Ань И Хор – психологическая декорация: о воскресении и развитие хора в современных театрах// Театр. 2000. №2. С. 54-59 安怡 歌队：精神性布景——歌队在当代戏剧中的回归和超越 戏剧 2000 (2) 54-59页
2. Арбузов А. Избранное. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. 760 с.
3. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1969. 631 с.
4. Вишневская И. Алексей Арбузов: Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1971. 232 с.
5. Галантер Б., Шаров А. Рождение нового театра // Правда. 1941. 10 февр.
6. Гегель Г. Эстетика. В 4-х т. Т.1. М.: «Искусство», 1971. 624 с.
7. Горький М. Письмо К. С. Станиславскому. 29 сентября [12 октября] 1912 г. // Собрание сочинений. В 30 т. Т.29. М.: Художественная литература, 1955. С. 259-270
8. Дун Сяо Поэтизация сцены и ослабление конфликта: о чеховской традиции в советской драме// Русская литература и искусство. 2008. №2. С. 51-55 董晓 舞台的诗化与冲突的淡化——试论苏联戏剧中的契诃夫风格 俄罗斯文艺2008 (2) 51-56页
9. Рудницкий К. Встреча с юностью//Сказки… Сказки… Сказки Старого Арбата. Загадки и парадоксы Алексея Арбузова. М.: Зебра Е, 2004. С.217-236

Об авторе

Ай Хуэйжун – аспирантка второго курса кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, *ahr.2006@163.com*

УДК 821.134.2

ХРОНОТОП В РОМАНЕ К. ФУЭНТЕСА «КАМПАНИЯ»

Айрапетян Л.С.

В данной статье автор анализирует влияние идей М.М. Бахтина на модель времени романа «Кампания» (“La campaña”, 1990) мексиканского писателя XX в. К. Фуэнтеса, в частности теоретически обоснованного русским культурологом понятия «хронотоп». В художественном мире романа время оказывается неразрывно связанным с пространством: главный герой, передвигаясь по Латинской Америке в поисках своей возлюбленной, меняет не только пространственные, но и временные координаты. Цепочка нескольких относительно независимых хронотопов - наиболее адекватная форма воплощения идеи многокомпонентности культуры Латиноамериканского региона.
***Ключевые слова:** мексиканская литература, хронотоп, линейное время, нелинейное время, циклическое время, историческое время, субъективное время.*

В 90–е годы XX в. Карлос Фуэнтес, мексиканский писатель и эссеист, целиком и полностью сосредотачивает свое внимание на проблеме своеобразия латиноамериканской цивилизации, истоков формирования оригинальной культуры континента. Основная тематика произведений этого периода – историческая, культурологическая. В эти годы Фуэнтес создает такие художественные произведения, как «Кампания» (“La campaña”, 1990 г.), «Апельсиновое дерево, или круги времени» (“El naranjo, o los círculos del tiempo”, 1992 г.), «Стеклянная граница» (“Frontera de cristal”, 1995 г.), «Годы

с Лаурой Диас» (“Los años con Laura Díaz”, 1999 г.). Наиболее значимые сборники эссе этого периода – «Доблестный Новый Свет» (“Valiente mundo nuevo”, 1990 г.) и «Погребенное зеркало» (“El espejo enterrado”, 1992 г.)

Историческую прозу Фуэнтеса 1990-х гг. можно отнести к жанру «нового исторического романа» Латинской Америки. Теоретическое обоснование данного литературного феномена дано в работе американского литературоведа Сеймура Ментона «Латиноамериканский новый исторический роман» (1993 г.). Цель данного жанра – пересоздать прошлое с помощью художественного вымысла, обрести историческую правду, идя подчас наперекор официальной историографии [5, с.67]. Ментон отмечает следующие основные черты данного литературного явления: 1. Подчинение исторического аспекта изложению философских идей. 2. Сознательное нарушение хода времени и истории за счет упущений, преувеличений и анахронизмов. 3. Фикционализация исторических персонажей. 4. Повышенная саморефлексия текста, напоминающая о фикциональном характере представленной истории. 5. Интертекстуальность. 6. Карнавальное и пародийное начало, которое придает истории относительный характер [11, p.42]. К новому историческому роману С. Ментон относит роман Фуэнтеса «Кампания», анализ которого представлен в главе «Хроника одной отвергнутой истории» (“Crónica de una historia denunciada”) его исследования «Латиноамериканский новый исторический роман». По мнению литературоведа, в произведении совмещены несколько жанровых кодов, в нем можно обнаружить черты неокреолистского романа, а также интертекстуального, архетипического, традиционного исторического и нового исторического, а также диалогического романа.

Роман «Кампания», как никакое иное произведение Фуэнтеса, испытало на себе сильное влияние идей русского философа и культуролога XX в. М. М. Бахтина. В сборнике эссе «География романа», написанном в 1993 г., Фуэнтес пишет, что современный роман представляет собой «множество диалогов между различными языками, отдаленными историческими эпохами, социальными классами и противоречивыми исторически сложившимися картинами мира» [8, p.75]. Ранее в 1988 г. в интервью Дебре Кастилло Фуэнтес признает свою приверженность многим идеям Бахтина, в частности, понятиям множественности, многоязычия [6]. Принцип диалогизма, понимаемый Бахтиным как философская, психологическая и культурологическая категория, положен Фуэнтесом в основу художественного мира романа «Кампания». В романе «Кампания» изложены события, относящиеся к борьбе латиноамериканских колоний за независимость, хронологически они охватывают период с 1810 по 1821 гг. Мексиканский писатель, используя мотив путешествия, изображает всю латиноамериканскую действительности, во всем многообразии культур, ее слагающих. Согласно Фуэнтесу, путешествие – это движение, ведущее к столкновению с миром, с другим, в результате которого достигается и познание мира, и самопознание. Странствуя по континенту, главный герой Бальтазар Бустос постигает сущность латиноамериканского мира, осваивает его, делает своим. Отечественный литературовед А. Ф. Кофман отмечает, что «в латиноамериканском пространстве владычествует горизонталь» [2, с.60], герой движется «извне континента – в глубину, движется, чтобы раствориться в пространстве, и это растворение становится высшей степенью самореализации» [2, с.60].

Вступая в диалог с миром, герой обнаруживает его неоднородность, многокомпонентность. В «Доблестном Новом Свете» Фуэнтес замечает, что «иная культура предполагает иное время. Наличие множества культур подразумевает и множество времен» [9, p.129]. Диалогизм Фуэнтеса предполагает наличие более чем одного времени. Для понимания концепции времени романа, следует обратиться к понятию «хронотопа», получившему обоснование в работе Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе» (1975 г.). Во введении ученый объясняет, что сущность данного понятия в «неразрывности пространства и времени», во «взаимосвязи пространственно-временных отношений» [1, с.425], в понимании времени как четвертого измерения пространства. В упомянутом выше интервью Фуэнтес, вторя Бахтину, утверждает, что хронотоп можно обнаружить на любом отрезке художественной действительности. При этом писатель замечает, что хотя время и пространство не существуют отдельно друг от друга, все же он сознательно уделяет больше внимания проблеме времени. Таким образом, время становится организующим началом в произведениях Фуэнтеса.

Латиноамериканская действительность, изображенная в романе «Кампания», предстает в виде отдельных хронотопов, относительно самостоятельных миров, с особой, им присущей организацией пространства-времени. Пересекая границы различных стран, передвигаясь из региона в регион, молодой революционер Бустос меняет и четырехмерную систему координат. Таким образом, его перемещение дискретно, что разрушает принцип линейного, непрерывного времени.

Осью художественного мира романа является Буэнос-Айрес. Именно здесь начинает и завершает свое путешествие герой, а также здесь все время находятся друзья Бустоса – Хавьер Доррего и Мануэль Варела. От лица последнего повествуется роман. Буэнос-Айрес неслучайно выбран как отправная точка сюжета. Именно в Рио де ла Плате происходят первые антииспанские восстания, и уже в 1813 г. регион получает независимость от Испании. Сам Буэнос-Айрес изображен как граница между Старым и Новым Светом, между колониальным прошлым и революционным настоящим. Трое друзей увлечены идеями Просвещения, проникшими в Латинскую Америку и ставшими катализатором революционного движения в Новом Свете. Доррего близки идеи Вольтера, Вареле – Дидро, а Бустос увлечен утопической идеей единения природы и человека Руссо. Немаловажен тот факт, что герои, «дети» Просвещения, увлечены коллекционированием и настройкой часов. Эта страсть к часам объясняется их желанием стать «хозяевами времени» [7, p.13], что, в представлении Фуэнтеса, характеризует отношение ко времени западноевропейского человека. В своем раннем сборнике эссе «Мексиканское время» писатель вспоминает о Кьеркегоре, поставившем проблему освоения времени как одну из основных в западноевропейском мышлении

[9, p.9]. Представитель Старого Света отказывается верить в непостижимость времени, пытается приспособиться к нему, сделать его удобным и понятным. В эпоху Нового времени господствует теория абсолютного времени И. Ньютона, утверждавшего, что время объективно, однородно и течет равномерно. Поэтому западный человек считает возможным с помощью интеллекта произвести «раскадровку» времени, разделяя его на отдельные отрезки, доступные счету. На протяжении всего романа образ часов, которые настраивают друзья Бустоса в Буэнос-Айресе, часто повторяется. Это создает эффект остановки времени, в мире Варелы и Доррего ничего не меняется. Доминантой хронотопа Буэнос-Айреса является стабильность, даже смена политической власти не влияет на жизнь друзей Бустоса, которых в финале он вновь встречает холостяками, занятыми коллекционированием часов.

Отправной точкой сюжета романа являются события ночи с 24 по 25 мая 1810 г.: Бальтазар Бустос крадет сына маркиза де Кабры – президента Аудиенции Буэнос Айреса – и кладет в колыбель негритянского младенца, сына проститутки, который гибнет в пожаре, нечаянным виновником которого становится сам Бустос. Няньки негритянки скрываются с переданным им белым ребенком. Мучимый чувством вины, герой отправляется на поиски своей возлюбленной Офелии, жены маркиза, и заезжает в имение к отцу. Данному эпизоду посвящена глава «Пампа», чье название вызывает ряд культурных ассоциаций. Пампа – не просто обозначение места действия, это отдельный концепт, связанный с богатой традицией литературы о гаучо. Если Буэнос-Айрес воспринимается как пограничная зона между Старым и Новым Светом, то пампа – это «interior», прибывая в который, Бустос попадает в патриархальный мир Рио де ла Платы, живущий вековыми традициями. Ведущие кочевой образ жизни гаучо превыше всего ценят свою свободу, но подчинение власти патриарха для них естественно. Хосе Антонио Бустос, отец главного героя, одним своим появлением усмиряет гордых гаучо. В хронотопе пампы преобладает время вечной власти патриарха, которая «сильнее законов настоящего и будущего» [7, p.52]. Данная традиция - фундаментальная основа жизни в пампе, поэтому она непререкаема.

Бустос, приехав из города в деревню, не просто сменил координаты своего местонахождения в пространстве, но попал из мира цивилизации в мир варварства. Герой проявляет свое внутренне родство с этим миром. Показателен эпизод борьбы Бустоса с гаучо. Символично, что противник внешне похож на него. Глядя в глаза своего «двойника», Бустос будто смотрится в зеркало национальной культурной традиции. Все цивилизованное на миг отступает, в герое пробуждается зов предков, он чувствует, что его «одолевает презираемое им прошлое» [7, p.51]. Данный эпизод во многом напоминает ситуацию, описанную Х.Л. Борхесом в рассказе «Юг» (“El Sur”, 1953 г.), главный герой которого, Хуан Дальманн, причащается традиционному миру деревни и одновременно попадает в прошлое. Бустос, на миг отрекаясь от «ультрасовременных» идей Просвещения и поддаваясь варварскому началу, совершает движение вспять во времени.

Покинув поместье отца, Бустос присоединяется к повстанческим войскам, погружается в саму гущу Истории, творимой на его глазах. Поэтому в письме друзьям он замечает: «Вы все как прежде заводите часы? Так знайте, что мы пребываем в разных временах» [7, p.52]. Мир революционной борьбы - это отдельный хронотоп. Бустос ощущает, что «размеренную жизнь в отцовском поместье в пампе и прибытие в Чикисаку отделяло нечто большее, чем просто расстояние» [7, p.52]. Так, передвижение героя в пространстве влечет за собой и перемещение во времени, доказательство чему – знакомство Бустоса с индейским миром.

Следует отметить, что изображение автохтонного мира как особой ипостаси латиноамериканской действительности выполнено отнюдь не в индехинистско-костумбристской манере. Фуэнтес дает право голоса индейскому культурному пласту, но выполняет свою задачу в символико-мистической манере, воплощая его в фантастическом образе города Эльдорадо.

Своеобразно, что в начале подглавки, в которой описан Эльдорадо, повествователь предается размышлениям о циклическом ходе времени: «Все явления цикличны. Они обретают смысл, только если заканчиваются так же, как и начались» [7, p.81]. Бустос, участник революционного движения, предстает здесь в образе эмбриона, колени которого примыкают к подбородку. Эта визуальная фигура круга отсылает к мотиву цикличности, который вместе с мотивом возвращения к истокам жизни составляет сущность концепции мифологического времени, который в данном эпизоде сопрягается с образом индейского мира.

Бустос, как и в пампе, проходит обряд инициации, но иного рода, – он теряет девственность с индейской девушкой. И это акт взросления не только в физическом, но и духовном смысле: герой приобретает мудрость, необходимую для постижения индейского культурного мира, провожатым в который становится метис Симон Родригес. Он приводит Бустоса в пещеру, в которой герой теряет как пространственные ориентиры («где был верх, а где низ?» [7, p.88]), так и временные. Эльдорадо – город, целиком построенный из света, который излучают и его жители. Причем Бустос интуитивно постигает, что этот ощущаемый физический свет есть сама идея света. Бустос видит, как из света складываются буквы имени его возлюбленной. Эльдорадо – это идиллический мир изначального единства духа и материи, жизни и смерти, разума и интуиции, индивидуального и всеобщего. Здесь Бустос познает совсем иной способ постижения бытия, отличный от того, который предлагает вся западноевропейская философия, отыскивающая везде противопоставление явления и сущности. Эльдорадо – это и образ мифологического первовремени, Бустос был уверен, «что оказался в самом далеком прошлом, у истоков всего» [7, p.90]. В этом безвременье слиты воедино и все временные планы: прошлое, настоящее и будущее, о чем говорит Родригес: «То, что ты видишь, - это, возможно не только прошлое, но и будущее» [7, p.90]. Эльдорадо - герметичный хронотоп, он скрыт во тьме глубокой пещеры, Родригес предупреждает Бустоса, что если раскрыть местонахождение города

для всех, то это приведет к его разрушению. Эльдорадо – это сакральное место, куда пускают только посвященных. Этот город воплощает архетипический образ пупа земли, центра мироздания. Согласно отечественному литературоведу А.Ф. Кофману, одним из способов познания латиноамериканского мира является путешествие, при котором происходит движение не только извне вовнутрь, и даже не только передвижение из города в сельскую местность, но и осуществляется переход из профанного мира в сакральный. И в частности пещера выступает в роли сакрального центра, который «мыслится как обитель и средоточие тайны» [2, с.54].

После Эль-дорадо Бустос сменяет пространственно-временные координаты и вновь входит в рамки исторического времени, погружается в «хаос и мешанину реальности» [7, p.95], под командованием Мигеля Лансы участвует в кровопролитной революционной борьбе. В высокогорье Перу этот каудильо, потерявший множество позиций, но сохранивший неприступность клочка земли, создает свой тесный, замкнутый мир, который Бустос называет «раем клаустрофобии» [7, p.107].

Главный герой покидает этот заколдованный круг и в поисках Офелии устремляется в Сантьяго де Чили, а затем, по указанию своей знакомой Лус-Марии, следует далее, углубляясь в Анды. С жанровой точки зрения, роман все более начинает быть похожим на волшебную сказку. Бустос, которого двое друзей называют младшим братом и к которому они относятся с определенной долей иронии, видя его безрассудство, отправляется на поиски невесты. На пути ему встречаются разные герои, выполняющие функцию помощника, подсказывающие ему дальнейший маршрут. Отечественный исследователь Д. Николаев, следуя теории В. Проппа, отмечает, что структура сказки представлена в виде хронологической последовательности качественно различных функций [4]. В волшебной сказке нет единого пространства-времени, но существует мир дома, мир деревни, мир города, мир леса, подводный мир, подземный мир и т.д. Каждый из этих миров живет по своему особому календарю. Художественное время и пространство романа «Кампания» также представляют собой цепочку дискретных хронотопов. Совершая переход через Анды, Бустос попадает в селение, в котором даже и не знают о том, что идет война. Существование подобного мира свидетельствует о необъятности пространства Латинской Америки. В селении герой обнаруживает только женщину, старика и негра, которые будто застыли в безвременье. Они пребывают вдалеке от Истории. Блуждая по заколдованному пространству Анд, герой обнаруживает сожженный до тла город: нога путника по щиколотку погружается в прах, который, по словам местных, никогда не развеется. Название региона «Парамо» отсылает к роману мексиканского писателя Х. Рульфо «Педро Парамо» (“Pedro Páramo”, 1955 г.), герой которого также оказывается в городе мертвых. Согласно числовой символике волшебной сказки, Бустос в третий раз возвращается в предыдущее селение и обнаруживает, что размеренный ход жизни нарушен: История добирается и сюда, заглатывая это некогда герметичное пространство-время. Расширяет свои границы город мертвых: умирает женщина, негр сбегает, но затем и его находят мертвым. Только старик продолжает, как и при первой встрече с Бустосом, сидеть на мешке с картошкой и слагать песни и легенды, становясь тем самым символом вечной народной памяти.

Покидая Анды, Бустос признается, что «оставляет иное время» [7, p.185] и входит вновь в пределы линейного времени, возвращаясь в город Маракаибо. Оказавшись в зоне цивилизации, герой обращается к календарю и покупает газету, чтобы узнать, какой сегодня день и что произошло в недавнее время. Герой осознает, что его субъективное переживание времени не совпадает с ходом времени объективного – пребывание в Андах, которое, как ему показалось, заняло несколько месяцев, на самом деле длилось две недели.

Время романа оказывается разомкнутым в будущее, что подчеркивает и открытый финал. В Веракрусе Бустос встречает Офелию и ее сына, которого воспитывал падре Кинтана. Но если в традиционной волшебной сказке заколдованная принцесса освобождается от злых чар и обретает былую красоту, то в романе «Кампания» образ молодой желанной Офелии рассыпается в прах: героиня смертельно больна. Бустос усыновляет мальчика и возвращается с ним в Буэнос-Айрес. Но автор не ставит точку ни в личной жизни героя, ни тем более в истории Латинской Америки. Войны за независимость еще продолжаются, отдельные регионы еще под властью Испании. Бустос, пересекший весь континент, так и не нашел ответа на поставленные им в начале пути вопросы. Хоть и кампания завершена, но жизнь Бустоса продолжается, он вновь встречает Габриэлу Коо, любовью которой когда-то пренебрег, увлеченный химерической страстью к Офелии. Мотив близорукости, неведения, сопровождавший образ Бустоса и воплощенный в образе его очков, не покидает его и в финале романа. Герой узнает, что ребенок Офелии жив, что сама Офелия была агентом революции, но для него остается тайной страсть Офелии и Варелы, плодом которой стал Мануэль, мальчик, усыновленный Бустосом. В финале Мануэль играет в жмурки, что тоже становится одним из воплощений мотива слепоты. Фуэнтес, последователь Бахтина, отказывается утверждать какие бы то ни было истины, их вытесняет гетерогенная действительность, находящаяся в процессе становления, которую невозможно привести под общий знаменатель. Усложненная структура пространства и времени, предполагающая наличие нескольких относительно независимых хронотопов, - наиболее адекватная форма воплощения идеи многокомпонентности культуры Латиноамериканского региона.

Философ Г. Лукач утверждает, что организующим началом в романе является время, могущественное и всепоглощающее [3, с.62]. В романе Фуэнтеса разрозненные хронотопы объединяет переживание времени как единого потока, в который вовлечены и историческое время, и субъективное время каждого героя. Символом этой идеи становится образ реки, на которую смотрит Бустос в последней главе. Время обладает вектором движения, поэтому человек не увлекается его потоком, как щепка, но противостоит ему благодаря памяти и надежде на обретение смысла

в будущем. Не случайно в финале появляется образ младшего брата, который встречается на протяжении всего произведения в разных модификациях. Мигель Ланса живет памятью о своих старших братьях, героях революции, самого Бустоса он принимает за своего младшего брата, которого так же называют Варела и Доррего. Новым младшим братом становится для них сын Офелии. Младшим братом Мексики называет Кинтана Аргентину. Организующим началом времени и истории выступает в романе преемственность поколений, подразумевающая принятие на себя ответственности не только за свои поступки, но и за судьбу страны и всего континента. Поэтому Бустос предупреждает друзей: «Я не буду жить в мире. Ни я, ни Аргентина, ни вся Латинская Америка» [7, p.239].

In the article the author analyses the impact of M. M. Bakhtin's ideas on the model of time in the novel "The Campaign" by the Mexican writer C. Fuentes, especially the concept of "chronotope" which was theoretically substantiated by the Russian scholar. In the fictional world of the novel the time appears to be essentially connected with the space. The main character changes not only special, but also time coordinates while travelling around the Latin America in search of his lover. The chain of several relatively independent chronotopes is the most adequate form to represent the idea of a multicultural Latin American region.
Keywords: *the Mexican literature, chronotope, linear time, non-linear time, cyclic time, historical time, subjective time.*

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собр. соч. в 3 т. Т.3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
3. Лукач Г. Теория романа // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19-78.
4. Николаев Д.М. Тайна очарованной царевны [Электронный ресурс] // О календарном хронотопе сюжета сказки: [сайт]. [2004]. URL: http://www.proza.ru/2011/03/10/669. (дата обращения: 17.09.2015).
5. Согомонян М.К. Латиноамериканский роман в XIX веке. // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Научный журнал. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2015. № 4. – С. 67-70.
6. Castillo D.A. A conversation with Carlos Fuentes [Электронный ресурс] // The review of contemporary fiction. 1988. № 8. URL: http://www.dalkeyarchive.com/a-conversation-with-carlos-fuentes-by-debra-a-castillo (дата обращения: 10.10.2015).
7. Fuentes C. La campaña. Madrid: Mondadori, 1990. 241 p.
8. Fuentes C. Geografía de la novela. México: Alfaguara, 1993. 226 p.
9. Fuentes C. Tiempo mexicano. México: Cuadernos de Joaquín Mortiz, 1972. 193 p.
10. Fuentes C. Valiente mundo Nuevo. México: Fondo de cultura económica, 1990. 288 p.
11. Menton S. La nueva novela histórica de la América Latina, 1979-1992. San Diego: Fondo de cultura económica USA, 1993. 311 p.

Об авторе

Айрапетян Лилия Саркисовна – аспирантка кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *lilyoka16@rambler.ru*

УДК 81'42

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЖАНРА ТЕКСТОВ ЗАКОНОВ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ

Батюшкина М.В.

Статья посвящена изучению текстов законов о внесении изменений и их характеристике как субжанра юридического дискурса. Даны оценки содержательным и формальным параметрам текстов законов о внесении изменений. Исследуется соотношение текстов первичных законов и законов о внесении изменений. Анализируется связь названия закона о внесении изменений с другими его структурными частями. Материалом исследования послужили тексты российских законов. Новизна и выводы проведенного автором исследования заключаются в возможности раскрыть и систематизировать ряд применяемых терминов, используемых при исследовании вопроса о законодательных текстах. Научная статья предназначена для обсуждения поставленной проблемы преподавателями, аспирантами и студентами. Выводы, сделанные автором научной статьи, могут быть использованы для проведения дальнейших исследований по данной проблематике.
Ключевые слова: *законодательный текст, функциональный стиль, жанр, субжанр.*

Введение

Цели принятия закона обуславливают выбор той или иной формы законодательного текста, его жанровое своеобразие. При необходимости первичного регулирования общественных отношений принимаются так называемые "базовые" ("первичные", "основные") законы [3; 5]. Базовым законам свойственны обобщенный способ изложения общего правила с распространением данного правила на максимально возможное количество конкретных условий и ситуаций в различных сферах коммуникации. Если необходимо уточнить тексты ранее принятых базовых законов, в частности, нормы или терминологию, принимаются законы о внесении изменений.

Следует отметить, что в количественном соотношении тексты законов о внесении изменений преобладают по сравнению с текстами базовых законов. За последние пять лет было принято около 3000 текстов российских

законов, из них более 2400 – о внесении изменений. Как отмечается в научной литературе, ключевой тенденцией современного российского законотворчества является не первичное регулирование социальных отношений, а направленность на изменение действующих норм [7, с.137; 6].

При этом жанровые особенности текстов законов о внесении изменений остаются за рамками лингвистического рассмотрения. В качестве исключения могут быть названы работы отдельных лингвистов, рассматривающих те или иные аспекты текстов законов о внесении изменений [2]. Между тем, данные типы текстов являются интересным научным объектом и доступны для анализа. Кроме того, лингвистическое исследование данной проблематики значимо как для авторов-разработчиков законодательных текстов, так и для специалистов-практиков, осуществляющих лингвистическую экспертизу текстов законопроектов. Недостаточность лингвистического исследования специфики текстов законов о внесении изменений, их преобладающий количественный состав и постоянное производство, как федеральным, так и региональным законодателем, а также востребованность данной информации в законотворческом и экспертном процессе определяют актуальность и значимость настоящей работы.

Теоретический анализ

Современные законодательные тексты представляют собой логическую взаимосвязь автономных текстов, объединенных по предметному признаку в отдельные классы текстов. Данные классы текстов формируются на основе отношений смежности коммуникаций в различных сферах общественных отношений (правовой, политической, экономической и др.) и в совокупности выражают тематическую структуру единого пространства юридического дискурса. Текст закона и классы текстов законов соотносятся как часть и целое и характеризуются внутренними дискурсивными отношениями. Между различными законодательными текстами и различными классами законодательных текстов существуют внешние дискурсивные отношения.

Как отдельные тексты законов, так и классы текстов законов находятся в отношениях родовидовой соотнесенности жанров и субжанров. Жанр текстов конституций является родовым по отношению к жанрам текстов кодексов и законов. Это означает, что при создании текстов кодексов и законов авторы ориентируются на конституционный текст. В праве аналогичные отношения отражены в понятиях большей или меньшей "юридической силы". Например, текст Конституции России обладает большей "юридической силой" по отношению к текстам федеральных законов, тексты федеральных законов обладают большей "юридической силой" по отношению к текстам региональных законов, региональные конституции (уставы) обладают большей "юридической силой" по отношению к региональным законам.

Совокупность текстов законов и классов текстов законов можно сравнить с открытым множеством, поскольку существует возможность: во-первых, включения в любой текст и класс текстов других текстов-компонентов; во-вторых, исключения какого-либо текста-компонента из законодательного текста, класса текстов; в-третьих, порождения на основе законодательного текста или класса текстов новых законодательных текстов и классов текстов.

В связи с открытостью законодательного текста и класса текстов возможно многократное изменение правового содержания и формы его представления. Ключевую роль в данном процессе выполняет изменение текста закона, которое осуществляется не прямо, посредством его переиздания, а косвенно, с помощью разработки и принятия совершенно нового текста закона, основным предметом которого является внесение изменений в ранее принятый базовый закон.

Проведенный анализ законодательных текстов показывает, что под понятием "внесение изменений" законодатель подразумевает определенную трансформацию структурной единицы действующего закона (под структурной единицей понимается абзац, подпункт, пункт, статья, глава, раздел, часть закона), а именно: замену слов, цифр или новую редакцию структурной единицы закона; исключение слов, цифр, предложений, находящихся в составе структурных единиц закона, исключение структурных единиц не вступившего в силу закона; дополнение статьи закона новыми словами, цифрами, предложениями, структурными единицами; приостановление либо продление действия закона или его структурных единиц; признание структурных единиц закона "утратившими силу". В связи со спецификой предмета закона о внесении изменений данный тип текстов может быть назван трансформирующим [2, с.48] или моделирующим.

Трансформация структурной единицы осуществляется с учетом особых правотворческих традиций [4], а необходимость соблюдения данных традиций делает тексты законов о внесении изменений более клишированными по сравнению с текстами базовых законов. При внесении изменений применяются стандартные воспроизводимые формулировки, основанные на использовании глагольных форм в сочетании с именными частями речи. Примеры: *в статье 1 слово "..." заменить словом "..."; цифры "..." заменить цифрами "..."; абзац второй изложить в следующей редакции: "..."; предложение второе пункта 2 статьи 3 исключить; статью 5 дополнить пунктом 4 следующего содержания: "..."; приостановить до 1 января 2017 года действие абзаца четвертого пункта 2 статьи 6 Федерального закона "..."; статью 3 Федерального закона "..." признать утратившей силу.* Как показывает анализ текстов законов о внесении изменений, выбор той или иной формы внесения изменения в текст базового закона обуславливается определенными требованиями. Например, если количество внесенных изменений составляет более половины текста статьи, статья излагается в новой редакции.

Доминантные особенности передачи информации о внесении изменений позволяют отнести данный тип

законов к текстам-волеизъявлениям, поскольку данные тексты содержат алгоритмы определенных действий, которые должны осуществить участники юридического дискурса при трансформации структурных единиц и текста базового закона в целом. Передаче волеизъявления способствует употребление в тексте сочетаний глагольных и именных форм (*внести изменения, заменить слова, изложить в редакции, исключить цифры, дополнить предложением, приостановить действие, признать утратившей силу*).

По вопросу о соотношении текстов базового закона и закона о внесении изменений полагаем важным отметить следующее. Текст базового закона и текст закона о внесении изменений назвать "первичным" и "вторичным" можно лишь условно. Дело в том, что с точки зрения временной последовательности "первичным" текст базового закона остается только до момента внесения в него первого изменения. После этого, происходит совмещение содержания текста базового закона и текста закона о внесении изменений. В какой-то степени закон о внесении изменений становится "первичным" по отношению к тексту базового закона, поскольку изменение текста базового закона обусловлено законом о внесении изменений. Нетрудно заметить, что при указанной интерпретации рассматриваемых явлений текст базового закона и текст закона о внесении изменений меняются местами: второе (текст закона о внесении изменений) становится в какой-то мере определяющим по отношению к первому (тексту базового закона). Однако в дальнейшем текст закона, с учетом внесенных изменений, вновь становится "первичным" по отношению к новому тексту закона о внесении изменении, а после внесения изменений – "вторичным" по отношению к нему. Дальнейшие последовательно вносимые изменения в текст базового закона еще более усложняют смысловые отношения как между текстом базового закона и текстами, которыми он изменяется (между целым и частями целого), так и между текстами законов о внесении изменений в базовый закон (между частями целого).

После принятия текста закона о внесении изменений и его официального "вступления в силу" в юридическом дискурсе автономно и одновременно существуют два самостоятельных законодательных текста и "абстрактный" образ законодательного текста с внесенными в него изменениями, своего рода абстрактный интертекст закона. Поэтому текст базового закона и текст закона о внесении изменений можно рассматривать с различных позиций: как два самостоятельных текста, как целое и часть, как два подтекста одного абстрактного интертекста.

С помощью электронных правовых систем ("Гарант", "Консультант Плюс" и др.) абстрактный интертекст трансформируется в электронный вариант законодательного текста, который может быть преобразован в письменный (печатный) текст. Полученный в результате законодательный текст используется субъектами юридического дискурса в качестве "актуальной редакции" закона наряду с отдельно взятыми текстами базового закона и закона о внесении изменений. При этом взаимосвязь текстов в электронной форме обеспечивается гиперссылками, позволяющими осуществлять переход из одного законодательного текста в другой текст и возвращаться в исходный текст с помощью ссылок, сравнивать разные редакции законодательного текста: актуальную (действующую) и неактуальную (недействующую), определять источник заимствования той или иной части текста. Справочные правовые системы позволяют адресату быть активным по отношению к законодательному тексту, усиливают взаимодействие адресата и законодательного текста, позволяя осуществлять различные операции: выбирать формат чтения законодательного текста, сравнивать редакции анализируемого законодательного текста с другими нормативными правовыми актами, искать к тексту дополнительную информацию (комментарии, судебную практику), осуществлять переход по ссылкам между частями текста, копировать текст и на этой основе создавать свой текст, осуществлять поиск слов, оставлять в законодательном тексте комментарии и т.д. Кроме того, благодаря программным алгоритмам адресат не только может самостоятельно работать с композицией и содержанием законодательного текста в целом и его частями, перемещаться между пространствами разных текстов, но и выходить за пределы пространства единого законодательного текста в интернет-пространство. Данные операции позволяют адресату сформировать собственный целостный образ текстов базового закона и закона о внесении изменений, составить представление о причинно-следственной взаимосвязи нормативных понятий.

Таким образом, текст базового закона ввиду постоянного внесения в него изменений и создания интертекста утрачивает свойство текста – статичность (неизменность) и приобретает такие свойства юридического дискурса, как: развитие во времени, ориентированность на процесс правоприменения закона, завершенность в виде письменной и электронной закрепленности, экстралингвистические параметры производства и восприятия текста.

Множество текстов базовых законов и множество текстов законов о внесении изменений, хотя и существуют в тесном единстве, составляют две различные, но одинаково важные "структурные общности". Внутри данных структурных общностей складываются группы законодательных текстов, близких по жанровым особенностям оформления содержания. Например, внутри структурной общности текстов базовых законов могут быть выделены три основные группы: тексты конституций, тексты кодексов и тексты законов. Внутри структурной общности законов о внесении изменений могут быть выделены группы в зависимости от таких факторов, как: количество базовых законов, в которые вносятся изменения; количество структурных единиц, в которые вносятся изменения; количество вносимых изменений; качественная конкретизация изменений в названии закона. Группы текстов законов обладают жанровыми вариациями, создающими специфическое субжанровое своеобразие. Полагаем, что общее представление о субжанровой специфике текстов законов о внесении изменений может быть дополнено комментарием о композиционных и содержательных особенностях данных текстов.

В целях формирования представления об особенностях конструкций текстов законов о внесении изменений можно условно разделить данные тексты на две основные группы: группу законов, которые вносят изменения в один "базовый" закон (простые законы), и группу законов, которые вносят изменения в несколько "базовых" законов (составные законы) [1]. К первой группе относятся: а) законы, вносящие одно изменение или несколько изменений в одну статью одного "базового" закона; б) законы, вносящие изменения в две статьи одного "базового" закона; в) законы, вносящие изменения в несколько структурных единиц одного "базового" закона; г) законы, вносящие одно изменение или несколько изменений в один "базовый" закон и признающие один или более "базовых" законов утрачивающими силу. Ко второй группе относятся: а) законы, вносящие изменения в два "базовых" закона и имеющие в названии соответствующую конкретизацию; б) законы, вносящие изменения в несколько "базовых" законов и не имеющие в названии соответствующей конкретизации; в) законы, вносящие изменения несколько "базовых" законов и имеющие в названии соответствующую конкретизацию; г) законы, вносящие изменения в несколько "базовых" законов и признающие один базовый закон или несколько базовых законов утрачивающими силу. В качестве особого типа следует рассматривать законы, в которых совмещены тексты базовых законов и тексты законов о внесении изменений.

Тексты законов о внесении изменений, вносящих изменения в один базовый закон, имеют следующую общую модель: начальные реквизиты → сопроводительная часть + нормативная часть → финальные реквизиты.

Реквизиты передают "первичную" информацию о тексте закона и являются его специфическими атрибутами, выделяющими текст закона из ряда прочих официальных документов. Реквизиты используются для номинации: государства, на территории которого принят текст закона (*Российская Федерация*); формы закона (*закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, федеральный конституционный закон, кодекс, федеральный закон*); субъекта, которым принят текст закона (*Государственная Дума*); субъекта, которым одобрен текст закона (*Совет Федерации*); даты принятия и одобрения текста закона; субъекта, подписавшего закон (*Президент Российской Федерации*); места подписания текста закона (*Москва, Кремль*); даты подписания текста закона; регистрационного номера закона.

С позиции законодателя, название закона также является реквизитом, формирующим "сжатое" представление о его содержании. Определенное название функционально закреплено за определенным уникальным законом. Оно позволяет идентифицировать закон, выделить его из совокупности других законов о внесении изменений.

Название закона всегда следует после терминонима – наименования формы закона (понятие терминонима используется нами вслед за В.А. Татариновым [8]) и начинается с предложного сочетания. Например, *Федеральный закон "О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации"* [14]. Терминоним не является уникальным и выполняет в юридическом дискурсе определенные терминологические и топонимические функции. В качестве топонимов выступают названия государства и субъектов федерации, которые маркируют форму закона по территориальному принципу. В законодательных текстах функциональная роль терминонима подчеркивается с помощью прописных букв. Примеры: *Закон Российской Федерации, Федеральный конституционный закон, Федеральный закон, Закон Омской области, Закон Чукотского автономного округа, Закон Республики Бурятия* и т.д.

Название закона о внесении изменений отражает системные связи между законом о внесении изменений и базовым законом и представляет собой комплекс из двух частей: в первой отражен формальный повод и цель принятия закона – внесение изменений, а во второй – полное официальное наименование подлежащего изменению базового закона. Например: *[О внесении изменений] – [в Градостроительный кодекс Российской Федерации]*. Если изменения вносятся в одну или две статьи закона, в названии указываются номера изменяемых статей: *О внесении изменений в статьи 51 и 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации* [13]. В связи с о смысловыми связями название и текст закона могут быть рассмотрены как два соотносимых, но самостоятельных текста, обладающих собственными смыслами, либо как два подтекста одного текста, логически взаимосвязанных и дополняющих другу друга.

Сопроводительная часть содержит информацию о базовом законе и его структурных элементах, в которые вносятся изменения, нормативная – текст вносимых изменений.

Сопроводительная часть строится на основе стандартных речевых формул и может быть условно поделена на вводную и внутреннюю. Во вводной части содержится информация о базовом законе, в который вносятся изменения, о его реквизитах (виде, дате, номере, названии), об официальной публикации базового закона, а также об официальных публикациях текстов законов, вносящих изменения в базовый закон. Вводная часть, как правило, начинается словом *"Внести"* и заканчивается словосочетанием *"следующие изменения*:". Во внутренней части приводится информация о том, каким образом необходимо внести то или иное изменение в ту или иную структурную единицу базового закона. Все изменения вносятся последовательно с учетом следующих друг за другом структурных единиц базового закона и заключаются в кавычки для того, чтобы отличить текст изменений от внутреннего сопроводительного текста.

Приведем пример текста закона о внесений изменений [9]:

Текст	Структура
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН "ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" Принят Государственной Думой 18 декабря 2015 года Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2015 года	Начальные реквизиты: - название государства - форма - название закона - информация об органе власти, принявшем закон, дате принятия - информация об органе власти, одобрившем закон, дате одобрения
Внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53, ст. 7598; 2014, № 6, ст. 562; № 19, ст. 2289; № 23, ст. 2930, 2933; № 30, ст. 4263; 2015, № 1, ст. 53; № 29, ст. 4364) следующие изменения: 1) пункт 7 части 7 статьи 71 после слов "таможенных органов," дополнить словами "Следственного комитета Российской Федерации,"; 2) часть 5 статьи 78 после слов "государственных академических стипендий" дополнить словами "студентам или государственных стипендий аспирантам, ординаторам, ассистентам-стажерам"; 3) часть 6 статьи 86 после слов "в связи с их служебной деятельностью," дополнить словами "дети сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, погибших или умерших вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных ими в период службы в Следственном комитете Российской Федерации либо после увольнения вследствие причинения вреда здоровью в связи с их служебной деятельностью,"; 4) в абзаце первом части 5 статьи 108 слово "января" заменить словом "июля".	Вводный сопроводительный текст содержит информацию о законе, в который вносятся изменения (форма, дата принятия, номер, название, сведения об опубликовании), и оформляется с помощью речевой конструкции: *Внести в "..." следующие изменения*: *"...".* Подробное изложение в скобках источников официального опубликования приводится для того, чтобы составить точное представление о той редакции текста закона, в которую вносятся изменения. Последовательные постатейные изменения вносятся внутренним сопроводительным текстом и оформляются с помощью специальных речевых конструкций: *1) пункт 7 части 7 статьи 71 после слов "..." дополнить словами "...";* *2) часть 5 статьи 78 после слов "..." дополнить словами "...";* *3) часть 6 статьи 86 после слов "..." дополнить словами "...";* *4) в абзаце первом части 5 статьи 108 слово "..." заменить словом "...".* Нормативный текст приводится после сопроводительного и указывается в кавычках.
Президент Российской Федерации Москва, Кремль 30 декабря 2015 года № 458-ФЗ	Финальные реквизиты: - данные о лице, подписавшем закон - место и дата подписания закона - регистрационный номер закона

Как показывает пример, уяснить правовой смысл предлагаемых изменений можно только при обращении к тексту базового закона и при сравнении редакций текста базового закона до и после внесения изменений. Вот, например, как выглядит редакция абзаца первого части 5 статьи 108 базового закона до и после внесенных изменений:

До	После
Наименования и уставы образовательных учреждений подлежат приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом не позднее *1 января* 2016 года с учетом следующего:	Наименования и уставы образовательных учреждений подлежат приведению в соответствие с настоящим Федеральным законом не позднее *1 июля* 2016 года с учетом следующего:

Полагаем, что прием сравнения редакций очень эффективен при разработке текстов законопроектов или проведении лингвистической экспертизы текстов, поскольку в силу наглядности вносимых изменений помогает не только представить будущую редакцию базового закона, но и сравнить ее с действующей редакцией.

Наряду с простыми законами разрабатываются составные законы, предполагающие внесение изменений

в несколько базовых законов и имеющие одноступенчатую рубрикацию (то есть подразделение на статьи). Обобщенная модель таких текстов выглядит следующим образом: начальные реквизиты – статья 1 (сопроводительный текст + нормативный текст) – статья 2 (сопроводительный текст + нормативный текст) – статья 3 (сопроводительный текст + нормативный текст) – финальные реквизиты. Статьи составных законов о внесении изменений нумеруются, но не имеют названия.

Особую специфику имеют названия составных законов о внесении изменений. Как правило, если изменения вносятся в два закона, в названии составного закона приводятся точные названия базовых законов, в которые вносятся изменения. Например, *О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 14 Федерального закона "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений"* [12]. При внесении изменений в несколько законов, вместо перечисления названий законов используется обобщенная формулировка. Примеры: *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* [11]*; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Тульской области* [16].

Названия составных законов о внесении изменений не всегда отличаются уникальностью, поскольку встречаются законы с одинаковыми названиями, например: *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*. Это происходит в случае, если одним текстом закона одновременно вносятся изменения в несколько базовых законов. Обобщенные наименования используются в связи с тем, что многословные названия неудобны при цитировании или оформлении ссылок на текст закона. Кроме того, в юридическом дискурсе для идентификации того или иного закона о внесении изменений используются дополнительные реквизиты (номер, дата принятия закона). Вместе с тем положительной тенденцией следует назвать расширение названий подобного типа дополнительным компонентом, поясняющим тематику или обусловленность (цели, мотивы, причины) принятия закона о внесении изменений. Например, *О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан в Санкт-Петербурге* [15].

В составных законах одни изменения являются главными, а другие – сопутствующими. Например, в Федеральном законе *"О внесении изменений в Федеральный закон "О теплоснабжении" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности в сфере теплоснабжения"* [10] (вносятся изменения в тексты законов "О теплоснабжении", "Об электроэнергетике", Трудового кодекса РФ) изменения в Федеральный закон "О теплоснабжении" являются главными и составляют основную концепцию данного закона, а изменения в иные законы являются сопутствующими, обусловленными комплексным характером изменения в указанной сфере.

Следует отметить гибридные формы, возникающие при совмещении разных типов законодательных текстов. Данные тексты отличаются усложненной композицией. Тексты базовых законов могут содержать тексты законов о внесении изменений, которые выполняют в них факультативную функцию, либо композиционный блок, в котором представлены как тексты о внесении изменений, так и тексты об утрате или приостановлении базовых законов. При этом для каждого субжанрового подтипа характерно использование особых схем изложения содержания.

Заключительные положения

Проведенный анализ показывает, что текст закона о внесении изменений представляет собой субжанр (несамостоятельный) жанр юридического дискурса, представляющий собой видовую трансформацию текста базового закона. С одной стороны, это проявляется в зависимости названия, структуры и содержания текста закона о внесении изменений от текста базового закона. С другой стороны, субжанровый статус текста закона о внесении изменений проявляется в том, что данный тип текстов обладает своей индивидуальностью, благодаря которой тексты законов о внесении изменений можно отграничить от иных текстов законов.

Сосуществование в юридическом дискурсе текстов базового закона, закона о внесении изменений и абстрактного интертекста обуславливает различные направления в развитии законодательного текста: интеграцию различных текстов законов на основе их однородности, и, как результат, включение одного текста закона в контекст другого текста; увеличение противоречивости или автономии содержательных элементов (контекстов) отдельных законодательных текстов, их неоднородности, фрагментарности, и, как результат, трансформацию содержательного элемента (контекста) в отдельный законодательный текст. При этом любые модификации законодательного текста предполагают одновременно модификацию юридического дискурса.

The article is devoted to the research of texts of laws on modification and its characteristic as the subgenre of the legal discourse. There are some evaluations of the record's texts of laws on modification and substantial parameters. The article explores the relationship of primary texts of laws and texts of laws on modification. The connection of the title of texts of laws on modification its other structural parts is analyzed in the article. The material of the research is legal texts. The novelty and the findings of the author's research are concluded in the opportunity to detect and classify an array of existing terms, which are applicable to the issue of texts of laws. Scientific article aims to discuss the problems posed by teachers, graduate and students. The conclusions reached by the author of scientific article can be used to conduct further research on this issue.
Keywords*: legislative text, functional style, genre, subgenre.*

Список литературы

1. Батюшкина М.В. Тематическая, целевая и интегративная функции названий законов о внесении изменений (на примере законов Омской области) // Научный Вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 51-56.
2. Жукова М.Е. Законодательный дискурс как объект семиотического исследования // Вестник МГОУ. Серия "Русская филология". 2011. № 5. С.46-52.
3. Казанцев М.Ф. Региональное законодательство и правотворчество в России: основные теоретические и юридические свойства // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2012. № 12. С. 405-419.
4. Комментарии к Методическим рекомендациям по юридико-техническому оформлению законопроектов. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Издание Государственной Думы. 2013. 120 с.
5. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.
6. Пайгина Д.Р., Стрельников П.А. Поиск эффективных решений проблем правотворчества // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 141-145.
7. Справочник по нормотворческой технике. М.: Германский фонд правового сотрудничества. 2002. 214 с.
8. Татаринов В.А. Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. Российское терминологическое общество РоссТерм. – Сер. Библиотека журнала "Русский Филологический Вестник". Т.44. Московский лицей, 2006. 528 с.

Источники

9. О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации": федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 458-ФЗ // Российская газета. 2016. 11 января. № 1.
10. О внесении изменений в Федеральный закон "О теплоснабжении" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения безопасности в сфере теплоснабжения": федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 132-ФЗ // Российская газета. 2016. 6 мая. № 97.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 292-ФЗ // Российская газета. 2016. 12 июля. № 151.
12. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 14 Федерального закона "Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений": федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 369-ФЗ // Российская газета. 2016. 13 июля. № 152.
13. О внесении изменений в статьи 51 и 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации
14. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 370-ФЗ // Российская газета. 2016. 13 июля. № 152.
15. О внесении изменений в некоторые законы Санкт-Петербурга в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 29 апреля 2013 г. № 263-45 // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга http://www.gov.spb.ru, 30.04.2013.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Тульской области: закон Тульской области от 29 мая 2014 г. № 2127-ЗТО // "Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации" http://npatula.ru, 30.05.2014.

Об авторе

Батюшкина Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства Законодательного Собрания Омской области, *soulangeana@mail.ru*

УДК 82-32

ОБРАЗ ДОКТОРА СТАРЦЕВА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ»

Богданова О.В.

В статье с новой точки зрения рассматривается рассказ А.П. Чехова «Ионыч» и предлагается иная, в сравнении с традиционной, трактовка образа главного героя. Автор статьи показывает, что намерением Чехова не был показ деградации образа главного героя. Скорее наоборот, писатель намечал жизненный путь обыкновенного человека, тем самым воплощая особенности собственного философского представления о жизни. В ходе анализа выявлено, что рассказ имел две редакции, следы которых отчетливо обнаруживаются в тексте.

Ключевые слова: *русская литература XIX века, А.П. Чехов, рассказ «Ионыч», образная система.*

Традиция восприятия рассказа А.П. Чехова «Ионыч» (1898) была заложена с момента его появления. Между тем попытка пристальнее взглянуть на текст приводит к возможности иной интерпретации авторской позиции, уводит от мысли о благонамеренной нравоучительности Чехова, позволяет увидеть сложность и неоднозначность образа доктора Старцева.

Дмитрий Старцев — молодой земский врач, «только что назначен<ный>» [1, с.536] на эту должность и практикующий в уездном городке Дялиже, в девяти верстах от губернского города С. Возникают вопросы: зачем

Чехов поселил своего героя в Дялиже? почему не сделал его городским врачом? зачем повествователю понадобилось, чтобы герой преодолевал дорогу? И сразу рождается предположение: писатель вкладывал определенный смысл в хронотопическое строение текста, ему был необходим образ дороги, позволяющий воплотить (лейт)мотив жизненного человеческого пути, видимых (с помощью «опредмеченного» воплощения) этапов жизни героя. Образ извозчичьей коляски, пары или тройки собственных лошадей позволяли Чехову без излишних описаний представить движение времени, фиксировать те изменения, которые происходили с главным героем, воссоздать иллюзию его жизненного пути.

Критика обыкновенно рассматривает образ Старцева как образ героя мыслящего, входящего в жизнь с высокими идеалами, готового отдать свои силы служению человечеству. Во всяком случае — с мыслью навсегда остаться преданным делу врачевания, оказания помощи людям. И это отчасти справедливо. Однако текст показывает, что уже с первых слов представления героя Чехов не столько идеализирует образ главного персонажа, сколько иронизирует по его поводу, подмечает в его характере в большей мере черты обыкновенности и ординарности, чем исключительности и некой внутренней интеллигентности. Так, усредненность и обычность, неопытность и обыкновенность Старцева Чехов подчеркивает уже тем, как ведет себя герой в обществе Туркиных во время своего первого визита к ним, как относится к их талантам. Он задает «неуместные» вопросы, с непониманием относится к роману Веры Иосифовны (сюжет его отчасти напоминает «Дом с мезонином» Чехова), не умеет воспринять фортепианную игру Екатерины Ивановны. Мало подготовленному герою кажется, что во время ее игры будто «с высокой горы сыплются камни, сыплются и всё сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться…» [1, с.539], тогда как исследователи (например, В. А. Михельсон) высказывают предположение, что среди экзерсисов Котика могли быть пьесы современных композиторов-новаторов Н. К. Метнера, А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова [2]. А последующее замечание героя: «После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и <…> чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки, — было так приятно, так ново...» [1, с.539] — однозначно становится выражением глухоты и равнодушия героя — как к музыке, так и к литературному творчеству.

Обращает на себя внимание «избыточное» многосоюзие, которое становится знаком стилистического оформления текста «Ионыча». Речь о том, что почти каждое упоминание о Старцеве неизменно сопровождается союзом «и», который словно бы встраивает героя в ряд всех прочих жителей города С. Так, уже самое первое упоминание героя и введение его в текст осуществлено через посредство союза «и»: «*И* доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже <…> *тоже* говорили, что ему <…> необходимо познакомиться с Туркиными…» [1, с.536]. В доме Туркиных, оказавшись на домашнем концерте, Старцева утомило исполнение пианистки, но по его окончании Дмитрий Ионович произнес: «Прекрасно!— сказал *и* Старцев, поддаваясь *общему* увлечению» [1, с.539]. Писатель незаметно, но настойчиво подчеркивает органичность облика и характера Старцева как «приезжим», так и «местным» обывателям города С. (пока без актуализации оценочной аксиологии номинации «обыватель»). И «безымянность» губернского городка — тому поддержка.

Любопытно, что, не признав истинность изображения жизни в прочитанном повествовании Веры Иосифовны, сам Старцев, подобного герою ее романа, уже вскоре будет изливать чувства Котику: «Ради бога, умоляю вас, не мучайте меня, пойдемте в сад! <…> Я не видел вас целую неделю, <…> а если бы вы знали, какое это страдание!..» [1, с.541]. Чехов сознательно заставляет Старцева изъясняться столь возвышенным и книжным языком. От-литературность речи героя и его поведения, т.е. определенная искусственность, сродни той театральности, которая царит в доме Туркиных, но там разыгрывается шекспировская трагедия («Отелло» — «Умри, несчастная»), здесь — романтическая поэма. В русле традиционной романтической повести и придумана Котиком шутка со свиданием на кладбище.

Обыкновенно сцена на кладбище рассматривается исследователями как кульминационная. Считается, что, пережив разочарование на кладбище и осознав тщету земного существования, Старцев вступает на путь омертвения и деградации, превращения из Дмитрия Ионовича в Ионыча. Между тем ситуация на кладбище зеркально отражает другое свидание, которое было у Старцева с Котиком — свидание в саду. Чехов удивительно точно повторяет детали первого (первых) свиданий героев и воспроизводит их отражение в сцене на кладбище.

«Кладбище обозначалось вдали темной полосой, как лес или *большой сад*» [1, с.542]. Герой оказывается на кладбище, и первое, что он видит, «это белые кресты и памятники по обе стороны широкой аллеи и черные тени от них», «кругом далеко было видно белое и черное, и сонные <черные> деревья склоняли свои ветви над белым» [1, с.542]. Чехов как будто вырисовывает черно-белую гравюру, однако вскоре насыщает ее красками: «Казалось, что здесь было *светлей*, чем в поле; листья *кленов*, похожие на лапы, резко выделялись на *желтом* песке аллей и на плитах, и надписи на памятниках были *ясны*» [1, с.542]. Если реальное свидание в саду проходило в сумерках вечера без видимых признаков света, то свидание на кладбище (все под тем же любимым кленом) словно наполняется дневными красками. Возникает стойкое ощущение того, что эти свидания героев сплетены, сопряжены, взаимосвязаны. Чехов намеренно подчеркивает неброское сходство, используя те же слова и характеристики, к которым он прибегал, рисуя дом и сад Туркиных. Подобно тому, как прежде повествователь выводил ведущим мотивом семейной жизни Туркиных мотив покоя («покойные кресла», «покойные мысли» и др.), так теперь слово *покой* окрашивает весь эпизод на кладбище [1, с.543]. Подобно тому, как раньше тишину усадебного сада нарушали только звуки «ножей в кухне» [1, с.536], так сейчас безмолвие кладбищенского сада разрушают только «шаги Старцева, <которые> раздавались <…> резко и некстати» [1, с.542]. Заметим: наречие

«резко» содержит корень глагола «резать» (ножом).

Мотив луны — доминантный образ-мотив в сцене на кладбище. Луна, подобно солнцу, здесь наделена способностью воспламенять: «лампадка над входом отражала лунный свет и, казалось, горела» [1, с.543]. Старцева «поразило то, что он видел теперь первый раз в жизни <…>: мир, не похожий ни на что другое, — мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, *обещающей жизнь* тихую, прекрасную, вечную» [1, с.543]. И за этой картиной проступает взгляд не героя, но автора. Слышатся «глухая тоска небытия» и «подавленное отчаяние» [1, с.543], ощущаемые не персонажем, но автором-создателем.

Параллель «жизнь // смерть» находит свое дальнейшее развитие. Подобно тому, как приход Старцева на кладбище ночью был только шуткой, так жизнь *шутит* над человеком: «Как в сущности нехорошо шутит над человеком мать-природа, как обидно сознавать это!» [1, с.543]. И вновь ощутима риторика автора, но не героя. На фоне философских размышлений повествователя Старцева хватает только на то, чтобы выдохнуть: «Ох, не надо бы полнеть!» [1, с.543].

Как продолжение намеченной параллели «жизнь // смерть» возникает параллель «жизнь // театр». Подобно тому, как в доме Туркиных постоянно разыгрываются театральные действа (любительский домашний театр с демонстрацией талантов хозяев), так и здесь, на кладбище, появляется мотив «ночной» декорации: «…точно опустился занавес, луна ушла под облака, и вдруг всё потемнело кругом» [1, с.543]. Жизнь — театр, смерть — тоже театр.

По целому ряду «уподобляющих» признаков сцена на кладбище не может быть сочтена эпицентром развития образа героя. Скорее следует говорить о том, что в сцене на кладбище происходит внедрение голоса автора (образа автора) в объективное повествование в третье-личной форме. Маленький рассказ, подобно роману в стихах А.С. Пушкина или поэме в прозе Н.В. Гоголя, дополняется (почти романным) *лирическим отступлением* с явно слышимой интонацией нестрого-философского авторского размышления и ритмически организованного поэтического повествования (звукопись — «э**т***о* **т***о*млени*е* с**т***а*н*о*вил*о*сь **т***я*г*о*с**т**н*ы*м»).

Герой Чехова не переживает катарсиса, ночные часы на кладбище не оставляют следа в его душе. Герой остается верен (равен) себе. Свидетельство тому — приход героя в дом Туркиных уже следующим вечером и сватовство. Причем ожидание героем удобного для предложения случая происходит в атмосфере «опять» [1, с.544] — как повторение, как однообразие, как обыденное постоянство. Да и само признание звучит абсолютно в тех же словах, как это было в саду под кленом. «О, как мало знают те, которые никогда не любили! Мне кажется, никто еще не *описал* верно любви, и едва ли можно *описать* это нежное, радостное, мучительное чувство, и кто испытал его хоть раз, тот не станет передавать его на *словах*. К чему *предисловия, описания*? К чему ненужное *красноречие*? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю вас, — выговорил наконец Старцев, — будьте моей женой!» [1, с.545]. Множественность слов с корнем или семантикой глагола «писать» становится сигналом отлитературности чувств героя.

После сцены на кладбище изменения, которые происходят с доктором Старцевым, едва ли можно в точном смысле назвать деградацией. Герой и до встречи с Котиком (и знакомства с Туркиными), и после них, и до несостоявшегося свидания на кладбище, и вслед за ним не обнаруживает признаков *эволюции* характера, скорее продолжает развиваться согласно изначально заданной писательской логике — в направлении того вектора среднего обывателя (обыкновенного человека), каким он был задуман.

Доказательством «духовного распада» доктора Старцева можно было бы назвать постепенно угасающее в герое желание помогать людям, раздражение, которое со временем появилось у него в отношении к больным, его нарастающее равнодушие к врачебной практике. Однако Чехов избирает в качестве центрального героя доктора, каковым в течение многих лет являлся сам. Чехов не понаслышке знал, сколь трудна и утомительна профессия врача. В письмах в Петербург к издателю А.С. Суворину он делился: «Я одинок, ибо всё холерное чуждо душе моей, а работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелочных хлопот, утомительна для меня…» (1 августа 1892 г.). Вряд ли можно всерьез упрекнуть Чехова в равнодушии к человеку, но и ему (как показывает эпистолярий) не были чужды раздражение и тоска, скука и однообразие, усталость и даже злость. В следующем письме к А.С. Суворину он снова признавался: «Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота, ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, — это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится» (16 августа 1892 г.).

Спустя несколько лет теми же чувствами и эмоциями писатель наделил своего героя. Если не знать, что далее приводится цитата из текста, то можно было бы вообразить, что эти слова произносит сам Чехов в ответ на вопрос своего корреспондента: «Эх! Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?» [1, с.549]. И наоборот, фраза-выдох, которую произносит Старцев: «А хорошо, что я на ней не женился» [1, с.549] — сродни той, что звучит в письме самого Чехова: «О, какое счастье, что я еще не женат! Какое это удобство!» (из письма Чехова Е.М. Шавровой-Юст из Ниццы от 29 октября (10 ноября) 1897 г.). И слово «удобство» очень-старцевское, весьма близкое ему — «Сколько хлопот, однако!» [1, с.546].

Не будучи моралистом, Чехов не кривил душой, не искал внешних социальных причин к тому, чтобы показать процесс превращения доктора Дмитрия Ионовича Старцева в «языческого бога» по прозванию Ионыч.

Писатель правдиво изображал процесс *старения* человеческой души и самого человека, в каких-то эпизодах рассказа тесно смыкаясь с образом своего героя, доверяя литературному персонажу собственные стыдные мысли и тяжелые доверительные признания.

Если вообразить рассказ «Ионыч» без пятой главки, то все вышеприведенные рассуждения о герое кажутся точными. Вывод прост и непреложен — Чехов писал рассказ «Ионыч» о себе и о людях, близких ему в таковом — обыденном — восприятии философии жизни. Однако, возможно, показанный кому-то из литераторов или переосмысленный самим писателем, в итоге рассказ был отчасти переработан. Прямая проекция на личность самого Чехова была слишком очевидной. Вероятно, поэтому в ходе работы над рассказом писатель добавил пятую главку. И, вероятно, согласно привносимой в текст социально ориентированной ноте, сделал минимальные правки в тексте первых четырех главок. Вероятно, поэтому Чехов (нарушавший переделкой логику художественной мысли рассказа) изменил временной континуум пятой главки. Если первые четыре части даны в прошедшем времени, как бы уже сдвинутыми в вечность, в объективность, в устойчивое течение осознанных закономерностей жизни, то настоящее время глаголов пятой главки привносило неустойчивость времени сегодняшнего, сиюминутного, еще не устоявшегося. Или — с иронической улыбкой — указывало на требование текущей действительности вмешаться в литературу и усилить ее гражданственный (учительный) пафос. Весь строй рассказа с подвижностью его оценок, с уравненными писателем «+» и «–», с колеблющимися границами «хорошего» и «плохого», «живого» и «мертвого» позволяют допустить условную *игру* автора-создателя в пятой главке. С той же долей последовательной непоследовательности, с которой писатель относился к жизни, Чехов (скорее всего) отнесся и к изменению текста выпускаемого рассказа, с бóльшим или меньшим сожалением внося необходимые (например, требовательному читателю) переделки в образ главного героя.

The article with a new perspective analyzes the story by A.P. Chekhov «Ionych». The article suggests different, nontraditional interpretation of the image of the main character. The author shows that the intention of Chekhov was not showing the degradation of the main hero. On the contrary, the writer has outlined the way of life of an ordinary man. The writer embodied the peculiarities of his own philosophical view of life. The analysis revealed that the story had two versions, the traces of which are clearly found in the text.
Keywords: *Russian literature of the nineteenth century, A.P. Chekhov, the short story «Ionych», image system.*

Список литературы

1. Чехов А. П. Ионыч // Чехов А. П. Избранное. М.: Эксмо-пресс, 1998. С 536–552.
2. Михельсон В. А. О романах Веры Иосифовны, водевилях Ивана Петровича и пассажах Екатерины Ивановны Туркиных // Литературная учеба. 1981. № 5. С. 181–198.

Об авторе

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, *olgabogdanova03@mail.ru*

УДК 8; 801.73

«ДОБРЫЙ, КРАСИВЫЙ ТУРГЕНЕВ…»: К ВОПРОСУ О ТУРГЕНЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.М. НАГИБИНА

Пахтусова В.Н.

В статье рассматривается связь творчества И.С. Тургенева с творчеством Ю.М. Нагибина. Основная цель - установление степени преемственности, разработка литературной параллели «Тургенев-Нагибин» глубже, чем это было сделано в более ранних критических работах. Благодаря жанровому анализу произведений выявляются сходства между «охотничьими» рассказами писателей, а также актуализируются различия. Доказывается, что именуемые в критике «“Записками охотника” XX века» произведении Нагибина в действительности не имеют концептуального сходства с тургеневским циклом. Однако обосновывается тезис и о безусловной значимости художественного опыта Тургенева (не только его «Записок охотника») для творчества Нагибина.
Ключевые слова: *И.С. Тургенев, Ю.М. Нагибин, «Записки охотника», жанровые традиции, «охотничий» рассказ, типологический связи.*

В творческом наследии Ю.М. Нагибина самое значительное место занимает жанр рассказа. Однако его доминирование не исключает разнообразия его жанровых модификаций. Сам Нагибин, размышляя о судьбе жанра рассказа, называет его «традиционно сильным жанром» [1, с.43] в русской литературе. Неслучайно писатель использовал опыт тех литературных предшественников, которые вписали новые страницы в историю русского рассказа. Одним из них был И.С. Тургенев.

При всей очевидности значения тургеневского художественного опыта для Нагибина мы практически не найдем прямых нагибинских суждений о личности и произведениях Тургенева. Однако в 1954-64 гг. из-под пера Нагибина, всего лишь упоминавшего в дневнике о «добром, красивом Тургеневе» [2, с.288], выходят «охотничьи» рассказы, отразившие интерес к художественному опыту предшественника. Не случайно в критике они получили название «“Записок охотника” XX века» [3, с.39]. И хотя сам писатель открыто не подчеркивал сходство своих «охотничьих» рассказов с тургеневским циклом, связь этих произведений не вызывает сомнений.

Несмотря на очевидность литературной параллели «Тургенев-Нагибин» работ, в которых бы она рассматривалась, крайне мало. Наиболее объемный труд принадлежит И. Богатко. В книге «Литературный портрет», посвященной Нагибину, исследовательница, касаясь вопроса о тургеневской традиции в творчестве Нагибина, отмечает сходство рассказов Тургенева и Нагибина. Она подчеркивает особую роль пейзажа в произведениях двух авторов. В рассказах Нагибина, как и у Тургенева, в пейзажных зарисовках проявляется любовь писателей к природе, пейзаж становится одним из средств выражения авторского замысла. При этом Богатко замечает, что в «охотничьих» рассказах Нагибина, в отличие от «Записок охотника», благодаря пейзажным зарисовкам также нашли своё отражение актуальные для 1950-60-х гг. проблемы экологии. Автор монографии останавливается лишь на отдельных художественных явлениях, роднящих двух писателей, данная ею сравнительная характеристика произведений Нагибина и Тургенева даёт возможность сделать ряд заключений о природе литературной преемственности, однако остается далеко не исчерпывающей. Более ёмкое и детальное исследование литературной параллели «Тургенев-Нагибин» возможно в контексте изучения жанровой специфики.

Жанр рассказа, как отмечает Л.В. Чернец, выполняет функцию «знака литературной традиции» [4, с.9]. Именно категория жанра выступает в литературном процессе опорной точкой, лежащей в основе преемственности и обеспечивающей развитие литературной традиции [5, с.141-142], поскольку жанровая специфика проявляется на разных уровнях произведения и позволяет увидеть, насколько последовательно один автор воспринимает опыт предшественника или насколько отходит от традиции ради наполнения привычной жанровой формы новым жанровым содержанием

Нагибин, учитывающий в рамках традиции «охотничьего» рассказа художественный опыт Тургенева, не пытается следовать за ним во всём, и это совершенно естественно, поскольку жанр рассказа - «в высшей степени “знаковая” “форма времени”» [6, с.213]. Но тем более важно установить степень преемственности в контексте развития жанра, имеющего уже более чем вековую традицию.

Жанровые модификации рассказа в «Записках охотника» Тургенева не раз становились объектом исследования. Например, по мнению А.В. Лужановского, Тургенев, решая свои художественные задачи, обращается к следующим жанровым разновидностям рассказа: рассказ-сценка, рассказ-очерк, новелла, рассказ «рассказовой» разновидности [7, с.119-124]. В «охотничьих» рассказах Нагибина также представлен рассказ-сценка («Петрак и Валька», «Разговор», «Обормот»), но большее количество произведений относится к таким разновидностям рассказа, как новелла («Молодожён», «Погоня», «Ночной гость», «На тихом озере», «Олежка женился», «В распутицу») и лирико-психологический рассказ («Последняя охота», «Когда утки в поре», «Испытание», «На тетеревов», «Последний лов», «Подсадная утка», «Новый дом»). Традиционный для Тургенева и всего XIX века рассказ «рассказовой» разновидности представлен у Нагибина лишь произведением «Мещёрские сторожа». Подобное распределение нагибинских рассказов с точки зрения их жанровой специфики проявляет направленность писательских и читательских интересов нового времени. При этом если внимание к тайнам внутреннего мира личности, секретам подсознания породило большое количество лирико-психологических рассказов, то интерес к поведению человека в необычных обстоятельствах обусловливал создание новелл.

Проводя жанровый анализ «Записок охотника» Тургенева и «охотничьих» рассказов Нагибина, следует рассматривать не столько жанровые модификации рассказа, сколько элементы жанровой формы и жанровое содержание, поскольку именно такой точечный анализ позволяет выявить степень преемственности и особенности функционирования литературной традиции. Согласно классификации Н.Л. Лейдермана, предложенной в монографии «Теория жанра» [6, с.213], к элементам жанровой формы (носителям жанра) относится субъектная, пространственно-временная и интонационно-речевая организация произведения. Анализ рассказов Нагибина и Тургенева с точки зрения их жанровой структуры обнаруживает на многих уровнях ряд схожих черт. Можно утверждать, что *похожая образная и композиционная организация* рассказов Тургенева и Нагибина отражает наличие константных элементов жанровой формы «охотничьего» рассказа в произведениях обоих писателей. Среди них можно выделить следующие: присутствие образа повествователя-охотника, документальный и художественно-энциклопедический характер повествования, наличие предисловия, в котором сообщаются особенности процесса охоты, сведения о местности и о быте коренного населения, особая концепция природы, раскрывающаяся сквозь призму восприятия охотника [8, с.61-81].

Образ героя-охотника, выступающего в роли рассказчика и увлеченного процессом изучения окружающей действительности, роднит нагибинские рассказы с тургеневскими на уровне субъектной организации. Однако Нагибин привносит в свои произведения больше разнообразия, используя также другие повествовательные модели. Помимо рассказа от первого лица в «охотничьем» цикле Нагибина присутствует форма несобственно-авторского повествования [9, с.6]. Она используется в тех случаях, когда речь повествователя вбирает в себя голос героя, при этом речь автора и речь героя звучат в унисон. Примером может служить рассказ «Погоня»: «Анатолий Иванович уже чувствовал своё сердце, хотя прошёл не более трёх километров. Но ведь тому, другому, идущему впереди, тоже трудно дышится, он тоже чувствует своё сердце, в котором, кроме усталости, ещё и страх. Этот страх подгоняет его, но и обессиливает. Догоню!..» [10, т.2, с.68]. Использование подобного типа повествования отражает стремление автора проникнуть вглубь человеческой натуры.

Близость тургеневских и нагибинских произведений проявляется и в принципах их пространственно-временной организации. Провинция становится центром описываемых событий в рассказах Тургенева и Нагибина, действие развивается в течение короткого промежутка времени (от одного-двух часов до одного-двух дней). Но

если в «Записках охотника» Тургенева события разворачиваются в пределах Орловской губернии, то география нагибинских «охотничьих» рассказов шире – это и Мещёра, и окрестности Плещеева озера, и ещё более отдалённые уголки. Как и у Тургенева, у Нагибина сам процесс охоты запечатлён отнюдь не во всех рассказах сборника, в него также входят рассказы, охотничьей тематике не посвященные («Ночной гость», «Последний лов», «На тихом озере» и др.), однако всех их сближают указанные принципы пространственно-временной организации.

Сходство циклов Тургенева и Нагибина проявляется и на уровне их интонационно-речевой организации. Их роднит структура речи героя-рассказчика, отражающая процесс постижения тайны окружающей действительности. В тургеневском рассказе «Касьян с Красивой Мечи» повествователь с удивлением констатирует: «Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика. Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный… Я не слыхал ничего подобного» [11, т.3, с.116-117]. Удивление и даже разочарованность отражены и в речи повествователя в рассказе Нагибина «Ильин день»: «А я-то думал, что с утра начнется гостевание: мы к ним, они к нам. Ничуть не бывало. Этот день у подсвятьинцев принято было проводить среди домочадцев за скромной домашней выпивкой и пирогами» [10, т.2, с.217]. Однако есть и существенное отличие: Тургенев, делая крестьян главными героями своих рассказов, практически не даёт им права голоса, не пытается передать их мысли, тогда как Нагибин в большинстве рассказов, где героями выступают деревенские жители, позволяет им самим говорить.

Неотъемлемой составляющей многих рассказов Тургенева и Нагибина выступает лирическая интонация, оказывающаяся уже не только стилевым приёмом, но и структурным элементом жанровой формы. С особой отчетливостью лирическая интонация проявляется в тех рассказах писателей, в которых на первый план выходит любование народными характерами. В рассказе «Бежин луг» повествователь искренне восхищается одним из героев: «Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка… «Что за славный мальчик!» - думал я, глядя на него» [11, т.3, с.97]. В рассказе «Испытание» Нагибин тоже выражает симпатию к своему герою: «…на ржавой закраине болота, видимой сквозь чащу, спокойно бродили тонконогие чибисы и кулики-воробышки, кулички и носатые бекасы. И Юрка, чувствуя свою честность перед этим миром, шёл свободным, лёгким шагом хозяина земли…» [12, с.64]. Но если у Тургенева герой-рассказчик часто с удивлением открывает для себя глубину народных характеров, то герой-рассказчик Нагибина, наблюдая за окружающей действительностью, находит лишь новые подтверждения тому, что ему в принципе известно: «хара́ктерность» деревенских людей, их высокие нравственные установки.

Тургенев часто лишь фиксирует особенности поведения своего героя (как, например, в рассказе «Хорь и Калиныч»), Нагибин же стремится рассматривать их в контексте подробностей жизни персонажа. Рассматривая судьбу отдельного человека, он воспринимает его не как пример носителя черт определенного социального типа, а как личность, индивидуальность: «Я не первый год знал Петрака с его грубым, в оспенной насечке, узкоглазым лицом <…> но только сейчас понял, каким душевным запасом обладает этот тридцатилетний парень, везущий свой тяжкий воз и ещё находящий в себе силу сердечного участия к чужой, посторонней жизни» [12, с.75].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что сходство рассказов Тургенева и Нагибина обусловлено, в первую очередь, именно их жанровым потенциалом. Не случайно оно проявляется на уровнях субъектной, пространственно-временной и интонационно-речевой организации произведения, формирующих структуру жанра. Если же исследовать событийную структуру рассказов Тургенева и Нагибина, то выявляются прежде всего их отличительные черты, позволяющие говорить о художественной специфике «охотничьих» рассказов Нагибина.

Пожалуй, наиболее близкими на уровне событийной структуры являются рассказы «Живые мощи» Тургенева и «Последняя охота» Нагибина. Героями этих произведений становятся люди, находящиеся на пороге смерти. Конфликт в рассказах внешне сходный, но если внутренние противоречия тургеневской Лукерьи остаются за пределами повествования, то внутренний конфликт нагибинского Дедка становится доминантой сюжета: «Зачем было всё то, что было, если сейчас эта печь, эта смертная слабость и равнодушие ко всему на свете?» [10, т.2, с.8]. Так, в центре внимания Нагибина оказываются события жизни внутренней. Подчеркнутое ослабление сюжетного действия, внешне роднящее Тургенева и Нагибина, на деле обусловлено разной природой конфликта, что проявляется и во многих других рассказах писателей. В рассказах «Живые мощи» и «Последняя охота» прослеживается много сходных черт на уровне образов главных героев, деталей. Однако на событийном уровне актуализируются именно различия. Объясняется это тем, что Тургенев и Нагибин ставили перед собой принципиально разные художественные задачи. Если Тургенев через предысторию жизни героини показывает эволюцию внутреннего мира крестьянки, то Нагибин изображает предсмертные искания старика вне исторической и социальной обусловленности. Он обращается к постижению экзистенциальных тайн бытия.

Большинство других рассказов нагибинского цикла, являясь художественным фактом иного времени, имеют ещё меньше точек соприкосновения с тургеневскими. Главное отличие состоит в принципиально ином ракурсе изображения характеров и ситуаций, иной постановке проблем, актуальных именно для современного писателям времени.

Если Тургенев сам подчеркивал то, что своими рассказами он преследовал цель обратить внимание на ужасы крепостного права - одной из главных проблем своего времени, то Нагибин в большинстве рассказов обращался к изучению природы человека, его поведения в тех случаях, когда человек не испытывает на себе тяжесть этих самых социальных проблем.

Эти различия можно увидеть, обратившись к рассказам Тургенева «Бирюк» и Нагибина «Погоня». И в том, и в другом в центре внимания оказывается тема служебного долга, затрагиваемая в аспекте человеческой чести и достоинства, проверяемых в крайне непростых условиях. Но если у тургеневского Бирюка внутренний конфликт предопределён социальными проблемами (Бирюк стремится и барину верно служить, и своему брату-крепостному не быть врагом), то в нагибинском Анатолии Ивановиче внутреннему конфликту даже нет места, им движет непреодолимое желание защитить родной край, пусть даже на время ему придётся забыть о других обязанностях. Таким образом, тема служебного долга раскрывается у писателей по-разному: рассказ Тургенева является иллюстрацией того, как человек может приспособиться к социальным условиям современности, сохраняя при этом честь и достоинство, а рассказ Нагибина всецело посвящен раскрытию характера уникального героя, который являет собой пример беспрецедентного отношения к делу своей жизни.

По-своему рассматривают Тургенев и Нагибин и тему произвола власти. Тургенев в рассказе «Ермолай и мельничиха» описывает типичную для своего времени ситуацию, когда помещик наделяет себя правом управлять человеческими судьбами и запрещает своей крестьянке выходить замуж за своего же крепостного. У Нагибина та же тема трансформируется: олицетворением насильственной власти становится уже не один человек, а государство в целом. Так, в рассказе «Мещёрские сторожа» государственные органы, назначая своих егерей в Мещёру, пытались слепо диктовать свою волю. Главная проблема заключалась в том, что назначаемые «сторожа» были людьми не местными и руководствовались не столько моральными принципами, сколько бумажными предписаниями. И если тургеневские герои не видели выхода из сложившейся ситуации, то нагибинские его находят, когда сторожем назначается местный егерь Анатолий Иванович. Социальная, на первый взгляд, проблема возводится в ранг общечеловеческой и вневременной, поскольку главный герой, ведущий рассказ о сторожах в Мещёре, к концу повествования делает важное заключение: спасать Мещёру должны сами мещёрцы, отношения которых основаны на доверии и взаимопонимании.

Все эти отдельные темы, как фрагменты мозаики, не только составляют целостную картину жизни, но и образуют жанровый каркас рассказа, который формируется вокруг конкретной темы так же, как вокруг какого-либо события, кого-либо из героев или конфликта между ними. Можно найти и примеры синтеза жанрообразующих компонентов. Например, жанровую основу в тургеневских («Бурмистр», «Контора») и нагибинских («Петрак и Валька», «На тихом озере») рассказах составляют и тематический узел (тема разлада в среде деревенских героев) и конфликт героев. У Тургенева конфликт между героями возникает на почве власти, денег, тогда как у Нагибина эта тема рассматривается в совершенно ином ключе. В рассказе «Петрак и Валька» разлад между героями вызван самодурством Вальки. На фоне поведения этого героя наиболее отчетливо проступает благородство Петрака, конфликт утрачивает свою социальную составляющую. В рассказе «На тихом озере» конфликт между жителями деревни Вязники и пришлым Вальковым возникает из-за взаимного непонимания, однако постепенно на первый план выходит внутренний конфликт Валькова, с разрешением которого исчезает и разлад между ним и жителями деревни. Нагибин, в отличие от Тургенева, рассматривает изначально социальный конфликт в нравственно-философском ключе и находит возможность примирения сторон в постепенном принятии Вальковым жизни в деревне Вязники.

Другой пример синтеза жанрообразующих приемов можно увидеть у Тургенева в рассказах «Татьяна Борисовна и её племянник», «Бежин луг», а у Нагибина – «Олежка женился» и «Испытание». Воплощая тему молодого поколения (прежде всего мотив утраты им нравственных основ), писатели делают жанровым центром рассказа не столько конфликт отцов и детей в его социальном и общечеловеческом проявлении, сколько психологическую составляющую внутреннего разлада у представителей старшего поколения. Если у Тургенева Андрей Иванович не способен осознать слабые стороны своей натуры («Татьяна Борисовна и её племянник»), его образ раскрывается прежде всего автором и намечается лишь в общих чертах («Щепетильную застенчивость, осторожность и опрятность прежних лет заменило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое… с тёткой, с людьми обращался дерзко» [11, т.3, с.194]), то у Нагибина поведение Олежки («Олежка женился») пропускается через сознание представителя старшего поколения («Болотов трудно постигал происходящее. Вначале им овладело только разочарование… И опять тяжело, смутно подумалось о старике Шаронове. Ладно, когда-нибудь он разберётся, как случилось, что у Ивана Шаронова вырос такой сын, разберётся во всей этой грязной грязи…» [10, т.2, с.173]). Напряжение в развитии внутреннего психологического конфликта как формы воплощения основной темы произведения усиливается благодаря лаконизму жанровой формы рассказа. В итоге Нагибин, учитывая опыт Тургенева, воссоздает более универсальную художественную ситуацию, нежели его предшественник, смещая акценты с бытового на бытийное.

Совершенно иначе раскрывается тема молодого поколения в рассказах Тургенева «Бежин луг» и Нагибина «Испытание». Эти произведения построены на внутренних психологических противоречиях, наполнены лиризмом, отражают любование народными характерами. Молодые герои показаны в них развивающимися в гармонии с природой и уважающими её законы. Неслучайно единственного тургеневского героя, дерзнувшего стать выше природы, ждёт скорая гибель. Отличия же рассказов Тургенева и Нагибина проявляются в построении системы персонажей и подборе художественных приемов. Тургенев, описывая нескольких героев, предпочитает их эскизное изображение, тогда как произведение Нагибина всецело посвящено раскрытию одного единственного характера, но во всей его полноте.

В этих рассказах различаются и формы повествования. Неотъемлемой частью художественного мира Тур-

генева является образ рассказчика, наблюдающего за жизнью мальчиков со стороны, а у Нагибина рассказ ведётся в форме собственно авторского повествования, что позволяет заглянуть во внутренний мир главного героя. К тому же в нагибинском рассказе, в отличие от тургеневского, описываемые события относятся к настоящему времени, что создаёт эффект непосредственного проникновения в тайны внутреннего мира личности.

В ряде случаев различия проявляются парадоксальным образом. Например, осмысляя в тему природы и описывая красоту окружающего мира, Тургенев прямо не касается социальных проблем своего времени, что в целом для него было характерно. Нагибин же, напротив, в ряде рассказов акцентирует внимание не на красоте и богатстве Мещёры, а на оскудении её природного мира, проблемах экологии. Примечательно, что виновниками оскудения оказываются, в первую очередь, местные жители. В рассказе Нагибина «В распутицу» герой – мещёрский старожил – поражает нелепой гордостью и слепотой, говоря о природных богатствах своего края: «…на наш век хватит…» [12, с.52].

Таким образом, можно утверждать, что в контексте формирования жанрового каркаса рассказа Тургенева и Нагибина особый интерес представляет специфика их психологизма и, в частности, особенности отражения традиций тургеневского «тайного» психологизма в нагибинских рассказах. Парадоксальность ситуации состоит в том, что в «охотничьих рассказах» Нагибин использует принципы изображения внутреннего мира героев, воплотившиеся не в «Записках охотника» (в которых они еще только начинали формироваться), а в зрелом творчестве Тургенева. Так, в рассказе «Молодожён» Нагибина в центре внимания – внутренний конфликт героя. Настроение Воронова, городского жителя, любителя охоты, меняет встреча с егерем по прозвищу «Молодожён», пробуждая в нём негативные эмоции, что проявляется первоначально в сухих репликах Воронова, обращенных к егерю. Лишь ближе к концу рассказа автор сообщает подробности внутренней жизни героя, раскрывает его мысли о, возможно, бесполезно прожитой жизни. Таким образом, тургеневская традиция в творчестве Нагибина может проявляться очень широко – как освоение художественного опыта Тургенева в целом.

Очевидно, что при всех внешних сходствах элементов жанровой формы (субъектной, пространственно-временной и интонационно-речевой организации рассказов) на уровне жанрового содержания рассказы Тургенева и Нагибина могут оказываться не просто «знакомыми формами времени», но и принципиально различными формами, с помощью которых писатели решают совершенно разные художественные задачи.

Жанровые модификации «охотничьих» рассказов Тургенева и Нагибина отвечают требованиям своего времени: Тургенев одним из первых откликнулся на острые социальные проблемы своего века и создал целую галерею народных образов, однако в большинстве его произведений не происходит столкновения характеров и ситуаций, в то время как у Нагибина рассказы преимущественно конфликтны, но отражают интерес автора не к социальным, а к нравственно-философским аспектам бытия, вследствие чего у Нагибина преобладают лирико-психологические рассказы.

«Охотничьи» рассказы Нагибина – это, безусловно, не «“Записки охотника” XX века», а полностью самостоятельные произведения. В одном из интервью писатель Д. Быков, говоря о Нагибине, заметил: «…проза его была такая очень отдельная - точная, пластичная, высокопарная, очень «дворянская». Наверное, он был единственный «дворянин» в русской прозе 70-80-х годов. И плюс, конечно, замечательная сентиментальность, любовь к матери, все эти прекрасные дворянские добродетели. Все это делает его таким немножко новым Тургеневым» [13].

Сравнительный анализ тургеневских и нагибинских произведений не позволяет с уверенностью говорить о Нагибине как о «новом Тургеневе», поскольку их сходство в действительности иллюзорно. При сопоставлении «Записок охотника» и «охотничьих» рассказов выявляются принципиально разные подходы к освоению жизненного материала. Даже в тех рассказах Нагибина, где повествование ведется от первого лица, не наблюдается признаков «барства», напротив, «я» писателя удивительно гармонично вписывается в мир героев. Герой-рассказчик становится не просто сторонним наблюдателем жизни деревенских людей, но тем, кто пропускает сквозь призму своего восприятия их поступки, едва заметные проявления характера и обнаруживает во многих героях нравственную упругость и глубину внутреннего мира, о которой, возможно, сами герои и не догадываются.

Но художественный опыт Тургенева был для Нагибина очень важен, и его рассказы отчасти вобрали в себя универсалии тургеневской тематики и литературную традицию жанра «охотничьего» рассказа XIX в. Заложенная Тургеневым в XIX в. жанровая традиция позволяет Нагибину осмыслять происходящее сквозь призму культурной памяти.

The article explores the relationship between Turgenev's and Nagibin's works. The main goal is to establish the degree to which Nagibin has borrowed from Turgenev, to investigate the parallels between Turgenev and Nagibin in greater detail than it has been done before in critical research. *A Sportsman's Sketches* by Turgenev and Nagibin's short stories, commonly referred to as "*A Sportsman's Scetches* of the XX century" in literary criticism, are analysed in terms of genre, which helps reveal both differences and similarities between the works of the two authors. It is argued that Nagibin's short stories do not actually bear any conceptual similarity to Turgenev's cycle. However, it is also proved that Nagibin's works are greatly influenced by Turgenev's artistic achievements at large.
Keywords: *I.Turgenev, Y.Nagibin, A Sportsman's Sketches, genre traditions, "hunting" story, typological connections.*

Список литературы

1. Нагибин Ю.М. Время жить. М., 1987.
2. Нагибин Ю.М. Дневник. М., 2005.
3. Богатко И.А. Юрий Нагибин: Литературный портрет. М., 1980.

4. Чернец Л.В. Литературные жанры. М., 1982.
5. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
6. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010.
7. Лужановский А.В. Выделение жанра рассказа в русской литературе. Вильнюс, 1988.
8. Мельников А.В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX — первой трети XX в. // Диалоги классиков — диалоги с классикой: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2014.
9. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. М., 2008.
10. Нагибин Ю. Собр. соч.: В 11-ти т. М., 1989.
11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в двенадцати томах. М., 1979.
12. Нагибин Ю.М. На тихом озере и другие рассказы. М., 1966.
13. Быков Д. Нагибин - это новый Тургенев: интервью Дмитрия Быкова РК «Голос России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru-bykov.livejournal.com/750201.html (дата обращения: 05.12.2015).

Об авторе

Пахтусова Варвара Николаевна – аспирантка кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *liceistka@gmail.com*

УДК 821.161.123Бр

«ИДЕЯ СЛАВЯНСТВА» В ИСТОРИЧЕСКИХ БАЛЛАДАХ А.К. ТОЛСТОГО[1]

Руднева И. С.

В статье рассматривается взгляды А.К. Толстого на «идею славянства» в исторических балладах 1840-1860 гг. Анализируя баллады киевско-новгородского и московского циклов, подводится мысль о том, что романтизация исторического прошлого Руси, обращение к фольклорным истокам - сознательный прием А.К. Толстого, по средством которого он пытался изобразить свой идеал русского национального характера.
***Ключевые слова**: русская литература, А.К. Толстой, поэтика, баллада, идея славянства.*

В переломные моменты истории, времена противоречий и переходных периодов русские писатели все чаще обращаются к анналам истории, чтобы там, в глубине столетий, найти ответы на извечные вопросы: Откуда есть пошла земля русская? Кто виноват? Что делать? Кто мы и куда идем?.. Вопрос национального самоопределения и национальной самоидентичности всегда занимал особое место в русской литературе, начиная еще со времен «Повести временных лет». Творческое наследие А.К. Толстого с этой точки зрения чрезвычайно интересно, с одной стороны, «литературоведов, как правило, интересовало место, занимаемое историческими произведениями А.К. Толстого в контексте современной ему эпохи, их взаимосвязи с литературными течениями 40-60-х гг.» [4, с.3]. С другой, как справедливо отмечает З.Н. Сазонова, творческое наследие писателя ни коем образом нельзя рассматривать вне взаимосвязи с особым характером его мировоззрения, «в эпоху нестроений и смуты - конец 40-х - 60-е годы - он упорно не занимал никакой определенной позиции, позволявшей - и позволяющей - причислить его к тому или иному течению…» [4, с.3]. И это, конечно, неслучайно. Для исследования творчества этого самобытного писателя XIX века необходим особый подход.

В критической литературе, не раз отмечался тот факт, что «исторические процессы и факты Толстой рассматривал с точки зрения моральных норм, которые казались ему одинаково применимыми и к далекому прошлому, и к сегодняшнему дню, и к будущему... Исторические процессы и факты Толстой рассматривал с точки зрения моральных норм, которые казались ему одинаково применимыми и к далекому прошлому, и к сегодняшнему дню, и к будущему. В его произведениях борются не столько социальные силы, сколько моральные и аморальные личности. При оценке исторических деятелей Толстой в первую очередь руководится не тем, представителями и выразителями каких именно исторических тенденций - ведущих вперед или тянущих назад, прогрессивных или реакционных - они являются…» [8, с.316]. Время творческого становления писателя неразрывно связано с обоснованием своих собственных исторических воззрений, которые затем будут поступательно развиваться во многих его произведениях на историческую тематику и если присмотреться к ним более внимательно, то можно заметить как разные жанровые произведения А.К. Толстого (роман, трагедия, баллада) сливаются в единое масштабное эпическое полотно, в котором писатель пытается выявить причины, которые направили Русь по определенному историческому пути и, конечно, последствия этого выбора для настоящего и будущего её. Именно в исторических балладах, написанных писателем в 40-60-е годы, найдет свое логическое завершение его историческая концепция, ключевым пунктом который станет «славянская идея».

«Славянская идея», по утверждению акад. А.М. Панченко, «провозглашает известную общность, «взаим-

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта №16-14-32001

ность» судеб и культур славянских народов и существует как исторически меняющийся комплекс идеологем, артефактов, реалий, мифов и прочих продуктов общественного сознания. Источник или по крайней мере фон славянской идеи — осознание племенного и в первую очередь языкового родства. На Руси такое осознание стало аксиомой со времен Нестора-летописца, творца первой у нас концепции этногенеза славян» [3, с.152]. Вопрос об этногенезе славян в историософии А.К. Толстого, пожалуй, наиболее сложный, он неоднократно поднимался писателем не только в творчестве, но и в личной переписке, что, бесспорно, свидетельствует о его большой важности для самого автора. В основе этой концепции, пишет А.В. Федоров, «романтическая антитеза: прошлое-мечта и прошлое-кошмар. Первое – упрек настоящему, второе – угроза настоящему. Идеал и антиидеал писателя закреплены за определенными эпохами русской истории – Киевско-Новгородской Русью и Московским периодом. Субъективно-оценочное отношение к ним бесспорно и очевидно как в художественных текстах, так и в личных признаниях автора» [7, с.170]. Таким образом, исторические воззрения А.К. Толстого находятся на пересечение идей славянофилов и западников. С одной стороны, также как и славянофилы, писатель видел необходимость возвращения к национальным истокам, к сущностным чертам народного менталитета, сложившимся в начальный период становления Руси, он также идеализирует традиции патриархального крестьянского уклада жизни и самодержавия новгородского и киевского периодов. Но, с другой стороны, вслед за западниками, не всегда считал благом смирение, превозносимое славянофилами в качестве «истинно христианской черты русского национального характера» [1, с.5], он также ставит личность выше коллективного, соборного. А.К. Толстой решительно расходится со славянофилами в оценке московского периода русской истории. Он считает, «многие положительные черты государственного быта были утрачены в период татаро-монгольского ига и царствования Ивана Грозного» [1, с.6]. В своих произведениях на историческую тему писатель диаметрально противопоставляет две эпохи, два периода - киевско-новгородский и московский, что особенно заметно при анализе его балладного творчества.

В одной из ранних своих баллад, «Курган», написанной в 1840-е годы, А.К. Толстой рисует образ богатыря «минувших веков». Этот «витязь» с «громогласным именем» представитель «великого народа» [6, с.222], он изображает его в духе романтизма. О нем автору не известно ничего: «А витязя славное имя до наших времен не дошло…/ Кто был он? Венцами какими/ Свое он украсил чело?/ Чью кровь проливал он рекою?/ Какие он жег города?/ И смертью погиб он какою? И в землю опущен когда?..» [6, с.223]. О том, что это времена давно минувших столетий говорит и само название баллады. Это времена языческой Руси, здесь все поэтически возвышенно, даже обряд захоронения вызывает особое чувство уважения к великому воину русской земли: «В честь витязя тризну свершали/ Дружина дралася три дня,/Жрецы ему разом заклали/ Всех жен и любимца коня» [6, с.222]. И курган как напоминание о тех далеких богатырских временах, когда подвиг и доблесть русского воина во все стороны света разносилась громогласным эхом. Автор искренне верит, что его «громогласное имя/ столетия все перейдет!» [6, с.222], даже если бы этот курган высокий «Сровнялся бы с полем пустым,/ То слава, раздавшись далеко,/ Была бы курганом твоим!». – так обращается он к русскому витязю [6, с.222].

Еще более настойчиво романтические мотивы звучат в балладе «Князь Ростислав» (1840-е гг.): «Князь Ростислав в земле чужой/ лежит на дне речном,/ Лежит в кольчуге боевой,/ С изломанным мечом/ Днепра подводные красы/ Лобзаться любят с ним/ И гребнем витязя власы/ Расчесывать златым» [6, с.225]. Он погиб в краю чужом, в чужой земле, ему не поют молитвы попы, жена «младая с другим обручена», «сонмом гридней окружен, пирует дома брат», а «до отчизны слабый зов не может долететь» [6, с.226]. Князь спит на дне речном и лишь «когда в лесу кружится желтый лист,/ Яресь Перун гремит,/ Тогда от сна на дне речном/ Внезапно пробудясь,/ Очами мутными кругом/ Взирает бедный князь» [6, с.226]. Нет ему, витязю русскому, спокойствия на чужбине даже после смерти.

Такая романтизация исторического прошлого Руси, обращение к фольклорным истокам - сознательный прием А.К. Толстого, по средством которого он пытался изобразить свой идеал русского национального характера. Можно согласится с мнением Е.В. Барашковой, что «фольклорный характер образов многих произведений А.К. Толстого свидетельствует о том, что писатель рассматривает характер народа не в политической, а исключительно в духовно-философской перспективе, и не пытается воссоздать реальный русский национальный характер, а принципиально и сознательно творит о нем свой собственный миф» [4, с.10].

В числе постоянных констант этой мифологизации русского национального характера можно назвать – героизм, мужество, преданность. Так, герой одноименной баллады, Василий Шибанов, предстает перед читателем как истинный герой, преданный слуга своего господина, в своей верности и стойкости духа превосходя не только своего господина - князя Курбского, но и самого царя Ивана Грозного. Шибанов в начале повествования, не возвеличенный еще своим подвигом, именуется автором «Васька, стремянный» [6, с.227]. Его отличают «рабская верность» [6, с.227], ловкость и смелость, готовность нести любую службу и принять чашу смертную в назначенный час, христианское смирение и человеколюбие. Курский, написав «послание, полное яду» [6, с.228], находится в некотором смятении: «Но кто ж дерзновенные князя слова/ Отвезть Иоанну возьмется?/ Кому не люба на плечах голова,/ Чье сердце в груди не сожмется?/ Невольно сомненья на князя нашли…» [6, с.228]. Тогда на помощь ему приходит стремянный, Василий, прекрасно осознавая, что этот будет его последняя служба своему господину. Это сцена выписана А.К. Толстым в противопоставлении двух характеров. С одной стороны, Андрей Курбский, лишенный всяческих угрызений совести, «в радости» посылающий своего раба, он «торопит его в нетерпенье: «Ты телом здоров, и душа не слаба,/ А вот и рубли в награжденье» [6, с.228]. Жажда мести полностью овладевает им, он теряет все человеческое. С другой стороны, Василий, исполненный смирения и

человеколюбия, так отвечает своему господину: «Добро!/ Тебе здесь нужнее твое серебро, / А я передам и за муки/ Письмо твое в царские руки» [6, с.228]. В этом ответе столько любви к своему господину, понимания и прощения его пороков. Он с радостью принимает от него все как должное.

Автор переносит место действия теперь в стольный град, где «звон медный несется, гудит на Москвой,/ Царь в смирной одежде трезвонит,/ Зовет ли обратно он прежний покой/ Иль совесть свою навеки хоронит?..» [6, с.228]. Здесь, вокруг него, «московский народ» молится, «полный боязни,/ чтоб день миновался без казни» [6, с.228], здесь же рядом его верноподданные «Вяземский лютый», «Васька Грязной», «Отверженный богом Басманов» и «опрични кромешная тьма» [6, с.229]. И лишь один Василий Шибанов не страшится гнева царя, «спрянул с коня он поспешно долой» [6, с.229], он «молвит ему не бледнея» [6, с.229]. Кульминацией повествования становится мучения, с мужеством и спокойствием принятые Шибановым: «Шибанов молчал. Из пронзенной ноги/ Кровь алым струилася током,/ И царь на спокойное око слуги/ Взирал испытующим оком/ Стоял неподвижно опричников ряд;/ Был мрачен владыки загадочный взгляд,/ Как будто исполнен печали;/ И все в ожиданье молчали» [6, с.230]. Атмосфера всеобщего молчания, печаль самого Грозного, принимающего на себя еще один грех, его «загадочный взгляд», за которым тоже муки и сомнения. В его ответе Шибанову - уважение к его подвигу, мужеству, в нем есть благородство: «Да, боярин твой прав,/ И нет уж мне жизни отрадной, Кровь добрых и сильных ногами поправ,/ Я пес недостойный и смрадный! Гонец, ты не раб, но товарищ и друг…» [6, с.230]. Это ответ царя, в котором есть природное чувство справедливости и правды, есть понимание того, что он поступает неправильно. Его образ неоднозначен, он глубже и многограннее, чем может показаться сначала. Повествование о Василии на этом не заканчивается, он должен до конца принять муки. И в этих мучениях он молится о своем господине, о царе и всей русской земле: «Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,/ Прости моего господина!/ Язык мой немеет, и взор мой угас,/Но слово мое все едино:/ За грозного, боже, царя я молюсь,/ За нашу святую, великую Русь,/ И твердо жду смерти желанной!» [6, с.231]. Образ Шибанова восходит, таким образом, к образу мученика. Это поэтическое обобщение образа русского народа, претерпевающего мучения за русскую землю, за православную веру. Это героизм не только индивидуальный: своеобразие его заключается в «пассивной» силе смирения, верности, любви и патриотизма. Такой героизм типичен для всего русского простого народа как его коренная черта, обеспечивающая необыкновенную живучесть и устойчивость в истории» [4, с.8].

В московском цикле баллад А.К. Толстого настойчиво звучит авторская антипатия всему укладу жизни. Правление Ивана Грозного становится здесь центральным сюжетом, в котором отрицательные стороны нового исторического времени Руси проступили с наибольшей отчетливостью. Однако, сама фигура царя вызывает не только негодование, но и некоторое сочувствие, он тоже заложник своего времени, своего положения и его тоже терзают страсти и сомнения. В сопоставлении двух эпох, киевской-новгородской и московской, вырастает «идеал истинно русской, европейской и христианской монархии» (правление князя Владимира) [5, с.136] и антиидеал - «кошмар азиатского деспотизма» Ивана Грозного [5, с.136].

Именно это сопоставление становится главной фабулой повествования в балладе «Змей Тугарин» (1967 г.). Песня-пророчество незнакомого певца кажется Князю Владимиру нелепостью. Певец предсказывает страшные времена: «Но род твой не вечно судьбою храним,/ Настанет тяжелое время,/Обнимут твой Киев и пламя и дым,/ И внуки твои будут внукам моим/ Держать золоченное стремя» [6, с.257]. Настанет время, когда все изменится, когда «наглотавшись татарщины всласть, Вы Русью ее назовете!» [6, с.259]. По мысли писателя, не пройдут бесследно эти столетия рабства, произойдет страшная национальная трагедия: «с честной поссоритесь вы стариной,/ И, предкам великим на сором,/ Не слушая голоса крови родной, / Вы скажете: «Станем к варягам спиной,/ Лицом повернемся к обдорам» [6, с.259]. Это изменение естественного исторического времени Руси обернется большой бедой, осквернится сама идея монархии, она приобретёт ненавистные Толстому черты азиатского деспотизма и жестокости, уйдет в небытие «народное вече», а вместе с ним народная мудрость и слава. Именно эта баллада служит своеобразным ключом к пониманию всей историософской концепции А.К. Толстого, в которой «идее славянства» отводится центральное место. Как отмечалось исследователями, неслучайно для раскрытия такой важной проблемы писатель использует жанровый эксперимент. В рамках одного лиро-эпического текста отчетливо проступают черты двух жанров - былин и баллад, и в этом находит выражение мировоззренческая позиция писателя. Баллада - жанр западной народной поэзии, а былина – русской, что отражает глубинную взаимосвязь русского и западных народов [4, с.11]. Многое, сказанное А.К. Толстым в своих произведениях на историческую тематику, нуждается в глубоком осмыслении и проработке. Перед нами целая система мировоззренческих, историософских взглядов писателя на исторический процесс, на причинно-следственные взаимосвязи прошлого Руси с ее настоящим и будущим. За всей этой сложной системой координат стоит фигура самого автора, его непреодолимое желание вернуть Россию к своим национально-самобытным истокам периода домонгольской Руси.

The article deals with the views of A.K. Tolstoy's "The idea of the Slavs" in historycal ballads 1840-1860 gg. Analyzing ballads Kiev-Novgorod and the Moscow-sky cycles, fed the idea, that romanticizing the historical past of Russia, an appeal to the folk roots - conscious reception A.K. Tolstoy, on the means of which he tried to portray his ideal Russian National haraktera.
***Keywords**: Russian literature, A.K. Tolstoy, poetics, the ballad, The idea of the Slavs.*

Список литературы

1. Барашкова Е.В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А.К. Толстого: дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2009. 245 с.
2. Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея. М., 1918. С. 135-141.

3. Панченко А.М. Петр I и славянская идея // Русская литература. - 1988. - № 3. С. 146-152.
4. Сазонова З.Н. Жанр и тематический аспект в произведениях А.К. Толстого об эпохе Ивана Грозного: баллады, роман, трагедия.: дис. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. Владимир, 2006. 131 с.
5. Соловьев В.С. Литературная критика/ Поэзия гр. А.К. Толстого. М., Современник, 1990. С. 122-143.
6. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4-х тт. Т.1. М.: Издательство художественной литературы, 1963. 799 с.
7. Федоров А. В. Романтический историзм в творчестве А.К. Толстого // Мир романтизма. Материалы международной научной конференции, посвященной 45-летию научной деятельности профессора И. В. Карташовой. Тверь, 24 – 27 мая 2006. Тверь: Твер.гос.ун-т, 2007. С.169-174.
8. Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // История русской литературы: В 10 т. М.: Наука, 1941-1956. Т.8: Литература шестидесятых годов. Ч.2. 1956. С. 315-348.

Об авторе

Руднева Инна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникация Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *rudnewa@bk.ru*

УДК 821.161.1

СБОРНИК РАССКАЗОВ А.Т. АВЕРЧЕНКО «БОРЬБА ЗА СМЕНУ»: ПРОБЛЕМАТИКА И АКТУАЛЬНОСТЬ

Салова О.И.

В статье предпринимается попытка анализа сборника рассказов А.Т. Аверченко «Борьба за смену». Даётся подробное описание образного строя трёх произведений, осмысляется их проблематика с учётом актуальности вопросов образования и воспитания в современном мире. Рассматриваются приёмы создания комического, приводятся аналогии с творчеством А.П. Чехова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Обосновывается необходимость подробного текстологического анализа рассказов.
Ключевые слова: *А.Т. Аверченко, сборник рассказов «Борьба за смену», детские образы, юмор, приёмы создания комического, гротеск, «говорящая» фамилия.*

Аркадий Тимофеевич Аверченко - необыкновенный писатель-сатирик. Кроме того, что его неподражаемое, искромётное чувство юмора нашло яркое отражение в его творчестве, его уникальность состоит в том, что он один из немногих авторов, прошедший путь от «взрослого» до «детского» в своих книгах.

Современный биограф Аркадия Тимофеевича Аверченко, В.Д. Миленко, пишет в предисловии к своей книге о нём, изданной в серии «Жизнь замечательных людей»: «Над рассказами писателя до сих пор смеются обожаемые им дети. Теперь уже – дети XXI столетия. Думается, Аркадий Тимофеевич посчитал бы это высшей наградой» [1, с.8].

Постоянными героями произведений Аверченко являются дети. Всегда они были для писателя воплощением чистоты, искренности, чувства собственного достоинства и здравого смысла. Он сочинял «о маленьких – для больших», заставляя взрослых задумываться, во что они превратили свое существование.

Полноценная личность – только та, которая не утратила свою особую, внутреннюю правду и искренность. Совесть, честь и служение у Аверченко имеют право быть только в той естественной форме, которая присуща детям, ведь именно у них эти свойства продиктованы самым основным достоинством человека - любовью к ближнему.

Дети – цветы жизни, и Аркадий Тимофеевич постоянно помнит об этом. Для него очень важно противопоставить страшному, расколотому миру взрослых гармонию и цельность души ребёнка: «Милая благоуханная гвоздика! Моя была бы воля, я бы только детей и признавал за людей.

Как человек перешагнул за детский возраст, так ему камень на шею, да в воду. Потому взрослый человек почти сплошь мерзавец» [2, с.393].

Свежесть восприятия, трогательную чистоту и бесхитростную правду детского мира Аверченко противопоставляет корыстному, лживому миру взрослых. Голос автора окрашен доброй, возвышенно-романтической интонацией, за которой почти не слышна ирония. Дети вызывают интерес и симпатию писателя своей непосредственностью, они выламываются из опостылевшей ему, пошлой, размеренной обывательской жизни. Аверченко вообще сосредоточивает внимание на тех, кто разрывает круг привычных представлений и норм -таковы, например, юные герои рассказов «Смерть африканского охотника», «Дети», «Кулич». Скорбно звучат рассказы, исполненные в сатирической манере, но описывающие одиночество и неприкаянность детей – «День делового человека», «Продувной мальчишка», «Новая русская сказка», «Трава, примятая сапогом».

Действительно, если задаться целью составить классификацию детских образов, проанализировать их присутствие и развитие в творчестве Аверченко, то можно увидеть, что в ранних рассказах Аркадия Тимофеевича дети или вообще отсутствуют, или появляются как второстепенные герои. Автор упоминает о них, но они еще не центральные фигуры. В более поздних сборниках дети часто становятся уже центром повествования, на них сосредоточен сюжет и, что немаловажно, на их стороне симпатии автора, который подчеркивает, что именно дети воплощают в себе всё самое лучшее, чистое и верное в мире.

Сборник рассказов, на материале которого будут рассмотрены проблемы формирования личности ребенка,

занимает в такой классификации место, соответствующее моменту своего рода «переключения» внимания автора со взрослых людей на людей маленьких. В этих рассказах рядом с ребенком еще находится взрослый или взрослые, в построении сюжета они принимают равное участие, но уже явно прослеживается мысль о том, что для ребенка же будет лучше, если старшие воспитательный процесс начнут с себя. Как грибоедовский Чацкий в «Горе от ума» спрашивает: «А судьи кто?» [3, с.106], так и Аверченко будто спрашивает у читателя: «А кто они, эти учителя и воспитатели?» Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к анализу сборника «Борьба за смену».

Он состоит из трех рассказов: «Мученик науки», «Бельмесов» и «Невозможное». Первоначальная редакция, датированная 1914 годом, включала в себя два первых рассказа, однако в процессе переиздания был добавлен третий - «Невозможное».

Подобное добавление обусловлено, разумеется, общностью тем: все три рассказа написаны о школьной жизни, об учениках и учителях, об экзаменах.

Актуальность данной проблематики несомненна, поскольку для современного общества вопросы образования чрезвычайно важны.

Если для оценки качества образования существуют всевозможные мониторинги уровня обученности школьников, то как разобраться в том, какую личность формирует это образование, какие духовно-нравственные ценности оно прививает?

Подразумевая, что «личность – человеческий индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества» [4, с.416], мы можем заключить, что особенно остро встает вопрос о формировании такой личности. Получается, что в процессе воспитания есть три основных стороны: сам воспитанник, воспитатели и общество.

В своем сборнике «Борьба за смену» Аверченко касается всех трех сторон. Специфика взаимоотношений воспитанника и воспитателя – ученика и учителя – раскрывается в двух рассказах: «Невозможное» и «Бельмесов». Тема воспитанника и общества наиболее полно представлена в рассказе «Мученик науки». Причем все три рассказа в той или иной степени затрагивают названные аспекты.

Приступая к анализу сборника с точки зрения указанных сторон, следует отметить, что рассказ «Мученик науки», открывающий сборник, даже самим названием дает повод для улыбки. Действительно, что подразумевается под устойчивым словосочетанием «мученик науки»?

По «Толковому словарю» С.И. Ожегова, «Мученик. Человек, который подвергается физическим или нравственным мучениям, испытывает много страданий» [5, с.363].

Со временем это устойчивое словосочетание приобрело ироническую окраску: так стали назвать человека, который от лени или от безделья не в состоянии осилить какой-либо предмет.

Открывая одноименный рассказ Аверченко, читатель предполагает, что речь пойдет о ком-то, неохотно учащемся или пытающемся учебы избежать. Суть становится очевидна с первых же строк, со своеобразного эпиграфа: «Провинциальные губернаторы предписали местной полиции следить за внешкольным поведением учащихся» [6].

Главный герой рассказа – околоточный. Автор не называет его по имени, а вот учащегося, к которому он пришел, зовет коротко и, можно сказать, по-приятельски: Мишка. В продолжение рассказа представитель власти и общества – тот самый «околоточный» - попадает в комичные ситуации: то зацепится шашкой за ручку двери, и его пытаются отцепить все Мишкины домочадцы, то перепутает города, экзаменуя ребенка. В данном случае набор глаголов действия является комическим приемом.

Всё околоточный делает невпопад, и очевидно его смущение от непривычной обязанности: проверять уровень воспитания и качество знаний ребёнка. Аверченко, описывая его движения, это подчеркивает: «потёр красные большие руки, для чего-то надул щеки», «с деланной развязанностью сказал», «подергал головой, вскочил с кресла и опять подошел к картине», «вытер холодный пот со лба и застегнул верхнюю пуговицу мундира» - «сел и снова ее отстегнул», «насильственно улыбнулся и неумело подмигнул» [6].

Этот же человек, вернувшись в привычную среду обитания, изменяется до неузнаваемости:

«Стоя на улице, околоточный долго вытирал платком лоб и щеки и злобно озирался.

Потом, увидя проходившего мороженщика, набросился на него.

- Морроженое продаешь, ррракалия?! Кричишь, мерзавец?! За нарушение тишины, знаешь...

И, закусив белыми зубами губу, он ударил мороженщика в ухо» [6].

Очевидно, что околоточный – человек глупый, грубый, не имеющий представления ни о системе образования, ни о детях, ни о методах работы с ними и их родителями.

Другая сторона в рассказе «Мученик науки» - это Мишка, его мама и папа. Читая их описание, мы можем понять, почему, прочтя один из рассказов Аверченко, А.И. Куприн «взволновался, умилился, обрадовался» и «для себя решил, что появился «новый Чехов» [1, с.53]. Здесь, как и во многих чеховских рассказах, изображена та же рабская психология «маленьких людей», доведенное до абсурда желание подчиняться власти и боязнь чем-либо прогневать её. Так, например, мы видим, что только когда околоточный заканчивает визит, «все сразу веселеют» [6], а мать, которая до этого «садится на кровать с таким расчетом, чтобы можно было ногой незаметно пододвинуть вглубь какую-то вещь, которая, поместившись на виду, может своим видом шокировать благовоспитанный глаз» [6], предлагает гостю выпить чаю.

«Благовоспитанность» околоточного под большим вопросом – экзаменуя ребёнка, он демонстрирует невежественность, хамовато-простодушное обращение с теми, кто ниже его по социальному положению. Если бы дело происходило на улице, то расправа была бы мгновенной – но ведь в дом к мальчику представитель власти пришёл по «особому предписанию».

Симпатию вызывает только мальчик Мишка, который правильно, хоть и робко отвечает на вопросы пришедшего полицейского чиновника. При этом Аверченко не забывает упомянуть, что и отец, и мать постоянно покрикивают на сына: «Оставь нос» [6]. Комизм ситуации заключается в том, что именно ребенок, со страху пытающийся поковырять в носу, выглядит умнее и привлекательнее взрослых, которые его воспитывают.

Необходимо вспомнить, что говорил о проблеме комического в изображении детей В.Я. Пропп: «Можно ли решить, почему дети просто как таковые так часто бывают смешны? Смех возникает при взгляде на внешнее проявление духовной и душевной жизни, причём внешнее проявление заслоняет собой внутреннюю сущность, которая при этом оказывается неполноценной. При взгляде на детей бросается в глаза яркость именно внешней формы. Чем колоритнее форма, тем сильнее вызванный ею непроизвольный комизм. Но внешние формы при этом не заслоняют внутренней сущности, а, наоборот, раскрывают её» [7, с.153].

Таким образом, ребёнок, от волнения ведущий себя не совсем по этикету, демонстрирует образец безупречного воспитания – его действиями руководят искренние, неподдельные эмоции, и выражение этих эмоций заставляет каждого человека улыбнуться и посочувствовать юному герою. Отвращение же вызывают вежливые и предупредительные родители Мишки, грубый и нахальный околоточный, то есть те, с кого ребёнок должен брать пример.

Во втором рассказе, «Бельмесов», происходит своеобразное развитие ситуации, описанной в первом. Иван Демьяныч Бельмесов – совершеннейший тупица, и автор, пообщавшись с ним, называет его «ослом» и «чугунными мозгами» [6].

Подтверждает эту характеристику рассказ Бельмесова о том, какие в России богатейшие помещики: он день плыл на пароходе по реке, и целый день по берегам реки были видны владения некоего Щербакина. В процессе разговора выясняется, что весь этот день корабль стоял на мели на одном месте.

Суть комизма в данном случае заключается в характерном для Аверченко доведении ситуации до абсурда: абсолютно всем взрослым людям Бельмесов кажется «приличным человеком, хотя звёзд с неба и не хватает», а начальство уездного училища, где он является инспектором, восхищается его проницательностью и умением принимать экзамены:

«Подошёл сейчас же к отбившемуся от компании старичку в вицмундире, с какой-то белой звездой, выглядывавшей из-под лацкана вицмундира.

- Кто такой этот Бельмесов? – нетерпеливо спросил я.

- А как же! У нас же служит.

- Да чем? Что он делает?

- А как же. Инспектором у нас в уездном училище. Где я директором состою. Дока.

- Это он-то дока?

- Он. Вы бы посмотрели, как он на экзаменах учеников спрашивает. Любо-дорого посмотреть. Уж его не надуешь, не проведёшь за нос. Ён, как говорится, достанет. Посмотрели бы вы, каким он орлом на экзамене…» [6]

Главные качества инспектора Бельмесова – умение унижать и запугивать детей, кроме этого, он мастерски пускает пыль в глаза взрослым людям. Объясняя автору-рассказчику происхождение своей фамилии, Бельмесов настаивает, что она «полуфранцузская», «в переводе – прекрасная обедня».

Однако Аверченко использует эту «говорящую» фамилию, опять демонстрируя сходство с чеховской прозой: «Бельмес. Ни бельмеса (не знать, не понимать, не смыслить – совершенно ничего» [5, с.41]. Полное ничтожество главного героя, абсурдность его поведения и поступков ужасают автора, и, в то же время, вызывают презрительное любопытство – чем же может заниматься такой глупый человек, в какой сфере жизни может себя найти?

Автор-рассказчик, по разрешению директора уездного училища, приезжает на экзамен, принимаемый Бельмесовым. Мы видим, что этот ничтожный человек (как и околоточный из предыдущего рассказа), попадая в среду, ему знакомую и безопасную, изменяется, подобно «Хамелеону» Чехова: принимая экзамен, инспектор сидит «торжественный, свеженакрахмаленный» [6], но одного за другим ученика отправляет на пересдачу. Так два приёма создания комического: «говорящая» фамилия и гротескное изображение действительности – достигают сатирического эффекта, делая образ Бельмесова реальным, узнаваемым.

Невольно напрашивается аналогия с еще одним любителем многоречия – Иудушкой Головлевым. Иудушка — пустослов, он, по определению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «зудил, надоедал, тиранил» своими речами окружающих, плел из своих слов своеобразную паутину вокруг человека, как бы «набрасывал на него таким образом петлю и душил». По словам автора, Иудушка не просто говорил, а источал «массы словесного гноя» [8]. Вот так и Бельмесов задаёт исподтишка свои вопросы - нелогичные, неуместные, раздражающие и сбивающие с толку.

Однако подобным поведением он заслуживает восторженную характеристику коллег: «Так и хапает, так и режет. Орел!» [6]. Автор говорит о том, что Бельмесов даже идет на повышение и уходит с прежнего места, чем опечаливает сослуживцев: «А жалко... Я уж не знаю, что мы без него и делать будем?.. Без орла-то!» [6].

Воинствующая тупость, безжалостное отношение к детям, формализм – вот отличительные признаки воспитывающей стороны.

Воспитанники, как и в первом рассказе, предстают совершенно иными. Они робкие, они готовились – это видно из их ответов. Автор-рассказчик с сочувствием отмечает, что у школьников «шевелятся губы, волосы на голове и даже уши тихо трепещут» [6]. Симпатии самой природы на стороне детей: «Солнце бегало золотыми зайчиками по столу, по потолку и по круглым стриженым головенкам учеников. В открытое окно заглядывали темно-зеленые ветки старых деревьев и приветливо, одобрительно кивали детям: "Ничего, мол. Все на свете перемелется - мука будет. Бодритесь, детки...» [6].

Аверченко здесь целиком на стороне тех, кого воспитывают, и жестоко высмеивает воспитателей.

Третий рассказ – «Невозможное», безусловно, требовал обязательного включения в этот цикл, ибо является своего рода апофеозом всего, что происходило в первых двух.

Максим Иванович Тачкин, учитель истории, преподает свой предмет отвратительно – скучно и нудно. При этом он требует от учеников приготовить домашнее задание «от сих до сих» [6]. Что это такое, учащиеся не понимают: где начало и конец этому «сих»? Вызывая школьника Николая Синюхина к доске, педагог сталкивается с закономерным ответом: «не учил». И, ставя ему единицу, он думает, что ученик его ненавидит, и что если бы Николай оказался на его, учительском, месте, то ему тоже было бы что предъявить учителю. Например, такой упрек вкладывает в уста «учителю» Синюхину Аверченко: «Ваша сухость, ваш формализм убивают у учеников всякий интерес к науке. Стыдитесь! У вас такой интересный, увлекательный предмет - что вы из него сделали? История народов преподается вами, как какое-то расписание поездов. А почему? Потому, что вы не учитель, а сапожник! Ни дела вашего вы не любите, ни учеников. И, будьте уверены - они народ чуткий и платят вам тем же...» [6].

Это и есть самое главное резюме, которое выводит Аверченко из анализа современной ему школы: учителя в ней – «Люди в футлярах! Формалисты! Сухари! Себя засушили и других сушите!» [6].

Писатель считает преступлением подобную педагогику – отбивающую всякое желание учиться и узнавать новое. Под особым вниманием находится в этих рассказах Аверченко личность воспитателя / учителя. Ведь именно такие «педагоги» повинны в том, что слышат от детей: «не учил». В рассказе «Бельмесов» мы видим, что многие ребята на экзамене пытаются ответить, поскольку они старательно готовились. Однако, даже получив правильный ответ, учитель-«орёл» продолжает задавать нелогичные, глупые вопросы, ставящие детей в тупик и дающие возможность педагогу отправить их с неудовлетворительной оценкой.

Подводя итоги сказанному, можно отметить: формализованная система обучения возмущает Аверченко, а попытки сломать индивидуальность ребёнка, самоутверждаясь за его счёт, приводят его в ярость. Юмор становится сатирой в той части рассказов, где речь идёт о взрослых людях. При этом никогда разочарование или злоба, которую вызывает поведение старших, не касаются юных героев.

В предисловии к одному из изданий произведений писателя П.Г. Горелов так характеризует это явление: «Главная отличительная черта юмора в детских рассказах Аверченко – удивительная душевная мягкость и ласковая, любовная наблюдательность. Детские произведения писателя вызывают не громкий смех, а тихую, добрую и долгую улыбку, которая не исключает, а предполагает грустную задумчивость» [9, с.10].

Сатирически описывая учителей и околоточных, Аверченко использует разнообразные художественные средства: «говорящие» фамилии, глаголы действия, гротескные характеристики. При помощи указанных средств вскрывается целая система педагогических ошибок и сознательных проступков взрослых людей, так или иначе причастных к воспитанию детей.

Современное образование предписывает чуткое, вдумчивое отношение к ученику, к его внутреннему миру. Термин «индивидуальный подход» широко распространен в методической литературе. Вопрос только в том, насколько успешно реализуется этот принцип.

Аверченко не дает рецепта, как преодолеть сухость и формализм в обучении, как воспитать не только достойную «смену», но и самих педагогов. Со свойственной ему прямотой он говорит о многих проблемах образования, представляя их в юмористическом ключе.

Но внимательному и вдумчивому читателю в этих рассказах открывается средство стать хорошим педагогом, учителем, родителем – надо любить в ребенке человека и беречь его робкую, нежную, такую ранимую и восприимчивую душу.

In article an attempt of the analysis of the collection of stories of A.T. Averchenko "Fight for change" is made. The detailed description of a figurative system of three works is given, the perspective taking into account relevance of a question of education and education in the modern world is comprehended. Methods of creation comic are considered, analogies to A.P. Chekhov and M. E. Saltykov-Shchedrin's creativity are given. Need of the detailed textual analysis of stories is proved.
Keywords: *A.T. Averchenko, the collection of stories "Fight for Change", children's images, humour, methods of creation comic, grotesque, the "speaking" surname.*

Список литературы

1. Миленко В.Д. Аркадий Аверченко / Виктория Миленко. М.: Молодая гвардия, 2010. 329 с.
2. Аверченко А. Малое собрание сочинений / Аркадий Аверченко. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 544 с.
3. Фонвизин Д.И., Грибоедов А.С., Островский А.Н. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1989. 608 с.
4. Педагогика: учеб. / под ред. Л.П. Крившенко. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 432 с.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН. - М.: АЗЪ, 1996. - 928 с.
6. Аверченко А.Т. Борьба за смену. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/

text_0090.shtml (дата обращения: 08.07.2016).

7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.

8. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлёвы. Сказки / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 713 с.

9. Аверченко А.Т. Кривые углы: Рассказы / Сост. и предисл. П. Горелова; Худож. В. Юрлов. М.: Сов. Россия, 1989. 304 с.

Об авторе

Салова Ольга Ильинична – соискатель степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, *savi85@yandex.ru*

УДК 82:1

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ЛОНДОНА КАК ТЕКСТА В РОМАНАХ У. ТЕККЕРЕЯ «ЗАПИСКИ БАРРИ ЛИНДОНА», «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» И «НЬЮКОМЫ»

Щербакова Э.В.

В данной работе обозначены и проанализированы основные темы, получившие развитие в тексте Лондона романов У. Теккерея «Записки Барри Линдона», «Ярмарка тщеславия», «Ньюкомы». Каждая из тем соответствует составляющим города, которые отражают все сферы городской жизни Лондона XIX века.

Ключевые слова: *У. Теккерей, тема, города как текст, Лондон, составляющие города.*

Лондон как текст, отраженный в романах У. Теккерея «Записки Барри Линдона», «Ярмарка тщеславия», «Ньюкомы», содержит в себе разные темы. Писатель очень хорошо ориентируется в составляющих города, поэтому характеристики мест города и их значения связываются воедино с характеристикой человека, порождая новые значения, которые становятся частью Лондона как текста.

В тексте Лондона мы выделяем следующие темы, соответствующие основным составляющим города:

- Культурологическая составляющая – тема «человек искусства в лондонском пространстве»;
- Историческая составляющая – тема «город и история: проявление исторических событий в судьбе и облике города»;
- Социологическая составляющая – тема «распределение по районам города в соответствии с социальным положением»;
- Территориальная оставляющая – тема «раздельность и обособленность разных районов города»;
- Экономическая составляющая – тема «соответствие и соотнесенность социального положения и занятий человека с территорией его проживания в городе»;
- Психологическая составляющая – тема «исключительность каждого района города».

Каждая из названных тем раскрывается в тексте Лондона в романах У. Теккерея «Записки Барри Линдона, эсквайра», «Ярмарка тщеславия», «Ньюкомы». Несмотря на различную художественную проблематику, все эти произведения содержат обозначенные темы.

Тема «человек искусства в лондонском пространстве» появляется в тексте Лондона У. Теккерея уже в романе «Ярмарка тщеславия». Одна из главных героинь – Бекки Шарп – принадлежит к бомонду – ее родителями были французская танцовщица и художник. С детства девочка проживает в бедном квартале. У. Теккерей пишет: «Ребекка разыгрывала с нею [куклой] целые сцены на великую потеху Ньюмен-стрит, Джерард-стрит и всему артистическому кварталу» [4, с.12]. Бекки не идет по стопам родителей, но в ней чувствуется артистичность и талант, которые помогают героине в жизни. Вместе с тем, она не достигает определенного положения, оставаясь скиталицей в тексте Лондона. Не только общество, но и город ее не принимает. Бекки не обретает дома, следовательно, она остается вне системы городского пространства.

Далее тема человека искусства в лондонском пространстве раскрывается шире на примере Клайва, сына Томаса Ньюкома. С детства ребенок высказывает талант и, как Бекки, живет в разных домах на положении гостя. Находясь в творческом поиске, герой не видит себя в системе городского пространства. Клайв много путешествует, чтобы найти вдохновение и усовершенствовать свой талант. Светское общество не считает занятия Клайва серьезными. В романе мы читаем: «я отнюдь не хотел сказать, что живопись — неблагородное дело, — возразил его [Клайва] дядюшка, — но в обществе принято считать другие профессии более солидными» [2, с.157]. Ньюкомы работали в экономической сфере, поэтому будущее сына полковника они тоже связывают с карьерой биржевика. Клайв, несмотря на мнение общественности, становится художником. По сравнению с Бекки, он находит свой дом у жены, а временным его пристанищем в одно время даже становилась мастерская. Таким образом, текст Лондона включает в себя общий контекст отношений человека искусства и английского общества XIX века, где люди искусства оказываются на обочине светской жизни.

Тема «город и история: проявление исторических событий на судьбе и облике города» связана непосредственно с историческими событиями, происходившими в Лондоне и в мировой политике.

В романе «Записки Барри Линдона, эсквайра» У. Теккерей воспроизводит события, относящиеся преимущественно к XVIII веку. Комментарии лондонской жизни матери отражают более раннее время. Главный герой рассказывает о своей семье: «Гарри Барри, эсквайр, с честью поддерживал в Лондоне славу нашего имени. Это он продырявил шпагой знаменитого графа Тирселина на пустоши позади Монтегью-хауса. Он был завсегдатаем «Уайта» и всех шоколадных лавок столицы…» [1, с.11], указывая здесь основные элементы лондонской повседневности начала XVIII века.

В это время самыми популярными и посещаемыми были кофейни, где собирались горожане для общения и приятного времяпрепровождения. В романе «Записки Барри Линдона» неоднократно указываются такие места: «все это в изобилии имелось у меня, и старые завсегдатаи кофеен Уайта, Уотьера и Гузтри еще и сейчас могут порассказать вам о храбрости, остроумии и светской обходительности капитана Барри» [1, с.234].

В кофейнях также играли в азартные игры: «в сезон 1744–1745 года я проиграл у «Уайта» и в «Какаовом дереве» огромные суммы и должен был выходить из положения за счет крупных займов под ренту моей жены, под ее страховой полис и т. д.» [1, с.250]. На протяжении произведения времена меняются, и уже в конце романа мы читаем: «На следующий день о расправе узнал весь город, во всех клубах и книжных лавках висели карикатуры, где я был представлен за этой экзекуцией» [1, с.280]. Эта фраза означает, что каждый уважаемый человек в Лондоне, где все посещали клубы, познакомился с неприятной для главного героя новостью.

С наступлением XIX века общественная жизнь переходит в клубы, где многие из героев романов У. Теккерея проводят свободное время. Следует оговориться, что эти заведения посещали в большинстве своем мужчины. Барри Линдон замечает: «меня вечно носило по городу, а так как излюбленным времяпрепровождением той поры в каждом клубе, в каждой кофейне, в любом собрании, была игра, то и пришлось мне на правах любителя вернуться к тому занятию, в котором я когда-то не знал себе соперника в Европе» [1, с. 250]. Как мы понимаем, клуб становился местом для развлечений и приятного отдыха.

Здесь также обедали, играли, обсуждали последние события. В романе «Ярмарка тщеславия» мы находим упоминания об этих клубах: «Приятели справлялись о нем раза два в его клубах, но не особенно ощущали его отсутствие» [4, с.126]. У. Теккерей постоянно указывает местонахождение героев в клубе: особенно часто там появляются Джордж Осборн и Родон Кроули. Именно в клубе решается вопрос о дуэли Родона Кроули и лорда Стайна. В этом общественном месте распространяются главные столичные новости.

Клубная тема продолжается и в других романах У. Теккерея: «вторым депутатом от нашего славного города непременно должен быть либерал, а не какой-нибудь правительственный подголосок, середка на половинку, вроде этого сэра Барнса, - одной ногой в Карлтон-клубе, другой у Брукса» [3, с.336]. У. Теккерей теперь не только употребляет названия клубов, но и указывает их направленность. Так в приведенном фрагменте обозначаются противоположные взгляды людей, входящих в эти клубы, потому что Карлтон-клуб был центром собраний консерваторов, а клуб Брукса собирал под своей крышей либералов.

В романах У. Теккерея последовательно раскрывается тема, связанная с историей развития общественных заведений Англии. Лондонские кофейни и клубы были неотъемлемой частью повседневной жизни состоятельных лондонцев, поэтому Лондон как текст содержит многочисленные элементы, связанные с названными общественными заведениями.

Как было отмечено, в тексте Лондона отражаются исторические изменения, происходящие в городе и в его общественной жизни. В романе «Ярмарка тщеславия» даже происходит смешение временных пространств: «и карета покатила по Пикадилли, где Эпсли-Хаус и больница св. Георгия еще щеголяли красным одеянием, где горели масляные фонари, где Ахиллес еще не появился на свет божий, где еще не воздвигалась арка Пимлико и безобразное конное чудовище не подавляло ее и всю окрестность, - и, миновав Бромптон, подъехали к некоей церкви вблизи Фулем-роуд» [4, с.158]. Как мы видим, в Лондоне начала XIX века возникают упоминания о тех элементах, которые появятся к концу века: «статуя Ахиллеса», в реальности, скульптура укротителя лошадей, воздвигнутая в честь Веллингтона и его сподвижников в Гайд-парке, рядом с улицей Пикадилли в 1822 г; конная статуя Веллингтона, которую писатель называет конным чудовищем [4, с.511]. Всеведующий автор романа проявляет себя и в тексте Лондона, рисуя читателю город будущего.

Тема «исключительность каждого района города» является очень актуальной в тексте Лондона. В романе «Записки Барри Линдона, эсквайра» показана исключительность Лондона вне зависимости от района в сравнении с текстами других городов. Лондон здесь связан главным образом с матерью главного героя. Барри представляет разного рода ситуации, показывающие превосходство лондонского жителя, например, «она командовала слугами и преподала им не один урок лондонской опрятности, в чем они, кстати, весьма нуждались» [1, с.12]. В романе таким образом противопоставляются традиции Англии и Ирландии.

В романах «Ярмарка тщеславия» и «Ньюкомы» районы города словно соревнуются между собой – сравнения их значимости и исключительности встречается часто на страницах указанных произведений У. Теккерея.

Тема исключительности каждого района города появляется в тексте Лондона в романе «Ярмарка тщеславия» также в сравнительном ключе. Например, «для украшения особы маленького Джорджа был приглашен знаменитый портной из Вест-Энда, - мистер Осборн не пожелал иметь дела с какими-нибудь мазилками, как он выражался, из Сити или Холборна (хотя его самого вполне удовлетворял портной из Сити)…» [4, с.413]. Место нахождения (в данном случае работы) играет огромную роль в Лондоне. Знаменитость района распространяется на живущих и работающих там людей, - эту мысль хочет донести автор.

В других случаях Рассел-сквер становилась выше по положению, и данное обстоятельство отмечено в романе «Ярмарка тщеславия»: «мисс Осборн иногда вывозила Тоддов на прогулку в своем экипаже; когда они болели, ее лакей, в коротких плюшевых штанах и жилете, приносил с Рассел-сквер на Корем-стрит варенье и разные лакомства. Корем-стрит, разумеется, трепетала и взирала на Рассел-сквер снизу вверх» [4, с.415]. Можно утверждать, что таким образом писатель одушевляет пространство города, представляя топонимы, которые начинают олицетворять живущих на их территории горожан.

В романе «Ньюкомы» братья полковника Ньюкома живут на разных улицах, причем одна семья располагается на знаменитой Парк-Лейн, а другая – на Брайенстоун-сквер. Так одна из семей живет в аристократическом районе, а другая – в районе, наполненном преимущественно буржуазией. У. Теккерей комментирует отношения этих родственников: «На Брайенстоун-сквер были не в силах пережить превосходство родственников с Парк-Лейн, и список именитых гостей, собиравшихся на вечерах милейшей Анны, наполнял завистью сердце милейшей Марии» [2, с.57]. Писатель на основе топонимических различий проводит сравнение в социальной плоскости. У. Теккерей намеренно вводит различные по престижности улицы, чтобы наглядно изобразить иерархию топонимов в тексте Лондона, которая основывается на финансовом положении живущих там горожан.

Разделение лондонцев по месту их жительства связано с основной темой Лондона как текста У. Теккерея – **тема социального распределения населения по территории Лондона и его районам**. Писатель вводит социально-территориальную стратификацию, представляя жителей района как его часть, т.е. горожане становятся частью города, прибавляя и уточняя его смысл.

Разделение по социальному признаку проявляется на всех уровнях Лондона как текста в романах писателя: район города, дом, повседневная жизнь, развлечения и т.д.

В романе «Ярмарка тщеславия» молодой повеса Джордж Осборн, сын биржевого маклера, живущего на Рассел-сквер, бывает в тех местах, где можно с легкостью потратить деньги, заработанные его отцом: «[Джордж] (как и всякий военный, он был щедрой натурой) отправился на Бонд-стрит и приобрел там самую изящную шляпку и самый щегольской спенсер, какие только можно было купить за деньги» [4, с.47]. Также герой посещает магазины на Пэл-Мэл, кондитерские на Чаринг-Кросс, игорные дома в районе Сент-Джеймса и т.д.

Напротив, Уильям Доббин, сын бакалейщика, живущего на Темз-стрит, не развлекается, находясь главным образом в Чатемских казармах и посещая другие районы и заведения по необходимости.

Определяющим в различии повседневной жизни, несомненно, становятся деньги. Тема материального благосостояния, к которому стремятся все герои романа «Ярмарка тщеславия» тесным образом переплетена с текстом Лондона. Ведь каждый дом здесь, каждая улица оценивается героями с точностью до пенса.

В романе «Ярмарка тщеславия» неоднократно употребляются такие выражения, как «вест-эндские молодчики», «вест-эндские аристократы», «вест-эндские замашки» и т.д., говорящие о зажиточных жителях Лондона, которые в большинстве своем селились в фешенебельном районе города, – Вест-Энде.

В Лондоне как тексте герои разделяются также по имущественному положению. Персонажи, живущие на улицах города на правах собственника, т.е. имеющие собственное жилье, например, вдова Линдон в романе «Записки Барри Линдона», семья баронета Питта Кроули в романе «Ярмарка тщеславия», семья Брайена Ньюкома в романе «Ньюкомы». Недостаточно состоятельные лондонцы занимают съемные дома, например, Барри Линдон, когда приехал в Лондон («Записки Барри Линдона»), семья Родона и Бекки Кроули («Ярмарка тщеславия»), Клайв Ньюком, когда был начинающим художником («Ньюкомы»). Но появляются в Лондоне как тексте такие герои, которые, оказавшись в самом низу социальной лестницы, имеют так называемое «социальное» жилье, например, Барри Линдон в конце романа оказывается в тюрьме («Записки Барри Линдона»), Бекки Шарп живет в третьесортных гостиницах («Ярмарка тщеславия»), Томас Ньюком находит прибежище в приюте школы Серых Монахов («Ньюкомы»).

Не только жители города подразделяются на группы и классы, также социальная лестница существует в городском пространстве. Улицы представляют определенные классы и слои населения, тем самым, сами входят в социальную сетку. В романе «Ньюкомы» мы встречаем рассуждение автора об этой проблеме: «жить среди людей, которые во всем вам ровня, мало радости (разве что у вас такая прихоть)… Истинное счастье — жить среди тех, кто ниже тебя, царить в своем кругу, быть там на первом месте… Если я не могу быть первым на Пикадилли, попробуем на Хаттон-Гарден; может, там я буду задавать тон. Если не удалось стать председателем в кофейной Уайта, или у «Путешественников», я возглавлю завсегдатаев в пивной «Сумка Подмастерья» или у «Веселых Школяров», и пусть не надеется быть принятым в наше общество тот, кто не выкажет мне достаточного почтения» [2, с.112]. В связи с тем, что локусы города распределены по социально-материальному признаку, в тексте Лондона У. Теккерея тема социального распределения по районам становится одной из ведущих.

Тема «раздельность и обособленность разных районов города» звучит с самого начала романа «Ярмарка тщеславия». Так мы встречаем в тексте реплику старика Осборна: «В нашем скромном особняке на Рассел-сквер, моя дорогая, вы не найдете того великолепия и не встретите того круга, к которому привыкли в Вест-Энде» [4, с.150]. Тем самым, герой произведения, преклоняясь перед богатством жителей Вест-Энда, указывает на несостоятельность дельцов из Сити, которые не владеют такими огромными богатствами. Или такое замечание: «Из чего следует, что нашей молодой особе предстояло войти в семейство, обладавшее весьма аристократическими связями, и вращаться в гораздо более изысканном кругу, чем скромное общество на Рассел-сквер, которое она только что покинула» [4, с.49]. У. Теккерей постоянно старается указать читателю – кто сто*и*т выше, а кто ниже, кто сто*и*т больше, а кто меньше, и улицы города здесь выполняют смыслоразличительную функцию.

В другом контексте Рассел-сквер может выступать в более выгодном положении. Так в романе «Ярмарка тщеславия» Ребекка Шарп говорит Джорджу Осборну: «Мы не так богаты в Хэмпшире, как вы, счастливцы из Сити. … Жалованье достаточно хорошее – не такое, пожалуй, высокое, как мисс Уирт получает у ваших сестриц на Рассел-сквер» [4, с.105]. Снова происходит сравнение с упоминанием районов города.

Для чего герои так часто употребляют названия районов и мест Лондона? Подобным образом они хотят обозначить свое социальное положение и указать на разделение интересов горожан в зависимости от их материального состояния. У каждого из лондонцев есть свое место, как и есть свое место у каждого района города. Такое разделение является ключевым для Лондона как текста в романе «Ярмарка тщеславия».

В романе «Ньюкомы» герои также связаны со своими районами, и в разговорах они опираются на его топонимику, чтобы обозначить героев на карте Лондона: «как раз к тому времени в доме на Уолпол-стрит поселился мистер Ханимен» [2, с.149]. Каждый из героев должен иметь свое место в общей схеме.

Обособленность существования разных классов также отмечается в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» и «Ньюкомы».

В романе «Ярмарка тщеславия», например, упоминается о том, что за вход в парки нужно было вносить определенную плату, как и за въезд в город. В связи с этим намечался ценностный и материальный порог, отделяющий разные классы.

Материальное положение, определяющее место жительства героя, влияет и на его окружение. Так в романе «Ярмарка тщеславия», когда мистер Седли обанкротился, и Эмилия переехала в бедный район города, все светские связи были утеряны: ее не приглашали на вечера и приемы, хотя до этого у семьи Седли было много друзей.

Пропуском в светское общество в это время служили визитные карточки, раздаваемые, преимущественно, дамами: «выездной лакей … вручил Смиту две визитные карточки, на которых были выгравированы имена маркизы Стайн и графини Гонт. Если бы эти кусочки картона были прекрасными картинами или если бы на них было намотано сто ярдов малинских кружев, стоящих вдвое большее число гиней, Бекки и то не могла бы рассматривать их с большим удовольствием. Могу вас уверить, что они заняли видное место в фарфоровой вазе на столе в гостиной, где хранились карточки ее посетителей» [4, с.352]. Карточки от высокопоставленных личностей становились бесценными, потому что именно они могли позволить даже представителям другого сословия появиться в мире элиты и посетить их великосветские приемы и балы. Таким образом решалась проблема раздельного существования социальных классов.

В романе «Ярмарка тщеславия» появляется **тема соответствия и соотнесенности социального положения и занятий человека с территорией его проживания в городе**. Так в начале своей карьеры семья Доббина занимается торговлей и имеет долю в кампании «Доббин и Радж, торговля бакалейными товарами и растительными маслами». Живут они на Темз-стрит – одной из главных магистралей. Близость к Темзе дает им возможность непосредственно с кораблей получать товары, которые затем развозились по улицам Лондона. У. Теккерей в тексте Лондона отображает реалии XIX века в Англии, когда люди селились рядом со своей работой, когда речь шла о бедных сословиях.

Писатель практически всегда вместе с профессией и сословной принадлежностью героя указывает его местоположение на карте Лондона. Например, «теперь мистер Сми забыл, где находится Рассел-сквер, но в 1818 году он с удовольствием посещал его, давая уроки мисс Осборн. Сми (ученик Шарпа с Фрит-стрит, этого беспутного, беспорядочного человека, неудачника в личной жизни, но одаренного и сведущего художника)» [4, с.315]. И снова, как и со сменой социального положения, так и со сменой работы (которая и ведет к смене социального положения) меняется район, в котором существует герой.

Следовательно, основной темой Лондона как текста в романе «Ярмарка тщеславия» становится социальная стратификация героев произведения в лондонском пространстве. У. Теккерей виртуозно использует карту Лондона для того, чтобы подчеркнуть социальный уровень персонажа. Каждый из героев имеет определенный доход и определенные родовые и личностные связи, которые распределяют его на социальную ступеньку (это просматривается в романе явно) и на определенную улицу, район города, соответствующие его ступеньки (неявно для неискушенного читателя). У. Теккерей «привязывает» определенный район города к социальному статусу персонажа.

Каждый из героев романа «Ярмарка тщеславия» имеет свое определенное положение в обществе, соответственно, свой территориальный локус. Единственным героем, не расположенным конкретно в этой сетке, оказывается Бекки Шарп. Она с радостью забывает свой родной дом, где жила с бедным отцом-художником. Бекки старается занять высокое положение, не имея достойных родовых корней, денег и, соответственно, дома. Героиня посещает разные лондонские места: ее даже представляют ко двору. В итоге, в своих скитаниях она покидает пределы Лондона, посещая разные страны, и нигде не находит приюта. В конце книги У. Теккерей пишет о Бекки: «Да, она была просто бродягой, скитавшейся по лицу земли» [4, с.476]. Интересно, что героине такая жизнь нравится, потому что соответствует ее истинной природе, не заставляет притворяться и лицемерить, что Ребекка постоянно делала, чтобы занять соответствующее положение в обществе.

Одной из важных проблем выступает **вопрос выбора места жительства и района города**. В романе «Ярмарка тщеславия» прослеживается явная зависимость местонахождения героев и их социального положения, т.е. выбор места жительства персонажей осуществляется в соответствии с их материальным положением. Мисс Кроули выбирает себе особняк на Парк-Лейн, знаменитой улице, чтобы соответствовать своему социальному статусу. В других романах У. Теккерея мы наблюдаем подобное распределение героев по районам в зависимости

от годового дохода и родовых корней.

Развитие темы выбора места жительства раскрывается в истории героев романа «Ярмарка тщеславия». Особенно показательными в этом плане выступают моменты, когда персонажи произведения теряют или приобретают новый социальный статус, и, соответственно, меняют свое расположение на карте города.

Знакомство читателей с семьей Седли происходит на Рассел-сквер – благоустроенном районе. Когда мистер Седли, биржевой маклер терпит крах, он теряет свое материальное положение, следовательно, меняется его социальное положение и место жительства. В начале романа мы читаем: «должен напомнить благосклонному читателю, что мы сейчас ведем речь только о семействе биржевого маклера на Рассел-сквер» [4, с.38]. Потом из комфортабельного и достаточно модного района мистер Седли и его семья переезжают «в крошечный домик на улице, идущей от Фулем-роуд, - на одной из тех лондонских улочек, которые носят такие изысканно-романтические названия (эту, в частности, именовали: Виллы св. Аделаиды, Анна-Мария-роуд, Вест) и где дома кажутся кукольными; … На одной из таких улиц и находилось жилище мистера Клепа, конторщика мистера Седли, и в этом убежище приклонил голову добрый старик с женой и дочерью, когда произошел крах» [4, с.124]. Если Рассел-сквер уже в своем наименовании несет смысл, то новое пристанище героя У. Теккерей описывает достаточно подробно, чтобы показать ярко и красочно, как сильно изменились условия жизни героев. Семья Седли не только потеряла социальное положение, но и «дом», потому что теперь они вынуждены жить в съемном жилье.

К концу романа положение Седли снова меняется: на помощь своей семье приходит сын – Джозеф Седли. Об этом обстоятельстве автор пишет: «Друзья Джоза были все из трех президентств, и его новый дом находился в благоустроенном англо-индийском районе, центром которого является Мойра-Плейс» [4, с.439]. Все названия, использованные для характеристики этого района, выдуманы, поэтому У. Теккерей объясняет читателю, какое место в этом районе занимал дом Седли.

Таким образом, обозначенные темы Лондона как текста в романах У. Теккерея составляют содержательную основу этого текста. Темы получают развитие в разных произведениях писателя, меж тем, сохраняют смысловое единство и направление.

In this paper we identified and analyzed the main themes that were developed in the text of London of novels of W. Thackeray "Barry Lyndon's Notes", "A vanity fair", "The Newcomes" are designated and analysed. Each of subjects corresponds to city components which reflect all spheres of city life of London of the 19th century.
Keywords: *William Thackeray, a theme of the city as text, London, components of the city.*

Список литературы

1. Теккерей У.М. Записки Барри Линдона // Теккерей У.М. Собрание сочинений : в 12-ти т. / У. Теккерей ; пер. с англ.; под ред. А. Аникста [и др.]. М.: Худож. лит., Т. 3: Записки Барри Линдона: роман / пер. Р. Гальперина. Книга снобов, написанная одним из них / пер. Н. Дарузес. 1975 . 542 с.

2. Теккерей У.М. Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эксквайром // Теккерей У.М. Собрание сочинений: в 12-ти т. / У. Теккерей ; пер. с англ.; под ред. А. Аникста [и др.]. М. : Худож. лит., Т.8: Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эксквайром: роман. Кн. 1 / пер. Р. Померанцевой. 1978. 494 с.

3. Теккерей У.М. Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эксквайром // Теккерей У.М. Собрание сочинений: в 12-ти т. / У. Теккерей; пер. с англ.; под ред. А. Аникста [и др.]. М. : Худож. лит., Т.8: Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эксквайром: роман. Кн. 2 / пер. Р. Померанцевой. 1978. 479 с.

4. Теккерей У.М. Ярмарка тщеславия: Роман без героя / Пер. с англ. М.А. Дьяконова. Алма-Ата: Мектеп, 1987. 546 с.

Об авторе

Щербакова Эльвира Васильевна – аспирантка кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, *virana89@mail.ru*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-22

О РОЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ АНГЛИЙСКИХ АДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН

Антонова М.Б.

В статье рассматривается принцип формирования концептуальных оснований двух категорий качественных прилагательных в английском языке, а именно: «Ментальные характеристики человека» и «Характеристики внешности человека». На примерах демонстрируется, что их концептуальные основания складываются из архетипических концептов, образующих бинарные оппозиции. В частности, выявляются такие архетипические концептуальные оппозиции, как СВЕТ – ТЬМА, СВОЙ – ЧУЖОЙ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ.

***Ключевые слова**: архетипический, концептуальная оппозиция, концептуальное основание категории, прилагательные качественные.*

Человек концептуализует окружающий мир еще на доязыковом уровне, в результате чего в подсознании складывается ментальная репрезентация мира. Эта репрезентация носит упорядоченный характер благодаря категоризации, которая суть «главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер» и «за внешним разнообразием атрибутов разных объектов и событий увидеть некое сходство или даже относительное их тождество» в противовес различию других [1, с.96,307].

Главными концептуальными категориями, как считает Р. Джекендофф, являются семь онтологических категорий, или концептуальных «частей речи» (conceptual “parts of speech”): Предмет, Событие, Состояние, Место, Путь, Качество и Количество. Каждая из этих концептуальных частей речи находит свое выражение в разных синтаксических категориях [2, с.34]. В частности, концептуальная «часть речи» Качество в английском языке передается при помощи единиц, относимых к категории имен прилагательных.

Адъективные имена английского языка изучались в разных аспектах. В структурной лингвистике основное внимание уделяется вопросам словообразования прилагательных [3; 4; 5 и др.], а также лексической семантике имени прилагательного: в свое время при помощи метода компонентного анализа определялись общие понятийные семы и индивидуальные, устанавливались интенсификаторы признака, темпоральные и оценочные компоненты значения, градуальные семы размерного признака, семы свойства, каузации эмоций и т.д. [6; 7; 8 и др.]. С развитием ономасиологической теории изменились вопросы, которые ставили перед собой исследователи. Теперь исследователи сосредоточиваются на закономерностях передачи того или иного содержания посредством языковых форм. В номинативном пространстве прилагательных английского языка были выделены двадцать типов значений, которые детерминируют способы их выражения словообразовательными средствами языка [9]. С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода рассматривались формы языковой репрезентации английских имен прилагательных и их функционирование в различных дискурсах [10]. Поскольку одной из задач когнитивная лингвистика ставит описание языковой картины мира и концептуальной системы конкретных языков, то вполне предсказуемо появилось значительное количество исследований, в том числе сопоставительных, групп прилагательных английского языка, репрезентирующих те или иные концепты [11; 12 и др.].

Цель нашего исследования – определить принцип, по которому формируются концептуальные основания лексико-семантических категорий качественных прилагательных в английском языке. Наша гипотеза состоит в том, что эти концептуальные основания образуются определенным набором архетипических концептуальных оппозиций.

Безусловно, не все качества одновременно стали различаться сознанием человека, и в языках репертуар признаков, обозначаемых при помощи прилагательных, варьируется. По замечанию Е.С. Кубряковой, выбор признаков, подлежащих обозначению, всегда субъективен и культуро-зависим, т.к. прилагательные выделяют лишь некоторые условные стороны объекта [1, с.281-282]. На основании типологического изучения языков (африканских, австралийских и языков индейцев Америки), Р. Диксон пришел к выводу о том, что существуют открытые – большие, средние и малые – категории прилагательных, а также закрытые, исчисляемые ряды прилагательных [13]. Поскольку языковое обозначение получают наиболее значимые с точки зрения данного языкового социума признаки [13, с.50], то сопоставление вербализованных признаков позволило определить среди них универсальные, выделяемые мышлением человека, независимо от его принадлежности к тому или иному языковому коллективу. В итоге Р. Диксон подразделил прилагательные на семь семантических групп, выделив ядерные, которые встречаются в языках с большими и малыми категориями прилагательных, и периферийные, которые типичны для больших и средних категорий. К ядерным принадлежат такие семантические группы, как «размер», «возраст», «оценка» и «цвет»; к периферийным – «физические свойства», «свойства человека», «скорость». Кроме того, в некоторых языках с обширными адъективными категориями также представлены следующие семантические группы: «трудность», «сходство», «характеристика», «количество», «местоположение», «порядковые числительные» [14, с.3-5].

Исследование Р. Диксона продемонстрировало некоторые универсальные принципы классификации качеств посредством адъективных имен. Об универсальности принципов категоризации также свидетельствуют работы в области типологии языков, в частности, исследования Дж. Денни [15, с.156,148].

Единообразие многих принципов категоризации объясняется тем, что человеку как биологическому виду свойственны единые изначальные архетипы мышления, осознания внешнего мира [16, т.9, с.175; 17, с.12]. О сход-

стве процессов концептуализации и категоризации мира говорят данные истории языков, этнографии и культурологии. Так, зарубежные и отечественные исследователи (C. Lévi-Strauss, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский и др.) отмечают, что человеческому мышлению свойственно упорядочивать явления окружающего мира в виде антиномических пар. При этом наблюдается определенная последовательность формирования антиномий, находящихся на разных уровнях абстракции: «первоначальными “кирпичиками”» мифологических классификаций являются бинарные оппозиции, которые «упорядочивают и концептуализуют данные элементарно-чувственного восприятия» (верх/низ, теплый/холодный, близкий/далекий, светлый/темный, правый/левый и др.) [18, с.85,230]. Эти оппозиции «затем “объективируются” и дополняются простейшими соотношениями в космическом пространственно-временном континууме (день/ночь, солнце/луна, лето/зима, небо/земля, север/юг...), в социуме (свой/чужой, мужской/женский…), или на грани социума и космоса, природы и культуры (вода/огонь, сырой/вареный, дом/лес…), вплоть до... таких фундаментальных антиномий, как жизнь/ смерть, счастье/несчастье и т.п.» [18, с.230]. Существуют наиболее частотные бинарные оппозиции [19, т.2, с.450-456], причем обычно один элемент оппозиции маркирован положительно, противоположенный – отрицательно.

Повсеместно в архаических культурах повторяется одна и та же система бинарных оппозиций, что позволяет говорить об универсальности их семантических оснований: «В архаических культурах Евразии… и всего мира фиксируется устойчивая система бинарных оппозиций, характеризующих структуру физического, психического и социальных миров» [20, с.501].

Интересно, что это свойство человеческого мышления описывать мир «системой основных содержательных двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций), определявших пространственные, временные, социальные и т. п. его характеристики» [20, с.451], проявляется и в философских учениях древних. В частности, пытаясь найти элементы мироздания, или начала, пифагорейцы вывели бинарную классификацию начал: «предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое» [цит. по 20, с.502].

Мы предполагаем, что бинарные оппозиции, о которых говорят культурологи, играют существенную роль в формировании семантики языковых единиц, в том числе, прилагательных, составляющих объект нашего исследования, и, возможно, являются основанием их категоризации, включая выделение самого класса прилагательных в языковой системе.

Бинарные классификации, выявленные в культурах разных народов мира, имеют под собой «некоторые общесемантические основания, которые проявляются и в естественных языках» [18, с.231].

Здесь необходимо остановиться на употреблении терминологии. В 1970-е годы, когда описывались вышеперечисленные оппозиции, они получили название «семантических», поскольку в центре внимания культурологических исследований находилась смысловая сторона элементов, составляющих оппозицию.

В когнитивной лингвистике в настоящее время семантика языковой системы рассматривается как двухуровневый феномен, включающий собственно семантический уровень (внешний) и концептуальный уровень (глубинный) [21; 22, с.44-51]. Таким образом, «начала» пифагорейцев, архетипы К. Юнга, семантические оппозиции, по-видимому, следует относить к глубинным, концептуальным, структурам человеческого сознания, которые впоследствии (при формировании языковой системы) могут объективироваться и объективируются в виде семантических феноменов – значений языковых единиц или компонентов их значений.

По мнению Е.Г. Беляевской, архетипические концептуальные оппозиции составляют концептуальное основание всех феноменов языковой системы [23, с.68], что нашло свое подтверждение в исследованиях категоризации в сопоставительном плане. Например, на материале таких романо-германских языков, как английский, немецкий, французский, испанский и итальянский Л.В. Порохницкая установила, что образование эвфемизмов, относящихся к одной и той же номинативной области, происходит на единой для всех указанных языков концептуальной основе, которая имеет иерархическую структуру. Элементарные концепты (движение, жизнь, контейнер и др.) могут выступать в качестве строевых элементов для более сложных метафорических концептов (путешествие, спорт, медицина и др.). Исследование Л.В. Порохницкой охватывало как традиционные номинативные области (пьянство, смерть, секс), имеющие многовековую историю, так и возникшие относительно недавно и активно развивающиеся (наркомания, гомосексуализм) [24], и выявило в них одинаковые тенденции в формировании эвфемизмов, а также единств общего концептуального базиса, продуцирующего эвфемистические номинации.

Аналогичные результаты были получены в итоге изучения лексико-семантической категории времени в английском языке, включающей как собственно лексемы, относящиеся к разным частям речи, так и сверхсловные единицы. Концептуальное основание данной категории представляет собой иерархически организованную концептуальную структуру, в которой четыре архетипических когнитивных составляющих (свет/тьма, движение/покой, представления о пространстве и стихиях) образуют более сложные комбинации. При этом было установлено, что эти архетипические составляющие также функционируют в целом ряде родственных и неблизкородственных английскому языков [25].

Как явствует из приведенных данных, языковую категоризацию в разных языках обусловливают одни и те же концептуальные примитивы, которые могут по-разному комбинироваться между собой, составляя сложные комбинации.

Далее на примере лексико-семантических категорий английских прилагательных «Ментальные характеристики человека» и «Характеристики внешности человека» покажем, что концептуальные основания их семантики

также формируются архетипическими концептами, образующими оппозиции. Для демонстрации хода нашего исследования и доказательства выдвинутой гипотезы мы выбрали эти категории прилагательных в силу того, что они обозначают признаки, относящиеся к разным уровням обобщения, и, на первый взгляд кажется, что их семантика должна основываться на совершенно разных когнитивных основаниях. Ментальные качества человека принадлежат к области абстракций, они недоступны непосредственному наблюдению, они проявляются косвенно в поведении, суждениях, деятельности индивида. Напротив, внешние характеристики человека, такие как красивый/некрасивый, оценивают конкретный результат зрительного восприятия. Однако надо отметить, что и ментальные, и внешние характеристики человека, практически, как и вся категория качественных адъективных имен, обусловливаются принятой в данном социуме нормой и субъективной оценкой говорящего.

Исследование проводилось по методике, предложенной Е.Г. Беляевской [26], в частности, для того, чтобы выявить концепты, составляющие концептуальное основание указанных категорий качественных прилагательных в английском языке, привлекались сведения об этимологии прилагательных. Для сбора данных о происхождении и исторических изменениях в семантике слов использовались как этимологические словари английского языка, так и словари праиндоевропейских корней и этимологии латинского языка (см. Список литературы и словарей). Поскольку этимология слов может по-разному трактоваться в разных лексикографических источниках, мы в основном опирались на данные Большого Оксфордского словаря [27].

Согласно полученным этимологическим данным, в семантике целого ряда английских адъективов, называющих ментальные характеристики человека, реконструируется представление о светлом – темном: *bright* 1741 г. 'умный' восходит к праинд.-евр. **bhereg-* 'сиять; сияющий, белый'; *brilliant* 1848 г. 'выдающийся своим умом или талантом' от итал. *brillare* 'сиять' (предположительно, от греч. названия камня *berullos*) [27]; *enlightened* 1663 г. 'просвещенный', *luminous* 1450 г., *illuminate* XV в., *illuminated* (архаич.) XV в. 'просвещенный' восходят к праинд.-евр. основе **leuk-* 'свет' [27].

Как уже говорилось, «мышление имеет телесную основу», т.е. определяется «чувственным опытом» человека [15, с.9-10]. А это означает, что чувственный опыт является источником воображения, что наше «мышление является воплощенным и образным» [6, с.16], в частности, разум и знания интерпретируются через ассоциации со светом. Например, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют концептуальную метафору *Ideas are light-sources* 'Идеи – это источники света' [28, с.80]. Соответственно, человек, наполненный знаниями, идеями, сам становится источником света. Эти ассоциации отражены в семантике вышеуказанных прилагательных, исторически первым значением которых выступало значение качественной характеристики предмета – «светящийся, излучающий свет, наполненный светом», с последующим метафорическим переносом на качество интеллектуальной деятельности человека.

Напротив, отсутствие знаний, полное невежество уподобляется погруженности во тьму: *benighted* XVII в. 'невежественный' восходит к праинд.-евр. основе **nek(w)t-* 'ночь'; прил. *dim*, восходящее к протогерм. **dimbaz* 'темный' в др.-англ. означало 'темный', а в 1892 г. возникает вторичное, метафорическое значение 'тупой, глупый' [27].

Архетипическая концептуальная оппозиция СВЕТ – ТЬМА также определяет семантику прилагательных, именующих внешние признаки человека, в частности, признак «красивый – некрасивый». Так, прил. *divine (inf.)* 'изумительный, великолепный' (метафорическое значение – XV в.) восходит к праинд.-евр. основе **dyeu-/dei-1* 'сиять' [27; 28, с.183]; прил. *sightly* XVI в. 'красивый', *unsightly* XVI в. 'некрасивый' восходят к праинд.-евр. **sekw-2* 'видеть' [28, с.897; 29]. Отметим, что категории английских прилагательных, обозначающих ментальные характеристики человека и внешность человека, включают более 400 и 120 единиц соответственно. Происхождение 44 и 15 из них соответственно содержит указание на оппозицию СВЕТ – ТЬМА (напр.: *wise, prudent, far-eyed; fanciable, nice-looking* и др.).

Следующей архетипической концептуальной оппозицией, входящей в концептуальное основание анализируемых субкатегорий, является оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ. Благодаря объективации абстрактного понятия «знание», трактуемого как предмет, который возможно взять, сделать «своим», возникает концептуальная метафора *Understanding is grasping* 'Понимание – это схватывание' [30, с.44]. Человек, обладающий знанием, как бы является его хозяином, владельцем: *apt* 1535 г. 'очень способный', *adept* XVII в. 'знающий, опытный' восходят к от праинд.-евр. основе **ap-* 'брать, хватать' [27]. Красота всегда привлекает взоры окружающих, притягивает к себе, захватывает, делает людей своими поклонниками: *prepossessing* 1805 г. 'привлекательный' восходит к лат. гл. *possidere* 'иметь, обладать, быть хозяином чего-л.' [27; 31], от праинд.-евр. **poti-s* [28, с.842] 'хозяин, владелец'; *ravishing* XV в. 'восхитительный' является дериватом гл. *ravish* 1300 г. 'захватывать кого-л. силой', от лат. гл. *rapere* 'хватать' [27; 31], от праинд.-евр. **h₁rp-i-* 'хватать' [32, с.514].

Наряду с этим, человек квалифицируется как «свой – чужой» с точки зрения принадлежности к тому же коллективу, что и говорящий. Показателем возможности включения лица в какой-либо коллектив является качество коммуникации между этим лицом и говорящим.

Дар речи является важнейшей способностью человека, отличающей его от животных. Как указывают исследователи, классификация «говорящий – неговорящий» восходит к эпохе индоевропейского языка, при этом они полагают, что с даром речи отождествлялась разумность человека, его способность мыслить, размышлять. Данное заключение вытекает из «факта этимологической соотнесенности в разных индоевропейских диалектах лексемы со значением “говорить” и лексемы со значением “думать”, “мыслить”, “помнить”» [33, т.1, с.473]. Тем самым в мировидении древних вербальное общение приобретает особое значение не только для причисления кого-либо к

рангу себе подобных, но и для оценки интеллектуальных способностей человека. И одной из главных причин, по которой человек воспринимается как чужой, даже враждебный для конкретного социума, является его неучастие в акте коммуникации. Так, мысли и намерения неговорящего, немого человека остаются скрытыми, что вызывает у окружающих недоверчивое, подозрительное отношение: исконно англ. прил. *dumb* в др.-англ. языке имело единственное значение *destitute of speech* 'немой'. К 1323 году у слова развивается вторичное значение *foolish, stupid, ignorant* 'глупый, тупой, невежественный' [27].

Принципиальное значение имеет и содержательная сторона коммуникации. Так, человек, говорящий одно и то же, неважное и бессмысленное для слушающего, ассоциируется с кукушкой, чей монотонный, беспрестанно повторяемый крик считается свидетельством глупости (*The reason that a silly or mad person is described as a cuckoo is that …the bird's monotonously repeated call suggests simple-mindedness*) [34]: *cuckoo* 1906 г., *cuckooed* 1918 г. (сленг) [35, с.304] 'чокнутый, сумасшедший' мотивированы звукоподражательным сущ. *cuckoo* '*a silly person'*.

Что касается категоризации признаков «красивый – некрасивый», то она также основывается на качестве коммуникации. Так, прил. *adorable (inf.)* 1710 г. 'очаровательный, восхитительный' восходит к лат. *lōrāre* 'говорить, просить' (праинд.-евр. источник не установлен [32, с.435-436]); *enchanting* 1712 г. 'очаровательный, обаятельный, прелестный' восходит к лат. гл. *incantare, cantare* 'петь' [27; 31], от праинд.-евр. *kh_2n-e-* 'петь' [32, с.87-88]; *alluring* XVI в. 'притягательный, привлекательный, соблазнительный' восходит к протогерм. **lothran* 'звать' [27]. В категории прилагательных, обозначающих ментальные характеристики человека, этимология 43 единиц содержит указание на оппозицию СВОЙ - ЧУЖОЙ (*familiar, politic, gifted, able-minded* и др.), и семантика 20 прилагательных, именующих характеристики внешности человека, базируется на данной концептуальной оппозиции (*charming, fascinating, taking* и др.).

В формировании концептуального основания анализируемых субкатегорий также участвует архетипическая концептуальная оппозиция ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ. Представление о жизни связано с представлением о здоровье, причем физическое и умственное здоровье считались неразрывно связанными. Проявлением физического здоровья полагается наличие физической силы: адъектив *crafty* др.-англ. 'искусный' восходит к протогерм. **krab-/kraf-* 'физическая сила' [27].

Разум может трактоваться в терминах конкретизированного объекта, в результате чего возникает онтологическая метафора *The mind is a brittle object* 'Разум – это хрупкий объект' [30, с.54]. Подобные «метафоры являются неотъемлемой частью модели внутреннего мира человека, свойственной» английской культуре; «они настолько естественны и так пронизывают наше мышление, что воспринимаются как самоочевидные, прямые описания мыслительных процессов» [30, с.54]. Уподобление разума хрупкому предмету, который может легко повредиться, проявилось в концептуальных основаниях следующих адъективов: *cracked* XVII в. *(inf.)* 'выживший из ума' от др.-англ. звукоподражательного гл. *crack* 'растрескаться'; *crazy* XVII в. 'безумный', *uncrazy* XVII в. 'психически нормальный' от *to craze* 'разбиться вдребезги' от др.-сканд. **krasa* с этим же значением [27].

То, что представляется опасным для жизни, безусловно наделяется отрицательной характеристикой. Уродливость может интерпретироваться как нечто, таящее в себе угрозу для здоровья окружающих, и концептуализироваться как страх, например: *frightful* 1700 г. *(inf.)* 'безобразный, уродливый' восходит к протогерм. **furkhtaz* 'испуганный' [27]; *horrible* 1300 г. 'отвратительный, отталкивающий' – от лат. гл. *horrere* 'приходить в ужас, бояться', восходящего к праинд.-евр. **ghers-* 'ощетиниться от страха' [27]. Концептуальная оппозиция ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ лежит в основе семантики 44 прилагательных, обозначающих ментальные характеристики человека (*sage, sapient, sane, weak-headed* и др.), и в основе 11 прилагательных, характеризующих внешность человека (*awful, dazzling, ghastly, tasty* и др.).

Таким образом, несмотря на различие в уровне абстракции, семантика адъективов, образующих лексико-семантические категории «Ментальные характеристики человека» и «Характеристики внешности человека» в английском языке, складывается на базе одних и тех же архетипических концептуальных оппозиций, в частности, СВЕТ – ТЬМА, СВОЙ – ЧУЖОЙ и ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ. Каждый из входящих в оппозицию концептов структурирован определенным образом, включает индивидуальный набор концептуальных составляющих, причем нужно подчеркнуть, что «содержание концепта, в принципе, до конца неисчислимо» [22, с.51]. Результаты проведенного анализа позволяют заключить, что бесконечное разнообразие синонимических и антонимических значений создается благодаря актуализации разных концептуальных составляющих каждого архетипического концепта, входящего в оппозицию.

Следовательно, можно предположить, что указанные архетипические оппозиции играют существенную роль в формировании категории качественных прилагательных английского языка в целом, и для подтверждения данного предположения необходимы дальнейшие исследования. Обращение к глубинным, концептуальным структурам, лежащим в основе семантики прилагательных, по-видимому, может позволить построить общую схему концептуального основания языковой категории качественных прилагательных в английском языке и в дальнейшем сопоставить ее со схемами этой категории в других языках.

The paper focuses on the principle underlying the conceptual bases formation of two categories of qualitative adjectives in English, namely «Mental characteristics of human beings» and «Characteristics of human beings' appearance». It is demonstrated that their conceptual bases are built by certain archetypical concepts forming binary oppositions. In particular, the following archetypical conceptual oppositions are analysed: LIGHT–DARKNESS, FRIEND–FOE, LIFE–DEATH.
Keywords: *archetypical, conceptual opposition, conceptual basis of a category, qualitative adjectives.*

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

2. Jackendoff R. Languages of the mind: essays on mental representation. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 1992. 200c.

3. Вертоградова Л.А. Продуктивные способы образования прилагательных в современном английском языке (на материале адъективных новообразований 40 -70х г.г. XX века): дис. … канд. филол. наук. –Ростов-на-Дону, 1984. 176 с.

4. Бричева М.М. Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля прилагательных в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 176 с.

5. Волкова Е.А. Словообразовательное поле английских прилагательных: этимологический и структурно-семантический аспекты: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 191 с.

6. Шипицына Г.М. Структурные семемы качественного прилагательного и методы выделения ее компонентов: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1972. 25 с.

7. Козлова И.А. Градуальные ряды как способ представления семантической организации лексико-семантической группы (на материале английских прилагательных) // Ученые записки МГЛУ. Выпуск 429. 1994. С. 59-65.

8. Глушкова А.А. Лексико-семантическое поле качественно-относительных прилагательных в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 22 с.

9. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск: Вышэйшая школа, 1986. 96 с.

10. Афанасьева О.В. Адъективный класс лексики в современном английском языке и формы его языковой репрезентации: дис. … д-ра филол. наук. М., 1994. 396 с.

11. Тимченко В.О. Английская синонимика в русле когнитивной лингвистики: опыт гештальтного анализа: на материале прилагательных, вербализующих моральные качества: дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 183 с.

12. Новиков Ф.Н. Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения: в русском, английском и французском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.

13. Dixon R.M.W. Where have all the adjectives gone? Berlin, N.Y., Amsterdam: Mouton Publishers, 1982. 258c.

14. Dixon R.M.W., Aikhenvald A. Adjective classes. A cross-linguistic typology / ed. by Dixon R.M.W., Aikhenvald A. Oxford: Oxford University Press, 2004. 370 c.

15. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

16. Манн Т. Собрание сочинений в 10 томах. Т.9. М.: Художественная лит-ра, 1960. 688 с.

17. Юнг К.Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. Бардо Тхёдол. М.: Эксмо, 2005. С. 5-18.

18. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 408 с.

19. Иванов В.В., Топоров В.Я. Славянская мифология // Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. Энциклопедия. В 2-х томах. М.: Советская энциклопедия, 1992.

20. Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 720 с.

21. Беляевская Е.Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от «традиционного») // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2003. С. 60-72.

22. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2014. 236 с.

23. Беляевская Е.Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 59-69

24. Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2014. 45 с.

25. Гулимова А. Д. Концептуальные основания лексико-семантической категории времени в современном английском языке : Дис. … канд. филол. наук. Москва, 2015. 230 с.

26. Беляевская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа). Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №1. С. 5-14.

27. The Oxford English Dictionary. 2nd edition. 20 vol. set. Oxford: The Clarendon Press, 1989.

28. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, 1959. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-p.htm (дата обращения: 30.06. 2016)

29. Watkins Calvert. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. 2nd ed., Houghton Mifflin Co., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-p.htm (дата обращения: 25.06. 2016)

30. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

31. Большой латинско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://linguaeterna.com/vocabula/alph.html (дата обращения: 25.06. 2016)

32. Vaan de, Michiel. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. Leiden-Boston: Brill, 2008.
33. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х томах. Т. 1. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
34. Cresswell J. Oxford Dictionary of Word Origin. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
35. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Об авторе

Антонова Марина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), *antonovamb@yandex.ru*

УДК 811.133.1'25

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРЕВОДОВ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»)

Богинская А. П.

В статье исследуется поэтическая форма различных переводов романа «Евгений Онегин» на французский язык. Работа базируется на описательном принципе. Цель исследования: провести сопоставление поэтической формы французских переводов «Евгения Онегина» и показать, какие варианты выбирают переводчики, в зависимости от определяющих литературных тенденций того или иного периода и личных предпочтений, на протяжении более чем полуторавековой истории переводов одного художественного текста. В корпус параллельных текстов вошли 16 из 17 известных нам на сегодняшний день полных переводов романа, а также несколько переводов фрагментов.
Ключевые слова: *художественный перевод, теория перевода, Пушкин А.С., «Евгений Онегин», корпусные исследования, параллельные тексты, поэтическая форма, французский язык, русский язык.*

Переводы художественного текста позволяют преодолеть языковые границы и переместить оригинал в новую культурную среду. Однако при этом переходе, как известно, невозможно избежать потерь или модификаций. Причем в наибольшей степени это касается поэтического перевода, поскольку формальная сторона поэтического текста играет, быть может, не менее важную роль, чем его «содержательная» составляющая. Переводчик в каждом случае должен вырабатывать индивидуальную стратегию. Часто он вынужден жертвовать некоторыми аспектами оригинала, которые могут компенсироваться за счет других приемов [3]. Якобсон, считавший поэзию непереводимой, допускал лишь возможность межъязыковой «творческой транспозиции» оригинала [4].

В работах, посвященных анализу переводов стихотворного текста, заметное место занимает проблема передачи поэтической формы. Решение данного вопроса зависит от многих факторов: особенностей оригинала, целей и установок переводчика, соотношения систем стихосложения языка оригинала и языка перевода, определяющих литературных тенденций того или иного периода и т.д. В настоящей статье представлены результаты анализа передачи поэтической формы во французских переводах романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Исследование проводилось на основе обширного корпуса текстов, в который вошли 16 из 17 известных нам на сегодняшний день полных переводов, один перевод с купюрами и три перевода фрагментов оригинала. В нашей работе мы придерживались описательного принципа и, в отличие от классических предписывающих теорий перевода, избегали оценочных суждений. Также мы только частично коснулись индивидуальных теоретических концепций некоторых авторов рассматриваемых переводов (проспективные теории перевода) [13].

Среди проблем, связанных с переводом «Евгения Онегина» (текст стилистически разнороден, содержит многочисленные отсылки к русским реалиям пушкинской эпохи и т.п.) передача формального аспекта, ставшего, своего рода, «визитной карточкой» романа в стихах, играет важную роль. Ключевая особенность построения текста – онегинская строфа, состоящая из 14 стихов (три четверостишия, соответственно, с перекрестной, парной и опоясывающей рифмой и заключительные строки снова с парной рифмой) [2]. При переводе на французский язык передача поэтической формы осложняется принципиальными различиями между русской и французской системой стихосложения. Русская силлабо-тоника основывается на регулярном чередовании ударных и безударных слогов, в то время как во французской силлабике основной мерой стиха считается равное во всех единицах число слогов с обязательным ударением на последнем слоге [1]. Классическое французское стихосложение предписывает строгие правила подсчета слогов и вводит ограничения на употребление целого ряда форм. Например, словоформы, в которых [ə] находится в позиции после ударного гласного (prie, pries, prient), не могут находиться перед словом, начинающимся с согласного звука [9]. В XX веке допускается нарушение некоторых классических правил, и французские поэты получают возможность писать в более свободной манере.

Ввиду значительных различий между французской и русской системами стихосложения, каждому французскому переводчику «Евгения Онегина» приходится либо отказываться от поэтической формы, либо выбирать стихотворную форму, наиболее адекватно, с его точки зрения, передающую особенности оригинала. Цель нашей работы, таким образом, сводится к тому, чтобы на основе корпуса параллельных текстов провести сопоставление

поэтической формы французских переводов «Евгения Онегина» и показать все разнообразие переводческих решений на протяжении более чем полуторавековой истории переводов пушкинского романа в стихах. Самый ранний перевод появился в 1847 году, а последний был издан в 2010 году. После 40-летнего затишья в начале XX века, в течение которого не было издано ни одного полного перевода, наблюдается всплеск интереса к «Евгению Онегину» во Франции, особенно усиливающийся в 80-е годы и продолжающийся до настоящего времени. Интересно отметить, что в середине 50-х годов XX века, когда уже существовало по меньшей мере семь полных переводов романа в стихах на французский язык, поэт и критик Станислас Фюме в предисловии к новому переводу «Евгения Онегина» (переводчик Мишель Байа) замечает: «Ранее появлялись лишь неудовлетворительные переводы “романа в стихах”, которым так дорожил величайший русский поэт и один из величайших поэтов в мире. Почему? Русские, наслаждающиеся им более века, в конце концов пришли к выводу, что это вызвано тем, что искусство Пушкина не может преодолеть границы русского языка; именно этим они объясняли заточение шедевра в стране, где он родился» («Il n’y avait eu autrefois de ce “roman en vers”, auquel le plus grand poète russe et l’un des plus grands poètes du monde tenait tant, que des traductions insuffisantes. Pourquoi ? Les russes, qui s’en régalent depuis plus d’un siècle, avaient fini par croire que cet art ne pouvait passer la rampe du langage ; c’est la seule explication qu’on nous donnait de cette réclusion d’un chef-d’oeuvre au pays qui l’a vu naître» [11, c.7]).

При сопоставительном анализе поэтической формы переводов мы прежде всего обращали внимание на размер стиха, наличие или отсутствие рифмы, систему рифмовки, а также передачу особенностей онегинской строфы во французском тексте.

Рассмотренные переводы можно разделить на две группы по формальному признаку: прозаические и стихотворные.

1. Прозаические переводы.

Поэтические тексты переводились в прозе в разных культурных традициях и в разные эпохи. Так, в начале XVIII века Анна Дасье в своем предисловии к переводу «Илиады» Гомера высказала мнение о невозможности точного стихотворного перевода [6, с.121]. Только проза, по ее мнению, способна достоверно отразить оригинал. Подобная точка зрения была не редкостью во Франции и позднее: «В XIX веке в отношении поэтического перевода встает один основной вопрос: следует ли переводить поэзию прозой или стихами? Если перевод в прозе точен, но однообразен, то перевод в стихах, по определению, может лишь исказить оригинал» («Au XIX siècle, le discours sur la traduction poétique est dominé par une question : pour traduire des poèmes, faut-il choisir la prose ou les vers ? Si la traduction en prose est exacte, mais terne, alors la traduction en vers ne peut, par définition, que trahir l’original » [12, c. 428]. По всей видимости, причина подобного негативного восприятия стихотворного перевода крылась в том, что в XIX веке французская метрика по-прежнему подчинялась строгим правилам и запретам, появившимся еще в XVI столетии; переводчики, решавшие писать в стихах, вынуждены были преодолевать многочисленные препятствия, связанные с формальными ограничениями [12, с.429]. В данной связи необходимо подчеркнуть, что четыре из шести полных французских переводов «Евгения Онегина», изданных в XIX и начале XX века, были сделаны в прозе. Позднее подавляющее большинство переводчиков отдали предпочтение стихотворной форме, что, в частности, явилось следствием снятия ряда ограничений в метрике.

В прозе выполнены переводы Анри Дюпона (1847)[1], Ивана Тургенева и Луи Виардо (1863), Поля Безо (1868), А. Вилламари (1904), Мишеля Байа (1956). В большинстве прозаических переводов сохранена нумерация строф (Тургенев и Виардо, Вилламари, Байа). Анри Дюпон опускает нумерацию и нередко включает несколько строф в один абзац. Поль Безо обозначает границы строф оригинала увеличенными интервалами между абзацами перевода и также опускает нумерацию.

Таким образом, большинство прозаических переводов были изданы в XIX веке. Самый поздний прозаический перевод принадлежит Мишелю Байа (1956), который называет главы романа «песнями» (*chants*), подчеркивая тем самым, что «Евгений Онегин» – не прозаический текст. В предисловии к переводу отказ от попыток приблизиться к оригиналу в формальном аспекте объясняется необходимостью сохранить «изящество пушкинского языка» (*la grâce de Pouchkine*) [11].

Вместе с тем, следует отметить, что в более ранних прозаических переводах нередко присутствуют значительные дополнения, опущения и другие существенные изменения. Например, массу модификаций мы находим у Дюпона. В приведенном ниже фрагменте во французском варианте не только значительно трансформирован синтаксис, но и опущены названия русских стихотворных размеров:

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Comme il ne se passionnait guère pour la science ou l’art du rythme, il n’était pas en état de distinguer tel pied ou tel mètre de tel autre, et nos railleries à cet égard lui étaient indifférentes.

(фрагмент LII строфы первой главы)

Таким образом, отказ от поэтической формы не всегда сопровождается более точной передачей других, в том числе смысловых, аспектов оригинала.

[1] В скобках указан год первого известного нам издания перевода.

2. Стихотворные переводы.

При переходе в силлабику размер оригинала (четырехстопный ямб) наиболее близок к восьмисложнику. Чаще всего переводчики «Евгения Онегина» выбирают именно этот вариант. Однако в XIX веке появляются две работы, выпадающие из общего ряда. Речь идет о переводах графа Эжена де Порри (1870) и Владимира Михайлова (1884), в которых предпочтение отдается, соответственно, десятисложнику и александрийскому стиху.

2.1. Перевод де Порри включает отрывки из различных глав романа, которым граф дает собственные названия: «Портрет героя» («Portrait du héros»), «Две сестры» («Les deux Soeurs») и т.д. По своему усмотрению переводчик иногда сохраняет строфу из 14 стихов, но чаще делит текст на фрагменты различной длины. Размер – десятисложник со свободной рифмовкой. В целом текст Эжена де Порри весьма условно следует оригиналу во всех планах, что в данном случае позволяет говорить скорее об адоптации, самостоятельном произведении по мотивам «Евгения Онегина», чем о переводе как таковом. Так, в приведенном ниже фрагменте, переводчик заранее сообщает о кончине дяди главного героя (в оригинале читатель узнает об этом лишь в LII строфе первой главы) и добавляет от себя обширный перечень причин его болезни и смерти:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

Oui, sans mentir je le déclare : en somme,
***Feu** mon cher oncle était un honnête homme.*
De la vertu suivant l'étroit chemin,
A l'indigence ouvrant parfois sa main.
Mais il tomba subitement malade
Pour trop aimer l'absinthe et la salade ;
Les crudités, les liqueurs, le tabac,
***Ont ruiné son débile estomac**.*

(фрагмент I строфы первой главы)

Михайлов включает в строфы от 14 до 16 стихов и также решает не следовать схеме рифмовки оригинала. Кроме того, в его тексте мы находим множество приемов эпохи «belles infidèles» [13, с.30-31], которая, в некотором смысле, «возрождается» в XIX веке в переводах произведений Пушкина (прозаические произведения, в частности, Гоголя и Тургенева, также переводили в духе «belles infidèles»). В области поэтического перевода в это время чаще используется стихотворная строка большей длины, чем в русском оригинале (в случае Михайлова – александрийский стих, который в полтора раза длиннее четырехстопного ямба оригинала), что, естественно, создает сложности и порождает многочисленные «добавления» и другие модификации [12, с.800]. Ниже мы выделили в переводе фрагменты с разного рода искажениями («деформациями» по Берману); в оригинале выделена фраза, опущенная во французском варианте.

***И что ж?** Глаза его читали,*
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печали
Теснились в душу глубоко.

***Tandis que tant d'écrits s'étalent à ses yeux**,*
*Son errante pensée **courant à mille lieux**,*
***Evoque du passé des souvenirs pénibles**,*
***Déceptions**, chagrins, désirs, illusions,*
*Et fouille de son cœur **tous les replis profonds**.*

(фрагмент XXXVI строфы восьмой главы)

Как видим, переводчик свободно интерпретирует пушкинский текст как в отношении поэтической формы, так и в плане синтаксиса, стилистики и содержания. Работа Михайлова вписывается в целый ряд подобных «облагороженных» и «удлиненных» переводов (эти термины использует А. Берман при описании типичных модификаций, встречающихся в переводе [7]), авторы которых, нередко, были весьма отдаленно знакомы с русским языком. В свете всего выше сказанного становится понятно, почему Флобер относился к творчеству Пушкина критически: «Как зауряден ваш поэт!» («Il est plat, votre poète ! » [12, с.801])

2.2. Несколько переводов в восьмисложнике сохраняют строфику, но не передают схему рифмовки оригинала. Это переводы Андре Менье (1962), Марка Семенова и Жака Бура (1979) и Жан-Луи Бакеса (1996).

Перевод первой главы Андре Менье выполнен белым стихом[1].

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?

Peindrai-je en un tableau fidèle
Le cabinet où se retire,
S'habille, déshabille et rhabille,
L'écolier modèle des modes ?

(фрагмент XXIII строфы первой главы)

[1] Поскольку наша работа посвящена, главным образом, поэтической форме, мы не будем давать дополнительные характеристики каждого перевода, кроме случаев, когда это помогает более разносторонне осветить интересующий нас вопрос.

Перевод Марка Семенова и Жака Бура выполнен восьмисложником со спорадической рифмой и издан в виде параллельных текстов:

Они поют, и, с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит...

Elles chantent ; mais ne prêtant
Nulle attention à ces voix claires,
Tatiana s'énerve d'attendre
Que l'émoi de son cœur s'apaise,
Que de ses joues le feu s'efface.
Or cette fièvre aux joues ne passe,
Or tout autant les seins frémissent
– Elle brûle encore plus vive.

(фрагмент XL строфы третьей главы)

Жан-Луи Бакес также отдает предпочтение восьмисложнику опять же со спорадической рифмой. Для этого перевода характерен ряд систематических смысловых и стилистических «отклонений», например, регулярное опущение эпитетов (в оригинале выделены эпитеты, опущенные в переводе):

*Твой **чудный** взгляд меня томил…* — *Ton regard me faisait languir…*

***Несчастной** жертвой Ленский пал...* — *Lenski en a été victime...*

*Какое **горькое** презренье* — *La fierté de votre regard*
Ваш гордый взгляд изобразит! — *Dira que vous me méprisez.*

Подобные модификации можно объяснить, в частности, особенностями идиостиля данного переводчика. Андре Менье, выбравший тот же размер и также пожертвовавший рифмой, передает синтаксис оригинала более точно.

2.3. Остальные переводчики, выбравшие восьмисложник, решают сохранить онегинскую строфу. Среди них следует особо отметить перевод Гастона Перо (1902), который в своем роде предвосхитил современные тенденции (сохранена схема рифмовки с учетом мужских и женских окончаний). Тем не менее, в его переводе мы находим множество модификаций на других уровнях: разъяснение, опущение и т.д.:

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?

J'étais jeune alors et, peut-être,
En ce temps-là valais-je mieux.
Quand je vous écrivis ma lettre,
Combien vous fûtes rigoureux!
Ce n'est pas cela qui vous tente,
L'amour d'une pauvre innocente!...
Et quel sermon je dus subir!

(фрагмент XLIII строфы восьмой главы)

Так, в приведенном отрывке имеются модификации синтаксических структур: изменены членение на фразы, пунктуация (в частности, все вопросы в переводе заменены восклицаниями) и др.

За исключением упомянутого перевода, остальные работы, отражающие онегинскую строфу, относятся ко второй половине XX – началу XXI века.

Французский поэт Луи Арагон перевел фрагменты из первой и пятой глав «Евгения Онегина» (1965-1966) восьмисложником с сохранением схемы рифмовки оригинала:

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!

Que de fois l'été nous trouva
Quand se fait transparent et pâle
Le ciel des nuits sur la Néva
Et ses eaux dans leur gai cristal
Ne bercent plus Diane au front blanc,
Nos vieux romans nous rappelant,
Nous rappelant nos vieux amours,
Frémissants et froids tour à tour,
Au souffle des nuits indulgentes
Nous nous abreuvions sans un mot !

(фрагмент XLVII строфы первой главы)

Чуть позже де Витт (1967-1968) предпринимает попытку имитировать ритм оригинала, чередуя долгие и краткие слоги, но при этом не всегда сохраняется схема рифмовки онегинской строфы (также в формальном отношении допускаются окказиональные неточности: опущение [ə], противоречащее правилам силлабического

стиха, но допустимое в современной французской поэзии [5, с.13-18], нарушение ритма и рифмы):

Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор...

Nullement; pour moi la chose est claire :
Elles se démènent pour te plaire,
Des gens tout simples, sans façon,
Hospitaliers, – ça va sans dire...
« Qui vous régalent de confitures,
Parlent du beau temps, de la moisson... »

(фрагмент I строфы третьей главы)

Переводы Мориса Колена (1980), Наты Минор (1990), Роже Легра (1994) и Шарля Вайнстайна (2010) выполнены в классическом восьмисложнике с соблюдением схемы рифмовки оригинала.

В предисловии к своему переводу Морис Колен подробно описывает сложности, с которыми он сталкивался при передаче поэтической формы оригинала, и этапы поиска решений. Сохраняя 14 строк в строфе, в качестве размера переводчик, как и многие другие, избирает классический французский восьмисложник. Он отказывается от первоначального решения переводить «Евгения Онегина» белыми стихами и отдает предпочтение рифме. Однако он не всегда следует пушкинскому принципу чередования мужских и женских окончаний, объясняя это рядом примеров, когда французский язык может передать русский оригинал практически дословно, но, в силу особенностей орфографии, не сохраняя мужские и женские рифмы (ср. *épigrammes – dames* с русским вариантом *эпиграмм – дам*). В подобных и некоторых других случаях переводчик предпочитает оставаться ближе к русскому тексту в ущерб поэтической форме.

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Lors des adieux sur le perron
Ou bien au bal Dieu me protège
D'un étudiant en fanchon
Ou d'un clergeon à châle beige.
Un discours russe où rien ne pèche,
Tel un rouge baiser revêche,
Est pour moi chose sans saveur.

(фрагмент XXVIII строфы третьей главы)

Ната Минор в целом старается приблизиться к оригиналу в формальном плане, однако в редких случаях переводчице не удается найти рифму:

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.

Le mal d'amour pousse Tatiana
A errer seule dans le jardin,
Lorsque soudain ses yeux se ferment,
Le cœur lui manque d'aller plus loin.

(фрагмент XVI строфы третьей главы)

Роже Легра достаточно точно воспроизводит поэтическую форму оригинала: восьмисложник, строфа из 14 стихов, точно соблюдается расположение рифм, чередование мужских и женских окончаний. В некоторых стихах чередование долгих и кратких слогов соответствует русскому ямбу:

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?

Et Tania serait plus fautive?
Parce qu'elle agit sans détour,
Dans sa gentillesse naïve
Et croit à son rêve d'amour?

(фрагмент XXIV строфы третьей главы)

Шарль Вайнстайн, по сложившейся традиции, передает четырехстопный ямб восьмисложником. Заметим, что переводчик решает оставаться в рамках строгих правил классического французского стихосложения. Текст разделен на строфы по 14 стихов, соблюдена схема рифмовки онегинской строфы, в том числе переданы женские и мужские рифмы :

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей...

Sans le relever, elle porte
Les yeux sur Eugène à genoux.
Elle abandonne une main morte
A l'ardeur de ses baisers fous.

(фрагмент XLII строфы восьмой главы)

Особенную позицию в ряду переводов «Евгения Онегина» занимают работы, которые последовательно воспроизводят ритм русского стихотворного размера. Андре Маркович (2005) использует восьмисложник с четким чередованием короткого и длинного слогов, имитирующий русский четырехстопный ямб (заметим, что в редких случаях ритм все же нарушается); сохранена схема рифмовки оригинала, чередование мужских и женских окончаний; соблюдены переносы. Французский текст близок к оригиналу и в других отношениях.

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольно думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.

Tania prenait d'abord ces fables
Avec dépit ; mais, en secret,
C'est une joie comme impalpable
Qui, malgré elle, l'entraînait.
L'idée surgit, une heure heureuse
Fleurit – elle était amoureuse.

(фрагмент VII строфы третьей главы)

Попытки имитации силлабо-тоники предпринимались французскими переводчиками и раньше (например, у де Витта, фрагментарно у Арагона и Легра), но именно в переводе Марковича это сделано наиболее последовательно.

В 2010 году был издан в виде параллельных текстов сборник переводов на французский язык избранной лирики Пушкина и 110 строф «Евгения Онегина» русской переводчицы Нины Насакиной, работавшей в середине XX века. Перевод романа в стихах, так же, как и перевод Марковича, имитирует, насколько это удается, мелодию и точно передает рифму онегинской строфы:

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блистая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена
Остановилася она.

Enfin elle reprit haleine
Et se leva pour s'en aller
De son refuge, mais à peine
S'engage-t-elle dans l'allée
Que, juste en face d'elle, Eugène
Paraît avec sa moue hautaine,
Son oeuil de feu et foudroyée
Elle s'arrête petrifiée.

(фрагмент XLI строфы третьей главы)

Самый поздний из известных нам полных переводов «Евгения Онегина», вышедший в 2012 г. (переводчик Флориан Вутев), также воспроизводит ритм четырехстопного ямба и точно передает схему рифмовки оригинала, сохраняя чередование мужских и женских окончаний:

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.

Jurant de haïr la coquette,
Lenski voudrait, jusqu'au duel,
Ne pas la voir ; mais le poète
Regarde l'heure, puis le ciel ;
Enfin, pourquoi donc il s'obstine ?
Et le voilà chez les voisines.

(Фрагмент XIII строфы шестой главы)

Таким образом, в XX веке был предпринят целый ряд попыток имитации четырехстопного ямба во французском переводе. Однако, несмотря на огромные усилия переводчиков, даже в лучших работах присутствуют окказиональные нарушения ритма. Подобные нерегулярности объясняются, в частности, фиксированным порядком слов во французском языке. В то время как русскому поэту для достижения необходимого ритмического эффекта достаточно поменять местами слова, французскому переводчику приходится перестраивать всю фразу, что, естественно, создает дополнитльные трудности.

***

Выше были рассмотрены с точки зрения формального аспекта 20 вариантов французских переводов «Евгения Онегина», созданных в период с 1847 по 2012 г. Эти данные позволяют воссоздать общую картину эволюции от прозы к передаче поэтической формы «Евгения Онегина» во французской переводческой традиции.

Как было указано выше, в XIX и начале XX века появляется четыре прозаических перевода «Евгения Онегина» (самые ранние переводы романа сделаны в прозе), еще один прозаический перевод выходит в 1956 году (М. Байа), в последнем случае выбор прозаической формы аргументируется желанием переводчика точнее передать другие аспекты текста. В случае более ранних переводов явно прослеживается влияние литературной моды. В Европе, в отличие от России, художественная проза получает широкое распространение и признание уже в XVIII веке; в этот период во Франции считаются предпочтительными прозаические переводы Гомера [12, с.428-429]. Таким образом, в XIX и начале XX века прозаический перевод стихотворного текста оказывается нормой. При-

чем прозаические переводы «Евгения Онегина», как мы указывали выше, далеко не всегда точно следуют оригиналу на других уровнях: синтаксическом, стилистическом, содержательном (наиболее близок к русскому тексту перевод М. Байа). Все это позволяет думать, что выбор прозаической формы в нашем случае продиктован, быть может, не только «невозможностью» передать содержание в стихотворной форме, но и тем, что прозаическая форма в то время во Франции была более актуальной и в большей степени привлекала переводчиков и литераторов. Е.Г. Эткинд в предисловии к собранию стихотворных сочинений А.С. Пушкина [8], изданному под его руководством в Лозанне, высказывается явно негативно в отношении прозаических переводов «Евгения Онегина» и подчеркивает, что эти тексты необходимо издавать с пояснениями. В противном случае, многие лирические элементы оригинала, помещенные в прозаический текст, представляются неуместными и нарушают органичность повествования.

Стихотворные переводы XIX века выполняются в достаточно свободной форме (вольная строфика, размер, где даже не делается попытка приблизиться к какому бы то ни было эквиваленту четырехстопного ямба и т.д.). В данной связи интересно отметить, что во Франции в течение XIX века не прослеживалось четкой границы между терминами «перевод» и «имитация» в отношении поэтического перевода. Так, некоторые переводы выходили с подзаголовком «traduction ou imitation en vers» [12, с.346-347].

В XX веке практически все переводчики выбирают восьмисложник, поскольку это наиболее близкий четырехстопному ямбу силлабический размер. Предпринимаются три попытки имитации двусложного размера, причем Маркович, Насакина и Вутев делают это последовательно, в то время как их переводы остаются достаточно близкими к оригиналу и на других уровнях. Большая часть рассмотренных переводов выходит, начиная с 60-х годов XX века (11 переводов). В этот период переводчики практически всегда сохраняют рифму, даже если схема рифмовки не полностью совпадает с оригиналом. Только в трех переводах используется спорадическая рифма или белые стихи (А. Менье, М. Семенов и Ж. Бур, Ж.-Л. Бакес); в восьми переводах с большей или меньшей степенью точности сохранена схема рифмовки исходного текста. Таким образом, со второй половины XX века во Франции происходит коренное изменение подхода к переводу поэтического текста и переоценка роли фонетической составляющей как одной из основополагающих характеристик литературного произведения в стихотворной форме.

Представленный материал позволяет охватить все многообразие вариантов передачи специфической русской поэтической формы (онегинской строфы) при переходе во французскую языковую и культурную среду и помогает воссоздать общую картину развития литературной судьбы «Евгения Онегина» во Франции с точки зрения формального аспекта. Проведенный анализ является аргументом в пользу теоретического положения об относительной независимости системы стихосложения от языка ее применения.

In the article the poetic form of different translations of the novel «Eugene Onegin» in French is studied. The research is based on a descriptive approach. The aim of the research is to compare the poetic form of French translations of «Eugene Onegin» and to reveal on basis of the results which variations of poetic form are chosen by the translators according to the period's tendencies and personal preferences during more than 150 years history of translations of a literary text. The parallel corpora includes 16 of 17 known until now full translations of the novel and several translations of extracts.
Keywords: *literary translation, theory of translation, Pushkin A.S., «Eugene Onegin», corpus linguistics, parallel texts, poetic form, French language, Russian language.*

Список литературы

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. Москва, 1989.
2. Краткая литературная энциклопедия, т. 5. Москва, 1962-1978.
3. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л., 1963.
4. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16—24.
5. Aquien M. La versification appliquée aux textes. Paris, 2010.
6. Ballard M. Histoire de la traduction. De Boeck, Bruxelles, 2013.
7. Berman A. La traduction à la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999.
8. Etkind E. Traduire Pouchkine. Introduction // Œuvres poétiques. E. Etkind, ed. Lausanne, 1981, p. 5-24.
9. Grammont M. Petit traité de versification française, Armand Colin, 2008.
10. Guidère M. Introduction à la traductologie. Groupe De Boeck s.a., 2008.
11. Fumet S. Préface // Pouchkine A. Eugène Oniéguine: roman. Paris, 1956, p. 7-22.
12. Histoire des traductions en langue française, XIX siècle 1815-1914. Sous la direction de Chevrel Y., D'hulst L. et Lombez C. Editions Verdier, 2012.
13. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris, 1999.

Источники

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949–1950.
2. Pouchkine A. Eugène Oniéguine // Œuvres choisies de A.-S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont, 2 vol. T. 1. Saint-Pétersbourg et Paris, 1847.
3. Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduction d'Ivan Tourgueniev et Louis Viardot // La Revue nationale et

étrangère, t. 12 & 13, 1863.
4. Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduit du russe par Paul Béesau. Paris, 1868.
5. Pouchkine A. Eugène Onéghine : poème humoristique / Fragments traduits de comte Eugène de Porry // Fleurs de Russie. Paris, 1870.
6. Pouchkine A. Eugène Onéghine: Roman en vers / Trad. par W. Mikhailow. Paris, 1884.
7. Pouchkine A. Eugène Oniéguine: Roman en vers / Trad. par Gaston Pérot. Paris – Lille, 1902.
8. Pouchkine A. Eugène Onéguine: roman en vers / Traduit du russe par A. De Villamarie. Nice, 1904.
9. Pouchkine A. Eugène Oniéguine: roman / Traduit du russe par Michel Bayat. Paris, 1956.
10. Pouchkine A. Eugène Onêguine / Traduction d'André Meynieux // Les écrivains célèbres. Paris, 1962.
11. Pouchkine A. Eugène Onéguine: roman en vers / Traduit du russe par N. de Witt. Paris, 1967-1968.
12. Pouchkine A. Eugène Oniéguine / Traduction de Marc Semenoff et Jacques Bour. Paris, 1979.
13. Pouchkine A. Eugène Oniéguine / Traduction et commentaire de Maurice Colin. Paris, 1980.
14. Pouchkine A. Eugène Onéguine / Traduit du russe par Louis Aragon // Œuvres poétiques. E. Etkind, ed. Lausanne, 1981.
15. Pouchkine A. Eugène Oniéguine: Roman en vers / Traduit du russe par Nata Minor. Paris, 1990.
16. Pouchkine A. Eugène Onéguine / Texte présenté, traduit et annoté par J.-L. Backès. Gallimard, 1995.
17. Pouchkine A. Eugène Onéguine: roman en vers / Traduit du russe par André Markowicz. Arles, 2005.
18. Pouchkine A. Eugène Oniéguine: roman en vers / Traduit du russe par Roger Legras. Lausanne, 2009.
19. Pouchkine A. Eugène Onéguine / Roman en vers traduit par Charles Weinstein. Paris, 2010.
20. Pouchkine A. Eugène Onéguine: roman en vers / Traduit du russe par Nina Nassakina // Poésies choisies. Moscou, 2010.
21. Pouchkine A. Eugène Onéguine: roman en vers / Nouvelle traduction de Florian Voutev. Paris, Éditions La Bruyère, 2012.

Об авторе

Богинская Анастасия Петровна – аспирантка кафедрs французского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *nastrix@rambler.ru*

УДК 81'372 [811.161.2+811.351.32]

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА СЕМЕЙНОГО ОБЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО И ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ветрова Э.С.

Статья посвящена сопоставительному анализу семейного речевого этикета украинцев и лезгин. Изучаются семантика и коммуникативные особенности украинских и лезгинских этикетных высказываний, функционирующих в рамках семейного общения, выявляются их общие и этнокультурные особенности. Отмечается, что семейный речевой этикет в исследуемых культурах базируется на общих морально-этических принципах: почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Однако стиль и тон семейного диалога, понимание принципа субординации в общении родственников, а также выбор речевых средств имеют национально специфичный характер.

Ключевые слова: *семейное общение, уважение к старшим, речевой этикет, обращение, термины родства, украинцы, лезгины*

Неотъемлемым компонентом жизнедеятельности человека является общение – процесс взаимодействия между людьми, заключающийся в обмене между ними информацией познавательного или эмоционально-оценочного характера, в ходе которого возникают, проявляются и формируются межличностные контакты. Современный человек вовлечен в разные типы коммуникации. При этом базовой формой межличностного взаимодействия традиционно считается семейное общение, ограниченное рамками родственных отношений (Л.С. Выготский, В.И. Карасик, H. Sacks, G. Jefferson, E. Schegloff и др.). Семья – один из самых древних социальных институтов, выполняющий важные социальные функции. По мнению большинства исследователей, именно семья является необходимым условием социализации личности, основным носителем духовных ценностей и поведенческих образцов, передаваемых из поколения в поколение. Любая нестабильность в семейных отношениях препятствует нормальному функционированию общества, поэтому в каждом социуме существуют определенные нормы и традиции, регулирующие внутрисемейные контакты. Изучение этих норм и традиций – одно из приоритетных направлений многих отраслей современного научного знания – философии, социологии, психологии, культурологии, этнографии и др. В последние десятилетия в связи со сменой научных приоритетов в языкознании и переходом к антропоцентрической трактовке сущности языка семейная коммуникация как особый тип общения оказалась в поле зрения лингвистики. В трудах отечественных языковедов: В.И. Карасика, И.А. Стернина, Л.П. Крысина, В.Б. Кашкина, Ю.С. Степанова и др. данный феномен рассматривается в рамках различных научных направлений: теории коммуникации, лингвокультурологии, семиотики, социолингвистики и др. Однако несмотря на то, что в последнее время в связи с расширением коммуникативного пространства феномен семейного общения все чаще привлекает внимание ученых (см., например, диссертационные работы А.В. Занадворовой, А.Н. Байкуловой,

В.С. Анохиной и др.), можно с уверенностью констатировать, что языкознание делает лишь первые шаги в разрешении данной проблемы. **Актуальность** темы исследования обусловлена недостаточной изученностью в современной лингвистике речевого этикета семейного общения, необходимостью детального рассмотрения национальной специфики языковых средств, используемых в семейном дискурсе различных культур, а также поиска эффективных языковых механизмов, направленных на гармонизацию межкультурного семейного диалога.

Цель статьи – сопоставительный анализ семейного речевого этикета украинцев и лезгин, выявление общих и этнокультурных особенностей в семантике и коммуникативной реализации украинских и лезгинских этикетных высказываний, функционирующих в рамках семейного общения. На материале украинского и лезгинского языков данная проблема рассматривается впервые, что определяет **новизну** предложенного исследования.

Материалом статьи послужили этикетные единицы, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников, художественных и фольклорных произведений разных жанров, а также речевые образцы, полученные в результате интервьюирования, анкетирования информантов и собственных наблюдений автора над речью носителей языка. Сбор иллюстративного материала на лезгинском языке проводился в республике Дагестан, Россия (в селах Капир и Курах Курахского района, селе Белиджи Дербентского района, городах Дербент и Махачкала). Часть украинских примеров получена из частной переписки выдающихся украинских писателей XIX века, сыгравших важную роль в формировании современного украинского речевого этикета.

Семейное общение как особый тип коммуникации характеризуется такими чертами, как непринужденность, спонтанность, ситуативная обусловленность, неформальность, ярко выраженный субъективизм. Семейный диалог реализуется преимущественно в устной форме, поэтому в нем функционируют те же языковые единицы, что и в разговорной речи: экспрессивно-оценочная лексика, слова с переносным значением, междометия, местоимения, эллиптические конструкции и т.д., которые способствуют быстрому установлению контакта с собеседником, достижению взаимопонимания для эффективного решения повседневных бытовых проблем. Несмотря на то, что для общения в рамках семьи характерен сниженный порог вежливости, важную роль в реализации указанных выше коммуникативных задач играют формулы речевого этикета (приветствия, обращения, просьбы, прощания и т.д.), обеспечивающие бесконфликтное взаимодействие общающихся и успешное достижение намеченных коммуникантами целей. Речевой этикет семейного общения большинства народов мира базируется на таких универсальных морально-этических ценностях, как почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Вместе с тем, каждый этнос структурирует семейную коммуникацию по-своему. Степень неформальности семейного диалога, понимание принципа субординации в общении членов семьи, коммуникативные предписания и запреты, а также выбор тона и стиля общения, речевых средств и невербальных знаков имеют национально специфический характер, что обусловлено как экстралингвистическими, так и языковыми факторами.

Внутренний уклад традиционного дагестанского общества всегда имел ярко выраженную иерархическую структуру с патриархальными порядками, основанными на беспрекословном подчинении женщин мужчинам, младших – старшим. Данная тенденция характерна для всех сфер общественной жизни горцев. Не является исключением и сфера семейного общения, где взаимоотношения между родственниками строятся по принципу патриархальной регламентации: дети, жена безоговорочно подчиняются главе семьи и ведут себя с ним подчеркнуто вежливо, дочери (в большей степени, нежели сыновья) подчиняются матери, сестры – братьям, младшие братья – старшим и т.д. И хотя социально-исторические преобразования в Дагестане постепенно привели к демократизации внутрисемейных отношений, традиционный уклад современной дагестанской семьи до сих пор отличается строгой семейной иерархией с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников. Данные факторы способствовали формированию особого типа поведения, главной чертой которого является индифферентность – проявление внешнего безразличия, эмоциональной сдержанности, подчеркнутой вежливости, соблюдение разнообразных вербальных и невербальных табу. В основе такой коммуникативной модели – обычай избегания (ограниченного взаимодействия) в общении родителей и детей, мужа и жены и их родственников, который с древних времен существовал в культуре многих народов Кавказа. Взгляды исследователей на происхождение этого древнего обычая разнятся. В советский период он рассматривался преимущественно как негативный, постепенно отмирающий пережиток архаических форм отношений [7; 20]. Однако с развитием этнографической науки и накоплением теоретических знаний ученые стали трактовать его как неотъемлемый компонент этикета многих кавказских народов, один из способов демонстрации их внутренней культуры (скромности, деликатности, тактичности, взаимного уважения) [2]. Совершенно очевидно, что обычай избегания играет важную роль в организации семейной коммуникации дагестанских народов, поддерживая порядок в семье, четко регулируя поведение ее членов, сохраняя иерархию отношений между родственниками. Сегодня в Дагестане, особенно в городах, данная традиция постепенно уходит в прошлое. Вместе с тем, во многих семьях (особенно на западе региона) все еще принято демонстрировать сдержанные отношения между мужем и женой, отцом и детьми (особенно дочерью), зятем и тещей, невесткой и свекром и т.д.

В украинской культуре сложилась противоположная тенденция. Базовой особенностью украинской ментальности является особое отношение к женщине и ее социальным функциям. Как отмечают украинские этнографы и социологи, «даже после утверждения патриархальной системы в Украине матриархат, пусть и не в главенствующей форме, остался навсегда укорененным в украинской психике. <…> Женщина в Украине не только была равноправной с мужчиной, не только находилась в центре духовности украинской семьи, но и вошла в мифологический архетип Богини-Матери» [15, с.413]. Материнское семейное воспитание, в котором почти не

участвовал отец как мужской фактор, формировало женские моральные нормы, идеалы и соответствующие им правила речевого поведения. И. Полищук предполагает, что «из таких преимущественно женских подходов к воспитанию и формированию характера и прежде всего кордоцентричности, эмоциональности возникает в украинском менталитете преобладание чувств над разумом, сентиментальность, чрезмерная чувствительность, определенная непоследовательность, нехватка воли, известный анархизм и т.п.» [16, с.91]. Данные факторы способствовали формированию иного, нежели в лезгинской культуре, стиля семейного общения, в основе которого – отсутствие жестких правил, регулирующих взаимоотношения между разными категориями родственников, демократичность, эмоциональность, открытое проявление любви и нежности, минимум этикетных ограничений. Тем не менее, отсутствие строгих норм поведения в семейном общении украинцев не исключает необходимости соблюдения принципа уважения старших, который в украинской культуре, как и в культуре лезгин, имеет глубокие исторические корни, являясь отголоском патриархального строя.

Главным морально-этическим принципом, определяющим характер взаимоотношений в дагестанской семье, является уважение к старшим. Каждый дагестанец, независимо от возраста и социального статуса, считает своим священным долгом уважать старшего по возрасту – человека, который прожил много лет, прошел много испытаний, приобрел жизненную мудрость. Почитание родителей закладывается в сознание ребенка как высшая моральная норма, придерживаясь которой, можно достичь успехов в жизни, завоевать авторитет в обществе. Поэтому вполне закономерно, что молодые приветствуют пожилых людей стоя, уступают им место, не садятся и не начинают разговор без разрешения старших, вежливо и лаконично отвечают на их вопросы. Такое поведение объясняется социально-историческими факторами. Как утверждают историки, в течение многих веков основой социально-политической и экономической жизни дагестанцев являлись джамааты – самостоятельные самоуправленческие общины, состоящие из тухумов – больших семей, объединений родственников, ведущих свое происхождение от одного предка – праотца. Поведение каждого члена тухума контролировалось старшими, авторитетными и уважаемыми людьми. И хотя архаичный род как реальная социальная единица давно прекратил свое существование, родовые связи, нормы поведения и обычаи, с ними связанные, сохранились у народов Дагестана до сих пор. Совместное проживание нескольких поколений одной семьи, которое наблюдается здесь и в наше время, способствует сохранению уважительного отношения младших к старшим, и наоборот. Почитание старших у народов Дагестана имеет и религиозную основу. В Коране это считается одной из наивысших добродетелей мусульманина. Неуважение к отцу или матери, нарушение родительской воли ислам считает тяжелейшим грехом: «Смертные грехи – это многобожие, непочтительность к родителям, самоубийство и ложная клятва» [1, хадис от Абдаллаха бин Амр].

Почитание старших прочно утвердилось в национальном сознании лезгин, воплотившись не только в их обычаях и традициях, но и в языке. О долге младших перед старшими говорится в лезгинских пословицах: *Диедин бурж баладивай хгуз жедач* ‘Ребенок перед матерью в вечном долгу’; *Аялди чIехидилай чешне къачуда* ‘Ребенок со старшего берет пример’; *Бубадин писвал рухайри аквада* ‘Недоброжелательность отца сыновья чувствуют’; *ЧIехидаз яб тагайди чIехи баладик акатда* ‘Кто не послушается старшего, тот в большую беду попадет’ и др. В речевом этикете лезгин почтительное отношение к старшим по возрасту отражают различные запреты и предписания. В диалоге со старшим запрещается: использовать фамильярные и вульгарные высказывания; прерывать собеседника, окликать его или подзывать к себе для передачи информации; спорить с адресатом; при общении смотреть ему в глаза; обсуждать темы, касающиеся общения полов и т.д. Кроме того, в лезгинской культуре сложились определенные этикетные нормы, регламентирующие вхождение в контакт со старшими и выход из него. Общение, как правило, начинается с традиционных этикетных конструкций, состоящих из обращения к собеседнику, за которым следует извинение либо вопрос, содержащий просьбу о разрешении контакта: *Гьуърметлу (гьуърметлуди) буба (чIехи буба)!* ‘Уважаемый отец (дедушка)!’ *Багъишламиша, ихтияр аватIа...* ‘Извини, если можно…’; *Вавай ... хабар кьадай ихтияр авани?* ‘Можно ли у тебя спросить?’; *Эгер жедатIа, лагь ман...?* ‘Скажи, можно ли…’; *Багъишламиша, заз... герек я…* ‘Прости, мне нужно…’; *Инжиклу авунай багъишламиша…* ‘Прости за беспокойство…’ и др. Завершение контакта зависит от старшего: младший ожидает, когда ему позволят уйти или в крайних случаях – в почтительных выражениях просит разрешения удалиться: *Багъишламиша,зун кIвализ хъфидай вахт я…* ‘Простите, мне пора идти домой…’ и др.

О высокой культуре родственных отношений у лезгин свидетельствует наличие богатого арсенала обращений-терминов родства, которые широко используются в общении разных категорий родственников. Выбор данных этикетных высказываний обусловлен рядом факторов: возрастными и половыми признаками общающихся, их местом в семейной иерархии, характером взаимоотношений, обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц), а также правилами и традициями отдельно взятой семьи. При этом следует отметить, что младшие в общении со старшими при любых обстоятельствах сдержаны и вежливы (особенно дочь в разговоре с отцом).

Обращаясь к отцу, лезгины используют синонимичные формы: *буба, дах* ‘отец’, ‘папа’ [13], которые являются стилистически нейтральными и уместны в любых коммуникативных обстоятельствах. Вместе с тем, данные вокативы не тождественны по значению и не во всех ситуациях общения способны к взаимозаменяемости. Помимо общей семантики ‘мужчина по отношению к детям, которых он родил’, обращения *дах, буба* в определенном контексте реализуют дифференциальные семы и несут неодинаковую коммуникативную нагрузку. Так, лексема *буба* может употребляться в качестве обращения невестки к свекру либо ребенка к неродному отцу

(отчиму), маркируя отношения между данными категориями родственников как «общение своих». Примечательно, что словом *буба* часто окликают ребенка, которого нарекли именем умершего отца или дедушки [23, с.66]. Вокатив *дах*, помимо родного отца, адресуется старшему брату, который в лезгинской семье выполняет те же функции, что и отец, и соответственно пользуется таким же уважением.

В ситуации обращения к матери функционируют общеупотребительные вокативы *диде, бах* ‘мама’, а также диалектные формы: *бажи*, *йаъ*, *ана* [4; 13]. Данные обращения, кроме биологической матери, адресуют теще, свекрови или мачехе с целью сокращения дистанции между собеседниками и создания благоприятной атмосферы общения в семье. Вокатив *бажи* носителями диалектов часто используется при обращении к старшей сестре или бабушке [23, с.66]. Характерно, что по отношению к лицам женского пола, названным в честь умерших родственниц (матери или бабушки), форма *диде* не применяется [23, с.66]. Рамками разговорной речи ограничено употребление усеченных вариантов – *де* ‘мама’*, ба* ‘папа’. Обращения *буба, диде* могут адресоваться также дедушке и бабушке соответственно, которые в лезгинской семейной иерархии, наряду с отцом и матерью, всегда занимали почетное место. Об уважительном отношении к данной категории родственников свидетельствуют также сложные номинации: *чIехи буба* ‘дедушка’ (букв. ‘главный отец’), *чIехи диде* ‘бабушка’ (букв. ‘главная мать’), *баде* (образовано от двух сокращенных слов: *ба* ‘отец’ + *де* ‘мать’< *бубадин диде* – буквально: ‘мать отца’) [13]. Значение ‘бабушка’ реализуют и диалектные формы: *бада, паъ, йене* [4]. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, в лезгинском языке для называния старших по возрасту родственников (отца, матери, дедушки, бабушки) существует несколько вариантов обращений, что является отголоском патриархального родового строя.

Сдержанность в семейном речевом этикете лезгин проявляется, как правило, на людях. В общении с родственниками наедине лезгины открыты, эмоциональны, что подтверждает активное функционирование в их речи обращений, содержащих информацию эмоционально-оценочного характера, например: *чан буба* ‘папочка’, *играми дах* ‘дорогой папа’, *чан бах* ‘мамочка’*, масан диде* ‘милая мама’[10] и др. Важно отметить, что в лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, отсутствуют суффиксы субъективной оценки, столь продуктивные в украинском и русском языках. Категория экспрессивности в речевом этикете лезгин реализуется преимущественно на лексическом уровне, например, с помощью лексемы *чан* (букв. ‘душа’, ‘душечка’), которая по семантике соответствует украинским диминутивным суффиксам *–ичк-, -еньк-, -ус-* и др. Вместе с тем, в последнее время в речи представителей молодого поколения лезгин под влиянием русской коммуникативной традиции стали появляться несвойственные лезгинскому языку диминутивные формы: *дахка, бубашка* ‘папочка’, *бахка, дидешка* ‘мамочка’, образованные от лезгинских терминов родства с помощью русских суффиксов.

Как видим, уважение к старшим у народов Дагестана практически доведено до масштабов культа. Некоторые ученые считают, что именно с этим фактором связан феномен кавказского долголетия. Важная роль людей преклонного возраста в жизни семьи и общества, любовь и уважение со стороны окружающих обеспечивают им психологический комфорт, ограждают от депрессий, формируют активную жизненную позицию [21]. Данным обстоятельством, на наш взгляд, объясняется функционирование в речевом этикете лезгин специфичных с точки зрения славянской культуры пожеланий: *Вун кьуьзуь хьурай!* ‘Чтоб ты постарел!’; *Ви чуру рехи хьурай!* ‘Чтоб твоя борода поседела!’ (в значении: ‘Чтоб ты прожил до глубокой старости!’), которые адресуются самым близким людям. Характерно, что в национальном сознании украинцев «занадто довгий вік, особливо при лихім здоровлю, се велике нещастє» ‘слишком долгий век, особенно при плохом здоровье, – это большое несчастье’ [22, т.3, с.568].

В украинском семейном общении почитание старших также является главной морально-этической нормой. Как и в коммуникативной культуре лезгин, у украинцев данная традиция имеет глубокие исторические корни, являясь пережитком семейно-родового культа. Основной ячейкой древнего славянского общества была семья, в которую входило несколько поколений родственников. Семьи объединялись в общины, общины – в племена, управляемые почтенными старейшинами, пользующимися беспрекословным авторитетом. Почитание старших в Украине, как и в Дагестане, имеет религиозную основу. Об этой наивысшей, по мнению христиан, добродетели говорится в пятой Божьей Заповеди: «Почитай отца твоего и матерь твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» [3, Второзаконие 5:16]. Основная идея нравственного воспитания в славянской семье, основанная на взаимном уважении старших и младших, звучит в древних памятниках славянской письменности, в частности в «Наставлении детям» Владимира Мономаха: «Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев»; следует «при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь» [5, с.60]. О долге детей перед родителями говорится в украинских пословицах и поговорках: *Хто батька-матір зневажає, той добра не має*; *Як батька покинеш, то й сам загинеш*; *Шануй батька й неньку – буде тобі скрізь гладенько* и др. Уважение к старшим как главный морально-этический принцип закрепился в различных украинских обычаях и ритуалах, многие из которых, к сожалению, постепенно утрачивают свою актуальность. Например, в украинских семьях издавна существовала традиция «віддавати чолом», т.е. в знак глубокого уважения приветствовать родителей и других старших по возрасту родственников низким поклоном или целованием руки: *Старий батько Сидить коло хати, Та вчить внука маленького Чолом оддавати* [24, т.1, с.291]. В современном общении украинцев данный обычай соблюдается довольно редко, преимущественно жителями сельской местности. Постепенно уходит в прошлое и традиция уважительного обращения к родителям на *Вы*, широко распространенная во многих украинских селах: *Мамо, мамо, вічна і кохана… Ви пробачте, що був неуважний. Знаю, Ви молилися за мене Дні і ночі, сива моя нене* [Украинская народная песня].

В речевом этикете украинцев, как и в речевом этикете лезгин, отмечается функционирование большого количества обращений-терминов родства, что является отголоском древнего родового культа и свидетельствует о высокой культуре семейных отношений в обеих культурах. При этом следует отметить, что украинские термины родства по количественному составу и стилистическому разнообразию значительно превосходят аналогичные лезгинские этикетные формулы, что обусловлено языковыми факторами, в частности разными словообразовательными возможностями сопоставляемых языков. Одним из ярких признаков самобытности украинской речи является категория диминутивности, которая в семейном общении отличается высокой степенью продуктивности. Украинские обращения-термины родства представляют собой сложную систему субъективно-оценочных форм, широко используемых всеми членами семьи независимо от их пола, возраста и места в семейной иерархии. Например, в общении с отцом (а также тестем и свекром), наряду с обращениями *батьку, тату*, функционируют их многочисленные дериваты: *батьо, батусь, батуньо, батусьо, батенько, батечко, батонько; татку, татенько, татечко, татонько, таточко, татульо, татуленько, татунь, татуньо, татусю, татусьо, татусику, татцьо, татценько* [18; 19], которые имеют ярко выраженный ласкательный оттенок. В разговоре с матерью (тещей, свекровью) употребляются вокативы: *мамо, мамочко, мамонько, мамуню, мамусю, мамусечко, мамусенько, мамунечко, мамцю, мамуньцю, матінко, матіночко, матусенько* [18; 19]. Диминутивные формы широко распространены и в общении с самыми старшими членами семьи – бабушкой: *бабусю, бабуню, бабусенько, бабусечко*; дедушкой: *дідулю, дідуню, дідусю, дідунечко, дідусечко* [18; 19].

Обращения-термины родства могут функционировать самостоятельно либо в сочетании с эпитетами: *любий (-а), милий (-а), коханий (-а), дорогий (-а), ріднесенький (-а)* и др., семантика которых ориентирована на передачу положительных эмоций: любви, нежности, симпатии и расположения: *Ви тільки, кохана мамочко, не застуджуйтеся, бережіть своє здоров'я* [8, т.5, с.136]. Влиянием фольклорной традиции обусловлено сочетание терминов родства с вокативами народнопоэтического характера: *голубчику, голубонько, соколику, перепілочко* и др.: *– Ой матіночко, серденько! Пустіть мене на буряки, – сказала Василина до матері* [14, с.30]. В большинстве случаев подобные формы фигурируют в высказываниях побудительного характера (просьбах, мольбах, уговорах), нацеленных на оказание определенного воздействия на адресата: *Таточку, голубчику, соколику, лебедику! Матінко моя ріднесенька! Утінько моя, перепілочко, голубочко! Не погубляйте свого дитяти; дайте мені, бідненькій, ще на світі пожити!* [6, с.156].

Как видим, взаимоотношения младших со старшими в украинской семье более демократичны и эмоциональны, нежели у лезгин, что объясняется не только социально-историческим опытом этносов, но и особенностями их мировосприятия. Этнопсихологи утверждают, что характерной чертой украинского менталитета является сентиментализм, преобладание чувств над интеллектуально-волевой сферой, тогда как в национальном сознании лезгин эмоционально-чувственные проявления вытесняются рациональными и нравственными качествами (строгая приверженность национальным и семейным традициям, сохранение чести и достоинства в любых коммуникативных обстоятельствах и др.).

Как свидетельствует проведенный анализ, общение между родителями и детьми в украинской и лезгинской культурах строится на принципе глубокого взаимоуважения, поэтому не только младшие к старшим, но и старшие к младшим относятся с любовью и заботой. Вместе с тем, данная этикетная норма в сопоставляемых языках реализуется по-разному. В лезгинской коммуникативной практике характер взаимоотношений между родителями и детьми определяется в первую очередь обстоятельствами общения (взаимодействие происходит наедине или в присутствии третьих лиц). Открытое проявление родительской ласки к сыну или дочери лезгины всегда расценивали как слабость. В общении мужчин запрету подлежат вопросы о жене, детях и вообще любые разговоры о них, тогда как в общении женщин тема семьи и детей естественна, более того, обязательна. Из этого следует, что поведение матери по отношению к детям не столь строго регламентировано, вместе с тем, женщина также не должна в присутствии посторонних демонстрировать свои чувства. Родители в разговоре с представителями своего тухума всегда говорили о детях сдержано и лаконично. Отец называл их: *зи чIехиди* 'мой старший', *зи кьуланди* 'моя средняя', *зи гъвечIи* 'мой младший' и др. Как видим, обязательный компонент подобных номинаций – притяжательные местоимения *мой, моя*, что является проявлением мужского эгоцентризма, характерного для семейного этикета многих народов Кавказа. Мать в общении со своими родственниками использовала формы: *чи хва* 'наш (с Вами) сын', *чи гъвечIи руш* 'наша (с Вами) младшая дочка' и др., а в диалоге с родственниками мужа – *куь хва (гада)* 'ваш мальчик', *куь руш* 'ваша девочка' либо *хва, руш* + имя мужа и др. Таким образом, в зависимости от ситуации женщина подчеркивала либо свою принадлежность к тухуму отца, либо принадлежность своих детей к тухуму мужа.

К сыну, как и к отцу, в лезгинской семье всегда относились с особым уважением, поскольку он считался продолжателем рода и должен был заботиться о родителях в старости. В роли обращения к сыну (зятю) функционируют стилистически нейтральная форма *я гада* 'сын', 'мальчик'[10], а также имеющий позитивную коннотацию вокатив *хва* 'сын, сынок' [10], который в сочетании с лексемой *чан* (букв. 'душа') сигнализирует о теплых, нежных взаимоотношениях общающихся: *Алад, чан хва, ваз хъсан рехъ хьурай, вун ви метлебрихъ агакърай!* 'Ступай, сынок, счастливого тебе пути, да сопутствует тебе успех'[9, с.44]. К дочери (невестке) обращаются с помощью вокатива *я руш* 'дочка'[10], а также его уменьшительно-ласкательного варианта *чан руш* 'доченька': *– Стхаяр вахъ, чан руш, ирид авай* 'Братьев у тебя, доченька, было семеро'. Среди обращений к детям (внукам) встречаются термины родства, не содержащие в своей семантике указание на пол собеседника: *аял, велед, бала* 'дитя, ребенок'[10]: *Чан бала, ваз минет хьуй, акъвазра* 'Детка, прошу тебя, остановись' [9, с.42]. В общении с коллективным адресатом распространены плюральные формы: *Аялар, иниз ша* 'Дети, идите сюда'.

В интимной обстановке лезгины более эмоциональны и свободны в выборе речевых средств. Подтверждением этого является широкий арсенал обращений метафорического характера, в основе которых – различные ассоциации с объектами и явлениями окружающего мира: *чан дидедин къарникъуз* ‘милый мой грибочек’, *дидедин къизил* ‘золотце мое’, *чан дидедин гьана авай са къуьр* ‘милый мой зайчик’, *къуьрен шараг* ‘маленький зайчик’, *чан зи джейран* ‘милая моя косуля’; *чан зи гъвечIи чубарук* ‘милая моя маленькая ласточка’ и др. Следует отметить, что подобные формы чаще всего используют бабушки в общении с внуками.

Имена собственные в семейном общении лезгин в качестве обращений функционируют редко, преимущественно в официальной тональности общения. По мнению дагестанцев, такой способ обращения к адресату не способствует сближению собеседников, поэтому в теплой непринужденной обстановке имена собственные часто вытесняются номинациями из системы ближнего родства. Данное обстоятельство обусловлено социально-историческими факторами: родственные отношения всегда играли приоритетную роль в жизни дагестанского общества. Вместе с тем, следует отметить, что в современном общении лезгин обращение к собеседнику по имени (под влиянием русской коммуникативной традиции) приобретает все большую популярность. При этом отсутствие в лезгинском языке суффиксов субъективной оценки, указывающих на характер взаимоотношений общающихся, компенсируется за счет диминутивных суффиксов, заимствованных из русского языка: *Аниятка, Сельминатка* и т. д. Характерно, что уменьшительно-ласкательные формы образуются исключительно от женских имен. Открытое проявление нежных чувств по отношению к представителю мужского пола у лезгин не приветствуется.

В украинской семье отношения между родителями и детьми менее регламентированы, что способствовало формированию широкого арсенала вокативов различных эмоционально-экспрессивных оттенков. Носителями субъективно-оценочной информации в украинском языке являются диминутивные суффиксы, которые наглядно демонстрируют характер взаимоотношений между родителями и детьми. В качестве обращений к детям украинцы используют те же речевые средства, что и лезгины: термины родства, имена собственные, метафорические образования. Однако их семантика, функциональные особенности, частота употребления в сопоставляемых языках существенно разнятся. Украинцы в общении с детьми чаще, нежели лезгины, используют в роли обращений имена собственные, что свидетельствует о более демократичных отношениях в украинской семье. При этом следует отметить, что полные документальные имена сигнализируют, как правило, о негативном эмоциональном настрое адресанта либо серьезности предстоящего разговора. В теплой непринужденной обстановке преобладают многочисленные диминутивные формы, характерные для экспрессивно окрашенной речи, например: *Микосю, Миколичко, Микуля, Микулька, Микуня, Микунька; Лілієнько, Лілічко, Лільчику, Лілинятко, Ліліточка, Лілеєнько, Ліцику, Ліліцика, Ліцичку* (из писем Леси Украинки к младшим братьям и сестрам). Следует отметить, что в диминутивах, адресуемых детям, актуализируются в первую очередь семы уменьшительности – ‘маленький’, ‘ребенок’, на которые накладываются вторичные эмоционально-оценочные значения: ‘ласкательность’, ‘нежность’, ‘интимность’ и др. Наиболее наглядно это проявляется в терминах родства. Ярко выраженный уменьшительно-ласкательный оттенок имеют вокативы: *сину, синку, синочку, синоньку, синусю, синятко; доню, доцю, доцюню, доньцю, доненько, донечко, доненько, дочечко*, которые, с одной стороны, указывают на возраст адресата, с другой – на близкие отношения общающихся, построенные на любви и взаимопонимании. Обращения-термины родства могут функционировать самостоятельно либо в сочетании с притяжательным местоимением *мій* и / или эпитетами *коханий (-а), любий (-а), милий (-а), рідний (-а)* та ін., которые передают теплоту и гармонию семейного общения: *– Не барися, мій синочку, Швидше повертайся! – Сказав старий* [24, т.1, с.335]; *Ой, як буде важко, донечко кохана, Ти надію й віру забери у путь…*[Украинская народная песня]. В речи старших членов семьи встречаются также формы, не указывающие на пол ребенка: *дитино, дитиночко, дитяточко,* а также вокатив *діти (діточки)* при обращении к нескольким собеседникам одновременно. Помимо терминов родства, обращаясь к детям, украинцы, как и лезгины, часто используют вторичные номинации, образованные в результате метафоризации объектов и явлений окружающей действительности. Большинство обращений такого рода сочетает в себе метафорическое значение со значением диминутивности, что способствует усилению прагматического эффекта: *сонечко, зірочко, пташечко, ясочко, леліточко, котику, горобчику, квіточко, ластівочко, рибочко* и др.: *Спи, мій горобчику, Спи, мій синочку, Спи, мій дзвіночку ясний!; Спи, мій котику маленький, Спи, мій зайчику сіренький* [Колыбельная песня].

Как отмечалось выше, отношения между мужчиной и женщиной в лезгинской семье строятся на основе жесткой семейной иерархии. И хотя согласно Корану мужчина не имеет перед женщиной никаких преимуществ, поскольку все перед Аллахом равны, неравенство полов до настоящего времени является отличительным признаком семейной жизни горцев. Внешне это проявляется в безразличии, эмоциональной сдержанности, соблюдении различных табу. Успешной реализации данного стиля поведения способствуют структурные особенности лезгинского языка, в котором отсутствует грамматическая категория рода, способствующая акцентуации гендерной идентичности, а также суффиксы субъективной оценки, позволяющие выразить отношение к собеседнику. Взаимодействие между мужем и женой в лезгинской семье с древних времен регулировалось нормами обычного права, в соответствии с которыми супругам не разрешалось находиться в одном помещении, разговаривать, есть за одним столом, оставаться наедине. Заходя в дом, муж обращался к жене лишь в том случае, когда в нем находился представитель мужского пола либо когда контакта невозможно было избежать. Слова похвалы в адрес мужа или жены расценивались как нарушение элементарных этикетных норм. В разговорах с посторонними людьми и даже с собственными детьми супруги никогда не называли друг друга по имени. Данные предписания до сих пор соблюдаются во многих дагестанских семьях, особенно в селах. В разных коммуникативных ситуациях женщина, называя своего мужа, ис-

пользует различные непрямые номинации, преимущественно термины родства в сочетании с притяжательными местоимениями. Например, в общении с детьми – *куь дах* ‘ваш отец’, *чи чIехиди* ‘наш старший’ и др.; в общении с другими родственниками – *ви стха* ‘твой брат’, *ви амледин (имидин) хва* ‘твой двоюродный брат’ (по отцовской линии), *ви ими* ‘твой дядя’ и др.; в общении с соседями, друзьями – *куь юлдаш* ‘ваш друг’ и др.; в общении с посторонними людьми – *чи им* ‘этот наш’, *аялрин дах* ‘отец детей’, *дах* ‘отец + имя ребенка (как правило, старшего сына). Аналогичный принцип называния использует и мужчина в отношении своей супруги: *куь диде* ‘ваша мать’, *чи иеси паб* ‘наша хозяйка’, *чи чIехи* ‘наша старшая’, *аялрин диде* ‘мать детей’, *диде* ‘мать + имя старшего сына’, *куь руш* ‘ваша дочка’, *ви хтул руш* ‘твоя племянница’, *ви имид руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по отцовской линии), *ви халад руш* ‘твоя двоюродная сестра’ (по материнской линии) и т.д. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на мужское доминирование, закрепившееся в стереотипах общественного сознания лезгин, отношения между супругами в дагестанской семье строятся по принципу глубокого взаимоуважения.

В интимной обстановке супруги более свободны в выборе обращений и активно используют не только традиционные формы (термины родства, имена собственные), но и нестандартные вокативы (эвфемизмы, образные выражения, шутливые прозвища и т.д.), связанные с позитивными эмоциями и переживаниями. В речи мужчин распространены обращения метафорического характера, в основе которых – различные ассоциации с объектами и явлениями окружающей действительности: *алма* ‘яблочко’, *цуьк* ‘цветок’, *беневша* ‘фиалка’, *жейран* ‘лань’, *варз* ‘луна’, *экуьнин гъед* ‘утренняя звезда’, *маржан* ‘жемчуг’ и др. Не менее частотны в употреблении субстантивированные формы, прямо указывающие на чувства адресанта, например: *Яр, кIаниди, дилбер, чан севдуьгуьм* ‘любимая’, *гуьзел яр* ‘любимая моя’; *зи масанди* ‘моя дорогая’, а также номинации оценочного характера: *гуьзел, тават, суна* ‘красавица’[12]. Женщины в общении с мужем наедине отдают предпочтение субстантивированным формам, часто в сочетании с притяжательным местоимением *мой*: *зи кIанди* ‘мой возлюбленный’, *масан* ‘дорогой’, *рикI* ‘любимый’, *играми* ‘желанный’, *заз авай сад* ‘мой единственный’ [10] и др. Нестандартные вокативы в семейном общении выполняют в первую очередь эмоционально-оценочную функцию, сигнализируя о нежном отношении к собеседнику. Номинативная и апеллятивная функции в них второстепенны. Следует отметить, что обращения к близким родственникам в лезгинском языке, как правило, сопровождаются притяжательными местоимениями ‘мой’, ‘моя’, ‘наши’, что свидетельствует об эгоцентричном характере семейного общения лезгин.

В украинской культурной традиции общепринятым способом обращения к мужу и жене являются имена собственные и их многочисленные дериваты, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки, например: *Віра – Вірочко, Вірунечко, Вірунько, Вірусечко, Вірусенько, Віряточко* и др.: *Дорога моя Вірунечко! Дуже скучаю без тебе* [8, т.6, с.13]. Термины родства (*дружино, чоловіче*) в общении супругов используются редко. Данным способом привлечения внимания собеседника пользуются преимущественно мужчины: *Я стільки раз, дружинонько моя, Руїну ніс твоєму супокою, Що сам дивуюсь ніжності твоїй: її я чую в стороні чужій* [17, с.282]. В просторечии встречается обращение *жінко*, которое имеет грубый, фамильярный оттенок: - *Жінко, одчиняй! - закричав Омелько й почав лупить з усієї сили кулаком у двері* [14, с.282].

Обращаясь к любимой жене в интимной обстановке, украинцы, как и лезгины, активно используют образные вокативы, построенные на основе метафоризации различных объектов и явлений окружающего мира: *сонечко (моє)!; (моя) зірочко (зіронько)!; моя квіточко!; моя ти ягідко!; (моя) пташко!; (моя) горлице (горличко) сизокрила!; (моя) ластівко (ластівочко)!; (моя) зозуле (зозуленько)!; скарбе мій найдорожчий!; радосте моя!; моє ти золото!; коханнячко моє любе (солодке, гаряче)* и др. К народнопоэтическим образам нередко обращаются и женщины в общении с мужем наедине: *голубе, соколе, лебедику, місяцю* и др.: *– Рятуй мене, Уласе, мій місяцю повний, мій лебедику, бо я пропаду* [14, с.338]. Не менее распространены в речи супругов субстантивированные формы обращений: *єдиний (-а)*, *дорогий (-а), коханий (-а), любий (-а), милий (-а), рідний (-а)* и др., отражающие характер взаимоотношений общающихся. Как и в лезгинском языке, украинские обращения часто сочетаются с притяжательными местоимениями *мій, моя*, которые свидетельствуют о том, что семейное общение украинцев также не лишено признаков эгоцентричности.

Таким образом, речевое поведение украинцев и лезгин в рамках семьи базируется на общих морально-этических принципах: почитание старших, забота о младших, взаимоуважение между супругами. Однако коммуникативная реализация данных принципов в сопоставляемых культурах имеет национально специфический характер. Патриархальный уклад дагестанской семьи, основанный на жестком разграничении мужских и женских ролей с безусловным главенством мужчины, подчиненным положением женщины и приоритетной ролью старших по возрасту родственников, способствовал формированию особого типа речевого поведения, в основе которого – строгая регламентация, проявление внешнего безразличия, эмоциональная сдержанность, соблюдение различных табу. В украинской культуре, находившейся под значительным влиянием матриархата, сложился более демократичный и менее регламентированный стиль общения, отличающийся открытой эмоциональностью, повышенным вниманием к адресату, минимальным количеством этикетных ограничений. О высокой культуре родственных отношений украинцев и лезгин свидетельствует наличие богатого арсенала обращений. В качестве обращений к родственникам используются общие для обеих культур речевые средства (термины родства, имена собственные, метафорические номинации). Вместе с тем, их семантика, коммуникативные особенности, а также частота использования в различных ситуациях общения существенно разнятся, что обусловлено социально-историческими и психологическими факторами, а также структурными особенностями сопоставляемых языков.

The article is devoted to the comparative analysis of family speech etiquette of the Ukrainians and the Lezgins. Semantics and communicative features of Ukrainian and Lezgian etiquette expressions functioning in the framework of family communication are studied; their common ethno-cultural characteristics are identified. The family speech etiquette in the studied cultures is noted to be based on the shared ethical principles: respect for the elders, care for the juniors, mutual respect between spouses, etc. However, the style and tone of the family dialogue, understanding of the subordination principle in communication of relatives, as well as the choice of speech means are nationally specific.

Keywords: *family communication, respect for the elders, speech etiquette, address, kinship terms, Ukrainians, Lezgins*

Список литературы

1. аль-Бухари М. Мухтасар «Сахих» (сборник хадисов) / пер. с араб. В. А. Нирша. Москва: Умма, 2003. 867 с.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 158 с.
3. Библия. Современный русский перевод / пер. с древнеевр., арам. и древнегреч. М.: Российское Библейское общество, 2015. 1408 с.
4. Гюльмагомедов А.Г. Словарь лезгинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 1083 с.
5. Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Понырко. М.: Худож. лит., 1986. С.59-70.
6. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Вибрані твори. К.: Дніпро, 1983. 349 с.
7. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд. АН СССР,1961. 280 с.
8. Коцюбинський М. Зібрання творів: у 7-ми т. К.: Наукова думка, 1973-1975.
9. Лезги Халкъдин Махар / сост. Гашаров Г.Г., Ганиева М.Б. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 158 с.
10. Лезгинско-русский словарь / Сост. Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев; под ред. Р. Гайдарова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 282 с.
11. Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. К.: Дніпро, 1989. XVI. 591 с.
12. Магамдаров Р.Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 1999. 152 с.
13. Нагиев Ф., Нагиев Р. Термины для родовых и общественных контактов в лезгинском языке // Кавказ и Дагестан. История. Культура. Традиции. Том II. Махачкала, 2003. С.15 17.
14. Нечуй-Левицький І. С. Твори: в 3 т. Т. 2. К.: Дніпро, 1988. 518 с.
15. Петрушина Т.О. О ментальности украинского этноса // Соціальні виміри суспільства: Збірник наукових праць. К., 2011. Вип. 3 (14). С. 399–429.
16. Поліщук І.О. Ментальність українства: політичний аспект // Людина і політика. К., 2001. № 1. С.86-92.
17. Рильський М.Т. Зібрання творів: у 20-ти т. Т. 1. Поезії. К.: Наукова думка, 1983. 536 с.
18. Словарь української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. К.: Вид-во Академії наук Української РСР, 1907-1909.
19. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980.
20. Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // «Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе». М.: Наука, 1978. С.118-163.
21. Старовойтова Г. В. Психологические особенности кавказских долгожителей // Абхазское долгожительство. М.: Наука, 1987. С. 263-269.
22. Галицько-руські народні приповідки: [у 3 т.] / [зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко]. Львів: ВЦ ЛНУ ім. Івана Франка, 2006. Т. 3. 699 с.
23. Халимбекова М.К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском. Монография. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 134 с.
24. Шевченко Т.Г. Зібрання творів: у 6 т. К.: Наукова думка, 2003.

Об авторе

Ветрова Эльвира Сабировна – кандидат филологических наук, докторант кафедры украинской филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, *vetrova-75@ukr.net*

УДК 81-114.4

ИМПЛИЦИТНЫЕ ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Гейко Н.Р., Сиривля М.А.

В статье рассматриваются особенности выражения неявных оценок в политических высказываниях. К имплицитным оценкам относятся преимущественно эвфемистические замены и метафорические переносы. Исследование направлено на анализ скрытых возможностей выражения оценок, содержащихся в выступлении политиков.

Ключевые слова: *имплицитная оценка, метафора, образность, отрицательная оценка, политический дискурс, эвфемизм, экспрессивность.*

Одной из важнейших черт политического дискурса является то, что он в подавляющей своей части близок и понятен участникам всех общественных явлений и политических событий, происходящих на современном этапе развития общества. В зависимости от политической, идеологической позиции адресанта политический дискурс может содержать лексику с различной идеологически ориентированной оценкой, которая эксплицитно и имплицитно реализуется в речи политиков.

Немаловажной особенностью лексики политического дискурса является ее социально-оценочный характер. Социально-оценочный характер политической лексики заключается в том, что большинство политических терминов, широко употребляемых в политическом дискурсе, не воспринимаются как чужеродные, наоборот, они являются общепонятными. Понимание анализируемых слов предполагает и выражение отношения к ним, т.е. оценку.

Оценка может быть выражена «лексическими, словообразовательными и даже графическими (кавычки) средствами», а также имея в своей семантике «отрицательную экспрессию» [10, с.26].

Лексика политического дискурса по характеру оценочной экспрессии подразделяется на три группы: позитивнооценочная *(важный, действительно демократические выборы, взаимовыгодная игра, человеколюбивый президент, политический цирк);* негативнооценочная *(внешнеполитические зигзаги, близорукие попытки*, *звучащие проблемы, катастрофическая война, эгоцентричный и ненадежный лидер, головная боль Украины);* нейтральная *(право, идея, пульс времени).*

К имплицитные оценкам в политическом дискурсе можно отнести метафорические и эвфемистические замены прямых наименований. Целью исследования является определение элементов отрицательной оценочности, выраженной имплицитно в политическом высказывании на примере выступления В.Путина на Генеральной Ассамблее ООН. Актуальность исследования оценочных высказываний в политическом дискурсе обусловлена тем, что в нем отражены проблемы политической лингвистики, функциональные особенности оценочных единиц. Необходимость осуществления исследования имплицитных оценочных единиц определяется их тесной взаимосвязью с интенциями адресанта речи и значимостью их в конкретном контексте, повышением уровня политической активности населения, усилением выразительности и суггестивности политических высказываний. К одному из важных признаков политической речи относится ее образность, которая реализуется в метафоричности [1] и эвфемизации. Объективная оценка наблюдаемых в политическом дискурсе процессов, выделение особенностей употребления имплицитных оценочных высказываний в политическом дискурсе, обусловленных общественно-политическими условиями способствует определению характерных особенностей имплицитного выражения оценок посредством метафорических и эвфемистических высказываний.

К метафорам относят обычно языковые единицы, употребленные в переносном значении на основе сходства называемых предметов. Образы, создаваемые посредством метафорического переноса, являются показателем эффективности воздействия в политическом тексте, т.к. метафора является значимым проявлением речевой манипуляции [3, с.70]. Метафорические единицы придают высказыванию образность, экспрессивность и эмоциональную оценочность. Оценочные метафоры «призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения» [5, с.36]. Моделирующая роль метафоры выражается в том, что «метафора, обладающая ярко выраженными оценочными коннотациями, предназначена для формирования мнения адресата в заданном автором направлении» [6]. По этой причине метафорическая замена способствует выражению имплицитной оценки и манипуляции сознанием реципиентов в политическом тексте.

Созданием метафорических образов не ограничиваются возможности скрытого выражения оценки, в том числе и угрозы, в политике. Публичное политическое выступление может содержать непрямые наименования, обусловленные табу, накладываемыми особенностями публичного выступления на международном уровне. В.В. Путин с целью смягчения отрицательного смысла высказывания использует в исследуемом выступлении эвфемистические замены. Эвфемизмы как слова-заменители лексических единиц, считающихся неприятными, грубыми, невежливыми, являются важными текстовыми элементами любого дипломатического документа. [7, с.109].

Использование эвфемизмов в политической речи является неотъемлемой частью политического дискурса, способствующей созданию заданного образа и утверждению нужных идей. Эвфемистические замены в политической коммуникации участвуют в реализации одного из важных условий эффективного общения – ситуативной уместности речи. «Эвфемизация – одна из распространенных разновидностей игры в слова» [2, с.103]. Эвфеми-

стическая замена позволяет смягчить резкость отрицательных оценок, которые могут быть выражены в политическом выступлении, что способствует предупреждению межгосударственных конфликтов и установлению мирных или дружественных отношений. «Политические эвфемизмы могут использоваться как средство воздействия на аудиторию» [8, с.100] Основной причиной использования эвфемистической замены является смягчение неприемлемых с точки зрения соблюдения политической стабильности наименования или характеристики с целью непрямого выражения отрицательной оценки.

28 сентября 2015 года состоялось выступление президента Российской Федерации Владимира Путина на пленарном заседании 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций. Эта речь привлекла к себе большое внимание всего заинтересованного мира, так как политическая позиция России при сложившихся мировых событиях (борьба с ИГИЛ, взаимоотношения с Америкой) является очень важным фактором дальнейшего исхода ситуаций. В данной статье мы приведём примеры имплицитных оценок из монолога В. Путина, распределив их по порядку расположения тексте. В своей речи президент РФ поднял насущные проблемы современного мира и призвал к интеграции, гармонизации и формированию стабильности с помощью имплицитных образов, реализованных в следующих контекстах: «Мы все знаем, что после окончания «холодной войны» – все это знают – в мире возник **единственный центр доминирования**. И тогда у тех, кто оказался на вершине этой пирамиды, возник соблазн думать, что если они такие сильные и исключительные, то лучше всех знают что делать» [9]. Под «*единственным центром доминирования»* имеются в виду Соединенные Штаты Америки. Это эвфемистическая замена, употреблённая с целью скрыть указание на конкретного адресата и неявно выразить отрицательное отношение к существованию подобного центра. Другой пример эвфемизации реализуется в оценке политических действий: «**Экспорт социальных экспериментов**, попытки подстегнуть перемены в тех или иных странах, исходя из своих идеологических установок, часто приводили к трагическим последствиям, приводили не к прогрессу, а к деградации. Однако, похоже, никто не учится на чужих ошибках, а только повторяет их. И **экспорт** теперь уже так называемых «демократических» **революций** продолжается» [9]. Эвфемистические словосочетания *«экспорт социальных экспериментов, экспорт революций»* применены с целью сглаживания речевых конструкций типа «*разжигание революции*», «*государственный переворот*» и тому подобных. Имплицитное выражение оценки обусловлено необходимостью поддержания атмосферы спокойствия, а также стремлением выразить негативное, не нарушая законов дипломатической коммуникации. Пейоративная оценочность отражается в следующей характеристике: «Уже очевидно, что возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки **вакуум власти** привёл к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами» [9]. Метафорические эвфемистический оборот «*вакуум власти»* является неявно выраженным отрицательным отношением к ситуации, проявляющейся в «*безвластии*», «*отсутствии руководства страны*», «*отстранённости властей*». Непрямое смягчающее остроту наименование применено с целью избежать открытого обвинения ряда стран в бездействии государственных структур. «Метафора привлекает и удерживает внимание; насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти; оказывает воздействие на ассоциативное мышление, являясь одним из инструментов воздействия, а подчас и манипулирования сознанием и мыслительным процессом; служит эффективным средством выражения личной позиции автора, выступает в роли уплотнителя информации» [10, с. 245]. Метафорический эвфемизм употреблен с целью неявно выразить отрицательное мнение: «Создав плацдарм в Сирии и Ираке, «Исламское государство» активно **расширяет экспансию на другие регионы**, нацеливается на господство в исламском мире и не только там» [9]. Речевая конструкция «*расширяет экспансию на другие регионы»* применена с целью более благозвучного наименования незаконного насильственного захвата и контроля территории. Эвфемистическая замена строится на расширении лексического значения слова «экспансия» (территориальное, географическое или иное расширение зоны обитания).

Политические лидеры стремятся к завуалированному выражению отрицательной характеристики действий правительств других стран во избежание открытого конфликта. По этой причине В.В.Путин употребляет фразеологические единицы и образные средства: «В такой ситуации лицемерно и безответственно выступать с громогласными декларациями об угрозе международного терроризма и при этом **закрывать глаза** на каналы финансирования и поддержки террористов, в том числе и за счёт наркобизнеса, нелегальной торговли нефтью, оружием, либо пытаться манипулировать экстремистскими группировками, ставить их себе на службу для достижения собственных политических целей в надежде потом как-нибудь **разобраться** с ними, а попросту говоря, **ликвидировать»** [9]. В данном контексте употреблен фразеологизм *«закрывать глаза»,* который содержит отрицательно-оценочное метафорическое значение, использованное с целью наиболее яркого выражения отношения к данной ситуации. Эвфемизмы «*разобраться, ликвидировать»* являются распространёнными заменами словам «*убить*», «*уничтожить*» и им подобным. Смягчению резкости высказывания способствуют выразительные средства в следующих контекстах: «Считаем любые попытки **заигрывать с террористами**, а тем более вооружать их, не просто недальновидными, а **пожароопасными»** [9]. Метафорический оборот «*заигрывать с террористами»* характеризует неоправданно легкомысленное отношение к проблеме международного терроризма. Метафора «*пожароопасные попытки»* несет в себе имплицитную оценочную семантику создания проблемных и негативных ситуаций. Политический язык насыщен переносными употреблениями и эвфемистическими заменами: «Вынужден заметить, что в последнее время наш такой честный и прямой подход используется

как предлог, чтобы обвинить Россию **в растущих амбициях»** [9]. Эвфемистический оборот *«растущие амбиции»* использован для заменены актуального обвинения России в империализме, тоталитарности и захватнических настроениях. При этом отрицательная окрашенность сменяется положительной, что способствует реализации основных целей оратора. Условная смена отрицательной окрашенности наблюдается также в стедующем употреблении: «Уважаемые коллеги, ключевой задачей международного сообщества во главе с ООН остаётся обеспечение мира, региональной и глобальной стабильности. На наш взгляд, речь должна идти о формировании пространства равной и неделимой безопасности, безопасности **не для избранных**, а для всех» [9]. Оценочное наименование «*избранные»,* подразумевающее США и страны Европы, действующие под влиянием американской политики, позволяет создать отрицательный образ, который раскрывается в следующем высказывании: «Отмечу ещё один **симптом растущего экономического эгоизма»** [9]. Метафорический оборот *симптом растущего экономического эгоизма* и способствует имплицитному обвинению в некорректной политике, выраженному посредством эвфемистической замены.

В заключение необходимо отметить, что особенности социально-политической ситуации и специфика отношений между государствами определяют характеристики политического дискурса, в лексике которого отражается оценка адресанта, в том числе отрицательная, преимущественно выраженная имплицитно. Политические тексты являются средством выражения позиции того или иного лидера и/ или государства по отношению к ситуации в мире. По этой причине в политических текстах выражается оценка текущего состояния политической картины мира. В.Путин посредством имплицитных оценок и образов, выраженных в метафорических и эвфемистических сочетаниях, выразил отрицательное отношение к действиям политических противников.

Features of the expression of implicit assessment in political discourse are presented in the article. Euphemistic replacement and metaphorical shifts are mostly referred to the implicit assessments. The study aims to analyze the latent possibilities of expression of assessments contained in the politician speeches.
Keywords*: implicit assessment, metaphor, imagery, negative evaluation, political discourse, euphemism, expressiveness.*

Список литературы

1. Безценная Ж.П. Роль метафоры в политическом дискурсе.// Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2007. № 36. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/rol-metafory-v-politicheskom-diskurse (дата обращения 26.01.2016)

2. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация// Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2010. №2. С.101-108.

3. Гарипова А.Р. Метафора и манипуляция// В мире науки и искусства: Вопросы филологии, искусствоведения, и культурологии. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2013. №24. С.70-73.

4. Давыдова А.Р., Саркисян М.Р. Языковые средства выдвижения актуальной информации в тексте газет как экспликаторы субъективно-модального значения// №1 (27) (2016): исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2016. 386 с. С. 242-247.

5. Клушина Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. 1996. №5. С.36-42.

6. Копылова Ю.В. Газетная метафора как прием выражения социальной оценки в спортивных материалах российской прессы/ Ю.В.Копылова// Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп. 2013. №2 (121). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/gazetnaya-metafora-kak-priem-vyrazheniya-sotsialnoy-otsenki-v-sportivnyh-materialah-rossiyskoy-pressy (дата обращения 26.01.2016)

7. Логунова К.А. Эвфемизмы в дипломатическом языке// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. №12 (42). в 3-х ч. Ч. II. С.109-112.

8. Миронина А.Ю. Война как объект эвфемизации в политическом дискурсе// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. № 8. С.99-105.

9. Полный текст и видео выступления Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН// russian.rt.com: RT на русском, 2015. URL: https://russian.rt.com/article/119712 (дата обращения 28.12.2015)

10.Розенталь Д.Э. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды/Д.Э. Розенталь. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1980. 256 с.

Об авторах

Гейко Наталья Романовна – старший преподаватель кафедры филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, *charmsmile2009@mail.ru*

Сиривля Мадина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, *sima-al1@yandex.ru*

УДК 81

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Демидова Д.Г.

Статья исследует сочетание онтологической и аксиологической сторон в природе концептов и механизмы актуализации этих ментальных образований в языке. Анализируется функция языка как средства осмысления объективной реальности, а также отражение онтологической стороны концепта «здравый смысл» в прототипических смыслах, выявленных в ходе сравнения словарных дефиниций соответствующей лексической единицы английского языка. Выдвигаемый тезис иллюстрируется на материале текстов выступлений британских парламентариев-консерваторов.

Ключевые слова: *лингвокультурный концепт, лингвокультурный типаж, здравый смысл, политический дискурс, политическая коммуникация, Великобритания, онтология.*

Национальная концептосфера отражается в языке, упорядочивая его определенным образом на всех уровнях. Установить соотношение между языковой и концептуальной картинами мира призвана лингвоконцептология, относительно новое направление в рамках лингвистической науки. Изучая репрезентацию национальной картины мира в политическом дискурсе, большинство исследователей сосредотачивает внимание на аксиологической составляющей концептов в языке политики. В данной статье, однако, на примере концепта «common sense» будет предпринята попытка проанализировать инструментальные функции онтологических концептов-понятий в политической коммуникации.

Онтологическая функция языка заключается в том, что, будучи сложной развивающейся семиотической системой, язык является специфическим и универсальным средством объективации содержания как индивидуального сознания, так и культурной традиции. Актуализация концептов, принадлежащих ментальной сфере, в языке реализует переход формы (ментального образа) в материю (языковое воплощение). Когнитивная природа концепта как ментальной единицы отражена в большинстве лингвистических определений: «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» (А.А. Залевская), «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Ю.С. Степанов), «оперативная единица в мыслительных процессах» (Е.С. Кубрякова), «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» (В.И. Карасик) [1, с.22]. По словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт в случае коммуникативной необходимости может быть вербализован различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), и систематизация и семантическое описание этого комплекса языковых средств позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта [2, с.7-8].

Одним из средств познания (гносеология) и осмысления (онтология) бытия является разум, философская категория, выражающая высший тип мыслительной деятельности [3]. Разум и язык взаимозависимы: язык, определяемый К. Марксом как «элемент самого мышления» [4, с.44], функционирует по законам разума и является инструментом познания. В британской языковой картине мира понятия разума и разумности тесно связаны с концептом «common sense», имеющим в русском языке аналог «здравый смысл». В пользу релевантности концепта для языка говорит лексикографическое оформление словосочетания «common sense» в отдельную лексическую единицу с частотой 9,68 ipm в BNC [5]. Для исследования концептуального поля common sense в британской картине мира, выявления ассоциативно связанных английских лексем и выделения прототипических смыслов приведем несколько словарных определений лексической единицы «common sense»:

I. **Oxford Dictionary of English**: *†1. An 'internal' sense which was regarded as the common bond or centre of the five senses, in which the various impressions received were reduced to the unity of a common consciousness. Obs.*

2. a. *The endowment of natural intelligence possessed by rational beings; ordinary, normal or average understanding; the plain wisdom which is everyone's inheritance. (This is 'common sense' at its minimum, without which one is foolish or insane.) †Formerly also in pl., in phr. besides his common senses: out of his senses or wits, 'beside himself'.*

b. *More emphatically: Good sound practical sense; combined tact and readiness in dealing with the every-day affairs of life; general sagacity.*

†c. *Ordinary or untutored perception. Obs.*

d. *As a quality of things said or done (= 'something accordant to or approved by common sense').*

3. *The general sense, feeling, or judgment of mankind, or of a community.*

4. *Philos. The faculty of primary truths; 'the complement of those cognitions or convictions which we receive from nature; which all men therefore possess in common; and by which they test the truth of knowledge, and the morality of actions' (Hamilton Reid's Wks. II. 756).Philosophy of Common Sense: that philosophy which accepts as the ultimate criterion of truth the primary cognitions or beliefs of mankind; e.g. in the theory of perception, the universal belief in the existence of a material world. Applied to the Scottish school which arose in the 18th c. in opposition to the views of Berkeley and Hume* [6].

II. **Collins Cobuild English Language Dictionary:** *plain ordinary good judgment; sound practical sense* [7].

III**.Longman Dictionary of Contemporary English:** *the ability to behave in a sensible way and make practical*

decisions [8].

IV. **Macmillan Dictionary**: *the ability to use good judgment and make sensible decisions* [9].

Для исследования словарных дефиниций были выбраны словари Oxford Dictionary of English, Collins Cobuild English Language Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English и Macmillan Dictionary как современные словари **британского варианта** английского языка. Приведенные словарные дефиниции позволяют выделить в составе значения лексической единицы гиперсему «character quality» (характерное качество), соответствующую понятийной составляющей. Анализ устаревших значений обнаруживает в составе лексического значения семы «interior» (внутренний, имманентный), «natural» (естественный, присущий от природы) и «sound» (здравый). Отраженная в этих семах врожденная естественность ментальной нормы «здравого смысла» затем приобрела положительную оценочную коннотацию (good, sensible, practical; ср. в русском языке здравый = правильный, рациональный, разумный).

Таким образом, ассоциативное поле концепта «common sense» включает следующие прототипические смыслы:

1) разумный (*rational, sensible, practical, pragmatic, sound, judgment*);

2) нормальный, здоровый, присущий нормальному человеку (*sound judgment, natural intelligence*);

3) разделяемый всеми членами культурной общности (*mother wit*).

С ближайшими элементами синонимических рядов (лексемы *sense, wit, prudence, acumen, wisdom, insight, intelligence, reason*, коллокации *good sense, native intelligence, sound judgment, powers of reasoning*) основной лексический репрезентант концепта «common sense» связан ассоциативными отношениями через родовых семы «wisdom» и «rationality». В составе значений синонимичных лексем и коллокаций отсутствуют семы, связанные с идеей нормальности и типичности.

Попробуем на примере концепта «common sense» проиллюстрировать предположение о связующей функции онтологических концептов-понятий в политической коммуникации. Языковые средства репрезентации концептов – операторов мышления – с помощью культурных кодов актуализируют концепты в сознании адресата текста. Декодируя ассоциативные связи, которые позволяют сформировать из отдельных концептов сложный цельный образ, в качестве методологической основы для систематизации языковых средств применим классификацию видов апелляции, предложенную И.В. Кононовой, которая выделяет прямую, косвенную и тропеическую апелляцию к концепту [10, с.35].

При прямой апелляции концепт реализуется посредством конкретной языковой единицы, имеющей с ним внеконтекстную номинативную связь.

1) *On welfare, I just simply believe it must be possible to make reforms that chime with* ***common sense****, that you should have to pay into the system before you get out. That if you come and work in Britain when your family stays at home you shouldn't be able to suddenly have very high levels of child benefit meant to meet the costs of a family living in Britain. These are* ***common sense*** *issues that Europe must be able to address if they are a concern of a major member of the EU. I'm confident we can do that and I think we've made a reasonable start today* [11].

2) *But we do need a new British approach and we do need a new international approach with nation states working together. An approach that combines hard-headed* ***common sense*** *with warm-hearted compassion* [12].

В ходе выступления на пресс-конференции по итогам саммита «Восточного партнерства» в Риге в 2015 году (1) в частности в ответ на вопрос о дискриминационной трудовой и социальной политике в отношении рабочей силы из ЕС Д. Кэмерон напрямую апеллирует к здравому смыслу, обосновывая ограничение социальных выплат трудовым мигрантам как рациональную меру. К аналогичной аргументации прибегает Т. Мэй, занимавшая пост министра внутренних дел, в вопросе обособленной позиции Великобритании в вопросах миграционной политики ЕС. В вышеприведенных примерах концепт *common sense* дополнительно усиливается и выносится в сильную позицию с помощью стилистических средств. В первом примере словосочетание повторяется два раза на протяжении одного абзаца: сначала говорящий вводит концепт-понятие, иллюстрируя его значение контекстным примером, после чего лексема *common sense* повторяется уже в форме атрибуции. Таким образом, с точки зрения прагмалингвистики переходит с рематической в тематическую позицию, контекст предполагает, что понятие самодостаточно, понятно реципиенту должен и не требует дополнительной экспликации.

Во втором примере словосочетание *common sense* также поставлено на сильную позицию в тексте, будучи выделено с помощью повтора. Как видно в обоих примерах, при прямой апелляции актуализируется готовый образ культурно значимого символа, не подвергающийся рефлексии.

При косвенной апелляции концепт формируется в сознании адресата при помощи совокупности значений языковых единиц, которые не являются средствами его номинации:

1) *We want to see policy being made on the basis of sound analysis, backed up by evidence* [13].

2) *It provides vital tax revenue to the Exchequer that in turn pays for education, health and a sound infrastructure* [14].

В приведенных примерах Х. Болдуин и А. Лидсом, последовательно занимавшие пост министра экономики, акцентируют внимание на здравом анализе (*sound analysis*), основательных фактах (*evidence*) и грамотной инфраструктуре (*sound infrastructure*) как на основных опорах экономического курса. Концепт *common sense* актуализируется посредством ассоциативно связанной лексемы *sound* (ассоциативная связь выявлена на основе анализа словарных дефиниций). В первом примере лексемы *analysis, evidence*, лексическое значение которых в

себя идею рациональности, создают дополнительный лексический контекст, способствующий раскрытию концептуальной единицы. Говорящий использует непрямое средство номинации (лексема *sound*), актуализация понятия дополнительно поддерживается при помощи лексического контекста.

При тропеической апелляции концепт реализуется в языке путем создания образа с помощью языковых средств и стилистических приемов речи. Отбор лексических средств и их организация в рамках текста осуществляется в соответствии с прагматическим заданием – созданием образа, соответствующего заложенному в национальной ментальности представлению о «здравом смысле». Остановимся более подробно на следующем примере:

So, it's a plan and you can see every aspect of this plan and we're going to report in on this plan over and over again. By the end of it I expect you'll be bored to death of hearing about this plan but the point I want to make about this plan is actually not the facts and figures, but the values behind it. Because in the end, that's what matters most of all: why are we doing this? Who are we doing it for? And what will the country feel like when this plan is successful? [15]

Отрывок из речи Д. Кэмерона о плане реформы пенсионно-сберегательной системы представляет собой пример коммуникативной стратегии *reasoning* (убеждения): с помощью серии вопросов о целях (why?), адресате реформы (who are we doing it for?) и обосновании плана он переходит в диалоговую форму общения с реципиентом. Актуализация концепта «common sense» осуществляется через противопоставление неосмысленного и осмысленного восприятия информации (оппозиция *facts and figures – values*). На уровне прагматики идея разумности выдвигаемых автором идей, которые здравомыслящие избиратели должны поддержать, реализуется с помощью вопросительных предложений, получающих синтаксическое оформление в косвенно-прямой речи. Приведем еще один пример риторической аргументации в качестве средства выражения концепта «common sense»:

Last week I went to a dinner in honour of D-Day Veterans. One of the Veterans told me about how he came back from the war, went to the labour exchange and couldn't find a job. But then eventually he got offered a job at Ford in Dagenham. It was hard work but he was proud to do it. He said "I was able to work, they offered me a job and I had a responsibility to take it."There wasn't an option to say: "no thanks, I'll take the benefits instead."He looked me in the eye and said: "why can't we go back to that?" I agree with him [16].

В приведенном примере, взятом из речи Д. Кэмерона об экономических ценностях, британский премьер-министр цитирует свой разговор с ветераном Второй мировой войны, сравнивающим современную социально-трудовую политику с послевоенными годами. Передача диалога в рамках авторской речи сочетается с метонимическим отождествлением собеседника автора со всем электоратом. Вопросно-ответная форма аргументации упорядочивает идеи по шкале «разумный – неразумный». Наряду с формально-логическими аргументами в политическом дискурсе широко используется фактуальная информация (в частности в 60% выступлений премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон ссылался на статистические данные). Эти факты, как правило, соотносятся с пластом общекультурных фоновых знаний, однако, будучи вырванными из определенного вида дискурса (экономического, бюрократического), они только создают видимость глубокой погруженности оратора в поднимаемую тему.

На уровне глубинной грамматики непосредственным отражением ментальных операций в языке являются фразовые глаголы, которые организуют информацию в речи в соответствии с заданной когнитивной схемой. По справедливому замечанию Р. Мун, многие фразовые глаголы имеют как прямое, так и метафорическое значение, реализующее когнитивную метафору, причем метафоризация всей лексической единицы происходит за счет выдвижения на передний план денотативного значения частицы [17].

1) *Now, of course, the First Minister fights hard for those deals too, but the clout we have as a United Kingdom gives us a much better chance of* ***getting around*** *the right tables,* ***bashing down*** *trade barriers, getting deals signed* [18].

2) *It's good for the companies because I think companies are keen to get hold of talented young people and* ***train*** *them* ***up*** [19].

Говоря о преимуществах членства Шотландии в составе Великобритании (1), Д. Кэмерон акцентирует внимание на положительных достижениях: получении преимуществ (*getting around the right tables*) от своего положения на мировой арене, снижении торговых ограничений (*bashing down trade barriers*). Нацеленность на результат также находится в фокусе внимания политика, когда он говорит о роли молодых кадров на производстве (2): ***train up*** акцентирует внимание не просто на обучении, а на подготовке, повышении квалификации, переходе в новое качество.

Частицы ***down*** и ***up*** в составе фразовых глаголов реализуют идею движения вниз и вверх. В обыденном сознании идея движения вверх ассоциируется, как правило, с положительными изменениями, концептуально «улучшение» представляется как «увеличение хорошего» или «уменьшение плохого», поэтому частицы служат дополнительным средством структуризации восприятия авторского сообщения целевой аудиторией.

Подведем итоги вышесказанному. При моделировании определенного образа аксиологические (ценностные) концепты упорядочиваются в более сложные образования с помощью «связующих» онтологических понятий. В британской лингвокультуре базовая дихотомия «хороший – плохой», на основе которой дальше выстраивается вся ценностная система лингвокультуры, интерпретируется как «разумный – неразумный».

The article focuses on axiological and ontological aspects of the concept nature and deals with mechanisms of their verbal expression. It analyzes the language function to comprehend objective reality and reflection of ontological nature of the "common sense" concept in prototype meanings based on comparison of definitions given in English dictionaries to this lexical unit. The study is based on language material which is speeches of British Tory MPs.

Keywords: *linguocultural concept, linguocultural type, common sense, political discourse, political communication, Great Britain, onthology.*

Список литературы

1. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты // дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 323 с.
2. Антология концептов. Под ред. Карасика В.И., Стернина И.А.. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с.
3. Швырев В.С. Разум// Новая философская энциклопедия. Под ред. Степина В.С. В 4 томах. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/2524.html, 21.04.2016.
4. Леонтьев А.А. Язык и разум человека. М.: Политиздат, 1965. – 128 с.
5. The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition). 2007. Distributed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk, 21.04.2016.
6. The Oxford English Dictionary Online (OED). 3d edn. Chief ed. J.Simpson. Oxford, 2000. URL: http://www.oed.com, 21.04.2016.
7. Collins English Dictionary Online. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2008. URL: http://www.collinsdictionary.com, 21.04.2016.
8. The Longman Dictionary of Contemporary English Online. Harlow: Pearson Education Limited, 2011. URL: http://www.ldoceonline.com, 21.04.2016.
9. The Macmillan English Dictionary. Oxford: Macmillan Publishers, 2002 – 2016. URL: http://www.macmillandictionary.com, 21.04.2016.
10. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. Выпуск № 5/2014. – с. 32-42.
11. Cameron D. Eastern Partnership Summit in Riga: PM press conference, 22 May, 2015. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/eastern-partnership-summit-in-riga-pm-press-conference, 16.09.2016.
12. May T. Theresa May's speech at Conservative party conference 2015, 6 October 2015. URL: http://www.ibtimes.co.uk/conservative-party-conference-2015-manchester-theresa-may-speech-full-1522692, 21.04.2016.
13. Baldwin H. Economic Secretary Harriett Baldwin's speech at the event 'Capital Markets Union, what's the vision for European Debt Capital Markets?', 21 October 2015. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/harriett-baldwin-on-the-european-commissions-action-plan-for-a-capital-markets-union, 21.04.2016.
14. Leadsom A. Economic Secretary to the Treasury Andrea Leadsom's speech to the BBA's annual conference, 16 October 2014. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/economic-secretary-on-the-future-of-banking, 21.04.2016.
15. Cameron D. Prime Minister David Cameron's speech in Peacehaven on pensions and savings plans, 24 March 2014. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-direct-in-peacehaven-on-pensions-and-savings-plans, 21.04.2016.
16. Cameron D. The values that underpin our long-term economic plan, 4 March, 2014. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/the-values-that-underpin-our-long-term-economic-plan, 16.09.2016.
17. Moon R. Metaphor and Phrasal Verbs // Macmillan Phrasal Verbs Plus. Language Study. Ed. by M. Rundell. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2005. P. 5-9.
18. Cameron D. Prime Minister David Cameron's speech on the importance of Scotland to the UK, 7 February 2014. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/the-importance-of-scotland-to-the-uk-david-camerons-speech, 21.04.2016.
19. Cameron D. Prime Minister David Cameron's speech at BAE Systems, 12 March 2015. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/speech-given-at-bae-systems-by-prime-minister-david-cameron, 21.04.2016.

Об авторе

Демидова Дарья Григорьевна – аспирантка кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, редактор-переводчик редакции информации на английском языке Главной дирекции информации РИА Новости, *dasdemidova@yandex.ru*

УДК 81'27

ЯЗЫКОВАЯ ДИСТРИБУЦИЯ В РЕПЕРТУАРЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Иванова Н.И.

Одной из основных задач в социолингвистических исследованиях современной языковой ситуации в регионах России признается степень употребления языка этнофорами в условиях языковой неоднородности. В статье выявлен баланс якутского и русского языков в репертуаре носителей якутского языка, проживающих в г.Якутске, определены динамика и тенденции в выборе языка в основных регламентируемых и нерегламентируемых коммуникативных сферах. Установлены разнонаправленные тенденции в функционировании якутского языка в условиях активного двуязычия, ведущей из которых отмечается усиление национального компонента в билингвальном языковом континууме.

Ключевые слова*: якутский язык, двуязычие, выбор языка, сфера семейного общения, образования, СМИ, обслуживания, официальная сфера.*

Проблема витальности миноритарных языков продолжает оставаться актуальной и в современном быстро трансформирующемся обществе, как никогда ранее выявляя важнейшее свойство языка быть основным средством формирования этноса. Поэтому определение взаимоотношений между национальной и языковой идентичностью,

между родным языком, уровнем владения им, сферами и степенью его использования, отношением населения к этническому якутскому языку, оказалось крайне необходимым для понимания современных этноязыковых процессов. Цель данной статьи - описать языковой баланс якутского и русского языков в речевом репертуаре носителей якутского языка, проживающих в г.Якутске. Работа продолжает серию статей о результатах социолингвистического исследования языковой ситуации в г.Якутске и ее изменений в период с 2008 по 2014 гг.

Для достижения основной цели предполагается решить следующие задачи: установить выбор языка в основных регламентируемых и нерегламентируемых сферах общения, определить его детерминирующие факторы, тенденции и динамику. Полевые материалы составляют выборка этнических якутов г.Якутска в 307 респондентов из опроса «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)» (2008 г.), а также итоги исследования «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г.Якутска» (2014 г.). В опросе 2008 г. женщины представлены 59,2 % опрошенных, мужчины — 40,8 %. В возрастном срезе наиболее многочисленна молодежь 16–25 лет — 41,3 %; количество респондентов в остальных группах следующее: 26–35 лет — 23,4 %, 36–50 лет — 20,3, старше 50 лет — 15,0 %. В 2014 г. в опросе приняло участие 467 респондентов – этнических якутов, в т.ч. 40,9% в возрасте от 16 до 25 лет, 20,8% - от 26 до 35 лет, 23,8% - от 36 до 50 лет и 14,6% - старше 50 лет, из них 64,2% составляют женщины и 35,8% - мужчины. В 2014 г. для сопоставления опрошены также якуты, проживающие в небольшом моноэтническом якутском селе Чай Вилюйского улуса (506 человек), выборка составила 50 человек. Количественные данные выбора языков в коммуникативных сферах дополнены качественными характеристиками на материале 15 экспертных интервью, в котором участвовали ученые - лингвисты, этносоциологи, преподаватели вузов, журналисты.

Республика Саха в целом в работах исследователей предстает как регион с благоприятной межэтнической ситуацией, на что указывают отсутствие острого противостояния между этническими группами, высокие интегративные тенденции [1;2]. Также регион характеризуется продолжающимися процессами этнического возрождения. Несмотря на индустриализацию общества, в якутском обществе все возрастно-половые, социально-статусные группы якутского социума испытывают необходимость в воспроизводстве национальной культуры [12], ими охвачены как сельские жители, так и коренные горожане в основном среднего и старшего возраста [8]. По данным ФУ Госкомстата РС (Я) в 2008 г., доля проживающих в столице имеет тенденцию к росту, в основном, за счет внутрирегиональной социальной мобильности. Миграция из сел преобладает: свыше 11 тыс. из 15 тыс. прибывших в прошлом являлись жителями села [10]. К 2010 г. соотношение русских и якутов в г.Якутске составляет 38,4% и 47,4 % соответственно [11], что говорит о новом демографическом балансе в истории современного Якутска [4; 5; 13], когда местное население стало количественно преобладать за счет прибывших из сел и улусных центров.

Принимая во внимание общую позитивную тенденцию в повышении показателей этноязыковой идентичности и владения якутским языком, зафиксированную у носителей якутского языка в г.Якутске в период с 2008 по 2014 гг., [6], а также тенденцию к ослаблению значимости языковой идентичности у молодежи и снижение уровня владения русским языком, полагаем, что данные изменения отразились в определенной степени на речевом поведении респондентов и попытаемся осветить их характер и сущность.

Как показывает социолингвистическая практика, динамика языкового сдвига и становление нового языкового баланса непосредственно отражается в общении с коллегами в сфере производственной коммуникации, во внутрипоколенном общении в семейно-бытовой коммуникации и дружеских контактах (табл.1).

Таблица 1.

Выбор языка в значимых социальных сферах общении (г.Якутск, %)

		2008 г.	2014 г.
Общение на_работе	на якутском языке	23	27,4
	на русском языке	44,1	28,1
	в равной мере на якутском и русском языках	19,2	31,2
	на каком языке обратятся, на том и отвечаю	13,7	13,3
Общение_с супругом (ой)	на якутском языке	62,5	68,2
	на русском языке	29,4	17,1
	в равной мере на якутском и русском языках	8,2	14,7
Общение с друзьями	на якутском языке	45,1	50,1
	на русском языке	24,1	13,8
	в равной мере на якутском и русском языках	22,2	24,5
	на каком языке обратятся, на том и отвечаю	8,6	11,6

Якутский язык занимает значительный объем во внутрипоколенном неофициальном общении в семье и с друзьями. Его стало больше во всех трех коммуникативных ситуациях, также возросло незначительно двуязычное общение и сокращается общение на русском языке. Однако, учитывая, что рост объема общения на якутском языке в нашем случае складывается из суммы ответов «на якутском языке» и «преимущественно на якутском языке», то цифры показывают, что второй ответ больше повлиял на общее значение, т.к. в условиях г.Якутска для городского населения в той или иной мере, в зависимости от ситуации общения, экстралингвистических факторов характерна смешанная якутско-русская речь либо якутская речь с многочисленными русскими вкраплениями. Сопоставление с данными опроса «Городской житель» [3] показывает, что в общении на работе продолжается тенденция роста доли якутского языка и паритетного двуязычия, и снижения общения на русском языке, что в общем отражает рост этнодемографического фактора в г.Якутске (табл.2).

Таблица 2.

Язык общения на работе в динамике, (г.Якутск,%)

Якутский язык			Русский язык			Оба языка		
1980 г.	2008г.	2014 г.	1980г.	2008г.	2014 г.	1980г.	2008г.	2014 г.
5,3	23,0	27,4	45,6	44,1	28,1	49,1	32,9*	44,5*

* в сумме ответов «в равной мере на русском и якутском языках» и «на каком языке обратятся, на том и отвечаю»

Данные о балансе языков в других регламентированных и нерегламентированных коммуникативных сферах вне семейного общения в целом отражают существующую или существовавшую функциональную дистрибуцию языков в языковой практике опрашиваемого, коррелирующую со степенью владения тем или иным языком и этнодемографическими параметрами.

Одной из наиболее важных коммуникативных сфер, определяющих речевое поведение, языковые установки языковой личности в условиях билингвизма, полилингвизма, является лингвистическое обеспечение образовательного и воспитательного процесса. В 2008 г. большинство респондентов-якутов г.Якутска поддерживали стратегию раннего приобщения в детсаде к русскому языку с преподаванием разговорного якутского языка (47,7%), вторая позиция (38,5%) отражала желание поддерживать полную этническую речевую среду. В 2014 г. наблюдается установка на смешанное обучение и воспитание в детском саду (36%), достаточно сильна и этническая установка (32,1%). Вариант «с преподаванием якутского языка как предмета» выбрали лишь 9,3% респондентов. В школьном обучении в 2008 г. большинство выбрало якутскую школу с изучением русского языка (26,6%) и русскую школу с изучением якутского языка 24,7%, весьма значимы были установки об углубленном изучении иностранных языков (41,2%). В последнем опросе 31,6% респондентов, т.е. большинство, отметило вариант «со смешанным обучением». Также 26,5% отвечающих отметили вариант «с преподаванием якутского языка как предмета». В опросе 2014 г. в ответах не были предложены варианты с компонентом иностранных языков, но была возможность выбрать вариант «другие», однако, лишь 0,7% респондентов его выбрали, что, на наш взгляд говорит о повышенном внимании населения к соотношению, прежде всего, базовых якутского и русского языков обучения в условиях города, о нерешенных проблемах в данной сфере. В данное время проблему изучения иностранных европейских и восточно-азиатских языков во внеурочное время решают более 10 различных языковых центров, в т.ч. с преподавателями – носителями языков.

Таблица 3.

Выбор языка обучения в школе в динамике, (г.Якутск,%)

	2008 г.	2014 г.
С обучением на якутском языке	26,6	21,5%
С обучением на русском языке	24,7	19,7%
Со смешанным обучением		31,6%
С преподаванием якутского языка как предмета		26,5%
Другую		0,7%

Общество видит модели языка школьного образования в 4 вариантах, в которых весьма выражена потребность в образовании с компонентом родного языка. Но на сегодня насколько удовлетворены родители количеством школ на родном языке и качеством обучения в них? Безусловно, вследствие неудовлетворённости количеством школ с якутским языком обучения родителей, как городских, так и прибывших в город из улусов республики и желающих продолжить обучение и воспитание своих детей на родном языке, а также доступности высшего образования, которое только на русском языке, некоторая их часть вынуждена устраивать детей в школы с русским языком обучения, погружая его в совершенно новую для ребенка речевую среду. При этом начинают его адаптировать к русской речевой среде в семье, чем совершенно отдаляют ребенка в младшем возрасте, очень важном для социализации, от родного материнского языка, этнокультурных истоков, прерывая воспроизводство этнической речевой компетенции и поведения. И в этом контексте понятно, почему 43,5% респондентов считают, что в вузе обучение должно быть на обоих языках и 54,5% сообразно реалиям жизни признают целесообразным обучение на русском языке: вузы республики готовят кадры для республики, которая характеризуется двуязычием с активным этнокультурным компонентом. Качество обучения в школах с якутским языком большинством респондентов (21,1%) оценивается средне – на 5 баллов по 10-балльной шкале, в чем по сути сказывается, прежде всего, их недостаточное количество, далее – недостаточность учебно-методического обеспечения, слабое материально-техническое оснащение. В то же время школы с русским языком обучения оцениваются несколько выше – 24% респондентов оценили их на 8 баллов. Несмотря на усиление этнокультурного компонента в сфере дошкольного и школьного образования в столице республики, как создание дополнительных групп в садах и классов с якутским язык в школах [прил. 1], создание учебно-методических комплектов для школ с якутским языком обучения (в 2012/2013 учебном году Министерством образования Республики Саха (Якутия) утвержден и рекомендован к использованию в образовательном процессе республиканский перечень из 116 наименований учебников, разработанных ФГБНУ «Научно-исследовательский Институт национальных школ» для школ с родным (якутским) и неродным (русским) языком обучения), проблема языкового обеспечения школьного образования на родном языке остается не решенной в силу различных экстралингвистических факторов: массовость внутриреспубликанской

миграции (за последние два десятилетия примерно 51 тыс. сельских мигрантов влилась в состав городского населения Якутии, в т.ч. доля якутов среди столичных жителей возросла с 25,1% в 1989 г. до 42,4% в 2002 г., в 2010 г. – 47,4% [13], которая не покрывается в полной мере сетью школ с этнокультурным компонентом, а также ориентация родителей на лучшие (не всегда с якутским языком в системе обучения) школы столицы, которые объективно ограничены в приеме определенного количества детей.

Таким образом, можно отметить нарастающую тенденцию билингвизма с более увеличивающейся долей родного языка в воспитании и обучении молодого поколения, чему способствуют этнодемографический, и социально-культурный [рост национального самосознания – 7] факторы. Часть городских семей, привычным языком семейного общения которых является русский язык, выбирает для детей детсад с якутским языком обучения и воспитания. Понятно желание родителей интегрировать ребенка в якутскую этнокультурную среду, но при отсутствии речевой среды дома в семье, сложно привить ребенку новые навыки в рамках программы ДОУ. Однако, достаточно сильны и противоположные процессы, отчуждающие ребенка от этнического языка: семьи, прибывшие из улусов, адаптируя ребенка ко второму языку и культуре, речевой среде города, создают условия для развития речевых навыков на русском языке.

В общей социально-коммуникативной системе человека СМИ занимают значительное место – так, среди респондентов лишь 6,5% не смотрят ТВ, 3,9% не слушают радио, 3% не просматривают прессу и 8,1% не читают книг. Степень и характер речевого поведения в потреблении СМИ на родном языке предопределяет расширение социальной базы языка, развитие его функциональных характеристик. Огромно влияние СМИ на детей – зачастую ребенок-якут приобретает первые навыки русской речи именно под воздействием русскоязычных передач, мультфильмов. Результаты показали рост предпочтений в сторону русскоязычных СМИ или с компонентом русского: так, среди городского населения в просмотре телепередач и прессы преобладает русскоязычная продукция. Также больше читают книги на русском языке, нежели на якутском. Как и раньше, в прослушивании радиопередач более значима доля «на обоих языках». Выбор языка детерминирован фактором возраста, тематическим содержанием программы или канала, уровнем владения языком. Качество республиканских телевизионных передач на русском и якутском языках оценивается примерно одинаково невысоко: большинство (18,3% и 19,1% соответственно) оценили их на 5 баллов по 10-балльной шкале оценок. Местные газеты и журналы на русском языке оценены несколько выше, на 8 баллов (21,8% респондентов), якутоязычные – на 5 баллов (17,1% респондентов). В данном рейтинге отразились в основном такие характеристики, как тематическое разнообразие, полиграфическое качество и культура речи. В 2008 г. ответы на вопрос о культуре речи в СМИ оказались неожиданными для нас – общество больше было озабочено состоянием русского языка, нежели якутского – за чистотой якутского языка следили в 2 раза реже, большинство якутов довольны были уровнем грамотности республиканской прессы [7].

Нельзя не упомянуть о стремительном развитии киноиндустрии в республике – вопрос о кино не был включён в опросный лист, но важно отметить неожиданное развитие данной сферы в якутском сообществе. Феномен якутского кино замечен и активно обсуждается, с 2013 г. в г. Якутске проводится Якутский международный кинофестиваль в целях развития культурного обмена, творческого сотрудничества между кинематографистами всего мира и имиджевой политики Республики Саха (Якутия). В настоящее время Республика Саха (Якутия) занимает лидирующее место среди регионов России по количеству производимых фильмов, основными создателями фильмов являются независимые кинокомпании. С 1990 г. создано более 100 фильмов разных жанров в основном на якутском языке, часть из которых отмечены призами и дипломами на различных кинофестивалях и смотрах. Количество фильмов, вышедших в республиканский прокат по годам: 2010 г. – 16, 2011 г. – 15, 2012 г. – 11, 2013 г. – 18, 2014 г. – 10, 2015 г. – 11. [9]. Фильмы весьма популярны, выходят в широкий формат, распространяются на дисках.

В условиях полиэтничности сбалансированное функционирование языков в визуальной информации, являясь частью общего этнолингвоинформационного пространства, выступает инструментом для сохранения стабильности языковой ситуации. Лингвистический облик города вызывает немалые нарекания у жителей, но признают, что он становится лучше (19,8%); из предложенных вариантов ответов большинство отметило недостаточность названий на якутском языке (24,9%).

Сфера обслуживания является наименее детерминированной от внешних факторов, поскольку снижается фактор официальности, усиливается прагматика коммуникации, целеориентированнность. Вследствие этого из всех исследованных сфер общения данная сфера отличается максимальным использованием якутского языка неякутским населением. Приведём факты: по данным опроса 2008 г. 4,3% русских свободно владеют якутским языком и 5,1% владеют разговорной формой якутского языка, но применяют его в данной сфере лишь 1,5% респондентов на якутском и 3,5% на обоих языках. 8,5% представителей других этносов изъясняются на якутском и 14,8% на обоих языках, хотя заявили о владении разговорной речью 52,8% респондента. Сами якуты в основном говорят на русском языке, в результате, во-первых, ранее сложившегося стереотипа общения на русском языке, когда данную социальную инфраструктуру города занимали русские, украинцы и другие русскоязычные жители; во-вторых, влияния речевых возможностей мигрантов из республик СНГ с различным уровнем владения русским языком, занявших данную нишу после русскоязычных, массово выехавших из республики. Поэтому, несмотря на развитие инфраструктуры малого и среднего бизнеса местным якутским и якутоговорящим населением, весьма значителен сдерживающий фактор в развитии якутского языка в данной сфере (табл.4).

Таблица 4.

Язык общения в сфере обслуживания (г.Якутск, %)

Языки общения	2008 г.	2014 г.
На якутском	6	4,1
На русском	67,5	53,2
В равной степени на якутском и русском	26,6	22,1
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит		20,6

Стереотип общения на русском языке в 70-80-ые гг., когда сфера общения на якутском языке едва ли не ограничивалась семейно-бытовым общением, настолько устойчив, что до сих пор в г.Якутске можно наблюдать, как два якута в возрасте, покупатель и продавец, прекрасно владея якутским языком, например, в аптеке, могут долго, сбивчиво стараться изъясняться на русском языке. И даже в сельской местности 36,7% респондентов отметили русский язык как язык общения на рынке, торговом центре, поскольку по их представлениям «в городе всё на русском и надо говорить по-русски». Таким образом, функционирование якутского языка в сфере обслуживания в настоящее время, обладая потенциальными ресурсами в виде роста сервиса на якутском языке, снижения фактора официальности, роста прагматики коммуникации, имеет ряд следующих сдерживающих факторов: русский язык, как устоявшийся с советских времен язык общения в данной сфере, относительная сегрегированность сферы, ориентация молодежи на русский язык либо прагматика общения, когда адресант, избегая коммуникативной неудачи, обращается к адресату на языке межнационального общения РФ.

Обращение в органы власти происходит в основном на русском, в письменной форме существенно снижается использование якутского языка и равномерного использования обоих языков, что объективно расценивается и неразработанностью официально-делового стиля и соответствующей терминологии на якутском языке. Устность снижает объём использования русского языка, передавая часть своих функций двуязычию.

Таблица 5.

Языки обращения в органы власти в устной форме (г.Якутск,%)

Языки общения	2008 г.	2014 г.
На якутском	7,1	4,3
На русском	67	54
В равной степени на якутском и русском	26	18
Я посмотрю, что это за человек, на каком языке он говорит	*	23,6

*В 2008 г. данный вопрос не был предложен респондентам.

Большинство якутов столицы республики публично выступают на русском языке и воспринимают лучше русскую публичную речь. В личном коммуникативном пространстве (личная переписка; личные записи, дневник; сочинение стихов, прозы) также преобладает русский язык. Многие молодые респонденты отвечают, что на русском языке им легче выразить эмоции, состояние души.

Однако сегодняшний житель г.Якутска глубоко задумывается над создавшейся языковой ситуацией, начинает лучше осознавать потенциал родного языка и осознанно выбирать для своего будущего двуязычную среду со значительным компонентом якутского языка, т.к. ситуация многоязычия неизбежна, она открывает человеку другие сообщества, весь мир, сохраняя при этом свое исконное, язык, культуру, традиции. 74,3% признают, что нужно хорошо знать оба (якутский и русский) языка, чтобы стать преуспевающим человеком. В окружающей речевой среде якутов г.Якутска 80% знакомых, не понимающих и не говорящих по-якутски; 27,4% знакомых, не понимающих и не говорящих по-русски и 37,4% знакомых неякутов, с которыми они разговаривают по-якутски.

В целом сегодня у якутов, проживающих в г.Якутске, значительную долю в дистрибуции языков в основных коммуникативных сферах занимает русский язык, стратегия выбора определяется высокой функциональностью русского языка, недостаточностью условий для развития якутского языка в регламентируемых коммуникативных сферах - сфере образования и воспитания подрастающего поколения, сфере официального общения. Как и во многих субъектах России, в республике процессы глобализации социокультурных трансформаций также стимулируют тенденции этнической идентификации и этнические мотивы. С одной стороны, идёт процесс дифференциации языков в функциональном отношении, с другой – возрастает объём коммуникаций на каждом языке, расширяются их социальные функции. Подобные отношения взаимной функциональной дополнительности способствуют устойчивому характеру двуязычия на территории республики. Выбор языка носителями якутского языка в основных регламентируемых и нерегламентируемых сферах общения в условиях г.Якутска предопределяется как лингвистическими (уровень владения, недостаточная разработанность функциональных стилей якутского языка), так и экстралингвистическими (адаптационная стратегия сельского населения к городским условиям; представление об «устоявшемся, привычном языке» в городских условиях, тематическое разнообразие СМИ на русском языке) факторами.

Динамика национально-культурных, социально-демографических факторов актуализировала умеренное возрастание коммуникативных функций якутского языка, умеренное сокращение использования русского языка, замещение моноязычия (русского или якутского) функциональным двуязычием.

One of the main problems in the socio-linguistic studies of modern linguistic situation ethnophors degree of use of language is recognized in the Russian regions in terms of linguistic heterogeneity. In article is revealed the balance of the Yakut and Russian languages in repertoire of the native speakers of the Yakut living in Yakutsk, defined dynamics and tendencies in the choice of language in the main regulated and not regulated communicative spheres. Multidirectional tendencies in functioning of the Yakut language in the conditions of bilingual communicative space, leading from which there is a growing national component in bilingual language continuum are established.

Keywords: *the Yakut language, bilingualism, choice of language, sphere of family communication, of education, of mass media, of services industry, official sphere.*

Приложение 1.

Информация по якутским классам
по состоянию на 2015-2016 учебный год Управления образования города Якутска от 12.07.2016.

2011-2012 уч.г.		2012-2013 уч.г.		2013-2014 уч.г.		2014-2015 уч.г.		2015-2016 уч.г.	
Всего классов-комплектов									
1305		1323		1352		1396		1432	
Из них по языку обучения									
с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком
1042	263	1053	270	1073	279	1068	328	1084	348
	20%		20,5%		20,6%		23,5%		24,3%
Всего обучающихся									
33858		34721		35621		36899		38526	
Из них по языку обучения									
с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с русским языком	с якутским языком	с усским языком	с якутским языком
26735	7123	27252	7469	27891	7721	27940	8959	28868	9658
	20,6%		20,9%		21,6%		24,1%		24,2%

Список литературы

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия). Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 330 с.

2. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии //Социологические исследования. 2009. N 3. С. 108-115.

3. Аргунова Т.В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск, 1992. – 88 с.

4. Винокурова Д.М. Особенности территориальной и социальной мобильности на севере: сравнение городских форм расселения (на примере городов Республики Саха (Якутия). Региональные проблемы. Биробиджан: Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН, 2015. С.45–51.

5. Винокурова Д.М. Приезжее/местное сообщество и частотность миграции: форма коммуникации (по материалам социологических следований в Республике Саха (Якутия). Вестник КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С.147–153.

6. Иванова Н.И. Язык и этноязыковая идентичность якутов в г.Якутске: основные тенденции и динамика // Казанская наука. 2015. №1. С.114–118.

7. Иванова Н.И. Языковая лояльность носителей якутского языка в условиях языковой неоднородности РС(Я) // Вестник СВФУ. 2014. №6. С.66–74.

8. Игнатьева В.Б. Перформанс как ресурс формирования этнической идентичности современных горожан-саха // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Матер. Всерос. конф. (Казань, 25–27 сент. 2014 г.). Казань, 2014. С. 161–166.

9. Информация Министерства культуры и духовного развития от 16.11.2015.

10. Информация ФУ Госкомстат РС (Я) от 15.07.2008 г.

11. Краткие итоги всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия) //http://sakha.gks.ru. (дата обращения 25.05.2012).

12. Подойницына И.И., Кузьминов М.А. Воспроизводство национальной культуры народов саха в современных условиях // Социс. 2013. №12. С. 42–51.

13. Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып.1. Сборник науч. статей / В.Б.Игнатьева, Е.Г.Маклашова, А.Г.Томаска, Я.М.Санникова, П.М.Егоров, Н.Д.Федотова. Якутск, 2015. С.23–43.

Об авторе

Иванова Нина Иннокентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем коренных малочисленных народов Севера СО РАН, *haar-haar@mail.ru*

УДК 811.133.1'25

ОБ ИЗОМОРФИЗМЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Г. ФЛОБЕРА «ГОСПОЖА БОВАРИ»

Карапец В.В.

В статье рассматриваются обороты с participe présent, а также subordonnées relatives с относительным местоимением *qui* с синтаксической и семантической точек зрения на материале романа Г. Флобера «Госпожа Бовари». Проводятся корпусные исследования, в рамках которых анализируются различные способы перевода данных синтаксических конструкций. Делается вывод о том, что синтаксически изоморфные русские конструкции являются далеко не самым частотным способом перевода, что свидетельствует о несоблюдении авторского стиля. В то же время разнообразие вариантов перевода указывает на явление синтаксической синонимии в переводе.

***Ключевые слова**: обороты с participe présent, subordonnées relatives с относительным местоимением qui, синтаксический изоморфизм, синтаксическая синонимия в переводе, художественный перевод, корпусные исследования.*

Синтаксические конструкции являются одной из ключевых составляющих стиля. Так, П. Гиро писал: «Si le lexique est la chair du style, la structure de la phrase en est l'âme» [цит. по: 5, с.48]. Эту мысль разделяли не только зарубежные, но и отечественные романисты, например, К.А. Долинин [5, с.48]. В данной работе рассматриваются обороты с participe présent и subordonnées relatives с относительным местоимением *qui*[1] в романе Гюстава Флобера «Госпожа Бовари», а также способы их передачи в русских переводах романа.

В случае предпочтительного использования автором тех или иных синтаксических конструкций, того или иного вида придаточных и т.п. можно говорить об авторском стиле. Перечисленные конструкции, которые часто встречаются в тексте романа, выступают, на наш взгляд, в качестве одной из характеристик идиостиля Флобера[2]. Однако они не всегда изоморфно передаются в переводе.

Известный французский теоретик перевода Антуан Берман, изучая типы искажений, которым подвергается форма оригинала при переводе, наряду с разъяснением, рационализацией, удлинением и пр. особо выделял разрушение в переводе «систематизмов» оригинала: «Il [le systématisme d'une œuvre] s'étend au type de phrases, de constructions utilisées. L'emploi des temps est l'un de ces systématismes ; le recours à un tel ou tel type de subordonnée aussi» [10, с.63].

Синтаксическая конструкция в оригинальном тексте задаёт своего рода синонимический ряд эквивалентных конструкций в языке перевода. Этим, в частности, объясняется многообразие синтаксических вариантов перевода одной конструкции. С другой стороны, подобная синтаксическая синонимия присутствует и в исходном языке, где синонимические колебания на синтаксическом уровне также возможны [4, с.408]. Однако в тексте оригинала выбор уже закреплён автором, и предпочтительное использование им той или иной конструкции, когда потенциально допустимы и другие, может свидетельствовать о проявлении авторского стиля.

Об изоморфном воспроизведении в переводе той или иной синтаксической конструкции можно говорить только в рамках достаточно близких языков: «В области синтаксиса расхождения между французским и русским языками менее значительны, чем в области морфологии. <…> Синтаксические схождения особенно значительны в плане содержания. <…> Синтаксические расхождения сводятся к внешней форме (структура синтаксических единиц, их взаиморасположение, формы связи между ними) и к их функционированию» [3, с.171]. Мы попробуем выяснить, каково место изоморфного перехода, который представляется возможным в рамках французского и русского языков, среди предлагаемых в переводах на русский язык вариантов передачи оборотов с participe présent, а также subordonnées relatives с относительным местоимением *qui*. В этом заключается цель данной работы, для достижения которой нам предстоит, с одной стороны, выделить наиболее частотные и периферийные способы перевода, и с другой стороны, сравнить полученные данные с данными сопоставительных грамматик, в которых предлагаются русские эквиваленты рассматриваемых французских конструкций.

Большинство современных лингвистических исследований базируется на работе с корпусами, которые позволяют прослеживать функционирование того или иного языкового явления в реальных текстах (существуют общедоступные корпуса для различных языков, например, Национальный корпус русского языка, французский Trésor de la langue française). Сопоставительные же исследования проводятся на основе корпусов параллельных текстов, т.е. «текстов на языке-источнике» и одного или нескольких «текстов, которые являются переводами текстов языка-источника на языки-цели» [1]. Существует немало работ в рамках сопоставительных корпусных исследований, где рассматриваются самые разные аспекты оригинала и способы их передачи (см., например, статью Е. Э. Разлоговой о передаче лексических параллелизмов и нарративных схем [8] или работы Жана-Клода Шевалье и Мари-Франс Дельпор о способах передачи временных форм imparfait и passé simple и др. в переводах романа «Госпожа Бовари» на испанский и итальянский языки [12]). Наша работа также лежит в русле современных корпусных исследований; она посвящена явлению синтаксического изоморфизма и отклонениям от него между фрагментами оригинала и переводов в рамках сложного предложения.

---

[1] Отметим, что subordonnées relatives могут вводиться и с помощью таких относительных местоимений, как que, lequel, où, dont, однако в данной работе подобные случаи употребления не рассматриваются.

[2] Этому посвящено наше отдельное исследование.

Для анализа был сформирован корпус параллельных текстов, который представляет собой, с одной стороны, полный текст I части романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», отрывки из II и III частей (главы 1 и 1-5 соответственно) и, с другой стороны, 8 переводов на русский язык. В хронологическом порядке переводы были выполнены в 1881 году анонимным переводчиком, Л.Г. (1895), А.Г. Горнфельдом (1896), неизвестным переводчиком (1913), А.Н. Чеботаревской (1911), А.И. Роммом (1935), неизвестным переводчиком (1938), Н. М. Любимовым (1956). Объём французского текста составляет около 40500 слов (318000 слов вместе с русскими переводами).

Наш корпус отвечает требованиям, сформулированным А.Н. Барановым: «Если корпус предполагается для синтаксического анализа, то он должен включать целые тексты или их достаточно большие фрагменты» [1]. Интересующие нас синтаксические конструкции (т.е. обороты с participe présent и subordonnées relatives с *qui*) были найдены в тексте оригинала методом сплошной выборки, а затем были рассмотрены их эквиваленты в русских переводах. Отметим, что анализ проводился вручную. В настоящее время существует не так много компьютерных программ, которые бы позволяли по заданным параметрам отыскивать эквиваленты синтаксических конструкций, и в данном случае наблюдение Ф. Занеттина вполне справедливо: «…while electronic corpora greatly facilitate translation research, this still remains largely grounded in extensive manual analysis» [16, с.30].

В п. 1 мы кратко изложим общие сведения о том, как определяются интересующие нас конструкции, а именно обороты с participe présent и subordonnées relatives с относительным местоимением *qui,* с одной стороны, и изоморфные им русские причастия и придаточные относительные, с другой стороны, в общих грамматиках французского и русского языков соответственно, а также в сопоставительных грамматиках; в п. 2 мы обратимся к способам передачи оборотов с participe présent на русский язык в нашем корпусе; наконец, в п. 3 мы рассмотрим встретившиеся в нашем корпусе эквиваленты subordonnées relatives с *qui.*

1.Обороты с participe présent и subordonnées relatives с относительным местоимением *qui* во французском языке *vs* причастия и придаточные относительные в русском языке

В рассматриваемом французском тексте было найдено 297 оборотов с participe présent и 300 subordonnées relatives с относительным местоимением *qui*[1].

Во французских общих грамматиках (в частности, М. Гревисса [14, с.1146], М. Рижеля [15, с.343]), в сопоставительных грамматиках (А. Буланже [11, с.106]) указано на семантико-функциональное сходство participe présent и subordonnées relatives, что, по мнению этих авторов, часто делает эквивалентной замену первого на второе в рамках французского языка. В рассматриваемом отрывке текста Флобера 80% оборотов с participe présent трансформируются в subordonnées relatives. Что касается обратной замены (т.е. subordonnée relative с *qui* на оборот с participe présent), то в исследуемом отрывке текста Флобера 30% subordonnées relatives не подвергаются такой трансформации[2].

Participe présent, будучи одной из разновидностей неличных глагольных форм, с одной стороны, всегда сохраняет свойства глагола [15, с.339; 11, с.104]; с другой стороны, participe présent выполняет функцию эпитета определяемого слова [15, с. 186]. Что касается subordonnées relatives с *qui*, то они содержат глагол в личной форме и, подобно participe présent, выполняют функцию эпитета [14, с.1432; 15, с.480]. «Quelque tour que l'on emploie pour constituer les propositions relatives, on voit ces subordonnées adjectiveuses assumer les différents rôles des adjectifs» [13, с.236].

В сопоставительных грамматиках, в частности, в работе И.Н. Кузнецовой, указано, что в русском языке «эквивалентными» оборотам с participe présent в адъективной функции являются обороты с причастиями настоящего и прошедшего времён [7, с.155]. А. Буланже, со своей стороны, упоминает разнообразные варианты перевода, в первую очередь, русские причастия, не уточняя, какой из способов является предпочтительным при передаче оборотов с participe présent в функции эпитета [11, с.107]. Русские причастия, в отличие от participe présent, меняются по родам, числам и падежам[3]. Но с семантической точки зрения русские причастия и французские обороты с participe présent обладают сходством: «Когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временнóй приуроченности, создаются условия для развития у причастий адъективных значений» [9].

Что касается subordonnées relatives, то, согласно сопоставительным грамматикам, в качестве их эквивалентов рассматриваются русские придаточные относительные, или определительные [7, с.80]. Они присоединяются чаще всего с помощью союзного слова *который,* поставленного в соответствующую падежную форму (реже – с помощью местоименного наречия *где* или местоименного слова *что*).

---

[1] Кроме этого, было обнаружено 30 абсолютных причастных конструкций (constructions participiales absolues): *Car ils précisaient de plus en plus les motifs de leur douleur,* ***chacun*** *<...>* ***s'exaltant un peu dans cette confidence progressive*** – и предикативных определений (compléments non-prépositionnels): *…il restait debout,* ***les mains pendantes*** *et les yeux ouverts* - но они, ввиду незначительного количества, в данной работе не рассматриваются.

[2] Особенности взаимной трансформации оборотов с participe présent и subordonnées relatives в настоящей работе не рассматриваются: этому аспекту посвящено отдельное исследование. Отметим только, что, несмотря на отсутствие семантического тождества, оба вида конструкций являются, тем не менее, синтаксически подобными и с некоторыми оговорками могут считаться синтаксически синонимичными.

[3] Отметим, что participe présent стало неизменной формой с 1679 года, когда во Французской Академии было принято решение наделить отличительными чертами participe présent и adjectif verbal. До этого форма participe présent не только менялась по родам и числам, но и имела падежи, в чём сказывалось влияние латыни.

2. Особенности перевода оборотов с participe présent

Наиболее частотными вариантами перевода (было найдено 297 конструкций) являются русские обороты с деепричастиями несовершенного (30%) и совершенного видов (10%), личные глагольные формы в составе самостоятельных простых предложений (10%) и в составе клауз (20%), обороты с действительными причастиями настоящего времени (13%), личные глагольные формы в составе придаточных относительных (10%). Стоит отметить, что примерно в 8% случаев происходит модуляция. Рассмотрим примеры:

…la plaine, ***montant doucement****, va s'élargissant et étale à perte de vue ses blondes pièces de blé. – …равнина,* ***отлого подымаясь****, расширяется и простирает на бесконечную даль свои светлые пашни (Г.) / равнина* ***слегка приподымается****, становится всё шире и, наконец, расстилается до краёв кругозора, покрытая золотистою нивой (Ч). / всё шире идут* ***мягко поднимающиеся*** *поля, беспредельные нивы золотистой пшеницы (Л.).* Переводчики используют возвратные формы деепричастия несовершенного вида, личного глагола в настоящем времени и действительного причастия настоящего времени.

C'était un coffre jaune porté par deux grandes roues qui, ***montant jusqu'à la hauteur de la bâche****, empêchaient les voyageurs de voir la route... – Желтый ящик ее кузова возвышался между двумя огромными колесами,* ***которые достигали самого брезента****, заслоняя пассажирам дорогу… (1938)*. В данном случае использовано русское придаточное определительное.

Ce n'étaient qu'amours, amants, amantes, dames persécutées ***s'évanouissant dans des pavillons solitaires… –*** *В них только и шло дело о любви, преследуемых дамах,* ***терявших сознание в уединенных павильонах*** *(1881). / Там только и говорилось, что о любви, о любовниках, любовницах, о преследуемых дамах,* ***падающих в обморок в уединенных павильонах*** *(Л.Г.). / Романы были полны только любовью, возлюбленными, любовницами, преследуемыми дамами,* ***которые падают в обморок в уединенных беседках*** *(1913).* В качестве эквивалентов выступают действительные причастия прошедшего и настоящего времён, придаточное определительное.

…il y eut des carrioles emportées qui couraient au grand galop, ***bondissant dans les saignées, sautant par-dessus les mètres de cailloux****… – мчались галопом при лунном свете обезумевшие повозки;* ***они сваливались в канавы, перемахивали через кучи булыжника*** *(Р.). / бешеным галопом неслись при лунном свете крытые повозки,* ***опрокидывались в канавы, перемахивали через кучи щебня*** *(Л.).* Переводчики прибегают к транспозиции оборотов с participe présent в личные глагольные формы в русском тексте; при этом в первом случае переводчик добавляет путём бессоюзной связи клаузу, а во втором употребляет однородные сказуемые.

Необходимо также отметить случаи транспозиции оборотов с participe présent (где participe présent образованы от глаголов avoir, posséder, porter, couvrir) в именные конструкции с предлогом (10%):

...une jeune fille en robe blanche, ***portant une aumônière à sa ceinture*** *– молодую девушку в белом платье,* ***с сумочкой у пояса*** *(1913) / молодую девушку в белом платье и* ***с ридикюлем у пояса*** *(Л.Г.) / девушку в белом платье,* ***с сумочкой для раздачи милостыни у пояса*** *(Ч.).*

Также были зафиксированы немногочисленные случаи использования конструкций с действительными и страдательными причастиями прошедшего времени, а также с краткими причастиями, именами прилагательными, деепричастиями совершенного вида. Например:

Galopant jusqu'à la première marche du perron, *elle [la carriole] s'y arrêtait court… –* ***Подлетев к первой ступени крыльца****, она останавливалась (Л.Г.). /* ***Подкатив к нижней ступеньке крыльца****, она круто останавливалась (Ч.).* Оборот с participe présent передаёт идею предшествования, и переводчики используют эквивалентное русское деепричастие совершенного вида.

…leur cousine ou leur sœur aînée <…> ***ayant bien peur de salir ses gants. –*** *кузины или сестренки, <…>* ***сильно озабоченные, чтобы не запачкать своих перчаток*** *(Л.Г.). / их кузины или старшие сестры <…>* ***чрезвычайно осторожные, чтобы не запачкать своих перчаток*** *(Г.). / их кузина или старшая сестра, краснолицая <…>* ***очень боящаяся запачкать свои перчатки*** *(Ч.). / кузина или старшая сестра, <…>* ***трепещущая, как бы не запачкать перчатки*** *(1938). / их кузина или старшая сестра, <…>* ***больше всего на свете боявшаяся испачкать перчатки*** *(Л.).* Этот пример иллюстрирует разнообразие возможных эквивалентов: страдательное причастие прошедшего времени и имя прилагательное (в обоих случаях модуляция); возвратное и невозвратное действительные причастия настоящего времени; возвратное действительное причастие прошедшего времени.

Таким образом, синтаксически изоморфная конструкция с русским действительным причастием настоящего времени, которая в сопоставительных грамматиках фигурирует в качестве одного из основных русских эквивалентов participe présent, в нашем корпусе является далеко не самым частотным способом перевода (13%).

3.Особенности перевода subordonnées relatives с относительным местоимением *qui*

Наиболее употребительными способами перевода subordonnées relatives (300 конструкций) на русский язык являются обороты с действительными причастиями настоящего и прошедшего времён (13% и 22% соответственно), личные глагольные формы в составе придаточных относительных (20%); личные глагольные формы в составе самостоятельных простых предложений (4%) и клауз в составе сложных предложений, где подчинительная связь заменяется на сочинительную (14%); именные конструкции с предлогом (7%). Незначительная доля вариантов перевода приходится на деепричастия обоих видов, обороты со страдательными причастиями прошедшего времени (по 2%) и имена прилагательные (3%). Модуляция происходит в 7% случаев. Примеры:

Il y avait au couvent une vieille fille ***qui venait tous les mois, pendant huit jours, travailler à la lingerie. -*** *В*

монастыре была одна старая девушка, ***которая каждый месяц на неделю приходила чинить белье*** *(1881). / Была в монастыре одна старая дева,* ***приходившая каждый месяц чинить белье*** *(Л.Г.). / Каждый месяц в монастыре* ***поселялась на неделю и работала в бельевой*** *одна старая дева (1938).* В качестве вариантов перевода выступают придаточное относительное, действительное причастие прошедшего времени; в переводе 1938 года происходит синтаксическая перестройка, когда исходное сложноподчинённое предложение трансформируется в русское простое с однородными сказуемыми.

Le cortège, d'abord uni comme une seule écharpe de couleur, ***qui ondulait dans la campagne, le long de l'étroit sentier*** *<...> s'allongea bientôt... – Шествие, которое сначала казалось сплошною цветною лентою,* ***вившеюся по узкой дорожке****, скоро растянулось (1881). / Шествие, сначала сплошною цветною лентой* ***извивавшееся по полям****, вскоре растянулось (Ч.). / Процессия, сперва неразрывная, точно цветной шарф,* ***извивающийся вдоль полей****, скоро растянулась (1913). / Шествие, двигавшееся сначала единой пестрой лентой,* ***колыхавшейся в полях на узкой тропинке****, вскоре растянулось (Л.). / Сначала гости шли плотной вереницей – словно цветной шарф* ***извивался по узкой меже****; но скоро кортеж растянулся (Р.).* Subordonnée relative переводится русскими оборотами с действительными возвратными причастиями обоих времён; только в переводе Чеботаревской причастный оборот относится к слову «шествие» (cortège), а не «лента» (écharpe). Исходное французское предложение состоит из двух частей, а Ромм образует русское трёхчастное предложение: эквивалентом subordonnée relative становится придаточное сравнения, где использован личный глагол в прошедшем времени.

Иногда смена вида связи при переводе также сопровождается парцелляцией: *...elle [la carriole] s'y arrêtait court, et vidait son monde,* ***qui sortait par tous les côtés****. – ...круто останавливалась и начинала разгружаться.* ***Люди вылезали из нее с обеих сторон*** *(Р.).*

Как и в случае оборотов с participe présent, при переводе нередко опускаются subordonnées relatives, имеющие в своём составе глагольные формы, образованные от avoir, représenter, porter и др.: *...des assiettes peintes* ***qui représentaient l'histoire de mademoiselle de La Vallière*** *- разрисованные тарелки* ***со сценами из жизни мадмуазель де ла Вальер*** *(Р.).*

Французские конструкции	*Их русские эквиваленты в сопоставительных грамматиках*	*Способы перевода, выявленные в корпусе*
Обороты с participe présent	Обороты с причастиями настоящего и прошедшего времён (И. Н. Кузнецова); действительные причастия настоящего времени (А. Буланже), деепричастия обоих видов (в обеих работах)	- русские обороты с деепричастиями несовершенного (30%) и совершенного видов (10%); - личные глагольные формы в составе самостоятельных простых предложений (10%) и в составе клауз (20%); - обороты с действительными причастиями настоящего времени (13%); - личные глагольные формы в составе придаточных относительных (10%)
Subordonnées relatives с относительным местоимением *qui*	придаточные относительные	- обороты с действительными причастиями настоящего и прошедшего времён (13% и 22% соответственно); - личные глагольные формы в составе придаточных относительных (20%); - личные глагольные формы в составе самостоятельных простых предложений (4%); - личные глагольные формы в составе клауз в сложных предложениях, где подчинительная связь заменяется на сочинительную (14%); - именные конструкции с предлогом (7%); - деепричастия обоих видов (по 2%); - обороты со страдательными причастиями прошедшего времени (2%); - имена прилагательные (3%)

...il [Charles] s'y voyait en petit jusqu'aux épaules, avec le foulard ***qui le coiffait****. – ...видел в них себя в уменьшенном виде, до плеч, с фуляром* ***на голове*** *(1881). / Шарль видел там уменьшенного самого себя, только до плеч, в фуляровом платке* ***на голове*** *(Л.). / он там видел свое отражение в миниатюре, до плеч, вместе с фуляром,* ***которым была повязана его голова*** *(Л.Г.). / он видел себя в них в миниатюрном виде до плеч,* ***с головой, повязанной фуляром*** *(1913).* В переводах 1881 года и Любимова исходное subordonnée relative заменено предложной конструкцией; Л.Г. использует придаточное определительное (употребление составного именного сказуемого с кратким причастием приводит к модуляции), а в переводе 1913 года использовано страдательное причастие прошедшего времени и также присутствует модуляция.

Кроме того, встречаются единичные случаи употребления конструкций со страдательными причастиями обоих времён и именами прилагательными:

Les comparaisons de fiancé, d'époux, d'amant céleste et de mariage éternel ***qui reviennent dans les sermons…***

– Упоминания о женихе, о супруге, о небесном возлюбленном и о вечном союзе, ***часто повторяемые в проповедях****… (Л.Г.)*

…comme on fait à un enfant ***qui se pend après vous*** *– как* ***надоедливого*** *ребенка (Л.Г.)./ как делают с* ***назойливым*** *ребенком (Г.).* Использование страдательных причастий и имён прилагательных ведёт к модуляции.

Таким образом, и в случае передачи subordonnées relatives в русских переводах синтаксически изоморфный переход не является наиболее частотным и имеет место лишь в 20% случаев.

***

Ниже приведена таблица, в которой перечислены, с одной стороны, эквиваленты обеих конструкций, предложенные в сопоставительных грамматиках, и с другой стороны, все встретившиеся в нашем корпусе варианты перевода. В скобках указан средний результат по восьми переводам:

Анализ способов перевода показывает, что обороты с русскими действительными причастиями используются чаще при переводе subordonnées relatives, а русские личные глагольные формы - при переводе оборотов с participe présent. Это наблюдение не касается придаточных определительных, в состав которых также включены личные глагольные формы. Вполне ожидаемо, что количество придаточных определительных при переводе subordonnées relatives больше, чем при переводе оборотов с participe présent (20% и 10% соответственно). Особое место в переводе последних занимают деепричастия. Что касается subordonnées relatives, то здесь важно упомянуть случаи перестройки синтаксической структуры исходного предложения с заменой подчинительной связи на сочинительную (о подобных синтаксических трансформациях, но при переводе с английского языка на русский, писал Л.С. Бархударов [2, с.203-206]).

К периферийным вариантам перевода обоих видов конструкций можно отнести обороты со страдательными причастиями обоих времён, именные конструкции с предлогом.

Усреднённый результат показывает, что в русских переводах синтаксический изоморфизм по большей части отсутствует даже там, где он принципиально возможен. Однако наблюдения по отдельным переводам (см., в частности, нашу статью [6]) свидетельствуют о том, что изоморфизм всё же может присутствовать в большей (в переводе Чеботаревской) или меньшей степени (у Ромма и Любимова).

Весьма возможно, что особенность стиля Флобера, которая заключается в обилии оборотов с participe présent и subordonnées relatives с относительным местоимением *qui,* не попала в поле зрения некоторых переводчиков. Кроме того, на выбор варианта перевода также могут накладывать ограничения особенности контекста или внутренней логики текста перевода. Результаты проведённого исследования показывают, что рассматриваемая стилистическая особенность текста Флобера в русских переводах в целом теряется, что подтверждает положение Антуана Бермана о разрушении в переводах стилистически значимых систематизмов оригинала [10, с.63].

The present article dwells on isomorphous syntactic structures in translation, in particular on Russian equivalents of French turns with participe présent, on the one hand, and subordonnées relatives introduced by relative pronoun qui, on the other hand. The material of the research is the text of G. Flaubert's novel «Madame Bovary». The paper considers both types of structures from syntactic and semantic points of view. Corpus-based studies of parallel texts are conducted. Various Russian equivalents of two French syntactic structures are analyzed. As follows from this analysis, Russian syntactic structures considered to be isomorphous do not appear to be the most frequent variant of translation. It gives evidence for the fact that the original authorial style tends not to be respected. At the same time, the diversity of translation variants proves the existence of syntactic synonymy in translation.
Keywords*: turns with participe present, subordonnées relatives introduced by relative pronoun qui, syntactic isomorphism, syntactic synonymy in translation, literary translation, corpus-based translation studies.*

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику // Ресурс: http://www.twirpx.com/file/240277/ (дата обращения: 01.02.2016)
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975. 240 с.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учебник. М., 2010. 288 с.
4. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода: Французский язык: Учебное пособие. М., 2009. 464 с.
5. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978. 344 с.
6. Карапец В. В. К вопросу о передаче французских синтаксических конструкций с неличными формами глагола в русских переводах романа Г. Флобера «Госпожа Бовари» // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Издательство Московского университета, Москва, 2015. С. 592-596.
7. Кузнецова И. Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М., 2009. 272 с.
8. Разлогова Е. Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания, 2012, №6. С. 66-92.
9. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. В двух томах // Ресурс: http://www.slovari.ru/default.aspx?p=167 (дата обращения: 04.11.2015)
10. Berman Antoine. La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain. Paris, 1999. 143 p.
11. Boulanger Anne. Pratique de la traduction russe. 1ère partie. Eléments de syntaxe comparée. Paris, 2000. 353 p.
12. Chevalier Jean-Claude. L'horlogerie de Saint-Jérôme : Problèmes linguistiques de la traduction. Paris, 1995. 220 p.
13. Damourette Jacques. Des mots à la pensée: Essai de grammaire de la langue française. T.4: 1911-1934: Participe. –

Propositions subordonnées. – Impératif. – Interrogation. – Verbe unipersonnel : Ill. de 5 400 exemples. Paris, S.a. 626 p.

14. Grevisse Maurice. Le bon usage. Paris, 2007. 1584 p.

15. Riegel Martin, Pellat Jean-Christophe, Rioul René. Grammaire méthodique du français. Paris, 1998. 648 p.

16. Zanettin Federico. Corpus Methods for Descriptive Translation Studies // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 95. P. 20–32.

Об авторе

Карапец Валентина Валерьевна – аспирантка кафедры французского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *valentinakarapec@yandex.ru*

УДК 8;80

ЯДРО МИКРОПОЛЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

Кацитадзе И.М.

Данная статья посвящена проблеме микрополя определённости существительных в рамках функционально-семантической категории определённости/неопределённости, разноуровневым языковым средствам, конституирующим его ядро в современных русских газетных текстах. Значения определённости существительных реализуют различные виды повторов, выполняющие в речи важнейшую текстообразующую связующую функцию и занимающие лидирующее место в разных жанрах современных русских печатных СМИ. Исследуемая языковая категория представляет собой многомерное и многоаспектное явление. Она входит в общую сферу исследования содержательной стороны высказывания текста, одной из сторон его субъективного смысла.

Ключевые слова: *ядро микрополя определённости, лексический и семантический повторы, текстообразование, коммуникативный акт, семантика слова, газетные тексты, контекст, контекстуальные синонимы.*

Интерес к проблемам функциональной грамматики, в частности, к проблеме категории определённости/неопределённости (далее О/Н) за последние десятилетия не угасает. Это даёт возможность её комплексного исследования с точки зрения внутренней структуры, парадигматических отношений инварианта и вариантов, конкретных условий реализации её значений и функций.

Проблема описания исследуемой категории относится к «скрытой грамматике», по мнению профессора С.Д.Кацнельсона, который определяет её как «грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слова» [9, с.78].

Функционально-семантическая категория О/Н в языкознании обычно рассматривается с точки зрения её участия в процессе познания, в связи с другими категориями, характеризуется в аспекте языковой семантики, принципов организации, способов формального выражения и условий её реализации в живой речи. Очень важным, по словам С.А.Крылова, является рассмотрение данной категории в различных аспектах: прагматическом, внешне-ситуационном, семантико-синтаксическом, грамматическом и лексическом [10, с.258].

Назначением категории О/Н является оценка предмета или явления окружающей нас действительности как известного или неизвестного, определённого или неопределённого с точки зрения участников коммуникации (не только одновременно для говорящего и для слушающего, но и только для одного из коммуникантов). В последнем случае речь идёт о так называемой «слабой/частичной» определённости.

Проблема определённости имён существительных во многом связана с семантикой разновидностей повтора с целью актуализации смысла того или иного компонента. Использование адресантом актуализирующей функции повторов позволяет ему выразить истинную суть, скрытую в тексте. Однако необходимо различать языковые условия определённости (текстовые) и её маркеры в конкретном предложении (морфолого-синтаксические показатели).

На газетной полосе категория определённости занимает центральное место. Она находит свое отражение практически во всех жанрах (статья, информация, новостные жанры, эссе, интервью, комментарий), где автор, повествуя о тех или иных событиях, фактах действительности, так или иначе сообщает о новом (неизвестном), постепенно превращая его в данное (уже известное), что становится возможным только благодаря контексту.

Большая заслуга в выражении семантики определённости принадлежит текстообразованию, связанному с употреблением лексических и семантических повторов, занимающих в русских печатных СМИ лидирующее место. Отбор журналистом определённого вида повтора даёт возможность реализации коммуникативных намерений и соответствует целям и задачам высказывания.

Обратимся к примерам:

1) (новости) «Возле озера Белё в Хакассии совершил жёсткую посадку мотопараплан, в результате пострадали два человека – пилот и пассажир… Пилот мотопараплана за деньги согласился покатать отдыхавшего на озере мужчину» [5];

2) (статья) «Пятиметровый бронзовый монумент участнику штурма Рейхстага Алексею Бересту открыли в Ростове-на-Дону в пятницу, 6 мая, … Памятник был создан на народные деньги …» [14];

3) (комментарий) «Рядом работала поликлиника. Было хорошо и уютно, пока земля, заменявшая нескольким зданиям придомовую территорию, не заинтересовала бизнесменов. Поликлинику убрали, собрались строить сначала европейский культурный центр…» [1].

Реализация повтора (семантического) как значимой единицы возможна только в контексте и, следовательно, имеет смысл лишь в границах синтаксической структуры. А контекстуальное окружение повтора задаётся субъектом, автором текста, избирающим то или иное основание для оценки. Самыми распространенными повторами, участвующими в выражении значения определённости, являются повторы контекстуальных синонимов. И выбор одного из синонимов и его употребление в предшествующей части предложения, а также соположение в последующих частях других синонимов из данной синонимической парадигмы зависит от когнитивной деятельности личности говорящего и восприятия данного речевого произведения реципиентом.

Например: 1) (интервью) Джонатан Литтелл: «Я только начал - и пробовал один раз. Это проект. Ещё не знаю, каким будет следующий, кино или что-то другое. Но снять фильм я мечтал уже очень давно. И вдруг у меня появилась такая возможность» [6];

2) (новости) «Напомним, неделю назад столичные власти отменили фестиваль электронной музыки Outline. Сообщалось, что организаторы припозднились с подачей заявки на проведение мероприятия» [7].

Существительные «проект»-«фильм» и «фестиваль»-«мероприятие» в данных примерах являются контекстуальными синонимами. Определённые существительные всегда указывают на связь той части предложения, в которой они употреблены, с предшествующим текстом, предложением.

В лингвистической литературе определение сущности контекста неоднозначно. Собственно контекст или речевой контекст по своему характеру представляет взаимообусловленность и взаимосвязь элементов различных уровней языковой структуры, которая возникает при реализации этих элементов в актах коммуникации в строгой зависимости от коммуникативной задачи и с учётом внеязыковых факторов формирования смысла. С точки зрения структуры, смысловой отрезок контекста представляет собой семантическую многослойность, поэтому представляется логичным говорить о значении какого-то слова в контексте, о значении некоей формы слова в контексте и, наконец, о значении, формируемом в контексте.

О значимости правильного выбора синонимов в языке печатных текстов СМИ и возможностях усилить воздействие сообщения на читателя писал Г.М.Соловьёв. Особую важность в газете, по его словам, приобретает свойство синонимов – «снимать повторы, избегать тавтологии, и, главное, - проводить непрямо оценку того или иного факта, действия» [13, с.68]. Действительно, через употребление синонимов достигается основной принцип газетной речи – чередование стандарта, присущего именно печатным СМИ, а равно и экспрессии. При этом синонимика носит контекстуальный авторский характер.

Рассмотрение контекста в качестве отдельного речевого явления делает возможным выявление его специфических категорий. Именно к таким, собственно контекстуальным, относится категория О/Н для слушающего, сущность которой состоит в том, что говорящий, используя разные способы, помечает некоторые элементы контекста как такие, которые слушателю известны и которые он использует для связи предложений в тексте.

Текстовая определённость может возникать не только в контексте предупоминания какого-либо объекта, а точнее создаваться им, но и в порождаемой текстом ситуации, где о существовании данного объекта слушающему возможно допустить, например, в силу отношений неотчуждаемости, когнитивных знаний говорящего и адресата речи об этих отношениях предметов, явлений.

Например: 1) (информация) «Литтелл, разумеется, скромничает. Его фильм впечатляет не только реальными фактами, которые легли в его основу, но и художественным строем… Трое главных героев – бывшие солдаты ГАС, уже взрослые, но еще молодые» [6];

По семантике слово «герои» - неотчуждаемое существительное от семантики денотата «фильм», требующего обязательного определителя – «герои» чего-либо (фильма, статьи, рассказа и т.п.), а «фильм» предполагает главного или главных героев.

2) (интервью) «- Я и сам про своего дедушку нашёл информацию. И медали, которые у нас до сих пор сохранились, - нашёл к ним описание подвигов» [4];

3) (горячие новости) «…Трое сотрудников американской полиции были убиты, девять получили ранения в четверг вечером в городе Даллас (штат Техас), где жители вышли на массовую акцию протеста против убийств афроамериканцев сотрудниками правопорядка» [11].

Явление неотчуждаемости, когда определённость настолько сильна, что распространяется на два или несколько существительных, в текстах печатных СМИ используется часто, ибо «служит лишним свидетельством осведомлённости корреспондента о деталях описываемого предмета или явления» [8].

По мнению А.В.Бондарко, определённость при прагматическом подходе чаще всего можно связать «с известностью референта участникам коммуникативного акта (в частности, необходимо, чтобы референт был известен адресату речи)». «Известность» понимается не в бытовом смысле: личное знакомство с объектом, знание каких-либо его отличительных признаков не являются необходимыми. «Известным» считается любой объект, который когда-либо был введён в поле зрения участников коммуникации. К примеру, значение определённости возникает в тех случаях, когда объект уже упоминался в предшествующем контексте (анафорическая известность); когда объект находится в поле зрения участников коммуникации, так что на него непосредственно можно указать (дейктическая определённость), или, когда сведения об объекте принадлежат общему фонду знаний говорящего и слушающего (апперцепционная известность) [2, с.261].

Употребление определённых существительных с опорой на семантический повтор является характерной чертой многих газетных жанров. Сначала существительное подаётся как «неизвестное» неопределённое, затем оно переходит в разряд «известных» определённых, и в следующем тексте продолжает нести семантику определённости.

Подобное движение особенно заметно происходит в жанре новостей, практически с первых строк сообщения:

1) «В Чечне спасли мальчика, упавшего в 170-метровую пропасть. Ребёнку удалось ухватиться за ветку, ему на помощь пришли сотрудники МЧС» [3];

2) «Туристы в Турцию уже летят, а чартеры – ещё нет. Отпускников отправляют регулярными рейсами, потому и путёвки непривычно дорогие» [12].

Таким образом, категория определённости представляет собой единую полевую структуру, где все элементы взаимодействуют друг с другом и выполняют одну общую функцию. Микрополе определённости представлено в виде ядра, где сосредотачиваются главные средства её выражения - повторы и отношения неотчуждаемости существительных. Очевидна актуализирующая функция определённых существительных. Разнообразные средства выражения значения определённости делают описание всё более и более конкретным, сводя язык к значимым элементам, из которых он, собственно, и состоит, и, определяя эти элементы через их взаимные отношения. Особенностью ядра микрополя определённости является и то, что определённое существительное почти всегда стоит в начальной позиции второго предложения. Употребление определённых существительных в тексте воздействует на читателя с большей силой. Выбор в их пользу становится необходимым, даже в ущерб очень важной для газеты краткости изложения. Именно определённые существительные в русских газетных текстах формируют у читателя чувство «удовлетворённости», «законченности», «понятности» в отношении прочитанного.

The given article is devoted to the problem of a microfield of nouns within the framework of functional-semantic category of definiteness/indefiniteness, linguistic means of different levels, constituting its nucleus in modern Russian newspapers. Meanings of definiteness of nouns is realized by different types of repetition, fulfilling in speech the most important connecting function and occupying the leading place in different genres of Russian printed media. The category that is being researched is a multidimensional and manifold phenomenon. It belongs to a general sphere of researching an informative side of utterance in the text, one of the sides of its subjective sense.

Keywords: *nucleus of the microfield of definiteness, lexical and semantic repetitions, formation of a text, act of communication, word semantics, newspaper texts, context, contextual synonyms.*

Список литературы

1. Бессарабова Анна. Хотели зону отдыха? Получайте плац! [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: www.novayagazeta.ru/society/73770.html (дата обращения: 08.07.2016).

2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. - 380 с.

3. В Чечне спасли мальчика [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: www.aif.ru/incidents/v_chechne_spasli_malchika (дата обращения: 09.07.2016).

4. Гирин Никита. «Вот они все лежат, бери и перезахоранивай» [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: www.novayagazeta.ru/society/73552.html (дата обращения: 22.06.2016).

5. Два человека пострадали во время жесткой посадки мотопараплана в Хакассии [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. URL: www.aif.ru/incidents/dva_cheloveka_postradali_ (дата обращения 05.07.2016).

6 Долин Антон. Война не приходит одна [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: www.newtimes.ru/articles/detail/112182 (дата обращения: 06.07.2016).

7. Жуков Сергей. В Москве отменили музыкальный фестиваль Raw Fest [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/07/09/reg-cfo/v-moskve-otm (дата обращения: 09.07.2016).

8. Кацитадзе И.М. Категория определённости/неопределённости существительных: функционально-семантический анализ средств её выражения в русских и немецких газетных текстах: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. - 21 с.

9. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – М., Изд.2, доп. Изд-во: Либроком, 2010.- 344 с.

10. Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. – М., 1984. Вып. 35. С.250-260.

11. Полиция США распространила фото убийцы правоохранителей в Далласе [Электронный ресурс] // Известия. URL: www.izwestia.ru/news/621355 (дата обращения: 08.07.2016).

12. Смирнова Юлия. Туристы в Турцию уже летят, а чартеры – ещё нет [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: www.m.rostov.kp.ru/daily/26552/3569276/?utm_sourc (дата обращения: 08.07.16).

13. Соловьёв Г.М. Факт и оценка в публицистике: аспекты метаязыковых корреляций. Краснодар, 1999. 134 с.

14. Степанов Александр. В Ростове-на-Дону открыт памятник Алексею Бересту [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. URL: www.rostov.kp.ru/daily/26524.5/3542778/ (дата обращения: 08.07.2016).

Об авторе

Кацитадзе Инна Мангуровна – кандидат филологических наук, доцент Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, *mangurowna@yandex.ru*

УДК 81-25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК СРЕДСТВ РАЗГОВОРНОСТИ ЛИЧНОСТНО-БЫТОВОГО ПИСЬМА В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»

Козлова Л.Н., Демидова М.М.

В данной статье рассматривается специфика употребления средств разговорности личностно-бытового письма в художественном тексте. Анализируются особенности перевода разговорных элементов с русского языка на английский.
Ключевые слова: *личностно-бытовое письмо, средства разговорности, переводной текст, стилистическая окраска, эквивалент, разговорный порядок слов, структура предложения.*

По своей структуре «Даниэль Штайн, переводчик» представляет собой роман, построенный на письменных источниках. Часть из них является результатом авторской фантазии, часть – действительно подлинные документы (записи бесед брата Даниэля со школьниками, письма Риты Ковач и ряд других). Однако следует оговориться, что, несмотря на высокую степень биографичности и подлинности документов, все они подвергались литературной писательской обработке, и, следовательно, правомерно вести речь о стилизации, а не об аутентичности письменных жанров разговорной речи (далее – РР).

Важно отметить, что «обращение к письму как к источнику для изучения живой русской речи оправдано самой спецификой этого жанра, в значительно большей степени, чем другие виды практической и деловой письменности, связанного с устными и разговорными формами языка…» [3, с.25].

В таких вариантах письменной речи как личностно-бытовое письмо, дневник или записка налицо черты устности, которые выражаются, в первую очередь, в определённых синтаксических конструкциях, компрессии, эллиптичности и ряде других. Необходимо упомянуть, что личностно-бытовое письмо может быть ориентировано на диалогические, беседные и монологические формы речи и является вторичным жанром по отношению к эпистолярному жанру.

Другую проблему составляют особенности передачи разговорности в переводном тексте: здесь, как кажется, важно учитывать не только своеобразие проявления стилизации РР обоих языков, но и сам процесс перевода как явление репродукции речи, в котором высокая авторская индивидуальность неизбежно дополняется ещё и переводческой индивидуальностью.

Также спорным остаётся вопрос переводимости разговорно маркированных слов, которые максимально своеобразны и национально самобытны. Из возможных вариантов перевода приходится иногда оказывать предпочтение не разговорному соответствию, а нейтральному слову, когда это вызывает несовпадение коннотативных сем. При идентичности основного понятийного ядра могут обнаружиться расхождения в сфере применения, в оценке, степени признака, в характере образа, в чисто национальных ассоциациях и всего того, что препятствует идентификации внешне как будто совпадающих разговорных слов сравниваемых языков. Подмена в переводе разговорного нейтральным не желательна, но допустима. Перевод же разговорного разговорным, но с несовпадающими коннотативными семами может ввести в заблуждение и потому не рекомендуется [1, с.95-100].

Очевидным представляется тот факт, что адаптация текста с учётом стилистических несоответствий в оригинале и переводе, обусловленных несовпадением экстралингвистических знаний культурно-исторического характера у читателей оригинала и перевода, может привести к эмоциональной заниженности и нейтрализации разговорности. «Не находя нужного смыслового эквивалента, переводчик нередко пользуется транслитерацией или передаёт только фактологический смысл, опуская эмотивный. Происходит нейтрализация информации» [9, с.140]. Таким образом, стремление к эквивалентной передаче содержания не может не накладывать ограничений на использование средств переводящего языка [8, с.13]. Однако, с другой стороны, «характеристика языковой единицы по её принадлежности к определённому стилистическому слою (просторечному, разговорному, книжному, поэтическому и пр.) представляет собой важный компонент её смысловой структуры, и её воспроизведение может быть обязательным условием коммуникативной равноценности перевода» [2, с.130].

Стилистические сдвиги в переводе в определённом смысле выявляют функциональную специфику языковых единиц в оригинале. Переводы как бы «проявляют» особенности контекстуальных функций элементов языка оригинала, причём наличие или отсутствие стилистических сдвигов в переводах с этой точки зрения одинаково значимо. Иначе говоря, стилистическое задание слова оригинала – «внутренняя» причина стилистических трансформаций в переводе [6, с.6].

Помимо этого, между функциональным диапазоном текста и степенью эквивалентности в целом наблюдается следующая зависимость: чем сложнее и противоречивее предъявляемые к переводу требования («парадокс перевода»), чем шире функциональный спектр переводимого текста, тем меньше вероятность создания текста, представляющего собой зеркальное отражение оригинала. «В процессе перевода во имя передачи функциональных доминант текста (т.е. его функциональных параметров, которые представляются наиболее актуальными в данном коммуникативном контексте) нередко приходится идти на некоторые жертвы. Более того, в процессе перевода порой модифицируется и сама цель коммуникации, на которую известное влияние оказывает установка на иного получателя, что влечёт за собой определённые отступления от полной эквивалентности исходного и конечного текстов» [10, с.55].

В романе «Даниэль Штайн. Переводчик» Л. Улицкая выстраивает несколько линий личностно-бытовой переписки различных персонажей, здесь приводятся также дневниковые записи, записки, справки и другие документы. Причём письма приводятся без учёта хронологической последовательности, а в соответствии с развитием сюжета, как того требует авторский замысел. Каждое отдельно взятое письмо начинается с указания адресата и адресанта, а также места и даты написания письма. Следуя общепризнанной структуре, обязательно приводятся обращения и концовка, по различным вариантам которых можно судить о степени близости людей, находящихся в переписке.

Основная часть приводимых в романе писем ориентирована на диалогическую форму общения, что подчёркивается использованием обращений к определённому собеседнику:

*«Ах, **Владек**, и начинается история, как будто специально для меня придуманная, – в церкви я вижу коллекцию «эксвото»* [7, с.36]. *«Oh, **Wladek**, a tale unfolded which seemed to have been devised specially for me. Inside the church I found the collection of ex-votos…»* [11, с.38].

*«В общем**, Авигдор**, жалко парня. Приезжай, может, он тебя послушает? Привези ему там фотографии из Палестины, не знаю что, может, уговоришь его?»* [7, с.34]. В переводной версии находим: *«All in all, **Avigdor**, I am sorry for the lad. Come and see us. Perhaps he will listen to you. Bring him some photographs of Palestine or whatever. Perhaps you will be able to talk sense to him»* [11, с.37].

Как видим, обращения передаются в данных примерах в полном соответствии с оригиналом, однако структура предложений подвержена изменениям. Так, вопросительные конструкции, которые автор использует во втором примере, для передачи эмоциональной заинтересованности и имитации прямого общения в переводе опускаются. Однако эмотивная составляющая не утрачивается, она передается за счет использования параллельных конструкций (*Comeandseeus.Bring him some photographs… Perhaps he will listen to you. Perhaps you will be able to talk…).*

*«**Эвка, ты свинья**! Найди время и навести старуху. Она, конечно, железная, но найди время, чтобы погладить по голове эту чёртову железяку»* [7, с. 98]. – «***Ewa, you are a disgrace**! Find the time to visit the old lady. Of course, she is made of iron but try to find the time to stroke the hair of that diabolical old lump of metal*» [11, с.72].

Яркая разговорная окраска русского варианта обращения практически полностью утрачена в переводе. Разговорно-фамильярный вариант имени *Эвка* невозможно передать в английском языке ввиду отсутствия развитой системы аффиксального словообразования. Порицательный эпитет *свинья,* который очень часто используется в разговорно-бытовом общении, имеет значение: «тот, кто поступает низко, подло» [5, с. 611] и дается в словаре с пометой (разг.), заменяется в английском языке нейтральным по своей стилистической окраске вариантом: *Disgrace* – позор, бесчестие, позорный поступок [4, с.202].

Некоторые письма несут в себе определённую реакцию на какое-то полученное ранее послание (не приводимое в романе) и представляют собой, таким образом, своеобразную ответную реплику:

*«Знаешь, **ты прав – трудно жить в семье без понимания**. Но дело в том, дорогой мой Алон, что ведь это процесс взаимный, они не понимают тебя, а ты не понимаешь их»* [7, с.63].– *«**You know, you are right**. **It is not easy to live in a family where there is no understanding**, but the fact of the matter, my dear Alon, is that this is a two-way process»* [11, с.53].

*«**Ты просишь писать поподробнее о том, что я делаю**. Трудно ответить – я делаю очень много движений, но они далеко не все имеют смысл»* [7, с.167]. – *«**You asked me to explain in more detail what I am doing here**, but that is quite difficult. I am rushing about a lot, but by no means all of it makes sense»* [11, с.111].

Так, с точки зрения семантики, ответные реплики передаются достаточно точно, однако разбивка фразы на предложения претерпевает изменения. Это связано с наличием определённых устойчивых выражений, сложившихся в английском языке: *you are right, that is quite difficult.*

*«Милая Эвка! **Твой отказ читать мою книгу** меня страшно озадачил…»* [7, с.77]. – *«Dear Ewa, **I am perplexed by your refusal to read my book**»* [11, с.61]. В данном случае оригинал содержит большее количество разговорных элементов: непрямой порядок слов и усилительное наречие *страшно.* При переводе данные элементы опускаются.

В текстах диалогически ориентированных писем нередко встречаются вкрапления небольших фрагментов монологического повествования от первого лица о каком-либо совершившемся событии. Подобные фрагменты часто сопровождаются использованием глаголов говорения и чувственного восприятия:

*«В Помпеях ожидала меня сначала неудача – в раскопанный город не пускают, музей закрыт, у служащих забастовка. Ну, **думаю**, чудесная страна Италия»* [7, с.35]. – *«In Pompeii I encountered my first problem. They wouldn`t let me into the excavations of the city and the museum was closed because the staff were on strike. Well, **I thought**, what a marvelous country Italy is»* [11, с.38].

*«Никаких этих ряс на нём нет, просто рабочий халат, руки грязные. Мы обнялись, расцеловались. Я, **говорю**, приехал тебя забрать. Поехали со мной. Он улыбается: нет, Эфраим, я решил здесь остаться»* [7, с.33]. – *«Sure enough, 10 minutes later in comes Dieter, not wearing one of those cowls, just a workman`s overalls and with his hands dirty. We embraced and kissed. I **said**, "I am here to take you back. Let`sgo"»* [11, с.36].

Очень важно отметить, что использование форм настоящего времени создает эффект непосредственного, прямого обращения к адресату. В переводной версии они заменяются формами прошедшего времени, предавая выражениям более книжный оттенок, и этот эффект утрачивается. Более того, в английском языке добавляется субъект действия, так как позиция подлежащего подлежит обязательному заполнению, что также снижает разговорную окраску.

«На прошлой неделе отправилась к Даниэлю. Он принял меня, я ему всё, что знала, рассказала. Что, ***говорю****, делать? Я даже боюсь мужу об этом сказать»* [7, с.381]. – *«Last week I went to see Daniel. He made time for me and I told him everything I knew. "What should I do?"* ***I asked****. "I am even afraid to tell my husband about it"»* [11, с.231].

В данном предложении разговорная окраска полностью утрачивается, так как вместо одного используются два полных предложения с прямым порядком слов.

Особое внимание привлекают тематические сбивы. Их употребление можно охарактеризовать как средство стилизации определённого рода спонтанности, весьма характерной для письменных форм РР, поскольку при написании личностно-бытовых писем автор довольно часто не продумывает весь текст заранее. Например:

«Как же мне нравится эта страна своей миниатюрностью! Всё – рядом. Стоит только протянуть руку. ***Да! Твоя просьба!*** *Один из лучших реставраторов – сосед моих иерусалимских друзей, Стива и Изабель. Только заикнулась – и в этот же день оказалась у него в гостях»* [7, с.256]. – *«How I liked the miniature nature of this land! Everything is within easy reach.* ***Yes! Your request!*** *One of the best restorers is the neighbor of my Jerusalem friends, Steve and Isabel. I had only to mention it to be invited to his house that very day»* [8, с.160]. Здесь мы видим абсолютно эквивалентный перевод. Английский вариант обнаруживает практически полное структурное и семантическое сходство и в полной мере сохраняет стилизацию оригинала.

«Я бы и не стала тебя разыскивать, потому что Иван тогда точно узнал, что всех поляков в ту ночь расстреляли. Кто же знал, что тебе удалось спастись… ***Предложение моё****, чтобы ты приехала, очень трезвое, я делаю его не в состоянии отчаяния, как-то необдуманно»* [7, с.243]. – *«I was not looking for you because Ivan was told for a fact that all the Poles had been shot that night. Who could have guessed you had managed to escape?* ***My invitation*** *for you to come and stay here is entirely serious. I am not extending it in a state of despair or at all frivolously»* [11, с.152]. Функция тематического сбива в английском варианте воспроизводится в полной мере, однако предложение, предшествующее смене темы, не сохраняет ту спонтанность и разговорность, которая заложена автором. В переводе используется полноценное вопросительное предложение в сослагательном наклонении.

Следует также отметить, что разговорная окрашенность личностно-бытовых писем передаётся на синтаксическом уровне, в первую очередь, за счёт использования таких сигналов разговорности, как объяснительные и описательные конструкции, сегментация высказываний, разговорный порядок слов. Приведём примеры:

«Скажу честно, я взял с собой на всякий случай оружие – ***у меня хороший трофейный «Вальтер»*** [7, с.32]. – *«To tell the truth, I took a pistol along just in case.* ***I captured a good Walther a while back****»* [11, с. 36]. В переводе модель построения высказывания трансформируется и образует сразу два самостоятельных предложения. Разговорная конструкция преобразуется в отдельное предложение и, таким образом, теряет свою объяснительную функцию.

«История такая: в их деревне лет десять назад было явление Божьей матери – ***четырём девочкам****»* [7, с.371]. – «*Her story was that ten years ago or so, the Virgin Mary appeared in their village* ***to four girls***» [11, с.225]. В данном случае разговорная конструкция встроена в схему предложения таким образом, что сегментация высказывания оригинала утрачивается, тем самым нарушая стилистическую окраску оригинала.

«Послушание моё было строгое, хотя и самое простое, ***я ладан варил****»* [7, с.442]. – «*My work was demanding but very simple.* ***I made incense***» [11, с.265]. Здесь предложения разбиваются на два более коротких, что вполне соответствует жанру личностно-бытового письма. Однако оба предложения с точки зрения структуры и семантики являются стилистически нейтральным и не имеют никакой разговорной окраски.

Итак, сигналы разговорности в романе «Даниэль Штайн, переводчик» можно расценивать как средства стилизации письменных форм РР, к которым мы относим личностно-бытовое письмо, дневниковые записи, обмен записками.

Как видим, перевод разговорных элементов представляет собой достаточно сложную задачу. Трудность определяется не только разницей в грамматическом строе и лексическом составе языков, но и тем фактом, что разговорные единицы, как правило, имеют этнокультурную специфику.

The specificity of usage of colloquial means in epistolary genre is considered in this paper. The peculiarities of translation of the colloquial elements from Russian into English are analyzed there.

Keywords: *epistolary genre, colloquial means, translated text, stylistic colouring, colloquial word order, equivalent, structure of the sentence.*

Список литературы

1. Девкин В.Д. Очерки по лексикографии / В.Д. Девкин. М.: Прометей, 2000. 395 с.
2. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.
3. Кручинина И.Н. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра / И.Н. Кручинина // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 24-43.
4. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан. 9-е изд. М.: Рус.яз., 2002. 880с.
5. Стижко Л.В. Экспрессия разговорности в контексте чешского и русского художественного диалога: автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.В. Стижко; Ленингр. гос. ун-т. Л., 1988. 20 с.
6. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

7. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик: Роман / Л. Улицкая М.: Эксмо, 2008. 528 с.
8. Утробина А.А. Основы теории перевода. Конспект лекций / А.А. Утробина. М.: Приор. 2006. 114 с.
9. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста / В.И. Шаховский // Перевод и коммуникация / РАН. Ин-т языкознания. М., 1997. С. 139-152.
10. Швейцер А.Д. Эквивалентность и адекватность / А.Д. Щвейцер // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров: Сб. науч. трудов. М.: Моск. гос. ин-т ин. яз. им. М. Тореза, 1989. Вып. 343. С. 52-58.
11. Ulitskaya, Ludmila. Daniel Stein, interpreter: a novel in documents / LudmilaUlitskaya; tr. by Arch Tait. New York: Overlook press, 2011. 408 pp.

Об авторах

Козлова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного технического университета, *lyu-k@mail.ru*

Демидова Мария Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Брянского государственного технического университета, *marri25@mail.ru.*

УДК 811.111’243:81’282.842

ФАКТОРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАТУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ЛИНГВА ФРАНКА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Мележик К.А.

В статье обсуждаются основные критерии определения статуса английского как лингва франка (АЛФ) в глобальном континууме английского языка (АЯ). Предлагается понимание АЛФ как совокупности социолектов, функционирующих в социально ограниченных дискурсивных сообществах, обосновываются три фактора, отличающих АЛФ от национальных и территориальных вариантов АЯ: инклюзивность, представляющая собой практику свободного включения АЛФ в коммуникативный процесс, функциональная дополнительность АЛФ по отношению к национальным языкам пользователей и использование в дискурсивном сообществе.

Ключевые слова: *английский как лингва франка, межнациональная коммуникация, социолект, критерии идентификации.*

За последние десятилетия глобализация английского языка (АЯ) стала одной из основных тем социолингвистических исследований многоязычия, которые соответствуют радикальным переменам в социально-экономической и общественно-политической жизни современного мира. Изучение общих закономерностей и конкретных проявлений взаимодействия между преобладавшим до сер. 20 в. британским вариантом, получившим всеобщее распространение во 2-й половине 20 в. американским вариантом и новыми вариантами АЯ потребовало учета региональных и национальных особенностей полинационального АЯ в различных регионах земного шара.

Глубокое проникновение в суть сложившейся языковой ситуации привело американского лигвиста Б. Качру к созданию концепции World Englishes [8], согласно которой АЯ людей, не являющихся его носителями и принадлежащих к различным языковым и культурным сообществам, более не является нормированным фонетически, грамматически и лексически АЯ Великобритании или США, а, вместе с последним, представляет собой некую совокупность «английских языков мира».

В соответствии с концепцией Б. Качру, говорящие на английском языке делятся на тех, для кого 1) он является родным и используется почти во всех функциях; 2) АЯ не является родным, но выступает в качестве институционального второго языка; и 3) АЯ не является родным, а выступает как иностранный, и набор ситуаций, в которых он используется, ограничен [8, p.19]. Нормообеспечивающие или эндонормативные варианты, функционирующие в англоязычных странах, традиционно диктуют стандарты и правила, которыми руководствуются носители английского языка. При этом, если британские нормы традиционно считаются образцовыми, а американские нормы составляют их альтернативу, то, например, австралийские или новозеландские нормы получают признание только в пределах своих регионов.

Норморазвивающие варианты второй группы в таких странах, как, например, Индия, Малайзия, Нигерия, Сингапур, характеризуются ситуацией конфликта между языковыми нормами и языковым поведением. Они отличаются противоборством эндонормативных и экзонормативных тенденций. Нормозависимые варианты третьей группы, нпример, в Египте, Индонезии, России, Японии, являются преимущественно экзонормативными [8, p.16].

Труды Б.Качру и его последователей не только открыли период изучения новых национальных и территориальных вариантов в глобальном континууме АЯ, но и положили начало его описанию как универсального языка межнационального и межкультурного общения. Среди наиболее злободневных направлений этих исследований важная роль принадлежит изучению статуса и функционирования английского языка как лингва франка (АЛФ) процессов лингвистической глобализации.

Прежде чем обсуждать статус современного АЛФ, необходимо уточнить, что понятие лингва франка появилось в средние века, в ареале восточного Средиземноморья, и относилось к упрощенному языку-посреднику, смешанному языку, сложившемуся на основе итальянского, французского и местных левантинских говоров [15, p.9].

Согласно определению авторитетного «Словаря лингвистики и фонетики» Д. Кристалла лингва франка –

это вспомогательный язык, используемый в бытовой коммуникации, между группами людей, которые говорят на разных родных языках [5, p.282]. «Словарь преподавания языка и прикладной лингвистики» Дж. Ричардса и Р. Шмидта дает более развернутое определение: лингва франка – это язык, который используется для коммуникации между разными группами людей, каждая из которых говорит на разных языках. Лингва франка может использоваться в международной коммуникации (как, например, английский язык), может быть родным языком одной из групп или может не принадлежать на одной группе. Лингва франка имеет упрощенную структуру предложения и упрощенный словарь и может быть смешением двух и более языков [11, p.309].

Эти дефиниции отражают традиционные, общие представления о лингва франка как об упрощенном языке бытовой коммуникации, сложившиеся в лингвистике по отношению к региональным языкам межнациональных контактов, например, латинскому – на территории Римской империи, русскому – в Российской империи, французскому – в колониальных владениях Франции, арабскому – в ближневосточных и североафриканских странах, и т.д. [15, p.10]

Анализ и прогноз демографических факторов распространения таких языков, как китайский, испанский и арабский в 1950-2050 гг. дали основания британскому исследователю Д. Грэддолу констатировать их вхождение в число мировых языков и потенциальную перспективу вытеснения ими АЯ с позиций языка глобальной коммуникации уже в 21-м столетии [6, p.60,61]. Это мнение разделяют и те авторы, которые предсказывают возможное вытеснение АЯ с глобальной арены в связи с сокращением доли валового продукта англоязычных стран в мировой экономике и увеличением доли Китая, испаноязычных и арабоязычных стран [12, p.29].

Мы не можем согласиться как с такими прогнозами, так и с попытками найти в современном АЛФ какие-то аналогии с контактными языками прошлого. Даже гипотетическая потеря США ведущего положения в мировой экономике уже не может привести к регрессу функции АЛФ в межнациональной и межкультурной коммуникации.

Основное отличие между мировым АЯ и, например, мировым китайским языком заключается в принципе эксклюзивности/инклюзивности. Сопоставим участников коммуникативной ситуации на китайском и английском языках. Коммуникативная ситуация на китайском языке в качестве постоянного участника должна включать носителя языка и в качестве переменного участника – любого неносителя, выучившего китайский язык как иностранный, если это происходит, например, в Китае или любой стране, где имеется китайская диаспора. Если это происходит в Малайзии или Сингапуре, где китайский является одним из официальных языков, неноситель может усвоить его как второй язык. Китайский язык в межнациональной коммуникации эксклюзивен, т.е. он исключает все коммуникативные контексты, где не присутствует носитель языка. И, напротив, АЛФ в международной коммуникации, является инклюзивным языком, т.к. принадлежит коммуникантам любого этнокультурного происхождения. Инклюзивность определяется как политика включения в социальный и коммуникативный процесс людей, которые иначе могли быть исключенными или занимать маргинальную позицию, т.к. относятся к этническому, гендерному, сексуальному, возрастному и т.п. меньшинству [1, с.835].

Простой пример инклюзивности АЛФ: 26 сентября 2015 г. в числе мероприятий, посвященных Европейскому Дню Языков, в Брюсселе прошла конференция переводчиков, работающих в подразделениях Евросоюза. Выступая перед многонациональной аудиторией, все докладчики от стран-членов ЕС говорили по-английски. Трудно представить, даже в очень отдаленной перспективе, что, встретившись на международной конференции где-нибудь в Сингапуре, россиянин будет общаться с греком по-китайски, или швед с болгарином – по-арабски.

Наиболее популярная и поддающаяся количественному анализу область инклюзивной неинституциональной коммуникации – это международный туризм, где используется АЛФ в качестве контактного языка. Интересные цифры, характеризующие соотношение носителей и неносителей АЯ, участников коммуникации в этой области, приводит Д. Грэддол: 3/4 ситуаций англоязычной коммуникации в международном туризме имеют место между неносителями АЯ, а, в целом, неносители задействованы в 96% всех англоязычных коммуникативных ситуаций [6, p.29].

Предпосылками такой коммуникации служат универсальный инклюзивный АЛФ и межкультурная коммуникативная компетенция участников, составляющих языковое сообщество международного туризма. Как представляется, концепт языкового сообщества является ключом к пониманию статуса АЛФ в глобальном континууме АЯ.

Сообщество определяется как совокупность людей, отвечающая следующим признакам: наличие общей социальной практики, т.е. повторяющегося рутинизированного способа взаимодействия; наличие определенной организационной структуры; наличие общих интересов индивидов, составляющих данную совокупность [4, с.75]. Традиционная трактовка сообщества как локальной общины непосредственно взаимодействующих индивидов потеряла актуальность, и фактор местонахождения уже не служит основанием его идентификации. В конкретном языковом сообществе используется конкретная социально-коммуникативная система – совокупность кодов и субкодов, находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности. Функциональная дополнительность означает, что каждый из кодов и субкодов, образующих социально-коммуникативную систему, имеет свои функции, не пересекаясь с функциями других кодов и субкодов [2, с.61]. Тем самым, мы можем утверждать, что коды и субкоды пользователей АЛФ функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную обслуживать все коммуникативные потребности данного сообщества и все сферы общения пользователей АЛФ, которые могут относиться к самым разным областям деятельности.

В системе функциональной дополнительности языкового сообщества задействованы и те образования, которые мы определяем как практические или деятельностные разновидности АЛФ, функционирующие в пределах сообществ практики. Термин, «сообщество практики» (калька с англ. community of practice), описывает группу людей, объединенных общими интересами, профессией или видом деятельности. Концепцию community

of practice, сообщества практики или деятельностного сообщества впервые предложили в 1991 г. Дж. Лейв и Э. Уэнгер [9, p. 29] для того, чтобы обозначить группу людей, вовлеченных в совместную деятельность. Э. Уэнгер определяет сообщества практики как группы людей, разделяющих интерес к какой-либо области, в которой они регулярно взаимодействуют и учатся совершенствовать это взаимодействие [16, p.45].

Три основных условия необходимы для формирования сообщества практики: 1) идентификация по разделяемой области интересов; 2) совместные действия людей, разделяющих интересы в данной области; 3) регулярная практика, в процессе которой члены данного сообщества приобретают и накапливают наборы средств взаимодействия, опыт совместной деятельности и способы решения возникающих проблем [16, p.45-46]. В дополнение к факторам формирования сообществ практики Э. Уэнгера мы считаем необходимым добавить еще один – показатель коллективной идентификации, которым являются особенности языка, характеризующие речепроизводсто членов сообщества, их разновидность языка, которая может отличаться спецификой лексики, грамматики и произношения.

Языковая практика на АЛФ является той общей платформой, которая объединяет всевозможные сообщества практики. На этом основании Б. Зайдлхофер предлагает квалифицировать сообщества пользователей АЛФ как дискурсивные сообщества (discourse communities) в рамках сообществ практики [13, p.308]. Дискурсивное сообщество (термин введен в 1991 г. Дж. Суэйлсом [14]) представляет собой группу людей, характеризуемых общими деятельностными нормами и объединяемых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, при помощи которых они осуществляют свои коммуникативные цели. Дискурсивное сообщество – это группа людей, которые «говорят на одном языке», разделяют знания о каких-либо темах и владеют общим словарем, чтобы обсуждать эти темы [14, p.58].

Дискурсивное сообщество людей, использующих АЛФ, представляет собой языковой коллектив, вырабатывающий языковые маркеры групповой идентификации. Оно отличается нестабильностью состава коммуникантов, которые имеют различные уровни языковой компетенции, различную национально-культурную основу и должны приспосабливаться к постоянно меняющимся партнерам коммуникации [10, p.45]. Следовательно, факторы, объединяющие сообщество пользователей АЛФ, находятся в сфере дискурса, прагматики и коммуникативных стратегий, поэтому многие авторы квалифицируют АЛФ как регистр, используемый в процессе коммуникации, обусловленной характером социальной деятельности, и имеющий свойства разговорного языка для специальных целей [10, p.51].

Ведущий исследователь европейского АЛФ Дж. Дженкинс отстаивает его статус как полноправного варианта АЯ со своими собственными характеристиками – лингвистическими инновациями, порождаемыми языковыми контактами в условиях англоязычной коммуникации, участники которой принадлежат к различным языковым сообществам. Она рассматривает отклонения от норм и стандартов носителей языка, допускаемые в их АЛФ, как маркеры этого варианта [7].

Необходимо подчеркнуть, что АЛФ не может быть включен в круг национальных и региональных вариантов, поскольку его статус определяется не по лингвогеографическому и национальному принципу, не по соотнесенности с нормами носителей языка, а по лингвофункциональному принципу, т.е. по своему использованию в межкультурной коммуникации, где он обеспечивает равные коммуникативные права всем участникам. Функционально-прагматическая роль АЛФ как языка дискурсивного сообщества вторична по отношению к национальным языкам членов этого сообщества.

Мы определяем два типа АЛФ в зависимости от характера дискурса в таком сообществе: АЛФ1 принадлежит неинституциональным дискурсивным сообществам, возникающим в нерегулярных контекстах международной коммуникации, не требующих высокого уровня владения языком – в быту, туризме или какой-либо другой области. АЛФ2 принадлежит институциональным дискурсивным сообществам, организованным в регулярных контекстах международной коммуникации, требующих высокого уровня владения языком – в профессиональной, административно-политической, академической или какой-либо другой области.

Соответственно, АЛФ1 и АЛФ2, как функционально-прагматические контактные разновидности АЯ, характеризуются гетерогенной структурой, отражающей весь диапазон обслуживаемых ими дискурсивных сообществ. Мы обозначаем такие разновидности АЛФ1 и АЛФ2 термином «социолект», который удобен для номинации разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обслуживающих коммуникативные потребности социально ограниченных дискурсивных сообществ. Социолект, как форма существования АЛФ, является дополнительно приобретенной языковой системой, служащей инструментом коммуникации дискурсивного сообщества людей, имеющих разные национальные языки и объединенных на основе совместной языковой практики. Это некодифицированная норма языкового общения, реализуемая в рамках конкретной социально-речевой общности коллективом говорящих, объединенных совокупностью общих социальных признаков.

Таким образом, опираясь на трактовку социолекта в трудах А.Д. Петренко [3, с.41], мы определяем АЛФ как совокупность социолектов, существующих параллельно национальным и территориальным вариантам АЯ и обслуживающих коммуникативные потребности социально ограниченных дискурсивных сообществ, члены которых принадлежат к различным исходным лингвокультурным и национально-языковым сообществам, но объединяются на основе: 1) разделяемой области интересов; 2) совместной деятельности в данной области; 3) регулярной практики, в процессе которой они приобретают и накапливают наборы средств взаимодействия, опыт совместной деятельности и способы решения возникающих проблем.

Завершая наше обсуждение, еще раз подчеркнем три основных фактора, идентифицирующих статус АЛФ

в глобальном континууме английского языка: 1) инклюзивность АЛФ, представляющая собой практику свободного включения в социальный и коммуникативный процесс языкового сообщества; 2) функциональная дополнительность АЛФ по отношению к национальным языкам пользователей; 3) принадлежность дискурсивному сообществу, которое отличается нестабильностью состава коммуникантов, имеющих различные уровни языковой компетенции и различную национально-культурную основу.

The article discusses main criteria for identifying the status of English as a lingua franca (ELF) within the continuum of global Englishes. It is argued that ELF functions through a totality of sociolects of discourse communities and it is claimed to be identified by the three factors – inclusivity instrumental in any international communication of native and non-native speakers, complementarity to their national codes and association with discourse communities.
Keywords: *English as a lingua franca, international communication, sociolect, criteria for identification.*

Список литературы

1. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Под. ред. Б.Д. Карвасарского. СПб: Питер, 2006. 944 с.

2. Крысин Л.П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека. Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения) / Л.П. Крысин // Специализированный вестник, 2000, Вып. 3 (11). С. 61-64.

3. Петренко А.Д. Актуальные проблемы социальной стратификации языка / А.Д. Петренко // Петренко А.Д., Храбскова Д.М., Петренко Д.А., Исаев Э.Ш. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации. Коллективная монография. – Симферополь: Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, 2011. С. 9-52.

4. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. 216 с.

5. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics (6th edn.) / D. Crystal. – Oxford: Blackwell, 2008. – 530 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mohamedrabeea.com/books/book1_3891.pdf

6. Graddol D. English Next: Why Global English May Mean the End of 'English as a Foreign Language' / D. Graddol. – London: British Council, 2006. – 128 p.

7. Jenkins J. English as a Lingua Franca / J. Jenkins // JACET 47th Annual Convention. – Waseda University, 11-13 September 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jacet.org/2008convention/ JACET2008_keynote_jenkins.pdf

8. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle / B.B. Kachru // Quirk R., Widdowson H. (Eds.) English in the world: Teaching and learning the language and literatures. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 11-36. – Reprinted: World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. / Edited by K. Bolton, B. B. Kachru. – Vol. 3. – London and New York: Routledge, 2006. – P. 241-269.

9. Lave J., Wenger E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation (Learning in Doing: Social, Cognitive and Computational Perspectives) / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge University Press, 1991. – 138 p.

10. Mollin S. English as a Lingua Franca: A New Variety in the New Expanding Circle? / S. Mollin // Nordic Journal of English Studies, 2006, Vol. 5, No. 2. – P. 41-57. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/3149/1/5-2-Mollin.pdf

11. Richards J.C., Schmidt R. Longman dictionary of language teaching and applied linguistics (4th ed.) / J.C. Richards, R. Schmidt. – London: Longman, 2010. – 656 p.

12. Saul J.R. The Collapse of Globalism and the Reinvention of the World / J.R. Saul. – London: Atlantic books, 2005. – 309 p.

13. Seidlhofer B. English as a lingua franca and communities of practice / B. Seidlhofer // S. Volk-Birke, J. Lippert (eds.) Anglistentag 2006 Halle Proceedings. – Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2007. – P. 307-318.

14. Swales J. Genre Analysis / John Swales. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

15. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? / P. Verleysen // European Commission Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2010. – 91 p.

16. Wenger E. Communities of Practice / E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 336 p.

Об авторе

Мележик Карина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, *melezhik.karina@yandex.ru*

УДК 800.16.21.63Бр

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЕ БРЯНСКИХ ГОВОРОВ

Михалев Г.И.

В статье дается анализ способов лексикографического описания семантики относительных прилагательных в Словаре брянских говоров. Высказывается предположение о том, что толкование отсылочными определениями «Прил. к …» и «Относящийся к …» для потребителя словаря не содержат необходимой для него информации и по этой причине «проигрывают» более конкретизированным способам презентации: «Состоящий из …», «Сделанный из …» и т.д.

Ключевые слова: *относительные прилагательные, брянские говоры, способы толкования лексического значения, отсылочные определения.*

Говоря об относительных прилагательных брянских говоров, мы имеем в виду, прежде всего, их отражение в Словаре брянских говоров (вып. 1 – 5) [2], картотеке этого словаря, хранящейся в Санкт-Петербургском государственном педагогическом университете, и личные наблюдения автора, участвующего в диалектологических экспедициях в Трубчевский район Брянской области (1987 – 1990 г.).

Следует отметить, что Словарь брянских говоров задумывался авторами и осуществлялся практически как словарь «полного типа», включающий в себя все слова, употребляемые жителями Брянской области – и литературные и диалектные. Расшифровка магнитофонной записи – это не просто литературно-диалектная речь местных жителей, это основная форма ее существования, именуемая в теории языкознания «устной формой существования языка» со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде основных характеристик устной речи. Устная разговорно-диалектная речь, как основное средство коммуникации в той или иной местности, требует своего теоретического и практического «инструментария», который бы был способен направить результат когнитивных, функционально-коммуникативных и других исследований лексики литературного языка в область диалектной семасиологии и лексикографии.

Единообразие лексикографических описаний лексики диалектной и литературной не только не снимает существующие семантические различия, но неминуемо и убедительно выявляет их и фиксирует в словаре по общим правилам.

Существующие подходы к описанию особенностей лексического значения относительных прилагательных литературного языка полностью распространяются на анализ семантики диалектных признаковых слов Брянской области.

Среди различных способов составления словарной дефиниции, авторы Словаря брянских говоров чаще всего используют раскрытие значений слова развернутым толкованием, однако «имена прилагательные объясняются путем отсылки к семантически соотносительному существительному: Прил. к (слово)» [2, Вып. 1, с. 5]. Представляется, что толкование «Прил. к …» нашло свое отражение в Словаре брянских говоров по нескольким причинам, среди которых можно выделить:

- традицию презентации относительных прилагательных в толковых словарях литературного языка;
- стремление авторов к краткости толкования;
- недостаточную изученность структуры значения относительных прилагательных, употребляемых в брянских говорах;
- производность значения относительного прилагательного, наталкивающую лексикографа на близость словообразовательного и структурно-компонентного семантического анализов.

Несмотря на сложность и недостаточное теоретическое обоснование проблемы, какой является лексикографическая обработка относительных прилагательных, авторы Словаря брянских говоров стремятся к «максимальной (в пределах возможного) семантической информативности, сочетая отсылочный и описательный способы или отдавая предпочтение описательному способу толкования. Если это оказывается затруднительным, словарь ограничивается отсылочным определением» [1, с.49].

Теоретическое изучение семантики относительных прилагательных литературного языка воплощается в существование трех основных тенденций в лексикографическом описании этих значений нормативными толковыми словарями:

- тенденция к обобщению, к предельно абстрагированному представлению семантики прилагательного («Прил. к …», «Относящийся к …»);
- тенденция к предельной конкретизации лексического значения («Сделанный из …», «Состоящий из …» и т.д.);
- тенденция к последующей конкретизации абстрактной формулы толкования («1. Прил. к … 2. «Сделанный из …». 3. «Предназначенный для…». 4. «Состоящий из …» и т.д.).

Эти же тенденции характерны и для Словаря брянских говоров.

Предельно абстрагированное представление: «БИ́ТНЕНСКИЙ, ая, ое. Прил. к битка[2]. *Шерсть осенская это битненская*. Клетн. Лутня» [2, Вып. 1, с.54]. «БО́ЛТНЫЙ, ая, ое. Прил. к болтень. *Болтное яйцо. Два яйца болтные – пустые*. Дят. Березино» [2, Вып. 1, с.68].

Тенденция к предельной конкретизации: «ВО́ЛВЕННЫЙ, ая, ое. Изготовленный из овечьей шерсти. *Запонки были волвенные, мягенькие*. Ком. Радогощь. [2, Вып.3, с.41].

Тенденция к последующей конкретизации абстрактной формулы толкования: «ВА́ТНЫЙ, ая, ое. 1. Прил. к вата. *У женщин юбка суконная и ватная с рукавами, с карманами, воротничок маленький, стоячий.* Почеп. Титовка. *Кофточка из ситчика, а юбка – верх камлотовый, а спод сатиновый, ватная юбка*. Почеп. Титовка. 2. Изготовленный из семян хлопчатника. В а т н а я м а к у х а. Жмыхи семян хлопчатника. *Нам ватную макуху привозили*. Жук. Никольская слобода» [2, Вып.2, с.38].

Вслед за развитием теоретической мысли, ищущей новые подходы к изучению семантики признаковых слов, меняется взгляд на становление и развитие семантической структуры относительных прилагательных брянских говоров. Все чаще встречающийся отказ от отсылочного определения, несмотря на некоторые свои преимущества, среди которых – краткость дефиниции, существенно сокращающая объем словаря, подтверждает стремление авторов к наиболее адекватному отражению окружающей действительности.

Прилагательное ГАМА́НОВСКИЙ через толкование «Прил. к …» соотносится с существительным ГА́МАН, которое, в свою очередь, толкуется как «То же, что г а в а н ь[1]», и только уже дефиниция этого слова позволяет соотнести прилагательное ГАМА́НОВСКИЙ с «местом, куда свозят лес и откуда сплавляют его», что вызывает у пользователя неоднозначное представление о сущности искомого значения. "*Лес этот гамановский*. Бр. Сытенки» [2, Вып.4, с.7] – заготавливаемый для сплавки, привезенный в «гавань», доставляемый по реке из «гавани» или это возможное указание на качественную оценку леса? С другой стороны, отсылочный способ толкования действительно может без ущерба для семантики способствовать значительному сокращению объема словаря, хотя и оставляя некоторое неудобство для пользователя. Например, идентифицирующее отсылочное определение «то же, что …»: «ДОМОВО́Й[1], ая, ое. 1. Прил. к дом[1]. *Ручка – это мельница наша домовая, пшено драла, гречиху, у нее ручка есть*. Сев. 2. То же, что д о м а́ ш н и й 3. *Якие вам птицы нужны: ти полевые, ти домовые, ти лесовые?* Клетн. 3. То же, что д о м а́ ш н и й 4. … [2, Вып.5, с.31]. «ДОМА́ШНИЙ, ая, ое. 1. Находящийся в доме, дома. *Эта печь домашняя.* Рогн. 2. Предназначенный для ношения дома (об одежде). *А потом набелили и шьем белье из него – всякая домашняя одежда*. Сев. 3. Живущий при доме. *У меня когда-то хорь был домашний, а это набеглый*. Почеп. 4. Изготовленный дома, в своем хозяйстве. *Начинила сегодня чиненки, кругов пять, чиненка – домашняя колбаса*. Тр.» [2, Вып.5, с.30].

Наряду с отсылочным толкованием Словарь брянских говоров, описывая семантику относительных прилагательных, использует и другие типы словарных определений. Наиболее полную информацию о значении прилагательного дает описательный способ: «БЕЗДУ́ШНЫЙ[1], ая, ое. Не имеющий запаха, вкуса (о хлебе). *У него* (черного хлеба) *ноздри, да скорка, а сам бездушный, не имеет силы, быстро перерабатывается, не имеет грубости*. Тр. Кветунь. *Какой хлеб бездушный нынче, ни запаха от него нет, ни вкуса нет.* Суз. Устарь. Б е з д у ш н а я е д а. Несытная, некалорийная еда. *А это бездушная еда, беспрочная, обратно и есть захочу, рабочему человеку ее есть нельзя*. Бр. Чернетово» [2, Вып.1, с.39]. «ВАЛЯ́ЛЬНЫЙ, ая, ое. Изготовленный из шерсти путем катания, сбивания в плотную массу. *Они валяльные, чтоб тверже*. Кар. Большая Семеновка» [2, Вып.2, с.36]. «ВЫСЕКА́ЛЬНЫЙ, ая, ое. Служащий для извлечения искры ударом. *Кресло кресалом бьет, каменечек высекальный кладет*. Сев. Хинель» [2, Вып.3, с.81].

Синонимический способ толкования, регулярно сопровождающий презентации качественных прилагательных, применяется при лексикографической обработке относительных полисемантов, развивающих качественное значение: «БЕСКРЫ́ЛЬНЫЙ, ая, ое. 1. Не имеющий крыльев. *Ведь и птица-то бескрыльной и та не бывает, скотина только*. Тр. Усох. 2. в знач. сущ. Бессильный, одинокий. *Бескрыльному трудно жить, чем дыхать, чем жить?* Бр. Журиничи [2, Вып.1, с.50-51]. «БУРА́ЧНЕВЫЙ, ая, ое. 1. Приготовленный из свеклы. *Сока бурачневого нету*. Суз. Негино. 2. Темно-красный. *Этот цветок бурачневого цвета*. Суз. Цернь» [2, Вып.2, с.24]. Редко синонимическим способом толкуется «чисто относительное» значение или отсылочным определением значение качественного прилагательного.

Как правило, наличие в одной словарной статье и синонимического и описательного толкований свидетельствует о подвижности семантической структуры диалектных прилагательных. Сочетание принципов описания характерно для лексикографической обработки многозначных относительных прилагательных, вторичные лексико-семантические варианты которых развиваются по регулярным моделям, отражающим изменения в категориальном лексико-грамматическом компоненте: «ДРОЧЁНЫЙ, ая, ое. 1. Выпеченный из теста, в составе которого большое количество яиц и какая-либо основа помимо муки (крупа, тертый или толченый картофель и т.п.). *Набьют яиц, перемешают – это дроченые блины*. Кар. 2. перен. Полный, толстый (о человеке). *Гладкая, хорошая женщина, звали дроченая: вон идет дроченая Марья*. Тр.» [2, Вып.5, с.40].

Диффузность значения диалектного прилагательного проявляется и в том, что сочетание принципов описания отмечается не только в пределах словарной статьи, но и в пределах одной дефиниции, что в лексикографической практике принято называть смешанным толкованием. Оно сопровождает и завершенный переход из относительных прилагательных в качественные, и «семантический сдвиг» в ту или иную сторону: «ГРЕМУ́ЧИЙ, ая, ое. 1. Бьющий из земли; ключевой (о воде). *У нас вода гремучая*. Бр. Добрунь. – О колодце с ключевой водой. *Гремучий колодец есть у нас*. Бр. Глинищево. 2. Густой, темный; дремучий (о лесе). *Был тут лес гремучий*. Рогн. Пятницкое. *Леса были гремучие, несносимая сила*. Бр. Добрунь…» [2, Вып.4, с.57].

Размытость границ между качественными и относительными прилагательными на семантическом уровне, положение слова на периферии лексико-грамматического разряда находят свое отражение и в лексикографиче-

ской практике. Наличие или отрицание признака само по себе требует толкования, характерного для относительного прилагательного – «имеющий то-то и то-то». Количество признака, подлежащее измерению, допускает синонимическое толкование. Достижение измеряемым признаком наивысшего предела вновь возвращает лексикографа к развернутому толкованию (БОГАТЫЙ, ДЕНЕЖНЫЙ, ГЛУХОЙ, БЕЗРОДНЫЙ, БУКАТЫЙ, ВЕТРЫЙ, ВИДУТЫЙ, ВОЛЯСТЫЙ и т.д.).

Для Словаря брянских говоров, как диалектного словаря полного типа, лексикографическая обработка относительных прилагательных имеет еще одну особенность. Она связана с тем, что «во всех диалектологических словарях – и в дифференциальных (наиболее распространенный тип), и в полных (подлинно полных областных словарей в русской лексикографии пока нет) лексико-семантическая система диалекта или всех говоров описывается в сопоставлении с лексико-семантической системой литературного языка. Литературный язык при этом выступает метаязыком описания» [4, с.202]. Проблема несоответствия «входа» и «выхода» в диалектном словаре в ином свете представляет: а) семантическую ущербность отсылочного определения и ее неудобство при пользовании словарем и б) избыточную информацию при более дробном представлении значения относительности. Если в приведенном выше примере (ВАТНЫЙ) толкование «Прил. к в а т а», которое точнее выглядит как «сшитый с применением ваты, на вате», содержит существительное «вата», для литературного языка и для брянских говоров обозначающее один и тот же предмет, то информация о семантике мотивирующего существительного здесь, действительно, была бы излишней: «сшитый с применением массы сильно распушенного волокнистого вещества из хлопка, применяемого в медицине и в быту» [3, с.138]. Однако сочетание «ватная юбка» для носителей литературного языка остается неясным. На наш взгляд, здесь, как и в других подобных случаях, необходимо дополнительное пояснение (о таком-то виде одежды) – «о кафтанчике с рукавами и перехватом, суконном или нанковом, на вате». Толкование отсылочным определением «Прил. к в а т а» для потребителя словаря не содержит необходимой для него информации и, безусловно, проигрывает более дробным толкованиям: «ВО́ЛЬНЫЙ[2], ая, ое. Изготовленный из овечьей шерсти. *Пиждак вольный – теплый*. Бр. Колодное. *Одеяла вольного не было раньше.* Сев. Добрунь» [2, Вып.3, с.47].

The article analyzes the methods of lexicographical description of the semantics of relative adjectives in the dictionary Bryansk dialects . It is suggested that the interpretation of the numerous references to the definitions of " App. to ... "and" Related to ... " for the consumer dictionary does not contain the necessary information for him , and for this reason, " lose " more concrete presentation methods : " Composed of ... "," Made in ... "etc.
Keywords: *relative adjectives , Bryansk dialects , ways of interpretation of lexical meaning , referential definitions.*

Список литературы

1. Козырев В.А. Диалектная лексикология на современном этапе. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986. 88 с.

2. Словарь брянских говоров / под ред. В.И. Чагишевой, В.А. Козырева. Вып. 1−5. Л., 1976–1988.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

4. Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л.: Наука, 1987, - 231 с.

Об авторе

Михалев Георгий Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурных коммуникаций Московского государственного университета путей сообщения императора Николая II, *georgy.mihaliov@yandex.ru.*

УДК 811.111

К ПРОБЛЕМЕ НЕСОВПАДЕНИЙ ПЕРЕВОДОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ

Петрова Е.Ю.

В данной работе описываются причины несовпадений между оригинальным названием фильма, сериала или мультипликационного фильма и его переводом. Все причины поделены на две группы: объективные и субъективные. К объективным причинам относятся игра слов, особенности языка перевода и использование в названии культурно-детерминированных реалий, устойчивых выражений, профессионального жаргона. Субъективными причинами являются желание переводчика придать названию больше информативности или яркости, стремление создать соответствующие ассоциации или возможность использования переводов названий похожих фильмов в качестве основы. В каждой группе автор выделяет подвиды и приводит примеры.
Ключевые слова: *название фильма, заголовок, перевод, переводческое решение, принимающая культура, (мало)информативный, стратегия перевода.*

Первое, с чем сталкивается человек при знакомстве с кинопродуктом, − это заглавие (и, возможно, рекламный плакат). Название фильма становится культурной «меткой». В связи с этим, режиссер фильма выбирает такую его форму, которая бы соответствовала прагматическим целям названия. Перевод заголовка можно считать самостоятельной переводческой проблемой, от решения которой во многом зависит судьба фильма, поэтому

проблемы, которые возникают при переводах названий фильмов, важны и актуальны.

При создании названия необходимо принимать во внимание три характеристики: краткость, информативность (информативная функция) и создание интриги (рекламная функция). При переводе недостаточно сохранить длину заголовка и передать общее содержание фильма и смысл его названия. Необходимо привлечь внимание зрителя к фильму, заинтриговать его, т.е. на первый план выходит рекламная функция, что в свою очередь приводит к кардинальному изменению заголовка, вплоть до создания нового. В связи с этим в переводе воссоздается прагматический потенциал оригинала, т.е. «способность текста производить на получателя коммуникативный эффект, вызывать у него определенное прагматическое отношение к сообщаемому, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации…» [3, с.209].

В данной работе не будут рассматриваться переводы названий, совпадающих как по форме, так и по лексическому наполнению. В фокусе исследования оказываются несовпадения в переводе.

Для анализа было найдено и рассмотрено 50 названий фильмов, мультипликационных фильмов и сериалов, перевод которых частично или полностью отличается от оригинала.

В данном случае переводчик применил переводческие трансформации или деформации. Переводческие трансформации являются положительными изменениями, преображающие структуру предложения и помогающими достичь переводческой эквивалентности, т.е. адекватности перевода [1, с.360]. Под деформацией понимается искажение какого-либо параметра текста оригинала, что ведет к переводческой потере. Наиболее распространенными видами деформации являются опущение и добавление [2, с.304].

Причины, по которым они были использованы, можно разделить на две большие группы: объективные и субъективные.

В случае объективных причин переводчик был вынужден адаптировать название фильма к принимающей культуре, т.к. в противном случае заголовок получился бы малоинформативным.

Такими объективными причинами являются игра слов, особенности языка перевода или использование в названии культурно детерминированных реалий, устойчивых выражений, профессионального жаргона.

В отличие от заголовков газетных статей, которые могут представлять собой целые предложения, где вольный перевод редко является удачной стратегией, в случае с переводом названий фильмов у переводчика больше свободы, т.к. его главная задача в данном случае состоит в создании такого заголовка, который бы был максимально информативным и привлек внимание зрителей.

Создать новый заголовок, который бы обладал этими свойствами, может показаться привлекательным. Более сложным приемом является поиск частичного эквивалента в принимающей культуре.

В качестве примера можно привести перевод названия фильма «Tinker, Tailor, Soldier, Spy». Первые три слова составляют начало детской считалочки: tinker, tailor, soldier, sailor, rich man, poor man, beggar man, thief. Джон ле Карре, написавший эту книгу про английскую разведку, заменил *sailor* на *spy*. Считалочка в этом варианте используется как в книге, так и в фильме, вышедшем в 2011-м году, и является важным элементом повествования. Главный герой Джордж Смайли продолжает поиски шпиона, которые начал еще его руководитель, сокративший список подозреваемых до четырех агентов, включая Джорджа. Каждому из них руководитель присвоил обозначение из считалочки. В связи с этим переводчик перевел название, стилизировав его под последнюю фразу русской считалочки «Шпион, выйди вон».

В следующем примере переводческое решение заключается в передаче основных ролей главных героев и создание более привлекательного названия за счет использования молодежного сленга. В 2012-м году вышел фильм под названием «Jump Street 21». Для американской аудитории заголовок, возможно, является информативным, т.к. отсылает к сериалу 80-х годов прошлого столетия с одноименным названием, в котором молодые полицейские работали под прикрытием в молодежных бандах. В фильме 2012-го года главные герои Шмидт и Дженко идут работать в полицию и попадают в отдел по борьбе с молодежной преступностью. Переводчик решил передать их социальный статус: Шмидт – умный, но застенчивый, а Дженко – туповатый, но хорошо сложенный, поэтому в российский прокат данный фильм вышел под названием «Мачо и ботан».

Другим примером использования в названии культурно детерминированных реалий являются фильмы «Captain America. The First Avenger» и «Captain America. Winter Soldier». Любителям комиксов в Америке известны капитан Америка и Зимний солдат, в то время как в российской культуре они не настолько популярны. В связи с этим переводчик в первом названии убрал упоминание о капитане Америка и оставил только вторую часть названия («Первый мститель»), во втором заголовке также отсутствует упоминание о капитане Америка, а *winter soldier* заменено на «Другая война» («Первый мститель. Другая война»). В данном случае переводчик предпринял попытку обозначить три момента: во-первых, события в первом фильме происходят во время Второй мировой войны, а во втором – в наши дни; во-вторых, у капитана Америка появляется новый враг – Зимний солдат вместо тайной организации «Гидра» и, в-третьих, если в первом фильме все участники четко делились на хороших и плохих, то во втором фильме капитану Америка приходится смириться с тем, что не всё в жизни черно-белое и что плохие люди могут начать творить добро (Наташа Романофф «Черная вдова»), а хорошие люди – зло (Зимний солдат оказывается его лучшим другом, который якобы погиб во время Второй мировой войны). Таким образом, название «Другая война» многоуровневое и является достаточно успешным вариантом замены *winter soldier*.

Устойчивые выражения также создают проблему для перевода, т.к. не всегда совпадают с устойчивыми выражениями в принимающей культуре.

В качестве одного из примеров можно привести название фильма «Bucket List». В английском языке существует фразеологизм *to kick the bucket* (разг.), который означает «умереть», «сыграть в ящик». В связи с этим *the bucket list* обозначает список дел, которые необходимо успеть сделать перед смертью. Переводчик применил грамматическую трансформацию и заменил атрибутивное словосочетание на предложение «Пока не сыграл в ящик», при этом он сохранил разговорный стиль названия.

Еще один пример использования в оригинальном названии устойчивого выражения является сериал «Six Feet Under» про похоронное бюро. Выражение *six feet under* означает «под землей», «в могиле/у» (to put / to bury smb. six feet under – похоронить кого-то, закопать). Перевод этого выражения лишил бы названия информативности или создал бы ложные ассоциации («В могиле» − про вампиров?, про некромантов?). В связи с этим переводчики создали новое название: «Клиент всегда мертв».

В названиях встречается употребление и профессионального жаргона, например, фильм «Zero Dark Thirty». Выражение *zero dark thirty* является военным термином, обозначающим конкретное время: половина первого ночи. В фильме рассказывается история многолетних поисков и устранения Усама бен Ладана (он был убит в половину первого ночи). Главным персонажем в фильме является агент ЦРУ Майя, которая для достижения цели использует любые методы, включая пытки. Как и в случае с предыдущим названием, переводчики предложили новый заголовок, обозначив основную идею фильма и сделав его более привлекательным, но сохранили военную терминологичность названия: «Цель номер один».

Еще одним камнем преткновения является игра слов. Как и в случае с устойчивыми выражениями, значения слова в одном языке могут не совпадать по номенклатуре со значениями его эквивалента в другом языке.

В названии мультфильма про белку, ворующую орехи, «The Nut Job» слово *nut* может означать, во-первых, «орех» и, во-вторых, «сумасшедший»[1]. Таким образом, данный заголовок соединяет в себе обозначение работы, связанной с орехами, и характеристику этой работы (безумная работа). В русском названии этого мультфильма фокус был смещен с работы на белку (белка ассоциируется с орехами) и для того, чтобы представить белку способной выполнить сумасшедшую работу, переводчик использовал прилагательное, которое в данном контексте обозначает «крутая» и «бесстрашная»: «Реальная белка».

В следующем названии фильма про четырех друзей преклонного возраста, приезжающих в Лас-Вегас на мальчишник одного из них, авторы деформировали название города: «Last Vegas». В заголовке все также угадывается название города (Лас-Вегас), а прилагательное *last* (*последний*) создает ассоциацию, что данное приключение может оказаться последним в их жизни, т.к. они уже достаточно пожилые. Переводчик предложил следующий вариант перевода названия: «Старперцы». В форме слова улавливается намек на «старпёры» (вульгар. «старый пердун»), но переводчик заменяет последнюю часть слова на «перцы», меняя, таким образом, оценку с отрицательной на положительную.

Что касается особенностей языка перевода, то, например, английское существительное с зависимыми словами во многих случаях будет переведено русским глаголом. Один пример уже был рассмотрен ранее: «Bucket list» − «Пока не сыграл в ящик». Приведем еще несколько названий: 1) «Starter for 10» − «Попасть в десятку» и 2) «Pawn Sacrifice» − «Жертвуя пешкой» и 3) «King's speech» − «Король говорит». При переводе названий встречаются случаи, когда синтаксически оформленное предложение или предложение со свернутой предикацией на английском языке на русский язык переводится существительным с зависимыми словами: «Olympus has fallen»/«London has fallen» – «Падение Олимпа»/«Падение Лондона»; «White House Down» – «Штурм Белого дома».

К субъективным причинам относятся желание переводчика придать названию больше информативности или яркости, стремление создать соответствующие ассоциации или возможность использования переводов названий похожих фильмов в качестве основы.

Следующие примеры, иллюстрируют стратегию придания названию больше информативности.

Нам неизвестно, по какой причине название фильма «Flight» в России − «Экипаж». Возможное объяснение кроется в том, что слово *flight* может означать «полет» и «рейс» и это может повлиять на предположения относительно основного сюжета. Так заголовок «Полет» вызывает множество ассоциаций (полет мыслей, полет фантазии, полет во сне и т.д.) и только одна из них связана с самолетами. Также создание нового названия может быть объяснено желанием переводчиков обозначить то, что оказалось в центре внимания режиссера, − экипаж самолета, вынужденного совершить экстренную посадку нестандартным образом.

Следующий фильм также связан с самолетом, однако его название «Non-stop» (дословно «без остановки») не содержит никакой подсказки на этот счет. В России данный фильм известен под названием «Воздушный маршал». Таким образом, переводчики обозначали не только примерное место событий (аэропорт, самолет), но и главного героя.

Отсутствие в английском языке у прилагательных и причастий окончаний, обозначающих род и число, приводит к неоднозначной интерпретации названия «Taken» (дословно «взятый»): говорится ли о предмете или человеке?, говорится ли о законном или незаконном изъятии чего-либо?, вовлечены ли потусторонние силы? и

[1] nut – 1) орех; 2) гайка; 3) фанат, энтузиаст; 4) быть помешанным; 5) чокнутый и др. (Англо-русский учебный словарь Collins COBUILD. В 2 т. Т.2: M-Z. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 1500, [4] с.)

т.д. Русское название этого фильма отвечает на некоторые из этих вопросов: «Заложница».

Название фильма «In Bruges» указывает только на место действия: Брюгге, Бельгия. Помимо этого у зрителя нет никакой информации или подсказок, которые помогли бы создать первое впечатление о сюжете фильма. В российский прокат данный фильм вышел под названием «Залечь на дно в Брюгге».

Пьеса Алана Беннетта «The History Boys» про школьников, изучающих историю и готовящихся к вступительным экзаменам в Оксфорд по этому предмету под руководством трех учителей с разными стилями преподавания, была экранизирована в 2006-м году. Действие происходит в 1980-е, когда еще существовали школы для мальчиков. Этот фильм в России известен как «Любители истории».

В названиях следующих двух фильмов используются неполные имена собственные. В первом случае «Becoming Jane» в заголовке упоминается имя писательницы, а во втором «Milk» – фамилия известного борца за права гомосексуалистов. Однако без включения в название полного имени заголовок оказывается малоинформативным для русского зрителя, а в случае с фильмом «Milk» − вводящим в заблуждение (milk – молоко). В связи с этим в России эти фильмы известны как «Джейн Остин» и «Харви Милк».

Следующие примеры иллюстрируют желание переводчика сделать название более броским.

Также как и в случае с фильмом «Taken», название сериала «Lost» (дословно «потерянный») про группу людей, выживших после падения самолета и оказавшихся на якобы необитаемом острове, может иметь много интерпретаций. Помимо этого заголовок «Потерянный» звучит скучно. В связи с этим переводчики сделали ставку на создании интриги и привлечении внимания, поэтому данный сериал транслировался в России под названием «Остаться в живых».

Названия романтических фильмов «Populaire» (фр. дословно «популярный») и «Winter's Tale» (дословно «зимняя сказка») не создают нужных ассоциаций, а в случае с «Winter's Tale» может иметь место неверная интерпретация (история про Новый год или Рождество). В русских названиях фигурирует упоминание о любви, что настраивает зрителя на определенный лад и отражает жанр фильма, а также присутствует характеристика, которая придает названию интригующий характер: «Populaire» − «Любовь на кончиках пальцев» (история любви машинистки, готовящуюся к мировому чемпионату машинисток, и ее тренера) и «Winter's Tale» − «Любовь сквозь время» (история о мужчине, потерявшего возлюбленную из-за болезни, который мистическим образом переместился во времени и нашел младшую сестру своей возлюбленной, теперь уже женщину преклонного возраста).

Русское название сиквела «Star Trek Into Darkness» (дословно «звездный путь во тьму/мрак») звучит зловеще, привлекает внимание и обрисовывает в общих чертах основной сюжет фильма: «Стартрек. Возмездие».

Новинка 2015-го года «Pay the Ghost» (дословно «заплати призраку») про отца, потерявшего сына во время праздничного шествия на Хэллоуин и позже узнавшего, что его сына забрали призраки, вышла в российский прокат под названием «Врата тьмы». Как и с предыдущим примером, русский заголовок вызывает более мрачные ассоциации, чем дословный перевод оригинального названия, но несмотря на это является более привлекательным.

Еще один фильм 2015-го года под названием «Knock Knock» (дословно «тук-тук») про семьянина, отправившего семью отдыхать на курорт и впустившего в дом двух «заблудившихся» девушек, которые начинают издеваться над ним как морально, так и физически, известен в России как «Кто там?». Русский вариант названия фильма является более удачным, т.к. сам вопрос и отсутствие ответа создают напряженную атмосферу и вызывают, с одной стороны, желание узнать ответ на него, а с другой, страх.

Но иногда встречаются названия, измененные по сравнению с оригиналом, которые не являются особо информативными и не придают названию яркости. В качестве примера можно привести перевод названия фильма «There Will Be Blood» (дословно «и будет кровь») про нефтедобытчика. Данный фильм известен в России под названием «Нефть». Выбор этого заголовка может быть объяснен тем, что данный фильм является вольной трактовкой книги Эптона Синклера «Нефть!», т.е. переводчики вернули произведению его оригинальное название.

Другой пример лишения заголовка информативности является перевод названия фильма «Strictly Ballroom» (дословно «строго бальный зал»), в котором танцор бальных танцев решает включить новые танцевальные па в конкурсную программу, разработанную его родителями, бывшими танцорами, согласно четким правилам федерации по бальным танцам. В русском прокате этот фильм известен как «Строго по правилам» или «Австралийское танго». В первом случае теряется ссылка на бальные танцы, которая присутствует в оригинальном названии, и заголовок становится «пустым» относительно сюжета фильма. Второй вариант перевода вызывает недоумение: непонятно, почему в названии фигурирует Австралия[1].

Перевод некоторых названий звучит нелепо. В качестве примера приведем перевод заголовка американской комедии, в которой при помощи магии молодой человек и девушка поменялись телами. Английское название фильма – «It's a Boy Girl Thing», на русском – «Мальчик в девочке».

Следующей субъективной причиной было названо желание вызвать у зрителя соответствующие ассоциации. В данном случае переводчик ориентируется на принимающую культуру или на общие фоновые знания зрителя.

В качестве примера можно привести перевод названий следующих фильмов: «Into the Woods» и «Frozen». Фильм «Into The Woods» (дословно «внутрь леса»), в котором сплетены разные сказки в одну канву, вышел под названием «Чем дальше в лес». В названии угадывается пословица «чем дальше в лес, тем больше дров», т.е. чем больше погружаешься в проблему, тем больше тонкостей, скрытых ранее, обнаруживаешь. Возможно, здесь

[1] фильм был снят в Австралии.

подразумевается, что чем дальше герои проникают в лес, тем запутаннее становится само повествование, все больше деталей узнаешь.

Другой пример − мультфильм «Frozen» − про принцессу-будущую королеву, умевшую использовать силу холода, вышел под названием «Холодное сердце». В данном случае создаются ассоциации со сказкой Ганса Христиана Андерсена «Снежная королева» (Снежная королева заморозила сердце Кая, превратив его в кусочек льда – холодное сердце) и в каком-то плане обрисовывается сюжет мультфильма. Однако ассоциации в данном случае могут вызвать ложные ожидания, т.к. по сказке Снежная королева является отрицательным персонажем в то время, как в мультфильме «снежная королева» Эльза оказывается доброй и любящей сестрой главной героини Анны.

Еще одной субъективной причиной несовпадений оригинальных и переводных названий фильмов является возможность использования переводов названий похожих фильмов в качестве основы.

Данная стратегия была применена при переводе названия мультфильма «Over The Hedge» (дословно «За изгородью», 2006), в котором жители леса планируют нападение на людей, живущих за изгородью. В России этот мультфильм известен как «Лесная братва». Двумя годами ранее вышел мультфильм «Shark Tale» (дословно «Рассказ/басня акулы») про рыбку Оскара, который при поддержке акулы Ленни всем рассказывает, что убил белую акулу Фрэнки, имевшего связи с подводной мафией. Русское название этого мультфильма − «Подводная братва».

В начале 2000-х вышли два сериала с похожими историями в основе: «Haunted» (дословно «преследуемый призраками») про полицейского, который, пережив клиническую смерть, теперь может общаться с призраками, а через три года − «Ghost Whisperer» (дословно «шепчущая призракам») про владелицу антикварного магазина, у которой есть дар общаться с призраками. Сериалы в России известны под названиями «Говорящий с призраками» и «Говорящая с призраками». В данном случае мы не исключаем того, что при подборе русского названия второго сериала переводчики отталкивались от значения слова «шептать», заменив его на «говорить». Что касается перевода названия первого сериала, то предложенный вариант кажется удачным. Однако после просмотра сериала приходит понимание, что такое название раскрывает суть фильма лишь наполовину: во-первых, полицейский не рад новому «дару» и общение с призраками не вызывает у него ни чувства восторга, ни желания помочь метящимся душам и, во-вторых, одним из призраков, преследующих его, оказывается человек, виновный в гибели его сына. Таким образом, «Преследуемый призраками» более точно отражает содержание сериала.

Другим примером применения этой стратегии является перевод названия фильма 2011-го года «Bridesmaids» (дословно «подружки невесты») про девушек, отправляющихся в Лас-Вегас на девичник. Данный фильм в русском прокате вышел под названием «Девичник в Вегасе». В этом случае переводчик скопировал перевод названия фильма 2009-го года «Hangover» (дословно «похмелье»): «Мальчишник в Вегасе».

Перевод названия американского фильма «Mr. Right» (2016) также иллюстрирует эту стратегию: «Мой парень − киллер». В качестве примера переводчик воспользовался русским переводом названия фильма 2012-го года «Silver Linings Playbook» «Мой парень − псих».

В переводе названий также встречаются ошибки. Например, американский фильм про празднование Нового года «New Year's Eve» (дословно «канун Нового года») вышел в российский прокат под названием «Старый Новый год». Во-первых, в Америке нет такого понятия как «старый Новый год» и, во-вторых, старый Новый год празднуется двумя неделями позже Нового года, следовательно, зритель изначально дезинформирован относительно времени событий в фильме.

Таким образом, переводчики могут ориентироваться на желание придать названию больше информативности или яркости; использовать более ранний перевод похожего фильма, немного его изменив; игнорировать какие-то части названия, если они не являются узнаваемыми в принимающей культуре; использовать реалии принимающей культуры или фоновые знания в целом.

Из 50 названий перевод 32 заголовков не соответствует оригиналу по наполнению. Можно сделать вывод, что доминирует тенденция прагматического перевода или деформации, т.е. адаптация названия под принимающую культуру, чтобы создать у потенциального зрителя адекватные содержанию фильма ассоциации. Ориентация на принимающую культуру при переводе приводит к опущению и/или замене элементов названия, являющимися неприемлемыми в данной культуре по идеологическим, эстетическим или моральным соображениям, являющимися непрозрачными с точки зрения смысла или не вызывающими соответствующих ассоциаций по сравнению с культурой-источником. Говоря о переводе газетных заголовков, А.Ю. Исаева высказывает мнение, что «деформацию нельзя рассматривать в качестве способа перевода» [2, с.311]. Но такая смысловая адаптация, т.е. замена или добавление ключевых слов фильма компенсирует в названии смысловую или жанровую недостаточность дословного перевода. Название фильма «является одной из разновидностей текстов, при переводе которых можно пренебрегать не только особенностями формы и второстепенными по важности элементами информации, но и полностью отказаться от какой бы то ни было (даже семантической) общности исходного и переводного текстов во имя адекватного воспроизведения доминантной функции оригинала» [4, с.17], коей является рекламная, т.е. привлечение внимания.

Переводчику необходимо обладать большим объемом фоновых знаний обеих культур, ему приходится проявлять любознательность, подходить к переводу творчески, а также в некоторых случаях полагаться на интуицию, однако ему не следует впадать в крайности. Необходимо помнить, что разные факторы могут повлиять на переводческое решение и нет одного единственного алгоритма работы, поэтому к переводу того или иного названия необходимо подходить индивидуально и каждый раз искать наиболее оптимальное решение.

This paper analyzes reasons for discrepancies between the original title of a movie, an animation film or a series and its translation. All the reasons are divided into two groups: objective and subjective. The objective reasons include play of words, certain characteristics of the target language, culturally specific realias, or set expressions, or professional jargon in the titles. The subjective reasons comprise a translator's wish to make the title more informative and/or intriguing, his/her intention to trigger certain associations or a possibility to modify the translation of similar movies. In each group the author singles out subgroups and provides examples with their analysis.
Keywords: *movie title, title, translation, a translator's decision, the receiving culture, (little) informative, a translator's strategy.*

Список литературы

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
2. Исаева А.Ю. Переводческие трансформации и деформации в процессе перевода газетного заголовка (на материале английского и русского языков) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула: Тульский государственный университет, 2014. №2 – С.302-312.
3. Комиссаров В.И. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Орел М.А. Перевод газетных заголовков: история, теория, культурная традиция. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). М., 2009. 20 с.

Об авторе

Петрова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», *eypetrova@hse.ru*

УДК 42.07

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ ПО МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ)

Ревеко Л.С.

Рассмотрены источники возникновения терминов-синонимов, дальнейшие пути формирования и некоторое своеобразие синонимических отношений в сфере терминоединиц металлообрабатывающей терминологии.
Ключевые слова: *полные и неполные синонимы, терминологические синонимы, синонимические ряды, полисемантичные термины.*

Проблема синонимии терминов, то есть использования нескольких специальных лексических единиц для именования одного понятия, является одной из наиболее важных проблем терминоведения. Лингвисты-терминоведы рассматривают синонимию терминов с точки зрения сущности термина. В свою очередь, неоднозначная природа термина не позволяет ученым прийти к единой трактовке данного понятия. Общеизвестно, что к терминам первоначально предъявлялись весьма жесткие требования, такие как однозначность, краткость, точность, простота, независимость от контекста и др. Согласно такому подходу, для терминологий не характерно наличие таких общеязыковых явлений, как синонимия, омонимия, полисемия. Современные терминоведы считают, что термин «образуется на основе лексической единицы естественного языка, которая является его субстратом, то есть питательной средой. По этой причине он сохраняет основные признаки лексической единицы общенародного языка, а его специфические признаки вырастают на основе субстратных» [4, с.49]. Таким образом, в терминоведении сложилось представление, что, являясь составной частью естественного языка, терминология не может быть изолирована от законов и процессов его развития и функционирования.

Результаты исследований многих специалистов на материале различных терминосистем [1; 2; 3; 5] свидетельствуют о том, что синонимия в реальной терминологии не только признается, но и расценивается как положительный процесс, свидетельствующий о высоком уровне развития науки.

От решения таких вопросов, как роль синонимов в различных терминосистемах, источники их появления, классификация терминологических синонимов зависит выработка принципов упорядочения (унификации) терминологии, что является одной из важнейших задач современной языковедческой науки.

Исследование, проведенное на базе терминов по металлообработке (свыше 200 терминов-синонимов), позволило выделить две группы синонимов данной терминологии:

1) полные (абсолютные) синонимы, т.е. тождественные во всем объеме референциальных значений терминологические единицы. Так, лексические единицы Vorauswahl, Preselektion – «предварительный выбор» совпадают во всем объеме их референциальных значений. То же относится к полным терминам-синонимам Oszillationsläppen, Superfinish, Superfeinschleifen – «суперфиниширование», Datenspeicher, Datenträger – «носитель информации», Fernbedienung, Fernbetätigung, Fernsteuerung – «дистанционное управление», Shaper, Shaping-Maschine, Querhobelmaschine – «поперечно-строгальный станок». «Как ни парадоксально, – пишет С. Ульман, – полная синонимия встречается

там, где ее меньше всего можно ожидать: в технической терминологии. Тот факт, что научные термины точно разграничены и эмоционально нейтральны, дает нам возможность выяснить вполне определенно, взаимозаменяемы ли какие-либо пары синонимов и абсолютная синонимия вовсе не редкое явление» [6, p.127].

2) неполные (частичные) синонимы, т.е. терминологические единицы, семантическое отождествление которых осуществляется не по всему смысловому объему референциальных значений. Так, например, полисемантичные термины Speicherung и Magazinierung являются равнозначными синонимами только в одном лексико-семантическом варианте, обозначающем понятие «накопление заготовок в магазине или бункере», равнозначность терминов-синонимов Eingabe, Input является следствием единства значения одного лексико-семантического варианта с единым понятием «ввод информации, программы».

Поскольку в терминологии металлообработки немецкого языка наблюдается значительное распространение терминов-синонимов, то возникает необходимость проследить источники возникновения, дальнейшие пути формирования и некоторое своеобразие синонимических отношений в сфере терминоединиц металлообрабатывающей терминологии (МОТ).

Значительное количество синонимичных терминов подтверждает существующее в лингвистике мнение о том, что богатая синонимика возникает именно при попытке номинации нового понятия и существует в течение нескольких десятилетий до тех пор, пока на практике не произойдет отбор такого термина, который лучше всего отражает существенные признаки нового понятия. Например, в предложении „Eingehend beschäftigte sich der … Kongress auch mit den Werkzeughandhabungseinrichtungen (jetzt als Industrieroboter bezeichnet), die einen vollautomatischen Wechsel der Werkzeug ermöglichen“ [7, s.10] термины-синонимы Werkzeughandhabungseinrichtung и Industrieroboter представляют собой результат поиска более точной номинации специального понятия. Этот процесс характерен не только для ранних этапов становления терминосистемы, но и продолжается в наши дни, что становится особенно очевидным при возникновении технических неологизмов, отражающих жизнь новых областей знания.

Многие новые изобретения вызывают к жизни группу синонимических выразителей данного понятия. Так, после открытия в начале 60-х годов ультразвуковой обработки материалов данное понятие было обозначено семью терминами-синонимами: Ultraschallbearbeitung, Ultraschallschleifen, Ultraschallläppen, Stoßläppen, Schwingläppen, Schwingungsläppen, Ultraschallbehandlung. Наличие нескольких обозначений для одного и того же понятия свидетельствует об асимметрии словесного знака. Иными словами, несмотря на единство означаемого и означающего как двух сторон языкового знака, между ними нет прямолинейного однозначного соотношения. С другой стороны, этот факт свидетельствует о том, что развитие исследуемой терминологии идет по двум направлениям: путем спонтанного терминотворчества и путем совместных усилий специалистов, поставивших перед собой цель упорядочить старую и вновь возникающую терминологию.

Языковая реальность свидетельствует о том, что синонимичные термины в МОТ появляются в связи с различными внутрилингвистическими и внешнелингвистическими причинами:

1. Стремлением представить специальное понятие в более доступной форме. При этом термины, между которыми на уровне языка существуют дифференциальные признаки, заменяются универсальным термином. Так, в предложении „Zu diesem Zweck ist sie … mit … einer Einrichtung für das Ausblasen (Reinigen) versehen” [8, s.16] между терминами Ausblasen и Reinigen устанавливаются отношения тождества, хотя на уровне языка между ними устанавливаются иные семантические отношения.

2. Установление синонимичных отношений между терминами иногда вызывается стремлением добиться большей точности обозначения. Так, синонимичный термин Wiederholungsgenauigkeit в предложении „Am Rundschalttisch ist eine Positioniergenauigkeit (Wiederholungsgenauigkeit) von etwa 0,01 mm, gemessen am Umfang des Rundtisches, nachgewiesen“ [8, s.16] позволяет в более конкретной и точной форме представить специальное понятие.

3. Синонимичные отношения между терминами могут устанавливаться по причине замещения одних терминоединиц другими во избежание тавтологического повтора. Ср.: „Die automatische Senkrechtzustellung (Finimatic) erfolgt über Kegelumlaufspindel und Schrittmotor. Für das automatische Schleifen mit der Finimatic ist jede Programmstufe für sich Potentiometer vorwählbar“ [7, s.34]. Термины-синонимы Senkrechtzustellung и Finimatic употреблены в данном примере с целью неповторения одинаковых лексических единиц и устранения монотонности.

4. Одним из источников пополнения терминологии металлообработки терминами-синонимами является создание полного и краткого наименования нового понятия или явления. Быстрое появление и распространение многокомпонентных терминов вынуждает специалистов искать различные пути компрессии речи, поскольку многокомпонентные термины громоздки и неудобны в употреблении. Стремление к краткости заставляет часто прибегать к сокращению многокомпонентных сложных терминов, например: ES-Schweißen – Elektroschlackenschweißen – «электрошлаковая сварка», HM-WSP – Hartmetall-Wendeschneidplatte – «твердосплавная поворотная пластинка», KRS – Kleinrechnersystem – «система малых ЭВМ». Структура сокращенных терминов может быть различной: от предельно сокращенной (инициальные сокращения: WMW, RAM, CNC) до неполных сокращений (различного рода эллипсы: Mikrorechner(getriebe)steuerung, Display(gerät)).

Терминологические сокращения выполняют роль синонимов, так как они сохраняют семантическую мотивированность исходных сложных терминов и терминологических словосочетаний.

Лексическая синонимия в исследуемой МОТ дополняется рядом морфологических и орфографических вариантов. В составе морфологических вариантов можно выделить параллельные формы рода у существительных: Know-how, m; Know-how, n – непубликуемые сведения о технологии изготовления изделий.

Орфографическое варьирование выражается в различной форме написания терминов: Kode – Code – «код», Induktosyn – Inductosyn – «индуктосин», Inkromieren – Inchromieren – «диффузионное хромирование».

Источниками пополнения синонимичных терминов могут служить также различные способы словообразования. Чаще всего такие термины-синонимы представлены:

1) субстантивированным инфинитивом и именем существительным с суффиксом -ung: Magazinieren – Magazinierung – «упорядоченное накопление заготовок (в магазине)», Abtasten – Abtastung – «считывание (с перфокарты)», Lochen – Lochung – «перфорирование»;

2) субстантивированным инфинитивом и основой сильных глаголов с участием аблаута: Superfinishschleifen – Superfinishschliff – «суперфиниширование».

Во избежание чрезмерного разрастания синонимических рядов в современной немецкой МОТ наблюдается тенденция к устранению тождества между названными выше структурными образованиями, в результате которой за терминами, образованными путем аблаута, закрепляется преимущественно предметное значение, Ср.: Abchneiden – «отрезка, отрубка» и Abschnitt – «отрезанная заготовка».

Очень широко варьируются однокорневые термины с различными словообразующими морфемами: Verlängerer – Verlängerung – «удлинитель». С целью упорядочения терминологии подобные термины претерпевают смысловую дифференциацию, вследствие чего за термином закрепляется лишь один определенный вариант. Так, в результате разграничения семантики синонимического ряда за термином Verlängerung закрепилось его основное процессуальное значение, а именно: удлинение, растяжение.

Отношения синонимии возникают также за счет широкого варьирования компонентов сложных терминов: Speicherkapazität – Speichermöglichkeit – «емкость заполняющего устройства», Datenspeicher – Datenträger – «носитель информации», Programmtabelle – Programmblatt – «таблица программирования». Как видно из приведенных примеров, в большинстве случаев наблюдается варьирование последнего компонента.

Большое количество синонимичных терминов образуется вследствие опущения словообразующих аффиксов: Schwingungsläppen – Schwinglappen – «ультразвуковая обработка», Honingmaschine – Honmaschine – «хонинговальный станок».

Одним из ресурсов пополнения синонимов в МОТ являются случаи образования так называемых коммеморативных (эпонимных, фамильных) терминов, связанных с именами ученых, внесших значительный вклад в развитие данной отрасли техники, и их вариантов, в основу построения которых положен классификационный признак понятия. Ср.: Gaußkurve – «кривая Гаусса», Verteilungskurve – «кривая распределения».

На развитие синонимии в металлообрабатывающей терминологии оказывает влияние полисемантичность терминов, значения которых могут соотноситься с различными синонимическими рядами. Так, термин Speicher в одном из своих значений имеет синоним Magazin – «магазин, накопитель», в другом значении ему синонимичен термин Gedächtnis – «память ЭВМ», в третьем значении он вступает в синонимические отношения с термином Akkumulator. Таким образом, многозначные термины своими значениями могут входить в различные по характеру синонимические ряды.

Формированию синонимических пар в терминологии способствует также проникновение в нее общеупотребительной лексики. Так, на основе метафорических и метонимических переносов происходит изменение общеупотребительных слов и образование новых терминов по металлообработке, зачастую синонимичных с уже существующими. Ср.: Bett – Gestell – «станина», Zahn – Steg – «зуб», Brille – Lünette – «люнет», Arm – Hebel – «рычаг», Bock – Stütze – «кронштейн» и т.д.

В большинстве случаев изменение значений общеупотребительных слов происходит на основе метафорического переноса наименований по сходству формы, положения, функции.

Значительное количество синонимичных терминов в исследуемой МОТ обусловлено параллельным употреблением собственно немецких и заимствованных терминов: Grübchenbildung – Pitting – «питтинг», Superfinish, Superfeinschleifen – «суперфиниширование», Shaper – Querhobelmaschine – «поперечно-строгальный станок», Stelleisen – Lyra – «гитара станка».

Для многих терминов иноязычного происхождения характерно то, что после потери ими коннотации новизны они заменялись автохтонными образованиями. Однако этот процесс слабо распространяется на интернационализмы, которые приобретают большие преимущества перед своими немецкими эквивалентами в связи с потребностями внешней коммуникации, значение которой сильно возросло в последние годы под влиянием факторов политико-экономического характера – внешних экономических и научно-технических связей, внешнеторгового обмена, тенденции к координации терминолексики в международном масштабе.

Исследование синонимических отношений между терминами в МОТ позволило прийти к следующим выводам:

1. Синонимия в МОТ является неизбежным закономерным явлением. Развитие науки и техники приводит к уточнению содержания научно-технических понятий, отдельные процессы и явления могут получать дополнительные характеристики, освещаться с разных сторон. Анализ фактического материала позволил прийти к выводу о наличии и распространении явления синонимии в процессе пополнения немецкой МОТ новыми терминами. Синонимичные термины МОТ имеют единую предметно-понятийную соотнесенность, равноценны по своему значению, а их различие относится к плану выражения.

2. Изучение причин возникновения и источников синонимии в МОТ говорят о том, что экстралингвистические и лингвистические причины появления и пути формирования синонимических отношений едины и для общеупотребительной, и для терминологической лексики.

К лингвистическим причинам появления синонимичных терминов относятся:

1) необходимость представить специальное понятие в более доступной форме;
2) стремление варьирования терминов с целью снятия тавтологического однообразия;
3) стремление добиться наибольшей точности обозначения нового понятия;
4) потребность объяснения различных значений специальных понятий.

К экстралингвистическим причинам следует отнести:

1) бурный прогресс в области науки и техники, вызывающий к жизни огромное количество новых реалий и явлений, требующих номинации. В этой связи появляется несколько значений, отражающих различные признаки одного и того же понятия с целью создания более полного представления об обозначаемом предмете, явлении;

2) расширение экономических и научно-технических связей между различными странами. Этот фактор обусловливает наличие синонимических терминов исконных и заимствованных.

There are considered term-synonym origin sources, further ways of forming and some peculiarities of synonymic relations in the sphere of metalworking terminology units.
Keywords: *complete and incomplete synonyms, terminological synonyms, synonymic rows, polysemantic terms.*

Список литературы

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Х.: Изд-во ХГУ, 2002. 214 с.
2. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 2007. 243 с.
3. Кербер Е.В. О проблеме синонимии в немецкой экономической терминологии /Е.В. Кербер // Язык и общество: проблемы, поиски, решения. Материалы международных научно-практических конференций научной сессии «X Невские чтения», Санкт-Петербург, 2008. С. 45-57.
4. Лейчик В.М. О языковом субстрате термина. // «Вопросы языкознания», 1986, № 5. С. 48-56.
5. Суперанская О.В., Подольская А.Н., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Наука, 2009. 246 с.
6. Ullmann St. Semantics. In: Readings in Modern English Lezicology. Glasgow. 1987. p. 117-134.
7. Maschine und Werkzeug, 2000, № 25.
8. Maschine und Werkzeug, 2001, № 22.

Об авторе

Ревеко Людмила Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного технического университета, *kafinyaz1@mail.ru.*

УДК 802/ 809.1 - 52

РОЛЬ ИНОСТРАННОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ ГЕРОЕВ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Тимошенко Л.О.

Данная статья посвящена роли иностранной и заимствованной лексики в описании героев романа Л.Н. Толстого «Воскресение» и раскрытии сюжетной линии романа. Автор статьи опирается на авторскую концепцию великого классика русской литературы в последние годы жизни. В статье приводятся составленные автором классификации иностранной и заимствованной лексики романа на основе общих, типичных случаев ее употребления, причем автор разделяет понятия иностранной и заимствованной лексики. Автор статьи приходит к выводу, что лексика иностранного происхождения в романе является важнейшим средством языковой экспрессии и метко отражает оригинальный творческий стиль Л.Н. Толстого. Хотя заимствование и не является активно используемым средством обогащения языка-реципиента, нельзя отрицать его оригинальную роль в развитии и обогащении языка-реципиента. Данное исследование выполнено в рамках более масштабного анализа литературного русского языка в разные периоды его развития в произведениях классиков русской литературы XIX века – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. И хотя все эти писатели использовали европейские лексические заимствования, эта лексика служит в их произведениях разным целям, что и отражено в приводимой классификации по роману Л.Н. Толстого.
Ключевые слова: *иностранная и заимствованная лексика, великий классик русской литературы, авторская концепция писателя, классификация лексики.*

Гений великого русского писателя Л.Н. Толстого нельзя отнести к какому-то определенному периоду, эпохе. Он универсален по глубине, и меткости стиля, и психологических наблюдений над человеческим характером, по тематике ситуаций, рассматриваемых Л.Н. Толстым: отношения мужчины и женщины, положение народа в стране, совесть и грех, преступление, вопросы веры в Бога и др. Творчество Л.Н. Толстого исследовали такие ученые, как Н. Гудзий, Н. Гусев, Б. Мейлах, С. Бычков, К. Ломунов и др. Среди современников можно выделить В.Е. Алексееву, В.Г. Краснова, Е.С. Серых, Г.С. Морсона, Р.Ф. Густафсона, И. Берлина и др.

Иностранная и заимствованная лексика составляет определенную часть всех романов писателя и служит целям языковой экспрессии. Эти цели мы постараемся раскрыть в данной статье, опираясь на анализ иностранной и заимствованной лексики романа «Воскресение» и ее классификации, и определить ее роль в описании героев романа. Хотелось бы уточнить и разграничить понятия иностранной и заимствованной лексики. Под иностранной лексикой мы понимаем иностранные слова в иностранной орфографии, чередующиеся с русской лексикой. Под заимствованиями мы понимаем ассимилировавшиеся в русском языке иностранные слова в русской орфографии.

Методами исследования были сопоставительный и этимологический. Основным методом представления в романе иностранной и заимствованной лексики самим писателем является контраст. Контраст представлен писателем не только в смысловом плане - в психологическом противопоставлении главных героев, но и в языковом выражении речи персонажей романа.

Как отмечает исследователь творчества Л.Н. Толстого К.Н. Ломунов, «в «Воскресении» шире, чем в любом другом предшествующем произведении, Толстой использовал принцип художественного сопоставления, задачу которого он видел в том, чтобы обнажать «контраст между роскошью роскошествующих и нищетой бедствующих». [1].

В романе среди иностранной лексики преобладает французская, но встречается также английская и немецкая. Французская лексика характеризует язык светских салонов и слышится как в устах дам, так и в устах мужчин. Люди света переходят между собой на французский язык, когда надо оговорить:

1) какое-то «щекотливое» место или положение:

а) «Что такое? Comme cela m'intrigue[1], - говорила Катерина Алексеевна, когда Нехлюдов ушел».

[1] Как это меня занимает *(фр.)*

б) «Какая-нибудь affaire d'amour-propre: il est très susceptible, notre cher Митя[2]».

[2]Какое-нибудь самолюбивое дельце: он очень чувствителен, наш дорогой Митя *(фр.)*

2) в распространенных клише:

а) «Что бы я ни говорила, он говорит, что ничего не понимает. C'est un parti pris[1]".

[1] Это у него заранее решено *(фр.)*. Или:

б) «Ведь то, что вы сделали, всем известно. C'est le secret de polichinelle[2]».

[2] Это секрет полишинеля *(фр.)*

3) в стандартных ответах и репликах:

а) «Comme c'est vrai[1], - как будто пораженная истинностью его замечания, воскликнула она, как всегда искусно льстя своему собеседнику».

[1] Как это верно *(фр.);*

4) в обращениях: как в именах собственных, так и нарицательных, например, Mariette, ma tante, mon cher, notre cher philosophe:

а) «Так, когда Нехлюдов думал, читал, говорил о Боге, о правде, о богатстве, о бедности, - все окружающие его считали это неуместным и отчасти смешным, и мать и тетка его с добродушной иронией называли его notre cher philosophe[1]; когда же он читал романы, рассказывал скабрезные анекдоты, ездил во французский театр на смешные водевили и весело пересказывал их, - все хвалили и поощряли его».

[1]Наш дорогой философ *(фр.)*

б) «Разумеется, mon cher[2], я все готов для тебя сделать, - дотрагиваясь обеими руками до его колен, сказал Масленников, как бы желая смягчить свое величие, - это можно, но, видишь ли, я калиф на час».

[2] Дорогой мой *(фр.)*

Французские обращения в романе, по большей части, фамильярны: mon cher, notre cher philosophe, и показывают близкое знакомство и даже родство героев романа;

5) когда хотят блеснуть эрудицией или привлечь внимание:

а) «Voilà encore des nouvelles![1] – проговорила молодая из двух дам, вполне уверенная, что она своим хорошим французским языком обратит на себя внимание Нехлюдова».

[1] Вот еще новости! *(фр.)*

б) «И этот грубый, животный отец с своим прошедшим, жестокостью и сомнительной репутацией bel esprit[2] мать».

[2]остроумия *(фр.);*

6) название иностранной книги:

а) Приятно было чувствовать свою власть над большою собственностью, и неприятно было то, что во время своей первой молодости он был восторженным последователем Герберта Спенсера и в особенности, сам будучи большим землевладельцем, был поражен его положением в "Social statics"[1] о том, что справедливость не допускает частной земельной собственности».

[1] «Социальная статика» *(англ.)*

7) в записках:

См. пример из 9);

8) в описании дам:

а) «Мисси, как всегда, была очень distinguée[1] и хорошо, незаметно хорошо, одета».

[1]изящна *(фр.)*

б) «В то время, как Нехлюдов входил в комнату, Mariette только что отпустила что-то такое смешное, и

смешное неприличное – это Нехлюдов видел по характеру смеха, - что добродушная усатая графиня Катерина Ивановна, вся сотрясаясь толстым своим телом, закатывалась от смеха, а Mariette с особенным mischievous[2] выражением, перекосив немножко улыбающийся рот и склонив набок энергическое и веселое лицо, молча смотрела на свою собеседницу».

[2] шаловливым *(англ.);*

9) в нарочито прозаических бытовых вопросах, придавая им тем самым значимость:

а) «Исполняя взятую на себя обязанность быть вашей памятью, - было написано на листе серой толстой бумаги с неровными краями острым, но разгонистым почерком, - напоминаю вам, что вы нынче, 28-го апреля, должны быть в суде присяжных и потому не можете никак ехать с нами и Колосовым смотреть картины, как вы, с свойственным вам легкомыслием, вчера обещали; à moins que vous ne soyez disposé à payer à la cour d'assises les 300 roubles d'amende, que vous vous refusez pour votre cheval[1], за то, что не явились вовремя.

Кн. М. Корчагина».

[1]Если, впрочем, вы не предполагаете уплатить в окружной суд штраф 300 рублей, которые вы жалеете истратить на покупку лошади *(фр.);*

10) в высокопарных описаниях:

а) «Но волнение его было напрасно: муж, предводитель дворянства того самого уезда, в котором были главные имения Нехлюдова, извещал Нехлюдова о том, что в конце мая назначено экстренное земское собрание и что он просит Нехлюдова непременно приехать и donner un coup d'épaule[1] в предстоящих важных вопросах на земском собрании о школах и подъездных путях, при которых ожидалось сильное противодействие реакционной партии».

[1]Поддержать *(фр.)*

Высокопарность французских вкраплений, как, например, donner un coup d'epaule – «поддержать» показывает торжественность обстановки и момента, знатность собрания, предстоящий важный характер выступления.

Вообще, французская речь в романе не носит постоянный характер, она вкрапляется в русскую речь, причем род, число и падеж иностранным заимствованиям придается в русском языке произвольно в устах героев романа. У писателя можно встретить, например, чередование рода: «зал» и «зала», «кофе» и «кофей», «спазма» (ж.р.):

«Все это было в передней части залы (ж.р.), разделявшейся решеткой надвое». Но тут же: «Все встали, и на возвышение зала (м.р.) вышли судьи…»

Или: «Мы постараемся разогнать вашу mauvaise humeur[1]».

[1]Дурное настроение *(фр.)*

Встречаем в романе: «другие деятельности», «прежние любови», «пристава», «мускулы в щеках», «стояли тяжелые июльские жары».

Это можно объяснить неокончательным установлением языкового узуса в конце XIX века.

Мы встречаем в романе несклоняемое слово «мама» с ударением на последнем слоге: «у ма'ма», «пойти к ма'ма», и «Maman».

"Maman vous fait dire que votre couvert vous attendra jusqu'à la nuit. Venez absolument à quelle heure que cela soit[2].

[2]Матушка велела вам сказать, что ваш прибор будет ждать вас до ночи. Приходите непременно, когда угодно *(фр.)*

«Если же вы хотите помочь мне, то будьте так добры распорядиться вещами, убрать их покамест, как это делалось при ма'ма».

В речи простых людей, героев романа, можно заметить искажения литературной нормы, например, «аблакат» вместо «адвокат», «карахтерный» вместо «характерный», «енерал» вместо «генерал», «еклектрическая искра» вместо «электрическая искра», «ахтерки» вместо «актрисы».

По-английски и по-немецки в романе разговаривают, в основном, нерусские люди, а Нехлюдов им отвечает. Так, по-английски обращается к Нехлюдову англичанин-проповедник; по-немецки – немец, управляющий имением Нехлюдова. Отметим, что политкаторжане, описываемые Л.Н. Толстым в романе, многие, будучи знатного происхождения, никогда не переходят на французский язык – «поза» не нужна. Сам Нехлюдов в своих размышлениях иногда переходит на английский:

«Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, - turning a new leaf[3], как он говорил себе.

[3] Перевернуть страницу *(англ.)*

Заимствованную лексику романа «Воскресение» можно подразделить на следующие подгруппы:

Тюремная лексика: арестант, камера, коридор, тифозный дух, марш, конвойный солдат, в шапках два жандарма, арестантский халат;

Предметы и детали одежды: галуны, кант, обшлаг рукава, шинель, лента, браслет, шелковые бальные платья, декольте, пеньюар, галстуки, брошки, коленкоровый фартук, мундир, сюртук, пиджак, сияя пластроном широко раскрытого жилета, надевая/ через/ поверх pince-nez, ватерпруф;

Разгульная светская жизнь: кофе, вино, зала, гости, музыка, танцы, конфеты, штатские, гимназисты, табак, портсигар, туфли, эликсиры, одеколон, фиксатуары, пломбированные зубы, мраморный умывальник, душ, мускулистое тело, туалет, вензеля, бисквиты, лакей с бакенбардами, швейцар;

Местопребывание: адрес, квартира, билет, паспорт, паркет, буфет;

Медицинская лексика: характер, доктора, патент, катар желудка, режим, атавистическая личность, дегенератная личность;

Канцелярская лексика: газеты, лист бумаги, штемпель, инвентарь, эксплуатация, почта, кабинет, секретарь, плоскость руки была перпендикулярна к направлению его хода, портфель под мышкой, сделать карьеру, план речи, процедура, капитал, процентные бумаги, вердикт;

Политическая и юридическая лексика: реакционная партия, либеральный человек, реакция, дуэль, сцена, офицер, адвокаты, процесс, «коммунность», либеральный, конспиративная квартира, типографский станок, альтруистическая личность, пенитенциарная система и др.;

Художественная лексика: этюд, эстетическое чувство;

Контраст: Мисси (Мария), сени суда;

Спортивная лексика: галтеры (гири), гимнастика, бисепс, мулине (спортивное упражнение), мускулы;

Редкая и стилизованная лексика: пахитоска, положительный талант, фальшивая княгиня, безмускульные руки, мраморные плечи, инструментный сарай, гипнотизм содатства, капитонированная коляска, корпуленция, патриархальная голова, рамоли (маразматик), сыграть ритурнель, комильфотность, комильфотное превосходство, энглизированные кобылы, апрофондировать, фосетка, свистя шелковой юбкой, инвалидировать суд.

Если мы сопоставим обе составленные нами классификации лексики иностранного происхождения в романе «Воскресение», то можно кратко свести суть первой классификации к цели привлечения к себе внимания героями романа (преимущественно знатью), а суть второй – к очерчиванию повседневных занятий и описанию характера быта героев романа.

Особый интерес представила для нас редкая, канцелярская и стилизованная заимствованная лексика, раскрывающая индивидуальные творческие особенности стиля великого писателя, характеризующегося, как это можно заметить, оригинальностью, детальной выписанностью, образностью. Некоторые слова и фразы иностранного происхождения, смысл которых неясен или утрачен сейчас, как нам кажется, намеренно употреблены Л.Н. Толстым для юмористического придания важности описываемым явлениям или событиям, например, «капитонированная коляска».

«Одной из новаторских особенностей Л.Н. Толстого, особенностей, определивших его мировую значительность как художника, было умение писателя раскрыть внутренний мир своих героев» [2]. Мы так же добавим к этому «минимумом языковых средств». Л.Н. Толстой мастерски раскрывает внутренний мир своих героев, детально описывая какое-то их состояние. Например, член суда на судебном заседании старался идти так, «чтобы плоскость руки была перпендикулярна поверхности пола». Такая «математичность» и педантизм в описании в речи художественного автора, которого большинство критиков называют художником, вызывает комический эффект у читателя, показывая излишнюю щепетильность героя романа. Или, например, другой член суда с катаром желудка считал свои шаги до своего места в суде, гадая математически, испытать ли ему новую диету от своей болезни.

«Роман написан в русле классического реализма. Законы функционирования крупного произведения в разные эпохи и в различной среде органически связаны с законами его восприятия» [3, с.5].

В России роман был принят неоднозначно. Если такие передовые писатели своего времени, как А.П. Чехов, А.М. Горький очень высоко оценили роман «Воскресение», и передовая русская интеллигенция с увлечением читала его, то официальная церковь его запретила и отлучила Л.Н. Толстого. Как отмечал А.П. Чехов, «самое интересное – князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители» - словом, человеческие характеры. [4].

Роман вышел за границей – во Франции, в Англии, в Германии и был там тоже неоднозначно встречен в связи с политической ситуацией в этих странах. «Оценка позднего творчества Толстого и его романа в английской критике менее «политизирована» [5].

«Воскресение» было переведено на немецкий язык на рубеже веков, в годы, когда милитаристская Германия взяла курс на завоевание «жизненного пространства», переделку мира «железом и кровью». Идеологи рейха – историки и литераторы – взяли «на вооружение» философию Ф. Ницше, провозгласившего культ войны, право сильной, жестокой личности, воодушевленной волей к экспансии. В эти годы в Германии публицистические и религиозно-философские работы Толстого неоднократно преследовались, запрещались» [6].

В России В.И. Ленин считал, что Л.Н. Толстой входит «в ряд великих писателей всего мира». Вождь мировой революции очень уважал Л.Н. Толстого, но не принимал его «непротивления злу насилием». Л.Н. Толстой любит своих героев, «переживает» жизнь каждого персонажа, поэтому в его романе царит дух понимания, сочувствия и любви. И хотя роман был написан на злобу дня – о метаниях русских интеллигентов конца XIX века – он не публицистичен, не едок. Толстой попытался вскрыть глубинные причины метаний Нехлюдова, которые он нашел в его деятельном уме и угрызениях совести, в восприимчивой душе. И если Нехлюдов у него колеблется в своих сомнениях (то ли отдать землю крестьянам, сделав широкий жест, то ли оставить себе доход на пропитание и нужды), то его избранница Катюша Маслова, в отличие от него, уверенна, спокойна, не мечется, но слепа духовно в начале своей каторжной эпопеи. И своей уверенностью, своим спокойным отвержением помощи Нехлюдова и своей выгоды она стоит нравственно намного выше Нехлюдова. Но то, что она готова заниматься проституцией, боясь тяжелой работы, то, что она готова стать орудием преступления, не задумываясь о своем будущем, снижает ее нравственный образ.

Таким образом, мы встречаем у Л.Н. Толстого психологический контраст уверенности Масловой с сомне-

ниями и колебаниями Нехлюдова, и непонятно, что же привлекательнее: спокойное слепое существование Катюши или полная сомнений жизнь Нехлюдова? Заслуга Л.Н. Толстого - в раскрытии динамики характеров этих противопоставленных друг другу героев, в их «воскресении». По мере перенесения тягот каторжной ссылки мы видим прозрение Катюши и все большую осмысленность, а не «позу» Нехлюдова в его желании стать на путь труда и пользы обществу.

Что касается темы статьи и вклада заимствованной лексики романа «Воскресение» в раскрытие его сюжетной линии, то здесь можно проследить некоторую закономерность. Иностранная и заимствованная лексика изобилует в романе в начале, в первой и отчасти второй частях, где встречаются светская знать и чиновники. В первой части – это описание образа жизни Нехлюдова, аристократического круга его общения. Во второй части иностранной лексики меньше: описывается хождение Нехлюдова по инстанциям и общение с высокопоставленными чиновниками и дамами по делу Масловой, но это не просто светские беседы или пустой флирт, как в первой части, а деятельность, в которой вырисовывается цель – помочь Катюше, поэтому Нехлюдов переходит на французский только в силу необходимости, из вежливости к чиновникам. В третьей части – в описании каторжного пути и жизни каторжан - местами встречается только заимствованная лексика, и то только в описании проезжей знати и заезжего миссионера-англичанина, чью проповедь Евангелия заключенным можно назвать «рисовкой».

Л.Н. Толстой, как справедливо замечает исследователь его творчества К.Н. Ломунов, строит свой роман по методу сопоставления, контрастов. Он не клеймит раздражающий его порок словом, а вскрывает поведение героя, приводящее к этому пороку и, что самое главное, - делает вывод в описании последствий поступка этого героя для него самого, в первую очередь, и для окружающих. Контрастивны Нехлюдов и Катюша, новый, возродившийся Нехлюдов и миссионер-англичанин, образы революционеров, по-разному пришедших в революцию и т. д. Контрастивны также сцены в сопоставительном описании нищих каторжан и заключенных и проезжающей мимо знати.

Вывод Л.Н. Толстого сводится, в конечном итоге, к тому, что человек сам отвечает за свои поступки и «расхлебывает» всю жизнь их последствия. И хотя писатель был отлучен от церкви за свою сатиру на нее в этом романе, он был глубоко верующим человеком, и весь роман его пронизан чувством расплаты, воздаяния и покаяния. Вскрытие типичных человеческих страстей и желаний, неумеренности в жизни на фоне развития характеров с последующим изменением образа жизни и всего нравственного уклада Нехлюдова и Масловой делают роман непреходящей классикой. Читая роман, мы в отдельных поступках героев узнаем себя и своих ближних, и писатель, как в «зеркале», по выражению В.И. Ленина, показывает нам самих себя. Правда, вождь пролетарской революции назвал Л.Н. Толстого «зеркалом русской революции»», рассматривая пригодность произведений классика для идейного руководства в идеологической борьбе. Ценность великого классика русской литературы в том, что каждый делает из его произведений свой вывод, каждый у него находит что-то для себя.

Иностранная и заимствованная лексика романа «Воскресение» - это наглядный показатель развития характеров главных героев, постепенный отказ от искусственности Нехлюдовым. А про Катюшу в романе лишь бегло, вскользь говорится, что она обучалась по-французски в доме барышень. В третьей части романа, описывающей жизнь ссыльных каторжан, практически нет иностранных и заимствованных слов. И не в том дело, что каторжане не знали иностранных языков. Многие политические заключенные были всесторонне образованными людьми. Просто на каторге необходимость в «позе», в «рисовке» отпадала сама собой.

Снижение количества иностранной и заимствованной лексики в третьей части романа можно объяснить пересмотром писателем своей концепции и акцентом на народной жизни, народном языке. «Еще в начале 80-х гг. Толстой сознается в том, что сам он «изменил приемы своего писания и языка» и ориентируется теперь на язык народа. «А язык, которым говорит народ, и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, - мне мил. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное – язык не повторит, а наш литературный язык без костей, так набалован, что хочешь мели – все похоже на литературу» [7].

Как отмечает В.Т. Плахотишина, «при сравнении «Воскресения» с ранее созданными романами Толстого бросается в глаза то обстоятельство, что французские обороты, обычные для обиходной речи аристократических кругов, не столь характерны для этого романа. Французская речь и изысканные салонные обороты сохраняются в романе лишь в необходимых случаях, например, когда Нехлюдов попадает в аристократическую среду в общество генеральши Mariette, или в богатый аристократический салон князей Корчагиных. Характерно, что сам Нехлюдов, выходец из той же аристократической среды и воспитанный в ее духе, пользуется всегда и везде простым русским языком, совершенно лишенным изысканности. Нехлюдов порывает со своим классом, с его жизненной практикой и тяготеет к простому народу, вблизи которого находит ту правду жизни, какой нет в развращенной и испорченной дворянской и чиновничьей среде» [8].

В заключение статьи можно сделать вывод, что иностранная и заимствованная лексика в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» не просто служит показателем эрудированности писателя, но и является важным средством языкового выражения. Пользуясь минимумом языковых средств, писатель емко характеризует героев своего романа вплоть до мельчайших деталей. Высмеивая фальшь салонной аристократии, писатель уснащает их речь французскими оборотами не только в случаях кажущейся необходимости, например, при описании щекотливой ситуации, но и в прозаически бытовых вопросах. С другой стороны, современный читатель может только поразиться уровню образованности светской знати того времени, свободно говорившей по-французски, по-английски и по-немецки. Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» - многогранное, глубокое и высокохудожественное произведение, которое можно исследовать бесконечно как в плане психологии и философии, так и в плане языка.

Недаром великий писатель в течение 10 лет обдумывал свой последний роман, прежде чем написать его: роман актуален и по сей день, заставляя нас удивляться глубине замечаний писателя и его художественному мастерству.

The present article is devoted to the role of foreign and borrowed lexics in the description of the heroes of the novel "Resurrection" by L.N. Tolstoy and to the disclosure of the plot line. The author of the article issues from L.N. Tolstoy's conception in his last life years. In the article the author represents her classification of the foreign and borrowed lexics of the novel on the base of common, typical cases of its usage, while the author differentiates the notions of foreign and borrowed lexics. The author of the article comes to the conclusion that lexics of foreign origin in the novel is one of the most important means of language expression and clearly reflects the original creative style of L.N. Tolstoy. Although the borrowing does not belong to the actively used means of enriching the recipient language, we cannot deny its original role in the development of recipient language. The present research is carried out in the framework of a broader analysis of the literary Russian language in different periods of its development in the works of Russian literary classics of the XIX century – A.S. Pushkin, N.V. Gogol, L.N. Tolstoy. And although all these writers used European lexical borrowings, this lexics serves different purposes in their works, which is reflected in the given classification to the novel by L.N. Tolstoy.
Keywords: *foreign and borrowed lexics, the great classic of the Russian literature, the author's conception of the writer, classification of lexics.*

Список литературы

1. Ломунов К.Н. (а) Лев Толстой о романе «Воскресение»/ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование/ Под ред. К.Н. Ломунова. - М.: Наука, 1991. - 195 с. - С. 10.
2. Карлова Т.С. Вопросы психологического анализа в наследии Л.Н. Толстого. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1959. - 68 с. - С. 3.
3. Ломунов К.Н. (а) Лев Толстой о романе «Воскресение»/ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование/ Под ред. К.Н. Ломунова. - М.: Наука, 1991. - 195 с. - С. 5.
4. Ломунов К.Н. (б) Писатели-современники о последнем романе Л.Н. Толстого («Воскресение» в оценке А.П. Чехова и А.М. Горького)/ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование/ Под ред. К.Н. Ломунова. - М.: Наука, 1991. - 195 с. - С. 54.
5. Горная В.З. Зарубежные современники Л.Н. Толстого о романе «Воскресение»/ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование/ Под ред. К.Н. Ломунова. - М.: Наука, 1991. - 195 с. - С. 139.
6. Горная В.З. Зарубежные современники Л.Н. Толстого о романе «Воскресение»/ Роман Л.Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование/ Под ред. К.Н. Ломунова. - М.: Наука, 1991. - 195 с. - С. 151.
7. Плахотишина В.Т. Художественное мастерство Л.Н. Толстого в романе «Воскресение». - Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1958. - 139 с. - С. 10.
8. Плахотишина В.Т. Художественное мастерство Л.Н. Толстого в романе «Воскресение». - Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1958. - 139 с. - С. 86.

Об авторе

Тимошенко Людмила Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, *lyudmila.timosh@mail.ru*

УДК 81`367.4

СТРУКТУРА, ОБЪЁМ И АКТИВНОСТЬ СИНТАГМ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Филатова Е.В.

Статья посвящена синтагме, исходной единице порождения и восприятия речи. В устном общении синтагмы разграничиваются говорящим с помощью пауз, в связи с чем легко воспринимаются слушателями. В письменной речи читателю самому нужно восстановить их авторскую структуру и интонацию. На основе изучения синтагматической структуры художественной, разговорной и научной русской и английской речи освещаются вопросы строения и активности синтагм в зависимости от их объёма.
Ключевые слова: *устная речь, письменная речь, делимитация речи, синтагма, структура синтагмы, объём синтагмы, активность синтагмы*.

Как известно, возможны речевой и языковой аспекты исследования текста, в котором можно выделить речевые и языковые единицы. Языковыми единицами в тексте являются буквы (как графическое представление звуков), морфемы, неизменяемые слова, словоформы. Причём все они очевидны в нём, но это вовсе не свидетельствует о том, что именно из них он составлен и что они являются его самостоятельными конструктивными компонентами. Для языка характерны свои единицы, а для речи естественны свои – типичные речевые структуры [2, с.81].

Любая сегментация текста как **речевого** явления предполагает его естественное членение на однотипные **единицы речи**, порождающие или традиционно оформляющие её. Исходной её единицей является **синтагма**. Это минимальная индивидуально-креативная структура, спонтанно появляющаяся в сознании человека в процессе речи как проявление его психоречевой реакции [3, с.106]. Обычно синтагма возникает в сознании в результате мгновенного слияния нескольких слов, объединённых грамматически, интонационно и по смыслу. Они передают какой-то единый (одномерный) факт содержания или ситуации. Важными характеристиками синтагм

являются их **структура** и **объём**. Структура синтагмы отражает взаимоположение и связь всех её компонентов, автоматически **объединившихся** в исходную речевую единицу. Объём синтагмы – это её количественная характеристика на основании числа входящих в неё компонентов.

Остальные речевые единицы выделяются в зависимости от формы речи. Фраза и полное сообщение – единицы устной речи. Предложение, высказывание (в иной терминологии: сложное синтаксическое целое) и текст – единицы письменной речи. Мысли о структуре и границах предложения появляются при трансформации устной (или внутренней) речи в письменную.

Речевые единицы самостоятельны (у каждой из них свои конкретные функции), коммуникативны, структурно, грамматически и интонационно оформлены. Они отвечают всем требованиям своей (т.е. **речевой**) сферы [4, с.39]. Коммуникативность синтагмы не всегда очевидна, но проявляется во многих ситуациях и прежде всего в том, что при необходимости она легко и естественно может выполнять функцию предложения и тогда её коммуникативность не вызывает никаких сомнений. Ср.:

– Часто / брат обращался к тебе за помощью? – ***Только вчера***.

Синтагма ***Только вчера*** коммуникативна, причём здесь она выполняет функцию предложения и одновременно ситуативного сообщения (минимального текста).

Выделение в тексте слов путём их раздельного написания – форма традиционного его представления, а вовсе не показатель того, что он и каждое его предложение составлены из отдельных слов. Нельзя не согласиться с И.А. Бодуэном де Куртенэ в том, что самостоятельного сегмента **речи** с квалификацией "**слово**" нет. Для него слово в языке и слово в речи – разные лингвистические реалии, для которых у него были разные наименования: **лексема** и **синтагма.** Слово не имеет прямого отношения к построению речи. Чтобы получить речевой статус, оно должно в сочетании с другими словами создать единый компонент с конкретным, ситуативным значением – синтагму, которая и является естественной начальной структурой речи, или само должно выполнять функцию такой единицы. Синтагма, по определению Л.В. Щербы, "простейшее синтаксическое целое" [8, с.95]. Существенно, что, обычно будучи составной, синтагма как речевая единица **недискретна**, её нельзя разделить на более мелкие **речевые** компоненты. Она предельно минимальна. Как речевая единица она структурно и содержательно одномерна. Как и любая речевая единица, синтагма не существует в качестве заданного компонента, как существуют, например, слова в системе языка, а является результатом личного речевого творчества, ибо возникает спонтанно, как индивидуально-креативный структурно и содержательно единый элемент речи. Это целостная единица, представляющая собой лингвистическое отражение простейшей конкретной ситуации, отдельного минимального нерасчленённого факта [1, с.57] или реалии с её одним или несколькими актуальными акцидентными признаками. Она предполагает наличие других синтагм, совместно с которыми передаётся необходимое содержание. Не только объединение синтагм, но и их чёткое и последовательное разграничение способствует развитию связной речи и её содержания. Делимитация синтагм позволяет осмыслить значение каждой из них и точно понять содержание речи [5, с.173].

Цель статьи – сопоставить объёмы синтагм в русской и английской речи, выяснить степень их активности в зависимости от количественных показателей их структур, установить особенности их использования. Для этого сопоставим материалы трёх сфер общения – художественной, разговорной и научной. **Актуальность** её обусловлена тем, что синтагма ещё совершенно не изучена. Имеющиеся противоречивые сведения о синтагмах не отражают цельной научной системы, хотя роль синтагм в речевой деятельности первостепенна, ибо все её виды – продуктивные и рецептивные – опираются на синтагму.

Исследования структуры синтагм говорят о том, что инвариантные особенности их строения сводятся к двум видам структур: 1) многокомпонентные и 2) однокомпонентные. Первые обычно включают в качестве единой минимальной речевой единицы от двух до шести компонентов – словоформ или неизменяемых знаменательных слов. Все компоненты синтагмы произносятся на одном дыхании, без пауз, как единое интонационное и структурно-смысловое целое. Синтагмы второй группы представлены словом или словоформой. В целом объём синтагм обусловлен субъективными и объективными факторами: личной психической деятельностью человека, его дыханием, характером передаваемого содержания, а также тем, к какому типу относится конкретный язык – синтетическому или аналитическому. Ещё Цицерон, опираясь на личный ораторский опыт, сделал интересное наблюдение: "Самое длительное сочетание слов – это то, какое может быть произнесено на одном дыхании" [6, с.242]. В нём не должно быть паузы, даже вызываемой потребностью дыхания, ибо она может деформировать значение. "Одно дыхание" при их произношении предполагает единство их структуры, интонации и содержания. Паузы между ними позволяют осознать их в качестве самостоятельных единиц речи. Путём их линейного наращения формируется синтагматическая структура речи как способ представления конкретного содержания, которая на письме отражается с помощью существующих графических средств и установившихся способов и приёмов, а их делимитация в устной речи или при чтении помогает осознать значение каждой из них.

Для сопоставления синтагм в речи возникает необходимость введения понятия **условной синтагмы**, под которой подразумевается типичная исходная речевая структура, способствующая отражению речевых явлений в разных видах речи одного или разных языков. Объём условной синтагмы можно определить по формуле:

$$O = \frac{K}{C}$$

В ней: ***O*** – объём условной синтагмы; ***K*** – общее количество компонентов (т.е. слов, имеющих ударение)

в структуре всех синтагм; ***С*** – общее количество синтагм. Объём условной синтагмы равняется частному от деления числа всех компонентов в структуре всех синтагм, на число синтагм в речи (в тексте).

Ситуация с объёмом синтагм в русской художественной речи выяснялась на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре». Наиболее активны здесь 3-словные синтагмы. Они составляют почти 30 % текстов, т.е. их по 30 на каждые сто синтагм текста. За ними идут 2-словные синтагмы (26 %), 4-словные (15 %), 5-словные (12 %) и лишь на пятом месте 1-словные (10 %). Использование синтагм с семью и более компонентами носит единичный характер. Объём условной синтагмы в художественной речи составляет 3 компонента.

В русской разговорной речи активность синтагм разной структуры несколько иная: 2-словные синтагмы составляют 33 % её структуры, 1-словные – 26 %, 3-словные – 23 %, 4-словные – 10 % и 5-словные – 8 %. Использование синтагм с шестью и более компонентами носит в ней единичный характер. Объём условной синтагмы – 2,4 компонента.

В научной речи, представленной книгой Д.Н. Шмелёва «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» [7], наиболее активны такие синтагмы: 2-словные – 25 %, 3-словные – 22 %, 4-словные – 16%, 5-словные – 13 %. 1-словных синтагм около 10 %. Многокомпонентные синтагмы, включающие от 6 до 9 слов, составляют 15 % структуры текста. Объём условной синтагмы в научной речи – 3,5 компонента.

Для русской речи в целом объём условной синтагмы равен 3 компонентам.

В английской художественной речи объём синтагм исследовался на основе рассказа С. Моэма (“A Friend in Need”). Разговорную речь представлял роман Д. Сэлинджера (“The Catcher in the Rye”). Литературная критика весьма часто отмечала, что роман написан разговорным языком. Этим обусловлен наш выбор его для исследования. Научная речь была представлена книгой Баса Аартса (“English Syntax and Argumentation”) [8].

Объём условной синтагмы в английской художественной речи включает 4,5 компонента, в разговорной – 4,8, в научной – 4,9 компонента. В целом условная синтагма в английской речи объединяет 5 слов.

В следующей таблице отражена активность синтагм в русской и английской речи.

Активность синтагм в зависимости от их объёма в русской и английской речи

Место по частоте употребления	Компонентный состав синтагм русской речи	Процент использования %	Компонентный состав синтагм английской речи	Процент использования %
1	**3-словные**	**28**	**3-словные**	**19**
2	**2-словные**	**26**	**4-словные**	**18**
3	**1-словные**	**15**	**5-словные**	**13**
4	**4-словные**	**14**	**2-словные**	**12**
5	**5- словные**	**11**	**6-словные**	**11**
6	**6-словные**	**3**	**7-словные**	**11**
7	7-словные	2	1-словные	6
8	8-словные	0,5	8-словные	4
9	9-словные	0,5	9-словные	3
10	10-словные	-	10-словные	2
11	11-словные	-	11-словные	1
	ИТОГО:	100 %	ИТОГО:	100 %

В таблице представлен процент использования в речи синтагм разного объёма. Одновременно это показатель их количества в речи на каждые сто синтагм.

Так, в русской речи **1-словные** синтагмы по частоте употребления на третьем месте – после 3-словных и 2-словных синтагм. Их здесь примерно 15 – 16 единиц на каждые сто синтагм. В английской речи ситуация с 1-словными синтагмами иная. Они по активности на седьмом месте. На каждые сто синтагм у них всего 6 позиций.

2-словные синтагмы в русской речи на втором месте. Их 27 на каждые сто синтагм текста, в английской же речи они на четвёртом месте; у них здесь лишь 12 позиций.

Наиболее актуальны для русской речи **3-словные** синтагмы. Их 28 единиц на каждые сто синтагм. В английской речи они тоже на первом месте по активности, но здесь их – 19.

Далее в русской речи в зависимости от активности синтагмы располагаются так: четырёх-, пяти-, шести- и семисловные. Синтагмы, включающие от 8 до 11 компонентов, редки. Структур, объединяющих же более 11 компонентов, обнаружить вообще не удалось. Это объясняется тем, что структуру такого объёма без паузы трудно или даже невозможно произнести. Однако нельзя исключать, что в научной речи, особенно технической, где часто используются составные термины, они возможны (например, лишь название прибора *датчик контроля высокой температуры доменной печи* уже включает шесть компонентов, хотя выполняет функцию одного слова). К тому же адресуется такая речь обычно читателю, а не слушателю. В устной речи специалистов эти наименования обычно заменяются лаконичными профессионализмами или подвергаются сокращению: *датчик*

контроля высокой температуры доменной печи → датчик температуры.

В целом в русской речи наиболее употребительны шесть видов синтагм, которые включают от одного до шести компонентов. Особенность их в том, что 1-словная и 3-словная синтагмы по активности в речи поменялись местами: 3-словная на первом месте, а 1-словная на третьем. У остальных синтагм этой группы количественный состав и место по активности в речи выражаются одной и той же цифрой. Они составляют здесь от 96 до 100 % исследуемых текстов.

Показательно, что из шести наиболее активных синтагм русской речи первая по частоте употребления синтагма (3-словная) используется в 9 раз чаще, чем синтагма, занимающая шестое место (6-словная). Таким образом, по мере увеличения объёма синтагм их использование в русской речи резко сокращается.

В английской же речи картина несколько иная. В ней первые по активности шесть видов синтагм составляют 85 % наполнения текстов. Распределились они в ней в таком порядке: на каждые сто синтагм 3-словных – 19; 4-словных – 18; 5-словных – 13; 2-словных – 12; 6-словных – 11 и 7-словных – 11. В отличие от русской речи здесь по мере увеличения объёма синтагм снижение их активности носит плавный характер. Отношение между первой и шестой синтагмами не 9, как в русской речи, а всего лишь 1,7.

Условная синтагма в английской речи включает 5 слов, что на 2 компонента больше, чем в русской речи. Различия обусловлены тем, что русский язык синтетический, английский же аналитический. У них разные способы образования грамматических форм слов. В связи с этим синтагмы с шестью, семью, восьмью и девятью компонентами в английской речи используются в 5 раз чаще, чем в русской.

Выводы. Обращая внимание на использование синтагм и их объёмы в русских и английских текстах, можно отметить, что важны при этом не только различия в синтагматике речи, но и сходство, которое заключается в том, что в каждом тексте предполагается чёткое разграничение синтагм, как **заданных** авторских структур, осознание их границ и интонации. Только в этом случае можно точно понять содержание и каждого предложения, и текста в целом.

Синтагматическая теория речи вполне соответствует всем видам речевой деятельности – и порождающим, и рецептивным, поэтому последняя должна формироваться и развиваться на её основе. Это будет способствовать установлению авторской синтагматической структуры текста, а следовательно, и адекватному пониманию его содержания при чтении или переводе на другие языки.

Если учитывать, что основной запас знаний о мире люди получают благодаря чтению, несложно осознать, насколько важно правильно понимать авторское содержание текста. Адекватному пониманию способствуют сведения о синтагматической структуре текста, объёме его синтагм и характере их использования в нём.

Не менее важна опора на синтагмы при изучении родного и особенно иностранных языков – для выяснения того, какие слова в предложении сочетаются в единые грамматические или структурно-смысловые группы, составляющие его реальную структуру и определяющие его содержание.

The article is devoted to the minimal speech structure – a syntagma, which is a real initial unit of speech creation and perception. It is easy to identify it in the process of communication delimitating by means of intonation. The syntagmatic structure of belles-lettres, colloquial and scientific Russian and English speech is under the study. The issues of construction, range and activity of syntagmas as non-discrete univariate speech units are highlighted, the peculiarities of their usage are revealed.
Keywords: *oral speech, written speech, speech delimitation, syntagma, syntagmatic structure, syntagmatic range, syntagmatic activity.*

Список литературы

1. Виноградов В.В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880 – 1944). Л., 1951. С. 31-62.

2. Родионова О.С. К вопросу о единицах членения текста // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2008, № 1. С. 81-84.

3. Филатова Е.В. Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи / Монография. Донецк: ДонНУ, 2013. 330 с.

4. Филатова Е.В. Минимальная единица речи, её признаки и функции – Русская речь, 2013, № 6. С. 39-46.

5. Филатова Е.В. Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 10, ч. 2, 2015. С. 173-176.

6. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. С. 471.

7. Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 152 с.

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

9. Aarts B. English Syntax and Argumentation / 2nd ed. – (Modern linguistics series). Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001.

Об авторе

Филатова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей Донецкого национального университета, *anikanych@yandex.ua*

УДК 81'373.21; 81'28

ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ПО ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕЧЕНИЯ ВОДЫ

Цветкова Е. В.

В статье рассматриваются наименования водных объектов, содержащие характеристику течения воды, которые представляют одну из частей гидронимической системы Костромской области; определяются основные типы их номинации, выявляются нашедшие в них отражение особенности костромских говоров.

Ключевые слова: *микротопонимия, гидронимия Костромской области, микрогидронимия, гидрографический термин, номинация водных объектов, костромские говоры.*

Гидронимия является одной из самых значительных как по объёму, так и по разнообразию географических названий, частей топонимической системы костромского края. Это наименования и крупных (например, рек, озёр), и небольших, малоизвестных (маленьких речек, ручьёв, родников, колодцев, прудов, мест на реках, озёрах и мн. др.) водных объектов. Последние представляют особый интерес, поскольку именно микротопонимы (или более конкретно в данном случае – микрогидронимы) отражают особенности костромских говоров, как бы консервируют в себе различные сведения об известной им, в том числе и исчезающей, лексике. Гидронимия Костромской области неоднократно становилась объектом наших исследований (см., например, [4; 5; 6; 7]). В данной статье мы обращаем внимание на некоторые особенности наименований водных объектов, содержащих характеристику течения воды, определяем основные типы их номинации.

Течение воды связано со многими моментами: особенностями русла, наличием родников, перекатов, мелких и глубоких мест и т.д.; влияет оно на звучание текущей воды, внешний вид водного объекта или его части. Всё это не ускользает от внимания людей и получает соответствующие названия. В костромских говорах, как показывают материалы картотеки Костромского областного словаря и наши личные наблюдения, наиболее многочисленными по интересующей нас теме являются названия, которые содержат такие характеристики, как быстрое течение (*бы́стре́нь*, *бы́стре́ть*, *быстре́ц*, *быстри́на́*, *быстри́стый*, *быстрото́к*, *быстрь*, *быстря́к*, *ско́рое тече́ние*), замедленное течение (*за́водень*, *за́во́дина*, *за́водь*, *зати́н*, *зато́н*, *курья́*, *плёс*, *плёсо*, *тихово́д*, *тихово́дина*, *тихово́день*, *ти́хая вода́*), наличие водоворотов (*водоворо́т*, *водоворо́ть*, *верту́н*, *вьюн*, *вьюно́к*, *вьюр*, *вир*, *за́вертень*, *круте́ц*). Например: *Мы старались не плавать туда, где быстрень. Опасно.* – п. Сухоногово Кострома. (здесь и далее в сокращении даются названия районов Костромской области); *Если в быстроток что-нибудь упадёт, то и не поймаешь.* – д. Рогово Мантуровск.; *В быстротоке можно утонуть.* – д. Сунгурово Красносельск.; *Там, ниже по речке, – быстрь. Теченье-то быстрое тама.* – п. Сущёво Кострома.; *Где тиховод-то, то там тихо, вода прозрачная, спокойная.* – д. Знаменка Мантуровск.; *На заводи-то тихо, спокойно, красиво.* – д. Петровка Межевск.; *Идите купаться в заводь, там спокойно.* – д. Сунгурово Красносельск.; *Вьюны-то на ричке опасные, можно и не выплыть.* – с. Введенье Октябрьск. и т. п. *Быстрецом* называют также и мелкое каменистое место на реке, имеющее быстрое течение: *Быстрец-то? Так мелкоё место в реке-то, каменистоё, а теченьё-то быстроё. Смотри: опять быстрец!* – п. Кадый Кадыйск. Водный источник с быстрым течением характеризуют определением *быстристый*: *Серебристый ручей был бытристым.* – с. Николо-Шанга Шарьинск. Многие из перечисленных слов имеют несколько различных значений, в том числе и не связанных с особенностями течения воды, например: *затон* – заливаемый во время половодья луг, *плёс* – отлогое место у реки, *курья* – озеро на месте бывшего залива реки; *заводь* – поёмное место с оставшейся водой, поворот, извилина в течении реки, глухой рукав реки, старое русло реки, мелкое место в пруду, небольшое озеро рядом с рекой и не отделённое от неё, небольшое озеро на месте старого русла и т. д.

Значительная часть названных лексем нашла отражение в гидронимии (практически только в микрогидронимии) Костромской области. Это связано главным образом с тем, что данная лексика представляет собой в основном местные географические (в рассматриваемом случае – гидрографические) термины, всегда являвшиеся, как известно, очень активными в топонимообразовании (особенно продуктивно атрибуция и микротопонимизация). Названными оказались значимые (по каким-либо причинам: опасные, используемые в быту и трудовой деятельности, отличающиеся своими внутренними свойствами и т. д.) для народа места. Как показывают наши материалы, наиболее многочисленными являются наименования, соответствующие номинации по такой характеристике, как быстрое течение воды. Особенно продуктивны в создании гидронимов лексемы с корнем *-быстр-* (чаще это односоставные наименования, образованные в результате микротопонимизации, а также при помощи различных суффиксов; двусоставные названия обычно образованы по схеме «географический (гидрографический) термин + определение *быстрый*»; встречаются эллиптированные наименования), например: место на р. Нерехта ***Быстри́на*** (*В районе парка имени Ленина (бывшая деревня Окулиха). Там река действительно самая быстрая.* – г. Нерехта), место на р. Солоница ***Быстри́на*** (*Быстрина находится в районе Мотовозного моста, на южной окраине города. Вода здесь быстрая.* – г. Нерехта), ***р. Бы́страя*** (*Быстрая – приток Неи. Назвали так потому, что для такой маленькой речушки у неё слишком быстрое течение.* – п. Поназырево Поназыревск), ***р. Быстру́шка*** (*Быструшка, соединяясь с рекой Вынош, образуют реку Чёрную. Течение у её быстрое.* – п. Георгиевское Межевск.; *По Быструшке хорошо на плоту было плыть.* – с. Никола Межевск.; ***р. Быстру́хина*** (*Речка Быструхина быстрая.* – д. Забегаево Октябрьск.), брод через р. Кострома ***Быстря́нка*** (*Там*

очень быстрое течение. – д. Кашино Солигаличск.), место ***Бы́страя ре́чка*** (*С быстрым течением оно.* – д. Рогово Мантуровск.), мелкое место с быстрым течением ***Быстре́ц*** (*На Быстреце-то мелко, камни, а вода-то быстрая. На Быстреце-то уж чуть вся вода не пересохла.* – с. Боговарово Октябрьск.; *Ребёнком боялся ходить на Быстрец, так как теченье пугало.* – с. Шунга Костромск.) и т. д.

Встречаются также и микрогидронимы, которые образованы на основе иных апеллятивов-«характеристик», синонимичных слову *быстрый*, например: ручей ***Востырь*** (*Ручей с быстрым течением. Вострый он. Востро – быстро.* – д. Починок-Чапков Костромск.), место на р. Никифора ***Шу́строе*** (*Шустрая вода тама.* – д. Екатеринкино Кадыйск.), ручей ***Суе́тник*** (*Суетник – ручей перед деревней Курганово. Течение быстрое, суетное у его, суетный он.* – с. Зашугомье Солигаличск.). Часто значение ‘быстрое движение воды’ передаётся наименованиями, образованными от глаголов: ***р. Струёна*** (*У Струёны очень быстрое течение. Струится она. В Струёне всегда сильно холодная вода течёт.* – д. Контеево Буйск.), ***р. Вы́ноша*** (*Вынош протекает в деревне Быстрая. Соединяясь с рекой Быструшка, образуют реку Чёрную. Быстрое течение здесь, аж выносит.* – п. Георгиевское Межевск.; *Быстрое течение у речки Вынош, как выносит. На Выноше не порыбачишь.* – с. Никола Межевск.), ***р. Пы́шей*** (*Название речка получила за быстрое течение и обильную пену. Пышей быстро течёт и пенится сильно. Пышет он. На Пышее есть омутки, где мужики рыбу ловили.* – с. Никола Межевск.). Разумеется, определение первичного значения, послужившего основой для номинации, в данных случаях (бо́льшая часть приведённых наименований является собственно топонимами, о точном происхождении которых не сохранилось достоверных сведений) может осуществляться и несколько иначе.

Многочисленны микрогидронимы, содержащие сведения о водоворотах в реках: ***Верты́чий о́мут*** (*Омут на реке Шача, там вертит.* – с. Словинка Антроповск.), ***Верте́пы*** (*Место это за городом для отдыхающих. Река в этом месте вертится, много водоворотов, так как река извилистая.* – г. Нея), ***Су́води*** (*Это в реке Ветлуга. Место Суводи отличается глубиной, водоворотом (вода суводит). В этом месте скапливалось много рыбы*. – с. Завет-лужье Вохомск.), ***Спо́рный о́мут*** (*Это омут на реке Шубот, около деревни Зяблухи. К Спорному омуту нас никогда не отпускали купаться. Назвали так, потому что там закруживается вода.* – д. Доброумово Павинск.) и об особенностях русла реки, которое в определённой степени влияет на характер течения: изгиб реки ***Крутцы́*** (*Извилина реки это. Крутое место у реки Чёлсма, которой уже не существует. В таких местах скорость теченья-то меняется.* – д. Вахнецы Галичск.), река ***Крутёц*** (*Глубокая, быстрая речка с крутыми берегами. Крутит теченье-то там. В Крутец опасно нырять.* – д. Тимошино Макарьевск.), ручьи ***Алекса́ндровский крутёц*** и ***Косу́евский крутёц*** (*Косуевской крутец есь. Александровской крутец ещё есь. Крутит вода-то, вот и прозвали.*– д. Николо-Макарово Макарьевск.), ***Крива́я за́водь*** (*Кривая заводь – крутой поворот реки Медозы с глубоким омутом. Поворот крутой, скорость теченья меняется.* – д. Заборье Островск.), река ***Крутóвка*** (*Левый приток реки Унжи, протекает ниже Кологрива. Речка названа так за свой крутой, своенравный характер. Она много петляет, и теченье там такое.* – г. Кологрив; *У Крутовки русло-то изогнутое, кривое. Крутовка крутит. Теченье тама крутит.* – д. Екимцево Кологривск.), река ***Веретёнка*** (*Веретёнка как веретёнка. Теченье у её такое.* – д. Заборье Островск.), река ***Змеи́ха*** (*Змеиха, потому что на змею похожа. Русло такое, изогнутое. И вода течёт как змея, извивается, теченье-то тут не медленное, как будто живая она, особо если подальше смотреть.* – д. Хомутово Островск.), изгиб реки ***Со́кол*** (*Это место изгиба Нёмды. Река тут делает поворот под углом девяносто градусов. И вода тута так течёт, меняет скорость. На Соколе рыбу ловят.* – п. Текун Кадыйск.), поворот реки ***Кри́вик*** (*Крутой и кривой поворот это на реке. На Кривике-то течение большое. Вода как будто разгоняется тут.* – д. Починок-Чапков Костромск.), изгиб реки ***Огибня́*** (*Это где река Вохтома делает изгиб. И теченье-то тама потому неровное.* – д. Маслово Парфеньевск.) и т. п. Используется в образовании микрогидронимов и местный гидрографический термин *прилу́к*, одно из значений которого в костромских говорах – ‘место, где река делает изгиб, в результате чего течение становится более быстрым’: ***Чёрный прилу́к*** (*Это отрезок реки Вочь. Быстрая тут вода. Из-за глубины вода в этом месте кажется чёрной.* – д. Маручата Вохомск.).

Встречаются названия, свидетельствующие и о других особенностях (направление течения, наличие родников, перекатов и т. д.), оказывающих влияние на водный поток: река ***Супроти́вная*** (*Супротивная течёт супротив всех рек – на север.* – п. Поназырево Поназыревск.), ***Встре́чный боча́г*** (*Место, где встречаются три реки.* – п. Красное-на-Волге Красносельск.), ***Стрешно́й боча́г*** (*Место на реке, где встречаются два противоположные направления воды.* – д. Захарово Красносельск.), перекат ***На Кра́сной бу́дке*** / ***Перека́т*** (*На реке Солоница рядом с Красной будкой – садовым домиком. На Перекате очень быстрое теченье. Здесь убыстряется теченье. И тут река не замерзает зимой.* – г. Нерехта Нерехтск.) и т. д.

Часто в микрогидронимии передаются издаваемые водным течением звуки: река ***Ко́хталка*** (*Кохталка и есть, течёт так, как кохтает.* – д. Грудки Судиславск.), река и часть реки ***Бурча́лка*** (*Там сильно бурчит.* – д. Захарово Красносельск.; *Река короткая и чистая, всегда бурчит. Небольшой отрезок реки, где бьют подземные ключи, и во время весеннего половодья в этом месте вода сильно бурлит, бурчит. В половодье Бурчалка так разливается, что сносит деревянный мостик.*– с. Татарское Нерехтск.; Сусанинск.), мельница и место её расположения на реке Покше ***Бу́льдиха*** (*Мельница Бульдиха в Погорелове была, на Покше. Получила своё названье за то, что в этом месте очень сильное теченье и бьёт очень большое количество ключей. Покамест я сижу, то вспомнила, что у нас ещё на Покше мельница Бульдиха была, где все робетишки очень любили играть, теченье-то там быстрое было. Как бульдило тамоди.* – Калинки Судиславск.) и мн. др.

Микрогидронимия, соответствующая номинации по характеристике ‘медленное течение воды’, представлена в основном наименованиями, образованными путём микротопонимизации географических, в том числе и

местных, терминов *плёс* / *плёсо*, *за́водь*, *курья́* (наиболее продуктивные), *зато́н* (плёсом в костромских говорах называют, например, участок реки со спокойным течением, место со спокойным течением между перекатами или изгибами русла; заводью – небольшой залив с замедленным течением, место с замедленным течением, водоворот в реке, устье, рукав реки с замедленным течением; курьёй – залив на месте старого русла реки; затоном – вдавшийся в берег залив реки) или синтагматическим способом на основе этих терминов с использованием каких-либо определений – характеристик именуемых объектов: ***Плёс*** / ***Ху́торский плёс*** (*Плёс – в бывшем Хуторе.* – д. Елегино Буйск.), ***Прямо́е плёсо*** (*Это место, где река течёт прямо, тихо.* – д. Носково Островск.), ***До́лгий плёс*** (*Долгий плёс – на реке Вёкса.* – д. Толтуново Галичск.), ***Разбо́йницкое плёсо*** (*Место на реке Вохма. В этом месте река прямая, без поворотов, спокойная.* – п. Песочное Вохомск.), ***Го́рьско́вское плёсо*** (*Расположено в полтора километрах от села Троица.* – п. Вохма), ***Киселёвское плёсо*** (*Киселёвское плёсо – в двух километрах от деревни Киселёво.* – д. Семёновское Вохомск.), ***Латыше́вское плёсо*** (*Это в двух километрах от деревни Латышово.* – д. Бельково Вохомск.), ***Долгое плёсо*** (*Место на реке Шача Долгое плёсо есть. Рыбачил я на Долгом плёсе*. – д. Буяково Сусанинск.), ***Попра́вкинский плёс*** (*Плёс этот на реке Андоба. Это где постоянно ловит рыбу рыбак по фамилии Поправкин.* – д. Медведки Сусанинск.), ***Кра́сный плёс*** (*Красный плёс есь на реке Шача.* – д. Елегино Буйск.), ***Темно́вское плёсо*** (*Это в километре от деревни Орловица. На Темновском плёсе любят костры жечь*. – д. Лапшино Вохомск.), ***За́водь*** (*Брод Заводь – на реке Ноля. Перейдёшь реку через Заводь.* – д. Чмутово Галичск.; *Место в реке, где стоячая вода. В Заводи плещутся лещи.* – г. Макарьев; *Место купания на реке Ноля, рядом с деревней Заводь, так Заводью и зовут все. Ребята купаются на Заводи.* – д. Чмутово Галичск.; *Брод на реке Ноля рядом с деревней Заводь Заводью зовут. Перейдёшь реку через Заводь* – д. Чмутово Галичск.), ***Мёртвая за́водь*** (*Мёртвая заводь – на реке Вига. Мёртвая-то заводь очень глубокая, по берегам заросли ивы, очень спокойная вода. На Мёртвой заводи окуней ловили.* – п. Судай Чухломск.), ***Лесна́я за́водь*** (*Лесная заводь – на реке Тёбза. Тихое местечко и очень глубокое. Рыба хорошо клевала на Лесной заводи.* – д. Мыс Буйск.), ***Тре́тья за́водь*** (*Третья заводь – место купания на Ветлуге села Кажирова. У третьей заводи оне поди!* – с. Заветлужье Вохомск.), ***Ко́млева за́водь*** (*Комлева заводь – около деревни Селище.* – п. Кадыйск.), ***Крапи́вная за́водь*** (*Крапивная заводь – на реке Вохтома. На Вохтоме заводи есть, Крапивная – в пети километрах от села Матвеева. Вчера на Крапивной большую щуку споймал.* – д. Матвеево Парфеньевск.), ***Крива́я за́водь*** (*Крутой поворот реки Медоза с глубоким омутом.* – д. Заборье Островск.), ***Куба́нова за́водь*** (*Кубановато заводь – это на реке Вохтома. Здесь утопился Кубанов из деревни Телегино.* – п. Парфеньево Парфеньевск.), ***Аке́нтьева заводь*** (*Акентьева заводь – место на реке Вига. Акентьева-то заводь – в пяти километрах от Судая.* – п. Судай Чухломск.), ***Гу́скинская за́водь*** (*Эта заводь находится недалеко от деревни Гускино.* – д. Елегино Буйск.), ***Ка́лина за́водь*** (*Калина заводь – место на реке Тёбзе. Как красиво на Калиной заводи!* – д. Мыс Буйск.), ***Петрецо́вская ку́рья*** (*Петрецовская курья – у деревни Петрецово.* – п. Вохма Вохомск.), ***Пло́сковская ку́рья*** (*Плосковская курья – у деревни Плоская Петрецовского сельсовету.* – п. Вохма Вохомск.), ***Курья́*** (*Курья – место соединения с рекой.* – п. Пыщуг Пыщугск.; *Река Курья впадает в реку Вохму. Рыбу ловить лучше на Курье.* – с. Веденье Вохомск.), ***Орло́вская курья́*** (*Тихое место на реке Вохма есть – Орловская курья. В Орловской курье много моллюсков*. – д. Лапшино Вохомск.), ***Ба́бенская курья́*** (*Место это на реке Вохма. В двести пятьдесят метрах от деревни Бабья. На Бабенской курье отмечают праздники*. – д. Лапшино Вохомск.), ***Гроди́хинская курья́*** (*В километре от деревни Гродиха. Название по деревне. Второе название – Боровуха.* – д. Лапшино Вохомск.), ***Зато́нская слобода́*** (*В этом месте был затон, в котором чинились катера. Раньше называлась Вшивая гора, так как здесь шили полушубки.* – г. Макарьев) и т. д. Подобного рода названия в костромской топонимической системе многочисленны. Иные наименования (с корнем *-тих-* / *-тиш-* и т. п.) в наших материалах представлены в небольшом количестве, например: место на р. Покша ***Тихово́дье*** (*Вода тама медленно течёт.* – д. Калинки Судиславск.), ***р. Засе́рька*** (*Засерька весной течёт, а летом зыбуном затягивает, как и нет её, замирает, будто и не течёт вовсе.* – Нейск.). В *тихой воде*, как говорят диалектоносители, и *«нечистая сила бывает водится»* (ср.: *В тихом омуте черти водятся*): ***Нечи́стая за́водь*** (*Тихий омут в верховье Корбы это. По старинному преданью, там всегда водились черти.* – п. Судиславль Судиславск.).

Бо́льшая часть микрогидронимов, как свидетельствуют имеющиеся у нас материалы, соответствует типу номинации объектов по их свойствам и качествам, по отражению связи микрообъекта с действием (***Быстрина***, ***Востырь***, ***Тиховодье***, ***Прямое плёсо***, ***Кривая заводь***, ***Бурчалка***, ***Кохталка*** и т. п.). И это не случайно, т. к. в них даётся характеристика движения водного потока. Многочисленны микрогидронимы, соответствующие типу номинации по отношению к окружающим объектам (***Плосковская курья*** ← д. Плоская Вохомск., ***Киселёвское плёсо*** ← д. Киселёво Вохомск., ***Лесная заводь*** ← лес – д. Мыс Буйск. и т. п.; чаще по названиям населённых пунктов, рядом с которыми находятся именуемые объекты). Имеются также и микрогидронимы, представляющие номинацию по отношению к человеку (***Кокурев криуль*** ← прозвище Кокурь – д. Екатеринкино в Кадыйск., ***Кубанова заводь*** ← фамилия Кубанов – с. Парфеньево Парфеньевск. и т. п.). Внутренние отличительные признаки объекта могут отражаться в микрогидронимии через их метафорическое осмысление, сравнительность (***Змеиха***, ***Веретёнка***, ***Мёртвая заводь*** и т. п.). Некоторые названия становятся основой для образования топонимов других типов, например, ойконимов: деревня ***Затонская слобода*** – Макарьевск., деревня ***Заводь*** – Галичск.

Многие из названных гидронимов (в основном те, что образованы на основе географической терминологии) встречаются в топонимических системах и других территорий (см., например, [1; с.115-118; 2; 3]).

В рассматриваемых микрогидронимах отражаются особенности водных источников костромского края,

отношение народа к ним, основанное как на типичном, традиционном, так и на своеобразном восприятии окружающего мира. Такие наименования, без сомнения, содержат важную информацию о лексической системе костромских говоров. Они подтверждают и уточняют, а некоторые из них в определённой степени и дополняют, сведения о местной географической терминологии.

Appellations to water bodies, which contain water current characteristics and represent one of the parts of the system hydronymic of Kostroma Region, are addressed in the article; the main types of their category are defined, characteristics of Kostroma patois, which is reflected in the former, are identified.
Keywords: *microtoponymy, Kostroma Region hydronymy, microhydronymy, hydrographical term, water body nomination, Kostroma patois.*

Список литературы

1. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: монография. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.
2. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
3. Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 420 с.
4. Цветкова Е.В. Географический термин бочаг в костромской топонимии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2012. № 3. С. 76-79.
5. Цветкова Е.В. Гидрографическая терминология в словаре В.И. Даля и костромские говоры // Вопросы семантики современного русского языка. Материалы межвузовского научно-практического семинара. Кострома, 26 – 27 октября 2001 г. Кострома, 2002. С. 52-55.
6. Цветкова Е.В. К вопросу о типологии костромских топонимов // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2009. №4. С. 203-208.
7. Цветкова Е.В. Названия мест на реках (на материале костромской микротопонимии) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 569-579.

Об авторе

Цветкова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, *elv15@list.ru*

УДК 81:37/3

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ ПО ВОИНСКОМУ ЗВАНИЮ И ДОЛЖНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Черных М.А.

Представленная работа продолжает ряд современных исследований, обращенных к изучению теории номинаций и теории сочетаемости единиц. Данная статья посвящена анализу лексической сочетаемости имен существительных-номинаций лиц по воинскому званию и должности в современном русском языке, которая понимается как свойство обозначенных единиц сочетаться с различными атрибутивными распространителями. Картотека включает в себя 850 примеров, извлеченных из произведений современной русской прозы, а также из печатных и аудиовизуальных СМИ XXI века. В ходе работы составлена морфолого-семантическая классификация атрибутивных распространителей указанной тематической группы.
Ключевые слова: *лексическая сочетаемость, номинации лица, воинские звания и должности, синтагматические возможности, атрибутивные распространители, необособленные препозитивные определения, согласованные определения.*

Изучение военного дискурса является одним из актуальных аспектов исследования в русле лингвистической науки. Значимость и влияние военного дискурса возрастает в связи с усложнением армейской иерархии, милитаризацией общества и актуализацией военно-теоретической науки [11]. Военный подъязык находится в центре внимания современных лингвистов. Наиболее интересными для настоящего исследования являются работы, освещающие вопросы, связанные с анализом воинских званий и должностей. Воинские чины и звания были рассмотрены с точки зрения гипергипонимических отношений на основе творчества Г.Р. Державина (XVIII век), ср., напр.: *рядовой, вестовой, унтер-офицер, сержант, фельдфебель, комиссар* и др. [2]. Происхождение и функционирование указанных номинаций в русском языке XX века рассмотрено на материале отдельных существительных, например: *полковник, лейтенант, политрук, старшина, солдат* [5]. Ряд исследований представляет собой сопоставление русских званий и должностей с аналогичными иностранными номинациями [7; 8].

Необходимо отметить, что номинации воинских званий и должностей не были подвергнуты анализу с точки зрения теории сочетаемости до настоящего времени. В связи с этим для нас представляется ***актуальным*** рассмотреть сочетаемостные возможности и дискурсивное употребление номинаций лиц лексико-семантической группы «Воинские звания и должности» (далее – ЛСГ «Воинские звания и должности») в русском языке XXI века.

Цель настоящей работы заключается в выявлении общих принципов сочетаемости наименований лиц ЛСГ «Воинские звания и должности» и составлении морфолого-семантической классификации атрибутивных

распространителей к анализируемой группе имен существительных.

Мы предполагаем, что имена существительные одной тематической группы в сфере профессиональной деятельности имеют общие сочетаемостные возможности, то есть обладают способностью распространяться в речи атрибутивными распространителями со схожими семантическими значениями и морфологическими характеристиками. Такое предположение, по нашему мнению, является проявлением «дефектной» атрибутивной валентности, которая подразумевает ограничения в сфере лексической сочетаемости ряда слов. Так, при некоторых существительных-номинациях лиц, в частности наименованиях лиц по профессии, должности и воинскому званию, может функционировать только ограниченный круг атрибутивных распространителей [14, с.6].

ЛСГ «Воинские звания и должности» довольно многочисленная. Существует законодательно утвержденный список воинских званий, среди которых можно выделить 19 войсковых (*рядовой, лейтенант, майор, полковник, генерал армии* и др.), 19 корабельных званий (*матрос, старшина, мичман, лейтенант, капитан, контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал, адмирал флота* и нек. др.) и высшее звание среди военнослужащих, а именно *Маршал Российской Федерации* [13].

Воинских должностей зафиксировано намного больше. Известно, что нормативные правовые акты законодательно утверждают более 100 должностей, ср., напр.: *командир самолета (корабля, вертолета) (всех наименований и специальностей); летчик (всех наименований и специальностей); начальник рода войск и службы, военный комиссар* и ряд других наименований [9; 12].

Из множества воинских званий и должностей нами были отобраны единицы, отвечающие трем критериям: высокий индекс частотного употребления в современном русском языке; лексикографическая фиксация в словаре сочетаемости и большое число языковых реализаций, полученных в ходе сбора картотеки на основе дискурса СМИ и текстов художественной литературы XXI века.

В Частотном словаре современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова зафиксированы номинации *солдат* [142.2], *генерал* [140.0], *капитан* [119.0], *офицер* [118.7], *командир* [110.9], *полковник* [86.8], *лейтенант* [71.9], *майор* [58.0], *летчик* [38.8], *сержант* [34.2], *подполковник* [23.8]. Показатель в квадратных скобках характеризует общую частоту числа употреблений на миллион слов корпуса [6].

Из наиболее частотных званий и должностей нужно выделить единицы, имеющие лексикографическую фиксацию в словарях сочетаемости. Синтагматические возможности номинаций ЛСГ «воинские звания и должности» отражены в нескольких источниках. Словарь сочетаемости слов русского языка под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина включает в свой состав номинации *военный, капитан, командир, летчик*. Активный словарь русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна содержит 3 лексемы, связанные с военным дискурсом, а именно *адмирал, генерал, военный*. Следует отметить, что номинация *военный* не является званием или должностью, а обозначает профессиональную сферу деятельности лица. Таким образом, можно определить список интересующих нас номинаций ЛСГ «Воинские звания и должности»: ***адмирал, генерал, капитан*** (звания), ***командир, летчик*** (должности).

Языковая база настоящего исследования включает в себя 850 контекстов, извлеченных из произведений русской литературы XXI века, а также из современных СМИ, функционирующих в период с 2000 по 2016 годы. Из собранных примеров методом сплошной выборки нами были выявлены сочетательные контексты для номинаций лиц ЛСГ «Воинские звания и должности».

Определим лексическое значение приведенных выше слов. В соответствии с Большим толковым словарем русского языка ***адмирал*** [голл. admiral от араб. admir-albahr – командующий (на море)] определяется как воинское звание высшего командного состава военно-морского флота; лицо, носящее это звание [3, с.29]. ***Генерал*** [от лат. generalis – общий, главный]. Воинское звание высшего командного состава в армии; лицо, носящее это звание [3, с.198]. Существительное ***капитан*** [от франц. capitaine] имеет 3 значения, 2 из которых связаны с военным дискурсом: 1. Офицерское звание (чин) в армии, следующий за званием старшего лейтенанта; лицо, носящее это звание. 2. Командир, начальник судна. 3. Глава, руководитель спортивной команды [3, с.416]. В ходе сбора материала мы выявляли контексты с лексемой *капитан* в первом и втором значении. Номинация ***командир*** также многозначная: 1. Начальник воинской части, подразделения, военного судна; руководитель военизированной организации, стройотряда и т.п. 2. *Разг.* О том, кто любит приказывать, распоряжаться [3, с.443]. Контексты с данным существительным во втором значении не входят в языковую базу. Наименование ***летчик*** имеет следующее значение: специалист, умеющий управлять каким-либо летательным аппаратом (обычно самолетом, вертолетом) [3, с.495].

Следует подробно рассмотреть, какие сочетательные контексты зафиксированы для анализируемых званий и должностей. Как было отмечено ранее, в Активном словаре русского языка описаны 2 звания, а именно ***адмирал*** и ***генерал***. Для номинации ***адмирал*** отмечены следующие сочетательные контексты: *российский, царский, американский; боевой, отставной; легендарный, прославленный* [1, т.1, с.57-58]. Сочетаемость звания ***генерал*** реализуется в следующих контекстах: *боевой, бравый; штабные генералы; царский, белый, красный; пехотный генерал; отставной генерал; генерал в отставке* [1, т.2, с.573].

В Словаре сочетаемости слов русского языка номинация ***капитан*** как офицерское звание характеризуется прилагательными *молодой, пожилой, общевойсковой;* второе значение описано с помощью большего числа распространителей, а именно *новый, старый, молодой, опытный, знаменитый, отважный, храбрый* [10, с.218-219].

Для наименования должности ***командир*** отмечены такие прилагательные, как *новый, прежний, хороший, плохой, талантливый, способный, храбрый, доблестный (высок.), боевой, опытный, молодой, кадровый* [10, с.231].

Последняя единица должность ***летчик*** имеет самое большое количество сочетательных контекстов: *хороший, замечательный, талантливый, выдающийся, известный, [не]плохой, старый, молодой, [не]опытный, отважный, смелый, храбрый, мужественный, знакомый, новый, настоящий, заслуженный, морской, полярный, военный, гражданский, советский, французский* [10, с.258].

Рассмотрев лексикографические данные, приходим к выводу, что большинство распространителей для всех воинских званий и должностей выражены ***качественными именами прилагательными***, связанными с ограниченным числом лексических значений: характеристика возраста (*молодой, пожилой, старый*); оценка с точки зрения соответствия-несоответствия стандарту (*отличный, плохой, хороший*); оценка со стороны общества (*известный, легендарный, заслуженный* и др.); характеристика с точки зрения опыта и профессионализма (*опытный*); указание на качества характера и личности (*доблестный, отважный, смелый, храбрый*) и нек. др.

Относительные имена прилагательные встречаются во всех словарных статьях и связаны с определением места службы лица, связанного с военным, военно-морским делом и областью авиации, ср., напр.: *царский адмирал; штабные генералы; царский, пехотный генерал; общевойсковой капитан; кадровый командир; морской, полярный, военный, гражданский летчик;* также указанные прилагательные связаны с характеристикой национального и этногеографического показателя (*американский, российский, французский*); темпоральное значение, как нам кажется, выражается в контекстах *боевой* и *отставной,* которые выступают как антонимы применительно к военной службе. Интересными являются распространители *белый, красный* и *советский*, которые также имеют темпоральное значение и раскрывают исторические реалии. Прилагательные *белый* и *красный* перешли при сочетании с воинскими званиями и должностями из разряда качественных (с семантикой цветообозначения) в разряд относительных.

Местоименные и притяжательные имена прилагательные, причастия, числительные как препозитивные распространители не представлены в комбинаторных словарях, но функционируют в современном русском языке при сочетании с анализируемой группой имен существительных.

В ходе работы нам предстоит **сравнить лексикографически зафиксированный материал с современной дискурсивной практикой** и описать полученную в ходе обработки языкового материала ***морфолого-семантическую классификацию атрибутивных распространителей*** для номинаций *адмирал, генерал, капитан, командир, летчик*. В качестве основы анализа сочетаемости рассматриваемой группы слов обратимся к классификации атрибутивных распространителей, предложенной профессором Н.В. Юдиной в монографии «Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства)» [см. подробнее 14, с.23-78].

Расположим контексты с атрибутивными распространителями от наиболее частотных к наименее частотным. В рамках данного исследования будут рассмотрены согласованные необособленные препозитивные атрибутивные распространители.

I.Первая группа распространителей выражена ***относительными прилагательными***, среди которых можно выделить три группы, объединенные общими значениями. Общее число контекстов составляет 268 единиц, то есть 31,53 % дискурсивного употребления. Обратимся к примерам:

1) первая и самая многочисленная группа контекстов (102 единицы) выражена именами прилагательными с **темпоральной семантикой**, которая указывает на время военной деятельности (имена прилагательные ***бывший, будущий, начинающий, нынешний, отставной, прежний, тогдашний***), например: *И в каждом видении они вдвоем,* ***нынешний командир*** *и приговоренный* (Э. Рязанов. Подведенные итоги (2000)). Некоторые контексты называют временный статус (речь идет о примерах с прилагательным ***дежурный,*** которое указывает на временное исполнение возложенных обязанностей): *В ночное время* ***дежурный летчик*** *вылетает только в случае особо благоприятных условий* (Воздушно-космическая оборона, 15.08.2003). Наиболее интересными являются контексты, связанные с **историческими реалиями** (***белый, белогвардейский, довоенный, коммунистический, красный, партизанский, революционный, советский***). Прилагательные ***белый*** и ***красный***, традиционно относимые к качественным прилагательным с цветовой семантикой, переходят в разряд относительных прилагательных с темпоральным значением, ср., напр.: *Но первые же контакты с* ***белыми генералами*** *убедили Запад, что белые «спят и видят» восстановление царской России* (Наука и жизнь, 2009); *Некогда в годы Гражданской войны* ***красный командир*** *Николай Прохоров увез ее из родительского поместья* (Г. Шергова. …Об известных всем (2002-2004));

2) 74 контекста представляют собой характеристику или наименование **структурных подразделений, места службы, рода войск** и нек. др. аспектов ***(авиационный, армейский, артиллерийский, бригадный, военный, дивизионный, корпусной, милицейский, морской, ротный, пехотный, полевой, полицейский, полковой, штабной*** и др.), ср., напр.: *Илюхин пояснил ГАЗЕТЕ, что на письмо его подвигли обращения недовольных Грызловым* ***милицейских генералов*** (Газета, 02.07.2003); *Интересно, откуда в 1951 году взялся* ***армейский капитан,*** *рассуждавший о Сартре и сюрреалистах* (Звезда, 2002) и мн. др.;

3) **национальная, этническая и географическая принадлежность** выражается с помощью имен прилагательных ***американский, английский, британский, китайский, немецкий, русский, французский, японский*** и мн. др. и представлена 72 контекстами, ср., напр.: ***Китайский адмирал*** *сделал данное заявление* (URL: http://izvestia.ru, 30.10.2015); *Вот и появились у него на чердаке автомат «шмайсер», боевой пистолет, мундир* ***немецкого генерала,*** *пробитый осколками, генеральский парадный палаш и даже настоящий пулемёт!* (Вечерняя Москва, 07.02.2002);

4) ряд распространителей характеризует **возраст лица**, принадлежащего к профессии военной сферы, а

именно 20 единиц, напр.: *В четверг вечером* ***сорокалетний летчик*** *скончался в Санкт-Петербурге от рака желудка* (Известия, 31.05.2002) и др.

II. Вторая группа распространителей выражена ***качественными именами прилагательными*** (204 единицы, или 24 % употребления). Среди указанных единиц можно выделить семь групп, описывающих существительные, связанные с военным дискурсом, по следующим критериям:

1) Прилагательные, обозначающие признаки человека, определяемые его физической природой.

Возрастные признаки человека:

а) опосредованно указывается на возраст и называются физиологические свойства лица ***(молодой, молоденький, престарелый, старый, старейший)*** – 23 контекста. Мы предполагаем, что прилагательные «молодой, молоденький» в сочетании с воинскими званиями могут не только указывать на возраст лица, но и давать дополнительную характеристику «неопытный, начинающий, находящийся относительно небольшое время на военной службе», в отличие от прилагательных «престарелый, старый, старейший», несущего на себе другую смысловую нагрузку – «имеющий большой срок выслуги, мудрый, опытный». Подтвердим наше предположение примерами: ***Самый молодой генерал (33 года) польской армии****, слушатель военных академий в Варшаве и Москве …* (Русский репортер, 2014); *Первое написал* ***старейший капитан*** *Дальневосточного пароходства Виталий Витольдович Радынский, мой давний знакомец по Владивостоку* (А. Городницкий. И жить еще надежде (2001)) и т.д.

Прилагательные, обозначающие физические качества и состояния лица (***больной, развеселый, раненый, пьяный, хромой***), а именно 9 единиц, раскрываются в следующих контекстах: ***Раненый командир*** *остался лежать на «нейтралке»* (Солдат удачи, 12.03.2003); *Следствие выясняет, кто выпускал «Полесье-8» из порта в рейс и каким образом на его борту оказался* ***пьяный капитан*** (Известия, 19.08.2013) и др.

Прилагательные, характеризующие лицо по внешнему виду (было получено 13 контекстов):

а) определяют параметрические данные человека, то есть линейные размеры и особенности строения тела (***высокий, маленький, огромный, плотный, пузатый, сухощавый, тучный***), например: ***Тучный капитан*** *с повязкой дежурного по штабу сопроводил меня на второй этаж, прямо по коридору с множеством дверей, потом налево, опять налево* (В. Синицына. Муза и генерал (2002));

б) характеризуют детали внешности персонажей, выделяют одну из нескольких черт лица: цвет глаз (***синеглазый***), цвет волос (***седой, седовласый***), наличие усов, бороды и их цвет (***седоусый, седобородый, усатый***): *А потом крупным планом –* ***седобородый капитан*** *с биноклем в руках?* (Звезда, 2001); *Как-то я вспомнил, как пожалел, что я не Анна Возвышенская, которую встречал* ***синеглазый капитан*** *…* (Д. Подберезский, Ева Эн, 2005-2010));

в) упоминают об одежде человека (***белоснежный*** – о цвете формы, обмундирования)*:* ***Белоснежный капитан*** *с обезьянкой на плече, в сопровождении матросов, тащивших тяжеленный сундук темного дерева, не сторожась, поднимался на верх холма …* (Знамя, 2003).

2) Прилагательные, обозначающие интеллектуальные свойства и состояние личности, а именно психические недостатки человека, встретились только в 2 примерах, ср., напр.: ***«Сумасшедший адмирал»*** *теперь постоянно напевал набор каких-то несуразиц под гитару* (Солдат удачи, 09.06.2004); *Как всегда в таких случаях, из детского закутка памяти выплыл, тараща глаза,* ***безумный капитан*** *Рахмил* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)).

3) Прилагательные, обозначающие черты характера человека:

а) отдельные черты характера человека (***бессовестный, бесстрашный, бравый, высокомерный, доблестный, добродушный, лихой, жестокий, отважный, прозорливый, проницательный, решительный, самонадеянный, сильный, спокойный, суровый, харизматичный*** и др.). Отметим, что это самая многочисленная подгруппа качественных прилагательных, которая представлена 45 контекстами: *И что по этому поводу сказал* ***прозорливый адмирал*** *Нахимов, который презирал эти «чайники» и считал, что они русскому флоту не нужны* (Известия, 11.09.2013); *В Екатеринбурге есть улица Бахчиванджи,* ***бесстрашный летчик*** *похоронен в Кольцово, но большинство ассоциирует эту фамилию только с рынком, расположенным поблизости* (Российская газета, 25.05.2016);

б) черты характера, связанные с речью (***басовитый, косноязычный***), описаны в 2 примерах: *Как там пировали* ***басовитые генералы*** *и присмиревшие при них полковники, Огрызков почти не видел – его обязанностью было готовить очередные блюда и мыть посуду* (В. Быков. Болото (2001)); *Его умными, оснащенными русской лексикой устами говорил* ***косноязычный полевой командир*** *в пятнистой панаме, с черной косой бородой* (А. Проханов. Господин Гексоген (2001)).

4) Прилагательные, обозначающие признаки человека, обусловленные его отношением к кому- или чему-либо (28 примеров из СМИ), например, признаки, которые возникают на основе его отношения к делу, уровня профессиональной подготовки (***грамотный, нерадивый, опытный, профессиональный***): *Он лично появляется на самых тяжелых участках фронта и ведет солдат в бой, как он лично наказывает* ***нерадивых генералов****, подвергая их всяким наказаниям* (Эксперт, 2014); ***Профессиональный летчик*** *при такой длине полосы мог бы с ней справиться* (Известия, 09.01.2013).

5) Прилагательные, обозначающие способности человека, например, наличие/отсутствие таланта, гениальности (***великий, гениальный, талантливый***), встретились нам в 8 контекстах, а именно: *Ее героями станут* ***талантливый летчик*** *Алексей Гущин и его наставник – суровый и принципиальный Леонид Зинченко* (Эксперт, 2014).

6) Прилагательные, представляющие собой оценку номинации лиц по воинскому званию и должности:

а) с точки зрения соответствия-несоответствия стандарту: ***великолепный, замечательный, лучший, некудышный, отличный, плохой, прекрасный, славный, хороший***, 9 единиц, ср., напр.: *Адмирал флота Николай Кузнецов считал, что из меня может получиться* ***хороший адмирал*** (Комсомольская правда, 18.07.2013); *Поднять новый самолет в воздух должен* ***лучший летчик*** *Страны Советов – Валерий Чкалов* (Комсомольская правда, 02.01.2014);

б) с точки зрения эстетического идеала (единственный контекст – прилагательное ***омерзительный***): *Про* ***омерзительного генерала*** *Пиночета, омерзительного даже много лет спустя, когда его вдруг объявили претендентом на роль национального героя для несчастливой Колюниной страны* (Новый Мир, 2000);

в) прилагательные, дающие оценку и статус лицу:

– в коллективе (***главный, младший, новый, старший***), 18 примеров: *Чихнув в платок,* ***старший генерал*** *глянул на Эра зорким зраком* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)); *А у солдат – единоначалие и всегда один* ***главный командир****: Верховный главнокомандующий* (Известия, 18.02.2003);

– в обществе (социальная характеристика субъекта по разным критериям, например степень известности), вторая по численности подгруппа, представленная 39 примерами: *На одном из островов нашел последнее пристанище исследователь Георгий Седов, отступил* ***легендарный адмирал*** *Колчак* (Мир & Дом. Residence, 15.03.2004); *Вероятно, предок* ***достопочтенного генерала*** *какому-нибудь варяжскому феодалу горшки и кружки ваял* (Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011)).

7) Некоторые исследователи выделяют обособленную группу прилагательных, которые называют **«эксклюдерами»** [4, с.82]. Речь идет о прилагательных *настоящий, современный, идеальный, истинный*. В нашей картотеке есть контексты из СМИ в количестве 7 единиц с распространителями ***настоящий, идеальный*** и ***истинный,*** ср., напр.: *Гремин, Гремин.* ***Настоящий генерал****…* (Новый Мир, 2000); *Именно «принимает имя», потому что* ***истинный командир*** *Га, как выясняется, убит им в секретной тюрьме* (Известия, 06.03.2014); *И вообще, какими качествами, должен обладать* ***идеальный летчик*** *ГА?* (URL: http://www.livejournal.com/, дата опубликования 23.02.2009).

III. ***Местоименные прилагательные*** в роли атрибутивных распространителей при анализируемой группе имен существительных имеют 104 языковых реализации, что соответственно равно 12,23 %, и представлены 6 разрядами:

1) **притяжательные местоимения,** а именно *мой, наш, ваш, свой,* а также близкие к ним – *его, ее, их*, сочетаются со всеми номинациями и встретились нам в количестве 16 единиц, ср., напр.: *Именно они стали первыми требовать от* ***своих генералов*** *и наемников-кондотьеров, по сути, бизнес-планов предстоящих кампаний …* (Эксперт, 2014);

2) **указательные местоимения** (*такой, этот, тот, тот самый*), 15 контекстов, например: ***Этот адмирал*** *разыскивается за участие в преступной организации и дезертирстве* (URL: http://www.kommersant.ru, 14.03.2016); *Это были* ***те самые генералы****, вечно готовящиеся к прошлой войне* (Эксперт, 2014);

3) **определительные местоимения** (*весь, всякий, каждый, сам, любой, другой*), 7 единиц, ср. напр.: ***Каждый командир*** *подумал: «Может быть, война уже кончилась?* (Знание – сила, 2008);

4) **вопросительно-относительные местоимения** (*какой, никакой, чей*) имеют всего 3 примера дискурсивного употребления, ср., напр.: *Даже спрашивать не буду, всё равно* ***никакой командир*** *ничего толком не ответит* (Пятое измерение, 2003); *Но главное – нужно было приземлить самолет среди едущих автомобилей.* ***Какой летчик*** *решится на это?* (Э. Рязанов. Подведенные итоги (2000));

5) **неопределенные местоимения** (*некоторый, некий, какой-нибудь, чей-нибудь, чей-то*, а также *многие, иной*) представлены 14 контекстами: *Ну еще бы, он же – д'Аннунцио, а они –* ***какие-то там генералы*** (А. Макушинский. Город в долине (2012)); *К примеру, где-нибудь в Южной Америке, где персонал подчас еще неважно обучен,* ***какой-нибудь летчик,*** *принявший наркотик, садится в свой самолет и разбивается* (Наука и жизнь, 2007) и др.;

6) слова **другой, сам, один,** употребленные в значении местоименных прилагательных, представлены самым большим числом употреблений (49 единиц), ср. напр.: *Вот как рассказывает об этом* ***сам адмирал****: «Я зачитал всем записку, а затем напрямую спросил: «А кто бы это мог быть?»* (Родина, 2010); ***Один капитан*** *был заколот казаками недалеко от рощи, другой капитан и адъютант скрылись в ней, но были оттуда приведены* (Знание – сила, 2011).

IV. Одиночные препозитивные ***причастия*** встречаются при анализируемой группе номинаций крайне редко. Так, можно выделить 46 контекстов (5, 41 % от общего числа примеров) с различными распространителями. По морфологическим признакам причастия распределяются следующим образом: 12 контекстов с **действительными причастиями в форме настоящего времени** (*действующий, командующий, седеющий, улыбающийся* и др.): *Летчик,* ***действующий командир*** *Ил-96 Сергей Кнышов, отметил, что быстро организовать полет над Москвой не так просто – это требует особых согласований и разрешений* (Известия, 29.07.2013); 13 единиц, выраженных **действительными причастиями в форме прошедшего времени** (*облысевший, погибший, слетавший, уцелевший* и нек. др.), например: ***Пострадавший капитан полиции*** *был отправлен в Городскую клиническую больницу №67, врачи констатировали у него черепно-мозговую травму* (РБК Дейли, 30.07.2013). Меньше всего с воинскими должностями и званиями сочетаются **страдательные причастия в**

форме настоящего времени (2 единицы, а именно *разыскиваемый* и *уважаемый*). В свою очередь **страдательные причастия в форме прошедшего времени** получили наибольшее число примеров дискурсивного употребления. Нам встретилось 19 контекстов с указанными причастиями, а именно: *битый, взволнованный, вымышленный, награжденный, прославленный* и ряд других, ср., напр.: *155 лет назад … после полученного ранения умер* ***прославленный адмирал*** *Павел Степанович Нахимов* (Знание – сила, 2010).

V. ***Порядковые числительные*** (5 контекстов, или 0,59 %) и ***количественно-именные сочетания*** (5 примеров, 0,59 %) в роли атрибутивных распространителей встречаются крайне редко, ср., напр.: ***Первый летчик*** *был сражен пулеметной очередью* (А. Проханов. Господин Гексоген (2001)); *Столы ломятся от невиданных деликатесов, а вокруг пустота, только* ***три адмирала*** *не первой категории что-то пьют из чайных стаканов и энергично закусывают* (URL: http://nvo.ng.ru, 02.10.2015).

VI. ***Притяжательные прилагательные*** не встретились в ходе анализа, эти распространители также не были отмечены в комбинаторных словарях.

На основе проведенной работы мы можем заключить, что группа существительных номинаций лиц ЛСГ «Воинские звания и должности» (*адмирал, генерал, капитан, командир, летчик*) действительно имеет схожие синтагматические возможности, реализующиеся при сочетании с атрибутивными распространителями, имеющими подобные семантические значения. Большинство распространителей являются необособленными (838 единиц из 850 полученных, то есть 98,59 %). Обособленные распространители представлены 12 случаями дискурсивного употребления, или 1,41 %, и являются согласованными обособленными определениями, выраженными причастными оборотами. Препозитивных определений при наименованиях лиц, связанных с военным дискурсом, подавляющее большинство, а именно 631 единица, или 73,24 %. Число постпозитивных атрибутивных распространителей – 219 контекстов, то есть 25,76 %. Постпозитивные распространители выражены в большинстве случаев именами существительными (214 единиц). Малое число имен прилагательных, всего 5 примеров, встретилось в позиции после определяемого слова.

В заключение следует отметить, что спектр сочетаемостных возможностей номинаций лиц ЛСГ «Воинские звания и должности» весьма широк и лексикографическая фиксация не позволяет в полной мере увидеть то, что отражено в современном дискурсе СМИ и текстах художественной литературы XXI века.

По приведенному образцу могут быть проанализированы и другие группы номинаций профессионального деятеля с точки зрения синтагматических возможностей. Представленное исследование вносит определенный вклад в изучение теории номинаций и теории сочетаемости.

This work continues a series of advanced research, addressed to the study of the theory and the theory of compatibility nominations units. This article is devoted to the analysis of lexical combinability of nouns-nominations of persons for military rank and position in the modern Russian language, which is understood as a property of the designated units combined with various attributive distributors. Card file includes 850 examples, drawn from the works of contemporary Russian prose, as well as print and audiovisual media of the XXI century. The work is composed morphological and semantic classification attribute distributors.
Keywords: *lexical compatibility, nomination of persons, military ranks and positions, syntagmatic possibilities, attribute distributors, segregated prepositional definitions, agreed definition.*

Список литературы

1. Активный словарь русского языка. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д, Бабаева Е.Э. Отв. ред Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Том 1. 408 с., Том 2. 736 с.

2. Багрянцева Г.И. Военная лексика в «Записках» Г. Р. Державина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. №4 С.81-87.

3. Большой толковый словарь русского языка. СПб, Норинт, 2000 / под ред. С.А. Кузнецова.

4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 200 с.

5. Демидович Т.В. К вопросу о лексико-семантических группах военной лексики // Известия ВГПУ. 2013. №9 (84) С.70-74.

6. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. Электронная версия издания: Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения 10.04.2016).

7. Митчелл П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. №3 (27) С.64-73.

8. Очкасова М.Р. Структурно-семантическая организация лексики и фразеологии, связанной с темой войны в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Альманах современной науки и образования. 2007. №3-1 С.182-184.

9. Приказ Министра обороны РФ от 25.05.2008 № 290 «О зачете на льготных условиях службы на летной работе летному составу государственной авиации в выслугу лет для назначения пенсии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/ 193515/#ixzz4D9oGlgEP, (дата обращения 11.06.2016).

10.Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 С 48 словар. статей/ Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983.

11.Уланов А.В. О парадигматических связях лексических единиц русского институционального военного дискурса // Вестник ОмГУ. 2014. №3 (73) С.156-160.

12. Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/180912/#ixzz4DQ3DZKN1, (дата обращения 15.06.2016).

13. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/ 178405/#ixzz4D9eo4KWK, (дата обращения 16.06.2016).

14. Юдина Н.В. Атрибутивная валентность релятивных существительных (на материале терминов родства). Владимир: Посад, 2000. 120 с.

Об авторе

Черных Марина Александровна – аспирантка кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, *marina-chernykh-1992@mail.ru*

УДК 81'373.45

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ МЕЖДОМЕТИЙ

Шкапенко Т.М.

В статье уточняется понятие перформативности и его основные конститутивные признаки. Обосновывается способность определенных классов междометий – этикетных, когнитивных и эмотивно-оценочных – выступать в качестве имплицитных перформативов. Устанавливается несоответствие звукоподражательных, первичных эмотивных и волитивных междометий основным параметрам перформативности.

Ключевые слова: *междометия, интеръективы, эмотивные, когнитивные, волитивные междометия, перформативы, перформативность.*

Междометия, которым еще недавно в исследованиях отводилась периферийная роль, последнее время все чаще становятся объектом внимания как российских, так и зарубежных лингвистов. Рост интереса к данным языковым единицам обусловлен пониманием их облигаторности в условиях аутентичной речевой коммуникации, а также стремлением выработать непротиворечивую систему их описания. [6] Утверждение о том, что основным препятствием на пути к созданию такой системы является тот факт, что междометия представляют собой гетерогенный класс, стало уже практически обязательным для всех работ в рамках указанной проблематики. При этом может возникнуть впечатление, что класс междометий существует сам по себе, как некая онтологическая данность, а не является теоретическим конструктом, неким искусственным образованием, части которого не смогли вписаться в традиционную частеречную парадигму и потому оказались в достаточно разрозненной группе интеръективов.

Традиционно в состав междометных единиц включают первообразные и вторичные эмотивные междометия, когнитивные, волитивные (побудительные), этикетные и звукоподражательные междометия (ономатопеи). Наличие у данных подклассов как общих, так и отличительных признаков, делает несостоятельными многие попытки лингвистов определить их общую природу. В связи с этим более убедительными представляются те исследования, которые избегают общих выводов и изучают то или иное свойство междометий в зависимости от их принадлежности к конкретному типу или подклассу. Так, исследуя концептуальную природу междометий и анализируя различные взгляды лингвистов, П. Круз приходит к выводу о «существовании некоего континуума более или менее концептуальных единиц», среди которого имеются концептосодержащие и аконцептуальные единицы [12, с.251]. Исследуя семиотическую природу междометий, ученые указывают на иконичность и индексальность интеръективных знаков в зависимости от их принадлежности к определенной группе или же в зависимости от конкретной стадии семиозиса. [6] В данной работе предпринимается попытка определить степень перформативности междометных единиц с учетом их принадлежности к конкретной интеръективной группе.

Как известно, введенное Дж. Остином понятие перформативных речевых актов получило две основные интерпретации. Одну из них можно назвать канонической или классической, не допускающей более широкого, нежели в эксплицитно-перформативных речевых актах, толкования. Согласно данной концепции к перформативам относят речевые акты, эквивалентные поступку или действию. С грамматической точки зрения они включают в себя субъект говорения, выраженный местоимением первого лица, перформативный глагол в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога и пропозициональную часть.

Согласно другой интерпретации, предложенной самим Дж. Остином, понятие перформативности предлагается расширить на имплицитно-перформативные высказывания, в том числе содержащие глаголы, выражающие цель речевого акта («приказывать», «обещать», «возражать» и др.), а также речевые акты с глаголами в повелительном наклонении. Подобное толкование перформативов в конце концов приводит автора к своего рода отказу от собственного открытия. В статье «Перформативы — констативы» Дж. Остин приходит к выводу, что в более общей теории речевых актов данная дихотомия может быть вообще снята. [8]

Подобная интерпретация была подвергнута обоснованной критике Э. Бенвенистом, указавшим на необходимость следования строгому пониманию перформатива как объединяющего в себе факт языка и факт действительности. Поскольку высказывания в повелительном наклонении побуждают к активности отличного от адре-

санта участника коммуникации, по этой причине они не могут быть равнозначны совершению действия. Французский лингвист не только настаивает на необходимости соблюдать строгие критерии равноценности действия и речевого акта, но и ужесточает их, указывая, что однозначно к перформативам могут быть отнесены только высказывания лица, обладающего властными функциями. Например, «Я объявляю его избранным. Мы объявляем вас виновным. Я назначаю Х. директором» и т.п. [1]

Позиция Бенвениста разделяется многими другими учеными, исключающими из перформативной области как конструкции с императивами, так и косвенные речевые акты. По справедливому замечанию И.П. Сусова, при таком подходе возникает смешение понятий перформативности и иллокутивности: «в конечном итоге, все речевые акты представляют собой действия. Но это свойство придаёт им иллокутивная сила (коммуникативная цель) соответствующего субъекта высказывания» [11, с.120].

Таким образом, категория перформативности получает смысл только при ее узком понимании, когда в качестве критериев отнесения речевых актов к перформативным выступают: эксплицитный «Я» - ориентированный синтаксис, эквиакциональность (равнозначность действию), эквитемпоральность (совпадение времени речевого действия) и автореферентность (направленность действия на самого себя) [5]. Последний принцип требует, на наш взгляд, некоторых пояснений.

Е.В. Падучева указывает, что «перформативные высказывания Э. Бенвенист справедливо называет автореферентными. Действительно, перформативные высказывания обозначают то самое действие, которое происходит при осуществлении данного высказывания. В этом смысле перформативное употребление предложения составляет аналог автономному употреблению знака, т.е. такому, при котором знак обозначает сам себя» [9, с.20]. Следует заметить, что автореферентность перформативов проявляется именно на уровне семантики знака, однако она вовсе не означает направленности произносимого речевого действия на самого адресанта. Напротив, важнейшей конструктивной особенностью перформативных высказываний является наличие некоего объекта воздействия – того, кого назначают начальником, объявляют мужем и женой и т.п. При этом именно объект воздействия в результате произнесения определенного речевого акта изменяет свой статус или состояние. «Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия (например, объявления войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т.п.)» [7].

В сущности, каноническая перформативная формула может быть представлена как «Я произношу то, что превращает Х в У». Если речевой акт отвечает этой формуле, он принадлежит к так называемым сильным перформативам, вызывающим изменения в ситуации или статусе ее актантов. Для функционирования этой группы говорящий субъект должен быть наделен определенными полномочиями. Во вторую группу входят так называемые слабые перформативы, когда реализация некоего действия не приводит к каким-либо статусным или ситуативным изменениям: *Я отказываюсь, Я соглашаюсь, Я хвалю вас, Я одобряю* и т.п. Только при условии соблюдения всех указанных выше грамматико-семантических и ситуативных параметров представляется возможным «отстоять» перформативность как вполне дискретную и состоятельную философско-языковую категорию.

Перформативный аспект семантики междометных единиц рассматривался в незначительном количестве работ. Предпринимая попытку определения основных конститутивных признаков междометий, служащих его индентификации, А.В. Прудникова относит к их числу также перформативность. Ссылаясь на мнение С.В. Кодзасова [4], автор характеризует как перформативные «значительную часть императивных, этикетных и звукоподражательных междометий. С точки зрения выполнения ими различных функций в процессе коммуникации эти перформативы могут представлять собой «приказ, команду, просьбу, предложение, приветствие, напутствие, назидание (паремию), зов, оклик (вокатив, апеллент), похвалу, порицание, выражение согласия, отказ, отклик (реакцию быстрого реагирования), клятву, проклятье, звукоподражание» и т.п. Все междометия в представлении автора имеют перформативную глагольную сущность, т.к. «каждое содержит скрытую перформативную формулу: «я выражаю / обнаруживаю страх», «я выражаю / обнаруживаю радость», «я командую», «я зову / окликаю», «я здороваюсь» и т.п [10].

Рассмотрим, насколько различные подклассы междометий соответствуют уточненным нами выше критериям перформативности. Так, первичные эмотивные междометия типа *Ай! Ох! Эх!* и т.п. представляют собой эквитемпоральный акт объективации внутреннего переживания и являются единственным непосредственным способом внешнего проявления эмоций. Однако следует признать, что издающий данные восклицания субъект не совершает никакого действия, как это характерно в случае с эксплицитными перформативными актами. Внутренние переживания не относятся к группе действий, которые совершаются исключительно с помощью речи, например, «обещать» или «благодарить». Представляется очевидным, что эмоциональные процессы протекают в человеческой психике, а не осуществляются в результате произнесения какого-либо экспрессивного речевого акта. Кроме того, в отличие от канонических перформативных актов, употребление эмотивных междометий не является интенциональным и преднамеренным, а также не производит никакого перлокутивного эффекта. Ложная иллюзия перформативности данного подкласса интеръективных единиц может возникать лишь вследствие их эквитемпоральности и инстантности.

Когнитивные междометия, имеющие формулу «я знаю», «я понимаю» [2] в большей степени соответствуют параметрам перформативности, представляя собой вокализацию протекающего ментального действия непосредственно в момент его осуществления. Так, произнесению *Аааа…* обычно предшествует процесс непонимания, после которого наступает некое «озарение», приобретающее интеръективную форму. Примечательно,

что интеръективы, озвучивающие акт понимания, имеют различную эмоциональную окраску в различных языках – от спокойного, растянутого русского *А-а-а…* - до динамично-удивленного немецкого *Ach so!* и, наконец, способного испугать своим внезапным затаенным придыхательным рефлексом ахмарского аналога, свойственного коренным жителям Эфиопии. Такие возгласы представляют собой объективирование внутреннего когнитивного процесса, интенцией которого является донести до сведения собеседника информацию об успешном завершении некоего аналитического процесса. И, хотя глагол «понимать» не включен в разряд классических перформативов, однако его семантику также следует признать автореферентной.

Еще большая эквитемпоральность и интенциональность отличает произнесение междометий, означающих сомнение, например, *гмм…* в русском языке. Примечательно, что только интеръективная форма способна передать длительность протекающего мыслительного процесса, в то время как эксплицитная форма «я сомневаюсь» констатирует сам факт испытываемой неуверенности.

Значительная часть эмотивно-когнитивных междометий имеет оценочный характер. Эта функция характерна как для первичных (*Ого! Ух ты!* и т.п.), так и в значительной степени для вторичных междометий (*Молодец! Блеск!* и т.п.). Е.М. Вольф, анализируя оценочные речевые акты типа *Ты ничтожество! Вы прекрасный специалист* и т.п., утверждает, что «выражение неодобрения, обращенное к собеседнику, может быть воспринято им как оскорбление, и это вызывает перлокутивный эффект – огорчение, раздражение и т.п.; одобрение вызывает соответствующее эмоциональное состояние. Такие речевые акты, несмотря на отсутствие в них перформативных глаголов, представляют собой семантическую разновидность перформативов, их произнесение само по себе есть действие» [3, с.176].

С одной стороны, субстантивные оценочные формы не только не автореферентны действию похвалы или порицания, но и вообще не описывают никакого действия. Использование существительных даже в самых экспрессивных актах оценки придает высказыванию форму утверждения, констатации. С другой, Е.М. Вольф права, указывая, что акты похвалы или порицания осуществляются именно в результате оценочной субстантивной номинации. Все вышесказанное можно в равной степени отнести и к интеръективным формам эмоционально-оценочных высказываний, которые также по своей сути перформативны.

Волитивные или побудительные (конативные) конструкции междометия типа *Пли!, Вира!, Бис!* и т.п. также могут рассматриваться в качестве перформативных, но только в расширительной интерпретации. Как было указано выше, их несоответствие «Я-ориентированному» синтаксису не позволяет говорить ни об эквитемпоральности, ни об эквиакциональности действия. Более того, вполне можно себе представить и такую ситуацию, в которой некий адресат вовсе не пожелает совершать действия, имплицируемого междометной репликой. Вероятно, большую степень перформативности содержат в себе те устойчивые формы призывов, в которых адресант включает себя в группу адресата. Так, заимствованное из итальянского *Баста!*, употребляемое как разговорное восклицание со значением «довольно! хватит!», означает имплицированное «прекращаем работу». В этом случае можно говорить как об одновременном протекании речевого и фактического действия, так и о внесении изменений в ситуацию, в связи с чем междометие *баста!* может быть отнесено к имплицитно-перформативным. Таким же критериям соответствуют и другие возгласы, включающие самого адресанта и имплицирующие конкретные действия, например: *Ура!* - как призыв к коллективной атаке, или *Марш!* - как военная команда, *Айда!* - как призыв последовать за кем-то, *Тсс!* - как призыв замолчать и т.п. Безусловно, следует оговориться, что перформативность этой группы побудительных междометий качественно отличается от перформативности эталонных речевых актов, в которых не происходит никаких видимых, объективированных действий.

Достаточно интересную проблему с точки зрения перформативности представляют собой ономатопеи. Говоря, к примеру, «а он тут – прыг! – и исчез», говорящий не совершает никакого действия, а лишь иконически воссоздает образ движения. Более того, употребление ономатопей относится к описанию предшествующего действия, которое имеет конкретную область референции. Динамичная звукоподражательность таких междометий, их образная суггестивность, создают эффект инстантной визуализации или аудиализации действия, в результате чего создается ложный эффект перформативности дескриптивного речевого акта.

Несколько иначе обстоит дело с этикетными междометиями, лишенными экспрессии и представляющими собой ритуализованные речевые действия, например: *здравствуйте, до свидания, спасибо, извините* и т.п. На имплицитную перформативность отдельных междометий данной группы указывал Дж. Остин. Так, устойчивая реплика *да* способна относиться как к сильным перформативам, когда брачующийся дает согласие на бракосочетание, так и к слабым, когда формула «я соглашаюсь» не вызывает социально значимых последствий. То же самое относится к ответной реплике *нет*. Признаки автореферентности, эквиакциональности и эквитемпоральности характерны также для многих других междометий данной группы. Нет сомнений, что слова *до свидания, здравствуйте, спасибо, пожалуйста* или *извините* представляют собой единственную существующую в языке форму выполнения соответствующих действий: «здороваться», «прощаться», «благодарить», «просить» или «извиняться». Имплицитную похвалу содержит в себе и интернациональное междометие *браво!*, изначально заимствованное как этикетная формула выражения своих положительных эмоций и одобрения в театральной среде. Это же междометие в разговорной среде может быть также истолковано как «я поздравляю тебя», например: - *Я все-таки успел сделать это к сроку. – Браво!*, то есть иметь все признаки перформативного высказывания.

Таким образом, в наибольшей степени перформативность характерна для этикетных междометий, которые

представляют собой ритуализованные формы осуществления различных форм социальных интеракций. Эмотивно-оценочные междометия могут выступать в качестве имплицитных средств осуществления актов похвалы или порицания, в то время как эмотивно-когнитивные проявляют свои перформативные свойства в означивании ментальных процессов. Для звукоподражательных и первообразных эмотивных междометий характерна эквиакциональность описываемого процесса или переживаемого чувства, однако иконичность данных знаков не следует смешивать с перформативностью. Волитивные междометия также должны быть исключены из списка имплицитных перформативов в связи с разграничением адресата и адресанта действия, а также несовпадении во времени произнесения и реализации действия.

The paper presents a theoretical view of performative content of interjections. The ability of definite subclasses of interjections – etiquette, cognitive and evaluative ones – to fulfill performative functions is proved. The discrepancy of primary emotive, onomatopoeic and conative interjections with basic parameters of performativity is postulated.
Keywords: *interjections, emotive, cognitive, conative interjections, onomatopoeia, performative utterances, performativity*

Список литературы

1. Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. М., 1974. 448 С.
2. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611- 647.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 280 С.
4. Кодзасов С.В. Перформативность и интонация // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989. 216 С.
5. Крюкова И.В. Перформативное высказывание и перформативный глагол // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 4. С 60 - 63.
6. Кустова Е.Ю. Французское *междометие*: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции. автореф. дис. д-ра филол.наук. Воронеж, 2010. 42 С.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Издательство "Советская энциклопедия", 1990.
8. Остин Дж. Перформативы — констативы // Философия языка. М., 2004. С. 23 - 34
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 271 с.
10. Прудникова А.В. Междометие как объект лингвистического описания. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 5. С. 91 – 95.
11. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. М.: АСТ: Восток - Запад, 2006. 200 С.
12. Padilla Cruz, Manuel. Might Interjectons Encode Concepts? // Lodz Papers in Pragmatics. 2010. Volume 5, Issue 2, Pages 241–270.

Об авторе

Шкапенко Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-русской филологии, Балтийского федерального университета имени И. Канта, *tshkapenko@kantiana.ru*

УДК 811.22

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ

Шуверова Т.Д.

Широкая трактовка вторичности объединяет различные явления - новые политкорректные и вторичные литературные жанры, перевод, усеченную коммуникацию. Как показывает анализ, единой основой вторичного текстообразования являются общие лингво-семиотические технологии формирования битекста - цитирование, перифраз, моделирование -, а такжн лингво-когнитивные операции дублирования и трансформации.
Ключевые слова: *вторичное текстообразование*, *вторичный текст, вторичная коммуникация, битекст.*

Лингво-семиотический анализ вторичного текстообразования в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики обращен к эпистемологическим установкам. Вторичный текст, в этом плане, специфичен - в его двоичной, а иногда и более сложной когнитивной модели интегрируются знания об окружающем мире через сопряженность двух, а иногда и нескольких проекций языкового и социального опыта, столкновение или сопряжение различных картин мира.

Семиозис вторичного текста, представленного как «текст в тексте» [1], усложнен за счет наложения двух или более семиотических кодов. Даже в том случае, когда данный процесс ограничивается рамками естественного языка, двойная рефлексия выстраивает сложный семиотический конструкт с двойной референцией и сложной денотативной структурой. Очевидны сопряженность или противопоставление эмоционально-ценностных и эстетических концепций в дихотомии «свое – чужое».

В традиционных подходах, в частности, в структурно-семантическом анализе вторичного текстообразова-

ния, в центре внимания оказываются процессы смыслопорождения, а в плане собственно лингвистических технологий - значительные объемы структурных, семантических и категориально-смысловых преобразований. При этом, различным типам вторичных текстов присущи различные комплексы преобразований и различные соотношения объемов дублирования и трансформации.

Межтекстовое взаимодействие является конструктивной основой вторичного текстообразования. Формы межтекстового взаимодействия во вторичных текстах определены диалектикой разрешающегося противоречия активных процессов воспроизводства (дублирования и трансформации) и моделирования. Структурно-семантическая организация системы вторичного текста обнаруживает следующие виды межтекстовой корреляционной техники: цитация, перифраз, реминисценция. В качестве особой техники представления индексальных и интегральных характеристик претекста выступает моделирование. Перевод принято рассматривать в иной парадигме – как акт межъязыковой коммуникации и, должным образом, при анализе коррелирующих единиц текста перевода и оригинала выстраивается целый ряд принятых в данной области номинаций – соответствия, полные и частичные эквиваленты, аналоги, замены. В устанавливаемых режимах достижения эквивалентности и адекватности техника перевода, в основном, описывается через комплекс трансформаций, заданных многочисленными факторами, такими как избранная стратегия перевода, содержание и лингвостилистические особенности текста оригинала, социокультурный контекст.

Вторичная модель текстообразования является необычной семиотической моделью. Это, прежде всего, сложная модель интегрирования двух баз знания. Знание, интегрируемое вторичным текстом, представляет собой некий срез концептуальной информации, преобразованный сознанием человека при участии сложных когнитивных механизмов обработки двоичных, а иногда и множественных блоков информации – своей и чужой. Это также знание метатекстовых средств, которые в отличие от первичного текстообразования являются корреляционными, принадлежащими одновременно тексту и претексту / тексту оригинала.

Таким образом, вторичный текст предстает как би-структура, битекст со сложными корреляционными отношениями. Это - чрезвычайно емкая динамическая, активная информационная модель. Очевидно, что гиперсемантизация – свойство всех вторичных текстов, таких как текст перевода, пародия, стилизация, парафраза, политкорректная сказка.

Эксплицитное представление информации во вторичном тексте соотнесено с большим блоком имплицитной претекстовой информации - когнитивной, оценочно-эстетической, метатекстовой. Взаимодействие семантики высказывания со значимым фоном коммуникации является неизменным фактором, определяющим не только его истинность, но и сам характер коммуникации [2, с.451]. Во вторичных текстах имплицируемый претекст является инициирующей, первичной основой текстообразования. При этом, претекст предстает как гипостазируемое построение – проекция, реминисценция, индексальная программа, модель оригинала, иногда очень приблизительная.

Так, во вторичных литературных жанрах семантика текста выстраивается как смоделированная корреляция эксплицитных значений и значимого фона семиозиса. Коррелятивные модели собственно текста и актуализируемого претекста основаны на рассогласовании, конфликте (пародия) или общей эстетической увязке, согласовании, гармонизации (стилизация). Бурлеск, травести и политкорректные жанры также реализуют модель рассогласования, их семиотическая техника ориентирована на прагматические аспекты коммуникации, актуализируя коммуникативно-функциональные (сфера общения) в политкорректных жанрах и функционально-стилистические различия (регистр – высокий и низкий) в травести и бурлеске.

Особенность двоичной структуры текстов вторичных литературных жанров состоит в том, что возникающие расхождения вторичного текста и претекста составляют не погрешности, как это, к примеру, происходит с текстом перевода, а намеренный коммуникативный эффект, реализацию коммуникативных намерений автора. Точкой отсчета для выверки, рассогласований служит претекст, элементы которого актуализированы во вторичном тексте фрагментарно. Данный фрагментарный конструкт отсылает в процессе вторичной коммуникации к некой гипостазируемой сущности, объем, конструкция и семиотическая основа которого обусловлены конкретной коммуникативной ситуацией.

Текст перевода моделирует значимый блок метатекстовой информации в его соотнесенности с оригиналом и тем объемом языковых корреляций, которые традиционно описываются в технике перевода.

С учетом семантических процессов и характера структурных построений, вторичные тексты достаточно различны: они представляют собой различные по своей природе образования, построенные либо на отношениях включения, объединения, то есть центростремительных процессах, обеспечивающих определенный вид целостности битекста, либо на рассогласовании, разъединении то есть центробежных механизмах создания битекстовой целостности. Единой основой, объединяющей столь различные дискурсивно-текстовые феномены являются коррелятивные отношения, с внутренне присущими им различиями, как элементов корреляции, так и их форм, функций. Они актуализируют пространство «коммуникативной соотнесенности» [3, с.5] «своего» и «чужого», обязательно узнаваемого и различаемого, часто противоречивого.

Идея преемственности языковой и культурной традиции своеобразно воплощается в процессах вторичного текстообразования. Культурное пространство интертекстуального взаимодействия практически безгранично. Становится привычным воссоединение в рамках единой формы элементов различных видов искусства, художественных методов, школ и направлений и, более того, инкорпорация элементов нехудожественных видов

деятельности в структуру художественного творчества в виде ее конструктивных элементов [4].

В современной лингвистике понятие «вторичный текст» - это концептуализация широкого круга явлений - таких как: существенно различающиеся виды литературного творчества (традиционные «вторичные» литературные жанры [4; 5; 6; 7; 8; 9;10], новые политкорректные жанры)[11]; тексты переводов [12]; реферирование и аннотирование [13,14], неполноценная или усеченная коммуникация, неразвернутая по определенным причинам [15], «адаптации и переделки» [16, с.222].

В описании механизмов порождения и статуса вторичного текста основной является проблема онтологии вторичности в контексте представления общих процессов текстопорождения. Очевидно, что реальная концептуализация термина соотносима не с определением значимости и хронологии текстообразования, а с онтологическими свойствами процесса порождения данного типа текстов и актуализацией авторского статуса.

Именно в этом ключе вторичность рассматривается как деривационный принцип текстопорождения [14], а сам вторичный текст - это текстовый конструкт, производный и \ или коррелирующий с определенным претекстом. Концепт «вторичности» с этих позиций актуализирует интертекстуальные корреляции и ориентирован на установление типа связей между текстами, анализ формальных и смысловых связей вторичного текста и претекста.

Концепция интертекстуальности [18; 19; 20; 21; 22], получившая столь широкое распространение, исследует саму природу интертекста, то есть построение усложненного текстового конструкта, основанного на взаимодействии с определенным претекстом. К ее предтечам относят исследования анаграмм Ф. де Соссюром [22], теорию диалогизации М.М. Бахтина [8], теорию «второго плана» литературной пародии Ю.М. Тынянова [10]. В современной лингвистике именно с этих позиций анализируется структурно-семантическая организация вторичного текста.

В трактовке Жанетт [18] вторичные тексты и, более всего, тексты вторичных литературных жанров, предстают как гипертекстовые системы. В гипертекстовой системе организуется сложная семантическая сеть особой топологии, в которой информация представлена на разных уровнях обобщения [23]. Очевидно, что гипертекст обладает нелинейной сетевой формой организации и структурирован таким образом, что для определенных элементов его структурной организации существует отсылка для перехода к другим элементам по установленной схеме, в сетевых гипертекстах, как правило, эксплицитной. Гипертекстовые построения, широко используемые в компьютерных и Интернет текстах, представлены как многомерные, иерархически организованные сетевые информационные структуры.

Разные основания (ссылки, ключи) гипертекстовых построений предполагают концептуальные связи соединяемых отсылками элементов структурированного сетевого семантического пространства. Это - открытое в своей сущности пространство, представляющее возможности дополнения, добавочного, более дробного структурирования. В структуре гипертекста, как правило, содержатся такие обязательные блоки, как информационный материал, тезаурус гипертекста, список тем и алфавитный словарь. Возможность различных вариантов прочтения, прохождения гипертекстовой информационной «сети» (“browsing the net”) открывает перспективы формирования различных эпистемологических схем, в соответствии с которыми создаются различные базы знания. Гипертекст, таким образом, как справедливо отмечают исследователи и пользователи, предлагает не только определенный объем информации, но и эффективный поисковый аппарат, который облегчает процесс обработки и усвоения информации.

Тезаурусно-дескрипторная система гипертекста фактически осуществляет индексацию текста. Семантические связи различных типов – классификационные и симилятивные (гипер-гипонимические, партитивные, синонимические, оппозитивные, эквонимические) служат основой организации гипертекстовой системы. Иногда в качестве основания структурирования выступают хронологические, формальные основания (к примеру, алфавитное представление в словаре, тезаурусе). Однако наиболее частыми и востребованными в процессе построения семантической сети выступают родо-видовые и партитивные связи, наряду с эквонимическими, синонимическими и оппозитивными связями.

Приоритет родовидовых (гипер-гипонимических) связей обусловлен их ведущей ролью в осуществлении категоризации и спецификации в процессах концептуализации и систематизации информации. Партитивные отношения отражают и обобщают многообразные реальные зависимости вещей в структурах целого [2] и, по-видимому, являются достаточно востребованным, но не универсальным основанием классификации.

Пользователь получает более общую информацию по родовому типу связи, а по видовому - специфическую информацию без повторения общих признаков родовых концептов. Считается, что глубина индексирования текста зависит от степени проработки схем родовидовых связей. Полнота связей, отражаемых в тезаурусной статье, и точность установления этих связей задают полноту и точность поиска при обращении к определенной статье гипертекста.

Одной из особенностей гипертекстовых модулей в текстах вторичных литературных жанров является их фрагментарность, а также несистемный характер межтекстовых «отсылок». Во вторичных литературных жанрах гипертекстовые «развертки» - это игровая эвристика, и неожиданный, ошеломляющий эффект лингвистического «открытия», что и составляет суть эстетического удовольствия. Перевод и усеченная коммуникация также актуализуют гипертекстовые связи фрагментарно, в режиме отдельных трансформаций при конструирования текста перевода или аннотации.

Конструктивно, вторичный текст всегда представляет собой «рефигурацию» старой формы выражения, в этом его отличие от сетевых гипертекстовых построений, которые ориентированы на структурирование актуально развертывающегося текстового пространства. Более того, гипертекстовые модули вторичных текстов не

образуют целостной структуры, подобной той, которая составляет конструктивную основу сетевого гипертекста. Единство и цельность гипертекстового построения заданы не только единым пространством актуально развертывающегося сетевого текста, но и единством информационных установок, и структурной цельностью схем структуризации. Гипертекстовые построения – фрагментарные и системные – следует рассматривать как особый вариант интертекстуальности. Анализ вторичного текстообразования в парадигме гипертекста выявляет значимость нелинейных связей вторичного текста, создающих особый синергетический потенциал.

Вторичное текстообразование представляет собой один из наиболее примечательных феноменов духовной культуры человеческого общества. Культурное пространство интертекстуального взаимодействия и, соответственно, вторичного текстообразования практически безгранично. Современная культурная традиция, реализуя тенденцию развития и модификации вторичных текстовых структур в различных семиотических и социокультурных репрезентациях, представляет все более сложные в структурном и композиционном плане речевые жанры. Анализ вторичных текстовых систем наглядно демонстрирует тот факт, что они формируют сложную социо-культурную матрицу человеческого познания, которая является двоичной структурой и обладает сложной организацией линейных и нелинейных связей.

Broad interpretation of the term ‘derived text’ accounts for its reference to imitation in literature -derived literary and new politically correct genres, translation, annotation, abortive communication. The essence of text derivation is that it is accomplished by means of similar linguo-semiotic techniques of bi-textual formation, such as citation, periphrasis, modelling and universal linguo-cognitive operations of dubbing and transformation.
Keywords: *derived text production, derived text, derived communication, bi-text.*

Список литературы

1. Лотман Ю. "Текст в тексте // Об искусстве. СПб.: Искусство — СПб, 1998. С.423-436
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996
3. Киященко Л.. Синергетика пространства коммуникативной соотнесенности // Событие и смысл (Синергетический опыт языка). Москва: РАН, 1999. С.3-8.
4. Hutcheon L. A theory of parody. The Teachings of Twentieth-Century Art Forms , Methuen, New York and London, 1985.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 203-212.
6. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. - М.: Наука, 1976.
7. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. С.74-163
8. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья. // Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Наука, 1989.
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977
11. Шуверова Т.Д. Политкорректные жанры в современной англоязычной культурной традиции // Современная англистика: проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов. М.: РГСУ, 2008. С.132-137.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
13. Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. М.: Наука, 1991.
14. Новикова М.Ю. Деривационные отношения между оригинальным художественным текстом и его переводом на другой язык//Принцип деривации в истории языка и современной лингвистики. Пермь, 1991. С. 103-104.
15. Сахарный Л.В. Человеческий фактор в языке. М.,1991.
16. Блох М.Я. Текст в динамике становления и его семь жизней //Язык. Культура. Речевое общение. №3 – 2013. С.5- 9
17. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман. // Вестник МГУ. Филология, 1993. - № 4.
18. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree. Channa Newman and Claude Doubinsky (trans.) - Lincoln NE and London: University of Nebraska Press, 1997;
19. Барт Р. Основы семиологии //Структурализм: «за» и «против». М.: Наука,1975. С.114-163.
20. Тороп П. Х. Проблема интеркста // Сб. науч. тр. Текст в тексте. - Тарту. XIY (567),1981.
21. Блум Х. Страх влияния. Теория поэзии. Карта перечитывания. – Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 1998.
22. Saussure F. Course in General Lingustics / Wade Baskin (trans.) - Fontana, London, 1974.
23. Nelson T. The Hypertext // Proceedings of the World Documentation Federation, 1965.

Об авторе

Шуверова Татьяна Демьяновна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации Московского педагогического государственного университета, *shuv_t@rambler.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371

ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ В ДЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Бондарь М.А.

В статье представлены авторское определение педагогических условий развития творческой активности школьников в детской общественной организации, комплекс педагогических условий, способствующих развитию творческой активности школьников в детской общественной организации: создание социальной культурно-развивающей среды саморазвития школьников в детской общественной организации; использование методов педагогического стимулирования творческой активности школьников; включение школьников в проектную, исследовательскую и конкурсную деятельность.
Ключевые слова: *условия, педагогические условия, развитие, творческая активность, школьники, детская общественная организация.*

В современных условиях приоритетной и актуальной задачей российского школьного образования является развитие творчески активных, самостоятельных, способных креативно мыслить, легко и свободно адаптирующихся и ориентирующихся в разнообразном насыщенном и обновляющемся мире, детей. В связи с этим актуализируется поиск оптимальных путей развития творческой активности школьников.

Если творчество в подростковом периоде не станет ценностной ориентацией, то и в юношеском периоде оно не будет сформировано. Значит, не поддержав в этом возрасте раскрытие всецелого развития личности, творческого потенциала, инициативы, самостоятельности, основой чего является творческая активность, мы обрекаем школьников на трудности в будущем.

Несмотря на глубокое изучение проблемы творчества, развитие творческой активности ребёнка до сих пор продолжает оставаться одним из участков «педагогической целины», как её в свое время называл В.А. Сухомлинский. Для развития творческой активности школьников вне школьного обучения необходимо использовать потенциал детской общественной организации (ДОО – это интеграция детей с взрослыми, организация их для совместной деятельности в целях удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей детей и подростков) через который можно эффективно, организовать обучение, способствующее развитию указанного феномена. Требуется теоретическое осмысление проблемы и выявление педагогических условий, которые могли бы обеспечить успешное развитие творческой активности школьников в детской общественной организации.

Понятие «творческая активность» определяют как: свойство личности, проявляющееся в деятельности и общении как новизна, оригинальность; особый вид деятельности; компонент различных видов деятельности, в том числе коммуникативной.

Творческая активность свойственна каждому человеку [1] и её развитие тесно связано с развитием самостоятельности и проявлением индивидуальности, причём особое значение приобретает в подростковом возрасте, ибо именно в этом возрасте у школьников происходит изменение социальной позиции, они стремятся занять определённое место в коллективе, в жизни и обществе. И это подталкивают школьников к постоянному самовыражению и, как следствие, к проявлению творческой активности [2].

Педагогические условия представляют собой результат «целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приёмов), а также организационных форм обучения для достижения целей» [3, с.124].

Нам близка точка зрения Н.М. Яковлевой о том, что случайные, разрозненные условия не могут решить ту или иную педагогическую задачу эффективно, при этом успешность выделения педагогических условий зависит от чёткости определения результата или конечной цели; понимания того, что улучшение педагогического процесса достигается за счёт взаимосвязанного комплекса условий [4].

Под педагогическими условиями мы понимаем оптимальную целенаправленно сформированную совокупность педагогических факторов (средств, отношений и т.д.), выполнение которых обеспечивает достижение школьниками более высокого уровня развития творческой активности школьников. При этом комплекс педагогических условий представим как совокупность взаимосвязанных педагогических условий.

Комплекс педагогических условий успешного развития творческой активности школьников в детской общественной организации включает в себя: создание социальной культурно-развивающей среды саморазвития школьников в детской общественной организации; включение школьников в проектную, исследовательскую и конкурсную деятельность; использование методов педагогического стимулирования творческой активности школьников.

Создание социальной культурно-развивающей среды саморазвития школьников в детской общественной организации способствует взаимному обогащению детей и педагогов в процессе взаимодействия и творческой деятельности.

Мы исходим из того, что с психологической точки зрения среду понимают как условие, процесс и результат творческого саморазвития личности [5, с.30].

Учеными выделяются различные среды: предметно-пространственная, предметно-развивающая, культурная, культурно-образовательная и социальная культурно-развивающая.

Культурно-образовательная среда, по мнению Е.П. Белозерцева это «прорыв в современной методологии образовательных теорий», ибо она средоточие природных, исторических, культурных, социальных, материальных условий, в которых протекает деятельность и жизнь обучающихся, а, следовательно, является «клеточным уровнем национальной самобытности, концентрированной субстанцией национального самосознания» [6, с.21].

Среди аспектов воздействия социальной культурно-развивающей среды саморазвития школьников в детской общественной организации, влияющих на развитие творческой активности школьников, выделим следующие:

- ресурсный: источник для развития интересов и способностей школьников;
- ориентировочный: источник социальных норм и образцов поведения для школьников;
- мотивационный: источник мотивационного поведения, позволяющий школьникам выполнять одни действия или воздерживаться от других.
- опциональный: источник, определяющий возможности и активность школьников.

Социальная культурно-развивающая среда саморазвития школьников в детской общественной организации есть социальное пространство, посредством которого они активно включается в культурные связи общества. Успешное становление и развитие творческой активности школьников тесно связано с её социальной активностью, т.к. школьники должны быть вовлечены в творческую деятельность не только на интеллектуальном уровне, но и на социальном и личном.

Более того социальная культурно-развивающая среда саморазвития школьников в детской общественной организации даёт возможность обеспечить широкий спектр видов вне учебной деятельности, которая способствует самореализации личности, таких как научно-исследовательская деятельность, участие в работе научно-практических конференций, участие в работе различных творческих коллективов школы и города, праздничных концертов, дискотек, КВН между школьниками ДОО, встречи с известными людьми (спортсменами, деятелями культуры), встречи с выпускниками и многое другое; личностному росту школьников, рефлексивно оценивать свои отношения с друзьями, свою позицию в детской общественной организации и представляет собой систему предметных сред, которые насыщены материалами для организации самостоятельной творческой деятельности школьников (организаторское, художественное, литературное, повседневно-бытовое, социальное и т.д. творчество).

Организуя и регулируя взаимодействие школьников в детской общественной организации важно:

– обеспечить дифференциацию и интеграцию интересов школьников: отобрать привлекательные для школьников разного возраста содержание и формы совместной творческой деятельности, раскрывая значимость действий школьника для достижения общего результата и развития его личности; стимулировать проявление школьником своей индивидуальности в групповой деятельности;

– обеспечить разнообразие форм взаимодействия школьников (сотрудничество, опека, диалог, наставничество, игра и т.д.);

– предоставить школьникам возможность выбора и выполнения разнообразных видов творческой деятельности (организаторское, художественное, литературное, повседневно-бытовое, социальное и т.д.).

В детской общественной организации возникают в процессе совместной творческой деятельности и функционально-ролевого общения деловые, функциональные и эмоционально-психологические отношения между участниками организации, которые повышают социальную значимость деятельности детей, делая их более взрослыми, при этом школьник успешно проходит этапы социализации личности, что объясняет их готовность и желание к выполнению социальных функций в обществе.

Накопление социального опыта школьниками определяет то, что они овладевают различными способами совместной творческой деятельности и общения. Основными составляющими психолого-педагогического механизма социального опыта являются: деятельность, выступающая способом, условием и формой воспроизведения социального опыта и самосознание школьника, ибо социальный опыт присваивается им только по мере осознания себя носителем общественно значимой позиции [7, с.43].

Школьник, участие которого в социальной жизни ещё ограничено, не является сложившимся субъектом, но благодаря общению он начинает осмысливать социальные ценности и свои связи с другими людьми. Ценностные ориентации в творческой активности школьников играют существенную роль, так как принятие определённых способов деятельности выражает понимание школьниками жизненных притязаний и целей своего существования. В ценностных ориентациях, по мнению И.Б. Котовой, Е.Н. Шиянова, объективируется накопленный человечеством опыт, а также опыт самой личности [8].

Наиболее результативными средствами, направляющими школьников к творчеству и совместному сотрудничеству в детской общественной организации, являются: неформальная обстановка; добровольный выбор школьниками видов и форм творческой деятельности; проблемные ситуации, которые раскрывают интересы и потребности школьников; игровые и соревновательные элементы.

Включение школьников в проектную, исследовательскую и конкурсную деятельность.

Включение школьников в исследовательскую, проектную деятельность способствует «обучению технологии анализа ситуаций, выбору оптимальных решений, правильному выстраиванию коммуникации … сфор-

мировать творческие подходы к генерированию новых нестандартных идей и действовать адекватно и эффективно в сложных, нестандартных ситуациях…» [9, с.5-6]. Подготовленные сообщения были представлены на учебных занятиях ДОО школы, Дворца детского творчества, конкурсах исследовательских работ школьников городского уровней. Результаты этого вида деятельности позволили отметить повышение интереса к исследовательской работе и к самообразованию.

Необходимым условием развития творческой активности является также участие школьников в конкурсной деятельности. Осуществляя этот вид деятельности, школьники представляли свои творческие работы на конкурсы и выставки различных уровней.

Использование методов педагогического стимулирования творческой активности школьников в детской общественной организации.

Все виды творческой деятельности, которые осуществляли школьники в социальной культурно-развивающей среде саморазвития в детской общественной организации, сопровождались применением методов и средств педагогического стимулирования (создание ситуаций успеха, выполнение творческих заданий, создание ярких наглядно-образных представлений), что позволило последовательно и систематически формировать мотивацию к творчеству, повышать самооценку школьников.

Средствами, определяющими развитие творческой активности школьников в детской общественной организации, выступают методы активного обучения, такие как разыгрывание ролей (инсценировки), организационно-деятельностные игры, деловые игры, беседы, кейсовый метод, дискуссии, диалог, учебные конференции.

Разыгрывание ролей (инсценировки) выступают как игровой способ анализа конкретных ситуаций, в основе которых заложены проблемы жизненных взаимоотношений. Этот метод направлен на развитие у школьников поведенческих умений как творческого, так и социального характера и предполагает введение определенных элементов театрализации, поскольку представление ситуации, её анализ и принятие решений осуществляются в лицах. В ролевых играх школьники входят в многообразные контакты между собой и по собственной инициативе располагают возможностями самостоятельно строить свои взаимоотношения, сталкиваясь и считаясь с интересами других школьников в детской общественной организации.

Таким образом, ролевая игра способствует формированию и развитию коммуникативных способностей, креативности и толерантности и взаимоотношению школьников в детской общественной организации.

Организационно-деятельностные игры предусматривают организацию коллективной деятельности в виде системы проблемных ситуаций и взаимодействия всех школьников детской общественной организации. *Деловые игры* есть имитационное моделирование реальных ситуаций и процессов, которое воссоздаёт предметное и социальное содержание творческой деятельности.

Беседа представляет собой направленное к слушателям развёрнутое личное высказывание инициатора беседы, которое характеризуется эмоциями и переживаниями, нацеленное на получение обратной связи в виде вопросов, ответов и т.п.

Кейсовый метод (ситуационный метод). Анализ конкретных ситуаций в условиях детской общественной организации является одним из способов результативного применения теоретических знаний при решении проблем в реальной жизни. Ибо кейс - педагогическая модель жизненной реальной ситуации, на основании изучения и анализа которой школьники раскрывают проблему и предлагают её решение [10]. Использование кейсового метода в условиях детской общественной организации позволяет умножить связь между теорией и практикой, а также оценить ситуацию; выбрать главную информацию; определить возможности; предсказать пути развития ситуации; взаимодействовать с другими участниками процесса; в условиях неопределённости принимать решения; критиковать и адекватно реагировать на критику.

В ходе *дискуссий* у школьников детской общественной организации вырабатываются инициативность, коммуникативные способности, уверенность в своих силах и в себе, убеждённость в том, что в настоящей ситуации с реальной проблемой также можно справиться. Обучение с применением жизненных ситуаций побуждает и подталкивает школьников занимать активную позицию, развивает умение брать на себя ответственность за свои решения.

Групповые формы работы школьников в детской общественной организации, ролевые игры, учебно-практические конференции эффективны и моделируют реальный процесс решения проблем, который невозможен без учёта всего многообразия имеющихся точек зрения и интересов разных школьников.

Среди способов реализации *диалога* в процессе развития творческой активности школьников в детской общественной организации нам представляются важными: самоактуализация субъектного опыта школьников; диалог; ролевые игры; ситуации выбора, персонализация; ситуации успеха, моделирование жизненных ситуаций; проблемные ситуации, задания по жизненным впечатлениям; творческие сочинения и т.д.

Реализация данного условия, на наш взгляд, будет способствовать получению школьниками реальной возможности раскрытия своих творческих способностей, представляющих собой субъект-субъектное взаимодействие в условиях совместной творческой деятельности.

Таким образом, нами выявлены и обоснованы педагогические условия, влияющие на развитие творческой активности школьников в детской общественной организации.

The article presents the analysis of the notion "pedagogical conditions", the author's definition of pedagogical conditions of development of creative activity of schoolboys in children's public organization, the complex of pedagogical conditions conducive to the development of creative activity of schoolboys in children's public organization: the creation of a social cultural developmental environment of self-development in children's public organizations; the support of a subjective integration of school children in social relations; involving school children in impromptu educational field and educational creative activity.
***Keywords**: conditions, pedagogical conditions, development, creative activity, schoolchildren, children public organization.*

Список литературы

1. Психология: учеб. для гуманитарных вузов / под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. 656 с.

2. Божович Л.И. Подростковый возраст [Электронный ресурс] / Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/hrestomatia/51.php.

3. Андреев В. И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2000. С. 124.

4. Яковлева Н.М. Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач: Дис. ... д-ра пед. наук / Н. М. Яковлева. - Челябинск, 1992. - 403с.

5. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. С.30.

6. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 704с.

7. Голованова Л.Ф. Социализация школьников как явление педагогическое // Педагогика. - 1998. - № 5. - С.42-45., С.43.

8. Котова И. Б., Шиянов Е. Н. Педагогическое взаимодействие. - Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского пединститута, 1997. - 112с.

9. Королева Е. В. Проектно-исследовательская деятельность учащихся как средство формирования и развития инновационного мышления – генератора инноваций /Е. В. Королева //Исследовательская работа школьников. – 2010. – № 1. – С. 5-6.

10. Юлдашев З.Ю., Бобохужаев Ш.И. Инновационные методы обучения. Особенности кейс-стади метода обучения и пути его практического использования. - Ташкент: Iqtisod-Moliya, 2006. - 88с.

Об авторе

Бондарь Марина Александровна – учитель математики, старшая вожатая «Гимназия №5» г. Белгорода, аспирантка кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, *12bondare@mail.ru*

УДК 37.378

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ УРОВНЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Гришина Е.В., Беляева И.В., Сорогина Т.И.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией образовательного процесса в условиях реализации уровневой дифференциации с целью формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза. Установлены сущность и структура уровневой дифференциации. Приведены результаты пилотного проекта по иностранному языку.
***Ключевые слова:** уровневая дифференциация, компетентностный подход, профессиональная иноязычная коммуникативная компетентность, европейская система компетенций, таксономический анализ.*

Дифференцированная система обучения в вузе имеет свои подсистемы на макроуровне (вуз), мезауровне (содержание образования) и микроуровне (учебная группа). Дифференциацию можно определить как своеобразную профилизацию образовательных систем, заключающуюся в структурно-логическом разделении учебного содержания образования с учетом потребностей и реальных познавательных возможностей обучающихся. Сущность ее состоит в направленной специализации образования, дифференцируемого по интересам, склонностям и способностям обучающихся с целью максимального их развития. Создаются относительно стабильные учебные группы, где содержание образования и предъявляемые к студентам требования в каждой группе отличаются друг от друга.

На сегодняшний день актуальность компетентностного обучения в вузе очевидна. Одним из основных требований компетентностного подхода является развитие у студентов "системы понятий на основе единого подхода к организации усвоения знаний, приемов и навыков по основам наук..." [1, с. 53]. Компетентностный подход заключается в том, что заранее задает ситуации включения студента в деятельность определенного вида, формирует определенные знания, умения и ценности – компетенции; подчеркивает практическую, действенную

сторону и акцентирует внимание на результатах образования – компетентности. Требования к результатам образования, определенные компетентностным подходом ведут к системным изменениям основной образовательной программы и ее основных документов, регламентирующих содержание и организацию образовательного процесса, включая и программы учебных дисциплин (модулей).

В соответствии с ФГОС ВПО, выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, а также способностью использовать в своей профессиональной деятельности знание иностранного языка [2, с.4].

Результаты обучения фокусируются на том, что может продемонстрировать студент в конце учебной деятельности и что, как ожидается, будет знать, понимать и/или в состоянии сделать студент по окончании обучения. Однако, будет наивным ожидать, что все студенты, выполнившие программу бакалавриата, будут владеть иностранным языком на одинаковом уровне. Во-первых, они приходят в университет с разными знаниями. Во-вторых, согласно учебному плану, всем отводится одинаковое количество часов. Преподавателям приходится ориентироваться на некий усредненный уровень владения обучающимися иностранным языком. В результате, интерес к обучению теряют студенты с низким уровнем владения иностранным языком, в силу разных причин не усвоившие уровень школьной программы, а также студенты, имеющие повышенный уровень владения. Разумным решением в данной ситуации мы считаем применение уровневой дифференциации.

Каждый объект может иметь несколько уровней или состояний развития. С.Л. Рубинштейн писал, что "всякая предшествующая стадия представляет собой подготовительную ступень к следующей; внутри ее нарастают те силы и отношения, которые, став ведущими, дают начало новой ступени развития" [3, с.386].

Согласно В.А. Беликову "уровни должны выступать как четко различимые индикаторы развития объекта; переход от одного уровня к другому должен отражать степень развития объекта, при этом каждый уровень должен взаимодействовать как с предшествующим, так и с последующим, являясь либо условием, либо результатом развития объекта" [4, с.214].

Четкое описание знаний и умений студента по всем четырем видам речевой деятельности и согласно уровню владения иностранным языком было предложено европейской системой уровней (компетенций) владения иностранным языком (CEFR) [5]. Решение о разработке такой универсальной шкалы, которую можно будет использовать для оценки уровней знания любого языка, было принято в Швейцарии в 1991 на международном симпозиуме. В 2003 году был запущен пилотный проект такой шкалы, а в 2007 году финальная версия шкалы CEFR была официально представлена на конференции в Кембридже. В последующие годы основные курсы и экзамены всех европейских языков (и некоторых неевропейских) были поставлены в соответствие с новой шкалой.

Кардинальным новшеством стал заложенный в CEFR компетентностный подход (все уровни охарактеризованы в категориях «я могу» - can-do approach), где пользователь рассматривается как «социальный агент», ориентированный на решение определенной задачи. В системе CEFR знания и умения учащихся подразделяются на три крупных категории, которые далее делятся на шесть уровней: **A** Элементарное владение, **A1** Уровень выживания, **A2** Предпороговый уровень, **B** Самодостаточное владение, **B1** Пороговый уровень, **B2** Пороговый продвинутый уровень, **C** Свободное владение, **C1** Уровень профессионального владения, **C2** Уровень владения в совершенстве. Для каждого уровня разработаны критерии компетенций, которые должен иметь учащийся в чтении, аудировании, устной и письменной речи.

В качестве приоритетной цели уровневой дифференциации выступает профессиональная коммуникативная компетентность, способность обучающегося организовать свою иноязычную речевую деятельность адекватно ситуациям профессионально-ориентированного общения (по цели, форме, содержанию, ролевым отношениям и т.д.). Проблема формирования профессиональной коммуникативной компетентности студента в целом, и, на занятиях иностранного языка, в частности, представляет собой отражение объективной потребности современного общества в подготовке специалистов, способных интегрироваться в мировое информационное пространство.

Под термином "профессиональная компетентность" студентов технического вуза мы понимаем систему специальных знаний, умений и навыков, опыт выполнения профессиональных действий, а также совокупность личных качеств, определяющих способы выполнения профессиональных функций. Уровневая дифференциация на занятиях по иностранному языку осуществляется в виде особой системы уровневого распределения содержания обучения на основе специального целевого педагогического планирования и организации особых средств достижения необходимых результатов обучения.

Иностранный язык - это средство, с помощью которого можно приобретать и демонстрировать свой общекультурный уровень, способность мыслить, творить, оценивать чужую мысль. Из числа способов овладения языком предпочтение отдается тем, которые обладают развивающим потенциалом, будят мысль, оттачивают средства ее выражения, совершенствуют культуру общения и социального поведения в целом. Сознательность в обучении общению, по мнению А.А. Миролюбова - "это умение ориентироваться в особенной аудитории, соотносить с ней задачи, форму, средства своего сообщения, умение прогнозировать его воздействие, возможные реакции аудитории или партнера" [6, с.105].

Структура профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности состоит из следующих составляющих:

- профессиональная компетентность - система специальных знаний, умений и навыков, опыт выполнения профессиональных действий;

- коммуникативная компетентность - способность к межличностному взаимодействию, формируемая в условиях неязыкового вуза на основе социокультурных, социолингвистических знаний и определяющая профессиональный потенциал личностного развития будущего специалиста;

- иноязычная коммуникативная компетенция - способность осуществлять профессионально - ориентированное общение посредством иностранного языка, т.е. передавать мысли и обмениваться ими в различных профессиональных ситуациях в процессе взаимодействия с другими участниками общения, правильно используя систему языковых и речевых норм и выбирая коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения.

Применение уровневой дифференциации в процессе обучения иностранному языку включает в себя:

- предварительную диагностику самооценки исходного уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов с тем, чтобы провести дифференциацию в составе учебной группы;

- дифференциацию содержания обучения;

- дифференциацию видов деятельности, форм, средств, контроля качества усвоенного материала.

В Уральском Федеральном Университете кафедра иностранных языков института естественных наук вместе с другими институтами участвует в пилотном проекте реализации уровневой дифференциации формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности. Несколько преподавателей прошли подготовку в Кембридже. Для остальных преподавателей были проведены соответствующие семинары представителями Кембриджа (University of Cambridge ESOL Examinations).

Разработанная на кафедре программа для бакалавриата по дисциплине «Иностранный язык» предполагает повышение исходного уровня владения иностранным языком и овладение студентами необходимым и достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социально-коммуникативных задач в профессиональной деятельности при общении с зарубежными партнерами, а также для дальнейшего самообразования в соответствии с уровнем В1 по Общеевропейской шкале уровней владения иностранными языками.

Мы обратились к таксономическому анализу. Таксономия - систематизация объектов с целью конструирования их последовательности, очередности расположения в определенной структуре [7, с. 98]. Перед началом обучения на основании специального теста у каждого студента определяется уровень владения иностранным языком от А0 до В2. В результате мы имели следующие подгруппы обучающихся:

1. Студенты с низким уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетентности - те, кто способен освоить учебный материал на базовом уровне требований Госстандарта;

2. Студенты со средним уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетентности - те, кто способен освоить учебный и языковой материал выше базового уровня;

3. Студенты с высоким уровнем сформированности иноязычной коммуникативной компетентности - те, кто может решать предлагаемые преподавателем учебные задания конструктивно - вариативного плана.

Группы не оставались стабильными по количеству студентов, их численность в подгруппах изменялась, число обучающихся низкого уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности уменьшалось, среднего и высокого возрастала. Продвижение по уровням осуществлялось с помощью межуровневых задач репродуктивного, реконструктивного и вариативного типа учебной деятельности.

Реализуя уровневую дифференциацию как средство формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности, студентам предлагались задания различной сложности. Так, например, составление резюме текста ограничивалось выбором и воспроизведением наиболее важных предложений у студентов с низким уровнем; требование компрессии за счет синтаксического стяжения предложений добавлялось для студентов со средним уровнем, от студентов с высоким уровнем требовалось включить в резюме собственные комментарии.

Проблемные задачи решались с помощью упражнений, имеющих цель - практику в профессиональном общении на иностранном языке, развитие и направление речевой деятельности на профессионально-ориентированном иноязычном материале. Преподаватель мотивировал обучающихся на самостоятельный процесс решения коммуникативных задач, употребление более сложных и выразительных языковых и речевых явлений, использование самоконтроля как превалирующего типа корректировки коммуникативной компетентности. Большое место в структуре учебных заданий отводилось обширным монологическим и диалогическим высказываниям на заданную тему. Допускались элементы ролевого тренинга в виде закрепленной за обучающимся определенной социокоммуникативной позиции, в которой могло происходить речевое общение.

Использование таксономии предполагает выбор задач при определении уровня требований к операциональному составу познавательной деятельности студентов, что дает возможность выбрать соответствующую когнитивную нагрузку для обучающихся. Расположение учебных задач по порядку явилось средством целенаправленного проектирования и прогнозирования хода обучения с учетом меры сложности и степени нагрузки, адекватных возможностям участников учебного процесса.

Реализация уровневой дифференциации как средства формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза предполагает дифференциацию условий выполнения заданий, включая различную степень помощи со стороны преподавателя, вариативность возможности опоры на учебный материал, различное время для выполнения, разные формы контроля.

В конце каждого семестра студенты тестируются по всем видам речевой деятельности в формате международных экзаменов KET (A2), PET (B1), FCE (B2). Мониторинг результатов показал, что в конце курса (4 семестра) большинство студентов с начальным уровнем B2 и выше успешно справляются с экзаменом FCE, студенты с уровнем B1-B2 и несколько обучающихся с начальным уровнем A2 успешно сдают PET.

32% студентов физического департамента набора 2014-2015 г. имели первоначальный уровень B1-C1 (1% - C1, 11% - B2 и 20% - B1). После трех семестров обучения 77% обучающихся показали уровень B1 и выше. Студенты набора 2015 - 2016 г. показали следующий первоначальный уровень: C1 - 3%, B2 – 14%, B1 – 4%, A2 – 32%, A1 – 9% и A0 – 38%. В конце первого семестра 86% обучающихся с первоначальным уровнем B2-C1 подтвердили свой уровень, 61% студентов с первоначальным уровнем A2 повысили результаты. У этих студентов есть возможность к концу курса достичь уровня B1. К сожалению, не все студенты с первоначальным уровнем A0 к концу курса достигают даже уровня A2. На это требуется больше времени. Поэтому студенты, которые хотят достичь уровня B1 и выше продолжают изучать иностранный язык на старших курсах как предмет по выбору.

Реализация уровневой дифференциации в процессе обучения иностранным языкам имеет определенные преимущества. Преподаватель может правильно определить уровень владения иностранным языком студентов и формировать группы обучающихся, имеющих одинаковый уровень. Определяется траектория развития, используются аутентичные учебные пособия и тесты для каждого уровня, разработанные на основе CEFR. Кроме того, учитывая разные этапы обучения (бакалавриат – магистратура – аспирантура) обеспечивается преемственность обучения.

Обучающийся имеет представление о цели своего обучения согласно индивидуальной траектории овладения иностранным языком. Он понимает, каким образом оцениваются его знания, так как существуют четкие критерии оценивания, которые соответствуют его уровню. Студенты имеют возможность ускорить свое движение по траектории и досрочно переходить с одного уровня на другой, при условии высоких показателей тестирования. Предоставляется возможность подготовиться к международным уровневым экзаменам (KET, PET, FCE и др.) и получить сертификат международного образца.

Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции средствами уровневой дифференциации позволит студентам использовать иностранный язык для систематического пополнения профессиональных знаний.

The article discusses issues related to the organization of the educational process in the conditions of implementation level differentiation with the purpose of formation of professional foreign language communicative competence of students of non-linguistic University. The nature and structure of level differentiation is installed. The results of the pilot project are presented.
Keywords: *level differentiation, competence approach, foreign professional communicative competence, the European system of competences, taxonomic analysis.*

Список литературы

1. Чапаев Н.К. Структура и содержание теоретико-методологического обеспечения педагогической интеграции: Дисс. на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01-общая педагогика/Н. К.Чапаев: Екатеринбург, 1998. 350с.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО) http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1 (дата обращения 07.06.2016).

3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. — в 2-х т. М.: Педагогика, 1989. 486 с.

4. Беликов В.А. Технологии развития конкурентоспособности специалистов средней профессиональной школы на основе актуализации социально-педагогической инициативы [Текст] / В. А. Беликов, А. В. Гришин, О. А. Звада // Мир науки, культуры, образования. № 4 (16), 2009. С. 213–216

5. A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Asessment. — Strasbourg, 1986.

6. Миролюбов А.А. История отечественной методики обучения иностранным языкам./А.А. Миролюбов - М.: Ступени; Инфра, 2002. 448с.

7. Гузеев В.В. Планирование результатов образования и образовательная технология./ В.В. Гузеев. М.: Народное образование, 2001. 238с.

Об авторах

Гришина Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института естественных наук Уральского федерального университета, *grishinalena18@ya.ru*

Беляева Ирина Владиславовна – преподаватель-лектор кафедры иностранных языков института естественных наук Уральского федерального университета, *ira.beliaeva@gmail.com*

Сорогина Тамара Ивановна – преподаватель-лектор кафедры иностранных языков института естественных наук Уральского федерального университета, *tsorogina@bk.ru*

УДК 371.11

СЕТЕВОЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНЫЙ КУРС КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ В СФЕРЕ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ

Демидова Т.Е., Чижевская И.Н., Чижевский А.Е.

Статья посвящена анализу содержания, структуры и технологий, лежащих в основе сетевого электронного учебного курса (СЭУК), обеспечивающего формирование и развитие специальных профессиональных компетенций директора школы в области энергосбережения и повышения энергоэффективности образовательных учреждений. Работа с дистанционным курсом создает условия для развития у слушателей **с**пособности к осознанному участию в процессах внедрения энергосберегающих технологий в школе, использованию возможности образовательной среды, в том числе информационной, для повышения качества управления деятельности ОУ в сфере энергосбережения.

Ключевые слова: *сетевой электронный учебный курс, энергоменеджмент, энергетическая политика, мониторинг энергопотребления, энергосберегающие технологии, программа энергосбережения и повышения энергоэффективности.*

Формирование культуры эффективного использования энергии у работников образовательных организаций, является одним из ключевых условий успешного формирования моделей энергосберегающего поведения у подрастающего поколения граждан РФ [2; 3].

Без этого не могут быть успешно решены проблемы устойчивого развития экономики России, сохранения качества окружающей среды и здоровья человека. Успех этой сложной, многоплановой деятельности в значительной мере определяется уровнем профессиональной компетенции в области энергосбережения руководителей общеобразовательных школ.

Управление энергосбережением в школе предполагает реализацию ряда взаимосвязанных функций включающих планирование, непосредственную реализацию системы мероприятий по энергосбережению, меры стимулирования и контроль. Для достижения оптимальных результатов в энергосбережении каждое образовательное учреждение должно определить цели деятельности в этом направлении, средства и наиболее эффективные методы для их достижения. При этом необходимо учитывать действующее законодательство, нормативные документы органов управления образованием, взаимоотношения с поставщиками энергоресурсов и энергосервисными организациями, уровень развития технологий и ряд других факторов [5].

Необходимость формирования специальных компетенций в сфере энергосбережения у руководителя ОУ признается важным условием успешного решения задач сформулированных в федеральном законе №261-ФЗ и нормативных документах [1]. Это предполагает необходимость специально организованной деятельности по повышению квалификации и профессиональному развитию директоров школ в рамках соответствующей курсовой подготовки, которая затрагивает вопросы управления энергоэффективностью образовательных учреждений. Она предполагает разработку соответствующей программы повышения квалификации, спецкурсов и учебно-методических пособий [6].

В современных условиях одним из наиболее эффективных инструментов профессионального развития директоров общеобразовательных школ в данной сфере признаются дистанционные электронные учебные курса. Они создают условия для повышения качества обучения за счет применения современных образовательных технологий и привлечения квалифицированных преподавателей, снижение затрат на проведение занятий, независимость от географического положения, самостоятельного планирования времени и продолжительности занятий и ряд других преимуществ [4].

Сегодня в интернете можно найти около десятка предложений по дистанционному повышению квалификации руководителей ОУ в области энергосбережения, на основе специально разработанных курсов. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство из них не учитывают специфику образовательных организаций. Содержание этих курсов сосредоточено на технических вопросах, не уделяя должного внимания всему комплексу проблем энергосбережения в школе. За пределами рассмотрения в них остаются проблемы формирование базовых знаний об энергосбережении и необходимости их применения в образовательном процессе, развитие у директоров умений эффективного управления деятельностью участников образовательного процесса в сфере энергосбережения и повышения уровня энергоэффективности ОУ.

В 2012 году по заказу департамента образования и науки Брянской области был разработан сетевой электронный учебный курс «Энергоэффективность образовательных учреждений», позволяющий преодолеть указанные выше проблемы. В течение ряда лет он был апробирован в рамках курсов повышения квалификации Брянского института повышения квалификации работников образования и показал свою эффективность.

Сетевой электронный учебный курс (СЭУК) «Энергосбережение в образовательных учреждениях» представляет собой комплекс программных средств, учебных материалов и методик, разработанных в системе управления учебными курсами Moodle. СЭУК размещается на сервере, позволяя дистанционно, через Интернет, в рамках соответствующей курсовой подготовки, повышать квалификацию руководителей образовательных учреждений в сфере повышения энергоэффективности ОУ. СЭУК обеспечивает пользователю удобный доступ к содержанию материала в логике курса, включая теоретический и практический материал, материал для самостоятельной работы, углубленного изучения проблемы, тестовые задания и др.

Целью данного курса является формирование и развитие специальных профессиональных компетенций директора школы в области энергосбережения и повышения энергоэффективности образовательных учреждений. Усвоение содержания СЭУК формирует:

• способность понимать сущность и значение энергосбережения в развитии современного общества и государства, соблюдать правила энергоэффективного поведения;

• готовность применять современные технологии, в том числе и информационные, для повышения качества управления учебно-воспитательным процессом в сфере энергоэффективности конкретного образовательного учреждения;

• **с**пособность к осознанному участию в процессах внедрения энергосберегающих технологий в школе;

• использовать возможности образовательной среды, в том числе информационной, для повышения качества управления деятельности ОУ в сфере энергосбережения;

• способность организовывать разработку и реализацию культурно-просветительских программ для различных категорий населения в сфере энергосбережения, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

В результате изучения курса слушатель должен усвоить знания о сущности энергосбережения и его необходимости в развитии современного общества и государства, современные технологии и методики, позволяющие повышать уровень энергоэффективности ОУ. Он усвоит способы деятельности, позволяющие создавать эффективную систему управления школой, объединять усилия педагогов, учащихся и технического персонала для повышения уровня энергоэффективности ОУ. Он овладеет определенным кругом навыков, достаточным для создания материально-технических и социально-педагогические условий функционирования и развития школы в сфере энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

Содержание курса включает 7 разделов, затрагивающих одну из проблем, в рамках изучения которых будут формироваться соответствующие компетенции.

Первый раздел - «Основы энергосбережения» фокусирует внимание слушателя на и повышения энергоэффективности всех сфер деятельности в нашей стране. Он посвящен анализу причин, по которым энергосбережение, как новый вид деятельности, признается одним из главных приоритетов развития экономики России.

Второй раздел - «Нормативно-правовая база в сфере энергосбережения и повышения энергоэффективности образовательных учреждений» посвящен анализу комплекса мер государственной политики для повышения энергетической эффективности в Российской федерации. Здесь рассматривается формирование системы регламентов, стандартов и норм, реализация стратегических инициатив по разработке государственной, региональных и муниципальных программ энергосбережения, поддержка создания энергосберегающих технологий, стимулирование развития энергетического аудита, повышение энергоэффективности бюджетного сектора, осуществление комплекса информационных и образовательных программ в сфере энергосбережения.

В третьем разделе - «Энергоменеджмент как инструмент энергосбережения в образовательных организациях» рассматривается система энергоменеджмента, обеспечивающая достижение заданного уровня эффективности использования энергетических ресурсов на основе установленных процедур и методов. Проводится обзор политических, общественных, экономических и технологических условий, необходимых для развития энергоменеджмента.

В четвертом разделе - «Энергетическое обследование в образовательных организациях» дается подробное описание энергоаудита. Здесь внимание сосредоточено на порядке проведения энергетического обследования образовательных учреждений. Подробно рассматриваются программа и методика энергетического обследования, документация, оформляемая энергоаудитором по результатам энергетического обследования. Особое внимание уделяется требования к компаниям, проводящим энергетическое обследование, а также надзору и контролю за проведением энергоаудита уполномоченными органами исполнительной власти.

Пятый раздел - «Энергосервисные услуги для образовательных организаций» посвящен проблема внедрения энергосервисных услуг в бюджетных организациях Российской федерации. Здесь подробно рассматриваются нормативные документы регулирующие отношения заказчика с энергосервисными компаниями, требования к условиям контракта на энергосервис, проблемы реализации энергосервисных контрактов в образовательных учреждениях и реальный опыт энергосервиса.

Шестой раздел - «Формирование культуры энергосберегающего поведения» рассматривает необходимость и возможность создания информационно-образовательной системы по проблемам энергосбережения. Здесь подробно анализируется педагогические условия успешного формирования культуры энергосбережения, информационно-пропагандистская и просветительская работа с населением. Особое внимание в этом разделе уделяется подготовке педагогических кадров, способных решать задачи образования и просвещения различных слоев населения в направлении энергосбережения, а также разработке учебно-методического и информационного обеспечения в этой сфере.

В седьмом, завершающем разделе, называемом «Разработка и реализация программ по энергосбережению в образовательных организациях» разрабатывается дорожная карта программы энергосбережения. Вначале проводится сбор информации о потреблённых топливо-энергетичесих ресурсах на основании показаний приборов

учёта и бухгалтерских данных школы, а затем выполняется расчёт удельного потребления каждого энергетического ресурса. Далее проводится обследование зданий и сооружений школы. На основании анализа данных, полученных в ходе обследования, и выявленных мест нерационального использования ТЭР проводится разработка организационных и малозатратных, среднезатратных, долгосрочных, крупнозатратных мероприятий. Важное место уделено определению энергосберегающих мероприятий, целесообразных в существующих условиях. Важным элементом программы является расчёт потенциальных затрат и экономического эффекта от внедрения выбранных мероприятий. В заключении проводится расчёт эффективности от реализации программы по всем мероприятиям и оформление паспорта программы.

В этом же разделе затрагиваются проблемы разработки и внедрения в учебно-воспитательный процесс уроков и внеучебных форм работы направленных на формирование знаний о важности энергосбережения, способах экономии электрической и тепловой энергии в быту, практические задания, проведение классных часов, экскурсий, конкурса, смотров и других мероприятий по энергоэффективности среди школьников.

Работа с каждым разделом начинается с теоретического материала, подробно описывающего конкретный аспект проблемы энергосбережения в школе. Эти материалы включают основные понятия, вопросы для самопроверки, ключевую информацию, позволяющие повысить эффективность усвоение основного содержания.

К каждому теоретическому разделу программы разрабатывается тест из 8--12 заданий. Успешное выполнение заданий позволяет перейти к изучению следующего раздела. В случае отрицательной оценки, полученной по результатам тестирования, слушателю необходимо вновь вернуться к изучению содержания раздела и пройти повторное тестирование.

В начале на первых вебинарах проводится постановка задания по работе с теоретическим разделом, организуется обсуждение результатов работы по теории и постановка задания по работе с мультимедийными пособиями. В ходе дальнейших занятий обсуждаются результаты работы с мультимедийными пособиями и постановка задания к курсовому проекту. На заключительных вебинарах осуществляется итоговое онлайн-тестирование, защита проекта и подведение итогов.

Изучение материала по каждому разделу предполагает выполнение значительного объема самостоятельной работы, организуемой с помощью системы заданий, предусматривающих следующие виды работ:

- Подготовка аннотированного каталога ссылок на интернет ресурсы по проблемам раздела 10-15 ссылок.
- Работа с нормативными документами.
- Создание подборок таблиц, графиков и иллюстраций.
- Написание реферата по одной из рассматриваемых проблем.
- Подготовка выступления на вебинаре, где дается анализ реального положения дел в школе по конкретному направлению и возможности улучшения ситуации.
- Разработка презентации в Power Point для визуальной поддержки выступления.
- Задания по работе с мультимедийными методическими пособиями «Энергоэффективная школа. Успешный опыт».
- Выполнение курсового проекта.

Структурно СЭУК представлен в виде 7 модулей, соответствующих основным вопросам учебной программы разработанной в вариантах 72 и 36 часов курсовой подготовки. Каждый модуль обеспечивает пользователю удобный доступ к содержанию материала определенного раздела курса. Теоретический материал модулей логически выстроен, изложен компактно, благодаря гиперссылкам позволяет быстро перейти к углубленному изучению рассматриваемой проблемы. Тестовые задания дают возможность проверить качество усвоения теоретического материала, изученного слушателями курсов.

Данный учебный курс характеризуется методическим аппаратом, дающим возможность организовать обучение на проблемном уровне. Система вопросов предлагаемых для обсуждения на вебинарах и задания для самостоятельной работы, обращенные к личному опыту слушателей курсов, направлены на выработку у них необходимых профессиональных умений в сфере повышения энергоэффективности ОУ.

Отличительной особенностью курса является системная интеграция видеозаписи реального образовательного процесса в его структуру, что придает процессу профессионального развития работников образования инновационное качество, создает реальные условия для повышения его эффективности, не требуя чрезмерных затрат времени и финансов. При изучении теоретического материала специально отобранные фрагменты видеоматериалов используется для иллюстрации соответствующего содержания, стимулируя познавательную активность слушателей. В ходе выполнения практических заданий видеоматериалы создают возможность в деталях наблюдать технологию работы педагога и учащихся на уроке, анализировать и оценивать эффективность применяемых средств и методов, отдельных методических приемов, форм организации учебно-познавательной деятельности учащихся.

Подводя итог обзору сетевого электронного учебного курса «Энергоэффективность образовательных учреждений» следует отметить, что он позволяет решить целый ряд актуальных задач, связанных с формированием профессиональных компетенций директора школы в сфере энергосбережения и повышения энергоэффективности ОУ средствами дистанционного обучения. Внедрение СЭУК в систему регионального повышения квалификации работников образования создает благоприятные условия для профессионального развития директоров школ:

• Формирование базовых знаний об энергосбережении и необходимости их применения в образовательном процессе.

• Развитие у директоров умений эффективного управления деятельностью педагогов, учащихся и технического персонала в сфере энергосбережения и повышения уровня энергоэффективности ОУ.

• Мотивация деятельности директора ОУ по энергосбережению и формированию культуры энергосбережения у учащихся.

• Инициирование самообразовательной деятельности директора ОУ в сфере энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

This article analyzes the content, structure and technology that are the basis of network e- learning course. This course provides the formation and development of special professional competence of school principal in energy conservation and energy efficiency of educational institutions. Work with remote course creates conditions for the development of the listeners ability to meaningful participation in the process of introducing energy-saving technology in the classroom, use of possibilities of the educational environment, including the information, to improve the quality management activities of the educational institution in the field of energy saving.
Keywords: *network e-training course, energy management, energy policy, monitoring of energy consumption, energy-saving technologies, energy-saving program and energy efficiency program.*

Список литературы

1. Федеральный закон от 23 ноября 2009 года №261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

2. Данилов Н.И. Основы энергосбережения: учеб. 2-е изд., доп. и перераб. / Н.И. Данилов, Я.М. Щелоков; под общ. ред. Н.И. Данилова. — Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2010. – 528 с.

3. Драгунов В.К., Бобряков А.В., Кролин А.А., Гужов С.В., Покровская М.А., Корнеев А.В., Мойкин А.В. Информационная поддержка мониторинга энергопотребления и внедрения энергосберегающих мероприятий в учреждениях бюджетной сферы экономики // Энергобезопасность и энергосбережение. - 2014. - №6. - С. 32–38.

4. Кравцов С.С. Энергосбережение и повышение энергоэффективности образовательных учреждений //«Энергоэффективная школа», dvd , М. 2012.

5. Московский Институт Открытого Образования. Методические рекомендации по ресурсосбережению в общеобразовательной школе (энергетические, водные, ТБО). / Под общ. ред. академика РАО Г.А. Ягодина. — Москва, 2009. – 126 с.

6. Фролов В.В. Комплексные центры образования помогут повысить качество работ в сфере энергоэффективности // Вестник энергоэффективности. – 2013. - №2. - С .1-5.

Об авторах

Демидова Тамара Евгеньевна– доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *demidova_te@mail.ru*

Чижевская Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Чижевский Алексей Евгеньевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 37.011.31

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Дидук И. А.

В статье представлены предварительные данные исследования педагогической династии как социокультурного феномена в контексте развития региональной системы образования; определена степень разработанности в науке социокультурного феномена «династия»; на основе первичного качественного (семантического) и количественного анализа различных источников выделены интегральные характеристики педагогической династии; определены возможные направления исследований по обозначенной проблеме.
Ключевые слова: *педагогическая династия; социокультурный феномен; интегральные характеристики; региональная система образования; педагогические династии Смоленщины.*

В российском образовании начала XIX века активно идут инновационные процессы, ориентированные, в первую очередь, на повышение качества и доступности образования. Как показывает западный опыт, инновационный путь развития предполагает учёт и использование в образовательной практике лучших образцов обучения и воспитания. Сохранение традиций российского образования, с одной стороны, и способность к инновациям, с другой, является одной из сущностных характеристик педагогических династий.

В настоящее время педагогическая династия в системе российского и регионального образования остаётся малоизученным явлением. При этом её уникальность и значимость для науки, культуры и общества в целом трудно переоценить. С целью определения сущности педагогической династии как социокультурного феномена нами были проанализированы понятия «династия» и «социокультурный феномен».

Термин «династия» западного происхождения, переводится с латинского dinastia и греческого dynasteia как власть, господство, властелин, быть сильным. Этот термин, соотносясь с семьёй, употреблялся применительно к политической, и, гораздо позднее, профессиональной деятельности людей. Анализ 25 словарей из разных областей социально-гуманитарного знания (этимологический словарь русского языка, большой академический словарь русского языка, словарь иностранных слов, философский словарь, краткий политический словарь, исторический словарь, юридический словарь и др.) позволил выделить следующие трактовки данного понятия. В философии – это духовный прогресс поколений. В социологии – это продолжение дела родителей последующими поколениями или «Профессиональная династия как специфическая форма социальной организации трудовых ресурсов, обладающая по отношению к отдельным её членам эмерджентными характеристиками» [4, с.10]. В истории династия – это «1) Ряд монархов из одного и того же рода, последовательно сменявших друг друга на троне по праву родства и наследования. *Династия Романовых в России. Династия Бурбонов во Франции*. 2) перен. Ряд поколений, передающих из рода в род профессиональное мастерство, традиции и т.п. *Династия доменщиков. Глава рабочей династии*» [5, с.400]. В юриспруденции – «…совокупность происходящих от одного родоначальника царствующих лиц, сменяющих друг друга на посту главы государства в установленном порядке престолонаследия» [8].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что понятие «династия» связывается, в первую очередь, с принадлежностью к конкретному роду, семье (дому) [1; 3]. Второе значение данного понятия обусловлено профессиональной деятельностью личности [1; 2]. В 42% словарей понятие «династия», применительно к трудовой, а не политической деятельности как профессии, упоминается в качестве устаревшего или имеющего переносное значение.

Сегодня в научной литературе встречается видовое многообразие династий: трудовые, семейные, профессиональные, рабочие, педагогические (учительские), юридические, финансовые и др. Основаниями для такой классификации, как и в случае с определением понятия «династия», являются два критерия – принадлежность к конкретной семье (роду) и (или) профессиональная деятельность.

Терминологическое сочетание «социокультурный феномен» широко представлено в социально-гуманитарном знании (философия, культурология, социологи, искусствоведение, педагогика, история, филологии, медицине). Под социокультурным феноменом ученые понимают:

- широкий спектр явлений, событий, фактов общественного и культурного значения [6, с.1416].
- явление, данное нам в опыте чувственного познания, в отличие от ноумена, постигаемого разумом и составляющего основу, сущность феномена [7, с.477].
- необычный, исключительный факт, явление [6, с.1416].

Количественный анализ 153 диссертаций (философия, культурология, социология, искусствоведение, педагогика, история и медицина), написанных в период с 1992 по 2015 год, позволил выявить меру актуализации дефиниции «социокультурный феномен» в современном социально-гуманитарном знании. Категория «социокультурный феномен», как и «династия», актуализирована современной наукой и является междисциплинарной. В силу многоаспектности категория «социокультурный феномен» чаще всего используется в работах по философии (55 % от общего числа диссертаций). Социокультурный феномен в качестве объекта исследований встречается в работах по культурологи (18%), социологии (15%) и в меньшей степени по педагогике (4%).

Качественный анализ диссертаций позволил объединить факты и явления, изучаемые в качестве объекта социокультурного феномена, в две группы.

Принадлежность к первой (институциональной) группе объектов обусловлена функционированием социальных институтов:

- экономических – (собственность, предпринимательство, меценатство);
- политических – гражданское общество, политическое правление, учение (либерализм, политико-правовое), электронное правительство, война, терроризм;
- института семьи – материнство и т.д.;
- социально-культурных – реклама, спорт, музей, транспорт, библиотека, язык, традиции, обычаи, искусство, радио, музыка (джаз, рок, этноджаз), кинематограф, образование, мода, кич, литература, социальная справедливость, коммуникация, культура (молодежные «электронные субкультуры», молодежная околоспортивная культура, студенческое самоуправление);
- института религии – современное русское православное монашество, новые религиозные движения, религиозная вера, Оптина пустынь, бесовщина.

Вторая (субъектная) группа объектов определяется категорией «человек», «деятельность»:

- человек (деятельность) – менталитет, харизма, игра, духовность, счастье, смысл жизни, мышление, деятельность (деструктивная, техническая), поведение (девиантное), имя, сознание (утопическое), здоровье, нигилизм (правовой), творчество, молодость, успех, диалог, насилие, старость, лидерство, наркомания, инакомыслие, потребности, психические расстройства, одиночество, соперничество, отчуждение;

- общность (группа) – сетевое интернетсообщество, династия, мужское сообщество донских казаков, интеллигенция;
- нация, этнос – национальные интересы, русская идея, русский национальный дух, этническое самосознание;
- среда, пространство – провинциальный город, виртуальная реальность, киберпространство, город, среда обитания человека, архитектурное пространство, русская провинциальная средневековая усадьба, трансграничный регион, город и его спутники, провинция;
- процессы – инновация, модернизация.

Многообразие социальных явлений, выступающих в качестве объекта исследования, обуславливает общественный характер дефиниции «социокультурный феномен». Искусствоведение, педагогика, история, филология и медицина характеризуются специфичными объектами и исследующими их методами. Поэтому этими науками социокультурные феномены представлены в меньшем разнообразии. В педагогике вопрос о применении данной категории к педагогическим династиям как объекту исследования почти не изучен. В самом общем виде педагогическую династию как социокультурный феномен можно определить как группу представителей одного рода учителей, передающих из поколения в поколение профессиональный опыт, традиции, нравственные ценности и широко транслирующие их социуму тем самым представляющую собой уникальное явление общественного и культурного значения.

С целью определения степени разработанности в науке социокультурного феномена «династия» нами было изучено 15 диссертаций по данной проблематике, написанных в период с 1998 по 2013 год. Это работы по истории (40%), педагогике (20%), по искусствоведению и социологии (13%), сурдопедагогике (7%). Представители этих наук выделяют следующие актуальные проблемы династийности:

- педагогика – биографическое повествование об истории рода (Зуева А.А., Новокузнецк, 2005); формирование профессиональных интересов и намерений учащихся (Колосова, Л.А., Москва, 1987); просветительско-педагогическая деятельность представителей династии (Евсеенко Т.В., Санкт-Петербург, 2013); организационно-педагогические условия, способствующие эффективному использованию семейных династий в профессиональном самоопределении учащейся молодежи (Менщиков В.М., Курган, 1999);
- социология – характеристики представителей династий, их влияние на функционирование общественных институтов (Ткач О.А., Санкт-Петербург, 2008; Калашникова К.А., Волгоград, 2012);
- сурдопедагогика – творческое наследие династии для современной теории и практики образования глухих детей (Покровский Н.В., Москва, 2000);
- история – научный и общественный вклад династий польских преподавателей в становление и развитие Казанского университета (Гатилова А. В., Казань, 2012); династия как модель предпринимательства, купечества (Филаткина Н.А., Москва, 2003; Есиева И.В., Казань, 2004; Дикун А.С., Иркутск, 2013); положение и общественная деятельность династии Романовых (Василенко С.А., Санкт-Петербург, 2007);
- искусствоведение – духовный потенциал художественной традиции Китая (династический аспект) (Чжао Синьсинь, Москва, 2012).

Анализ диссертационных исследований вторично подтвердил междисциплинарный характер категории «династия» и её актуализацию рядом наук. Социально-гуманитарными науками изучаются различные династии. При этом педагогические династии как социокультурный феномен в качестве объекта педагогических исследований практически не представлен.

Педагогическую династию можно рассматривать как совокупность интегральных характеристик (социокультурный феномен), влияющих на деятельность системы образования, учитывающих её особенности и выполняющих специфическую роль в данной социальной системе.

Первичный количественный и качественный (семантический) анализ информации позволил выделить некоторые интегральные характеристики дефиниции «педагогическая династия» обусловленные её междисциплинарностью и проявляющиеся на уровне отношений к членам семьи, воспитанникам:

1. Принадлежность к одному роду (семье, дому, фамилии) (63% от общего числа словарей).
2. Установленная юридически (право родства) или естественно (смена поколений) последовательность (очерёдность, порядок) наследования – (58%). В случае с педагогическими династиями это установленная естественным ходом истории семьи (рода) последовательность (очерёдность, порядок) смены поколений.
3. Наличие в династии представителей нескольких поколений (42%), не менее трёх.
4. Известность в какой-либо области профессиональной деятельности (17%). В нашем случае педагогической. Отсюда характеристика членов династии – специалист (5%), труженик (5%).
5. Передача от поколения к поколению профессионального опыта, мастерства, трудовых традиций, нравственных ценностей, одобренных государством и обществом (30%). Поскольку члены династии – учителя, то свой профессиональный опыт, мастерство, трудовые традиции, нравственные ценности они передают не только из поколения в поколение (внутри семьи), но и широко транслируют вовне, т.е. социуму.
6. Наследование родственниками профессии педагога, которая стала для педагогической династии семейной традицией.

Изучение методологических основ теории позитивного альтруизма (П. Сорокин), интегральности (В.В. Белоус), теории социального и личностного капитала (А. Смит, Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Минсер, Г. Мюнстерберг, Ф.

Тейлор и др.), теории преемственности в системе образования (П. Бурдье, Э. Гидденс, Т.И. Заславская, Г.И. Козырев, А. Турен, Я.У. Астафьев, С.И. Григорьев, Г.Е. Зборовский, Н.А. Матвеева и др.), структурно-функционального подхода (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, М. Шелер, К. Мангейм, П. Бергман, Т. Лукман и др.), теории поколений (М.Б. Глотов, Д.В. Лезгина) позволило уточнить сущность социокультурного феномена «педагогическая династия» дополнительными интегральными характеристиками. Они представляют педагогическую династию как:

- носителя династических ценностей и смыслов профессии;
- фактор, формирующий систему образования как составляющую культурно-исторической среды региона;
- форму самореализации личности;
- источник гуманизма и носитель опыта альтруистической любви;
- средство, формирующее у подрастающего поколения жизненные смыслы и соответствующее мировоззрение;
- аккумулятор культурных отечественных и семейных традиций, образа жизни;
- синергию уникальности, передающей особенности региональной системы образования и универсальности, как возможности использования опыта обучения и воспитания в образовательной практике других регионов России;
- средство, формирующее личность будущего педагога (мотивы получения профессии, активную социальную позицию, ценностное отношение к профессиональной деятельности, чувство долга, ответственность и др.);
- линию преемственности династических традиций и воспитательных идеалов;
- гаранта получения стабильно положительного профессионального результата.

Нами были изучены более 50 династий Смоленской области. Исследуя личные архивы членов династий, описания их родословных, публикации в средствах массовой информации (газеты, журналы, сайты Интернета), нам удалось составить собирательный (идеальный) образ учителя – представителя педагогической династии. Характеристиками этого образа стали 321 личностное качество. Из их числа доминируют активность, безконфликтность, бескорыстие, великодушие, верность, взыскательность, инициативность, дисциплинированность, доброта, дружелюбие, добросовестность, исполнительность, компетентность, надёжность, настойчивость, отзывчивость, ответственность, порядочность, правдивость, работоспособность, рассудительность, решительность, самостоятельность, совестливость, сердечность, сдержанность, скромность, тактичность, терпеливость, увлечённость, целеустремлённость, честность и др. Проделанная работа позволила сформулировать следующую характеристику педагогической династии: преобладание у её членов определённых профессиональных и личностных качеств.

Мы предположили, что многие из перечисленных личностных качеств педагогов детерминировали ещё одну сущностную характеристику педагогической династии, в обобщённом виде представленную как профессиональная мобильность. Она заключается, с одной стороны, в социальной устойчивости педагогической династии как общественного института, выраженной в сохранении профессиональных традиций и верности профессии, с другой, в быстром реагировании её членов инновациями на изменения, происходящие в системе образования, в их способности (готовности) к переменам. Указанная характеристика проявляется в контексте развития региональной системы образования. На каждом её этапе требовались педагоги не только как квалифицированные, увлечённые, любящие свою профессию специалисты, но и педагоги как высоконравственные личности. Конечно, не представляется возможным доказать наличие профессиональной мобильности у основателей династий. Это связано с тем, что во многих династиях о них просто нет сведений. Остаётся только предполагать, что педагогические династии региона начали складываться достаточно давно. Самые ранние сведения об основателях династий относятся к XIX веку. В это и последующее время региональная система образования переживала эпоху преобразований, связанных с переходом от образовательных учреждений различной ведомственной принадлежности к упорядоченной системе, в которой было место светским и духовным учреждениям, учреждениям начального, среднего и профессионального образования.

В XX веке после установления власти большевиков в советской России начались реформы во всех сферах общественной жизни, в том числе и в образовании. Эти тенденции были присущи и образованию Смоленщины. События XIX-XX веков предъявляли различные требования к системе образования, одним из которых было требование к личности учителя. Это было связано с установками государства на воспитание «нового человека». Мы предположили, что (системообразующими) дестабилизирующими факторами, провоцирующими (побуждающими) становление и развитие педагогической династии как социокультурного феномена в культурно-исторической среде региона выступают внешние факторы (исторически обусловленные изменения, происходящие в системе образования) и внутренние факторы (интегральные характеристики самой династии).

На основе первичного количественного и качественного анализа различных источников нам удалось определить актуальность и степень разработанности в социально-гуманитарных науках понятий «династия» и «социокультурный феномен», обосновать их междисциплинарный характер, выявить и в обобщённом виде описать интегральные характеристики социокультурного феномена «педагогическая династия» в контексте развития региональной системы образования. Всё это, несомненно, обладает определённой научной новизной.

Полученные в ходе исследований данные уже сейчас активно используются в системе образования Смоленской области. Так, на официальном сайте ГАУ ДПО «Смоленский областной институт развития образования» действует виртуальный музей, важной составляющей которого является экспозиция, посвященная педагогическим династиям Смоленщины. Получаемые в ходе мониторинговых исследований сведения используются в процессе

реализации долгосрочного проекта «Педагогические династии Смоленской области». Лучшие образовательные практики членов педагогических династий востребованы в системе повышения квалификации педагогических работников региона.

Однако следует отметить, что проблема педагогических династий остаётся по-прежнему недостаточно разработанной в науке. Перспективными направлениями исследований могут быть изучение механизма становления и развития педагогической династии; реализация идеи социального христианского служения в образовании через установление культурно-исторических зависимостей между совокупным образом члена педагогического династического сообщества и собирательным образом «аскетичного подвижника»; влияние семейного воспитания на профессиональное становление личности и др.

The article presents the results of research of pedagogical dynasties as a social and cultural phenomenon in the context of the regional education system development. The study has made it possible to describe how well this social and cultural phenomenon is studied, to single out the integral characteristics of a pedagogical dynasty on the basis of primary qualitative (semantic) and quantitative analysis of different sources, to define possible directions of research of this issue.
Keywords: *pedagogical dynasty; social and cultural phenomenon; integral characteristics; regional system of education; pedagogical dynasties of Smolensk region.*

Список литературы

1. Белоус В.В., Боязитова И.В. Детерминанты развития интегральной индивидуальности [Электронный ресурс]. http://dlib.eastview.com/browse/doc/7163058 URL: (дата обращения: 03.02.2016).
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт. 1998. 1536 с.
3. Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание. М.: АСТ Астрель: АСТ: Хранитель. 2007. 349 с.
4. Калашникова К.А., Профессиональные династии в современном российском институте здравоохранения. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук. Волгоград. 2012. 26 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А.П. Евгеньевой – 2-е изд., испр. Т.1. А – Й. – М.: АН СССР, Ин-т рус. яз. 1981. 698 с.
6. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). М.: Советская Энциклопедия. 1981. 1600 с.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М. 1997. 576 с.
8. Юридический словарь [Электронный ресурс]. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/16570 URL: (дата обращения: 13.05.2016).

Об авторе

Дидук Ирина Алексеевна – кандидат педагогических наук, проректор по науке и проектированию образовательной деятельности Смоленского областного института развития образования, *dyda2007@inbox.ru*

УДК 378.14

КОНЦЕПЦИЯ АВТОНОМНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Емельянова Я.Б.

В статье рассматривается понятие «автономность» применительно к переводчику как профессиональному пользователю иностранного языка и дается характеристика аспектов, которые она охватывает. Делается вывод, что автономность переводчика включает знаниевый, личностный и технический компоненты и дается описание составляющих их знаний, навыков, умений и личностных характеристик.
Ключевые слова: *автономность, автономный обучающийся, перевод, пользователь языка, возможность получения знаний, личностные характеристики*.

Переводческая профессия является одним из сложнейших видов интеллектуальной деятельности и предъявляет к компетенции переводчика высокие требования. Одно из них – умение расширения и совершенствования своих языковых и культурных знаний. Переводчики находятся в процессе постоянного изучения языка, который не прекращается в течение всей их профессиональной карьеры. На этом основании А. Карреres (Carreres A.) предлагает рассматривать переводчика как «обучающегося в течение всей жизни» (lifelong language learner) [5, с.18].

В этой связи особую значимость для переводчика приобретают умения самостоятельной работы, которые также связывают с понятием автономности, которое в большей степени распространено в зарубежной науке. *Целью* данной работы является определение факторов, составляющих специфику автономности переводчика, а также выявление ее компонентов в контексте работы с языковыми и культурными знаниями.

Сегодня понятие «автономности» прочно вошло в методику преподавания иностранных языков и является, по мнению Ф. Бенсона (Benson P.), своего рода аксиомой, которую если и можно игнорировать, то только

«на свой страх и риск» [3, с.14]. Однако анализ литературы позволяет сделать вывод, что понятие «автономности» может получать различные трактовки в зависимости от ряда факторов.

Во-первых, существует разница в понимании автономности теоретиками и педагогами-практиками. Так, С. Борг и С. Аль-Бусайди (Borg S., Al-Busaidi S.) обращают внимание на то, что большинство работ по данному вопросу написано исследователями, и неизвестно, насколько эти взгляды разделяют преподаватели. Более того, есть основания полагать, что многие педагоги придерживаются взглядов, отличных и даже противоположных тем, которые высказываются в теоретических работах. С другой стороны, отмечается, что многие педагоги поддерживают теоретиков на словах, но на практике не склонных применять эти идеи [4, с.5].

Во-вторых, трактовки автономности могут различаться в зависимости от аспектов, включаемых в ее состав разными авторами. Обобщая разные подходы, можно сказать, что к автономности относят умения ставить цели, выбирать адекватные методы и способы их достижения, планировать и осуществлять действия, оценивать качество своей самостоятельной работы. При этом формы реализации автономности могут изменяться в зависимости от конкретного индивида, контекста обучения и других факторов.

В-третьих, понимание автономности может различаться в разных культурах. А. Пенникук (Pennycook A.) отмечает, что такие понятия как «студенто-ориентированное обучение» (student-centered education), «индивидуализм» и «автономность» в разных культурах по-разному интерпретируются, имеют разную степень значимости и ассоциируются с различными способами их достижения [13].

Различия в интерпретации данного понятия наглядно показали Ф. Бенсон и П. Воллер (Benson P., Voller P.) в предисловии к их книге *"Autonomy and Independence in Language Learning"*. Они приводят пять разных трактовок автономности, допуская, что ими перечень не исчерпывается:

1) ситуации полностью самостоятельной работы обучающихся;

2) набор навыков, которые приобретаются и применяются в самостоятельной работе;

3) врожденная способность к самостоятельной работе;

4) принятие обучающимися ответственности за свои знания и умения;

5) право обучающихся определять направление своего обучения [2, с.1-2].

Можно также встретить и различные модификации термина автономность: «сильная» и «слабая автономность» (weak and strong autonomy) [16], «узкая» и «широкая автономность» (narrow and broad autonomy) [9].

Классическим *определением* автономности в обучении иностранным языкам принято считать определение, в котором автономность понимается как «способность брать ответственность за процесс и результат своей учебной деятельности» (H. Holec) [8, с.3].

Говоря о *переводческом владении иностранным языком*, следует отметить, что переводчик не просто «знает» один или несколько иностранных языков. Эти знания являются одним из ключевых инструментов осуществления профессиональной переводческой деятельности. Аналогичным образом и самостоятельная работа переводчика всегда ориентирована на профессиональные потребности, в силу чего мы предлагаем рассматривать переводчика как профессионального пользователя иностранного языка.

Термин «пользователь Я2» (L2 user) был предложен В. Куком (Cook V.). По его мнению, пользователь Я2 – это «любой человек, который использует иностранный для него язык, а не родной, т.е. выученный в детстве» [6, с.1]. Мы предлагаем понимать под «*профессиональным пользователем иностранного языка*» человека, который использует знание иностранного языка для осуществления своей профессиональной деятельности, а также обеспечивает управление своими языковыми знаниями в соответствии с профессиональными потребностями.

Подобная трактовка в значительной степени пересекается с двумя типами автономности, которые предлагает выделять Д. Литтл (Little D.): педагогическая автономность (pedagogical autonomy) и коммуникативная автономность (communicative autonomy). Если коммуникативная автономность соотносится с использованием языка, т.е. умением адекватно использовать языковые средства в реальной коммуникации на иностранном языке, то педагогическая в большей степени предполагает умение самостоятельно изучать язык. Данные виды автономности тесно связаны между собой и в совокупности обеспечивают успешность самостоятельной работы [10].

В целом, на наш взгляд, автономность профессионального пользователя языка предполагает *умение в различных ситуациях*:

а) определять свои потребности, выявлять пробелы в языковых и культурных знаниях;

б) создавать и видеть возможности для расширения знаний;

в) подбирать адекватные способы и ресурсы для приобретения необходимых языковых и культурных знаний;

г) грамотно использовать новые языковые и культурные знания в своей речевой деятельности;

д) оценивать качество своей самостоятельной работы.

Более конкретно, автономность профессионального пользователя иностранного языка охватывает следующие *аспекты*.

1. *Управление языковыми и культурными знаниями*. Данный аспект включает в себя умения: 1) выявлять области знаний, требующие расширения или уточнения; 2) использовать различные ресурсы для приобретения нужной информации; 3) систематизировать полученную информацию; 4) «выравнивать» знания в двух языках и культурах в рамках определенных тематических областей. При этом в отличие от обычного пользователя переводчик не может довольствоваться приблизительными и неполными знаниями, ему необходимо быть уверенным в своих знаниях, уметь находить исчерпывающую информацию.

2. *Построение/конструирование знания* опирается на умение осмысливать новую информацию, соотносить ее с уже имеющимися знаниями и опытом и интегрировать ее в систему своих знаний.

3. *Выстраивание отношений параллелизма* между знаниями в двух языках предполагает профессиональный подход к установлению межъязыковых соответствий.

4. *Поддержание знаний на необходимом уровне* предполагает работу по предотвращению забывания.

5. *Практика* включает самостоятельную тренировку, использование новой языковой и культурной информации в целях ее успешного усвоения и включения в свою речевую практику.

6. *Работа с различными источниками информации* опирается на знание специфики разных типов словарей и справочников, умение подбирать нужные ресурсы в зависимости от текущих целей и задач.

7. *Контроль*, т.е. оценка результатов своей самостоятельной работы.

Включение вышеперечисленных аспектов в спектр автономности переводчика обусловлено тем, что по окончании обучения в вузе переводчик должен уметь полностью самостоятельно без чьей-либо помощи организовать свою работу с языковой и культурной информацией в соответствии с возникающими профессиональными потребностями.

Данный вывод имеет принципиальное значение, поскольку многие исследователи рассматривают автономность главным образом применительно к контексту обучения и видят в ней способ повышения эффективности процесса овладения новой информацией в рамках учебного курса. Однако такая автономность носит ограниченный характер. Мы полностью разделяем мнение Д. Литтл о том, что главная ценность автономности состоит в обеспечении «положительного соотношения между текущим и будущим самообучением» [10, с.176]. По этой причине мы полагаем, что автономность переводчика – это, прежде всего, автономность в реальном контексте осуществления профессиональной деятельности, соответственно она должна предполагать перенос умений самостоятельной работы за пределы учебной аудитории, и, что особенно важно, успешную реализацию в контексте профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что в основе автономности профессионального пользователя языка лежат знаниевый, личностный и технический *компоненты*.

Знаниевый компонент включает в себя (осо)знание следующих аспектов:

1. *Знание «как»* учиться, т.е. понимание того, какие умения, приемы и стратегии могут быть использованы в определенных ситуациях и соотнесение их с достижением конкретных целей.

2. *Знание возможностей* для получения знаний.

Под «*возможностью получения знаний*» (learning opportunity) понимается «конкретная когнитивная или метакогнитивная деятельность, которую обучающийся может осуществлять и которая может способствовать получению нового знания» [7, с.118]. Это может быть любая возможность, к примеру, максимальное использование потенциала упражнения помимо выполнения самого задания. На наш взгляд, принципиально важным является понимание студентами того, *какие* возможности им необходимы и *где* они могут возникнуть.

Мы полагаем, что для студентов-переводчиков могут представлять важность *учебные возможности*, связанные с:

а) поиском и приобретением новой языковой и культурной информации;

б) анализом, уточнением характеристик, систематизацией знаний о языковых средствах и культурных явлениях;

в) тренировкой использования языкового материала;

г) анализом и оценкой своих учебных стратегий и учебных действий;

д) развитием и практикой продуктивных речевых умений;

е) развитием рецептивных речевых умений;

ж) использованием справочной литературы;

з) развитием личностных качеств;

и) анализом и оценкой своего речевого и неречевого поведения, грамотности использования языкового материала;

к) анализом и оценкой уровня своих знаний, навыков, умений в конкретный момент времени.

В качестве источников таких возможностей могут выступать *различные виды деятельности* в *учебных и внеучебных ситуациях*:

I. *Упражнения, направленные на тренировку продуктивных речевых умений*.

II. *Упражнения, направленные на тренировку рецептивных речевых умений*.

III. *Лексические и грамматические упражнения*.

Во многих случаях студенты не учитывают (или не осознают), что потенциал упражнения гораздо больше заявленного в задании. Поэтому задача преподавателя – научить студентов видеть дополнительные возможности для самостоятельного расширения знаний в каждом выполняемом упражнении.

IV. *Обратная связь*:

а) прямая (исправление ошибок кем-либо) – косвенная (сбои в коммуникации, свидетельствующие о проблемах);

б) адресованная обучающемуся или другим студентам;

в) идущая от преподавателя/ других студентов/ третьих лиц;

г) положительная (похвала) – отрицательная (замечания, исправление ошибок).

V. *Учебная деятельность других студентов* (успешная / неуспешная).

VI. *Случайные ситуации*:

а) на занятии;

б) за пределами аудитории:

a. в контексте целенаправленной самостоятельной учебной работы;

b. в обычных жизненных контекстах, не связанных напрямую с обучением.

3. *Знание «зачем»*, т.е. понимание важности умений самостоятельной работы в конкретных ситуациях внеучебной и профессиональной деятельности. Очень важно, чтобы студенты видели связь между тем, что они делают в аудитории и тем, что им будет нужно делать за ее пределами.

Личностный компонент. Самостоятельная работа в значительной степени опирается на инициативу студента, его стремление к саморазвитию и готовность совершать для этого определенные действия. Мы полагаем, что такая инициатива является проявлением не только знаний, о которых шла речь выше, но и результатом взаимодействия этих знаний с эмотивными факторами и характеристиками личности. Без личной заинтересованности, увлеченности и других необходимых качеств одних знаний может быть не достаточно для мотивирования студентов к самостоятельному развитию.

Этот вывод в значительной мере перекликается с трактовкой понятия «*автономный обучающийся*», которого С. Бенн (Benn S.) описывает как человека, «чья жизнь характеризуется последовательностью, обусловленной упорядоченной системой убеждений, ценностей и принципов, и который находится в процессе постоянной критической оценки и переоценки» [1, с. 110]. Обращает на себя внимание тот факт, что это определение в большей степени описывает *человека в принципе*, а не только обучающегося. Это в значительной степени соотносится с нашим восприятием переводчика как профессионального пользователя языка, который, несмотря на статус «вечного студента», прежде всего, является личностью и профессионалом. Этим обусловлена значимость личностного компонента автономности переводчика.

Мы полагаем, что для развития автономности важное значение приобретают следующие *характеристики личности*:

1. *Внутренняя мотивированность*.

О важности этого параметра говорит Д. Литтл: «автономные студенты опираются на свою внутреннюю мотивацию, когда принимают ответственность за результаты своего обучения» [Цит. по: 12, с.17]. Внутренняя мотивация задает направление и придает определенную «форму» самостоятельной работе, подпитывает внутренние стремления и ожидания.

2. *Восприятие себя как основного действующего лица*, предполагающее понимание важности самостоятельных действий для профессионального успеха, готовность взять на себя ответственность и инициативу, уверенность в своих силах;

3. *Независимость/ самостоятельность*.

4. *Инициативность и активность*.

С. Ратбоун (Rathbone C.) подчеркивает, что автономный студент всегда является «активным деятелем в своем процессе учения; для него процесс учения – это результат его самостоятельно инициированного взаимодействия с миром» [15, с.100]. Такая позиция предполагает активный подход к учебным заданиям с целью извлечения максимальной ценности, создание возможностей для самообучения, наличие активной, деятельной позиции.

5. *Любознательность и внимательность* к происходящему вокруг, внимание к случайной информации.

6. *Организованность и самодисциплина*, предполагающие умение систематизировать новую информацию с целью ее дальнейшего использования, а также системность и регулярность работы по саморазвитию.

7. *Конструктивный подход/настрой*, заключающийся в способности обращать на пользу неудачи или ошибки, умении видеть в процессе их исправления возможности для саморазвития и самосовершенствования. Парадоксально, но именно ошибки и неудачи являются источником возможностей для тех, кто эти возможности видит.

Таким образом, *знаниевый* и *личностный компоненты* автономности переводчика в своем взаимодействии обеспечивают необходимую личностную позицию и отношение, задают правильное направление самостоятельных действий.

Технический компонент включает в себя навыки и умения, используемые переводчиком в своей самостоятельной работе. Представляется целесообразным выделить следующие *умения*:

1. *Умения планирования и реализации*, включающие умение: 1) определения и постановки целей; 2) выбора соответствующих подходов и приемов работы; 3) выработки адекватного алгоритма действий; 4) подбора и использования необходимых ресурсов; 5) идентификации и/или создания возможностей для самообучения.

2. *Умение переноса*.

Перенос приобретенных знаний и умений происходит, «когда что-то выученное в одном контексте помогает решению проблем и достижению целей в другом» [14, с.22]. На наш взгляд, данное умение является одним из основополагающих для успешного осуществления автономной деятельности. Мы полностью разделяем мнение о том, что «если студенты могут выполнять задания, лишь незначительно отличающиеся от выполняемых на занятии, или не могут адекватно применить навыки в ситуациях, отличных от учебных, это означает полный провал процесса обучения» [11, с.1].

Мы полагаем, что переводчику требуются: 1) умение соотнесения учебного контекста и учебных навыков и заданий с реальными ситуациями использования языка, в том числе и в переводческой деятельности; 2) умение использования и при необходимости адаптации учебных навыков в ситуациях самостоятельной работы.

3. *Умение рефлексии*, предполагающее способность анализа своей самостоятельной работы, используемых стратегий и приемов, полученных результатов на предмет адекватности поставленным целям и их результативности. Не менее важным является умение на основе такого анализа делать соответствующие выводы и вносить коррективы в свою деятельность с целью ее оптимизации. Умение рефлексии охватывает также способность анализировать свои слабые и сильные стороны, свое эмоциональное отношение к изучаемому, выявлять существующие проблемы и находить решения.

4. *Умение самооценки*, в значительной степени основывающееся на умении рефлексии.

Без данного умения самостоятельная работа обречена на провал, причем опыт показывает, что студенты далеко не всегда могут объективно оценить качество выполнения задания, уровень своих знаний, свои сильные и слабые стороны. Самооценка предполагает умение определения критериев оценивания, что, в свою очередь, требует понимания *своих* целей задач. Мы выделили слово «своих» поскольку студенты, даже выполняя задания, данные преподавателем, не всегда до конца понимают, в чем их цель и чему они могут и должны научиться в процессе их выполнения. В этом случае в контексте самостоятельной работы студенты теряются и обнаруживают неспособность определить свои цели, т.к. имеют о них весьма смутное представление и не имеют привычки это делать.

5. *Организационные умения*, включающие умения систематизировать, структурировать результаты своей самостоятельной работы в виде двуязычных глоссариев, системы записей и пр., обеспечивающих более прочное запоминание и оперативный доступ к данной информации.

В заключение, мы полагаем необходимым пояснить наше предпочтение термину *автономность* на фоне существования в отечественной методике таких терминов как «самостоятельная работа» и «самостоятельное обучение». Это обусловлено его более комплексным и всеобъемлющим характером, а также его способностью выступать в качестве характеристики личности. Автономность переводчика – это не только умения самостоятельной работы, но и определенная личностная позиция, основанная на понимании требований своей профессии, набор знаний, необходимых для самостоятельных действий и комплекс навыков и умений, обеспечивающих их оперативную реализацию. Понятие автономности, на наш взгляд, позволяет отразить все эти аспекты.

Таким образом, мы можем сделать следующие *выводы*:

1) переводчика целесообразно рассматривать как профессионального пользователя иностранного языка, для которого автономность является одним из ключевых элементов профессиональной деятельности;

2) автономность переводчика распространяется на все аспекты управления языковыми и культурными знаниями и включает в себя знаниевый, личностный и технический компоненты;

3) термин «автономность» является более предпочтительным в переводческом контексте в силу его комплексного характера.

The article considers the concept of "autonomy" with regard to the translator as a professional foreign language user and describes the aspects which it covers. A conclusion is made that the translator's autonomy includes knowledge, personality and technical components. A description of knowledge, skills, abilities and personal characteristics which are included in each of the components is provided.
Keywords: *autonomy, autonomous learner, translation, language user, learning opportunity, personal characteristics*.

Список литературы

1. Benn S.I. Freedom, Autonomy and the Concept of the Person // Proceedings of the Aristotelian Society, New series. – 1976. – Vol. 76. – P. 109–130.

2. Benson P., Voller P. (Eds.) Autonomy and Independence in Language Learning. – London: Longman, 1997. – 270 p.

3. Benson P. Making sense of autonomy in language learning // Toogood S., Pemberton R., & Barfield A. (Eds.) Maintaining control: Autonomy and language learning. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2009. – P. 13–26.

4 Borg S., Al-Busaidi S. Learner Autonomy: English Language Teachers' Beliefs and Practices. ELT Research Paper 12–07. – London: British Council, 2012. – 45 p.

5. Carreres A. Strange bedfellows: Translation and language teaching. The teaching of translation into L2 in modern languages degrees: Uses and limitations // Sixth Symposium on Translation, Terminology and Interpretation in Cuba and Canada. Canadian Translators, Terminologists and Interpreters Council. 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cttic.org/publications_06Symposium.asp (дата обращения: 05.09.2015).

6. Cook V. Portraits of the L2 User. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 347 p.

7. Crabbe D. Learning opportunities: adding learning value to tasks // ELT Journal. – 2007. – 61 (2). – P. 117–125.

8. Holec H. Autonomy in foreign language learning. – Oxford: Pergamon, 1981. – 150 p.

9. Kumaravadivelu B. Beyond methods: Macrostrategies for language teaching. – New Haven: Yale University Press, 2003. – 43 p.

10. Little D. Learning as dialogue: The dependence of learner autonomy on teacher autonomy // System. – 1995. – Vol. 23. – No. 2. – P. 175–181.

11. Marini A., Genereux R. The challenge of teaching for transfer // McKeough A., Lupart J., Marini A. (Eds.) Teaching for transfer: Fostering generalization in learning. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.,

1995. – P. 1–20.

12. Mede E., İnceçay G., İnceçay V. Fostering Learner Autonomy through Extensive Reading: The Case of Oral Book Reports // ELT Research Journal. – 2013. – 2(1). – P. 16–25.

13. Pennycook A. Cultural Alternatives and Autonomy // Benson P., Voller P. (Eds.) Autonomy and Independence in Language Learning. – London: Longman, 1997. – P. 35–53.

14. Perkins D.N., Salomon G. Teaching for Transfer // Educational Leadership. – 1988. – 46 (1). – P. 22–32.

15. Rathbone C.H. The implicit rationale of the open education classroom // Rathbone, C. H. (Ed.) Open Education: The Informal Classroom. – New York: Citation Press, 1971. – P. 99–116.

16. Smith R. Pedagogy for autonomy as (becoming-) appropriate methodology // Palfreyman D., Smith R. (Eds.) Learner autonomy across cultures: Language education perspectives. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 129–146.

Об авторе

Емельянова Яна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», *yemelyanova2007@yandex.ru*

УДК 378.146:811.111

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Жавнер Т.В., Воног В.В., Адольф В.А.

Данная статья посвящена инновационным методам обучения иностранному языку в Инженерно-строительном институте Сибирского федерального университета. Рассматриваемая проблема является актуальной, так как дисциплина «Иностранный язык» играет значительную роль в будущей профессиональной деятельности современных выпускников инженерных вузов. Однако, не смотря на важность данной дисциплины, овладение ею, как правило, приводит к определенным трудностям у студентов бакалавриата СФУ. Одной из проблем можно назвать ограниченное количество академических часов, отведенное на освоение дисциплины. Решением данного вопроса является увеличение применения инновационных технологий, которые позволяют правильно организовать самостоятельную работу на достижение запланированных результатов обучения, и при этом формирует у студентов профессиональные иноязычные компетенции более продуктивно в иноязычной среде общения.

Ключевые слова: *инновационные технологии, проектная технология; технология обучения; самостоятельная деятельность студентов; информационно-коммуникационные технологии; языковой портфель.*

В настоящее время в процессе интеграции России в единое образовательное пространство особое значение отводится англоязычной подготовке студентов технического вуза. Основной задачей является развитие компетенций в межкультурном общении в контексте своей профессиональной и научной деятельности. Несомненно, что англоязычная составляющая программы подготовки специалиста, способного самостоятельно осуществлять поиск и анализировать аутентичную информацию в сфере профессионального общения, играет значительную роль. Однако на практике англоязычная подготовка выпускника технического вуза, осуществляемая в рамках традиционной системы обучения, оказывается недостаточной для решения педагогических задач в современных условиях. Трудности объясняются традиционной методикой и практикой организационных форм обучения иностранному языку, недостаточной школьной подготовкой обучающихся и другими.

В последние годы большинство технических вузов Российской Федерации столкнулись с серьезной проблемой: как подготовить компетентных специалистов, владеющих иностранным языком профессионального общения на высоком уровне. Наряду с другими гуманитарными дисциплинами, иностранный язык не является профилирующим предметом в инженерных вузах. Следовательно, на данные дисциплины, как правило, выделяется минимальное количество аудиторных часов. Однако именно от уровня владения иностранным языком зачастую зависит профессиональное будущее современного выпускника инженерного вуза. Одним из выходов в преодолении сложившихся трудностей является путь внедрения новых образовательных педагогических технологий в учебную деятельность, а именно информационно-коммуникационных технологий при обучении иностранному языку студентов технических специальностей. Инновационные методы в образовательной системе представляют собой нововведения, которые предназначены для поиска новых решений проблемных ситуаций и для оптимизации процесса обучения наряду с организацией благоприятных условий для усвоения материала и повышения качества образования.

Инновационная деятельность в образовании характеризуется как минимум разработкой и внедрением принципиально новых образов содержания и технологий обучения, а также наличием носителей, которые данную деятельность обеспечивают и осуществляют. Таким образом, инновационная деятельность - это целенаправленное введение новшеств (нововведений) в образовательные системы разного уровня с целью повышения качества образования [1, с.81-87].

В настоящее время большое внимание уделяется преподаванию иностранного языка в высшей школе. Условия современного мира таковы, что современные специалисты из разных стран вынуждены общаться между собой для

обучения, обмена опытом, совместной работы и, как следствие, совершенствования продуктов своей деятельности. В связи с этим знание иностранного языка является одним из основных требований к профессионалу.

По этой причине возникла необходимость актуализации и модернизации методик и принципов преподавания иностранного языка в вузах в пользу инновационных технологий, удовлетворяющих мировым требованиям, повышающих мотивацию студентов и демонстрируемые ими результаты обучения. Большинство из них пришло к нам из западной практики. В отечественной педагогике инновационные технологии в преподавании иностранных языков рассматривались такими учеными как Е. И. Пассов, И. И. Халеева, Н. Д. Гальскова и др.

В данной статье мы рассмотрим лишь некоторые инновационные технологии, которые успешно могут быть применены на занятиях по иностранному языку у студентов инженерных направлений на примере студентов бакалавриата Сибирского федерального университета.

1. Проектная технология и технология обучения в сотрудничестве. Использование проектной технологии позволяет более эффективно организовать процесс обучения, а также повысить мотивацию и интерес к изучению иностранного языка у студентов инженерных направлений.

Сама проектная технология является неким развитием концепции обучения в сотрудничестве. Суть обучения в сотрудничестве заключается в том, что студенты взаимодействуют между собой в группах для достижения конкретной учебной задачи, выполнения какого-либо общего дела. Соответственно, принимают на себя не только индивидуальную, но и коллективную ответственность за результат деятельности. В рамках проектной технологии учащиеся групповыми усилиями реализуют проект, который оценивается преподавателем и другими учащимися.

Особенностью реализации проектной технологии в процессе изучения иностранного языка студентами инженерных направлений является то, что процесс овладения иностранным языком напрямую связан с профессиональными знаниями, умениями и навыками, а также возможностью применить их на практике. Таким образом, создание проекта становится личностно значимым и мотивирующим для студентов.

Приведем пример задания в рамках проектной технологии для студентов транспортных специальностей: на карточках или на доске представлен список из нескольких функций безопасности автотранспортных средств, таких как система распознавания пешеходов, голосовое приложение «виртуальный пассажир» и пр. Студенты, организуя работу в группе, должны рассмотреть плюсы и минусы каждой из функций и решить, какую из них они считают разумным добавить при перевыпуске модели. После чего готовят и представляют презентацию данного нововведения на иностранном языке, обосновывая свой выбор.

Пример использования технологии проекта в виде промежуточного контроля со студентами 1 курса бакалавриата направления 08.03.01 «Строительство». Языковой уровень студентов, определенный согласно CEFR (Common European Framework of Reference for Language, Общеевропейская шкала уровней владения иностранным языком [10]), – A2/B1. Студенты выполняют практико-ориентированный проект «My Dream House» в конце первого учебного семестра в командах по 3 человека. Проект представляется в виде мультимедийной презентации (6 – 8 слайдов) и отражает как изученные за учебный семестр темы («Building Structure», «Location», «Building Materials») и языковой материал (основные термины в рамках тем, грамматические конструкции – страдательный залог, времена группы Simple, конструкция «be going to»), так и собственное мнение студентов. Студенты используют в подготовке своего проекта план, предоставленный преподавателем, и распределяют роли среди участников команды по реализации проекта. Примерный план состоит из следующих вопросов: 1) What is the form of your building? 2) What are the materials you use for it? What are the advantages and disadvantages of them? 3) What structural components do you use and why? 4) What is the location of your building? 5) What is the plan of your building? 6) What are the measurements of your building?

2. Case-study. Одной из эффективнейших технологий преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка является case-study. Сущность данной технологии заключается в том, что студентам предлагаются некоторые проблемные ситуации (кейсы), с большой вероятностью возникающие в реальной жизни, и для решения которых требуются специфические знания, умения и навыки [8, с.92-97]. Эти проблемные ситуации учащиеся разбирают в группах, учитывая все возможные условия и факторы, после чего приходят к какому-либо результату. Таким образом, при решении кейсов студенты не только находятся в ситуации иноязычной коммуникации, но и актуализируют имеющиеся у них профессиональные знания. К тому же у каждой из ситуаций нет единственно верного решения, поэтому учащиеся не овладевают готовым знанием, а сами его «вырабатывают», что способствует лучшему его усвоению и увеличивает мотивацию.

Приведем пример возможного кейса для студентов автотранспортной специальности. Группе студентов предоставляется следующая ситуация: в компанию, занимающейся изготовлением деталей для автомобиля приходит письмо от потребителя следующего содержания

«Добрый день!

Пишем вам из-за проблем с последней поставкой деталей. Наша организация заказала у вас 1000 приборных панелей. К сожалению, 50 из всех доставленных коробок оказались пусты. Не могли бы вы выслать нам недостающие детали как можно скорее? Мы были бы вам благодарны, если бы подобная ситуация не повторилась впредь. Высылаем вам скан-копию квитанции.

С уважением».

Вначале детали ситуации обсуждаются с преподавателем. После этого ситуация обсуждается студентами в группе. В задачу учащихся входит всестороннее рассмотрение ситуации, принятие мер по последующим действиям, например проверка правдивости информации, обсуждение пересылки деталей с руководством и мастерами, урегулирование документальных вопросов, написание ответного письма и поддержание дальнейшего сотрудничества с компанией-заказчиком и пр. После этого студенты представляют свое решение.

Пример заданий, использующих кейс-технологию для студентов бакалавриата 1-го курса направления 08.03.01 «Промышленное и гражданское строительство»: 1) Инженером-проектировщиком представлен план одноэтажного здания, в котором кухня и столовая располагаются далеко друг от друга в силу различных конструкционных особенностей. Клиент не согласен с представленным планом. Задача проектировщика и клиента – найти приемлемое решение. 2) Подрядная организация собирается строить здание. Задача студентов – определить, из какого материала следует строить и как располагать здание при определенных климатических условиях, например, если здание располагается а) в Сибири, б) в Египте, в) в Шотландии. 3) Студентам предлагаются фотографии и рисунки строительных площадок, на которых не соблюдаются/нарушаются правила техники безопасности. Задача студентов – выявить все нарушения, предугадать возможные последствия.

Обязательным для студентов при решении данных кейс-задач является использование языковых средств, выполняющих функции предложения (How about ...?, Why don't we …?), понимания собеседника (I can see your point of view), поиска решения и аргументирование (Another possibility is … . Let's look at the pros and cons), согласия и несогласия (I quite agree with … . I don't think it's a good idea.).

3. Технологии активного обучения. Эти технологии подразумевают непосредственную активность студентов в познавательном процессе: у каждого из учащихся есть своя роль, либо же каждый несет ответственность за одно коллективное дело. Данная технология направлена на включение каждого из учащихся в учебную деятельность и непосредственно в познавательный процесс, стимулирующих его, что увеличивает мотивацию и интерес к изучаемому предмету, а также дает практические знания и навыки [9].

К технологиям активного обучения, которые могут быть применены на занятиях по иностранному языку в вузе, относятся дебаты, дискуссии, ролевые и деловые игры, мозговой штурм и др. Приведем пример небольшой ролевой игры для студентов автотранспортной специальности. Перед данной игрой студенты предварительно изучили лексику на иностранном языке, называющую различные типы и модели автомобилей.

Учащиеся разделяются на пары. Каждой паре даны карточки с заданием. Один из учащихся – покупатель, в карточке у которого указана значимая информация о нем (например: Девушка, 23 года, бизнесмен, одинока, независима и амбициозна, любит водить машину и много путешествует по делам бизнеса и для удовольствия). В карточке другого учащегося указано то, что он является продавцом-консультантом автомобильного центра, и должен, исходя из особенностей личности покупателя, подобрать ему автомобиль, задавая вопросы и аргументируя свои советы. Также в карточках каждого из студентов даны фразы и лексика, помогающая им осуществить коммуникацию, например «I recommend…», «You should/shouldn't buy…», «You need a car which…» и т.п. Впоследствии студенты могут разыграть ситуацию перед всеми остальными учащимися, после чего проводится рефлексия.

4. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Использование ИКТ при обучении иностранному языку – это требование современного мира, базирующегося на компьютерных технологиях. Кроме того, привлечение данных ресурсов к обучению студентов не только упрощает многие учебные процессы, но и открывает доступ к огромному количеству полезной и доступной информации, важной для эффективного усвоения знаний. К тому же, использование современных компьютерных технологий увеличивает мотивацию студента, так как преподавание предмета с использованием ИКТ становится более необычным, творческим и интересным, особенно для современного поколения учащихся.

При обучении иностранному языку студентов инженерных специальностей можно использовать множество ресурсов. Приведем несколько примеров:

1) интернет-ресурсы, не предназначенные для обучения напрямую, например *социальные сети* (создание специализированных групп и сообществ, в которых может осуществляться коммуникация на иностранном языке, в которые можно добавлять различные материалы, задания, обсуждения и пр.), *программа Skype* (проведение видеоконференций, видеочатов и пр.), *электронная почта* (информирование студентов, а также получение от них выполненных заданий) и пр.;

2) различные *профессионально-ориентированные сайты*. Говоря о студентах инженерных направлений, можно перечислить некоторые сайты с текстами различной направленности: сайт *How Stuff Works* www.howstuffworks.com (информация на английском языке (тексты и видео) о принципах работы некоторых механизмов и устройств); сайт *Wise Geek* www.wisegeek.com (общая информация о некоторых явлениях в различных научных областях); сайт *TED* www.ted.com (видео лекции и статьи различных тематик и научных направлений) и пр.;

3) *электронные обучающие курсы (ЭОК)*. ЭОК – это ресурс, содержащий комплекс учебно-методических материалов, реализованных в информационной обучающей системе. Это означает, что у преподавателя имеется возможность создать для студентов собственный полноценный обучающий курс в виде интернет-ресурса. Использование ЭОК обладает рядом несомненных преимуществ: во-первых, дает возможность осуществления эффективного дистанционного и заочного обучения, а также повышения мотивации у студентов очного обучения за счет

необычной и творческой работы; во-вторых, работу с ЭОК можно осуществлять в любое удобное для преподавателя и студента время; в-третьих, с помощью различных инструментов ЭОК можно развивать практически любые умения и навыки иноязычного общения (знание грамматики и лексики, навыки чтения, письма, аудирования и пр.), за исключением навыка говорения, который не может быть развит в полной мере.

Приведем в пример систему LMS Moodle, на базе которой создаются электронные курсы в Сибирском федеральном университете. К основным инструментам в рамках курса по иностранному языку для студентов инженерных направлений можно отнести *лекцию, задание, тест, чат, форум* [2, с.18-22].

Лекция используется для того, чтобы разместить в электронном курсе большой объем теоретической информации. В рамках ЭОК по предмету «Иностранный язык» используется не часто, так как зачастую лекции не предусмотрены учебным планом.

Задание – наиболее часто используемый инструмент. С помощью него можно добавлять различные аудио- и видеоматериалы для развития навыков аудирования, тексты для развития навыков чтения и понимания, тексты на перевод, задание на составление текстов студентами и пр.

Тест – основной инструмент для проверки знания лексического и грамматического материала. Можно создавать вопросы различных типов: множественный выбор, верно/ неверно, сопоставление и пр. Удобство заключается в том, что задачей преподавателя является лишь внести вопросы и верные ответы в систему, а система автоматически проверяет правильность решений студентов и выдает результат, что экономит значительное количество времени. Также система может выдавать тестовые вопросы каждому студенту в произвольном порядке, что снижает вероятность списывания.

Чат и *форум* помогают организовать и контролировать процесс письменного общения студентов на иностранном языке на заданную проблемную тематику [4, с.46].

5. Языковой портфель. Языковой портфель является эффективной технологией обучения иностранному языку студентов, обеспечивающей постепенное и последовательное усвоение материала. Также, при помощи языкового портфеля может быть осуществлен эффективный контроль процесса обучения студентов инженерных направлений [3, с.6-11].

По определению Н.Ф. Коряковцевой, языковым портфелем является «…пакет рабочих материалов, которые представляют тот или иной результат учебной деятельности учащегося по овладению иностранным языком, дающий учащемуся и преподавателю возможность самостоятельно или совместно проанализировать и оценивать объем работы и спектр достижений учащегося в области изучения языка и культуры, динамику овладения изучаемым языком в различных аспектах» [6, с.106]. Таким образом, данная технология обучения дает большие возможности для осуществления контроля знаний, умений и навыков каждого конкретного студента, а также систематизации достижений учащегося и изученного им материала.

Языковой портфель студента инженерных направлений состоит из двух подразделов: 1. Language biography (Языковая биография); 2. Dossier (Языковое досье).

Первый подраздел языкового портфеля направлен на реализацию педагогической функции данной технологии обучения. Он способствует развитию мотивации учащихся к изучению иностранного языка, а также дает возможность проследить процесс усвоения материала. Этот раздел наполняется все время обучения с каждой новой изученной темой, представленной в учебнике. В нем фиксируются цели и задачи каждого учебного раздела, а также выполненные задания и упражнения для их достижения. Если говорить о студентах инженерных направлений, то задания могут иметь вид: переведенных/составленных тексов по специальности, выполненных тестов/упражнений по грамматике, списка выученной специализированной лексики и пр. Студенты могут включать сюда и подобранные ими лично материалы, которые они использовали в процессе обучения. По окончанию раздела учащиеся выполняют рефлексию через фразы типа «I can…», «I know…», либо через ответы на вопросы «What can I say about…?», «How can I translate …?», «What do I know about…?» и т.д.

Пример наполнения первого раздела языкового портфеля у студентов 1го курса бакалавриата направления 08.03.01 «Строительство» после первого года обучения в вузе: 1) тест на определение языкового уровня («placement test»), позволяющий определить студента в группу изучения ИЯ согласно его языковому уровню; 2) итоговый лексико-грамматический тест за первый семестр (по разделам 1 – 4 учебного пособия); 3) итоговый лексико-грамматический тест за второй семестр (по разделам 5 – 8 учебного пособия); 4) монологические высказывания в объеме 12 – 15 предложений по основным изученным разделам «The History of Building», «Building Materials», «Building Professions», «A Place To Live», «Structural Engineering», «Strength of Materials»; 4) диалоги, составленные по проблемным темам с использованием изученных грамматических конструкций, в объеме 8 – 10 высказываний от каждого участника: «What Building Material Is the Best?», «The Client and the Project Manager», «Safety Rules», «Structure Location»; 5) список терминов строительной тематики, составленный по изученным разделам учебного пособия [5, с.46-50].

Второй подраздел языкового портфеля отображает самые значимые достижения студента в процессе изучения иностранного языка. Данный подраздел может содержать следующие материалы: 1) прочитанные и переведенные аутентичные статьи на иностранном языке, связанные со специальностью студента; 2) составленное на иностранном языке резюме студента в соответствии с международными стандартами; 3) написанные студентом на иностранном языке статьи и научные работы по специальности; 4) документальные подтверждения о сданных

международных экзаменах по иностранному языку; 5) сертификаты об участии/победе в международных конференциях на иностранном языке и пр. Все это демонстрирует сформированные у учащегося языковые компетенции, которые он сможет применить в профессиональном иноязычном общении. Кроме того, материалы, содержащиеся в данном подразделе, могут составлять часть итогового контроля в конце курса изучения иностранного языка.

Следует отметить, что раздел языкового досье будет обновляться и в период обучения выпускника-бакалавра в магистратуре и аспирантуре. Пример наполнения второго раздела языкового портфеля у студента-бакалавра направления 08.03.01 «Строительство» третьего года обучения: 1) «My Resume» или «CV»; 2) тезисы на ИЯ для выступления на международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука: проспект Свободный – 2015»; 3) тезисы на ИЯ для выступления на международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука: проспект Свободный – 2016»; 4) диплом участника 2-го тура языкового квеста «Английский марафон» для студентов неязыковых специальностей бакалавриата 1 – 4 курсов; 5) диплом победителя в шоу театрализованных постановок «English Merry Winter Party» в 2015 г.

Таким образом, инновационные технологии обучения иностранному языку крайне важно применять на занятиях в высшей школе. Они не только повышают мотивацию студентов и улучшают их результаты, но также нацелены на имитацию ситуаций реальной профессиональной коммуникации и решение проблем, связанных с будущей работой, что, несомненно, способствует становлению учащихся как специалистов.

This article focuses on innovative methods of teaching a foreign language in the Civil Engineering Institute of Siberian Federal University. The problem under consideration is relevant since the discipline "Foreign language" plays a significant role in the future careers of graduates of engineering schools today. However, despite the importance of this discipline mastering it, as a rule, leads to certain difficulties in SFU undergraduate students. One of the problems is a limited number of academic hours allotted for the development of the discipline. The solution of this problem is to increase the application of innovative technologies which allow to organize self-study work on the achievement of planned learning outcomes and thus forms the students' professional foreign-language competence in a foreign language more productive communication environment.
Keywords: *innovative technology, design technology; technology training; independent activity of students; information and communication technologies; Language Portfolio.*

Список литературы

1. Адольф В.А., Ильина Н.Ф. Инновационная деятельность в образовании: проблемы становления. М.: Высшее образование в России, 2010. Вып.1. 81 с.

2. Воног В. В., Жавнер Т.В., Батурина Н.В. Развитие межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов инженерных специальностей в рамках смешанного образования //Профессиональная подготовка студентов технического вуза на иностранном языке: теория и практика. Сборник материалов Всероссийского научно-методологического семинара. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2015. 18с.

3. Гальскова Н.Д. Языковой портфель как инструмент оценки учащегося в области изучения иностранных языков. – М: ИЯШ, 2000. – Вып. 5. – 6 с.

4. Жавнер Т.В., Тахавеева Ю. В. Информатизация обучения иностранному языку с развитием межкультурной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов бакалавриата инженерных специальностей. – Кемерово: Вестник КемГУ, 2015. – Вып. 2 (62). – 46с.

5. Жавнер Т.В., Воног В.В., Тахавеева Ю. В. Контроль знаний студентов в технических вузах (на примере Инженерно-строительного института СФУ) – Новосибирск: Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований, № 23,2016. – 46 с.

6. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: пособие для учителей. – М.: РГБ, 2004. – 106 с.

7. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.

8. Петрищев В.И., Терещенко Н.Н. Использование кейс-стади в образовательном процессе // Социализация, адаптация и межкультурная коммуникация подрастающих поколений в России и за рубежом. Проблемы, поиски, решения IV Международный форум «Человек, семья, общество: история и перспективы развития». – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015. – 92 с.

9. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: Учебное пособие. – М.: Филоматис, 2010. – 186 с.

10.CEFR (Common European Framework of Reference for Language, Language Policy Unit, Strasbourg [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf

Об авторах

Жавнер Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений Сибирского федерального университета, *sttanya82@mail.ru*

Воног Вита Витальевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков для инженерных направлений Сибирского федерального университета, *vonog_vita@mail.ru*

Адольф Владимир Александрович – доктор педагогических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, *adolf@kspu.ru*

УДК 37.011.3-371. 13:811:316.7

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Перова А.К., Ульянова Л.А.

В статье рассматривается процесс подготовки будущего учителя иностранного языка (далее – ИЯ) как специалиста по межкультурной коммуникации и делается акцент на необходимости формирования социокультурного компонента с опорой на разработанную авторами дидактическую модель процесса обучения. Интеркультурное сознание будущего учителя ИЯ выступает одним из ключевых аспектов в модели и предполагает формирование его готовности, при сохранении своей собственной культурной идентичности, к постепенному изменению в процессе знакомства и общения с другой культурой. Поставленная задача диктует необходимость введения элементов интеркультурного (межкультурного) обучения в процесс подготовки учителей ИЯ и построения процесса обучения через осознание языка, осознание культуры и ее опытное познание.

Ключевые слова: *социокультурный компонент, интеркультурное сознание, осознание языка, осознание культуры, опытное познание культуры, учитель иностранного языка.*

Ориентация на межкультурную коммуникацию, и, как следствие, задача формирования учителя ИЯ, способного к осуществлению социокультурного образования школьников, обусловили необходимость смещения акцентов в процессе его подготовки. На первый план выходит формирование способности учителя выступать в роли «медиатора культур» – «специалиста по межкультурной коммуникации» [1, с.7]. Очевидно, что специалист такого плана должен обладать определенным набором личностных качеств, глубокими познаниями в области культуры своей страны и страны преподаваемого языка, в том числе социокультурного аспекта функционирования языка, а также готовностью к общению на ИЯ и к осуществлению подготовки школьников к межкультурному взаимопониманию и взаимодействию. Таким образом, конечной целью процесса подготовки учителя является формирование коммуникативной готовности студента соответствующего ВУЗа к межкультурному общению и его способности к самореализации в педагогической деятельности в качестве учителя-«медиатора культур». Одной из значимых составляющих профессиональной подготовки учителя ИЯ, в этой связи, выступает социокультурный компонент (далее - СК компонент). Данное обстоятельство обусловливает необходимость построения новой модели процесса обучения с учетом важности формирования вышеназванного компонента (схема. 1).

Применительно к обучению будущих учителей ИЯ СК компонент выступает как одно из ключевых средств развития готовности студента к межкультурному общению и его способности эффективно применять полученные знания и сформированные умения в реализации социокультурного образования школьников в качестве учителя-«медиатора культур» на основе идей «диалога культур», межкультурной толерантности, адекватного восприятия культурных различий при сохранении ценностного отношения к своей собственной культуре. СК компонент включает в себя совокупность социокультурных и профессиональных знаний и умений, а также личностных качеств студента, необходимых ему для межкультурного общения и для профессиональной деятельности в качестве учителя-«медиатора культур». Представленное содержание СК компонента отражается в следующих его составляющих: лингвострановедческой, социолингвистической, социально-психологической, культурологической, интеркультурной, методической и личностной.

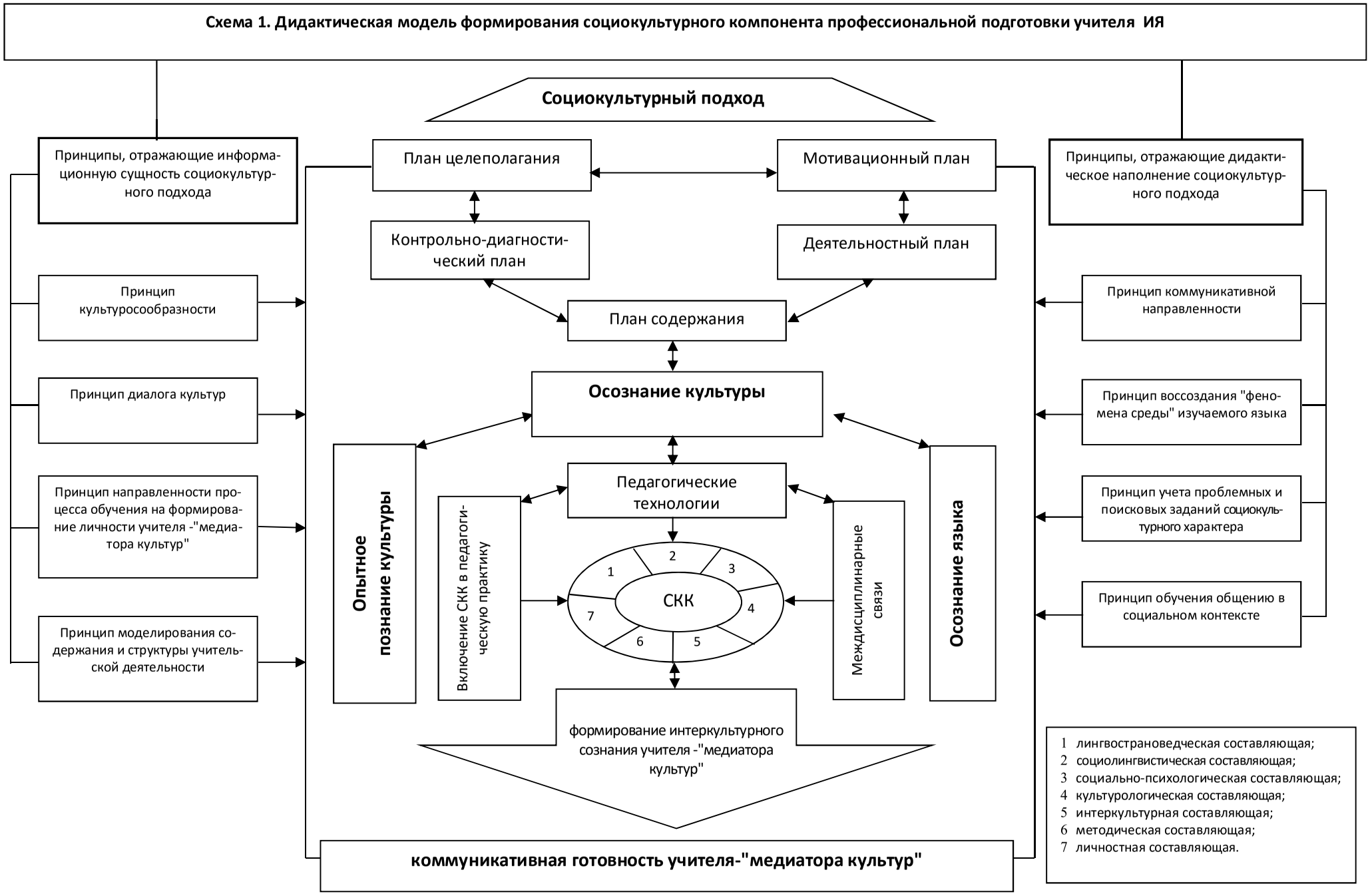
Представляется целесообразным осуществлять формирование СК компонента в рамках социокультурного подхода, в основу которого заложена система принципов, состоящая из: 1) принципов, отражающих информационную сущность социокультурного подхода и 2) принципов, отражающих дидактическое наполнение социокультурного подхода.

Как видно из представленной дидактической модели, процесс формирования СК компонента включает в себя такие взаимосвязанные элементы, как цель, задачи, содержание, способы и средства его реализации, диагностическую программу сформированности исследуемого компонента, получившие отражение в следующих структурных планах: целеполагания, содержания, мотивационного, деятельностного и контрольно-диагностического.

Одним из условий формирования СК компонента является технологическое обеспечение рассматриваемого процесса в виде интерактивных педагогических технологий, направленных на формирование интеркультурного сознания будущих учителей через осознание языка, осознание культуры и ее опытное познание. В рамках данной статьи мы намерены представить обоснование целесообразности данного условия.

Мы объединяем изучение языка и изучение культуры, используя ИЯ как основу вторичной социализации студентов. Этот процесс призван повысить культурную компетенцию обучаемых по сравнению с начальным уровнем, трансформируя ее в интеркультурную и социокультурную компетенции. Речь идет об изменении их монокультурного сознания. Студенты, являющиеся первоначально этноцентричными, воспринимающими социокультурные маркеры другой страны с точки зрения своей культуры, подводятся к формированию интеркультурного сознания, признающего существование другой культурной и этнической идентичности с иным, отличным от их собственного, восприятием маркированных и немаркированных феноменов. Рассматриваемые аспекты: осознание языка, осознание культуры, опытное познание культуры, как видно из построенной нами дидактической модели формирования СК компонента, являясь основополагающими, предопределяют и направляют возможность реализации всех остальных условий.

Схема 1. Дидактическая модель формирования социокультурного компонента профессиональной подготовки учителя ИЯ



Очевидно, что все три составляющих взаимосвязаны, являясь каждая составной частью единого целого: формирования интеркультурного сознания будущего учителя, которое, в конечном счете, определяет формирование СК компонента его профессиональной готовности. Двусторонний характер стрелок на модели указывает на зависимость одного аспекта от других. Все представленные составляющие не являются отдельными сторонами учебного процесса, которые на определенном этапе представляют предмет обучения, исключающий все остальные. В частности, осознание языка и осознание культуры пересекаются в плане содержания и методов обучения. Между изучением языка и опытным познанием культуры существует взаимозависимость другого типа, когда преподавание предметов ведется на изучаемом языке – то, что называется «бикультурным обучением» или «погружением» в культуру страны изучаемого языка.

Рассмотрим подробнее перечисленные аспекты. *Осознание языка*, активизируя анализ культурных, социологических и структурных аспектов языка, в конечном счете, вносит самый существенный вклад в единое целое, т.е. в развитие коммуникативной готовности. Через осознание языка студенты получают возможность понять взаимосвязь между языком и феноменами культуры, что позволяет им установить связь между приобретением лингвистических умений и пониманием иностранной культуры. Таким образом, например, обучающиеся овладевают социолингвистическими знаниями и умениями: способами приветствия и прощания, знакомства, формулами вежливости и т.д. Осознание языка помогает обучающимся увидеть сходство и различия относительно данного конкретного феномена в родном языке и в ИЯ. Лингвистические формулы – внешние показатели социокультурных знаний носителей языка, которые в большинстве своем не осознаны и в связи с этим часто труднообъяснимы. Для того, чтобы помочь обучающимся понять эти социокультурные особенности, необходимо подвести их сначала к сравнению со своей собственной неосознаваемой социокультурной компетенцией, что впоследствии поможет осознать природу поведения людей в тех или иных ситуациях вообще, а также приемлемые способы поведения в иностранном обществе, о котором идет речь.

Осознание языка и осознание культуры имеют схожие цели. И тот, и другой процессы затрагивают и специфические, и самые общие задачи в обучении языку. В основе и той, и другой составляющей лежит взаимосвязь языка и культуры. Составляющая *осознание культуры* охватывает в числе других и нелингвистический аспект культуры и в большой степени ориентирована на вопрос перехода от монокультурной компетенции к интеркультурной с последующим формированием социокультурной компетенции изучаемого языка [2, p.179-183]. Осознание культуры позволяет не только рассмотреть и изучить феномены, например, в данном случае, французской культуры, но и решить множество задач. Оно предоставляет обучающимся новую возможность изучить на сравнительной основе французский и лучше узнать родной язык, рассматривая функционирование французского языка во французской культуре, обращая особенное внимание на ключевые понятия, феномены культуры и их лингвистическое проявление. Это подводит обучающихся к размышлению над собственными ключевыми понятиями, к потребности растолковать их для себя и осознать, какими они сами представляются в глазах других, изменить свои установки и свою социокультурную компетенцию.

Третья составляющая служит промежуточным звеном между осознанием культуры и осознанием языка и не является просто возможностью применения на практике приобретенных знаний о культуре, ее более глубокого осознания и тренировки лингвистических умений. Она делает возможным другой тип обучения: через прямой опыт, идущий от связи между языком и культурой, от понимания языка как части культуры, одновременно воплощающего единое целое. Эта третья составляющая – *эмпирическое (опытное) познание культуры*. Ее реализация становится возможной при непосредственном контакте с представителями иной культуры, что далеко не всегда и не для всех представляется возможным.

Любое познание культуры не должно обязательно осуществляться в стране изучаемого языка. Возможность использовать ИЯ для того, чтобы справляться с новыми ситуациями может в какой-то мере осуществляться и в классе, когда обучение различным дисциплинам ведется на ИЯ или на занятии создаются ситуации, моделирующие естественные реальные условия общения. Данный вид деятельности становится более приближенным к реальности, если использовать изучаемый язык для практического применения изучаемых культурных феноменов и говорить о них с точки зрения носителей языка.

Например, на заключительном этапе изучения темы «Les sports en France» можно провести игру в «Pétanque» – любимую игру французов, но неизвестную нашей молодежи, несмотря на то, что наши родители играли в свое время в похожую игру с другим названием – «Боча». Студенты получают возможность в рамках своего рода «погружения» познакомиться не только с культурным феноменом страны изучаемого языка, обогатить свой социокультурный словарь, но и прикоснуться к прошлому своих родителей, своей страны, получив заранее соответствующее задание.

Другим примером может быть одно из занятий по теме «Repas en France». Студенты могут получить возможность не только познакомиться с гастрономическими и социокультурными особенностями страны изучаемого языка, но и научиться готовить «à la française» если совместно с ними организовать французский обед с обсуждением приготовленных национальных и региональных блюд. Такая возможность может быть сравнима с аналогичной ситуацией приготовления еды или принятия пищи в стране изучаемого языка. Необходимую информацию и рецепты студенты могут найти в Интернете (один из возможных адресов: marmiton.org) или в источниках, предложенных преподавателем: журналы, книги по гастрономии Франции или отдельных провинций. Аналогичное занятие может быть посвящено традиционной русской кухне.

Интересно также окунуться в атмосферу подготовки к празднику, например, к Рождеству. Франция – это

страна с богатым культурным прошлым и традициями (особенно сопровождающими праздники и касающимися детей), которые еще чтут во многих семьях. Так, например, во время рождественского поста начинают готовить «bredèles» – печенье разнообразной формы с различной начинкой, а в канун Рождества пекут рождественское полено «bûche de Noël». Студенты могут найти рецепты этих праздничных блюд и приготовить их, на занятии продегустировать, обсудить их историю, просмотреть видеосюжеты, связанные с празднованием Рождества и Нового года, поделиться своими семейными рождественскими и новогодними традициями, рецептами праздничных новогодних и рождественских блюд, вспомнить наши российские традиции празднования Нового года и Рождества, в том числе и уже забытые.

Если такой тип обучения имеет своим предметом культурный аспект в связи с языком, на котором ведется занятие, обучение и организованное общение подобно тому, что осуществляется во время пребывания в стране изучаемого языка. Оно, конечно, не является таким же сложным и многоаспектным, но способствует обучению ИЯ и иноязычной культуре без посредничества иностранцев. Такое обучение можно назвать «бикультурным обучением» или «погружением» в культуру страны изучаемого языка. Введение такой технологии или некоторых ее элементов, на наш взгляд, очень продуктивно для формирования СК компонента. Поэтому ее рекомендуется включать в состав педагогических технологий, направленных на формирование интеркультурного сознания будущего учителя через осознание языка, осознание культуры и ее опытное познание.

Выбор технологий обучения связан с пониманием того, что интеркультурное сознание учителя предполагает сформированность определенных личностных качеств, необходимых ему для межкультурного взаимодействия и для профессиональной деятельности в качестве «медиатора культур», включает определенный набор социокультурных знаний и соответствующих умений, а также знаний, обеспечивающих взаимодействие с другими, умение понять и быть понятым. Очевидно, что данное содержание фактически дублирует содержание СК компонента. Такой подход свидетельствует о необходимости введения технологий интеркультурного (межкультурного) содержания в процесс подготовки учителей.

В связи с этим, содержание тематических разделов практического курса языка может быть структурировано следующим образом (табл.1):

Таблица 1

Введение	содержит самую общую информацию на тему раздела
Открытие своей культуры	содержит задания и вопросы, направленные на то, чтобы активизировать размышления студента о своих собственных ценностях, обычаях, отношениях, поведении
Открытие другой культуры	содержит аутентичные тексты или отрывки из текстов, диалоги, упражнения социокультурного содержания, задания межкультурного характера, а также задания на автономное обучение и на углубление знаний о другой культуре
Работа с языком (акцент на его социокультурном аспекте)	содержит задания, в ходе выполнения которых студенты углубляют свои языковые знания и умения через обращение к культуре

Таким образом, поскольку сущностью всех современных технологий обучения иностранному языку является обучение на основе общения, успешность овладения и использования будущим преподавателем иностранного языка как в условиях реальной коммуникации, так и в своей профессиональной деятельности во многом зависит от того, насколько общение, организованное на занятиях по ИЯ, будет близко к аутентичному (реальному). В свою очередь, включение в процесс обучения технологий интеркультурного (межкультурного) содержания обеспечит целенаправленное формирование интеркультурного сознания будущего учителя ИЯ и будет способствовать активизации познавательной и рефлексивной активности студентов относительно культуры страны изучаемого языка через определение значимости тех или иных аспектов для общения, смене перспектив и пониманию относительности установок собственной культуры, гибкости в оценке культурных и социокультурных феноменов.

The article is devoted to future teacher of foreign languages training process as a cross-cultural communication specialist and emphasizes the necessity sociocultural component formation based on the didactic model of the training process developed by the authors. Intercultural consciousness of future teacher of foreign languages is one of the key aspects of this process and presumes his readiness to gradual changes in the process of getting acquainted and communicating with the other culture still saving his own cultural identity. The assigned task creates necessity of using the intercultural elements in the process of teachers of foreign languages training through the language understanding, the perception of culture and its skilled knowledge.
Keywords: *sociocultural component, intercultural perception, understanding of the language, perception of culture, skilled knowledge of the culture, teacher of foreign language.*

Список литературы

1. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005. 352 с.
2. Byram M. Culture et éducation en langues étrangères. Langues et apprentissage des langues. – Les Editions Didier, Paris, 1992. 220 p.

Об авторах

Перова Анна Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, *anna_konst74@mail.ru*

Ульянова Лариса Александровна – кандидат педагогических наук, доцент Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, *larissa_ulyanova@mail.ru*

УДК 378.14

ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПРОЦЕССЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ряховская А.Ю.

В статье рассматриваются понятия рефлексии и рефлексивных навыков, обуславливается актуальность их формирования в процессе профессиональной подготовки будущих переводчиков. Акцентируется значимость редактирования текстов перевода как способа включения студентов в активную оценочную деятельность и повышения грамотности речи. Предлагаются методы анализа переводов. Самостоятельная оценочная деятельность рассматривается как способ формирования рефлексивных навыков на уровне самосознания, саморегуляции, самореализации.

Ключевые слова: *рефлексия, рефлексивность, рефлексивная компетентность, рефлексивная культура, рефлексивная позиция, рефлексивные навыки, самооценивание, редактирование текста, переводческая ошибка, литературная норма.*

В современных условиях особую значимость приобретает изучение механизмов профессионального становления личности. Одним из таких механизмов является рефлексия, как способ осмысления происходящего в личностном контексте, фактор саморазвития, что обуславливает включение рефлексивных навыков в перечень компетенций многих специальностей.

Понятие рефлексии является определяющим для осмысления способов формирования рефлексивных навыков в условиях профессионального обучения. В философии рефлексия означает размышления индивида о происходящем в его сознании. В психологии рефлексия предполагает познание субъектом внутренних психических актов и состояний. В социально-психологическом контексте рефлексия рассматривается как осознание действующим лицом того, как он воспринимается партнером по общению, как способность мысленного восприятия позиции другого. Последние десятилетия намечается тенденция усиленного внимания к рефлексии как основному механизму профессионального самоопределения и самосовершенствования (А.К. Маркова, В.И. Слободчиков, С.Д. Смирнов и др.), базовому компоненту акмеологической культуры личности (А.А. Деркач, О.Д. Ковшуро, Е.В. Селезнева и др.). Семантическое многообразие термина «рефлексия» привело к появлению производных понятий, раскрывающих грани функционирования рефлексии: рефлексивность, рефлексивная компетентность, рефлексивная культура, рефлексивные навыки.

Формирование рефлексивных навыков становится возможным ввиду наличия у человека такого психического свойства [7], как рефлексивность. По утверждению М.И. Лукьяновой, рефлексивность является личностным качеством, тесно связанным с высоким уровнем творчества в профессиональной сфере, осознанием себя в этой позиции и оценкой эффективности своей деятельности [8]. По мнению М.В. Швыдкой, рефлексивность представляет собой обращенность на себя, свое поведение и деятельность [13].

Рефлексивная компетентность рассматривается как основополагающий элемент в структуре акмеологической культуры личности [6]. Обнаруживая непосредственную связь с производственной деятельностью, рефлексивная компетентность трактуется как профессиональное качество личности, позволяющее наиболее эффективно осуществлять реализацию рефлексивной способности, обеспечивающей процесс развития и саморазвития личности, способствующее творческому подходу к профессиональной деятельности, достижению максимальной эффективности и результативности [5].

Под *рефлексивной культурой* понимается система способов организации рефлексии, построенная на основе ценностных и интеллектуальных критериев [1]. Готовность к саморазвитию на фоне рефлексивной культуры позволяют будущему специалисту приблизиться к самоактуализации в профессии [6].

Рефлексивная позиция будущего специалиста предполагает отношение к себе как субъекту профессионального саморазвития, способность моделировать результаты своей деятельности, осуществлять самоанализ, самооценку и самокоррекцию в условиях субъект-субъектного взаимодействия [9].

Анализ теоретических разработок проблемы рефлексии и форм ее проявлений позволил рассматривать *рефлексивные навыки* будущих специалистов как привычку осуществлять самоанализ, самооценку и самокоррекцию личных качеств, результатов учебной и профессиональной деятельности, как необходимое условие профессионального становления и личностного роста.

В государственном стандарте под рефлексивными навыками понимается самостоятельная организация учебной деятельности, оценивание своих учебных достижений, владение навыками контроля и оценки своей деятельности [11].

Соответственно, формирование рефлексивных навыков на этапе профессионального обучения сопряжено с организацией учебного процесса на основе субъект-субъектного взаимодействия, обеспечивающего максимальное включение студента в учебно-познавательный процесс. Использование многомерной системы оценивания, проблемных методов обучения, информационных технологий позволяет сместить акцент с оценивания на самооценивание, с развития на саморазвитие [9]. Формирование навыка разрешения затруднений в ходе переводческой подготовки достигается путем использования проблемных методов обучения: кейс-метода, метода мозгового штурма, метода проектов, методов ТРИЗ. Многомерная система оценивания предполагает составление переводческого портфолио, внедрение балльно-рейтинговой системы, составление индивидуальной программы профессионального саморазвития по итогам переводческой практики.

Профессиональная подготовка будущих переводчиков не ограничивается лишь скрупулезным изучением

иностранного языка, способов перевода, но и требует активного включения студентов в оценку результатов собственной деятельности. К способам активизации внутренних рефлексивных механизмов студентов следует отнести методы оценивания результатов переводческой деятельности, в частности, редактирование текста перевода.

Редактирование текста (редакторский анализ) – оценка и совершенствование литературной формы текста. Редактирование текста представляет собой сложный, многосторонний процесс, связанный с отбором нужной лексики, точностью словоупотребления, правильным использованием фразеологических средств языка, грамматической обработкой текста [3].

Анализ собственного перевода на предмет соответствия нормам родного языка является актуальным еще и в силу того, что ошибки в тексте перевода встречаются очень часто. Этим грешат и современные профессиональные переводы литературных произведений. Даже понимая исходное смысловое содержание англоязычного текста, студенты часто обнаруживают беспомощность при приведении собственного текста перевода в соответствие нормам родного языка. Добиться в каждом предложении «единственно нужного размещения единственно нужных слов» (Л.Н. Толстой) оказывается иногда сложнее, чем понять замысел автора. Правильный отбор языковых средств, грамотное построение предложений, точная передача замысла исходного текста является непреложным условием адекватного, качественного перевода. В статье приводятся примеры ошибок в родном языке, встречающиеся при передаче литературного англоязычного текста на русский язык.

Речевая ошибка – случай отклонения от действующих языковых норм [12]. Существуют различные подходы к классификации речевых ошибок. На уровне слова различают орфографические, грамматические, словообразовательные, лексические (лексико-семантические) ошибки. На уровне словосочетания выделяют нарушение норм согласования, управления. На уровне предложения ошибки классифицируют как синтаксические, стилистические и коммуникативные [2]. К сожалению, при проверке письменных переводов приходится сталкиваться не только с речевыми недочетами, но и с речевыми ошибками, которые встречаются и в устной, неподготовленной речи, и в письменном переводе художественного текста.

К наиболее распространенным лексико-стилистическим нарушениям в языке перевода можно отнести неоправданное использование заимствованной лексики, англицизмов, которые проникают и в художественный перевод.

They visualize the election of representatives, freely chosen from among those the people trust (N. Parkinson).

Термин *«визуализировать»* является специальным и неуместным для данного контекста. Здесь скорее подойдет: *«они имеют четкое видение / у них складывается четкая картина / они рисуют в своем воображении…».*

Использование английских заимствований (*формальный, бонус, консалтинг, баннер, вердикт, дайвер, комфортабельный, инцидент* и др.) вместо исконно русских или ассимилированных и укоренившихся в сознании читателя (*официальный, премия, консультация, транспарант, приговор, аквалангист, удобный, случай/происшествие*) создает двусмысленность и снижает качество перевода.

Под влиянием английского языка студенты часто допускают дословный перевод, который также приводит к отклонениям от принятой нормы. К ошибкам, исправление которых вызывает сложность даже при целенаправленном редактировании текста, следует отнести нарушение лексической и семантической сочетаемости слов в русском языке.

As Mor looked at him now, at his suspicious, sideways-turning face, he felt a deep sadness that he was not able to express his love for his son … (Murdoch).

Дословный перевод «*подозрительное лицо, повернутое в сторону*» является неточным и означает, что лицо мальчика вызывает подозрение у нас, тогда, как контекст предполагает, что у мальчика подозрительный взгляд. Более адекватным будет вариант: *«Мор посмотрел на мальчика и увидел, как тот отвел подозрительный взгляд в сторону …».*

К примерам лексических ошибок можно отнести те выражения, которые искажены не только в результате внутренних лингвистических процессов, контаминации или многозначности русских слов, но и под влиянием английского языка: *«обогатить кругозор» (enrich one's mind)* вместо *«расширить кругозор»*; «*взять автобус» (take a bus)* вместо *«сесть на* автобус»; «большинство» времени (most of the time) вместо «большая часть времени», *«дюжина примеров» (dozens of examples)* вместо *«десятки примеров», «предпринять меры» (undertake measures)* вместо *«принять меры»* и т.д.

Не менее распространенными являются грамматические и синтаксические ошибки в русском переводе. Среди них стоит отметить использование порядка слов, несвойственного русскому предложению, и, как следствие, несоответствующее распределение темы и ремы в предложении.

A note was passed to Crashaw from the audience. (Green)

Перевод, повторяющий порядок слов в английском предложении (*записку передали Крэшо из зала*), предполагает, что словосочетание «из зала» выражает новую информацию, тогда как в данном предложении акцентируется существительное, выраженное дополнением (*Крэшо из зала передали записку*).

Навык редактирования собственного перевода заставляет критично относиться к своей речи, обращать пристальное внимание на значение слов, их сочетаемость, стилистическую окраску. Нарушение хотя бы одного из этих критериев может привести к досадным речевым ошибкам. Переводчику необходимо правильно отбирать языковые средства и строить высказывание в целом так, чтобы наиболее точно и полно донести авторский замысел до слушателя и читателя.

Поскольку ошибки в родном языке встречаются довольно часто, необходимо развивать навык редактиро-

вания собственного перевода, проверять правильность управления, лексического и семантического соответствия, согласования слов в предложении, употребления деепричастных оборотов, соблюдать правила ударения и склонения числительных при выполнении устного перевода.

К методам редактирования текста перевода, направленным на формирование рефлексивных навыков будущих переводчиков следует отнести:

- анализ собственного перевода литературного текста на соответствие нормам языка с использованием толковых словарей, словарей-справочников, словарей устойчивых словосочетаний, словарей сочетаемости слов русского языка;
- сравнительный анализ собственного перевода и профессионального перевода того же отрывка литературного произведения;
- критический анализ профессиональных переводов современных англоязычных литературных произведений;
- критический анализ профессиональных переводов русской классической литературы на английский язык.

Анализ качества собственных переводов приводит к осознанию противоречий между собственными языковыми возможностями и требованиями профессионального уровня. Самоанализ своих качеств и возможностей в профессиональном плане служит интенцией для саморазвития и самосовершенствования. Критический анализ профессиональных переводов опосредует осознание себя в профессиональном плане, повышает самооценку и способствует творческой самореализации.

Таким образом, самостоятельная оценочная деятельность студента приводит в действие механизм рефлексии, который реализуется на уровне самосознания (осознание противоречий), саморегуляции (поиск путей разрешения противоречий), самореализации (актуализация индивидуальных творческих возможностей).

Перевод литературного текста предполагает не только правильное понимание семантики иностранного слова, контекста и экстралингвистических факторов, но и учета лексических, синтаксических, грамматических норм родного языка. Вышеперечисленные методы редактирования и анализа текста перевода вкупе с активными методами обучения, многомерной системой оценивания, широким использованием информационных технологий направлены на формирование рефлексивных навыков обучающихся, и, что немаловажно, воспитывают уважение к родному слову.

The article considers such notions as reflexion and reflexive skills. The significance of their formation in the course of translators' professional training is specified in the article. The role of translation texts editing is underlined in terms of their ability to involve students in active assessment activity and increase language literacy. Methods of translation analyses are given. Independent assessment activity is viewed as a way to form reflexive skills on the level of self-consciousness, self-regulation, self-actualization.
Keywords: *reflexion, reflexive property, reflexive competence, reflexive culture, reflexive position, рефлексивная культура, рефлексивная позиция, reflexive skills, self-assessment, text editing, translation mistake, literary norm.*

Список литературы

1. Анисимов О.С. Основы методологического мышления. – М.: ВМС, 1989. – 412 с.
2. Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственной письменной речи // Вестник Омского университета. - 1998. Вып. 2. - С. 72-75.
3. Былинский К.И. Литературное редактирование / К.И. Былинский, Д.Э. Розенталь. - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Искусство, 1961. – 354с.
4. Григорьева Т.Г. Основы конструктивного общения: метод. пособие для преподавателей / Т.Г. Григорьева, Л.В. Линская, Т.П.Усольцева. – Новосибирск; М.: Изд-во Новосиб. Ун-та; Совершенство. – 1999. – 173 с.
5. Давыдова Г.И. Рефлексивный диалог в образовательном процессе вуза: автореф. дис. … докт. пед. наук. – М., 2009. – 44с.
6. Деркач А.А. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития /А.А. Деркач, Е.В. Селезнева. – М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2006. – 469с.
7. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 424с.
8. Лукьянова М.И. Психолого-педагогическая компетентность учителя // Педагогика. 2001. № 10. С.56-61.
9. Ряховская А.Ю. Использование современных средств оценивания рефлексивной позиции будущего специалиста-регионоведа: дис. … канд. пед. наук. - Брянск. – 2009. – 207 с.
10. Семенов И.Н. Тенденции психологии развития мышления, рефлексии и познавательной активности. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт. – 2000. – 64 с.
11. Федеральный закон «Об Образовании Российской Федерации». – 2013. [Электронный ресурс] // (http://www.lexed.ru/standart/02/02/02.html).
12. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение М.: Просвещение, 1982. 128 с.
13. Швыдкая М.Ф. Рефлексивная культура как акмеологический инвариант профессионализма кадров управления: дис. … канд. психол. наук. – М., 2006. – 176 с.

Об авторе

Ряховская Анастасия Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *Anastasia--r@yandex.ru*

УДК 378.14.015.62

РАЗРАБОТКА И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

Трофименко Ю.В.

В статье рассматривается проблема обучения геометрии младших школьников в условиях современной системы образования. Исследовано противоречие между требованиями к содержанию изучения геометрического материала младшими школьниками и готовностью учителей к разработке и практической реализации технологии обучения элементам геометрии. Экспериментальным путем определен ряд задач практической реализации технологии обучения геометрическим понятиям в начальной школе.

Ключевые слова: *технология, обучение геометрии, младшие школьники, методико-математическая подготовка студентов.*

Начальное образование является основой всей системы школьного образования. Этот этап образования должен представлять собой систему взаимосвязанных способов, приемов, технологий, последовательность выполнения которых является основой развития личности младшего школьника для дальнейшего приобретения им знаний в системе непрерывного общего образования. В современной системе российского образования, ориентированной на стандарты второго поколения, остро обозначились необходимость повышения качества образования; проблемы поиска и внедрения новых подходов к обучению различным дисциплинам, призванным наиболее полно отвечать насущным потребностям общества [8].

Реформирование российской системы образования выдвигает на первый план умение молодых специалистов ориентироваться в многообразии подходов, методов, систем, проектировать свою профессиональную деятельность [1; 3]. Педагогическая технология представляется как конкретизация методики обучения, в ее основе лежит управление учебно-воспитательным процессом, его проектирование и воспроизведение обучающего процесса.

Одним из компонентов, составляющих курс математики начальной школы, является геометрический материал. Изучение этого материала в начальных классах предусматривает две цели: с одной стороны – ознакомление учащихся с простейшими геометрическими фигурами, их свойствами, развитие пространственных представлений; с другой – использование геометрических фигур в качестве дидактического материала при изучении арифметики целых неотрицательных чисел. Такой двойственный характер изучения элементов геометрии в начальной школе создает определенные трудности в процессе проектирования обучения. Поскольку геометрический материал вкраплен в начальный курс математики отдельными незначительными порциями, то перед учителем стоят определенные трудности проектирования процесса его изучения, так как учащиеся не всегда способны активно использовать знания, умения, навыки в практической деятельности, адекватно воспринимать учебные задачи, уметь быстро находить пути их решения, преодолевать учебные проблемы, поставленные перед ними учителем [4].

Более того, в последнее время в реальном учебном процессе назрело противоречие между требованиями к содержанию изучения геометрического материала младшими школьниками и готовностью учителей к разработке и реализации технологии обучения элементам геометрии. Стало очевидным, что учителю начальных классов предстоит самому преодолевать методические трудности, возникающие в процессе обучения младших школьников элементам геометрии. Это влечет за собой качественные изменения в профессиональной подготовке будущих учителей начальной школы.

Геометрический материал в начальной школе не выделяется в самостоятельную дисциплину, а изучается в курсе математики. Для изложения вопросов геометрии учитель должен определенным образом уметь проектировать процесс изучения геометрического материала. Организация процесса проектирования изучения геометрического материала должна представлять собой такую систему деятельности учителя, в результате которой младшие школьники усваивают определенный круг понятий, овладевают системой знаний, умений и навыков, предусмотренных программой [4]. Для этой цели необходимо выяснить, каким уровнем геометрических представлений владеют младшие школьники, какие геометрические понятия они приобрели в период неформального обучения (через общение со старшими, в быту, детском саду и др.).

В рамках методико-математической подготовки студентов педагогических вузов, ориентированных на начальную школу, весьма актуальным стал вопрос о формировании умения проектировать технологию обучения геометрическому материалу в начальной школе. Это определяется тем, что профессионализм педагога как одна из категорий педагогики имеет очень широкое толкование в теории педагогики и, как правило, рассматривается либо относительно педагогических представлений, норм и методик, либо относительно качеств личности, предопределяющих его профессиональные способности, умения и навыки [2]. При исследовании данного вопроса, нами была проведена опытно-экспериментальная работа по разработке и апробации методики изучения геометрического материала начального курса математики. В ходе педагогической практики студентам – будущим учителям начальной школы предлагалось разработать и апробировать технологию изучения геометрического материала, позволяющую формировать элементы математической компетентности учащихся начальной школы.

Анализируя результаты проведенного исследования, мы выделили основные задачи проектирования учителем технологии изучения геометрического материала, над решением которых следует работать в рамках профессиональной подготовки студентов. Приведем один из вариантов предлагаемой технологии.

В ходе прохождения педагогической практики студентам предлагалось провести с учащимися первого класса работу по выявлению уровня их геометрической грамотности. Рассмотрим разработанную систему заданий.

1. Покажите на рисунке (рис. 1) фигуры, похожие на данный треугольник (предлагается модель прямоугольного треугольника, длины сторон которого незначительно отличаются друг от друга, а его расположение аналогично треугольнику 1, представленному на рисунке 1).

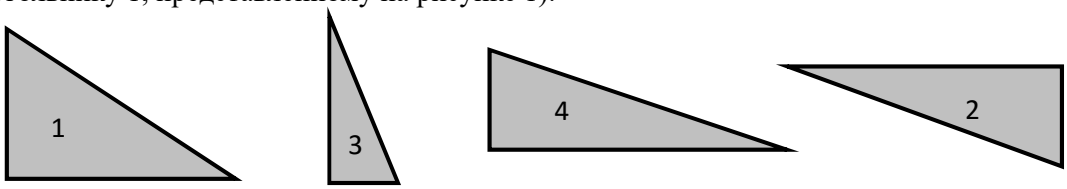


Рис. 1

2. Выберите из предложенных ниже фигур все треугольники, все четырехугольники (рис. 2).

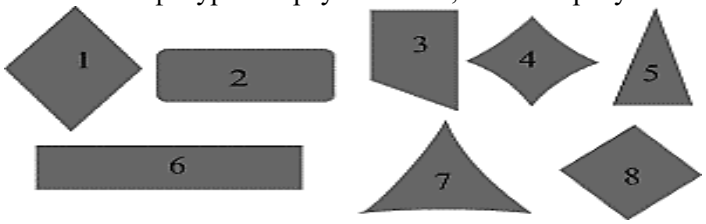


Рис. 2

3. Перечислите геометрические фигуры, окружающие вас, которые похожи на имеющиеся у вас модели геометрических фигур (у каждого ученика модель квадрата, прямоугольника, треугольника).

4. Покажите на данном рисунке отрезки. Обведите их красным карандашом (рис. 3).

Рис. 3

5. Назовите фигуры, изображенные на рисунке (каждый испытуемый получает карточку) (рис. 4).

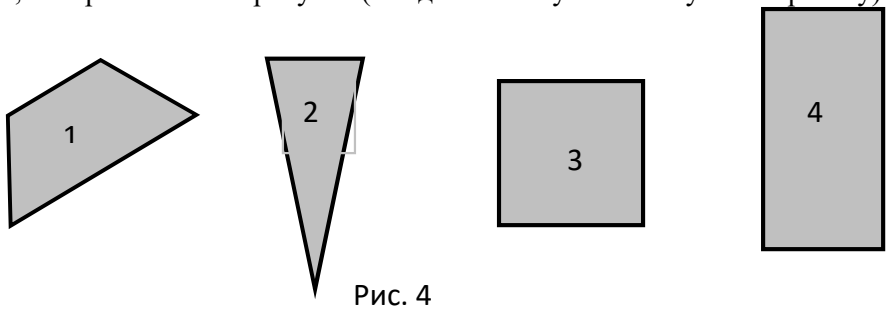


Рис. 4

6. Нарисуйте по образцу такую же фигуру (предлагается модель плоской фигуры непривычной формы и расположенной иначе, чем привык видеть дошкольник) (рис. 5).

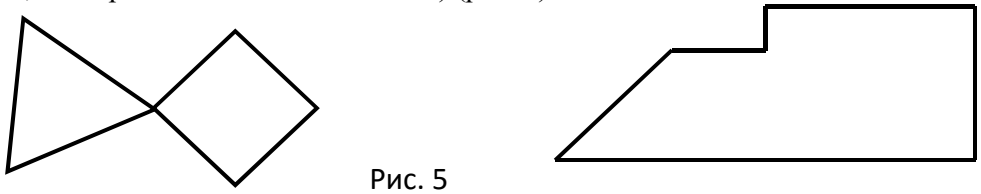


Рис. 5

7. На каком из рисунков вы нарисуете эту фигуру (рис. 6)? Почему?

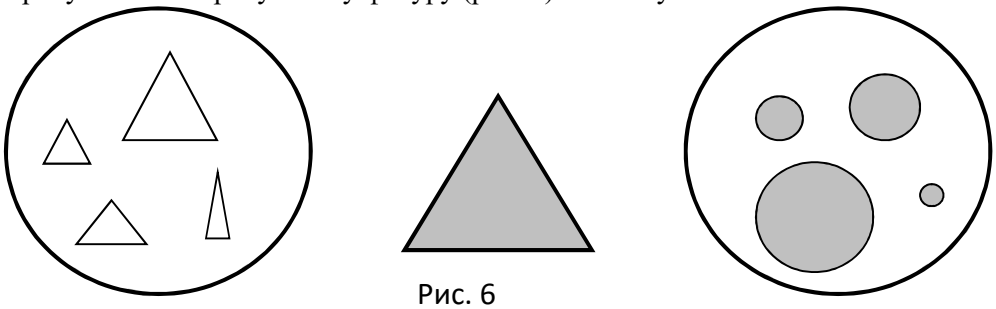


Рис. 6

Обратимся к анализу некоторых ответов испытуемых и выясним, какие задачи стоят перед учителем начальной школы в процессе проектирования им своей педагогической деятельности, и какие технологии обучения следует использовать.

Анализ ответов показывает, что, отвечая на первый из предложенных вопросов, некоторые учащиеся указывают только на фигуры под номерами 1 и 3; некоторые показывают еще треугольник под номером 2, делая оговорку: «Только его надо повернуть». На дополнительный вопрос: «Не похожа ли фигура под номером 4 чем-нибудь на данную фигуру?» – отвечают: «Нет, она похожа на горку».

Это значит, что соответствие между изображением фигуры на плоскости и моделью фигуры устанавливается не через мысленный образ фигуры или ее название-термин, который знаком учащимся, а путем непосредственного сопоставления воспринимаемых объектов или сравнения изображения и модели со знакомым предметом. Названия многоугольников первоклассники неразрывно связывают с конкретной моделью или изображением фигуры, имеющей определенные длины сторон или их расположение в пространстве относительно горизонта. Непривычное расположение фигуры или соотношение между длинами сторон приводит младших школьников к выводу о том, что такая фигура не похожа ни на какую известную им до сих пор, что она встречается им впервые, и они не знают, как ее называют.

Из этого следует, что чувственный опыт младшего школьника ограничен. Анализируя полученные результаты, приходим к выводу, что главная задача проектирования учителем технологии изучения геометрического материала в начальных классах школы состоит в следующем:

– в расширении чувственного опыта младших школьников путем обращения к окружающему нас миру;

– в широком использовании моделей, графических изображений геометрических фигур (различной величины; с различным соотношением длин сторон, по-разному расположенных на плоскости и в пространстве).

С этой целью рекомендуется предлагать учащимся разнообразные системы заданий:

– на выбор среди множества данных геометрических фигур всех треугольников, кругов, квадратов и т.д.;

– на называние фигур, которые они видят вокруг себя;

– на изображение данных фигур;

– на нахождение похожих фигур на данную и др.

Полезны и упражнения на построение фигур в воздухе: соединить мысленно две точки, «данные» на потолке класса (учитель показывает конкретно, какие точки), и точку, изображенную на доске. Какая получилась фигура? и др.

Дальнейший анализ ответов показывает, что многие испытуемые, наряду с четырехугольниками и треугольниками, выбирают фигуры под номерами 4 и 7, имеющие криволинейные «края» (рис. 2).

Среди фигур, изображенных на рисунке 2, имеются фигуры квадрата и прямоугольника общего вида, но некоторые первоклассники их не выбирают. Так, не выбирают, например, прямоугольник под номером 6 и квадрат под номером 8.

На вопрос: «Не похожа ли фигура 6 на прямоугольник?» отвечают: «Нет, это не прямоугольник. Это планка». Некоторые ученики называют эту фигуру полоской. На вопрос: «Не похожа ли фигура 8 на квадрат?» отвечают: «Нет». И не дают ей никакого названия.

Таким образом, даже в часто встречающихся моделях и изображениях геометрических фигур младшие школьники не воспринимают деталей: они не замечают формы «краев» модели; не имеют четкого представления о границе фигуры, которая задана знакомым названием.

Из этого следует вторая задача проектирования учителем технологии изучения геометрического материала, которая состоит в организации целенаправленного восприятия учащимися первого класса формы геометрических фигур. Поскольку формирование геометрических представлений в значительной степени зависит от того, как ученик воспринимает форму объекта, умеет ли выявлять непривычные признаки объекта – геометрические свойства. Поэтому деятельность учителя должна быть направлена на формирование начальных геометрических представлений, подготавливая младших школьников к основным видам деятельности в области усвоения геометрических представлений и понятий, а именно: к восприятию научных геометрических понятий; накоплению опыта элементарных исследований; созданию базы геометрических представлений и понятий для дальнейшего обучения. При этом изучение элементов геометрии должно быть тесно связано с действительностью, с практической деятельностью самого ученика.

Отметим, что многие из первоклассников не имеют правильных представлений об отрезке, треугольнике, прямоугольнике. Отрезок они воспринимают как «кусок», как часть линии, нарисованной на бумаге. В задании под номером 4 некоторые испытуемые обвели красным карандашом все предложенные фигуры.

Выполняя задание 5, некоторые учащиеся треугольник под номером 2 (рис. 4) называют одноугольником (многие и вовсе не дают ему названия), квадрат – просто четырехугольником. Прямоугольник, у которого длина стороны в 3 раза больше его ширины, в ряде случаев назван планкой или полоской. Допускаются ошибки и в адекватном употреблении терминов.

В ответах учащихся к заданию под номером 6 ярко видны искажения геометрических свойств фигур. Так, модели предложенных фигур (рис. 5) были изображены некоторыми из учеников так, как на рисунке 7.

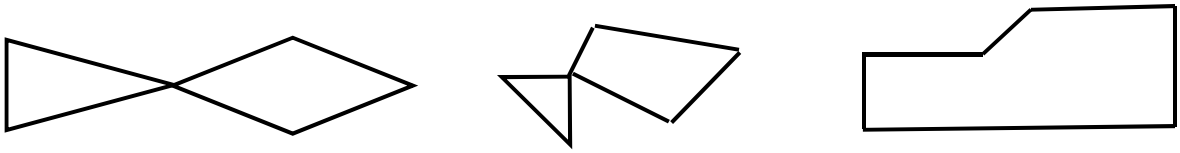


Рис. 7

Следовательно, восприятие моделей и изображений геометрических фигур у испытуемых довольно поверхностное, схематическое (хорошо известная, но непривычно представленная модель квадрата изображается вытянутым ромбом или четырехугольником, наклонный отрезок заменяется вертикальным, нарушается соотношение длин сторон и др.). Такое восприятие приводит к искаженному представлению формы геометрической фигуры.

Поэтому третьей задачей учителя в проектировании технологии изучения геометрического материала является построение такого процесса обучения, в результате которого учащиеся овладевают элементарным чувственно-словесным анализом свойств геометрических фигур.

Решение этой задачи имеет важное значение для всего последующего обучения геометрии, поскольку судить о степени развития мышления обучающегося следует не только по его результатам, то есть по тому, как человек оперирует уже готовыми, сложившимися обобщениями, но и по тому, как человек впервые анализирует предметные отношения. Для решения этой задачи психологи рекомендуют развивать чувственно-моторную деятельность учащихся, сопровождаемую проговариванием свойств фигуры (выделением ее существенных признаков), производимых ими действий, переходя, таким образом, к формированию понятия. Объединение образов первой и второй сигнальных систем способствуют, по мнению психологов, раскрытию содержания понятия, а, следовательно, его пониманию [4].

Особую роль в развитии навыков анализа свойств геометрических фигур играет прием сравнения, сопоставления. Именно на основе сравнения, сопоставления свойств геометрических фигур должно выполняться задание под номером 7 из предложенного списка заданий. Анализ выполнения этого задания позволяет судить о том, что испытуемые не анализируют свойств фигуры «быть треугольником», «быть кругом» и потому некоторые испытуемые синий треугольник помещают к множеству кругов, другие к множеству треугольников, третьи – не помещают ни к одному, ни к другому множеству фигур, объясняя: «Не подходит к треугольникам по цвету, к множеству кругов – по форме».

Одной из важных задач в обучении элементам геометрии является развитие математической речи учащихся. Младший школьник должен уметь объяснить то, что он видит; обосновывать свои действия; уметь делать простейшие логические выводы [5].

Бедность математического языка мешает точному выражению мыслей, затрудняет установление связей между свойствами геометрических фигур, между самими фигурами, а, следовательно, тормозит развитие логического мышления.

Умение учащихся правильно обосновывать свои действия справедливо считается в начальной школе необходимым условием реализации дидактического принципа о сознательности обучения. Когда учителя требуют, чтобы учащийся «рассуждал», отвечая, почему он так думает и делает, они тем самым вырабатывают у него умение строить развернутые формы рассуждения.

Результаты экспериментальной работы говорят о том, что начинающие обучение в школе имеют некоторый запас геометрических представлений: различают фигуры (треугольник от четырехугольника, треугольник от квадрата); узнают фигуру по ее образцу; подбирают из имеющихся фигур фигуру необходимой формы; называют конкретную фигуру по ее принадлежности к данному виду фигур. Эти представления носят предметный характер, связанный с дошкольным жизненным опытом ребенка.

Анализ существующих программ обучения, учебников и методических пособий по математике для начальных классов показывает, что геометрический материал в них часто служит лишь для иллюстрации арифметических действий, их свойств и требует счета элементов фигур, измерения длин элементов фигуры. Несмотря на то, что в современных нормативных документах [1; 3] рекомендуется повысить удельный вес практических работ (вычерчивание, вырезывание, моделирование), практические работы проводятся учителями крайне редко, в результате чего геометрический материал усваивается слабо.

В связи с этим необходимо придавать большое значение практической деятельности учащихся, организовать которую поможет использование дидактических материалов по геометрии в виде моделей различных геометрических фигур.

Возможность произвольного расположения моделей геометрических фигур на плоскости и в пространстве, наличие различных соотношений между длинами сторон, специальные приемы работы и система упражнений с дидактическими материалами позволят сосредоточить внимание учащихся на выделении существенных признаков геометрических фигур. Первоначальное знакомство с геометрической фигурой наилучшим образом осуществляется с помощью моделей: изображения фигур (обведение карандашом границ модели); наблюдения границ фигур; выявление свойств фигуры. Сочетание осязательных, моторных и зрительных ощущений способствуют правильному восприятию формы фигуры. В дальнейшем обучении модели геометрических фигур должны заменяться их чертежами, трафаретами, что способствует переходу от предметного восприятия фигуры

к ее детализированному представлению.

Так, в первом классе учащиеся легко подсчитывают число тех или иных непересекающихся фигур, входящих в орнамент, узор, но не всегда видят фигуры, перекрывающие друг друга. Например, считая число треугольников в узоре на рисунке 8, большинство учащихся не видят пяти больших треугольников, некоторые не видят двух треугольников, основания которых расположены на верхней горизонтали, другие – не видят трех треугольников, расположенных на нижней горизонтали.

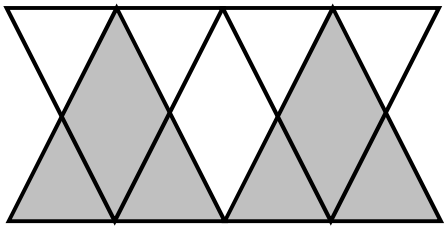


Рис. 8

Учащиеся 1 – 2 классов, научившиеся самостоятельно читать и решать арифметические задачи, часто не в состоянии осмыслить геометрическое задание.

Одной из причин слабого развития геометрического мышления школьников является то, что далеко не все учителя систематически используют 5 – 10 минут для изучения геометрического материала на каждом уроке. Другая причина слабого развития геометрической «зоркости» заключается в том, что в практике работы учителями мало и бессистемно используется специальный дидактический материал по геометрии. Не всегда используется дидактический материал, который дан в качестве приложения к учебнику, хотя он дает возможность выполнить разнообразные упражнения на узнавание, классификацию фигур, составление фигур из заданных частей, деление фигур на части и др.

Использование дидактического материала на уроках математики в начальных классах позволяет:

– зрительно, осязанием и мускульным ощущением усвоить форму геометрической фигуры, величину геометрических фигур;

– содействует развитию практических умений и навыков;

– активизирует познавательную деятельность учащихся.

Дидактический материал, по образному выражению академика И. Павлова, позволяет «голову соединить с руками».

В связи с этим, проектируя педагогическую деятельность по изучению геометрического материала, учитель должен включать упражнения творческого характера: составить, например, четырехугольник из квадрата и треугольника или из двух треугольников, составить пятиугольник из четырехугольника и трех треугольников и др. (используя модели фигур).

Большой интерес для младших школьников представляют задания, при выполнении которых им приходится самостоятельно выбирать необходимые фигуры для составления произвольной фигуры или конкретного узора.

Учитель, например, выставляет на наборное полотно фигуру или узор, составленный из демонстрационного материала, дает 30 секунд на его рассмотрение, затем убирает наборное полотно и предлагает учащимся составить «такой же» узор или фигуру из раздаточного дидактического материала у себя на партах, объяснить, какие из них перекрывают другие.

Сначала даются несложные задания (рис. 9), которые постепенно усложняются в зависимости от возрастных возможностей учащихся. На первых порах это задания типа 3, 5 (рис. 9), позднее – это другие задания (рис. 9).

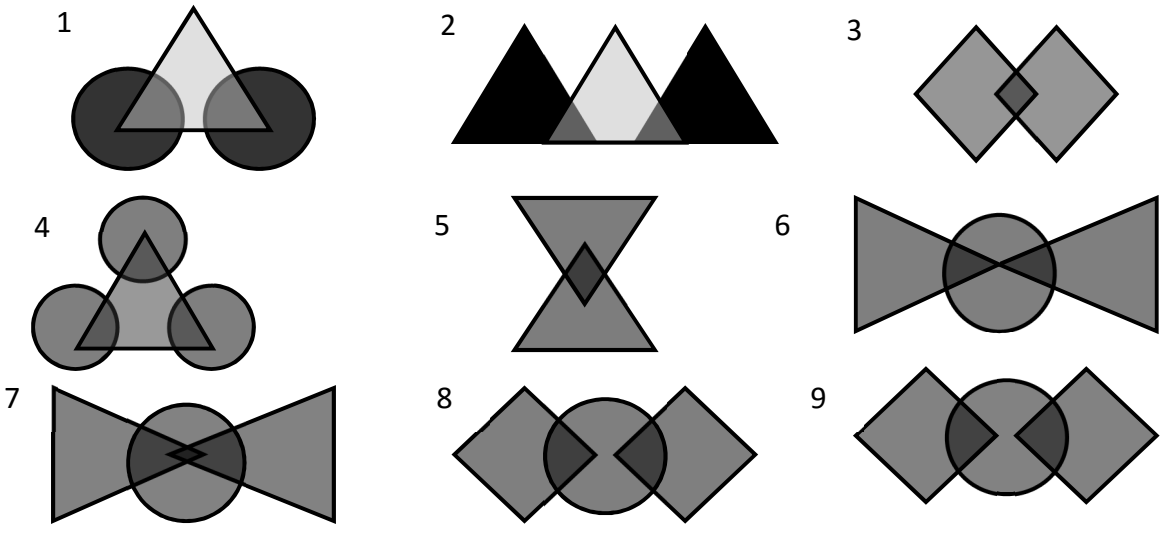


Рис. 9

Такие упражнения развивают геометрическую зоркость, обогащают геометрические представления младших школьников и активизируют их мыслительную деятельность: учащиеся должны увидеть и запомнить, как фигуры наложены друг на друга, какая фигура перекрывает другие.

Желательно, чтобы на начальных этапах выполнения подобных заданий фигуры, составляющие данный узор, были различных цветов и прозрачными, позднее используются непрозрачные модели геометрических фигур.

Далее рассматривается набор из нескольких квадратов, трапеций, треугольников и других фигур, из которых можно одновременно сложить, например, елку, паровоз, лодку, человека или 2 – 3 произвольных узора, объяснив, какие геометрические фигуры использовались. Такого рода занимательные упражнения вызывают большой интерес у учащихся, развивают умения анализировать свойства геометрических фигур.

В первом классе можно широко использовать «зрительные диктанты». Например, сложить из шести моделей треугольников узор: предлагается шесть разных треугольников (3 красных, 3 синих и рисунок узора). Ученик должен увидеть, как фигуры должны быть наложены друг на друга, чтобы получился заданный узор (рис. 10).

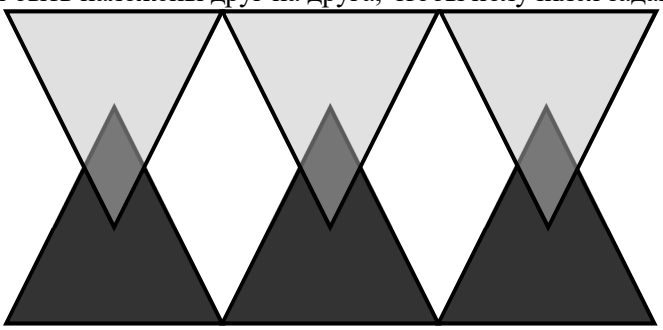


Рис. 10

Позже можно давать задания типа: «Нарисуйте узор, используя модели геометрических фигур, например, треугольника, круга, квадрата, трех ромбов и др.».

Наряду с занимательными, имеющими определенное познавательное значение упражнениями, дидактический материал можно использовать для изучения свойств геометрических фигур. Это могут быть упражнения типа:

1) разделите (разложите, разбейте) все фигуры на две группы: треугольники и четырехугольники;

2) покажите самый большой треугольник;

3) найдите точно такой же четырехугольник. Как установить, что он точно такой же?

4) наложить четырехугольники друг на друга, что можно сказать о длинах сторон этих четырехугольников?

5) составьте фигуру: из двух треугольников, двух квадратов; из квадрата и двух треугольников и др.

6) обведите полученную фигуру и составляющие ее части; из каких известных фигур составлен четырехугольник (предлагается трапеция, составленная из прямоугольника и двух прямоугольных треугольников);

7) составьте такую же фигуру у себя на парте, используя модели геометрических фигур.

Выполняя подобные задания, учащиеся должны переносить модель, поворачивать ее, уметь размещать ее на плоскости (листе бумаги) так, как того требует выполнение задания. Такие задания развивают чертежные умения, способность к абстрагированию от свойств предметов. Использование моделей геометрических фигур способствует формированию представлений о геометрических фигурах и их свойствах.

Чрезвычайно ценными для учащихся начальной школы являются задания, решаемые в воображении типа: «Какая фигура получится, если составить вместе два квадрата? Два треугольника? Квадрат и треугольник? Два прямоугольника?» (ответ дается устно, затем правильность его проверяется практически).

В процессе выполнения подобных упражнений достаточно прочно усваивается геометрическая терминология, развивается воображение, математическая речь учащихся. Работа с дидактическим материалом вызывает большой интерес у младших школьников, повышает эффективность восприятия ими геометрического материала.

Наибольшую эффективность в усвоении геометрического материала можно достичь в процессе выполнения различного рода практических упражнений, связанных с деятельностью самих учащихся. Эти виды деятельности программа конкретизирует следующим образом: изготовление геометрических фигур, их вычерчивание, вырезание и др.

В начальной школе учащиеся получают элементарные представления об определениях геометрических фигур (прямоугольник, квадрат), знакомятся с выделением существенных признаков той или иной фигуры («быть четырехугольником» и «иметь все углы прямые» – прямоугольник; «быть прямоугольником» и «иметь все стороны равными» – квадрат). Такие геометрические фигуры как точка, отрезок, многоугольник выступают в начальной школе и как дидактическое средство, и как цель их изучения.

Так, на первых уроках математики разнообразный геометрический материал широко используется как счетный материал (положите столько квадратов, сколько треугольников). Одновременно на этих уроках учащиеся различают элементы геометрических фигур (вершина, сторона, углы многоугольника), но свойства геометрических фигур устанавливаются экспериментальным путем и еще не связываются друг с другом.

В дальнейшем разнообразный геометрический материал используется в качестве конкретной иллюстрации рассматриваемых арифметических задач. Так, с помощью отрезков иллюстрируются задачи на увеличение

(уменьшение) данного числа на несколько единиц и в несколько раз, на сравнение величин, чисел и др. А наглядный образ разбитого на равные клетки прямоугольника используется в последующих классах для иллюстрации переместительного свойства умножения, нахождения площади прямоугольника.

Для младших школьников характерно восприятие геометрических фигур и как целого, и как знаковой модели (чертежа), которая пока еще неотделима от воспринимаемого объекта [4]. Используя чертеж, учащиеся знакомятся и овладевают знаковой системой (обозначение геометрических фигур буквами), что позволяет обобщать и сопоставлять свойства фигур, формируя элементарные представления о математическом языке. Эти представления отличаются друг от друга степенью обобщения. Многие из них несут на себе черты понятия, но это еще не понятия.

Так, учащиеся в процессе предложенной нами технологии изучения геометрического материала, получают наглядное представление об отрезке: умеют выделить концы отрезка; отмечают точки на отрезке, подсчитывая все образовавшиеся при этом отрезки; измеряют длину отрезка, то есть знакомятся с отрезком как носителем величины; усваивают, что отрезок может быть элементом другой фигуры, а потому иметь различные названия; усваивают свойства геометрических фигур: «быть отрезком», «быть треугольником», «быть квадратом»; «быть прямоугольником» и др.

Таким образом, в начальной школе у учащихся накапливается запас конкретных представлений и знаний, которые в дальнейшем обобщаются и систематизируются.

Проектируя технологию изучения геометрического материала в начальной школе, мы обращаем внимание на

– развитие логического мышления учащихся, привитие им элементарных навыков определения простейших геометрических понятий, навыков четкой формулировки выводов на основе наблюдений;

– развитие пространственных представлений;

– ознакомление с простейшими дедуктивными обоснованиями на основе наблюдения, сравнения, обобщения. Понятия «определение», «теорема», «доказательство» в их чистом виде не вводятся;

– формирование элементарных умений и навыков выполнения построений с помощью основных инструментов: циркуля, линейки, угольника;

– формирование рациональных приемов построения геометрических фигур (на линованной в клетку бумаге);

– формирование умений и навыков измерения геометрических величин.

Предложенная нами технология изучения геометрического материала в начальной школе создает, на наш взгляд, позитивные предпосылки для формирования научных понятий «отрезок», «фигура», «луч», «прямая» и др., то есть в начальной школе у учащихся накапливается значительный запас конкретных представлений и знаний, которые в дальнейшем обобщаются и систематизируются. Например, на основе знаний об отрезке, полученных в начальной школе, учащиеся при изучении систематического курса геометрии осознают, что длина отрезка является наименьшей среди длин линий, соединяющих концы этого отрезка. Для этой цели учитель (без иллюстрации) задает вопрос: «Если соединить две точки не только отрезком, но и другими линиями (кривыми, ломаными), то какая из них имеет наименьшую длину»? В поисках ответа на вопрос учащиеся используют воображение, интуицию, а выводы обосновывают практически на простейших моделях геометрических фигур, а затем и доказывают.

Обобщая полученные результаты, отметим, что подобный подход к разработке и реализации методики изучения геометрического материала младшими школьниками способствует формированию готовности будущих учителей начальной школы проектировать свою педагогическую деятельность в области обучения геометрии, тем самым позволяет подготовить компетентного выпускника, отвечающего всем требованиям современной системы российского образования.

The article deals with the problem of learning the geometry of younger schoolboys in the conditions of modern education system. Investigated the contradiction between the requirements to the content of the study material geometric younger students and teachers willing to develop and implement technology training elements of geometry. Experimentally identified a number of problems of practical implementation of the technology learning geometric concepts in primary school.
Keywords: technology, the study of geometry, junior high school students, teaching mathematics students.

Список литературы

1. Педагог: профессиональный стандарт / утв. приказом М-ва труда и социальной защиты российской Федерации 18 окт. 2013 г., № 544н.

2. Петренко А.А. Профессионализм педагога как важнейший фактор инновационного развития образования // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. М.: МАНПО, 2015. С. 85 – 88.

3. Программа «Модернизация педагогического образования в российской Федерации»: аналитическая справка о ходе реализации проекта / Под ред. В.А. Болотова, В.В. Рубцова, И.Д. Фрумина // Проект модернизации педагогического образования. 2015. URL: http://педагогическоеобразование.рф/documents/show/150.

4. Тихоненко А.В. Подготовка учителя к обучению геометрии в начальной школе: учеб. пособие / А.В. Тихоненко, Ю.В. Трофименко, Е.А. Проценко / Под ред. проф. А. В. Тихоненко. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2011. 280 с.

5. Тихоненко А.В., Русинова М.М., Налесная С.Л., Трофименко Ю.В. Теоретические и методические основы изучения математики в начальной школе. Ростов на/Д: «Феникс», 2008. 207 с.

6. Тихоненко А.В., Трофименко Ю.В. О развитии ключевых компетенций младших школьников при выборе рациональных способов решения геометрических задач // Начальная кола. 2007. № 4. С. 41 – 46.

7. Трофименко Ю.В. Основания многообразия подходов к технологии преподавания геометрического материала в начальной школе // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3 частях. Изд-во: «АР-Консалт». 2014. С. 21 – 26.

8. Трофименко Ю.В. Профессиональная компетентность учителя начальных классов в условиях перехода на многоуровневую систему высшего образования // Инновационное развитие образования в регионах Российской Федерации. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией Л.К. Гребенкиной, А.А. Петренко, Т.В. Ганиной. Рязань, 2013. С. 165 – 170.

Об авторе

Трофименко Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала), *jultro@rambler.ru*

УДК 373.5

СИСТЕМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ КАК ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Чернышова Н.А.

Анализируются цели и задачи, структура и содержание государственной итоговой аттестации. Рассматриваются меры по совершенствованию процедуры проведения ГИА.

Ключевые слова: *государственная итоговая аттестация, ОГЭ, ЕГЭ, пункты проведения экзаменов, контрольные измерительные материалы.*

8 февраля 2008 г., выступая на расширенном заседании Государственного Совета, В.В. Путин в своем докладе «О стратегии развития России до 2020 года» объявил, что «переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал. Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет». [11] Именно поэтому усилия государства сегодня направлены на повышение качества образования.

Общему образованию как фундаментальному в системе российского образования уделяется особое внимание. В частности, независимая оценка качества образования выпускников общеобразовательных организаций на протяжении многих лет является приоритетной в государственной политике в сфере общего образования. В то же время традиционные схемы проведения государственной итоговой аттестации (далее – ГИА) в общеобразовательных организациях (далее – школы) и вступительных испытаний в образовательные организации высшего образования (далее – вузы), существовавшие до введения единого государственного экзамены (далее – ЕГЭ) и основного государственного экзамена (далее – ОГЭ), вызывали многочисленные претензии и требовали кардинальных изменений в связи с тем, что были не способны обеспечить необходимую степень объективности и достоверности оценки качества образования. В связи с этим создание независимой оценки качества образования на всех уровнях стало одним из важнейших направлений модернизации общего образования.

Эксперименты по введению новых форм ГИА начались еще в 2001 г. На сегодняшний день ЕГЭ и ОГЭ как основные формы проведения ГИА имеют многолетний опыт апробации и проводятся в штатном режиме с 2009 года по единой технологии на всей территории Российской Федерации.

Как утверждает автор самой идеи их введения В.А. Болотов, первоначальной целью их внедрения было:

- создание и развитие системы управления качеством образования на основе внешней независимой оценки;
- введение образовательных стандартов, ориентированных на новые образовательные результаты;
- введение профильного обучения на старшей ступени школы;
- переход на нормативное бюджетное финансирование;
- развитие общественного участия в управлении образованием. [1]

Департамент государственной политики в сфере общего образования Министерства образования и науки Российской Федерации (далее – Департамент) в свою очередь выделяет следующие преимущества ЕГЭ. Объединив школьные выпускные и вузовские вступительные экзамены, ЕГЭ:

- освободил выпускников от двойной проверки знаний: после 11 класса в школе и на конкурсных вступительных испытаниях в вузе;
- ввел единые подходы к оценке результатов экзаменов, сведя до минимума субъективизм в оценке. До введения ЕГЭ оценка знаний выпускников, выставленная на экзаменах учителями, расходилась с оценкой, полученной на вступительных экзаменах в вуз, и выпускники школ, получив на экзаменах высокие баллы, далеко не всегда могли столь же успешно пройти вступительные испытания в вуз;

- минимизировал разрыв между школой и вузом: до введения ЕГЭ каждый вуз разрабатывал экзаменационные задания самостоятельно, они зачастую выходили за пределы школьной программы;

- позволил абитуриенту одновременно участвовать в конкурсе в несколько вузов на несколько направлений подготовки (специальностей);

- повысил доступность профессионального образования, то есть возможность учиться в ведущих вузах крупных городов страны, в том числе детям из малообеспеченных семей и проживающим далеко от вузовских центров.

По данным Департамента, анализ результатов ЕГЭ показывает, что данные, получаемые на ЕГЭ, демонстрируют не случайные результаты, а отражают определенные тенденции как в состоянии общего образования по предметным областям, так и в дальнейших показателях успеваемости студентов в вузах.

Стоит также отметить, что за 15 лет существования ОГЭ и ЕГЭ произошли колоссальные изменения, и они продолжаются по сей день. В первую очередь это коснулось количества обязательных экзаменов. Так, с 2000 г. для выпускников 9 класса обязательной была сдача не менее 4-х экзаменов: письменные экзамены по русскому языку и алгебре, а также два экзамена по выбору выпускника из числа предметов, изучавшихся в 9 классе, а для выпускников 11 (12) класса – не менее 5-и экзаменов: письменные экзамены по алгебре и началам анализа и по русскому языку и литературе, а также три экзамена по выбору выпускника из числа предметов, изучавшихся в 10, 11 и 12 классах [9]. Начиная с 2009 г., выпускникам 9 и 11 классов для получения аттестата необходимо успешно сдать лишь 2 экзамена – по русскому языку и математике; экзамены по остальным предметам учащиеся сдают на добровольной основе, определяя их количество самостоятельно [10].

Что касается общественного мнения, то по результатам опроса, проведенного на сайте examen.ru еще в 2009 г., когда ЕГЭ стал обязательным по всей стране, в котором приняли участие 479 посетителей сайта, треть опрошенных считает, что ни один предмет ЕГЭ не должен быть обязательным для сдачи, еще треть предпочли бы ограничиться одним обязательным предметом. Лишь около 15% участвовавших в опросе респондентов считают, что в будущем целесообразно, кроме русского языка и математики, сделать обязательными еще один или даже несколько предметов [2].

Несмотря на общественное мнение, с 2015-2016 учебного года выпускники 9-х классов снова обязаны сдавать не менее 4-х экзаменов. Однако, если в 2016 г. для получения аттестата достаточно успешной сдачи только русского языка и математики, то в 2017 г. необходимо набрать минимальное количество баллов по всем 4-м предметам [7]. Стоит также отметить, что с 2015 г. ЕГЭ по математике был разделен на 2 уровня: базовый и профильный. Однако для поступления в вузы необходимо было сдавать именно профильную математику, что значительно снизило процент поступающих в связи с плохой информированностью. Кроме того, если все предыдущие годы выпускникам, прошедшим государственную (итоговую) аттестацию в форме ЕГЭ, выдавалось свидетельство о результатах экзамена, то, начиная с 2014 года, проверка баллов осуществляется исключительно через единую электронную базу.

В 2011 г. законодательно прописывается порядок проведения пробных экзаменов, где неоднократно подчеркивается, что за данную процедуру не взимается плата ни с учеников, ни с их родителей, в то время как в прежние годы тренировочные варианты во многих субъектах РФ были платными [9].

С 2012 г. начинается апробация проведения ОГЭ в новой форме в условиях построения ОСОКО [5]. Кроме того, в 2012 г. ГИА впервые не только рассматривается как оценка знаний выпускников, но и учитывается при аккредитации образовательных учреждений и аттестации педагогических кадров (Рекомендации по использованию и интерпретации результатов выполнения экзаменационных работ для проведения государственной (итоговой) аттестации выпускников основной школы в новой форме в 2012 году), в связи с чем в 2012-2013 гг. наступает апогей нарушений при проведении выпускных экзаменов. Именно в эти годы в СМИ появляются такие выражения, как «гонка вооружений» между школьниками и «надзирателями», «драка просвещения с прогрессом». По данным мониторинга правоприменительной практики во время проведения ЕГЭ в 2013 году, проведенного Рособрнадзором, органы управления образованием субъектов РФ выявили 2094 нарушения установленного порядка проведения ЕГЭ, что в 1,5 раза больше, чем в 2012 году. Всего за отчетный период органами управления образованием 61 субъекта Российской Федерации было составлено 1035 протоколов об административных правонарушениях в части умышленного искажения результатов государственной (итоговой) аттестации, в том числе 220 протоколов – в отношении должностных лиц, 815 протоколов – в отношении физических лиц. На момент подачи данных мировыми судами субъектов Российской Федерации за выявленные административные правонарушения было наложено 535 штрафов на сумму 3 млн. 628 тыс. рублей. [4]

После скандала 2013 г. Правительство, осознавая остроту проблемы и видя набирающее обороты недовольство общественности, было вынуждено незамедлительно реагировать. В конце июня 2013 года Министерство издает Приказ, устанавливающий перечень лиц, которые не могут быть общественными наблюдателями, к числу которых относятся работники:

- Министерства образования и науки Российской Федерации;

- Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки;

- органов, осуществляющих управление в сфере образования;

- образовательных организаций;

- учредителей образовательных организаций, расположенных за пределами территории Российской Федерации и реализующих имеющие государственную аккредитацию образовательные программы основного общего и среднего общего образования, загранучреждений Министерства иностранных дел Российской Федерации, имеющих в своей структуре специализированные структурные образовательные подразделения [8]. Однако на сегодняшний день данная статья утратила свою силу. Кроме того, п. 1.4 данного нормативного документа закрепляет, что деятельность общественных наблюдателей осуществляется на безвозмездной основе, а понесенные ими расходы не возмещаются, что сразу ставит под сомнение эффективность данных нововведений.

По сегодняшний день меры по совершенствованию ЕГЭ проводятся Министерством образования и науки Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки по поручениям Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, с учетом предложений Совета Федерации Российской Федерации, Комитета по образованию Государственной Думы Российской Федерации и Общественной палаты Российской Федерации.

Так, пунктом 36 Порядка проведения ГИА, предусмотрено оборудование пунктов проведения экзаменов (далее – ППЭ) стационарными (переносными) металлоискателями и средствами видеонаблюдения, а по решению государственных экзаменационных комиссий – системами подавления сигналов подвижной связи.

Кроме того, средствами видеонаблюдения оборудуются аудитории. Отсутствие средств видеонаблюдения, неисправное состояние или отключение указанных средств во время проведения экзамена, равно как и отсутствие видеозаписи экзамена является основанием для остановки экзамена в ППЭ или аннулирования результатов государственной итоговой аттестации.

Внедрение технологий видеопротоколирования и видеотрансляции проведения ЕГЭ, выявление устройств сотовой связи, подавление систем мобильной связи и мобильной передачи данных в ППЭ осуществляется с целью обеспечения безопасности в местах массового скопления детей, а также достижения максимальной открытости, объективности, прозрачности проведения экзаменов, предупреждения и оперативного выявления различных нарушений как участниками, так и лицами, привлекаемыми к проведению государственной итоговой аттестации, включая использование ими на экзамене средств связи.

Сами контрольные измерительные материалы (далее – КИМы) ЕГЭ и ОГЭ также варьируются год от года как по русскому языку и математике, так и по остальным учебным предметам. Если в заданиях для 9-классников в 2015 г. содержательных изменений не было, то по КИМам ЕГЭ они были следующими:

1. Изменена структура варианта КИМ: каждый вариант состоит из двух частей (часть 1 – задания с кратким ответом, часть 2 – задания с развернутым ответом).

2. Задания в варианте КИМ представлены в режиме сквозной нумерации без буквенных обозначений А, В, С.

3. Изменена форма записи ответа в заданиях с выбором одного ответа: как и в заданиях с кратким ответом, записывается цифрой номер правильного ответа (а не крестик).

4. По большинству учебных предметов сокращено количество заданий с выбором одного ответа.

5. На основе анализа статистических данных о результатах экзамена и качестве КИМ в ряде предметов исключены некоторые линии заданий, изменена форма ряда заданий.

6. На постоянной основе ведется работа по совершенствованию критериев оценивания заданий с развернутым ответом.

Кроме того, если первые варианты КИМов были построены преимущественно на тестовой основе, то в настоящее время КИМы не являются тестами в традиционном понимании смысла этого слова, поскольку содержат не только задания с выбором ответа.

В 2015 году каждый вариант экзаменационной работы состоял только из 2 частей.

Часть 1 содержала задания с кратким ответом открытого типа:

- на запись самостоятельно сформулированного правильного ответа;
- на запись одного правильного ответа из предложенного перечня ответов;
- многократный выбор из списка.

Часть 2 в экзаменационных моделях ГИА по всем предметам включала задания, требующие написания свободно конструируемого, развернутого ответа с обоснованием, доказательством, аргументацией собственной позиции, число которых варьировалось в экзаменационных работах по разным предметам.

Однако, по мнению общественности, ежегодные усовершенствования заданий никак не способствуют улучшению оценки результатов. Об этом свидетельствуют результаты опроса «Как вы считаете: помогут ли нововведения в ЕГЭ (ГИА) достичь объективности в оценке и при проведении экзаменов?», проводившегося в период с 5 ноября по 9 декабря 2014 года на сайте examen.ru и в котором приняли участие 2205 человек.

Тем не менее, меры по совершенствованию ГИА разрабатываются ежегодно. Так, Департамент отмечает, что экзамены независимо от формы их проведения всегда связаны с волнениями и стрессами. ЕГЭ и ОГЭ, как и любые другие формы экзамена, не являются исключением.

В связи с этим в письме Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 29 января 2015 г. № 10-30, направленном в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, указано на необходимость проведения психологической подготовки к ГИА обучающихся выпускных классов образовательных организаций.

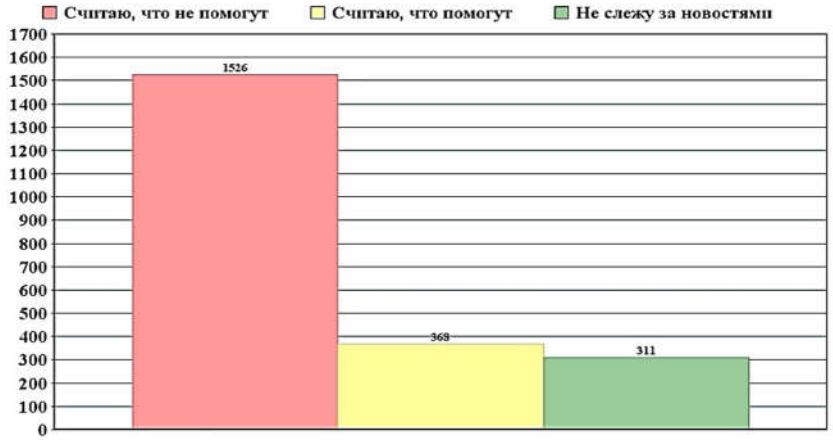


Рис. 1. Результаты опроса 2014 г. о нововведениях ЕГЭ (ГИА) [2]

Целью такой подготовки должна стать выработка у выпускников психологических качеств, умений и навыков, которые повысят эффективность подготовки к прохождению ГИА и позволят каждому обучающемуся более уверенно чувствовать себя во время экзамена. Психологическая подготовка участников образовательного процесса также должна включать в себя формирование положительного отношения к ГИА.

Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки рекомендовано проведение в образовательных организациях классных часов, циклов занятий в форме психологических тренингов для выпускников по развитию у них внимания, памяти, самоорганизации и самоконтроля, снятия эмоционального напряжения, групповых и индивидуальных бесед.

Кроме того, в настоящее время банки экзаменационных заданий открыты и размещены в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте ФБГНУ «Федеральный институт педагогических измерений», чтобы выпускники могли максимально эффективно подготовиться к экзаменам.

Инклюзивное образование также не остается без внимания. Ежегодно вносятся дополнения в Приказы и разрабатываются методические указания для проведения ЕГЭ и ОГЭ для детей с ограниченными возможностями здоровья. Последние обновления были отражены в Методических рекомендациях по организации и проведению государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования в форме основного государственного экзамена и единого государственного экзамена для лиц с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов и инвалидов от 23.11.2015.

При всех видимых достоинствах ЕГЭ и ОГЭ имеют весомый недостаток. Являясь независимой оценкой качества образования, результаты экзаменов по-прежнему остаются не доступными широкой общественности. В официальных публикациях и выступлениях озвучиваются лишь общие сведения по России, реже – по субъектам, в то время как данных в разрезе регионов в свободном доступе нет.

Так, руководитель Рособрнадзора С.С. Кравцов в докладах об итогах проведения кампании предоставляет следующую информацию.

Таблица 1

Средний тестовый балл ЕГЭ по Российской Федерации в динамике [3]

Предметы	Средний тестовый балл			
	2009 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Русский язык	56,9	63,4	62,5	65,9
Математика	43,6	48,7	44,1	50,9
Физика	47,9	53,5	45,4	51,1
Химия	52,7	67,8	55,3	57,1
Информатика и ИКТ	55,4	63,1	57,1	54
Биология	51,3	58,6	54,1	53,6
История	47,3	54,8	45,3	47,1
География	49,1	57,2	52,9	53
Английский язык	57,8	72,4	61,1	65,9
Обществознание	56,3	64,9	52,9	58,6
Литература	50,4	58,4	53,5	57,1

Стоит отметить, что в 2013 г. наблюдаются наиболее высокие баллы по всем учебным предметам. В целом же динамика баллов стабильна, однако никаких тенденций не прослеживается. При этом невозможно экстраполировать результаты и сделать их значимый прогноз, поскольку коэффициенты детерминации ниже нормативного значения ($R^2 < 0,7$).

Важнейшим шагом в совершенствовании процедуры оценки и повышения качества образования будет создание единого электронно-информационного пространства со статистикой и динамикой результатов экзаменов в региональном разрезе, что позволит каждой образовательной организации сопоставить результаты ее обучающихся с

другими и принять соответствующие решения о ходе дальнейшей работы, а также обмениваться опытом с теми образовательными организациями и регионами, где обучающиеся показали более высокие результаты подготовки.

Таким образом, эволюция ГИА продолжается на протяжении всех лет ее «жизни». Если в первые годы введения ЕГЭ и ОГЭ их дальнейшее существование было под вопросом, то сейчас не осталось никаких сомнений в том, что это всерьез и надолго. И невозможно недооценивать результаты, достигнутые в ходе совершенствования процедур проведения ГИА. Хочется верить, что в будущем выпускные экзамены удастся максимально адаптировать к современным условиям образовательной среды.

The article focuses on the goals and objectives, structure and content of the state final examination. We also consider measures to improve the procedures for the state final examination

Keywords: *state final examination, the basic state examination, unified state examination, examination items, control measuring materials.*

Список литературы

1. Болотов В.А., Ковалева Г.С. Опыт России в области оценки образовательных достижений школьников // Инновационные проекты и программы в образовании. 2010. № 5. С. 3-11.

2. Информационный сайт «examen.ru». URL: http://www.examen.ru (дата обращения: 30.05.2016).

3. Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai (дата обращения: 30.05.2016).

4. Официальный информационный портал единого государственного экзамена. URL: http://ege.edu.ru (дата обращения: 30.05.2016).

5. Письмо Рособрнадзора от 11.10.2011 № 02-120 «Об участии в проведении государственной (итоговой) аттестации выпускников IX классов общеобразовательных учреждений в новой форме в условиях построения ОСОКО в 2012 году».

6. Письмо Рособрнадзора от 23.08.2011 № 10-383 «О проведении репетиционных экзаменов для подготовки выпускников общеобразовательных учреждений к сдаче единого государственного экзамена».

7. Письмо Управления оценки качества общего образования Рособрнадзора от 12.08.2015 № 10-518 «О регистрации Порядка ГИА-9 Минюстом России и о порядке проведения ГИА-9 в 2016 и 2017 г.».

8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 июня 2013 г. № 491 «Об утверждении Порядка аккредитации граждан в качестве общественных наблюдателей при проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, всероссийской олимпиады школьников и олимпиад школьников».

9. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 03.12.1999 № 1075 (в ред. приказов Минобразования РФ от 16.03.2001 № 1022, от 25.06.2002 № 2398, от 21.01.2003 № 135, с изм., внесенными приказом Минобрнауки России от 28.11.2008 № 362).

10.Приложение к Приказу Минобрнауки России от 28.11.2008 № 362.

11.Чернышова Н.А. Проблема дифференциации уровня жизни населения России в региональном разрезе // Проблемы современной экономики: материалы III междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 146-149.

Об авторе

Чернышова Наталья Алексеевна – магистрант Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», *natalyachernyshova17@mail.ru*

Правила предоставления рукописей.

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;**10.01.00** – литературоведение;**10.02.00** – языкознание;**13.00.00** – педагогические науки. Статьи формируются редакционной коллегией и предоставляются в редакционно-издательский отдел для верстки.

Требования к структуре статей

Статья формируется из отдельных структурных составляющих в следующей последовательности:

1) первая строка: номер УДК;
2) вторая строка: название статьи;
3) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов;
4) пропустив одну строку: аннотация на русском языке;
5) ключевые слова;
6) пропустив одну строку: основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами;
7) пропустив одну строку: аннотация на английском языке («Annotation»);
8) ключевые слова на английском языке («Keywords»);
9) пропустив одну строку: список литературы;
10) пропустив одну строку: сведения об авторах.

Статьи представляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи. Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал указать фамилии и инициалы авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал располагается аннотация статьи на русском языке, которая должна не превышать 1200 знаков (с пробелами). В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (7 – 12). Далее через один интервал располагается основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами (12 pt).

Пропустив одну строку указывается аннотация и ключевые слова на английском языке. Пропустив одну строку располагается список литературы и ниже через один интервал необходимо указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

В список литературы включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется либо в порядке цитирования, либо в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт TimesNewRoman (обычный), 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте Журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58 **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru. bgu–rio@yandex.ru

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России» -40705 годовая

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать 29.06.2016. Дата выхода журнала в свет 14.07.2016.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 33.75. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**